

Guillelmus de Conchis
Philosophia

Theodoricus Carnotensis
De sex dierum operibus

Bernardus Silvestris
Cosmographia

Mathematicus

Commetum super sex libros Eneidos Vergilii

Alanus ab Insulis
De planctu Naturae

Шартрская школа

Шартрская школа

Гильом Коншский
Философия

Теодорих Шартрский
Трактат
о шести днях творения

Бернард Сильвестр
Космография

Астролог

Комментарий
на первые шесть книг
«Энеиды»

Алан Лилльский
Плач Природы

Витражи собора
Нотр-Дам в Шартре .
1212 – 1225 гг.
Южный трансепт

ISBN 978-5-02-040000-9

НАУКА

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Guillelmus de Conchis

Philosophia

Theodoricus Carnotensis

De sex dierum operibus

Bernardus Silvestris

Cosmographia

Mathematicus

Commetum

super sex libros Eneidos Vergilii

Alanus ab Insulis

De planctu Naturae

Шартрская школа

Гильом Коншский

Философия

Теодорих Шартрский

Трактат о шести днях творения

Бернард Сильвестр

Космография

Астролог

Комментарий

на первые шесть книг «Энеиды»

Алан Лилльский

Плач Природы

Издание подготовил
О. С. ВОСКОВОЙНИКОВ

МОСКВА НАУКА 2018

УДК 1.13
ББК 87.3
Ш25

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

М.Л. Андреев, В.Е. Багно (заместитель председателя),
В.И. Васильев, А.Н. Горбунов, Р.Ю. Данилевский,
Б.Ф. Егоров (заместитель председателя), *Н.Н. Казанский,*
Н.В. Корниенко (заместитель председателя),
А.Б. Куделин (председатель), *А.В. Лавров, А.М. Молдован,*
С.И. Николаев, Ю.С. Осипов, М.А. Островский,
Ю.А. Рыжов, И.М. Стеблин-Каменский,
Е.В. Халтрин-Халтурина (ученый секретарь), *К.А. Чекалов*

Ответственный редактор
М.Ю. РЕУТИН

Серия основана академиком
С.И. ВАВИЛОВЫМ

ISBN 978-5-02-040000-9

- © Воскобойников О.С., перевод, составление, статья, примечания, 2018
- © Шмариков Р.Л., перевод, примечания, 2018
- © Соколов П.В., перевод, примечания, 2018
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление) 1948 (год основания)
- © ФГУП Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2018

Шартрская школа

Гильом Коншский

ФИЛОСОФИЯ

Книга первая

Пролог

1. Красноречие, как говорит Туллий¹ в начале «Риторики», без мудрости вредно, мудрость же без красноречия, пусть и немного, но все же полезна, а вкупе с ним полезна в высшей степени, поэтому заблуждаются те, кто, отвергнув полезное и не вредное, предаются вредному и бесполезному. Они словно разрывают узы брака Меркурия и Филологии², заботливо приготовленного Добродетелью и Аполлоном и одобренного сонмом богов; вечно правя мечи, они избегают боя. Знаем мы, что многие, прозвавшись учителями, и сами таковы, и других заклиняют так поступать. 2. Ничего не смысла в философии, стыдясь признаться, что чего-то не знают, и почивая на собственном невежестве, своим неосторожным слушателям они объявляют ненужным все, что им самим неведомо. Впрочем, «что странного», как говорит Теренций, «что женщина бесстыдно поступает так»?³ Поэтому, отвергнув их бесстыдство, мы решили кое-что рассказать о философии, чтобы в меру сил принести пользу любящим ее, не любящих же побудить к любви⁴. 3. Начав с первопричины вещей, мы доведем повествование до человека, уделив ему особое внимание, и до начала разговора просим: если в трактате найдется что-то несовершенное, отнесите это на счет человеческого несовершенства и не порицайте за недостатки то, что есть здесь полезного. За одно плохо сказанное так же не стоит порицать доброе, как и восхвалять плохое за одно доброе слово. Случается ведь, что бодрствует Терсит, а Улисс дремлет: «Впрочем в столь длинном труде иногда не вздремнуть невозможно!»⁵ Так что, заведя разговор о философии, выясним для начала, что она собой представляет.

I. Что такое философия

4. Философия есть правильное постижение того, что существует и не видимо, и того, что существует и видимо⁶. Существует и кажется не существующим бестелесное, поскольку чувство ни на что не способно вне подлежащей материи. Существует и кажется существующим телесное, будь у него божественное

или бrenное тело. Тела подвластны чувству. Раз философия занимается и тем и другим, поговорим об обоих, начав с существующего, но не видимого: таковы Творец, душа мира, демоны, души людей. 5. Поскольку Творец стоит на первом месте (ведь все получают существование от него, он же – ни от кого), начнем с него. Но святые говорят, что в совершенстве постичь Бога в этой жизни невозможно⁷, поэтому покажем сначала, что значит постичь что-либо в совершенстве – тогда станет очевидным, почему Творец в совершенстве не может быть познан в этой жизни.

Относительно всякой вещи задается одиннадцать вопросов: есть ли она, что она собой представляет, сколько ее, для чего она, какова она, что делает, какое действие испытывает на себе, где она находится, каким образом она пребывает в этом месте, когда она существует и чем обладает⁸. Познать что-либо в совершенстве означает знать о нем все эти одиннадцать пунктов. Но зная наверное, что Бог есть, мы не понимаем в совершенстве, что Он есть. Количество Его, наполняющего все и вся, превосходит узость нашего сердца; Его отношение не в состоянии объяснить человеческая мудрость; качества Его она не охватывает; бесчисленных языков не хватит, чтобы описать Его деяния; воздействие на Него происходит не по воле действующего, но по соизволению Желającego; где Он, сущий над всем? – посреди всего, цельно и нераздельно; как Он, невместимый, пребывает в месте; время Его, сущего прежде всякого века; чем обладает Он, держащий все на ладони – все это никто не может с точностью описать. Получается, что Он нам не совсем неведом, ведь мы знаем, что Он есть, но и не ведом в совершенстве, ибо мы не знаем о нем всего вышеназванного.

II. Какими аргументами доказывается, что Бог есть

6. И хотя, как мы сказали, в этой жизни известно, что Бог есть, откроем аргументы, которые могут доказать это неверующим: сотворение мира и его обычный распорядок. Пусть мир создан из противоположных друг другу – горячих, холодных, влажных, сухих – элементов, все они, то ли под воздействием природы, то ли случайно, то ли по воле некоего мастера, соединены в мироздании. Природе, однако, свойственно избегать противоположностей и стремиться к подобию, следовательно не она соединила противные элементы. Не соединены они и случаем: если б мир сотворил случай, почему бы ему было не сделать дом или что-нибудь подобное, полегче? Кроме того, если б то был случай, миру предшествовали бы некие причины, стечение которых и создало бы его. Ведь случай есть непредвиденное стечение обстоятельств. Поскольку же миру не предшествовало ничего кроме Творца, он сотворен не случаем, а неким мастером. Этим мастером был не человек – мир появился раньше него. Значит – Бог.

7. Через обычный распорядок доказывается так. Все, что упорядочено, упорядочено мудро, следовательно, некоей премудростью, ведь ничто не упорядочивается мудро без премудрости. Значит, существует премудрость, все упоря-

дочивающая. Не человеческая мудрость заставляет вещи жить и говорить. Хотя она придает форму человеку или другому животному, она не может наделить их движением и жизнью. Следовательно, это делает божественная мудрость. Но всякая мудрость кому-то принадлежит, а значит, существует и тот, кому она принадлежит, и это не человек. Значит – Бог. Так через обычный распорядок можно дойти до божественной премудрости, через премудрость – до божественной субстанции⁹. Поэтому божественная премудрость называется знаменем и образом божества.

8. Философы говорили, что сотворившее все и всем управляющее божество обладает силой действия, премудростью, волей. Если б оно не могло и не знало, как бы оно сотворило столь прекрасное? Если же сотворило, не желая этого, получается, действовало оно по неведению или по принуждению. Но чего мог не знать тот, кому открыты даже помыслы людей? Кто может принудить того, кто может все? Итак, божество наделено силой, премудростью, волей, которые святые, взяв близкое по значению общеупотребительное слово, называют тремя лицами: силу – Отцом, премудрость – Сыном, волю – Духом Святым¹⁰.

III. О трех лицах

9. Сила называется Отцом, поскольку она все творит и с отцовской любовью утверждает. Премудрость называется Сыном, предвечно рожденным от Отца, но вместе с тем совечным ему, поскольку, как сын во времени исходит от отца, так и премудрость совечно и единосущно – от силы. Сказав, что Сын рожден Отцом и одновременно ему совечен, порассуждаем немного об этом рождении, предупредив заранее, что нам не помеха сказанное: «род Его кто изъяснит?»¹¹ Так говорят не потому, что это невозможно, а потому, что трудно.

Отец родил Сына, то есть божественная сила породила премудрость, когда Он промыслил сотворение вещей и их устройство. Поскольку Он промыслил это прежде век, предвечно же сотворил Он и премудрость – Сына, – причем это знание Он полностью обрел в себе, ни от кого другого, не сообразуясь с чьим-либо учением или опытом, но исходя из собственной природы. Он знал это с того времени (вечно, если так можно выразиться), с которого существует, и не было такого времени, когда Он этого не знал. Если Он вечен, вечна и премудрость Его. Так Отец породил совечного и единосущного себе Сына.

10. Божественная воля называется Святым Духом. Дух есть собственно дыхание; поскольку же именно в нем часто выражается человеческая воля (по-разному дышат радостный и разгневанный человек), метафорически называли духом божественную волю, наделив его эпитетом «святой». Этот дух исходит от Отца и Сына, потому что тем самым являются в действии божественная воля и благодать, то есть то, насколько Бог всемогущ и мудр. Исхождение Святого Духа от Отца и Сына есть не что иное, как развертывание божественной воли от силы и мудрости до сотворения вещей и управления ими.

11. Благость и воля совечны и Отцу, и Сыну: Он не был таким всемогущим и мудрым, чтобы при этом не быть и благим, ибо быть и быть благим для Бога одно и то же. До начала времени Он желал то, что сделал, и нет в нем изменения. Следовательно, совечны им обоим воля и благость. Троица лиц есть единство сущности. Божественная сила, премудрость и благость суть одна сущность. Хотя действует она всегда согласно (божественная сила никогда ничего не совершает без премудрости и воли, премудрость – без воли и силы, воля – без силы и премудрости), некоторые деяния все же приписываются силе, Отцу, другие – премудрости, Сыну, третьи – воле, то есть Святому Духу.

12. Силе, то есть Отцу, приписывается ниспослание Сына, осуществленное, однако, премудростью и волей. Премудрости, Сыну, приписывается воплощение, но осуществили его сила и воля. Премудрости оно приписывается заслуженно: будучи столь сильной, чтобы одной лишь волей вырвать человеческий род из власти дьявола, она возжелала соединить божество с человечеством, чтобы Тот, кто примирил Бога и человека, возымел в себе и человеческое и божественное. Если б Он был только Богом, дьявол не простер бы на него руку: разве замахнется раб на сына всемогущего своего господина, зная, кто перед ним? Потому и написано: «Если бы познали, то не распяли бы Сына Божьего»¹². Если же Он был бы лишь человеком, как бы тогда пленник освободил пленника? «Потому что все согрешили и лишены славы Божией»¹³. Спаситель наш был и есть Бог и человек: божественностью своей Он спас нас, а как человек укрылся от дьявола, который, поправ человеческие и божественные законы, напал на невинного и поэтому справедливо потерял вверенную ему власть. Воле и благости Бога вверено отпущение грехов, ибо по воле и милости своей Он дарит то, за что мог бы по силе и премудрости своей наказать сразу же после проступка.

Однако, толкуя о божественном, мы перешли границы наших узких познаний, поэтому, умолкая, перейдем к остальному и попросим, чтобы не называли ересью написанное здесь лишь за то, что оно не написано где-то еще. Ведь не все, что не написано, ересь, но то, что противно вере. Выше мы среди невидимых сущностей назвали Творца, затем душу мира. Закончив разговор о Боге, скажем кое-что о ней.

IV. О душе мира

13. Согласно некоторым, душа мира¹⁴ есть Святой Дух, ведь по божественной воле и благости (которая, как мы сказали, есть Дух Святой) живет все живущее в мире. Другие считают ее естественной силой, присутствующей в вещах, с помощью которой одни просто живут, другие живут и чувствуют, третьи живут, чувствуют и различают¹⁵. И нет ничего живущего, чувствующего и различающего, в чем не было бы этой естественной силы. Следовательно, в человеке это его собственная душа. Если кто-то решит, мол, значит в человеке две души, мы возразим: нет, потому что мы не говорим, что душа мира есть душа, как и глава мира – не голова. Платон говорит, что ее придумали,

основываясь на делимой и неделимой субстанции, с одной стороны, и на одинаковой и различной природе – с другой. Если кто-то захочет выяснить суть этого утверждения, он найдет ее в наших глоссах на Платона¹⁶.

Третий род невидимых существей, сказали мы, демоны. Начиная разговор о них, скажем, сколько их чинов и почему они так называются.

V. О демонах

14. Платон считает, что демонских чинов три, и утверждает, что от вышины до самого низа нет ничего существующего без разумного творения. В тверди небесной, говорит он, есть некое наделенное разумом живое существо, определяемое как разумное, бессмертное, небесное, нечувствительное (речь идет о звездах небесных, о которых мы скажем в соответствующем месте: они из тех, что существуют и видны). В эфире, продолжает он, то есть от тверди до луны, существует род невидимого живого существа, определяемого так: животное разумное, бессмертное, нечувствительное, эфирное, забота которого состоит лишь в том, чтобы предаваться созерцанию божества и этим созерцанием наслаждаться. В нижнем пространстве, в верхнем слое воздуха, близко к Луне он называет еще один род, давая ему такое определение: животное воздушное, разумное, бессмертное, чувствительное, внимающее людям, забота его состоит в том, чтобы доносить до Бога человеческие молитвы, а людям Божью волю – во сне, знаменами, сердечным внушением или словесным наставлением. Чувствительным его называют потому, что он любит благих, радуется их благоденствию и переживает за неприятности.

15. Третий чин демонов пребывает во влажном слое воздуха и определяется следующим образом: животное влажное, разумное, бессмертное, чувствительное, забота его в том, чтобы завидовать людям, из зависти досаждают им, потому что туда, откуда он спустился из-за гордыни, человечество поднимается по смирению¹⁷. Он столь сластолюбив, что иногда совокупляется с женщинами и рождает. Таких демонов называют инкубами. Этот чин отличается от первых двух тем, что первых называют калодемонами, то есть «знающими благо» («калос» значит «добро», «демон» – «знающий»), а этих – какодемонами, «знающими зло», потому что «какос» значит «зло». Не бойся такого имени, по которому и те и другие называются демонами, как бы «знатоками»: всех их называют ангелами, одних добрыми, других злыми. Нижнюю часть мира населяет разумное смертное животное – человек, о нем пойдет речь в должном месте.

VI. Тела они или духи

16. О демонах возникает вопрос, обладают ли они телами, поскольку они животные, а животные, как считается, телесны, или же они духи, по словам пророка: «Ты творишь ангелами твоими духов»¹⁸. Некоторые говорят, что они

телесны, но столь тонки, что чувствами не воспринимаемы, поэтому в сравнении с нашими плотными и толстыми телами, они называются духами, подобно воздуху, который, хотя и представляет собой тело, из-за своей разреженности зовется духом. Это мнение подкрепляют авторитетом св. Григория, в «Моральном толковании на Иова» толкующего об ангелах: «В сравнении с нашими телами они духи, рядом же с тем высшим безграничным духом их следует считать телами»¹⁹. Ссылаются также на св. Августина, поместившего в «Энхиридион» такую главу: «Какими телами обладают ангелы»²⁰.

17. Другие считают демонов не телами, но духами. Поскольку они не вездесущи, а перемещаются с места на место, в сравнении с высшим духом, пребывающим везде цельно и нераздельно, св. Григорий и назвал их телами. Из этого вовсе не следует, что они действительно тела, как «мудрость мира сего есть безумие пред Богом»²¹ не значит, что Бог считает безумием мудрость этого мира, но что она глупа по сравнению с божественной мудростью. Значит, она не есть безумие. Относительно главы св. Августина «Какими телами обладают ангелы» говорят, что он там толковал о телах, принимаемых демонами, когда они являются людям, неважно, настоящих или нет, и он не утверждает, что у них действительно есть тела.

18. Мы склоняемся к мнению тех, кто считает демонов духами. Не следует также искать противоречие в том, что Платон выделяет два чина калодемонов, а Священное Писание – девять ангельских чинов: Платон поделил их по пространству, божественная же книга – по должностям. Значит, в двух чинах содержатся девять и наоборот.

Рассказав о Творце, душе мира и демонах, остается поговорить о душе человека. Однако, поскольку мы собираемся говорить о человеке отдельно, отложим и эту тему, чтобы исследование человека вышло цельным и единым.

VII. Об элементах

19. До сих пор речь шла о сущем, но не видимом, настал черед обратить стиль на то, что существует и видимо. Но прежде чем начать, мы просим не осуждать нас, если в разговоре о видимых вещах мы упомянем что-то возможное, но не непреложное, либо непреложное, но не возможное: как философы мы отстаиваем непреложное, пусть и не возможное, как физики же – возможное, пусть и опуская непреложное²². Внимание нужно обратить скорее на то, кто из наших современников трактовал этот предмет более основательно.

20. Элемент, как в «Пантехне» говорит Константин, есть простая мельчайшая частица какого-либо тела: простая по качеству, мельчайшая – по количеству²³. Смысл этого высказывания таков: элемент есть простая частица, в которой нет противоположных качеств, но поскольку таковы, как можно видеть, кости и тому подобное, чтобы их исключить, он добавил «мельчайшая», то есть такая частица, которую нельзя поделить. Подобным образом элементами называют буквы:

неделимые внутри себя, они составляют слоги. По мнению Константина, из четырех элементов состоят соки, а из соков – части тела, как гомиомирические²⁴, то есть подобные, – плоть, кости, – так и органические, то есть функциональные, – руки, ноги и прочее; те и другие составляют тело человека. Поэтому, продолжает Константин, ни один из четырех элементов, которые некоторые видят и считают элементами, таковыми не являются: ни земля, ни вода, ни воздух, ни огонь. Ведь ни один из них не прост по качеству и не минимален по количеству. В земле, скажем, есть и тепло, и холод, и сушь, и влага. Но знает о том цирюльник любой и подслепый²⁵, поэтому не будем приводить доказательств, отстаивая верность или неправильность сказанного, а остановимся лишь на том, что вызывает сомнения: она не проста по качеству, не минимальна по количеству, потому что состоит из множества частиц. Каковы, скажем, по количеству четыре части света и пять зон? Поэтому сама по себе земля не элемент. То же можно доказать относительно воды, воздуха и огня.

21. Элементы суть мельчайшие частицы, составляющие те четыре, которые мы видим. Четыре же элемента невидимы, но ради различия умопостигаемы. Ведь и человеческое тело, образно выражаясь, делится на органическое, то есть руки и т.п., органическое – на гомиомирическое или подобное, то есть частицы плоти и костей, гомиомирическое – на соки, то есть черную желчь и т.п., а те – на элементы, или простые и мельчайшие частицы. Такое разделение частично можно произвести в действительности, частично – в уме: тело можно по-настоящему поделить на органическое, затем на гомиомирическое, его же разделить на соки, а соки на элементы можно только мысленно. Как Бозций говорит в «Комментарии на Порфирия», «сила ума состоит в том, чтобы разделять соединенное и соединять разделенное»²⁶.

22. Иной спросит: «Где элементы?» Мы скажем: «В человеческом теле и в других телах, словно буква в слове, хотя и не в прямом смысле». Есть и такие – простецы, – которые не знают ничего, кроме того, что можно ощутить, потому что животному человеку недоступно духовное, но мудрецу подобает изучать скорее недоступное чувствам, чем чувственное.

Итак, элементы суть эти простые и мельчайшие частицы: та, что холодна и суха, есть земля, холодная и влажная – вода, горячая и влажная – воздух, горячая и сухая – огонь. Поскольку четыре видимых состоят из них, то, в чем преобладают холодные и сухие частицы, по имени элемента называется землей, где холодные и влажные, – водой, а где горячие и сухие, – огнем. Если мы захотим наделить все это достойными названиями, то частицы назовем «элементами», а видимые четыре – *elementata*²⁷.

23. Есть такие, кто, никогда не читав ни Константина, ни иного физика, из гордыни считая недостойным себя учиться у других, дерзко выдумывают чего не знают и, чтобы не выглядеть отсталчивающимися, говорят, что элементы суть свойства видимых, то есть жар, сухость, холод и влажность. Против таких охотников, разжившихся физикой, словно добычей, она возопиет устами Платона, называющего элементы «материями», поскольку

никакие качества не могут быть материей для чего-либо. Материя есть то, что превращается в нечто, приняв форму. Возопиет она и через Иоанниция, толкующего в своем «Исагоге», что элементы – одно, их смешения – другое: горячее с сухим и т.д. Возопиет, наконец, с Макробием: «Поскольку в каждом элементе находились разные качества, Бог дал каждому из них такое, родственное и подобное, которое он мог бы найти в соседнем, например, вода в земле находила холод, воздух в воде – влажность, огонь в воздухе – жар»²⁸. Обрати внимание, он не сказал, что элементы это качества, но что качества им присущи. Раз нечто присущее чему-то отлично от того, чему принадлежит, значит качества не суть элементы.

24. Для других элементы – все, что видимо. Они приводят авторитет Ювенала, пишущего об обжорах:

Ну, а пока они ищут закусок во всяких стихиях²⁹,

то есть на земле – дичь, в воде – рыбу, в небе – птиц. И поскольку это высказывание верно и не противоречит мысли Константина, объясним, как они согласуются: толкуя в качестве физика о свойствах тел, он назвал их простые и мельчайшие частицы как бы основными принципами; философы же, изучавшие сотворение мира, а не свойства отдельных тел, назвали элементами мира четыре видимых, потому что он из них состоит, они были созданы в начале, из них же, как из элементов, и все остальное сотворено, творится или будет твориться, как будет показано ниже. Так что между этими представлениями нет никакого противоречия³⁰.

25. Возразят: элементов этих вовсе нет, потому что нет ничего, что не состояло бы из всех четырех сразу. А доказывают так: в земле есть что-то от воды, ведь мы видим, как из нее выделяется влага. Есть в ней и воздух, что видно по исходящему из нее дыму, и жар, что чувствуется на ощупь. Подобным же образом рассуждают и об остальном. В поддержку приводят Платона, говорящего: «Раз земля переходит в воду, а вода – в землю, зачем же называть землю землей, а не водой?»³¹ Мы же возразим: в каждом элементе есть нечто от других, но такими они не созданы, это взаимное присутствие не субстанциально, а случайно. Земля пориста и окружена водами, поэтому в нее попадают влага и воздух, а раз она посередине мира и огонь со всех сторон равноудален от нее, что удивительного, если она получает частицу тепла? Все это для земли случайно, а не естественно и не составляет ее как таковую. Подобное доказательство допустимо и для остальных элементов. 26. Однако в этом сочинении мы следуем принципу краткости, поэтому, что еще в чем присутствует и как это происходит, пусть разберутся другие таланты. Учителю подобает дать закон, исполнение же предназначается таланту.

Относительно вопроса Платона, зачем называть землю землей, а не водой, если она растворяется, в нашем понимании он рассуждал тогда не об элементе, но о растворяющейся частице его, ведь сам элемент никогда не растворяется.

Растворяющимся он называет не землю, а землистое, то есть частицу земли; то же, что сохраняет свойства земли для него элемент земля. Но об этом, если даст Бог жизни, мы еще подробно расскажем.

VIII. О свойствах элементов

27. Итак, элементы суть названные выше частицы тел, как говорит Константин, но это видимые элементы мира – о них-то, по всей видимости, и нужно такое исследование, чтобы выяснить, как каждый из них возник и почему их четыре, а не меньше. Поскольку надежнее высказывание, покаяющееся на авторитете мудреца, покажем, что по этому поводу говорил Платон: «Ради божественной славы миру следовало быть видимым и осязаемым»³². Вот что он имел в виду: поскольку Бог соблаговолил сотворить мир из благодати, а не по нужде, будучи сам совершенным благом, он возжелал и мир сделать видимым и осязаемым, чтобы человек, воочию воспринимая в сотворении и управлении вещей божественную силу, премудрость и благодать, силы убоаяся, премудрость почитал, благодати стал бы подражать.

28. Затем он добавил: «Дело обстояло так, что ничто нельзя было увидеть без помощи огня, осязать можно было только твердое, а твердое нуждалось в земле». (Почему нельзя видеть без огня и осязать без твердого тела, мы объясним, когда будем говорить о телесных чувствах.) И далее: «Бог положил землю и огонь как бы основаниями, но поскольку они исполнены противоположностей – земля тучна, упруга и неподвижна, огонь же разрежен, тонок и подвижен, – Бог увидел, что без посредника их не соединить, поэтому он и сотворил между ними посредника».

IX. О соединении элементов

29. Упомянув о соединении элементов, скажем, что есть смешение, что – соединение противоположностей. Смешение противоположностей таково, что при нем ни одно из них не остается тем, чем было прежде, например, мороз, смешиваясь с жаром, становится теплом, и ни мороза, ни жара больше нет. Соединение же противоположностей объединяет их таким образом, что каждая остается неизменным. Такое, однако, для противоположностей с их действующими качествами невозможно без посредника, действующие качества – жар и холод. Как это происходит, мы расскажем, когда речь пойдет о человеке.

30. Если одно поместить рядом с другим, они растворяются и для продолжения их существования нужен посредник. Если он окажется более предрасположен к одному из них, в него он постепенно и перейдет и соединение разрушится. Так, оказавшись между морозом и жаром, нечто горячее, не холодное,

воспримет свойства жаркого и холод в нем исчезнет, а соединение разрушится. Если же посредник будет одинаково отдаленным от двух крайностей и не заберет одно из двух свойств, соединение сохранится.

31. Желая, чтобы указанные два элемента не смешивались, а соединялись, чтобы каждый оставался самим собой, Бог сотворил для них посредника, и не одного, а двух: воду и воздух. Соединение не сохранилось бы, создай Он лишь воду, потому что ее объединяют с землей упругость и тучность, а с огнем – подвижность. То же касается воздуха: с огнем его объединяют подвижность и разреженность, а с землей – упругость. Иной скажет: «Если б одного из них не хватило, Бог смог бы сотворить что-то еще». А мы и не полагаем пределов божественному всемогуществу, но лишь утверждаем, что из существующего чего-то одного недостаточно и, по природе вещей, нет ничего другого, для этого подходящего.

32. Показав недостаточность одного, откроем, почему не подходит ничто другое. Поскольку между двумя элементами может быть два противоположных качества, а двойка делится пополам, может существовать и еще что-то, которое, взяв от каждого по одному свойству, займет достойное положение посередине. Например, земля и воздух разделены двумя качествами: земля холодна и суха, воздух горяч и влажен. Вода же, объединенная с землей холодностью, а с воздухом влажностью, одна и может подойти к ним посредником. Воздух, в свою очередь, объединенный с водой влажностью, а с огнем жаром, один может быть между ними.

33. Если между какими-то элементами три противоположных качества, подобно тому, как тройку поровну не поделить, так и посредника, одинаково относящегося ко всем, не найти: он должен принять одно качество от одного элемента, два – от другого. Только так, и не иначе, тройку можно разделить на целые числа³³. Качество же неделимо посредником, значит, он может быть таковым, только если участвует в одном из двух. Скажут: хотя по такой сизигии трех качеств не может быть одного посредника, его можно получить по двойственной сизигии³⁴. Если между огнем и водой с их противоположными качествами находится воздух, соучаствующий одному одним качеством, другой – другим, то почему между огнем и землей, которые в этой двойной сизигии вообще ни имеют противоположностей, нет ни одного элемента, который воспринял бы по одному качеству от каждого? Ведь огонь горяч и сух, а земля холодна и суха.

34. На это ответим, что в этой сизигии посредник не нужен и не может быть, потому что нечто общее у них есть, а именно сухость. Если бы существовал такой посредник, воспринимающий от обоих что-нибудь, он либо забирал бы от огня жар, от земли сухость и в этом был бы аналогичен огню, либо от земли холод, от огня сухость и в этом уподобился бы земле, либо от огня жар, от земли холод – другой комбинации вроде не придумать. Но ничто не может быть одновременно жарким и холодным.

Х. О расположении элементов

35. Элементы расположены так, что нижнее положение занимает земля, затем вода, воздух, высшее положение – у огня. Если бы что-то было ниже земли, она, будучи по природе тяжелой, стремилась бы к нему, потому что все тяжелое естественным образом стремится вниз. Если бы нечто было выше огня, он по легкости своей стремился бы к нему, чтобы раствориться в чем-то. Вода помещена рядом с землей, потому что она тяжела, хоть и не как земля, и должна была получить второе место. Наконец, воздух, будучи тяжелее огня, но легче воды, заслуженно оказался между ними³⁵.

ХІ. О хаосе

Рассказав, что такое элементы, сколько их, почему не больше, каковы причины их расположения, потолкуем о хаосе, то есть об их беспорядочном смешении, бывшем в начале, дадим расхожую точку зрения, опровергнем ее и обоснуем собственную³⁶. Считается, что вначале почти у всех элементов не было собственного положения, они то одновременно поднимались, то опускались. Объясняют это тем, что Создатель мол так хотел показать, в каком беспорядке пребывали бы вещи, если б не его сила, премудрость и благодать³⁷. Приводят и Платона, рассказывающего в «Тимее», как Бог привел в порядок разбросанные в беспорядке элементы. Мы же говорим, что и предлагаемое ими высказывание неверно, и приводимая причина не подходит, и авторитетный текст они поняли неправильно. В начале докажем, что неверно высказывание, затем, что причина не подходит, и наконец, неправильное понимание цитаты.

36. Скажи-ка, утверждающий это: элементы тогда были телами или нет? Если не телами, то духами, свойствами духов или тел. Однако ни дух, ни изменчивое свойство не могут быть материей, тем более – элементами. Следовательно, раз всякое тело где-то находится, они были телами и обладали местами? Если места у них были, значит, либо нынешние, либо где-то еще. Но вне элементов места нет – элементы находились там же, где сейчас. И даже если они устроены были не так, как сейчас, находились они в этих четырех местах³⁸: один получил низшее место, другой – высшее, два – среднее. Если б, как ты уверяешь, они одновременно опускались, то опускались бы вместе с другими, но им некуда было бы опускаться. Если бы они поднимались одновременно, то тоже все вместе, но и подниматься им было некуда. Так что они ни поднимались, ни опускались одновременно. Это мнение ложно.

37. Не подходит и причина, согласно которой Бог сделал это, чтобы показать, каков был бы беспорядок без его благодати. Кому показать? Ангелу? Он по природе и благодати знаком с божественной волей. Человеку? Но человека еще не существовало. Если бы беспорядок предназначался человеку, Он сохранил

бы его до появления человека. Но порядок пришел до сотворения человека. Потому-то эта причина неподходящая.

38. Мысль Платона они поняли неправильно. Говоря, что Бог привел в порядок разбросанные элементы, он не имел в виду, что они когда-то были разбросаны в беспорядке. Разве есть место беспорядку там, где Бог все упорядочивает? Но поскольку беспорядок существовал, если бы Он не привел элементы в их нынешнее положение, то они были бы действительно беспорядочно разбросаны, потому что земля естественным образом стремится вниз, а огонь – вверх, и не получи земля нижнего места, а огонь верхнего, одна бесконечно стремилась бы вниз, другой – вверх. Этот-то беспорядок Творец и устранил, дав земле нижнее место, огню – высшее, чтобы ему некуда было подниматься, а ей – опускаться.

39. Итак, беспорядочно разбросанные элементы (которые не были, но могли быть таковыми) Бог привел в порядок³⁹. Так же, получив совет какого-нибудь друга и избегнув чего-нибудь, что произошло бы, не будь этого совета, мы говорим «он избавил нас от этого несчастья», – не потому, что несчастье это сначала произошло и он нас от него избавил, а потому, что оно произошло бы с нами, если б не помощь друга. Элементы в начале творения были там, где сейчас, но не в таком же состоянии. Земля полностью была покрыта водой, вода была плотнее и стояла высоко, занимая значительную часть воздуха. Воздух тоже был плотнее и темнее, ведь не было ни солнца, ни луны, ни звезд, чтобы его освещать. Плотнее был и огонь. И вот то, что земля полностью была покрыта водами, не освещена никаким светилом, не разделена постройками, не полна животными, что вода и воздух были плотными и темными, что в вышине не светили звезды, – все это и назвали хаосом, то есть беспорядочное смешение элементов. Отсюда слова Моисея: «Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною»⁴⁰.

ХII. О сотворении звезд

40. Этот хаос прекратился так: поскольку вода достигала высшей части воздуха, воздух был плотный и таков же был огонь, в этой толще присутствовали частицы землистой и водянистой субстанции, которая из огненного жара и уплотнившейся и затвердевшей суши сотворила видимые и светящиеся тела звезд. То, что в звездах есть и низшие, и высшие элементы, с преобладанием высших, доказывается тем, что они видимы, светятся и движутся. Свою видимость они получили от видимого или от невидимого. От невидимого ничего видимого быть не может, поэтому Лукреций говорит,

что можно началам,

Чувства лишенным, рождать существа, одаренные чувством⁴¹,

а Макробий: «Всякое качество удваивается при росте, но не производит себе противоположности»⁴². Значит, видимость у звезд не от огня и воздуха, ибо те невидимы, а от видимого – земли и воды. Также и свечение, и подвижность в них не от темного и неподвижного, но от светящегося и подвижного: воздуха и огня. Они сотворены из четырех элементов, но преобладают из низших – вода, из высших – огонь, что доказывается их воздействием: земле они приносят тепло, а для питания притягивают к себе влагу⁴³. Подобное ведь радуется подобному⁴⁴.

41. Здесь кто-нибудь скажет: «Если в воздухе влага плотнее, чем в огне, да и жар, пусть и не столь сильный, имеется, почему звездные тела не возникли в воздухе»? Ответим на это: воздух, хоть и горяч, но влажен, поэтому, иссушаясь, он не мог уплотниться, чтобы создать видимое светящееся тело. Так же с глиной: поставь ее на огонь, она, скорее всего, уплотнится и превратится в камень; но если поместить ее над чем-то горячим и влажным, например, над кипящей водой, и она будет получать жар только от нее, она не уплотнится.

А вот как у Константина: элементов – четыре, и в каждом по два качества, одно собственное, одно – от другого элемента. Огонь сам по себе горяч, от земли же он сух; воздух влажен, от огня – горяч; вода влажна от воздуха, а сама по себе – холодна; земля сама по себе суха, от воды же холодна. То, что в элементе от себя, сильнее, чем приобретенное от другого. Поскольку в воздухе влажность от себя, а жар от другого, то есть от огня, влажность в нем преобладает, и он не мог высохнуть и создать звездные тела.

Наконец, самое важное: Творец не пожелал, чтобы звезды помещались в воздухе. Воздух ведь близок к земле, и если бы звезды оказались в нем, они сожгли бы землю, и жизнь на ней стала бы невозможной.

ХIII. О сотворении животных и человека

42. Сотворенные таким образом звезды, будучи огненными по природе, начали двигаться и своим движением нагревать находившийся ниже воздух. От воздуха нагрелась вода, и от нагретой воды родились различные виды животных. Те из них, в ком больше от высших элементов, птицы, поэтому иногда они в воздухе, по легкости высших элементов, иногда спускаются на землю, следуя тяжести низших. Те, что более наделены от низших элементов, рыбы, поэтому они могут жить только в воде и нигде более. Так что и птицы, и рыбы созданы из воды, как написано: «Велика сила твоя, Боже, из воды рожденный род ты и в пучины низвергаешь, и в воздух возносишь!»⁴⁵

Когда под воздействием высших элементов в воде зародились эти животные, там, где воды стало меньше из-за жара и она высохла в процессе сотворения животных, на земле возникли как бы пятна, на которых живут люди и некоторые другие животные. А поскольку земля из-за остающейся на ней воды становится грязной, вскипая под воздействием жара, она породила из себя

разные виды животных. Там, где преобладал огонь, рождались холерические звери, например, лев; где земля, – меланхолические, вроде быка и осла; где вода, – флегматические, как свинья.

43. Из некоей части земли, где в одинаковой мере присутствовали все элементы, создано тело человека, это имеет в виду божественное Писание, рассказывая, как Бог сотворил человека из праха земного. Не следует думать, что душа, этот легкий и чистый дух, создана из грязи, она дана человеку Богом, поэтому Писание и говорит: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни»⁴⁶. Много разных флегматических животных было сотворено, не счесть меланхолических тварей, и только человек был создан в одиночестве, ибо, по словам Боэция в «Арифметике», «всякое равенство мало и конечно, неравенство – многочисленно и множественно»⁴⁷. Поскольку тело женщины, не совсем равное мужскому, но все же близкое к равенству и достаточно уравновешенное, вероятно, было создано из близлежащего праха, она не совсем то же, что мужчина, но и не совсем отлична от него: она не настолько уравновешена, ведь самая горячая женщина холоднее самого холодного мужчины. Это имеет в виду Писание, когда говорит, что Бог создал женщину из ребра Адама: не следует буквально представлять себе, что Бог лишил ребра первого человека⁴⁸.

44. Иной скажет, что подобным образом можно было сотворить множество мужчин и женщин, и сейчас можно. Ответим: верно, если будет на то Божья воля, потому что для возникновения чего-то действием природы необходимо, чтобы предшествовало божественное произволение. Возразят: говорить, что человек создан так, значит умалять божественное всемогущество. Ответим им: напротив, воздавать, ведь мы утверждаем, что Он одновременно придал вещам природу и с помощью природы сотворил человека. В чем же мы противоречим Писанию, если объясняем, как произошло то, что в нем описано? Например, если один мудрец скажет, что нечто произошло, но не объяснит, как, а другой расскажет то же и объяснит, какое же в том противоречие? Не зная сил природы, чтобы всех приобщить к своему невежеству, иные не желают, чтобы кто-либо брался их изучать, а предпочитают, чтобы мы по-простецки верили и не доискивались причин, и исполнилось бы пророчество: «И что будет с народом, то и со священником»⁴⁹.

45. Мы говорим, что всему надо искать разумное объяснение, если оно необходимо. Если что-то нам непонятно в Священном Писании, предадимся Святому Духу и вере. Моисей ведь не говорит: «Если невозможно съесть агнца, пусть сожгут его», но «пусть возьмет с соседом своим, ближайшим к дому своему», а если и тогда не достанет едоков, тогда да будет сожжен⁵⁰. Исследуя божественное, если мы чего-то не понимаем, надо позвать ближайшего соседа, то есть спросить приверженца католической веры. Если же ни мы, ни он не понимаем, тогда предадим этот вопрос огню веры. Те же, имея множество соседей у дома своего, по гордости не хотят никого звать и предпочитают оставаться в неведении, чем спросить у другого, а как узнает, что кто-то другой задает

вопросы, называют его еретиком, больше полагаясь на капюшон своей рясы, чем на разумение. Прошу вас, не доверяйтесь их облику, в них исполнилось сказанное сатириком:

К лицам доверия нет, – ведь наши полны переулки
Хмурых распутников...

и далее:

Редко они говорят, велика у них похоть к молчанию⁵¹.

XIV. В какое время был создан мир

46. Хотя мы уже упомянули начало творения, которое разные люди по разным причинам приписывают к разным временам года, расскажем, кто к каким и почему. Евреи и латиняне относят начало мира к весне, поэтому Вергилий о весенних днях говорит:

Быть лишь такими могли недавно возникшего мира
дни, не могло быть иной, столь устойчивой ясной погоды.

и добавляет:

Верится мне, что была лишь весна⁵².

Смысл этих стихов в том, что все рождающееся творится в равенстве пропорций. Ни одно время года, кроме весны, не уравновешено, поэтому сотворение вещей и могло произойти только весной и никогда больше. Египтяне говорят, что мир сотворен в июле, следуя им, Макробий заявляет, что в день рождения мира Рак нес Луну, а Лев – Солнце⁵³. Объяснение здесь таково: в начале творения влаги было столько, что земля была полностью покрыта водой и эту массу воды без сильного жара выдержать было невозможно. Поэтому-то сотворение мира произошло в то время года, когда особенно жарко.

Книга вторая

Пролог

1. В предыдущем разделе мы по мере нашего скромного дарования в общих чертах потолковали о сущем, но невидимом, и об элементах, которые одни считают видимыми, другие – невидимыми. Теперь нам предстоит рассказать о каждом из них и об их украшении. Но зная, что большинство ищет красоты словес и очень немногие – научной истины, взыскуя славы этих немногих, а не толпы, порадеем об одной лишь истине. Голая правда нам милее наряженной в тогу лжи.

2. Если же кому-то не по нраву сухость нашей речи, поняв, что у нас на душе, он не только не станет просить красивых слов, но подивится самому предмету нашего исследования. Разве есть место украшению там, где нужно сначала подумать, что и как читать, затем изложить прочитанное, использовать его в диспутах против лжи, вынести суждение о находках других и наточить язык в борьбе против завистников, чтобы исполнилось в нас сказанное о сынах Израиля, которые, восстанавливая храм, в одной руке держали меч, в другой камень¹?

Впрочем, довольно об этом². Поговорим о каждом элементе и его украшении, начав с высшего, то есть с огня.

I. Что такое эфир

3. Огонь есть пространство ниже луны, называемое также эфиром. Украшение его в том, что видно над луной: звезды, как неподвижные, так и блуждающие. Спросят: «А над луной ничего кроме эфира, звезд и приданных им духов? Или там еще замороженные воды и над ними еще воды?» Некоторые поэтому говорят, что над эфиром есть замороженные воды, представляющиеся нашему взору наподобие растянутой кожи, над ней же другие воды, согласно слову Священного Писания: «Поместил твердь посреди воды». И далее: «И отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью»³. Поскольку это противоречит разуму, мы покажем, почему это невозможно и как в данном случае нужно понимать Библию.

II. Находятся ли замороженные воды над эфиром

4. Если там замороженные воды, речь идет о чем-то тяжелом, но собственное место для тяжелого – земля. Если все же они там, то либо соприкасаются с огнем, либо нет. Если соприкасаются, получается, что противоположности соединены без посредника, ведь огонь горяч и сух, а вода холодна и влажна. Тут не может быть согласия, но взаимное отторжение противоположностей. Более того, в соприкосновении с огнем замороженная вода растает или затушит огонь. Поскольку же огонь и твердь сохраняются, замороженные воды не соприкасаются с огнем, а раз так, что-то есть между ними и огнем. Но что бы это могло быть? Элемент? Но никаких элементов выше огня не создано. Видимое? Почему же его не видно? Получается, что замороженных вод там нет.

5. Знаю, что они скажут: «Не знаем, как это происходит, но знаем, что Бог на это способен». Несчастные! Что может быть ничтожнее, чем сказать «это есть потому, что Бог может так сделать», не видя того, что есть, не зная причины, почему оно есть, не умея показать полезность того, что есть? Бог ведь не совершает все, что может совершить. Выражаясь по-простецки, «Он может из пня сделать бычка», – но разве делает? Либо пусть приведут разумное основание, почему оно так, либо покажут полезность, либо пусть перестанут доказывать, что оно действительно есть. Так что нет там замороженных вод и других над ними⁴.

6. Когда Священное Писание говорит: «отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью», оно называет воздух твердью, потому что она утверждает и уравнивает находящееся на земле. Над нею в виде пара в облаках подвешены воды, как это будет показано ниже, они-то и отделены от тех, что ниже воздуха. Подобным образом можно истолковать «поместил твердь меж водами», хотя это, как нам кажется, сказано скорее аллегорически, чем буквально.

7. Скажут еще: «Что это мы там видим такое плотное, водянистого цвета? Явно не огонь, ведь если воздуха по разреженности его не видно, то еще более тонкого огня и подавно. Значит, этот цвет не принадлежит огню⁵. Мы на это ответим, что ничего там не видно, просто зрение там не действует и по слабости своей представляет себе нечто плотное. Внутренний луч, осуществляющий зрительный акт, направляясь ввысь, не встречает препятствия для отражения, ослабевает, а ослабевая, сгущается. Проходя же через глаз с его водянистой жидкостью и хрусталиком (как мы покажем, когда речь пойдет об устройстве глаза), он, слабея и не получая иного цвета, воображает такой же, то есть водянистый, цвет⁶.

8. Возразят: «Если там ничего не видно и даже зрение слабеет, почему же говорят о “над всем распростертом небе”⁷, о звездах, закрепленных в тверди, об одиннадцати ее кругах с двенадцатью знаками в одном из них? Разве мы скажем, что они вне поля нашего зрения?» Ответим на этот вопрос, поскольку авторитетное мнение вроде бы на стороне вопрошающего.

III. Сколько существует способов говорить о высших телах

9. О высших телах принято рассуждать тремя способами: сказкой, астрологически и астрономически. Нимрод, Гигин и Арат рассказывают миф, что телец был перенесен на небо и превращен в созвездие⁸. И то же об остальных. Такой род повествования необходим: через него мы знаем о каждом созвездии, в какой части неба оно находится, сколько в нем звезд и как они расположены. Астрологически рассуждают о высших телах, сообразуясь с тем, что видно, независимо от того, так оно или иначе. Многое ведь там можно увидеть, чего на самом деле нет, потому что зрение ненадежно. Так говорят Марциан и Гиппарх. 10. Астрономически же говорят о высших телах то, что есть, независимо от того, видится оно так или иначе, как то делают Юлий Фирмик и Птолемей.

Выражение «над всем распростертое небо» астрологическое, потому что это видимость. Эфир называют также небом, потому что он разукрашен различными звездами. Твердью он называется потому, что своим жаром и воздействием звезд утверждает и уравнивает низшее⁹. Итак, небо простирается надо всем, потому что под эфиром или в эфире вмещается все.

IV. О неподвижных звездах, движутся ли они или нет

11. Считается, что в тверди закреплены звезды, – не как драгоценные камни в золоте, но потому что находясь в ней, они, как кажется, находятся все время в одной и той же ее части. Другие звезды называются блуждающими, потому что их можно видеть то в одной, то в другой части неба. Упомянув неподвижные, разумею, движутся ли они или вообще лишены движения, и если движутся, то как.

Некоторые утверждают, что они не движутся, но влекутся к восходу и закату твердью, к которой они как бы прикреплены. Другие считают, что движутся они сами, поскольку они огненные по своим свойствам и в эфире или в воздухе ничто не может удержаться без движения; но движутся они всегда в одном месте и вокруг своей оси. Третьи говорят, что они перемещаются с места на место, но никакое их движение не различимо нашему глазу, потому что, идя по своим кругам, они пересекают такое расстояние, что человеческой жизни, слишком короткой, недостаточно, чтобы увидеть даже кратчайший момент этого очень медленного движения.

12. Соглашаясь с мнением, что они движутся с места на место, приведем, однако, другое объяснение, почему их движение не ощущается. Всякое движение различимо либо через неподвижное, либо через слабо движущееся. Когда нечто движется, мы различаем его движение, если видим что-то неподвижное или слабо движущееся, к которому оно приближается или которое опережает. Но если что-то движется, а помимо него мы не видим ничего неподвижного или едва движущегося, движения мы не заметим, что доказывается на примере корабля, идущего в море. Вот и движение звезд ощутимо по чему-то неподвижному или слабо движущемуся, находящемуся над ними и никогда по находящемуся под ними: так, по знакам Зодиака мы различаем движение планет, видя их то под одним, то под другим. Над звездами же ничего нет, поэтому их движение не с чем соотнести. Итак, они движутся, но называются неподвижными, потому что их движение, по указанной причине, незаметно.

V. Сколько кругов называют в тверди

13. Философы называли одиннадцать кругов в тверди, из них два видимых, остальные – невидимые. Потолкуем сначала о видимых, потом о невидимых. Видимые круги – это Галаксия, то есть Млечный круг («галак» значит «молоко», «ксиос» – «круг»), и Зодиак. Галаксия начинается на севере, из восточной

части пересекает Рака и Козерога и возвращается к своему началу. Называется она так за свое всем известное свечение. Если же кто-то захочет узнать, откуда в этой части неба такое свечение, пусть почитает Макробия¹⁰.

VI. О знаках Зодиака

14. Зодиак от Козерога через Овна поднимается к Раку, а от Рака через Весы спускается к Козерогу. «Подниматься» и «опускаться» понимай относительно нашей точки зрения. По течению воды, как передает Макробий¹¹, он делится на двенадцать равных частей, каждая из которых называется знаком, потому что с их помощью мы обозначаем, в какой части находятся солнце и другие планеты, из какой они вышли и в какую направляются. Поскольку же эти знаки называются именами животных, круг, их вмещающий, зовется Зодиаком: «зое» значит «животное». Если кого-то интересует происхождение этих имен, пусть почитает Хельперика¹².

15. Расположение знаков таково, что ближе всех к нам Рак, на границе нашей обитаемой и засушливой областей, затем наискосок спускается Лев, потом Дева, Весы, находящиеся в засушливой области, за ними Скорпион, Стрелец, наконец, дальше всех Козерог. После него наискосок поднимаются Водолей, Рыбы, Овен, в середине засушливой зоны стоящий напротив Весов, выше – Телец, Близнецы и в конце Рак: о том, какому месяцу он принадлежит и почему, мы потолкуем, когда речь пойдет о солнце.

VII. О пяти поясах

16. Еще девять кругов – невидимы; среди них пять параллельных поясов¹³, один из которых называется поясом равноденствия. Проходя посередине засушливой области через Овна и Весы, он делит небо на два полушария. Равноденственным его назвали потому, что солнце, достигая его, уравнивает день с ночью, о чем будет сказано ниже. Вторым поясом называется соединение нашей обитаемой области с засушливой, третьим – соединение обитаемой с холодной, четвертый соединяет другую сторону засушливой области со второй обитаемой¹⁴, а пятый – вторую обитаемую со второй холодной. Поскольку авторитетная традиция учит, что пять областей существуют в небе¹⁵, мы скажем о том, в эфире ли они или в воздухе, когда будем говорить о воздухе.

17. Эти пять кругов называются параллельными, то есть равноудаленными, потому что все они одинаково удалены от центрального, пояса равноденствия: соединение нашей обитаемой и засушливой настолько же удалено от него, насколько и соединение второй. И соединение нашей обитаемой с холодной на том же расстоянии, что соединение второй. Помимо них есть еще два колюра, начало их – в середине севера, один поднимается через Рака и спускается к своему началу через Козерога, другой идет по востоку через Овна и к началу возвращается по западу через Весы. В северной вершине они пересекаются и делят небо на четыре четверти.

18. Колюры – то же, что «*colop ugi*», то есть «член дикого быка», потому что «*colop*» значит «член», «*ugus*» – «дикий бык». А называют их так за несовершенство, не потому, что они якобы несовершенны, а потому, что та часть другого полюса, которую они пересекают, нам невидима¹⁶.

19. Два последних среди названных суть меридиан и горизонт. Горизонт, где, как мы видим, небо соединяется с землей, называется «*horizon*», как бы «ограничивающий». Меридианом называется линия, обозначающая ту часть неба, находясь в которой, солнце равно удалено от восхода и заката. Эти два круга не изображают на сфере, потому что они зависят от положения наблюдателя.

VIII. О движении тверди

20. Движение эфира или огня, называемого по указанным причинам также небом и твердью, таково: огонь естественным образом постоянно движется, выше, как мы показали, ему подняться некуда, опуститься он тоже не может, поскольку это противоречит его природе, все ниже расположенные места заняты низшими элементами, да и бесполезно ему было опускаться, иначе он наверняка спалил бы землю и жить на ней было бы невозможно, поэтому в данном ему в распоряжение месте он движется, то есть по кругу. Двигаться же по кругу, не занимая различных мест, значит занимать те или иные, различно расположенные части некоего места. Так, по кругу, идя от восхода через закат обратно к восходу, он влечет за собой как неподвижные, так и блуждающие звезды. Хотя он вращается вокруг земли, однако не по прямой, а наискосок по отношению к нашей обитаемой области, что можно видеть по полюсам.

21. Полюс – это неподвижная звезда, одна на этой вершине, другая – на второй. Ось же представляет собой умозрительную линию, проложенную через центр земли от полюса к полюсу, вокруг которой вращается твердь. Если бы она вращалась прямо, один полюс находился бы ровно над землей, другой – под ней, либо по сторонам от нее. Поскольку же он с нашей стороны располагается, скажем так, между центром неба и его сторонами и подобным же образом – с другой стороны, линия, называемая осью, наклонена, и вокруг нее под наклоном вращается и твердь.

Достаточно основательно опровергнув бытующее мнение о тверди, обосновав собственное суждение, не умолчав о закрепленных в ней звездах, о кругах и движении ее, приступим теперь к планетам. Подобно тому, как мы заговорили сначала о высших элементах, начнем и здесь с высшей планеты.

IX. О Сатурне

22. Высшая планета, Сатурн, проходит зодиакальный круг за тридцать лет, поэтому в сказках изображается стариком. Говорят, эта звезда холодна и вредоносна, поэтому потолкуем о ее холодности, затем о вредоносности. Вот как

древние астрологи доказывали, что она холодна. Зная, что находясь в Раке, солнце выжигало землю, они замечали, что в некоторые годы это проявлялось слабее. Понимая, что это происходит не из-за свойств солнца, они задались вопросом, какая планета оказывалась тогда с солнцем в одном и том же знаке; обнаружив Сатурн, они и нашли в этом причину его холодности.

23. Возразят: «Если всякое звездное тело огненно по природе, что доказывают его движение и свечение, почему же одна звезда называется холодной, другая горячей?» Не согласимся мы и с тем, что Сатурн мол холоден по близости своей к замороженным водам, подобно тому, как луна холодна по близости к воде и земле: мы доказали, что замороженных вод наверху быть не может. Иные находят в огне несколько свойств, в некоторых телах якобы сочетающиеся, в других же – разделенные; получается, одно может быть горячее, но не светящееся, другое – светящееся, но не горячее. Говорят, что огненное вообще горячо только в том случае, если оказывается рядом с плотной влажной материей, превращая ее в собственную субстанцию; поэтому, если поблизости от чего-либо огненного нет сгустившейся влаги, оно теряет жар. 24. В доказательство приводят пример солнца: на равнине, где воздух плотен, оно сильно печет, в горах же, в разреженном воздухе, не греет, чему свидетельство – постоянно лежащие там снега. Однако об этом мы подробно расскажем, когда речь пойдет о положении земли. Они уверяют, что над луной из-за разреженности воздуха вообще не ощущается тепла.

25. Мы утверждаем, что качества приписываются вещам тремя способами: по воздействию, например, вино называют горячим, потому что горячит, хотя и ощущается холодным; по ощущению, например, когда мы кипящую воду называем горячей, хотя по природе она холодна; по значению, например, когда мы говорим, что здоровье выражается в хорошем сне и ровном дыхании. Поэтому, если звезда называется холодной, это следует отнести к ее воздействию. Пусть она горяча по природе, но, если она вызывает холод, то называется холодной¹⁷. Раз Сатурн в союзе с солнцем умаляет жар, по этому воздействию он и называется холодным, хотя сам по себе горяч.

26. Возможно, кто-нибудь еще спросит: «Если звездные тела горячи, как так получается, что некоторые производят холод?» Ответим, что не всему можно найти разумную причину, иногда следует сослаться на Творца. Правда, в данном случае можно было бы предложить такое объяснение: различные огненные тела греют больше или меньше в зависимости от их близости или удаленности, вот и Сатурн, очень далекий от нас, не греет землю, солнце же, близкое к земле, сильно обжигает ее. Или еще: хотя иная звезда горяча, есть у нее некоторые неведомые нам свойства, не позволяющие жару спуститься. Тем не менее, вопрос мы поставили, но не все мы на все способны, поэтому оставим таланту каждого самому доискиваться до ответа.

Эта звезда по холодности своей считается вредоносной, особенно когда идет назад, поэтому в сказках ее наделяют косой: несущий косу опаснее, когда пятится.

Х. О Юпитере

27. За Сатурном следует Юпитер, проходящий зодиакальный круг за двенадцать лет. Эта звезда вполне доброжелательна по уравновешенности своих качеств, что доказывается ее союзом с солнцем. Но поскольку она расположена между Сатурном и Марсом, то находясь в верхней или нижней половине своего круга, она уменьшает соответственно их вредоносность и теряет часть своей доброжелательности. Поэтому в сказках рассказывается, что Юпитер согнал Сатурна, своего отца, с трона: оказавшись к нему очень близко, он лишил его природной вредоносности. Считается, что многое он породил в незаконных соитиях, потому что, соединяясь с этими двумя планетами, он оказывает сильное воздействие на различные земли.

XI. О Марсе

28. Третий по счету Марс, звезда горячая и сухая, следовательно, вредная. Он проходит Зодиак за два года. Оказавшись между Юпитером и Венерой, звездами доброжелательными, он умеряет свою вредоносность и их доброжелательность. Говорится, что он властвует в битвах, неся жар и сушь, дающие отвагу: горячие и сухие люди отважны.

XII. О Венере

29. Согласно платоникам, четвертой идет Венера, горячая и влажная, поэтому доброжелательная звезда, проходящая Зодиак почти за год. Говорят, что она прелюбодействует с Марсом, потому что, приближаясь к нему в верхней половине своего круга, она менее благожелательна. Называют ее богиней сладострастия, потому что она несет жар и влагу, а горячие и влажные особенно сладострастны. (В связи с Венерой кратко скажем то, на чем более детально остановимся в разговоре о человеке: горячие и сухие жаждут плотского наслаждения из-за своего жара, но по сухости не выдерживают его воздействия и сильно себе вредят, если ему предаются. Холодные и влажные, напротив, не хотят, но легко переносят его воздействие. Холодные и сухие не только не хотят, но и не переносят, разве что изредка. Горячие же и влажные и стремятся к наслаждению, и легко его переносят, их телу очень полезно такое воздействие.) Эта звезда называется еще Люцифером и Геспером: Люцифером, когда она появляется перед солнцем, утром, Геспером – на закате, вечером.

30. Возникает вопрос, может ли в одно время года появляться и Люцифер, и Геспер. Некоторые говорят, что это невозможно: если Венера движется на одной скорости с солнцем, проходя свой круг за тот же промежуток времени, как же она может в одну ночь одновременно следовать за ним вечером и предшествовать ему утром? В одно время года она предшествует солнцу, и тогда

она Люцифер, в другое – следует за ним, тогда она – Геспер. Другие считают, что в одно и то же время Венера показывается и перед восходом, и после заката солнца, однако она не предшествует и не следует. Но это невозможно. Утверждают, что эта звезда выше солнца, поэтому дольше его видна вечером, хотя и не идет вслед за солнцем, и меньше утром, хотя и не предшествует ему. Следовательно, Венера в одно и то же время года называется Люцифером и Геспером не потому, что предшествует или следует, а потому, что из-за своей высоты видна до и после солнца.

31. Третьи говорят, что Венера и Меркурий почти одного цвета и размера и всегда сопутствуют солнцу; сопровождая его, одна идет впереди, другая сзади. Венера предшествующая на закате из-за солнечного света не видна, а следующая за ним после заката появляется. Утром наоборот: предшествующая видна, а следующая скрывается дневным светом. Поскольку же Венера и Меркурий схожи по цвету и размеру, они кажутся одной и той же звездой.

XIII. О Меркурии

32. Пятая планета – Меркурий, также проходящий свой круг почти за год. С ним, как можно прочесть, прелюбодействовала Венера, потому что оказываясь в нижней части своего круга, она примешивает к своим его свойства.

XIV. О солнце и смене погоды

33. На шестом месте солнце. Но прежде чем говорить о нем, расскажем о положении и попятном движении названных выше, затем выясним, почему халдеи с их последователями говорили, что солнце находится посреди планет, над Меркурием и Венерой, а египтяне и следовавшие за ними платоники называли его шестым и поместили ниже Венеры и Меркурия.

Некоторые утверждают, что в круге каждой планеты есть такая часть, оказавшись в которой она под действием солнца останавливается или пятится назад. Но они не объясняют причины.

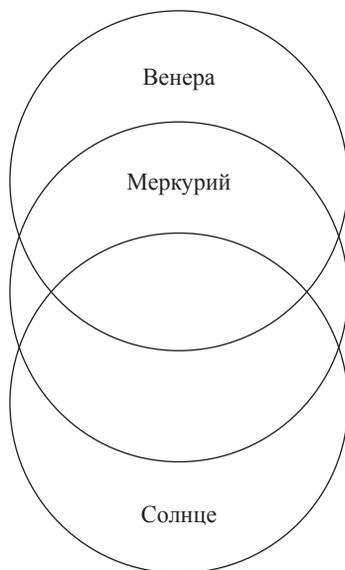
34. Мы же говорим, что они никогда не останавливаются и это только видимость, ведь по огненной своей природе они вынуждены двигаться всегда. Они представляются стоящими на месте в ситуациях «арсис» и «тезис», то есть при «восхождении» и в «снижении». Все астрологи сходятся в том, что каждая планета иногда больше обычного отдалается от земли – поднимается, иной же раз спускается к ней, что мы и называем «снижением». Когда она поднимается или спускается, если это происходит по прямой, кажется, что она стоит, ведь поднимающаяся планета видна в одной и той же части знака Зодиака. Если же представляется, что она немного подается назад, причиной такого восхождения или снижения является солнце. 35. Поскольку оно источник всего тепла, иногда оно более обычного иссушает высшие и низшие тела, тогда иссушенные звезды,

став легче, поднимаются. Когда же оно в поисках пропитания притягивает к себе больше влаги, оно делает их влажнее и тяжелее обычного, и они опускаются. Астрологически же говорится, что они стоят, потому что такова видимость.

36. Теперь следует сказать, почему халдеи считают солнце четвертым, а Платон и египтяне – шестым. Верно, что солнце под Меркурием, а Венера – рядом с луной. Поскольку луна холодная и влажная, солнцу – горячему и сухому – необходимо было оказаться рядом, чтобы солнечным жаром холод, а сухостью – влажность луны умерялись, чтобы по близости своей сильно влияющая на землю луна, сама оказавшись разбалансированной, не разрушила бы и ее равновесия.

37. Поскольку луна, как мы покажем, лишена собственного света, но заимствует его у солнца, резонно, что она подчинена источнику своего света без посредников. Но, хотя это и верно, халдеям рассказанное нами представлялось иначе. Солнце, Меркурий и Венера столь близки друг другу, что проходят свои круги почти за одно и то же время, плюс-минус за год. Следовательно, почти одинаковы и их круги, если в зависимости от размера круга планеты быстрее или медленнее проходят Зодиак. Будучи почти одинаковыми, они не могут вмещать в себя друг друга, но пересекаются таким образом, что круг Венеры в нижней части пересекает верхние части кругов Меркурия и солнца, больше захватывая от первого, чем от второго.

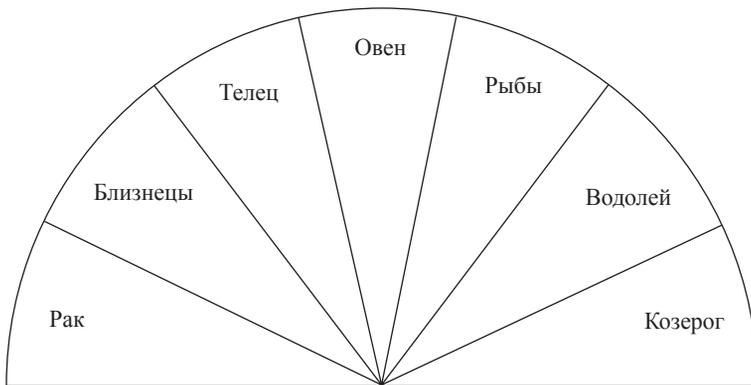
38. Круг Меркурия сверху пересекается с венериным, внизу – с солнечным. Солнечный же круг в верхнем сегменте пересекает меркуриев и венерин, больше первый, второй – меньше. Поскольку в душе лучше отпечатывается то, что наглядно, представим эти пересечения в схеме:

39. Поскольку солнечный круг они проходят сверху, справедливо называть его нижним. Но солнце иногда бежит по верхней части своего круга, а те планеты – по нижним, тогда их видно лучше, потому что солнце скорее оставляет в тени то, что выше его, чем то, что ниже. Потому-то солнце и называют высшим.

Перейдем, однако, к солнцу, и, поскольку остальные планеты движутся подобным ему образом, поговорим о его движении, чтобы по подобию уяснить и движение других.

40. Обычное мнение почти всех философов было таково, что твердь движется от восхода к закату, а солнце с планетами наоборот – от заката к восходу. Доказывают они это тем, как расположены знаки Зодиака: Овен в центре неба расположен так, что между ним и Востоком Телец, потом Близнецы и Рак, а между ним и Западом – Рыбы, затем Водолей и Козерог, как видно на изображении:

Итак, если бы солнце стремилось на запад, оно бы переходило из Овна в знак, расположенный к западу, то есть в Рыбы и далее. Но раз оно переходит в знаки, расположенные к востоку от Овна, то есть в Тельца и остальные, оно без сомнения движется с запада на восток.

41. Приводят еще один довод в пользу такого положения вещей. Поскольку твердь вращается от восхода к закату, если бы в том же направлении двигались планеты, напор был бы столь сильным, что на земле ничто не могло бы находиться и жить. Поэтому они обратили свое движение вспять, чтобы своим быстрым бегом смягчить напор тверди¹⁸. 42. Однако, хотя они и бегут против тверди, та увлекает их за собой на закат, а оттуда на восход, подобно тому, как стоящий на корабле, навстречу которому идет другой корабль, движется, но не сам: куда бы он ни перемещался, его везет судно, хотя в то же время этот человек может двигаться и в противоположную сторону. Таким образом, ход

планет на восток естественен, а на закат и оттуда к восходу происходит под воздействием другого.

43. Хельперик говорит, что это невозможно. Как может твердь нести солнце, если оно – не из закрепленных в ней звезд? Находящийся вне судна разве может передвигаться на нем же? То, что солнце идет к знакам, находящимся на востоке, представляется ему видимостью, а не реальностью. Поскольку, продолжает он, твердь и солнце естественным образом стремятся от восхода к закату, но когда солнце оказывается в первой части Овна, твердь, двигаясь немного быстрее, обгоняет его на тридцатую часть одного знака. Когда же солнце достигает восхода, над ним видна не прежняя часть зодиакального созвездия, а следующая. И так день за днем, кажется, что оно переходит в предшествующий знак, хотя на самом деле не идет. Это всякому можно доказать на примере луны: очевидно, что она не бежит на север, но когда ее накрывает облако, глядя, как оно движется над ней, нам кажется, что она пятится назад. Поскольку предыдущее мнение поддерживает ученейший из философов¹⁹, согласимся с ним и мы.

44. Против его утверждения о том, что твердь не может нести солнце, потому что оно не с ней, скажем так: оно принадлежит ей согласно нашему утверждению, что твердь называют эфиром, но даже если не принадлежит, твердь может нести солнце. Приведем тот же пример с кораблем: что-то легкое, оказавшись рядом с кораблем, подгоняется под напором его движения, хотя и не находится на нем. Точно так же и солнце, легкое и огненное по природе, подгоняется твердью, не находясь в ней. Вместе с планетами оно идет с запада на восток не по прямой, а с наклоном, то опускаясь к югу, то поднимаясь к северу согласно описанному выше расположению знаков Зодиака.

45. Спросят: «Зачем солнцу понадобился наклон и почему бы ему не идти по прямой?» Ответим: это очень важно, и чтобы продемонстрировать эту важность, покажем, какое различное воздействие солнце оказывает, двигаясь по наклонной, начав с самого отдаленного знака Зодиака, то есть с Козерога. Входя в Козерога, что происходит в середине декабря (солнце всегда входит в знак в середине одного месяца и выходит в середине следующего, поэтому учитывается месяц вхождения), солнце, оказавшись на максимальном удалении от нашей обитаемой области, охватывает ее холодом; земля и воды по природе холодны, если не разогреваются солнцем, воздух, ничем не разреженный, сгущается в облака, а те обрушиваются дождем. Таково время года, называемое зимой.

46. Зима холодна, влажна и длится, пока солнце проходит через Водолея и Рыб, из коих первый вступает в середине января, вторые – в середине февраля. То есть зима состоит из трех месяцев и представляет собой одно из четырех времен года. Тогда поры на поверхности земли из-за мороза сжимаются, жар не может испаряться, а, оставаясь внутри, питает корни трав и деревьев, превращаясь как бы в беременную мать, но не давая роста, потому что ни жар, ни влага – основы всякого роста – не могут выйти, скованные холодом.

Однако откуда берутся лед, снег, град, дождь, гром и молнии мы расскажем в главе о воздухе. 47. Этому времени года подобны вода, слизь, дряхлый возраст: они тоже холодные и влажные²⁰. Тогда лучше себя чувствуют холерики, хуже – флегматики, лучше – молодые, хуже – старики. Ужасна болезнь флегматического происхождения, например, однодневная лихорадка, менее опасна холерическая – трехдневная. Полезно больше есть, потому что телесные поры из-за холода закрыты, и остающийся внутри жар требует больше питания. Против внутреннего расстройств полезно применять внешнее лекарство. Поэтому у древних бога зимы изображали с большим животом и называли «грязным» за болотную топь²¹. В это время полезно потреблять горячее и сухое.

48. Поднимаясь, солнце в середине марта входит в Овна, находясь не слишком далеко и не слишком близко, в середине засушливой зоны. Поэтому воздух в нашей обитаемой области тогда не слишком горяч, не слишком холоден, не слишком сух, не слишком влажен, но уравновешен между четырьмя этими качествами. Это равновесие открывает поры земли, испаряется влажный пар, который, поднимаясь по корням деревьев и трав, дает им рост и жизнь.

49. Один из месяцев этого времени года называется апрелем, как бы «открывающим»²², потому что тогда земля раскрывается цветами. Этому времени свойственно непостоянство: иногда погода дождливая из-за близости зимы, иногда сухая из-за близости лета, и по той же причине она то теплая, то холодная. Из-за этого в марте люди часто болеют: открывающееся от тепла тело подвергается внезапному воздействию холода. Но кто в марте бережется, реже заболевает в это время года, чем в другое.

50. Тут иной спросит: «Получается, заболевающий зимой реже умирает, чем заболевающий весной?» Болезни возникают из злокачественного сока, разливающегося по членам, зимняя стужа сковывает соки, они не могут разливаться, весной же под действием тепла они освобождаются, человек заболевает и умирает.

Такая умеренная погода, начавшись в Овне, продолжается, пока солнце в Тельце и Близнецах, в первый из которых оно приходит в середине апреля, во второй – в середине мая. 51. Этой умеренности сродни воздух, кровь и детство, поскольку они горячи и влажны. Хорошо себя чувствуют меланхолики, хуже – сангвиники, лучше – старики, хуже – дети. Особенно опасна болезнь, происходящая от крови, вроде затяжной лихорадки, легче переносится болезнь от черной желчи, например, четырехдневная лихорадка. Стоит потреблять холодные и сухие продукты.

52. Когда солнце поднимается до Рака, подойдя слишком близко, оно сжигает и сушит землю, поэтому лето жаркое и сухое. Оно начинается в середине июня, когда солнце входит в Рака, и продолжается, пока оно во Льве, в которого оно входит в середине июля, и в Деве, с середины августа. В это время высыхают корни трав и деревьев. Оно сродни огню, красной желчи, молодости, которые тоже горячи и сухи. 53. Лучше всего себя чувствуют в это время флегматики, плохо – холерики, хорошо – старики, плохо – молодые. Особенно

опасна желчная болезнь, менее опасна флегматическая. Полезно потреблять холодное и влажное, больше пить и меньше есть: от тепла открываются телесные поры, естественный жар испаряется, поэтому пища хуже переваривается, питье же, сразу переходящее в кровь, следует увеличить.

54. Возникает вопрос: если разница во временах годах зависит от удаленности солнца, но солнце во Льве удалено от обитаемой области настолько же, насколько в Близнецах, в Деве настолько же, насколько в Тельце, в Весах – как в Овне, почему в трех из них оно вызывает жар и влажность, в двух – жар и сушь, а в третьем – холод и сушь? 55. Вот что следует ответить на это. Находясь в трех весенних знаках, оно по близости к лету вызывает жар, по близости к предшествующей зиме – влажность; во Льве же и Деве, по близости к лету, – жар, однако, из-за летнего и весеннего зноя влага высохла, жар унять нечем и влаги не остается, поэтому это время жаркое. Когда же солнце в Весах, влага полностью высохла, а жар спал, начинается холодная и сухая осень, когда собирают несущие в себе влагу плоды, например, виноград, созревшие под двойным воздействием сухости лета и осени.

56. Осень начинается в середине сентября, когда солнце входит в Весы, и длится, пока оно в Скорпионе и Стрельце, в первого из них оно входит в середине октября, во второго – в середине ноября. Подобны этому времени года земля, черная желчь и старость, потому что и они холодны и сухи. Лучше себя чувствуют тогда сангвиники, хуже – меланхолики, лучше – дети, хуже – старики. Особенно опасна болезнь меланхолического происхождения, менее опасна – сангвиническая. 57. (Кстати в целом, во всякое время опасна болезнь, возникающая из сока, аналогичного этому времени, ведь свойства его усиливают среду заболевания; болезнь из сока противоположного времени года не так опасна, потому что среда заболевания ослабляется свойствами времени.) Осенью полезно потреблять горячее и влажное. Она непостоянна из близости предшествующего лета и следующей за ней зимы. Поэтому злоупотребляющие напитками и избыточными тогда плодами подвергают себя опасности.

58. Тут возникает вопрос, схожий с предыдущим: если солнце в Скорпионе так же удалено от нас, как в Рыбах, в Стрельце – как в Водолее, почему в первых оно проявляет одни свойства, во вторых – другие? Ответ прост: в первых, очевидно, царят холод и сушь, потому что влага под действием летнего жара высохла, а солнце прошло середину засушливой области. В Стрельце и Водолее тоже царит холод, потому что солнце далеко, но поскольку тепло, иссушающее воздух, давно кончилось, он потихоньку сгущается в облака и погода становится влажной. 59. Зима, как мы сказали, холодная и влажная, однако в начале она скорее холодна, чем влажна, в конце преобладает влажность, холод отступает, а в середине они на равных. Весна в начале скорее влажная, чем теплая, в конце наступает тепло, влажность уходит, в середине они уравниваются. Лето в начале скорее теплое, чем сухое, в конце более сухое, менее теплое, в середине тепло и сушь на равных. Осень в начале более суха, чем холодна, в конце холод преобладает над сухостью, в середине – на равных.

60. Следует отметить, что временам года принадлежат эти четыре свойства, но они могут изменяться: например, если к солнцу в зимнем знаке присоединяется горячая и сухая планета, как Марс, зима теплее и суше обычного. Точно так же, если летом с солнцем оказывается холодная и влажная планета, лето будет холодным и влажным. Поэтому опытному физику всегда следует предвидеть, какие знаки Зодиака получит солнце и какая планета будет с ним в каждом созвездии, чтобы знать, каким будет лето или иное время года, чтобы вовремя найти средство против будущего воздействия соответствующих свойств.

61. Итак, поскольку все эти различные действия производит солнце, поднимаясь и опускаясь по наклонной линии, мы видим, какой вред оно бы причиняло, если бы вращалось, идя по прямой. Никто не сомневается, что будь оно всегда так близко к нам, как летом, у нас все время стояла бы жара, и ничто не могло бы расти. Аналогично, если бы оно всегда шло далеко, как зимой, был бы сильный мороз, и земля не рождала бы трав и деревьев.

62. Иной скажет: если бы оно всегда шло так, как в Овне, находясь от нас на одинаковом расстоянии, оно бы дарило нам весеннюю умеренную погоду, и не было бы от того никакого вреда. Мы на это скажем, что, напротив, от этого произошел бы огромный вред: земля не зачинала бы внутри себя, как она это делает зимой, плоды, если бы и зарождались, не стремились бы к зрелости, а без них множество животных не могло бы существовать.

63. Достаточно рассказав о естественном движении солнца и о том, какое воздействие оно оказывает, поднимаясь и опускаясь по наклонной, следует остановиться на том, что оно делает увлекаемое твердью. Стремительно двигаясь по природе своей с запада на восток против тверди, солнце каждый день увлекается твердью на запад; находясь над землей, оно дарует свет, называемый днем, когда же оно уходит под землю, наверху тьма, называемая ночью. Нужно учитывать, что есть день природный, и есть другой – общеупотребительный. Сначала потолкуем о природном, затем – об общеупотребительном.

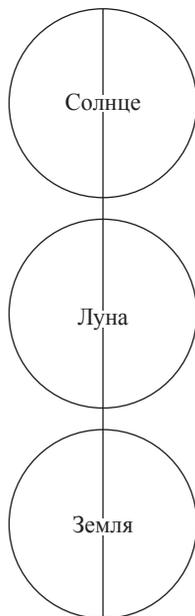
64. Природный день представляет собой промежуток времени в 24 часа, вмещающий в себя общеупотребительный день и ночь, поэтому мы говорим, что в месяце 30 дней, хотя в нем есть и дни, и ночи. Физики поделили природный день на четыре части: от девятой части ночи до третьей части природного дня он горячий и влажный, от третьей части природного дня до девятой его части – горячий и сухой, от девятой части природного дня до третьей части ночи – холодный и сухой, от третьей части ночи до девятой – холодный и влажный. По этой причине некоторые недуги в разные промежутки природного дня более или менее опасны, согласно тому же принципу, что с временами года.

65. Общеупотребительный день – это промежуток времени, за который солнце проходит с востока на запад. Как и природный день, его поделили на четыре отрезка. В первом солнце красное, потом светит, затем греет и наконец спускается и гаснет. Поэтому в сказках Фебу дается четверка лошадей с подходящими для этих качеств кличками. Первого зовут Эритреем, то есть «красным», второго

Актеем – «светящимся», третьего Лампом – «горящим», четвертого Филогеем – «любящим землю»²³. Три изменения в год происходят с общеупотребительным днем: иногда он равен ночи, иногда длиннее ее, иногда – короче. 66. Причина этих изменений следующая: когда солнце в зимних созвездиях, выпуклость земли, находящаяся между нами и солнцем в середине засушливой области, скрывает его, и мы видим его не сразу, в этом же причина, почему оно быстро исчезает из нашего поля зрения, свечение его кратко, как и день, а тьма и ночь длятся долго. Когда же оно в Раке и других летних знаках, оно рождается по сю сторону от выпуклости, показывается рано утром и поздно уходит из поля зрения, свечение над землей длительно, а тьма коротка. Наконец, когда солнце в Овне или Весах находится на равном расстоянии от нас, и над землей и под землей оно проводит одинаковое время, поэтому равны свет и тьма.

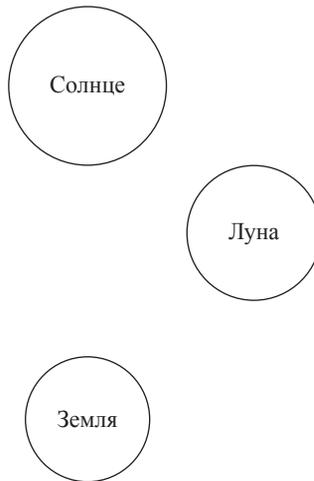
Перечислив типы воздействия солнца, вызываемые как природным его движением, так и случайным, расскажем теперь о его затмении, почему и в какое время оно бывает.

67. Иногда случается солнцу быть в середине Зодиака, называемого эклиптической, а луна оказывается под ним так, что можно провести линию, пересекающую тела солнца, луны и земли.

Тогда луна рассеивает солнечные лучи, и они через преграду лунного тела спуститься на землю не могут. Поэтому такое случается только в тридцатую луну, потому что в другие дни она не полностью оказывает-

ся под солнцем, причем не во всякую тридцатую луну, но если случается, то именно в это время. Если в этот момент луна находится в такой позиции по отношению к солнцу, что одно светило отклоняется немного к Раку, другое – к Козерогу, она не может загородить от нас солнце и помешать его лучам спускаться, вот так.

По мере сил рассказав о солнце, поговорим теперь о луне.

XV. О луне

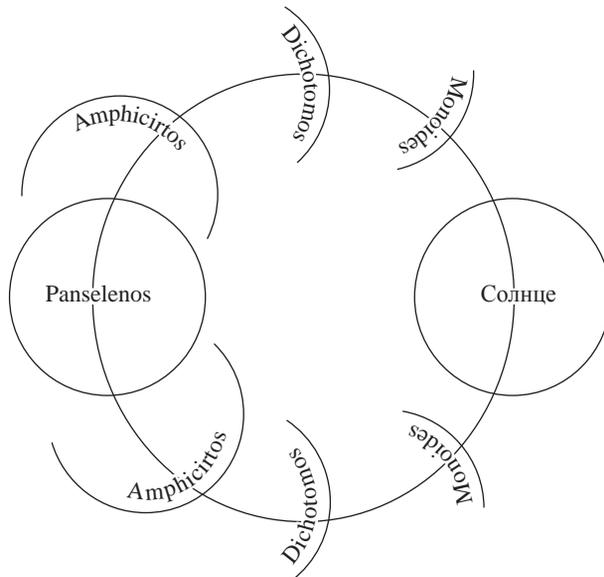
68. Тело луны по близости ее к воде и земле плотнее, чем у других звезд, поэтому собственного свечения и жара у нее нет, она зажигается солнцем²⁴. Обладая она собственным жаром, то каждый месяц восходя в Рака и опускаясь в Козерога, она бы приносила на землю летний жар и зимний мороз²⁵ и в такой постоянной смене погоды ничто не могло бы жить. Потому-то и нет у нее своего свечения и жара, а освещается она лишь стоящим над ней солнцем, но не всегда одинаково: иногда бывает новолуние, иногда полнолуние, иногда междулуние. Посмотрим, почему так происходит.

69. Говорят, что луна в тени и не показывается из-за сильного света солнца, когда находится под ним и в одном с ним знаке; когда же она удаляется от него в противоположную сторону, ее свечение становится видимым²⁶. Таким образом, чем дальше она от солнца, тем сильнее ее свет, чем ближе, тем слабее. Получается, что, если на удаленной луне свет ярче, а на приближенной слабее, то солнечный свет раньше появляется вдали от солнца. Но поскольку он сначала

появляется рядом с ним, это мнение представляется ложным. 70. Мы считаем, что всякое светящееся тело, сталкиваясь с чем-то темным, оставляет в тени ту его часть, которая находится на противоположной стороне, а ту, что повернута лицом к нему, освещает. Когда луна, как мы сказали, по природе своей темная, оказывается под солнцем, на сторону, повернутую к солнцу, получает свет, а на противоположную, ту, что смотрит на землю, – тень, поэтому мы ее и не видим.

Вдали от солнца она является легким свечением наподобие изящного рожка, называемого *monoides*. 71. По мере удаления от солнца она получает все больше нисходящего на нее света, так что на седьмой день луна выглядит *dichotomos*, то есть «раздвоенной». Нужно заметить, что, чем больше спускается на нее света, тем выше тень, и наоборот. От седьмого до четырнадцатого дня она *amphicirtos*, то есть не полная, но больше половины.

72. На четырнадцатый день, когда луна диаметрально противоположна солнцу, что может быть доказано тем, что она восходит, когда солнце закатывается, тень полностью поднимается, а свет полностью падает, и наступает *panselenos*, то есть полнолуние. После этого она начинает приближаться к солнцу, тень опускается, свет поднимается, свечение с нашей стороны слабеет; сначала сходит *amphicirtos*, потом *dichotomos* и *monoides*. Все это легче себе представить по такой схеме.

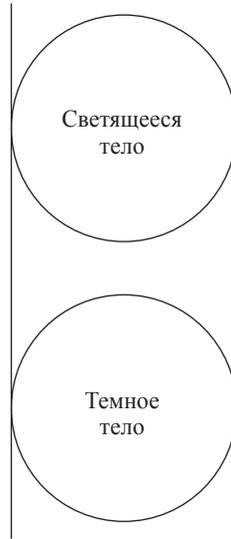

73. Затмение луны объясняется так: солнце и луна располагаются на эклиптической так, что солнце оказывается в нижнем полушарии, луна в верхнем, а земля – посередине, так что линия, опущенная из середины тела луны, пройдет через середину тел земли и солнца, как здесь²⁷.

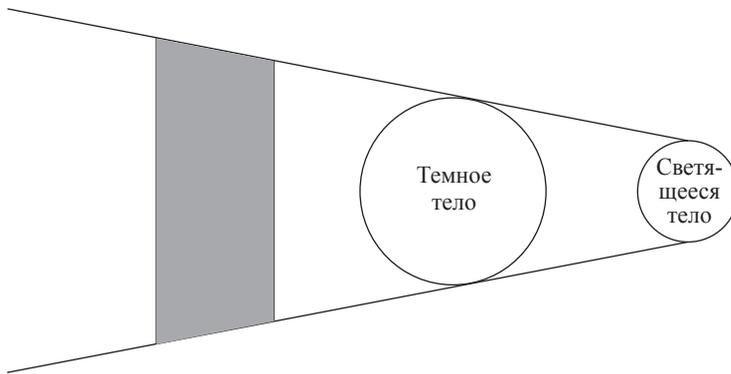

Тогда срединная выпуклость земли отбрасывает тень очень высоко, до самой луны, солнечные лучи ее не зажигают, и она претерпевает затмение, пока, передвигаясь, она не пройдет выпуклость и свет на ней не появится снова. 74. Такой ущерб с ней бывает только в пятнадцатую луну, когда она противоположна солнцу, причем не во всякую, но если случается, то именно тогда. Объясним, почему затмение бывает не в каждую пятнадцатую луну, и поскольку оно случается из-за формы тени земли, сначала покажем, какой формы бывают тени, отбрасываемые круглым телом под лучами подобного ему тела.

75. Тень от такого тела либо цилиндрическая, либо чашеобразная, либо конусообразная. Цилиндр – длинная круглая фигура, растущая ровно и на вершине не сводящая линии; поэтому цилиндрической называется тень, соответствующая такой фигуре. Возникает она всякий раз, когда светящееся тело и темное одинакового размера, как здесь.

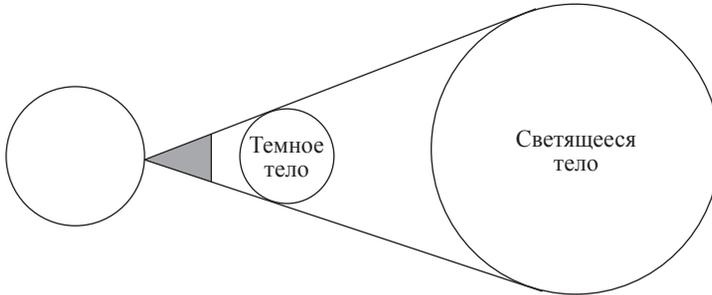

Поскольку тела солнца и земли не равны (солнце в восемь раз больше), тень от земли не может быть цилиндрической. Чаша же представляет собой фигуру, от острого основания расширяющуюся, поэтому чашеобразной называется и тень такой формы. Она возникает, когда светящееся тело меньше темного.

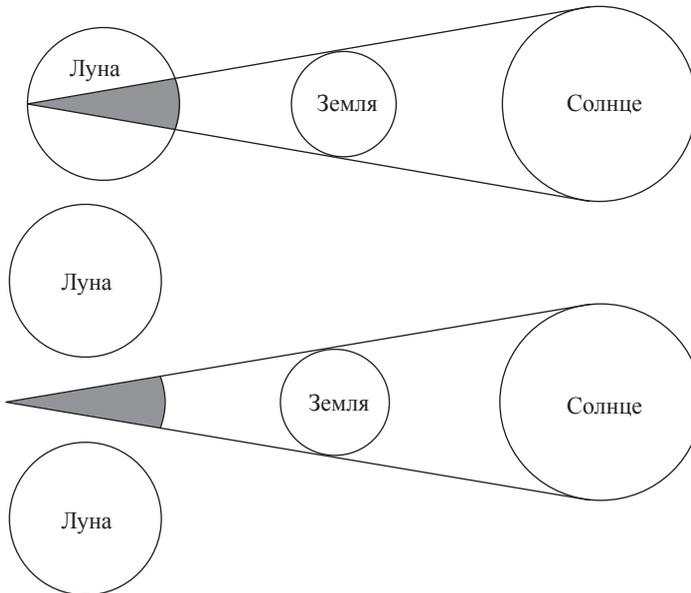

Тень земли не может принимать форму чаши, поскольку солнце, как доказывает Макробий, больше земли²⁸.

76. Конус есть фигура, от широкого основания сужающаяся, поэтому конусообразной называют тень, от широкого основания сужающуюся. Возникает она, когда светящееся тело больше темного, как видно на нижеследующем рисунке.

Поскольку тело солнца больше земли, тень от него конусообразная. Когда же солнце и луна расположены так, как мы описали выше, конус тени земли напрямик направлен на луну и поражает ее так, что она не получает солнечных лучей, пока не выйдет из теневого конуса. Если же в пятнадцатую луну они расположены не так, но одно из светил немного склоняется к северу, другое – к югу, теневой конус падает на луну не напрямую, не поражает ее, но проходит рядом, вот так.

77. Увидев, как происходит затмение луны и почему не каждый месяц, скажем теперь, по нашему представлению, о тени, которая все время видна на ней. Поскольку луна по природе холодная и влажная, несмотря на то, что ее освещает солнце, в определенной своей части она сохраняет естественную для нее темноту, которая всегда там видна²⁹.

Книга третья

Пролог

1. Хотя преподавание оставляет нам очень мало времени на письмо, мы знаем, что многие, нарезав для себя кусков от многочисленных одеяний философии, с этими обрезками ушли восвояси, уверенные, что она теперь полностью в их распоряжении. Возмущенные ее жалобой на наготу, мы по мере сил сшили лоскуты, хотя нам известно, что не избежать нам укусов зависти, ибо сегодня опасно и знание, и обладание. 2. Как кто-то сказал, «ничего нет справедливее людской зависти, вечно вгрызающейся в душу писателя»¹, а по Горацию,

пытки другой не нашли сицилийские даже тираны
хуже, чем зависть²,

знакомые с их муками и готовые к травле, последуем за Катонем в ливийский зной и, взыскуя истины и вооружившись разумными доводами, словно языком философии, пойдем дальше. Рассказав то, что нам казалось необходимым об эфире и его украшении, потолкуем теперь о находящемся под ним и связанном с ним воздухе, показывая, что в нем происходит и по какой причине.

I. О воздухе

3. Воздух, находящийся между луной и землей, чем ближе к земле, тем влажнее и плотнее, чем дальше, тем суше и прозрачнее. Поскольку он ниже солнца, от него он получает тепло и свет. Солнце никогда не покидает пределов засушливой области, поэтому эту часть воздуха по близости своей оно выжигает, а отдаленные оставляет без тепла, и, по соседству своему с землей и водой, они охлаждаются. Те же части воздуха, что находятся посередине, уравниваются между двумя этими неумеренными областями. Таким образом, в воздухе пять различных частей, их-то древние назвали пятью зонами, а не те, что над луной, как некоторые считают. Над луной ведь нет ничего переменчивого, нет места и противоположности. Если там эфир, называемый огнем, и огненные тела звезд, откуда же взяться холоду? 4. Правда, я знаю, что ошибаются они, следуя словам философов, утверждающих, что в небе пять зон, например, по Вергилию: «держат небо пять зон»³.

Против этого мнения у нас два аргумента. Во-первых, воздух часто называют небом, говоря, например, о «птицах небесных»⁴. Во-вторых, над пятью областями воздуха пять областей эфира, и эфирная область получает имя по подлежащей ей воздушной; стоящая над холодной областью называется холодной, хотя нет в ней никакого холода, стоящая над засушливой – засушливой, и не потому, что в эфире может царить какая-либо засуха. Высший огонь столь

легко, что зажечь что-либо не может, пока не смешается с чем-то влажным и плотным. Все подобные изменения происходят на земле при контакте с находящимся над ней воздухом: именно свойство воздуха воздействует на подлежащую землю. Так что пять зон – в воздухе, пять – на земле⁵. Итак, поговорим о расположенном над нашей обитаемой областью воздухе и покажем, какие в нем бывают изменения и почему, начав с дождя, случающегося во всякое время года⁶.

II. О дождях

5. У дождей разные причины. Иногда испаряется густой влажный пар, когда он поднимается, в него проникают мельчайшие капли, а увеличившись и отяжелев, они падают: идет дождь. Иной раз воздух из-за холода, исходящего от земли и воды, уплотняется и переходит в состояние воды, под действием же солнечного тепла эта вода, растопленная, словно лед огнем, падает мелкими крапинами. Случается еще, что солнце для собственного пропитания притягивает влагу, тогда то, что в ней более подвижно, превращается в огонь, а что тяжелее, падает. Поэтому-то после сильной жары, как можно видеть, бывают ливни.

6. Возникает вопрос: если огню свойственно стремиться вверх, почему солнечные лучи и тепло падают на землю? Ответим: солнце огненной природы не потому, что только из него состоит, а потому, что огонь в нем доминирует. Мы говорили выше, что звездные тела созданы из четырех элементов с преобладанием огня. Так и в солнце, состоящем из четырех элементов, хотя и с преобладанием огня, то, что от воды и от земли, стремится к себе подобному, то есть к земле и воде; исходя же из источника жара, они частично уносят его с собой, что и нагревает землю и воду.

7. Поскольку в природе тепла – подниматься, оно, опустившись, как описано, на обратном пути захватывает с собой наверх часть влаги, заставляет ее вскипеть и превращает в самое себя. Вообще, если говорить начистоту, солнце поднимает влагу, а не притягивает, и потому называется источником тепла, что таким способом согревает находящееся под ним. Поскольку элемент состоит не из других элементов, в нем нет ничего, что спускалось бы. Очевидно, что область воздуха и земли, находящаяся под солнцем, горяча, отдаленные же – холодны, несмотря на то, что расположены под эфиром.

8. Иной возразит: разве огонь не горяч независимо от того, где он оказывается? Только если смешивается с влажным и плотным, ответим мы ему. Над луной есть огонь, но нет горения, потому что нет влажной и плотной материи, из которой разожглось бы пламя, как нет ни мороза, ни тьмы, но единое и вечное сияние. И никакого нет изменения. Сошлутся на Аристотеля, утверждающего: огонь не может не быть горячим⁷. Мы же скажем, что он имел в виду низший огонь, который всегда смешан с какой-нибудь плотной материей и не

перестает греть, либо, скажем так, он подразумевал, что огонь всегда горяч, но не в конкретной действительности, а по природе своей.

9. Четвертая причина дождей в том, что ветер поднимает влагу с прудов, рек и озер. Потому-то многие видели, как лягушата и рыбы падают с воздуха: как мы сказали, вода поднимается ветром, и случается, что она захватывает с собой лягушат и рыб, когда же они под действием собственной тяжести падают, не ведающих о том это удивляет.

Нет ни одного времени года без дождей: либо испаряется влажный пар, либо воздух от холода сгущается, либо влага поднимается под действием жара или ветра.

10. Иногда дождь сгущается больше обычного и, разогретый сильным зноем, становится красным и густым, как кровь. Видя такое, не знакомые с физикой твердят, что идет кровавый дождь⁸. Поэтому весьма правдоподобно, что перед концом этого мира капли крови выпадут дождем, потому что мир должен сгореть в огне, по словам Писания: «Пред Ним огонь поядоющий»⁹, и в другом месте: «Грядущий судить живых и мертвых и мир огнем»¹⁰. Воды, жаром собранные в облака, под действием пламени сгустятся, разгорячатся, покраснеют и прольются, словно кровь.

III. О радуге

11. Поскольку в дождливое время в облаках появляется разноцветная арка, расскажем, почему она возникает и откуда все ее цвета. Когда, как мы сказали, солнечный жар поднимает влагу или испаряется влажный пар, вода в облаке блестит в солнечном свете, словно в стеклянной вазе, там, где она прозрачнее и теплее, краснеет, где плотнее, она пурпурная или черная. Поэтому радуга светится только в стороне, противоположной солнцу, а воздух вблизи солнца так освещен его лучами, что в нем видны разные цвета¹¹.

Рассмотрев причины дождей и радуги, перейдем к граду.

IV. Откуда град

12. Поскольку влага указанным образом поднимается, в вышине часто дует холодный и сухой ветер. Замораживая водяные капли, он превращает их в каменистую субстанцию, а поскольку капли круглые (что доказывается формой отверстий, которые они регулярным падением проделывают в камне), падает круглый град¹².

V. Откуда снег

13. Снег возникает, если эти капли замерзают раньше, чем становятся крупными и уплотняются. Тут спросят: если летом часто выпадает град, почему в это же время в предгорьях никогда не бывает снега?¹³ На это возразим: летом

под действием жара влага поднимается очень высоко, увлекая за собой капли, а те, увеличиваясь и замерзая от холода, порождают град; зимой, когда мороз на поверхности земли, капли воды при холодной погоде сжимаются, не став крупными, и превращаются в снег. Летом же, когда холода на земле нет, они не замерзают, пока не укрупнятся и не уплотнятся, поднявшись ввысь. Потому-то и не бывает летом снега, хотя часто выпадает град.

VI. О громах и молниях

14. Порассуждаем о происхождении и свойствах громов и молний. Когда влажный пар поднимается ввысь и достигает верхних слоев воздуха, они начинают двигаться из-за веса влаги, а частицы воздуха, словно волны воды, сталкиваясь, производят раскаты грома. Разгоряченный движением воздух переходит в состояние огня и вспыхивает, и хотя такую вспышку сопровождает гром, достигает она нас быстрее, потому что зрение быстрее слуха. Когда происходит это стечение частиц сгущенного пара, возникает сильный удар: если он направляется вверх, гремит гром без молнии, если вниз, но не такой сильный, чтобы дойти до какого-либо препятствия, молнии тоже нет, если же достигает препятствия, то раскалывает его. Поскольку воздух самому по себе свойственно движение вверх, при отсутствии стоящей на пути материи он возвращается обратно «и разметанный огонь собирает»¹⁴. 15. Если в нижнем слое воздуха влажно, воздух, попавший под удар, загореться не может, и возникает раскалывающая, а не жгущая молния. Если же в воздухе влаги нет, из-за движения и сухости он возгорается и появляется жгущая молния.

Итак, молния есть сотрясенная частица воздуха, с силой поражающая препятствие, гром – звук, производимый с силой сталкивающимися друг с другом частицами воздуха, а вспышка – частица воздуха, воспламененная и светящаяся под действием удара.

16. Молния не камень, как некоторые думают. Если бы она была камнем, то не могла бы нести в разные стороны, возвращаться наверх¹⁵, а поражая кого-то, калечила бы плоть и кости. Она чаще бьет в высокие предметы, потому что, спускаясь, стремится поскорее вернуться наверх. Но поскольку бытует мнение, что некоторые молнии каменные¹⁶, кратко остановимся на нем, чтобы не показалось, что мы осуждаем или умалчиваем его по неведению или зависти. 17. Говорят, что с поднимающимся ввысь влажным паром поднимается и немного земли, от солнечного жара эта земля каменеет и застревает в полости облака, пока каким-нибудь ударом облако не разбивается: тогда камень выпадает и поражает что-нибудь стоящее высоко.

18. Спросят: если, как мы сказали, влажный пар поднимается круглый год, почему не всегда бывают громы и молнии? Ответим: хотя возникают они и порождаются восходящим влажным паром, но не раньше, чем он достигнет верхнего воздуха, что можно доказать подобным явлением на море.

Когда оно до самых глубин колеблется паром, поднимающимся от земли, его толща не может вся колыхаться в разные стороны, но когда это движение достигает поверхности, волны начинают бушевать и приходит шторм. 19. В том, что буря начинается в глубине, можно удостовериться по тюленям, которые, как мы видим, гоняют волны перед бурей; по словам Плиния, по природе своей они сонливы и спят на дне моря, но обеспокоенные паром, будоражащим дно, всплывают¹⁷. Видя это, наученные опытом, хотя и не разбирающиеся в физике, моряки предсказывают грядущую бурю, уже явно начавшуюся в глубине.

20. Так же происходит в воздухе. Когда нижние его слои занимает пар, он не может толкать его толщу во все стороны, но достигнув выси и став подвижнее, расталкивает ее, и возникают громы и молнии. 21. А зимой при плотном воздухе нет достаточного жара, чтобы пар вознесся высоко, так же и весной. Оставаясь в нижней части воздуха, он порождает ветры и дожди. Летом, в жару, пар поднимается до самой выси, части воздуха по-разному сталкиваются, и появляются громы и молнии. Осенью, поскольку она холодная и сухая, нет ни влаги, чтобы подниматься, ни жара, который бы ее поднимал.

VII. О том, что кажется, будто звезды падают

22. Иногда кажется, будто в воздухе падают звезды, хотя ни одна из них не падает: будучи огненной природы и обладая собственным местом в эфире, они никогда не спускаются на землю. Кроме того, они огромны, хотя издали кажутся маленькими, и если какая-нибудь из них упадет, то накроет либо всю землю, либо большую ее часть. Так что они не падают, это лишь видимость. Бывает в верхних слоях воздуха ветер и движение, когда внизу его нет. Из-за этого движения воспламененный светящийся воздух носится по воздуху. Когда он светится около какой-нибудь звезды, он скрывает от нашего взора ее свет и кажется, будто она падает. Спросят: почему же мы не видим эту звезду потом? Ответим, что мы ее видим потом, но не знаем, что это она. Когда, как мы сказали, воспламененный воздух носится, за ним следует более плотный и, следовательно, медленнее движущийся воздух, который, оказавшись между нами и звездой, отнимает ее у нашего взора. Пока же воздух пройдет и она снова появится, небесная твердь, неуклонно движущаяся на запад, уносит ее дальше вслед за собой, и когда она является снова, в другом месте, ее считают другой звездой¹⁸.

VIII. О комете

23. Комета, являющаяся при смене власти, как нам кажется, не относится к звездам, потому что она не из неподвижных и не из планет. То, что, она не из неподвижных, очевидно из того, что мы ощущаем ее движение, а то, что не

планета, из того, что она часто бывает вне Зодиака и не следует планетному движению. Если бы она была звездой, то находилась бы в одном из полушарий, но когда появляются остальные звезды полушария, почему она, более крупная на вид, не показывается? Так что это не звезда, а огонь, зажженный по воле Творца для какого-то знамения.

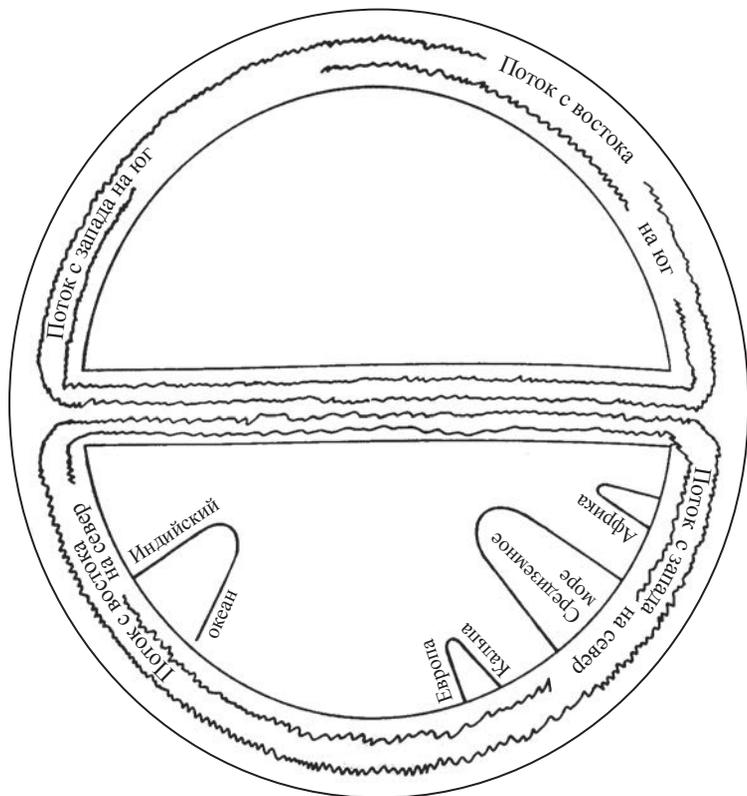
IX. О положении воды

24. Рассказав, ради краткости бегло, о воздухе и происходящем в нем, начнем разговор о воде и ее положении. Божественная премудрость, зная, что без тепла и влаги жизни быть не может, землю и воду сделала холодными, а источник всего тепла, солнце, поместила над серединой земли, чтобы оно равномерно согревало ее тут и там. Но поскольку одним лишь теплом ничто жить не может, она поместила в центре, под источником тепла, источник влаги: вместе они всё на земле приводят в равновесие. Источник влаги находится посреди засушливой области, наподобие круга равноденствия он окружает землю, поэтому многие считают, что его не существует, ведь из-за великой жары до него не добраться. Физики же по описанной причине верят в него и называют истинным морем.

X. О потоках океана

25. Приходя на запад, это море дает два обратных потока¹⁹: один на юг, другой – на север, по направлению к обеим сторонам земли. Так же оно делает и на востоке, склоняясь к двум сторонам. Когда восточный и западный потоки, направляющиеся на север, встречаются, море от столкновения бурлит и возникают всем известные приливы и отливы океана, называемые морским течением. То же происходит с потоками, сталкивающимися на другом полюсе земли. Иные говорят, что морское течение связано с находящимися на дне моря горами: достигая их, море позади себя падает, бурлит, русло его там заполняется, а спереди пустеет, а когда оно возвращается, то спереди заполняется, а сзади пустеет.

26. Западный поток, идущий на север вдоль краев земли и огибая Африку, когда достигает ее края, (распространяется) от Кальпы²⁰ и Атласа до окрестностей Иерусалима, называясь Средиземным морем и в разных местах получая разные имена. Если кто-то хочет узнать, как оно опускается и поднимается и какие получает имена от местностей, пусть сверится с картой мира. Поскольку же легче запоминается описание, представленное взору, покажем сказанное.

27. Западный поток, направляющийся на север, по горе Атласу получает имя Атлантического, в нем расположена Британия и другие близлежащие острова. Из восточного потока, идущего на север, рождается Индийское море. Сходным образом, надо полагать, рождаются различные моря и в потоках, идущих на юг, но описывать это нам не следует, потому что лежащая между нами засушливая область оставляет неизвестным для нас их расположение. А поскольку, по нашему мнению, из тех же потоков рождаются ветры, о происхождении ветров – основных и боковых – мы и поведем рассказ²¹.

XI. О происхождении ветров

28. Как мы сказали, на западе источник всей влаги делится на два потока, один на юг, другой – на север: этот водораздел вызывает движение воздуха. Если напор достаточно велик, то он порождает ветер под названием Зефир, а два восточных потока своим разделением и движением вызывают восточный ветер, называемый Евром. Когда сталкиваются идущие на север восточный

и западный потоки, воздух приходит в движение и возникает северный ветер, который называют Бореем. Он холоден, потому что рождается в холодной области, и сух, потому что гонит тучи из этого угла земли в середину, а рядом с засушливой областью вызывает дожди. Проходя в засушливой области, он нагревается, хотя нам кажется холодным, но там он горяч. 29. Подобным же образом при столкновении двух идущих на юг потоков рождается Австр. Вне пределов засушливой области он холоден и сух, как Борей, потому что рождается в холодной области, но, проходя через засушливую область, он приходит к нам горячим и, гоня в наш обитаемый угол земли облака, оказывается горячим и влажным, хотя по происхождению холоден и сух. Рассмотрев происхождение четырех основных ветров, узнаем, откуда берутся боковые.

30. Если из двух идущих на север потоков, как описано выше, порождающих Борей, восточный оказывается быстрее, он встречает западный за центральной точкой севера, и тогда рождается боковой ветер между Бореем и Зефиром. Если же восточный сталкивается с западным за центральной точкой, рождается боковой ветер между Бореем и Евром. Точно так же, встречаясь за серединой, два других потока порождают боковые ветры: один между Евром и Австром, другой – между Австром и Зефиром. Поскольку наглядное изображение уменьшает труд, нарисуем нечто подобное предыдущему, но в ней потоки сходятся не в середине, как на той: по первой можно представить себе основные ветры, а по второй – боковые²².

31. Встает вопрос: если ветры возникают по описанным причинам, а потоки, судя по ежедневному морскому течению²³, разделяются и сталкиваются постоянно, почему ветра дуют не каждый день? Ответим: потоки постоянны, но не всегда достаточно сильны, чтобы достичь нас. Часто кажется, что ветра нет, а в других местах или в верхних слоях воздуха есть, хотя мы этого не чувствуем. 32. Иные считают причиной ветров пустоты в земле: проникая в них, частицы воздуха, будучи подвижными и стремясь одновременно внутрь и наружу, приходят в конфликт, а пришедший в движение воздух порождает ветер; поэтому полную таких пустот Эолию называют страной ветров²⁴. По другим мнениям, воздух будоражит и гонит ветра поднимающийся влажный пар. Мы считаем, что ветры возникают по всем трем причинам.

XII. Почему одна вода пресная, другая соленая

33. Рассказав об источнике всей влаги и происхождении ветров, выясним теперь, откуда берется соленая вода. Естественный вкус воды – пресный (потому пресная и природная слизь), но иногда становится соленой по следующей причине. Море, находясь, как мы говорили, под засушливой областью, от жара сжимается и солонее. Ведь очевидно, что при кипячении вода превращается в соль. Спросят, однако: если все воды рождаются от этого соленого источника и к нему же возвращаются, по словам Соломона, «к тому месту, откуда реки

текут, они возвращаются»²⁵ (не следует же считать, что воды исчезают, скорее они движутся по кругу), то почему же одни соленые, другие пресные? 34. Ответ таков: поскольку земля пористая, вода благодаря своей текучести проникает в нее, спускаясь водопадами, она очищается и разрежается, теряя соленый вкус; а вырываясь на поверхность, она дает пресные источники и от них – ручьи.

ХIII. О колодцах

35. О колодцах и о том, откуда в них берется влага, единого мнения нет: если бы они питались, как источники, из водопадов, то они бы переполнялись и растекались. Возразим на это: имея источником своим водопады, они не переполняются, потому что случается, что водопад в этом месте не заканчивается, а возникает там и сям, и вода тогда течет дальше, за колодец, но не вырывается наружу. Там где находится источник, водопад заканчивается, поэтому считается, что вода, не способная протечь сквозь толщу земли, вырывается наружу. Есть мнение, что колодцы питаются не водопадами, а по́том земли: в земле, пористой и содержащей в себе сколько-то жидкости, спускаются водяные капли, словно пот у человека, и так возникает колодезная вода.

36. Нам кажется, что источник ее и там, и там. То, что они из водопадов, доказывается тем, что прямо рядом с рекой можно найти колодец и что, если сделать рядом со старым колодцем новый, вода из одного переходит в другой. То же, что они из пота земли, видно по тому, что их находят в сухих и возвышенных местах.

37. То, что колодезная вода зимой теплая, а летом холодная, связано вот с чем: зима по природе холодная, поры земли скованы морозом, пар не испаряется и, оставаясь внутри, нагревает и воду, а летом, когда поры земной поверхности открыты зноем, пар уходит, жар убывает, вот и вода, из глубин вырываясь наружу, холодна. Поэтому колодезная вода летом чрезвычайно холодна, источниковая, находясь ближе к теплomu воздуху, теплее, речная еще теплее, дождевая еще теплее.

Итак, пресная вода возникает в процессе очищения воды в водопадах, та же, что выходит на поверхность из источника влаги, а не через водопады, плотна, солонa и называется морем.

ХIV. О пожаре и потопе

38. Все философы сходятся на том, что земной мир кончится либо пожаром, либо потопом: посмотрим, каковы их причины. Поскольку вода, как мы сказали, лежит под источником тепла, случается, что влага потихоньку возрастает и превосходит количество жара, достигая, наконец, таких размеров, что, не сдерживаемая никакими берегами, разливается повсюду и покрывает землю. Когда под воздействием солнца и земной суши она высыхает, жар возрастает

и превосходит количество влаги, пока не достигает такого размера, что распространяется по всей земле и сжигает ее.

39. Иные говорят, что это происходит от восхождения или снижения планет: если все планеты одновременно поднимаются выше обычного, удалившись от земли, то потребляют меньше влаги, она распространяется по земле, и начинается наводнение. Если же восходят одна, две или три, без остальных, количество влаги не так увеличивается: из-за восхождения одних ее становится больше, но близость других ее иссушает. Когда все они снижаются, то близостью своей сжигают земли, и начинается пожар. Но если снижаются лишь две-три, без остальных, пожара не происходит, потому что те, что ближе, действуют сильно, а отдаленные – слабо. Следует учитывать, что одно дело потоп, другое – местное наводнение, причем первый не может следовать за вторым, но лишь сам по себе, и тогда одно за другим все брренное погибнет. Следовательно, поскольку во времена Ноя мир был уничтожен потопом, нынешний мир погибнет в огне.

XV. О лунном месяце

40. Поскольку в конце этой книги речь идет о море, посмотрим, почему в первую неделю лунного месяца приливы и отливы слабеют, во вторую растут, в третью слабеют, в четвертую растут. В междулуние весь освещающий луну солнечный свет падает на воздух, он не может разредить находящееся под ним и иссушить влагу: тогда морское течение максимальное. Когда же свет опускается, луна загорается, сушит воздух и уменьшает количество влаги. Чем ниже опускается свет, тем больше высыхает влаги, и так до седьмого дня. На седьмой день, горя полностью, до середины, луна посредством воздуха иссушает влагу, и та, выкипая, поднимается: так до четырнадцатого дня растет морское течение. Поскольку в третью неделю жар, поднимаясь, убывает, морское течение слабеет, в четвертую же, когда с подъемом света жар слабеет, воздух сгущается, влага возрастает, а с ним и морское течение вплоть до новолуния.

Книга четвертая

Пролог

1. В предшествующих томах рассказ плавно спускался от первопричины вещей к земле, не лстя слуху, служа лишь пользе читателей и поэтому не слишком радуя души глупцов. Впрочем, уже исполнилось апостольское: «Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху»¹. 2. На какую еще свободу в науке можно надеяться, если мы знаем, что учителя подхалимничают перед учениками, а те, судьи своих учителей, решают, о чем им говорить и о чем молчать? Редко встретишь лицо магистра, чаще – физиономию и голос сатрапа; если же кто из учеников пойдет за суровым учителем, школярские девки обзовут его больным и грубым дикарем, а он скажет вместе с Умбрицем:

...покидаю, не бывши клиентом,
Точно калека какой сухорукий, к труду неспособный².

То, за что учителей следовало бы любить, заставляет бежать от них, как у Овидия:

Роскошь такая мужчин не привлечет, а спугнет³.

3. Однако поскольку благоразумному следует склонять душу не к худшему, а к лучшему, отвергнув зло и приобщившись к благому, последуем дальше и мы: в общих чертах поведав об элементах и их украшении, потолкуем о земле и ее красотах.

I. О земле и ее качествах

4. Земля есть элемент, помещенный посередине мира и поэтому самый низкий, ведь во всякой сфере только центр самый низкий. Мир же представляет собой подобие яйца: земля в нем – желток, вода вокруг нее – белок вокруг желтка, воду окружает воздух, как пленка – белок, все вместе охватывает огонь, словно яичная скорлупа⁴.

5. Земля, помещенная таким образом в середину мира, по природе своей холодная и сухая, но в разных своих частях может обладать различными свойствами. Область под засушливым воздухом из-за солнечного жара суха и необитаема. Оба ее полюса, подлежащие холодным областям воздуха, морозны и необитаемы. Та же ее часть, что лежит под умеренным воздухом, умеренна и обитаема. Поскольку, как мы сказали, умеренных областей на земле две, столько же умеренных и пригодных для жизни областей: одна по эту сторону засушливой области, одна – по другую. Хотя обе подходят для жизни, мы считаем, что заселена людьми только одна из них, не вся земля. Но поскольку философы рассуждают о жителях обеих, –

не потому что они там есть, а потому, что могут там быть, – перескажем о тех, в чье существование мы не верим, согласно философским текстам.

II. О жителях земли

6. Обитаемая часть земли, в которой мы живем, делится надвое. Поскольку умеренный воздух есть с обеих сторон земли, то на обеих сторонах есть и умеренная и пригодная для жизни область. Потоки океана поясом по горизонту охватывают стороны земли, деля ее пополам: в верхней половине живем мы, в нижней – наши антиподы. Но ни один из наших не может попасть к ним, никто из них – к нам. С северной стороны переход преграждают холод и потоки, с востока и запада – только потоки. Вторая обитаемая область подобным же образом делится пополам, верхнюю часть занимают наши антэки, нижнюю – антиподы. Итак, в двух обитаемых областях четыре местности, у жителей которых некоторые временные промежутки совпадают, другие – нет.

7. С антиподами у нас общие зима, лето и другие времена года, но когда у нас день, у них ночь, и наоборот. Если при близком солнце лето, при удаленном – зима, при среднем – весна или осень, а знаки Зодиака, в своем служении земле обходящие кругом свое природное место, равно удалены от нас и от них, солнце, в каком знаке не пребывает, одинаково воздействует на нас и на них. Поэтому резонно, что у нас одни и те же времена года, но не день и ночь, ведь когда светит солнце, наступает день, а когда тень на земле, ночь. Тень всегда находится на противоположной свету стороне. Когда на верхней стороне земли сияет день, на нижней ночная тьма, а когда в тени верхняя, в нижней свет. Нет такого часа, когда в одной части не был бы день, а в другой ночь.

8. Возникает, однако, вопрос: если у нас с ними лето и зима совпадают, а когда у нас день, у них – ночь, но летом у нас дни очень длинные, а ночи короткие, у них же, получается, дни короткие, а ночи длинные, это ведь противоречит природе лета? Ответим на это: хотя, когда у нас день, у них ночь, она наступает не сразу, как только у нас начинается день, иногда день и у нас, и у них, только у одних утром, у других вечером. Когда солнце у нас всходит, у них оно заходит, у нас утро, у них вечер, например, в нашем первом часу у них еще не ночь. Точно так же на закате, когда у нас солнце заходит, им оно является, то есть у них утро, у нас – вечер.

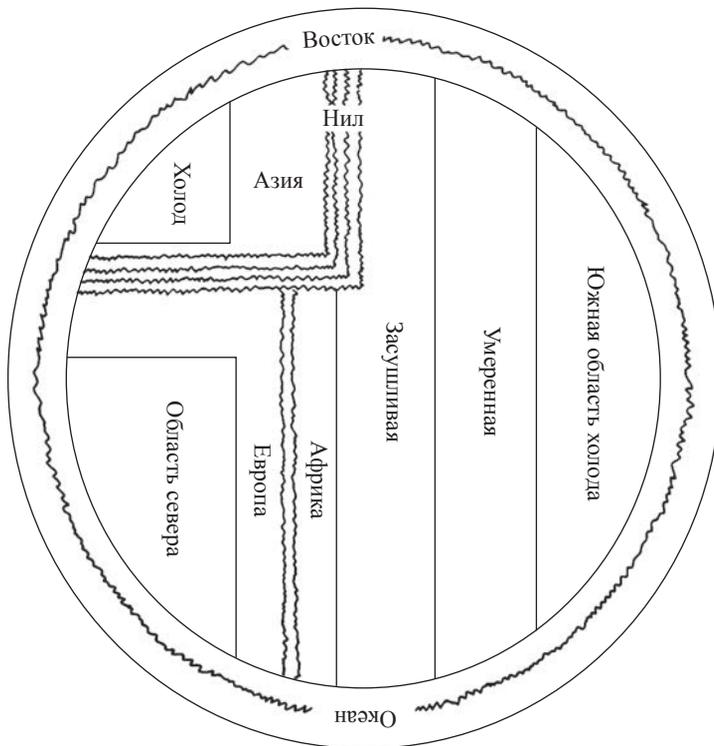
9. Так получается, что дни и ночи у нас с ними одинаковые, хотя и не одновременно. То же и зимой. Но почему так происходит, пусть между собой решают умные читатели. У нас с антэками совпадают день и ночь, но когда у нас лето, у них зима и наоборот. Мы в одном полушарии, свет и тень у нас в одно время, но поскольку солнце, находясь близко к нам, от них удаляется, когда у нас лето, у них – зима. Уходя же от нас, оно приближается к ним, тогда у нас зима, у них – лето.

10. Вновь возникает вопрос, похожий на предыдущий, ответ на который легко найдет всякий, усвоивший сказанное выше: нас с антиподами антэков не объединяют ни дни, ни ночи, ни лето, ни зима. Антэки со своими антиподами

связаны так же, как мы со своими, а антэки с нашими антиподами так же, как мы с их антиподами. Достаточно рассказав о трех обитаемых областях и их обитателях, потолкуем теперь о нашей.

III. О границах Азии, Африки и Европы

11. Наша обитаемая область протянулась с востока на запад и с севера на юг и хотя считается умеренной, эта умеренность распределяется по ней не равномерно. Земли, близлежащие к засушливой области, например, Ливия и Эфиопия, жаркие и сухие; близкие к холодной – холодны, восток жаркий и влажный, запад холоден и сух, центр умеренный. Три основные ее части – Азия, Африка и Европа. Азия начинается на Востоке по сторонам распространяется до севера и засушливой области, заканчивается у Танаиса и Нила, занимая половину обитаемой области. Европе и Африке принадлежит вторая половина. Границы Африки проходят по Нилу на востоке, засушливой области на юге Средиземному морю на севере и океанскому потоку на западе. Границы же Европы на востоке проходят по Танаису, на юге по Средиземному морю, на западе по океанскому потоку, на севере – у области холода, вот так.

IV. Почему в некоторых горах вечный снег

12. В этой области есть горы, на вершинах которых лежит снег, когда на равнине жара. Спрашивается, почему на вершинах снег, а на равнине нет, если тепло приходит от солнца, а горы ближе к нему, чем их равнины. На это ответим (мы уже вкратце касались этого раньше), что хотя тепло и от горячего по природе солнца, но оно ничего не может согреть, пока не смешается с чем-то влажным, превращая его в свою природу. Поэтому в горах разреженный, сильно удаленный от земли воздух не может зажечься от солнца, но, носясь повсюду благодаря своей легкости, охлаждается. В долине же, где он плотен и почти неподвижен, быстро зажигается и нагревается. Летом это доказывается тем, что стоячий воздух зажигается и нагревается, но если ветер приводит его в движение, он чувствуется холодным. Возникает, правда, еще один вопрос: если воздух в высоких горах столь разрежен, почему же он сгущается в облака и снег? На это мы скажем, что не он сгущается, а пар, поднимающийся с равнин, под воздействием царящего в вышине холода сгущается в облака и уплотняется в снег.

V. Какие свойства земля получает от ветров

13. Одна и та же обитаемая область от разных ветров получает различные свойства. Если, например, какая-то земля, отгороженная горами от востока, закрыта также западу и северу, но открыта югу, она жаркая и сухая, зимой пригодна для жизни, а летом ужасна. Если же все наоборот, зимой ужасна, летом – удобна. Земля, открытая на восток и закрытая по другим направлениям, теплая и влажная и поэтому удобная. То, что мы говорим о частях земли, можно проверить на окнах: южные летом неудобны, зимой хороши, северные – наоборот. Потому-то древние строили южный и северный триклинии, чтобы в южном спать зимой, в северном – летом.

Достаточно рассказав об этом элементе и его частях, следует теперь поговорить о травах, плодах и деревьях.

VI. О привитых деревьях

14. Поскольку Мацер и Диоскорид⁵ пишут о них подробно, мы не будем говорить о них, за исключением одного вопроса относительно привитых растений: если ствол одной природы, черенок – другой, а сила роста поднимается из земли через корни и ствол, каким образом переходят в природу черенка ветви и плоды? Решение этого вопроса таково: из земли по порам корней поднимается теплый и влажный пар, неся частицы земли и воды; сила жизни, роста и плодоношения поднимается по стволу; ствол удерживает то, что требуется ему по природе, и, естественным теплом направляя

это в сердцевину, меняется сам и изменяет кору. То же, что доходит до черенка, черенок подобным же образом потребляет по надобности собственной природы⁶.

VII. О земном животном

15. Остается рассказать о земном животном. Хотя все животные смертны, одни разумны, другие неразумны. Неразумных – бесчисленное множество и для философского изложения они не имеют особого значения, поэтому об их свойствах и почему одни жуют, другие нет, одни мочатся, другие нет, мы пока говорить не станем, а перейдем к смертному и разумному, то есть к человеку, ведь это достойнее. Поскольку он состоит из двух частей – тела и души, следует сначала потолковать о человеческом теле, прежде прочего доступном нашему познанию, а потом о душе и ее способностях. О создании первых мужчины и женщины, о том, как из праха был сотворен человек, мы рассказали в первой книге, теперь же узнаем о том, как он обычно зачинается, формируется, рождается, о его возрастах, членах, их функциях и полезности.

VIII. О сперме

16. Поскольку человек зачинается спермой, нужно сказать о ней кое-что. Сперма есть семя человека, состоящее из чистой субстанции всех членов. То, что она состоит из субстанции всех членов, очевидно из того, что из нее формируются все члены, природа же такова, что подобное рождается из подобного. Еще одно доказательство состоит в том, что если отец получает неизлечимое заболевание, например, хирагру или подагру, недуг того же члена получит и сын.

IX. О времени, подходящем для соития

Упомянув о сперме, принимаемой маткой, надо немного рассказать о времени, подходящем для соития, и о матке. Время для соития наступает в четырнадцатилетнем возрасте. Спрашивается: раз сперма возникает в тепле и влаге, а детство теплое и влажное, почему тогда не происходит соития? На это ответим, что в этом возрасте еще закрыты необходимые каналы, по которым сперма может выйти. В других же возрастах они открыты и пригодны для соития. В ранней и глубокой старости из-за холодности этих возрастов соитие бывает редко. После трапезы перед сном это дело вредно, потому что отнимает жар, необходимый для переваривания пищи; после же сна, когда пища переварена, самое время. О том, какая комплекция нужна для соития, можно узнать во второй части трактата.

Х. О матке и бесплодии

17. Матка есть вместилище для семени, покрытое изнутри ворсом, чтобы лучше улавливать его, и обладающее семью ячейками, отчеканенными в форме человеческой фигуры, словно монеты. Поэтому женщина за раз может родить не больше семи детей. Поскольку матка может стать причиной бесплодия, кратко расскажем о ней. Причиной бесплодия могут быть чрезмерная сухость, чрезмерная влажность, чрезмерный жар или чрезмерный холод. Состоя из уравновешенной крови, сперма, чтобы стать чем-то, нуждается в себе подобном. Иногда зачатию мешает излишняя тучность: закрывая отверстие мешочка, она не пропускает семя. Поэтому Вергилий в «Георгиках» советует кобылиц во время спаривания изнурять худобой и добавляет из физики: «не забухли бы борозды праздно»⁷. Наконец, причиной бесплодия может стать и слишком частое соитие: матка внутри истачивается и, словно намащенный мрамор, ничего не может задержать.

XI. О женской сперме и месячных

18. Спрашивается, достаточно ли мужской спермы, без женской, для рождения. Некоторые считают, что достаточно, чему доказательством служит то, что часто мужчина овладевает женщиной без ее желания и, несмотря на ее слезы, кого-то порождает, когда никакого женского семени быть не может: ведь не бывает выброса семени без желания. Мы думаем, что женская сперма участвует в зачатии, что очевидно по недугу, который ребенок наследует в том же органе, что у матери. На то, что женщина зачинает без желания, скажем, что, если в начале и не нравится, в конце, по слабости плоти, все же нравится.

19. После зачатия прекращаются месячные, поэтому расскажем, что это такое и почему в этот момент их нет. Всякая женщина по природе холодна, самая горячая холоднее самого холодного мужчины, она не может как следует переварить пищу, часть ее остается и каждый месяц вычищается, называясь поэтому месячными. Когда же происходит зачатие, плод выделяет тепло, пища переваривается лучше и остатков образуется не так много. Кроме того, плод питается кровью матери, и она не нуждается в очищении. По этой причине прочие животные начинают ходить с момента рождения, а человек не может, потому что в утробе питается менструальной кровью. Почему женщины становятся горячее после зачатия, при том что прочие животные вообще отказываются после этого от соития, почему они, будучи холоднее мужчин, превосходят их в сластолюбии, почему в соитии с прокаженной женщина не заражается, а мужчина заражается от прокаженной, — обо всем этом мы пока речь вести не будем, чтобы не смущать клириков и не оскорбить их длинным разговором о подобных предметах, если им попадется в руки наша книга.

XII. Как зачинается мальчик, как девочка

Когда сперма оказывается в матке и отверстие закрывается, если она останавливается справа, то благодаря близости находящейся справа от матки печени питается лучшей и более теплой кровью, и получается мальчик; если слева, вдали от печени, источника тепла, то девочка; если не совсем справа, а немного левее, но все же справа, то родится женоподобный мужчина; если, наконец, слева, но немного правее, – мужеподобная женщина.

XIII. О воздействии сил на ребенка

20. Когда семя находит свое место в одной из четырех частей матки, на него начинает воздействовать переваривающая сила: нагреваясь от материнского тепла, она его сжимает. Но по сухости своей зародыш создает внутри себя пленку, защищающую его от смешения с вредными для него излишками. Эта пленка растет и выходит на свет вместе с младенцем. На седьмой день после зачатия, как сообщает Макробий⁸, на поверхности пленки появляются капли крови, на третью неделю они примешиваются к влаге зачатия, на четвертую сгущаются в жидкую массу, нечто среднее между плотью и кровью; наконец, сила роста приходит на пятой неделе, если ребенку предстоит родиться на седьмом месяце, или на седьмой неделе, если на девятом. Ее функция – формирование тела человека. За ней следует приспособляющая сила: ей надлежит холодное и сухое превратить в холодные и сухие члены, например, в кости, холодное и влажное – во флегматическое, скажем, в легкие, горячее и сухое – в холерическое, вроде сердца, горячее и влажное – в сангвиническое, например, в печень. После нее действует оттачивающая сила: она высекает руки, просверливает ноздри и прочее.

Когда члены сформированы, прилажены и отточены, влажный пар взбегает по артериям и венам, давая движение и жизнь. Движение зарождается на семидесятый день, если ребенок должен родиться на седьмом месяце, или на девяностый, если на девятом. Но поскольку все живущее во времени нуждается в питании, приходит потом и сила кормления, сохраняющаяся до смерти.

XIV. Как ребенок питается в утробе. О семимесячных циклах

21. Возникает вопрос, как питается ребенок в утробе. Ответим: некими нервами, находящимися в пупе, он прикреплен к матке, через них он питается чистой кровью из печени и растет, поэтому, получая питание уже переваренным, он не нуждается в его выведении. За описанными силами следует рождение, у которого бывает два срока: на седьмой месяц и на девятый.

22. Спросят, почему ребенок не выживает, если рождается до седьмого месяца, выживает, если рождается на седьмой месяц и не выживает, если на восьмой. Физики говорят, что до седьмого месяца ребенку не хватает необходимой для жизни двигательной способности, а на седьмой ее уже достаточно, поэтому, если он, ворочаясь, ломает нервы, которыми крепится к матке, то рождается непригодным к жизни. На восьмой месяц он ослаблен собственным движением в седьмой месяц и, если рождается, то к жизни не пригоден: он должен отдохнуть, и тогда, на девятый месяц, он опять начинает двигаться и, снова порвав нервы, рождается уже готовый к жизни. Поскольку он питается в тепле и влаге, а рождаясь, оказывается во враждебной ему среде, чувствуя это, он издает крик, поэтому первый голос человека – крик боли.

XV. О детстве

23. С первого по седьмой год длится детство, потому что часть этого времени ребенок не может говорить, а потом говорит, но не в совершенстве, может чувствовать, но еще лишен разума и интеллекта. Скажем кое-что о чувстве, а о разуме, интеллекте и почему их нет в этом возрасте, поговорим, когда речь пойдет о душе, ведь это способности души. Поскольку чувство имеет своей причиной животную силу, которой предшествуют природная и духовная силы, начнем именно с природной, первой из них.

XVI. О первом этапе пищеварения

24. Человек состоит из четырех элементов, поэтому из тепла и влаги в нем рождается влажный и теплый пар. Распространяясь по членам, приводя их в движение, он осуществляет трехкратное пищеварение и называется природной силой. Заговорив о трех этапах пищеварения, узнаем, что оно вообще из себя представляет, где и как происходит. Переваривание – это изменение вещи через вскипание. Первый этап его проходит в желудке, второй – в печени, третий – во всех членах. Начнем с первого. 25. Тело человека в определенном возрасте нуждается в росте и во всяком возрасте – в подкреплении (ведь надо противостоять жару и холоду внутри и снаружи), поэтому потребовались пища и питье для пропитания и роста. Но пища груба, и прежде чем отправить ее в желудок, следует ее размельчить и смягчить. Для разжевывания пищи из слизи, спускающейся по деснам, уплотнившейся и затвердевшей от холода, возникли зубы, а язык, словно рука мельника, вертит ее и направляет под зубы. Он губкообразен, чтобы воспринимать соки и различать вкус. Первый этап пищеварения начинается во рту: подготовленная таким образом пища вместе с питьем по пищеводу входит через широкие ворота в желудок, варится там и превращается в подобие настоя. Таков первый этап.

XVII. О желудке и других этапах пищеварения

26. Возникает вопрос, горяч ли по своей природе желудок. Говорят, что да, иначе ему не переварить пищу. Раз он переваривает и изменяет пищу, значит, горяч. Мы же считаем, что по природе он холоден, но бывает горячим. По природе он также нервный, чтобы раздуться, если человек съедает больше обычного, и сжиматься, когда меньше. По необходимости его природа нервная, чтобы не повредиться, когда в него попадает что-то твердое или не разжеванное, а поскольку все нервное холодной природы, значит, холоден и желудок, но, чтобы еще не переваренная пища лучше в нем держалась, изнутри он покрыт ворсом.

27. Холодный по природе, он все же иногда нагревается. Он расположен над печенью таким образом, что фактически полностью ею покрыт; справа от него желчный пузырь, слева – сердце, все горячие и сухие. От них он нагревается, словно котелок на огне. Собственно говоря, пища варится внутри желудка, а не им самим. Превратившись в подобие настоя, пища через нижнее отверстие, называемое дверью, входит в двенадцатиперстную кишку, названную так потому, что она длиной в двенадцать пальцев того человека, которому принадлежит. Оставив там необходимое для его пропитания, она переходит в следующую кишку, называемую голодной, потому что она ничего не задерживает. К ней присоединяются вены из печени, по которым жидкость попадает на дно печени: они называются мизераиками⁹, потому что они несут сок. Осадок же через толстую кишку спускается для испражнения: это излишки первого этапа пищеварения.

28. Попадающая на дно печени жидкость переваривается ее теплом. То, что в ней было горячего и сухого, переходит в красную желчь и по сосудам перетекает в полость желчного пузыря, вместилище желчи, часть ее направляется в желудок для усиления аппетита. А холодное и сухое из жидкости превращается в черную желчь и спускается в селезенку, вместилище ее. Еще часть поднимается в желудок для поддержки в нем удерживающей силы. Холодное и влажное превращается в слизь, идет в легкие, вместилище слизи, поделившись частью с желудком для поддержания выталкивающей силы. Наконец, горячее и влажное, став кровью, остается в печени, вместилище крови. Таким образом, в печени рождаются четыре сока, наделенные собственными вместилищами: красная желчь – в желчном пузыре, черная – в селезенке, кровь – в печени, слизь – в легких. Некоторые, правда, считают, что у слизи своего места нет и она всегда сопровождает кровь, чтобы легче разливаться по членам. Таков второй этап пищеварения.

Остающееся от него по полой кишке, идущей вдоль позвоночника, спускается к почкам. Те, оставив себе необходимую для питания жидкость, остальное посылают через мочевыводящие пути в мочевой пузырь: эта вытекающая через мужской член жидкость называется мочой, остаток второго этапа пищеварения.

29. Поскольку у детей мочевыводящие пути сужены, застревающие в них плотные частицы каменеют. В других же возрастах, когда пути раскрываются, камни образуются не там, а в почках. Поэтому у ребенка камни возникают в шейке мочевого пузыря, у взрослого – в почках. Кровь, формируясь, как сказано выше, в печени, по венам растекается по всем членам, переваривается их жаром и уподобляется им. Излишек отчасти удаляется через пот, часть возвращается в печень, переваривается там, спускается и уходит с мочой: она называется осадком. На дне мочи она называется «гипостазис», в середине «энеорима», наверху – «нефиле». Однако что означают слова вроде «находящийся в разных местах», «когда он слитный, когда разорванный» и «по консистенции и цвету», к нашему делу не относится. Если кто-то захочет об этом узнать, пусть почитает Теофила о моче.

XVIII. О комплекциях

30. Этой природной силе надлежит давать рост, что и происходит благодаря теплу и влаге. Если что-то поднимается, это от тепла, если уплотняется – от влаги. Говорят, правда: если рост – от тепла и влаги, то почему растут и холерики, и меланхолики, при том, что одни холодные и сухие, другие – горячие и сухие? Мы на это скажем, что нет человека, который не был бы жарким и влажным, но одни больше, другие меньше. Человек, например, по природе жаркий, влажный и в равной мере обладает четырьмя свойствами, но под воздействием природы в нем те или иные то усиливаются, то ослабляются. Если в ком-то усиливается жар и слабеет влажность, он называется холериком, то есть горячим и сухим, однако он не лишен влаги. Если в другом сильна влага, а жар слаб, это флегматик, если сильна сушь и слаб жар, – меланхолик, если же они наравне, – сангвиник.

31. Итак, все люди по природе жаркие и влажные, а в зависимости от преобладающего и ослабленного свойства каждый получает название по преобладающему и по противоположному тому, которое ослаблено. Человек может вырасти в любой комплекции, но в одной больше, в другой меньше, в одной – в высоту, в другой – в ширину. Холерики высокие и стройные: высокие из-за жара, который дает рост, стройные из-за сухости. Сангвиники высокие из-за жара и полные из-за влажности. Флегматики из-за холода низкорослые, из-за влажности – полные. Меланхолики из-за холода низкие, из-за сухости худые. Однако эти естественные качества часто могут меняться: холерики и меланхолики от безделья или от еды толстеют, сангвиники и флегматики при воздержании или много трудясь худеют. То, что сангвиники, флегматики и другие по природе невысокие, происходит от маленького размера матки или малого количества спермы. Природная сила находится в основных органах, в служебных и вспомогательных, а также в таких, которые представляют собой один из двух последних, и в таких, которые не являются ни

служебными, ни вспомогательными. Но поскольку об этом подробно рассказывает Иоанниций в «Исагоге», перейдем сразу к сну, принадлежащему к природной силе.

XIX. О сне и сновидениях

32. Сон есть покой животных сил при усилении природных. Происходит он так: при подъеме влажного пара наполняются нервы, по которым обычно спускается животная сила; животное перестает видеть, слышать и т.п., пока влажный пар не иссушится естественным жаром, а животный дух не начнет опускаться, возбуждая животное к какому-либо чувству. Сновидения возникают из остатков мыслей, из пищи, питья, от погоды, из-за комплекции, от положения тела во сне. Они ничего не значат. Одни посылают ангелы, другие приходят от чистоты и свободы души. Объяснение любого сна у нас всегда наготове, но к делу это не относится, и поскольку мы приближаемся к концу тома, перейдем к духовной силе.

33. Названный выше пар по различным отверстиям попадает в сердце и расширяет его для впитывания воздуха, чтобы умерить внутренний жар, а для выведения излишков сжимает: поэтому он называется духовной силой, которой служат артерии. Однако перейдем к животной силе. Пар, поднимаясь по нервам, очищается и становится столь разреженным, что, попадая в мозг, называется духом, а спускаясь, разными способами совершает, как мы покажем, различные животные действия. Поскольку источник их в мозге, вначале потолкуем о нем, затем о том, как из него происходят чувства. Начнем с головы, где он находится.

XX. О голове

34. Голова есть сферическая субстанция, выступающая спереди и сзади почти на два пальца. Она круглая, чтобы мозгу легче было вращаться внутри и чтобы в углах не задерживались излишки, если бы таковые возникали, и не портили бы ее состояние. Спереди и сзади она выступает, потому что там находятся нервы, из коих передние управляют чувствами, задние – произвольными движениями тела. Внешняя сторона ее – череп, к его пленке прикреплены волосы, рожденные поднимающимся по порам и выходящим наружу паром: выходит он сухим, но окружающим холодом сжимается и превращается в телесную субстанцию, однако тяжелому свойственно спускаться, и они изгибаются и ниспадают. Итак, всякому возрасту присущи излишки, во всяком же возрасте растут волосы и ногти, которые возникают из излишков работы сердца, выходящих через кончики пальцев и затвердевающих от холода.

35. Часть волосяного покрова не растет в некоторых возрастах, например, борода, волосы на груди, а борода не растет у женщин: она имеет источни-

ком своим жар, поступающий одновременно от сердца и яичников мужчины, а у женщины не бывает из-за ее холодности, разве что какая-нибудь женщина оказывается горячее обычного. По той же причине нет бороды у скопцов, а в детстве – из-за узости пор. Поскольку волосы возникают из поднимающегося пара, от разных комплекций они получают разные цвета, но поскольку об этом достаточно написано в сочинениях по физике, мы пойдем дальше.

36. Под черепом расположены две пленки, называемые «минингами»: внешняя потверже, ее называют «твердой матерью», внутренняя потоньше, она – «милостивая мать».

XXI. О мозге

37. Под ними находится мозг, которому Константин дает такое определение: «Мозг есть жидкая белая субстанция без крови». Нужно спросить, холодный он или горячий. Мы ответим, что холодный, чтобы не пересохнуть от постоянного движения. Он занимает в голове три ячейки: одну на носу, одну в середине, одну на корме. Первая, горячая и сухая, называется «фантастической», то есть зрительной, потому что в ней расположена сила зрения и понимания. Горяча и суха она для того, чтобы притягивать к себе формы и цвета вещей. Средняя называется «логической», то есть рациональной, в ней сила распознавания: то, что фантастическая ячейка притянула, здесь подвергается распознающей работе души. Эта ячейка горяча и влажна, чтобы, распознавая, лучше приспособиться к свойствам вещей. Третья ячейка называется «памятной», в ней зиждется сила памяти. Распознанное в логической ячейке поступает сюда через некое отверстие, закрытое завесой, поднимающейся, когда мы хотим что-нибудь передать памяти или превратить в воспоминание. Эта ячейка холодна и суха – для лучшего запоминания, ведь холодному и сухому свойственно сжимать.

38. Иной спросит: как же это все доказать? Ответим: по ранам в этих местах. Наблюдая за понятливым, разумным и памятьливым человеком, физики заметили, что, получая ранение в одну из этих ячеек, он лишался соответствующей способности, сохраняя другие. Солин в «Полистории» рассказывает, как кто-то, получив рану в затылке, пришел в такое неведение, что забыл даже собственное имя¹⁰. Не зря древние говорили, что голова – хранилище мудрости, ведь там находится то, что делает человека мудрым: интеллект, разум и память. Для этого к мозгу подходят глазные нервы, через которые выходит животный дух и осуществляет, как мы покажем, зрительный акт. Но сначала нужно сказать несколько слов об устройстве глаз.

XXII. О глазе

39. Глаз представляет собой округлую светлую субстанцию, в середине, впрочем, довольно гладкую, состоящую из трех соков и семи тканей. Она округлая, чтобы вращаться в разные стороны, плоская посередине, чтобы лег-

че схватывать формы и цвета вещей, светится и состоит из соков, чтобы быть проницаемой для зрительного духа, ткани же изгоняют излишки, чтобы они не навредили глазу. Кто хочет знать, какие соки в нем содержатся и как называются ткани, пусть почитает «Пантехне». Природа дала два глаза, чтобы в случае ранения одного остался другой. Теперь потолкуем о зрении.

XXIII. Как работает зрение

40. Идущий от мозга по нервам животный дух, дойдя до глаз, выходит и, улавливая внешний свет – солнечный или чей-то еще, – направляется к препятствию, упирается в него, обволакивает и, наполнившись его формой и цветом, возвращается через глаза и фантастическую ячейку в отдел логики. Так осуществляется зрительный акт, и мы с помощью зрения распознаем образы и цвета вещей. Стоики считают, что не зрительный дух достигает вещи, а глаз принимает в себя образы и цвета: этот аналогичным образом наполненный луч, попадая в глаз, осуществляет зрительный акт. Другие говорят, что луч и до препятствия не доходит, и в глазу не формируется, а формы и цвета формируют воздух, находящийся посередине между зрителем и препятствием, дойдя до которого, луч обретает его форму, возвращается и осуществляет зрительный акт.

Мы предпочитаем мнение, согласно которому зрительный дух доходит до вещи. 41. Это доказывается тем, что от взгляда человека с больными глазами мы часто получаем тот же недуг: от чего же это может происходить, если не от того, что наш зрительный дух заражается от соприкосновения с больным глазом и, возвращаясь, заражает наши глаза? Доказывается это и вот такими колдовскими чарами: хотя люди бывают разных комплекций – горячие, холодные, сухие, влажные, – зрительный дух, выходя из одного человека и неся с собой его свойства, обволакивает лицо другого, обладающего другой комплекцией, и заражает его. Ведь противоположное ранит противоположное. Поэтому старухи, облизывая лицо и сплевывая, вылечивают его: они сплевывают с лица все вредное.

Итак, для зрения необходимы три составляющих: внутренний луч, внешний свет и вещественное препятствие. Когда все три сходятся, происходит зрительный акт, когда нет, не происходит.

42. Существует три вида зрения: взгляд, высматривание и разглядывание. Взглядом мы видим что-то, когда на его поверхности нет никакого отражения: мы достаточно рассказали об этом виде зрения, говоря о том, как происходит зрительный акт. Разглядывание – это когда мы смотрим на что-то, на поверхности чего что-то отражается. Высматривание же различает не то, что на поверхности, а то, что в глубине, например, в воде, это как бы «досмотр за глубинами»¹¹. Остается потолковать о высматривании и разглядывании, по-

скольку причина у них одна, разъясим высматривание, объяснение которого относится и к разглядыванию.

43. Поскольку зрительный дух стремится видеть, он подвижен и бросается в разные стороны, если, облекшись в формы и цвета окружающих предметов, он натывается на что-то темное, то в силу своей тонкости он неразличим, если же на светящееся, то в этом блеске становится видимым. Аристотель говорит, что никакого отражения здесь нет и что человек видит себя и находящееся за ним следующим образом: наталкиваясь на что-то светящееся, зрительный дух отбрасывается этим светом назад, а вернувшись, схватывает лицо смотрящего и того, что за ним. Такое бывает с зеркалом, поэтому отражение и можно увидеть именно в нем. Другие говорят, что различными формами и цветами заполняется воздух между человеком и зеркалом. Поэтому, если поместить туда что-то блестящее, его видно, а если темное – нет.

XXIV. О слухе

44. Слуховой акт происходит так: воздух, естественным образом получив толчок и восприняв форму звука, выходит в следующий попавшийся у него на пути участок воздуха и придает ему схожую форму, тот так же поступает со следующим участком воздуха, пока не дойдет до ушей, сухих и вогнутых наподобие тимпана. Их звон возбуждает животный дух: спускаясь к ушам по неким нервам, он принимает форму этого звука и таким образом сформированный попадает в логическую ячейку, производя слуховой акт.

Так же действуют и другие чувства, с помощью животного духа, спускающегося из мозга к соответствующим инструментам. Поскольку же суждение о воспринимаемом чувствами выносит душа, настало время потолковать о душе и ее способностях.

XXV. Что такое душа

45. Душа есть дух, соединенный с телом, дающий способность суждения и понимания. Что именно душа судит и понимает, доказывается так: чем больше печешься о теле, тем слабее эти способности, чем меньше заботишься о нем и больше о душе, тем они сильнее. Если же они происходили бы от природы тела, то возрастали бы с заботой о теле, ведь когда возрастает причина, возрастает и следствие¹². Далее, если всякое творение либо телесно, либо духовно, необходимо, чтобы человек состоял из тела и духа, имея что-то общее с теми и с другими. С безжизненными телами его объединяет существование, с травами и деревьями – жизнь, с грубыми животными – способность чувствовать, с духами – способность суждения. Поэтому Божественное писание и называет человека «всем творением»¹³.

XXVI. Какие действия совершает душа, какие тело

46. Поскольку человек состоит из тела и души, причем душа в нем главенствует, ведь она уподобляет его Творцу, было бы странно, если бы тело совершало какие-то действия, а душа – нет. Кто-нибудь спросит: как же мне отличить, что в человеке делает душа, а что тело? Ответим: действия, объединяющие человека с животными и безжизненными тварями, хотя и управляются в человеке душой, не должны относиться на ее счет, но приписываются телу. Те же, что совершает только человек и никакое другое творение, принадлежат душе. Суждение и понимание – от души, ощущение же и тому подобное – от тела.

47. Возразят: если действия совершаются не душой, разве не следует называть их добродетелями или пороками души? И почему из-за них душа получает награду или наказание? Ответим: хотя совершает их не душа, они могут быть ее пороками, потому что она дана человеку для того, чтобы исправлять недозволенные движения тела, а значит, происходят они по ее невежеству или беспечности. Если ученик или слуга согрешит по недосмотру учителя или господина, вина лежит и на них, так же обстоит с душой, когда что-то происходит с телом: она не свободна от вины, хотя действие совершила не сама.

XXVII. Каково место души в устройстве человека

48. Поскольку человек состоит из души и тела, спрашивается, присоединена ли она к нему, слита ли, смешана или соединена с ним. Именно одним из этих четырех способов всякая вещь обретает свое место в устройстве другой вещи. Душа не присоединена к телу, потому что в таком случае она находилась бы вне его и не могла бы равномерно воздействовать на него. Все присоединенное к чему-либо находится снаружи того, к чему присоединено, и наибольшую силу обретает в нем, как огонь, присоединенный к чему-то. Душа не слита с телом. Слияние предполагает переход одного в субстанцию другого, например кипящей воды – в соль, душа же не обретает телесность, а всегда остается духом, значит, она с телом не слита. Смешения тоже не происходит: ничто из смешиваемого не сохраняет своей сущности, но объединяет две, как из золота и серебра возникает электр. Поскольку тело и душа сохраняют свои субстанции, они не смешаны. Следовательно, они соединены, причем так, что душа в любой части тела полностью сохраняет свою цельность и неделимость.

49. Здесь спросят: если она полностью обретается во всех частях тела, значит, отняв одну из них, у тела можно отнять всю душу? Ответим, что душа может находиться в какой-либо части тела, только будучи соединенной с жизнеспособным телом. Если отнять у тела какую-то часть, душа останется в других, там, где в целостности находилась раньше. 50. Спрашивается также, возникла ли душа из того же, из чего тело, или нет. Скажем на это, что нет у души иной

причины, кроме Творца, всему дающего бытие. И Платон, ученейший из философов, говорит, что Бог-создатель передал сотворенным им звездам и духам заботу о создании человека, а сам сделал душу и передал им, потому что тела людей существуют благодаря служению духов и воздействию звезд, но душа – лишь волею Творца.

XXVIII. О времени соединения

51. Нужно узнать, существует ли душа до тела и когда она соединяется с ним. Мы считаем, что не существует, чему можно привести разумное и авторитетное доказательство. Если бы она существовала раньше, то находилась бы либо в несчастном положении, либо в блаженстве, без предшествующих заслуг. Августин говорит: «Бог каждый день творит новые души»¹⁴. Время же соединения души с телом никем не устанавливается. Нам кажется, это происходит после действия силы роста и оттачивающей силы, ведь именно тогда разливается по членам естественная сила, без которой в теле не может быть жизни и души.

XXIX. О ее способностях

52. У души есть разные способности: понимание, разум и память. Понимание – это такая сила души, с помощью которой человек разумно воспринимает бестелесное и его причины. Разум – такая сила души, с которой человек воспринимает, какова вещь, в чем ее сходства с другими и отличия от них. Памятью же он твердо запоминает познанное.

53. Спрашивается, если таковы способности души, почему наделенный душой ребенок, не рассуждает, не понимает и т.д. На это скажем: душа человека, имея источником своим Творца, по происхождению совершенна и по происхождению же могла бы знать все, что доступно человеческому познанию, если бы не груз плоти. Это доказывается на примере Адама, от рождения до грехопадения человечества, обладавшего совершенным человеческим знанием. Но человечество пало и, смешавшись с грехом, опорочено, поэтому и не может человек пользоваться своими способностями до того, как начнет рассуждать, научившись на собственном опыте или под руководством учителя, подобно тому, как обладающий острым зрением, брошенный в темнице, не может видеть, пока либо не привыкнет к темноте, либо не появится свет, ведь, по словам Вергилия:

...их отягчает косное тело¹⁵.

54. В раннем возрасте еще нет места предшествующему опыту и не достаточно времени для учения. Поскольку же детство горячее и влажное, аппетит велик и пища переваривается быстро, не хватает периодического притока и оттока; из-за этого образуется плотный пар, поднимаясь, он беспокоит мозг,

в котором находятся силы рассуждения и понимания. За детством следует юность, горячая и сухая; взятая из материнской утробы естественная влага высыхает, а пар становится не таким густым и не так беспокоит мозг. Этот возраст подходит для рассуждения и прочего, особенно если зажечь светильники прилежного обучения. Затем приходит старость, естественный жар затухает, и при работающей памяти телесные силы слабеют: холод и сушь своим сжатием способствуют памяти, жар же с его напором дает силы телу. Приходит, наконец, глубокая старость, холодная и влажная: при потухшем естественном жаре усиливается холодная слизь, из-за чего слабеет память, и люди впадают в детство, ведь слизь отвечает за извергающую силу. Начинается тогда разлад тела и души, потому что когда затухает естественный жар человек долго жить не может.

XXX. Какого учителя следует искать

55. Достаточно рассказав о человеке, которому надлежит учить и учиться, расскажем, кого нужно искать, чтобы учили, кого, чтобы учились, какая комплекция подходит для обучения, в каком возрасте стоит его начинать, в каком заканчивать и в каком порядке осваивать науки. Для преподавания следует найти такого, кто берется за дело не ради хвалы или выгоды, но исключительно из любви к мудрости. Ищущий хвалы для себя никогда не захочет, чтобы совершенства достиг и ученик: он просто обойдет молчанием науку, чтобы в том, что ему самому особенно дорого, никто не сравнялся с ним и не достиг большего. Если же он будет преподавать, гонясь за мирскими благами, ему будет все равно, что говорить, лишь бы заплатили: безделица часто привлекательнее необходимого. Если же он возьмется учить из любви к науке, не станет из зависти скрывать знания, бежать известной ему истины ради денег, если не оставит дела, оказавшись в одиночестве, тогда быть ему зорким и усердным наставником себе и другим.

XXXI. Какого ученика

56. Обучения достоин тот, кто не сопротивляется науке, не горд, кто, будучи ничтожеством, не корчит из себя невесть что, кто любит учителя, как отца своего, а то и сильнее. Получая от кого-то самое высокое и достойное, мы должны воздавать ему тем же: от отца мы получаем лишь грубое бытие, от учителя же мудрость, нечто более великое и достойное. Потому-то и следует любить достойных учителей сильнее, чем родителей. И то, что учителей надо любить, не просто справедливо, а полезно: их мнения и высказывания должна нравиться нам, ведь частенько, если мы кого-то не любим, то будем избегать и то, что в нем есть хорошего, стараясь не подражать тем, кто нам не мил.

XXXII. Какая комплекция подходит для обучения и какой возраст

57. Хотя особенно подходит для учения сангвиническая комплекция, поскольку она во всем уравновешенна, но всякий, если постарается, может во всем достичь совершенства, ведь «неутомимый труд все побеждает». Началу учения подходит отрочество, ибо, как говорит Платон, возраст человека подобен воску: если он слишком мягок, образ не отпечатается и не сохранится в нем, если слишком тверд – то же самое. Следовательно, за учение стоит браться в не слишком нежном и в не слишком суровом возрасте. Конец обучению приходит со смертью, поэтому какой-то мудрец на вопрос, когда заканчивается учение, ответил: тогда же, когда и жизнь. Другого философа, умиравшего в девяносто лет, кто-то из учеников спросил, не печалит ли его приближение кончины, и тот ответил: «Да»; а на вопрос, почему, отвечал: «Потому что сейчас я бы и взялся за науки».

XXXIII. В каком порядке следует изучать науки

58. Порядок учения таков: поскольку всякая наука выражается в красноречии, с него и нужно начинать. Она состоит из трех частей: правильно писать и произносить написанное (это дает грамматика), доказывать то, что нуждается в доказательстве (этому учит диалектика), и украшать слова и выражения, согласно правилам риторики. Итак, начинаем с грамматики, переходим к диалектике, затем к риторике; вооружившись этими знаниями, следует приступать к философии. Ее же порядок таков: вначале идет квадривиум, а в нем в свою очередь все начинается с арифметики, затем идут музыка, геометрия и астрономия, за квадривиумом – Священное Писание, ведь через творение мы приходим к познанию Творца.

59. Поскольку всякому учению предшествует грамматика, нам хочется сказать о ней кое-что, хотя Присциан достаточно говорит о ней, но определения дает темные, ничего не объясняет подробно, а причины, по которым он выделяет те или иные типы слов и субкатегории, не указывает. Древние комментаторы в целом неплохо развивали грамматику, выделив ее законы, но плохо изложили субкатегории. То, чего они не досказали, мы расскажем, то, что у них непонятно, разъясним, чтобы в нашем сочинении можно было найти и причины выделения названных частей, и объяснения присциановых определений; в древних же глоссах можно найти общее изложение грамматической науки и отдельные правила.

60. Однако мы кратко поведали о том, о чем собирались, то есть о сущем и не видимом, о сущем и видимом, и вот, чтобы душа читателя радостно отдалась другим предметам познания, завершим здесь четвертый раздел.

Теодорих Шартрский

ТРАКТАТ О ШЕСТИ ДНЯХ ТВОРЕНИЯ

1. Я намереваюсь согласно физике и буквально истолковать здесь первую часть книги Бытия о семи днях и различных деяниях, совершенных Господом в шесть дней. Сначала я вкратце расскажу о намерении автора и пользе книги, затем поведу речь об историческом смысле написанного, оставив в стороне аллегорическое и моральное толкование, в достаточной мере открытое нам святыми учителями¹.

Итак, Моисей в этом труде намеревался показать, что вещи и людей сотворил единый Бог, коему единому подобают честь и поклонение. Польза же Книги Бытия заключается в познании Бога по делам Его, и только Ему мы должны воздавать культ.

Заглавие книги таково: *Начинается Бытие* (genesis); это означает, что книга о сотворении или возникновении (generatione) вещей озаглавлена так же, как Евангелие от Матфея в первой своей части: *Книга родословия Иисуса Христа*.

2. *В начале сотворил Бог небо и землю и так далее (Быт. 1, 1).*

Моисей разумно показывает причины, лежащие в основе существования мира, и последовательность времен, в которые был сотворен и украшен мир. Поэтому сначала мы поведем речь о причинах, а затем о порядке времен.

Есть четыре причины мировой субстанции: действующая, то есть Бог, формальная, то есть Премудрость Божья, целевая – Его благодать и материальная – четыре элемента².

Поскольку мирское переменчиво и бренно, необходимо, чтобы у него был Творец. Раз мир устроен разумно и в прекраснейшем порядке, необходимо, чтобы он был сотворен Премудростью. Поскольку же, по верному рассуждению, сам Творец ни в чем не испытывает нужды, но самодостаточен и в себе самом имеет высшее благо, надлежит, чтобы сотворенное им было сотворено исключительно по его благодати и милосердию, для того, чтобы у него были те, кого он по благодати своей мог бы причастить своему блаженству. Поскольку всякое упорядочивание прилагается к неупорядоченным вещам, надлежит, чтобы нечто неупорядоченное предшествовало порядку, который затем был придан этому неупорядоченному по Премудрости Творца и, так обустроивая беспорядочное, Премудрость сия стала бы очевидной даже для малознающих³.

Таким образом, если кто со вниманием рассмотрит устройство мира, он узнает, что действующая причина его – Бог, формальная – Премудрость Божья,

целевая – Его благодать, материальная же причина – четыре элемента, которые Творец сотворил в начале из ничего.

3. Это различие причин Моисей очевидным образом излагает в своей книге. Ведь когда он говорит: *В начале сотворил Бог небо и землю*, то указывает действующую причину, то есть Бога. Указывает он и материальную причину, то есть четыре элемента, называя их небом и землей, и подтверждает, что они сотворены Богом, когда говорит: *В начале сотворил Бог небо и землю* и далее.

Везде, где Моисей говорит *И сказал Бог* и далее, он имеет в виду формальную причину, то есть Премудрость Божью, поскольку «говорить» для Творца означает не что иное, как в совечной Себе Премудрости придавать будущей вещи форму. Там же, где Моисей говорит: *И увидел бог, что это хорошо*, он указывает на целевую причину – благодать Творца. Ибо под «видением» подразумеваются любовь и благодать; как говорит пословица, «где любовь, там и око». Ведь для Творца «видеть, что что-то хорошо сотворено», означает не что иное, как то, что Он возлюбил сотворенное Им в благодати своей, которой Он и творил.

В материи, состоящей из четырех элементов, действует Троица: как действующая причина она творит ее; как формальная причина Она сотворенную материю образует и располагает; как причина целевая Она образованную и упорядоченную материю любит и направляет. Ибо Отец есть действующая причина, Сын – формальная, Дух Святой – целевая, а четыре элемента – материальная. Через эти четыре причины существует всеобщая материальная субстанция.

4. Теперь – о порядке времен. И сначала необходимо рассмотреть, что такое естественный день. Естественный день – это промежуток времени, за который совершается одно полное обращение неба от восхода до восхода. Также днем называется свечение воздуха, возникающее от самого неба и полностью отделенное от тьмы, называемой ночью. В этих двух значениях употребляется в Священном Писании слово день.

Встает вопрос, каким образом согласуются между собой слова святых: *все одновременно создал Живущий во веки (Сир. 18, 1) и совершил Господь в шесть дней (Быт. 2, 1)* и далее. Надлежит знать, что первое высказывание относится к первоматерии, второе же трактует о различении форм, что далее будет объяснено с точки зрения физики.

5. *В начале сотворил Бог небо и землю (Быт. 1, 1)*, то есть в первый момент времени он сотворил материю⁴. Когда же было сотворено небо, оно не могло оставаться неподвижным из-за своей легкости, а так как оно все объемлет собой, оно не могло перемещаться с места на место прямолинейным движением; посему с самого момента своего сотворения небо начало вращаться, так что за соответствующий промежуток времени было полностью совершено первое обращение. Этот промежуток времени был назван первым днем.

6. В это первое обращение высший элемент неба, то есть огонь, осветил верхнюю часть находящегося ниже элемента, то есть воздуха. Ибо природа небесного огня такова, что он своим вращением освещает воздух, через посредство же воздуха нагревает водные и земные тела. Как говорят философы, у огня два свойства: одно – сияние и другое – жар. Сияние огонь, по своей природе, производит в воздухе, а жар возбуждает в водных и земных телах, ведь жар – свойство огня, которым тот разделяет твердые тела. Если же жар ощущается в воздухе, это происходит оттого, что этот жар есть сам воздух, сгущенный из низших элементов.

Итак, в первый день сотворил Бог материю и свет, то есть свечение, зародившееся в воздухе при вращении высшего элемента, то есть огня. Таково творение первого дня.

7. Когда же благодаря свойству высшего элемента воздух осветился, естественно последовало, что посредством самого этого свечения воздуха огонь нагрел третий элемент, то есть воду, и, нагревшись, она повисла над воздухом в виде пара. Природа тепла такова, что оно разделяет воду на мельчайшие капли и силой своего движения поднимает над воздухом, как в кипящем котле: тоже происходит и в небесных облаках. Облака или пар суть не что иное, как скопление мельчайших капель, поднимаемых в воздух силой тепла. Если бы сила тепла была большей, все это скопление превратилось бы в чистый воздух; если бы она была слабее, тогда, несомненно, эти мельчайшие капли, сталкиваясь, превратились бы в более крупные капли, вызывая дождь. Если же мельчайшие эти капли сближаются ветром, возникает снег; а если ветер сближает крупные капли, образуется град⁵.

8. Таким образом, огромная масса воды, в начале, без сомнения, достигавшая сферы луны, оказалась подвешенной над высшим эфиром силой тепла, так что при втором обороте небесной сферы второй элемент, то есть воздух, сразу же переместился в середину между водой текучей и водой, парообразно подвешенной. Об этом и говорит Моисей: *и поместил твердь между водами*⁶. И воздух тогда верно был назван твердью, ибо он как бы твердо держит верхние воды, содержит в себе нижние и надежно отделяет их друг от друга. Лучше, однако, сказать, что воздух называется твердью из-за того, что своей легкостью удерживает землю в ее пределах и способствует ее отвердению. Ибо есть взаимосвязь между твердостью земли и легкостью воздуха; твердость земли проистекает от сжатия легким воздухом, легкость же и подвижность воздуха существует, поскольку опирается на неподвижность земли.

Итак, первое обращение огня осветило воздух. И промежуток, за который было совершено это обращение, составил первый день. Второй оборот этого огня нагрел воду и поместил твердь меж водами. И время, за которое был совершен этот оборот, было названо вторым днем.

9. После того, как вода в виде пара повисла над воздухом, согласно естественному ходу вещей последовало, что с уменьшением количества текучей воды показалась земля – не целиком, но наподобие островов. Это можно до-

казать многими способами. Например, чем больше пара выходит из кипящего котла, тем меньше в нем остается воды. Или еще: если разлитую на столе воду начать постоянно подогревать сверху, то вскоре из-за нисходящего жара вода эта обмелеет и на ее поверхности появятся просушины, поскольку на этих местах вода сожмется и соберется в одном месте.

Итак, воздух, помещенный между водами и все сильнее нагреваемый, совершил третий полный оборот, во время которого отделил от воды сушу в виде островков.

10. При этом же обороте воздуха из смешения жара, зародившегося в верхней части воздуха, и влажности земли, только что появившейся из воды, то есть из этих двух элементов, земля получила способность произвести травы и деревья. Эта способность естественным образом низошла от небесного жара на землю, недавно показавшуюся из воды. И промежуток времени, за который произошел третий оборот неба, был назван третьим днем.

После того, как твердь была помещена меж водами и в ней из обступавших ее вод зародился такой жар, что под действием его твердь привлекла к себе часть воды и так появилась суша, – после этого, говорю я, естественно воспоследовало, что из собрания тех вод, поднятых до тверди жаром третьего дня, были сотворены звездные тела.

11. То, что материя звезд была сотворена из воды, может быть доказано неопровержимо: очевидно, что два высших элемента – огонь и воздух – не содержат в себе никакого сгущения, так что сами по себе и по своей природе они могут быть увидены только случайно. Если же какие-нибудь невежды и говорят, что видели небо сквозь чистый воздух, и воображают, будто видели что-то зеленое, то это – в высшей степени ложь. Ибо там, где зрение бессильно, из-за ошибки чувств кажется, что нечто видел, чего и не видел. Точно так же человеку с закрытыми глазами кажется, будто он видит какие-то тени. Ведь, хотя зрение и возникает благодаря истечению света из глаз⁷, оно бессильно, если взгляд не отражается от какого-либо препятствия.

12. Если даже нижний воздух, помещенный между нами и стеной, оградой или подобным предметом, не может встать на пути взгляда и вызвать зрительное ощущение, тем менее это может сделать более прозрачный верхний воздух. Собственно говоря, воздух именно потому называется небом, что скрыт от наших глаз⁸. Отсюда ясно, что любое видимое тело возникает из какого-либо сгущения, берущего начало в плотности воды или земли. Так, облака представляются видимыми из-за густоты водных испарений. Именно благодаря им пламя загорается в облачном воздухе или в какой-либо сжигаемой материи. Так же и солнечный луч, проникающий через окно, становится видимым только благодаря пылинкам,двигающимся вместе с ним и отсвечивающим в сиянии солнца. Внимательному исследователю очевидно, что все видимое доступно зрению только потому, что представляет из себя препятствие для зрения, состоящее из земли или воды.

13. Итак, необходимо, чтобы всякое тело, представляющееся видимым в тверди небесной, было видимым из-за плотности земли или воды. Но земные тела, ни под действием жара, ни с помощью чего-то иного не могут подняться до тверди небесной. Это – свойство воды.

Материальной причиной всего, что представляется видимым в небе, является вода. Подобным образом существуют облака, молнии, кометы. Следовательно, материей звездных тел необходимо является вода. Более того: как свидетельствует наука о природе, все питаемое питается тем же, из чего само материально состоит. А как утверждают физики, звездные тела питаются влагой, поэтому представляется, что материально они состоят из воды.

Итак, промежуток времени, в который было совершено четвертое обращение, и из парообразных вод были сотворены звездные тела – этот промежуток времени, говорю я, был назван четвертым днем.

14. После того, как звезды были сотворены и начали свое движение в небесной тверди, огонь из-за их движения усилился и, преобразуясь в жар, дающий начало жизни, сообщился сначала воде как элементу превысшему земли. От этого произошли водные животные и птицы. И промежуток этого пятого обращения был назван пятым днем.

Через влагу живородящий жар⁹ проник и к земным телам, от чего произошли земнородные животные, в числе которых был сотворен *по образу и подобию Божию* (Быт. 1, 26) человек¹⁰. И это шестое обращение было названо шестым днем.

15. Так первый оборот легчайшего, высшего и чуждого покою неба осветил воздух. Воздух же, разогрев воду и повесив ее над собой, стал твердью. Твердь, получив от верхнего пара силу жара, вызвала появление суши и дала земле плодородие. Тогда из водной массы, подвешенной в тверди под действием жара, возникли звезды.

Движение и жар звезд положили начало зарождению водных животных, а через посредство воды оно перешло на землю. В дальнейшем, кроме этих способов творения материальных вещей никаких других быть не могло – как на небе, так и на земле¹¹.

16. То, что родилось или было сотворено после шестого дня, возникло не каким-нибудь новым способом творения, но одним из выше описанных способов. Поэтому сказано: «в седьмой день Бог почил от своих трудов», то есть не стал творить по-новому, потому что все элементы были совершенным образом согласованы между собой и получили должное украшение. Если же Он и творил что-то новое, это не дает нам повод говорить, что Он творил по-новому. Напротив, мы утверждаем: все, что Он потом сотворил или творит сейчас, Он произвел одним из этих способов и посредством семенных причин¹², которые он придал элементам в эти шесть дней.

17. Огонь всегда активен, а земля всегда пассивна. Два элемента, находящиеся посередине, активны и пассивны одновременно. Воздух воспринимает действие огня, он как бы служит ему и передает его свойства другим элемен-

там. Вода воспринимает действие воздуха и огня, она как бы служит высшим элементам и передает их свойства последнему элементу.

Следовательно, огонь есть как бы творец и действующая причина, подчиненная ему земля есть как бы формальная причина, а два средних элемента суть как бы инструмент или нечто объединяющее, с помощью которого действие высшего элемента передается низшим, ибо своим посредничеством они умеряют и соединяют чрезмерную легкость воздуха и тяжесть земли.

Эти свойства, а также те, которые я называю семенными причинами, Бог-Творец вложил во все элементы и пропорционально распределил между ними, дабы из этих качеств элементов возник гармоничный порядок времен и в должные моменты времени, сменяющиеся согласно с этими свойствами, возникали телесные творения¹³.

О причинах и порядке времен сказано достаточно. Перейдем теперь к изложению буквального смысла.

18. *В начале сотворил Бог небо и землю.*

Здесь Моисей как бы говорит: сначала Он *сотворил небо и землю*. Говоря *в начале*, он имел в виду только то, что до того момента Бог не сотворил ничего и что и небо, и землю Он сотворил одновременно. Но я намереваюсь показать, что означает *небо и земля* и как физики понимают то, что они были созданы одновременно.

С разумной точки зрения, все телесное получает свою плотность или тяжесть от активного движения и постоянного стремления вперед окружающих и сжимающих его легких элементов, а легкие элементы приобретают это стремление благодаря тому, что их движение и стремление отталкивается от чего-то телесного или устойчивого. Я думаю, не будет лишним доказать это. Очевидно, что твердость земли возникает из сжимающего воздействия окружающих ее легких элементов. Но твердым называется то, что с трудом поддается разделению. А что земля такова, не следует из природы ее частиц, ибо тогда они не могли бы перемещаться в легкие элементы, то есть в воздух и огонь. Однако очевидно, что частицы перемещаются между элементами.

19. Далее: то, что земля и вода телесны, не следует из тяжести верхних элементов, ибо они невесомы. Следовательно, остается, что окружающее и сжимающее устремление легких элементов сжимает нижние элементы до состояния телесности. Способность сжимать, свойственная легким элементам, огню и воздуху, непременно связана с движением. А подобное движение должно опираться на что-то телесное.

20. То, что движение опирается на нечто твердое, можно вывести из многих примеров. Когда человек переходит с места на место, он, перенося одну ногу, другой опирается на землю, так этот перенос опирается на нечто неподвижное. Палец в своем движении опирается на кисть, кисть на предплечье, предплечье на плечо. То же самое можно опытным путем установить относительно движения других членов. Брошенный камень летит стремительно потому, что бросающий опирается на что-то твердое, поэтому, чем тверже он упирается, тем

сильнее выходит бросок. Птица, взлетая, тоже от чего-то отталкивается. А то, что круговое движение имеет начало в центре, очевидно не только ученым, но и людям далеким от наук.

21. Движение небесного огня и нижнего воздуха – круговое, что хорошо видно по движению звезд. Иначе и быть не может, ведь, поскольку они по необходимости движутся, они должны были бы либо все время двигаться вперед, либо постоянно возвращаться. Двигаться постоянно вперед невозможно, поскольку такое движение имеет конец. Значит, они движутся по кругу. Всякое круговое движение осуществляется с опорой на что-то неподвижное. Движение воздуха и огня тоже невозможно без опоры в центре. Этот центр неподвижен, и движение обымает его. Следовательно, их движение невозможно без опоры на нечто устойчивое.

Как мы говорили, их стремление вперед и легкость происходят от движения, поскольку они движутся частицами, и частицы примыкают друг к другу неплотно. Поэтому они жидкие и тот, кто касается их, не ощущает в них сопротивления. Они не могут ни сопротивляться чему-либо, ни утяжелить что бы то ни было иначе как при случайном движении. Поэтому они и легкие. Поскольку же субстанциально огонь и воздух легкие, легкость, в свою очередь, сама по себе предполагает телесность. А телесность сама по себе предполагает обымющую ее легкость. Земля и вода субстанциально телесны. И поскольку, говорю я, вещи таковы, богодухновенный философ¹⁴ действительно говорит о создании четырех элементов. Но именем земли как достойнейшей частью телесности он обозначил все телесное. Именем же неба он назвал легкое и невидимое, поскольку по природе своей оно скрыто от нашего взора.

22. Показав творение элементов, далее он рассказывает, каковы они были в начале творения, говоря, что *земля была безвидна и пуста* и так далее. Какова была земля, он четко демонстрирует, говоря, что она была безвидна, то есть лишена формы, приобретенной потом из согласия элементов, и пуста, то есть не имеющая того, что было сотворено на ней позже: трав, деревьев и животных. Каким был второй элемент, то есть вода, он показывает словами: *и была тьма над поверхностью бездны*. Это значит, что вода была темна. Затем, согласно некоторым мнениям¹⁵, он заводит речь о третьем элементе, воздухе: *и Дух Божий носился над водою*. Это значит, что воздух, который благодаря своей разреженности некоторым образом достигает тонкости Божественного Духа, *носился над водами*, то есть беспорядочно двигался над водой.

23. Мне же кажется, что Моисей, когда говорил, что земля была безвидна и пуста, под названием земли подразумевал бесформенность двух элементов: земли и воды. Их безвидность состояла тогда в смешанности, так что земля была недостаточно твердой, чтобы совершенно отделиться от влаги, а вода недостаточно жидкой, чтобы полностью отделиться от тяжести земли. Смешение их было таково, что они были как бы два в одном. Пустота же их была в том, что в них не было еще того, что потом из них было сотворено.

Говоря, что тьма была над поверхностью бездны, он описывает бесформенность третьего элемента, то есть воздуха. Подобно тому, как свою форму воздух получает от света, его бесформенность называется тьмою. Тьма же эта была такова, что воздух был почти столь же тяжел, как земля, она была наполнена очень плотными облаками настолько, что почти не отделялась от телесности воды, однако в ней уже были различимы проблески воздуха. Эта плотность воздуха происходила оттого, что его тьма еще не рассеялась огнем, ведь он тогда еще не обладал своей нынешней силой и проникал в гущу воздуха, не вызывая в нем никакого рассеивающего движения. Так, через тьму воздуха Моисей показал нам изначальное качество четвертого элемента.

24. Эту бесформенность, или, лучше сказать, единообразие элементов древние философы называли то *yle*, то *chaos*¹⁶. Моисей же дал этому смешению имя земли и воды. Бесформенность элементов состояла тогда в том, что один элемент был почти таким же, как другой. И поскольку различия их между собой были едва заметны и совсем ничтожны, они почитались философами за ничто, и те называли перемешанные до неразличимости элементы одной бесформенной материей.

Однако Платон, размышляя о том неуловимом, что их отличало, осознавал существовавшие внутри этого смешения различия между элементами, хотя они и были ничтожны. Поэтому он утверждал, что материя, то есть это смешение, лежит в основе элементов, не в том смысле, что смешение предшествует им по сотворению и по времени, но как всякому разделению в природе предшествует смешение, как звук – голосу и род – виду.

25. *И Дух Божий носился над водою (Быт. 1, 2).*

Рассмотрев материю, Моисей далее говорит, что действие Творца, которого он называет Духом Святым, предшествует материи и управляет ей, образуя и упорядочивая ее. Он самым ясным образом описывает далее действующую силу Творца: эта сила, действующая в материи, образует все сущее на небе и на земле. Сама же по себе материя бесформенна и может получить форму только от Творца, действующего в ней и упорядочивающего ее. Силу эту философы называют разными именами.

26. Меркурий в книге, называемой *Трисмегист*, называет ее духом, говоря так: «Мир – это Бог и материя (*yle*), как мы считаем вслед за греками. И миру сообщался дух, или был присущ дух»¹⁷. И чуть дальше: «Умопостигаемое высшее, называемое Богом, является Правителем и Властителем для чувственно воспринимаемого бога, объемлющего в себе все пространство, материю всех рождающих и творящих и всякое сущее независимо от его размеров. Дух приводит в движение и управляет всеми формами, согласно их природе распределенными Богом. Материя или мир является вместилищем¹⁸, движением и скоплением всего сущего. Бог – их правитель, дарующий всему то, что ему необходимо. Дух же все наполняет в зависимости от свойства каждой природы».

27. Платон в «Тимее» называет этот дух мировой душой¹⁹. Вергилий же говорит о нем:

Моря просторы, земля и неба бездонные хляби,
Лунный сияющий шар, как и титановы звезды –
Духом питаются все²⁰.

А вот как евреи говорят о действующем духе. Моисей так: *И Дух Божий носился над водою*. Давид же так: *Словом Господа сотворены небеса* и далее²¹. Соломон же так говорит о Духе: *Дух Господа наполняет вселенную*²². Христиане называют этот Дух Святым Духом²³.

28. Так как бесформенная материя получает формы не сама из себя, но силою действия Творца, движущего ее и действующего в ней, то благороднейший философ Моисей, указав на бесформенность материи, добавляет о действующей силе Творца, которой материи придается форма, говоря: *И Дух Божий носился над водою*. И он правильно назвал в этом месте всю материю водой, во-первых, потому что, как мы говорили, тогда один элемент был почти тем же по качеству, что и другой, и поэтому все они могли называться одним именем; во-вторых, потому что это смешение имело скорее подобие воды, чем другого элемента; и наконец, потому что у древних философов сказано²⁴, что влага – материя наиболее важная для сотворения вещей, ведь естественная влага, поднятая жаром с земли, сгустилась, образовав травы и деревья. Животные же, как точно известно из физики, произошли из влажного и жидкого семени и от него приобрели строение своего тела. Что касается камней и металлов, то они сгустились из влаги, и это доказывается тем, что они при растворении обращаются в воду. То, что звезды были сотворены из воды, доказано было выше. Поэтому некоторым философам и показалось, что вода – материя всех вещей. Согласно этому учению поэт и назвал Океан отцом вещей²⁵.

29. *И сказал Бог: да будет свет (Быт. 1, 3).*

Поведав о двух началах творения, то есть о материи и о движущей силе, он хочет последовательно показать, каким образом и в каком порядке Дух Божий действует в материи по предвечно определенному и явленному в премудрости Творца образу. Но в этом месте, в согласии с порядком изложения, не следует много говорить о Божественности, чтобы стало понятно, что означает по отношению к Богу «говорить» и почему Моисей раньше упоминает о Духе, чем о Слове. Да не усомнится никто, что все, излагаемое нами об этих вещах, взято нами из истинной и святой теологии.

30. Существует четыре способа рассуждения, которые приводят человека к знанию о Творце: арифметические, музыкальные, геометрические и астрономические доказательства. Всеми этими средствами надлежит ненадолго воспользоваться в наших размышлениях о божественном, дабы искусство Творца было явлено в вещах и было рационально показано то, что мы излагаем²⁶. Всякой инаковости предшествует единое, ибо единица предшествует двоице, которая является началом всякой инаковости. Ведь «иное» говорится, когда

речь идет о двух вещах. Единое предшествует всякой изменчивости, поскольку всякое изменение возникает из раздвоения: ничто не способно изменяться или двигаться, если оно не способно пребывать сначала в одном состоянии, а затем в другом. Итак, этому разнообразию состояний предшествует единое: таким же образом оно предшествует и изменчивости.

31. Но изменчивости подвержено все сотворенное. Все, что есть, либо вечно, либо сотворено. И так как Единое предшествует всему сотворенному, необходимо, чтобы Единое было вечным. А вечное есть не что иное, как Божественность. Следовательно, Единое есть сама Божественность. Божественность же есть форма существования единичных вещей. И подобно тому, как нечто становится светлым от света или жарким от жара, так же и вещи приобретают свою сущность из Божественности. Поэтому верно говорится, что Бог сущностно есть все и повсюду. Следовательно, Единое есть форма существования единичных вещей. Верно также следующее: все, что есть, существует потому, что едино²⁷.

32. Но когда мы говорим, что Божественность является формой существования для единичных вещей, мы не имеем в виду, что Божественность есть некая форма, существующая в материи, как форма треугольника, квадрата или чего-либо подобного. Мы говорим так потому, что причастность Божественности составляет целокупную и единственно возможную сущность сотворенных вещей, так что сама материя существует благодаря причастности Божественности, а не Божественность возникает в материи, из нее или в ней. Подобным же образом надлежит понимать то, что Единое является формой существования единичных вещей.

Далее, когда о Боге говорится в абсолютном смысле, без какого-либо определения, название Божественности прилагается к Ней самой. Если же Богу придается некое определение или о Нем говорится во множественном числе, то определение Божественности относится к тому, что причастно Ей²⁸.

33. Именно так надлежит употреблять слово «единое». Когда оно используется просто и без всякого определения, то прилагается к самой Божественности. Когда же о едином говорится с добавлением определения или во множественном числе, например *некое единое* или *две единицы*, или *три*, *дважды* или *трижды единое* или нечто подобное, тогда слово «единое» без сомнения прилагается к тому, что причастно ему. Поэтому, философы, приписывая единому части, говорят не о сущности Единого, но приписывают части тому, что причастно Единому, ведь согласно арифметическому расчету единица неделима. Подобным же образом умножение единицы влечет за собой возникновение других чисел. По этой причине эти причастные истинной единице числа существуют и множатся.

34. У Единого, таким образом, может быть только одна субстанция и единственная сущность, которая является самой Божественностью и высшим благом. Единое же, будучи умноженным, содержит числа, или единицы, из которых состоят числа, и они – не что иное как части истинного Единого, со-

ставляющие суть вещей. Вещь существует до тех пор, пока остается причастной Единому, а как только отделяется от Единого, погибает. Итак, Единое есть форма и основа существования, отделение же есть причина уничтожения. Из истинного Единого, которое есть Бог, возникает всякая множественность. В самом же Боге нет никакой множественности, поскольку нет в Нем числа.

35. Так как из числа возникают и вес, и мера, и место, и образ, и время, и движение, и все, что существует через количество или качество, отношение и что-либо иное, – так как, говорю я, все вышеназванное существует через число, необходимо, чтобы само Единое, то есть Божественность, превосходила бы все вышеперечисленное по своей природе. Поэтому Божественность не ограничивается весом, мерой, местом, образом, временем, движением, отношением чего-либо к чему-либо, но есть Единое, то есть вечность и то, благодаря чему существуют вещи, начало и источник всего.

36. Поскольку Единое – творец всякого числа, а число бесконечно, то необходимо, чтобы могущество Единого также не имело бы конца. Значит, Единое всемогуще в сотворении чисел. А сотворение чисел и есть сотворение вещей²⁹. Следовательно, Единое всемогуще в сотворении вещей. А то, что всемогуще в сотворении вещей, есть единственное и само по себе всемогущее. Итак, Единое всемогуще. Тогда Единое необходимо является Божеством. О Едином сказано достаточно.

37. Теперь надлежит сказать о том, каким образом из Единого возникает Равное³⁰. В арифметике есть много различных способов образования одних чисел из других. Некоторые числа порождают другие из самих себя и своей субстанции, как двойка, умноженная сама на себя, дает четверку, тройка девятку, и так же другие. Некоторые же числа возникают посредством других: так двойка с помощью тройки рождает шестерку и так далее. Сначала числа порождают только квадраты или кубы, круги или сферы, сохраняющие равенство размеров. И только затем эти числа производят фигуры, у которых одна часть длиннее или короче, то есть такие, у которых стороны неравны³¹.

38. Сначала возникают числа одной природы. Затем среди них появляется разнообразие. При возникновении чисел двойка рождает из себя двойное, тройка – тройное, четверка – четырехкратное и также другие. В дальнейшем такой порядок в возникновении соблюдаться не может. В отношении единицы можно обнаружить два способа возникновения. Умноженная на другие числа, она рождает все числа. Из себя же самой и из своей субстанции она не может породить ничего иного кроме равного себе, в то время как другие числа, умноженные на себя, рождают неравные себе числа. Единица же, помноженная на саму себя, всегда остается единицей.

39. У Рождающего и Рожденного одна и та же субстанция, каковой для них является истинное Единое. Единое же из самого себя не может породить ничего, кроме равной себе единицы. Ибо, поскольку равное предшествует неравному, необходимо, чтобы предшествовало и возникновение равного. А поскольку Единое порождает и то и другое (то есть равное и неравное) и, умноженное на

любое число, рождает неравное, то необходимо, чтобы оно рождало равное посредством того, что по природе предшествует всем числам. А это и есть само Единое. Следовательно, Единое из себя и своей субстанции не может произвести ничего иного, кроме как равного себе.

40. Из того, что было сказано, ясно, что Равное, которое рождает Единое из себя и из своей субстанции, по природе предшествует всякому числу. Ведь так как рождение этого Равного относится к сущности Единого, Единое же предшествует всякому числу, то возникновение равного необходимо предшествует всякому числу. Таким образом, Равное и его возникновение по природе предшествуют всякому числу. А все, что предшествует всякому числу, как мы сказали выше, вечно. Следовательно, Равное Единому и происхождение этого Равного от Единого вечны. Но невозможно, чтобы было две или несколько вечных сущностей. Значит, Единое и Равное Единому – одно.

41. И хотя субстанция Единого и равного Ему абсолютно едина, однако, поскольку ничто не может родить самое себя, поскольку быть рождающим – это одно свойство, принадлежащее Единому, а быть рожденным – другое, относящееся к Равному, то для обозначения этих свойств, принадлежащих Единому и Равному при сохранении между ними вечного единства, богодухновенные философы употребили слово лицо (*persona*). Так что сама вечная субстанция называется лицом Рождающего, поскольку Она Единое, лицо же Рожденного называется так потому, что Оно есть Равное.

Так как Единое – первая и единственная сущность всех вещей, Равное же является Равным для Единого, это Равное необходимо есть равенство существования вещей, то есть вечный Образ, или Обозначение, или Определение, вне которого или сверх которого невозможно ничему быть. Таким образом, это Равное Единому есть как бы Образ и Свет Единого³². Образ – ибо оно есть образ действия Единого в вещах. Свет – ибо оно то, чем все вещи различаются друг от друга. А все вещи отделяются друг от друга границей и пределом.

42. Этот предел, или Равное Единому, древние философы называли иногда Разумом Божественности, иногда Промыслом, а иногда Премудростью Творца³³. Это очень мудро, ведь если Божественность есть Единое, то само это Единое есть сущность всех вещей. Ибо Равное Единому есть некоторый предел, превыше которого и вне которого ничего не может быть. Но предел этот не может быть ничем иным, кроме как первой и вечной Премудростью. Она же есть то единственное, которым утверждается сущность каждой вещи и сверх которой или превыше которой ничто разумное не может существовать. От нее все вещи приобретают свои меры и формы. В ней же содержатся их определения, ибо определение вещи заключается в ее равенстве самой себе. Если же оно не полностью или с излишком покрывает обозначаемую им вещь, то его надлежит называть не определением, а лживым вымыслом. Как было сказано, необходимо, чтобы Равное Единому было Равенством существования вещей. Следовательно, равенство поистине составляет определение каждой вещи. Если же определение не включает в себе равенства, оно не должно называться опре-

делением вещи. Поэтому определением называется то, что является собственным описанием вещи, отличающим ее от других. Благодаря ему она не остается внутри себя и не выходит за свои границы.

43. Подобно тому, как существование вещи происходит от Единого, ее форма, образ, мера происходят от Равного Ему. Человек или что-либо подобное существуют до тех пор, пока они обладают целостностью. Если же они разделяются в себе, тотчас же гибнут. Таким же образом из равенства того Единого, через которое существует человек, происходит его форма. Если же к Единому, через которое существует человек, прилагается нечто иное, или же от этого Единого что-либо отнимается, то оно не должно называться сущностью человека. Если бы не было равенства существования в человеке, или камне, или чем-либо подобном, любая из этих вещей никоим образом не могла бы существовать. Так как это равенство Единого содержит в себе определения вещей и порождает их из себя, оно подобным же образом порождает из себя и содержит в себе формы всех вещей. И подобно тому, как Единое рождает из себя все числа, Равное Единому производит из себя все отношения и неравенства между вещами. И в Него все разрешается.

44. Через Него же существуют меры, вес и все, что вообще есть. Ведь любая мера возникает либо из равенства, либо из неравенства. Но и в том, и в другом случае она необходимо возникает из равенства, ибо само неравенство возникает из равенства. Более того: всякий предел есть среднее между большим и меньшим. То, что больше, превосходит его, а то, что меньше, не достигает. Следовательно, предел есть равенство всех вещей. Но ведь всякая мера вещи возникает из предела, а значит – из равенства. Так же следует рассуждать и о весах. Но что нам в этих частностях? Напротив, во всеобщем смысле следует утверждать, что Равное Единому есть форма существования единичных вещей. Это легко постигнет тот, кто быстрым умом сможет объять бег тончайших частиц.

45. Если Равное Единому есть равенство существования, а через равенство существования вещь существует и получает от него, как от некоего своего устава и вечного закона бытия, свои границы и пределы, то нет сомнения, что это Равное Единому – вечная форма существования вещей и их формальная причина, согласно которой Предвечный Зодчий дал способ существования для всех вещей³⁴. А так как Равное Единому есть равенство существования, как было сказано ранее, то очевидно, что это Равное есть истина каждой вещи. Ведь истина вещи есть не что иное, как равенство ее существования, так что душа, постигающая ее, не находится ни ниже, ни выше ее пределов.

46. Если же душа в своем постижении создает понятие, которое либо превосходит, либо не покрывает саму вещь, возникает ложь, не имеющая субстанции, ибо истина есть первое бытие и первая сущность всех вещей. Тот, кто говорит истину, всегда говорит о том, что есть в самой вещи, тот же, кто лжет, выходит за пределы вещи. А поскольку равенство истины таково, каким представило его вышеизложенное повествование, то отсюда очевидным образом

следует, что это равенство есть Слово Божественной Сущности. Ибо Слово есть не что иное, как предвечный промысл Творца обо всех вещах: «то, что есть эта вещь», «какова она есть» и «поскольку есть», какова она по своему достоинству, по времени или по месту. А предопределение это и есть равенство существования вещей, выше или ниже которого ничто не может существовать.

47. Подобное же равенство есть равенство Единого. Истина есть вечный образ вещей и прочее, что вышеизложенное рассуждение приписывает равенству Единого. Следовательно, Слово есть равенство божественного Единства, а Единство – Божество. Единство же само рождает равенство Самому Себе. Значит, Божество есть Слово. О рождении Слова некий великий философ сказал: «Однажды сказал Бог»³⁵. Так он в кратких словах упомянул явно и о Единстве, и о Слове. О равенстве Единого сказано достаточно. Теперь надлежит изъяснить согласно вышеупомянутым способам рассуждения, каким образом осуществляется взаимная связь между равенством и единством³⁶.

Бернард Сильвестр

КОСМОГРАФИЯ

Содержание произведения

В первой книге этого произведения, называемой «Мегакосмос», «Большой мир», Природа приходит к Разуму, то есть божественному промыслу, жалуется на беспорядок, царящий в первоматерии, и смиренно просит достойно украсить мир. Подвигнутый этой мольбой, Разум охотно с ней соглашается и разделяет четыре стихии, устанавливает девять ангельских чинов, на тверди располагает звезды, создает двенадцать знаков, приводит в движение через зодиак семь планетных сфер, располагает четыре главных ветра друг против друга. Следует рождение животных и утверждение земли в центре. Далее описываются известные горы, реки, за ними – особенности животных, деревьев, ароматы, разного рода овощи, злаки, свойства трав, водоплавающих, летающих по воздуху; затем излагается откуда происходит жизнь у живого. Таким образом, в первой книге рассказывается об украшении стихий.

Во второй книге, которая называется «Микрокосмос», то есть «Малый мир», Разум обращается к Природе, радуется новому наряду мироздания и обещает в завершение трудов сотворить человека. Он приказывает ей отправиться на поиски царицы созвездий Урании и Физис, сведущей во всех вещах. Природа послушно отправляется в дорогу и после поисков Урании в небесных сферах находит ее наблюдающей созвездия; узнав причину ее путешествия, Урания обещает быть ей спутницей и помощницей. Они продолжают путь вместе. Пролетев через небесные сферы и почувствовав их силы, они находят, наконец, Физис, живущую на лоне цветущей благоухающей земли с двумя своими дочерьми – Теорией и Практикой, и объясняют им, зачем прибыли. Неожиданно появляется Разум и, разъяснив им свою волю, наделяет всех трех тремя видами спекулятивного знания и побуждает к сотворению человека. Физис же из остатков четырех стихий создает человека и, начиная с головы, член за членом, счастливо завершает свой труд в ногах.

Посвящение

Бернард Сильвестр посвящает свой труд Теодориху, славному своей настоящей ученостью.

Признаюсь, долго я спорил сам с собой, предоставить ли мой скромный труд слуху друзей или же, не дожидаясь приговора, уничтожить его, ибо разговор о мире, об универсуме¹ сложен уже по природе своей, а написанный слабым умом тем более устрасится взгляда и слуха пронизательного судьи. Ваше доброе намерение ознакомиться с безыскусным, но Вам посвященным текстом, конечно, возбудило во мне смелость, подняло мой дух и укрепило веру в себя. Однако я решил, что столь несовершенному произведению лучше умолчать о своем авторе до тех пор, пока Вы не решите, выходить ему или нет. Пусть же Ваше благоразумие определит, стоит ли делать его всеобщим достоянием. Если оно и предстает перед Вашим взором, то не для похвалы, а для суждения и исправления. Да длится жизнь Ваша в здравии²!

Мегакосмос

I

Сильва, безвидный хаос являя собою в то время,
 в недрах своих уж несла начальных вещей мешанину¹.
 Глядя на это, с мольбой явилась пред Богом Природа,
 вглубь проникает Ума² ее слово: «О Боже, прообраз
 жизни живущей и Ум, первенец Божий, твердыня
 правды и промысла, будь мне настоящей Минервой³.
 Если превыше моих ощущений могу воспарить я,
 чудится мне, что придать подобает материи образ
 более нежный и снять с нее это косное бремя.

- 10 Если ж согласишься не дашь, я свои помышленья оставлю.
 Бог по природе своей доброты высочайшей исполнен;
 щедрый даритель, лишен он зависти низкой порывов,
 лучшую форму всему придать несомненно захочет,
 ровно насколько вещей тому соответствует сущность:
 мастер творенье свое никогда унижать ведь не будет.
 Так что ты хмуриться брось и, нелепые скинув оковы
 с Сильвы, в прекрасный наряд облачи уж ее поскорее, –
 в этом ведь, помнится мне, замысел твой сокровенный?
 Масса застылая, мрак, хаос враждебный и косный,
 гулко звенящая хмарь, пестрая жизни личина
- 20 бурю покоем, сорняк – оралом, уродство – красую
 хочет сменить: опостылел ей прежний ее беспорядок!
 Просит у чисел руки, жаждет цепей музыкальных.
 Войны и распри в родне зачем же тревожат основы
 мира, от века самой учрежденные первопричиной?
 Всеу несется куда поток, сам себе преграждая
 путь? А стихии к чему суетятся, не зная покоя?
 Сферу саму сотрясать ударами будет доколе?
 Прок в первородстве какой Сильве, праматери нашей,
 коль утопает во тьме она и без света страдает,
- 30 коль совершенства достичь пока не дано ей, и даже
 видом ужасным своим Творцу отвращенье внушает?
 Иле с потомством своим припадает к подножию трона,
 смело бросает упрек тебе, что, главой уж седая,
 век, предназначенный ей, в простых коротает лохмотьях.
 Что ж удивляться тому, что снова родиться желает
 Сильва, старейшая из вещей, в красоту облачившись.
 Почесть ее обошла, благодарность никто не изъявит
 той, что начатки всего носила в просторной утробе.

- 40 Жалобно космос-дитя плачет в своей колыбели:
просит и он наградить его одеяньем достойным.
Слезы его говорят, что хочет младенец оставить
Сильвино лоно и грудь кормящую боле не ищет.
Вот пред тобою стоят элементы: все требуют форму,
труд и задачу, чтоб всяк причиной явлений достойной
выступить мог⁴. Все хотят, чтобы им указали, стремиться
в место какое должны они в гармоничном согласье:
выше – огню, вниз – земле, влага и воздух – меж ними⁵.
Что же их в кучу метет, без толку и смысла бросает?
Сильве, конечно, под стать безумное это круженье,
50 вечная битва с собой давно для нее не в новинку.
Мир и порядок, закон и любовь ей не ведомы вовсе.
Можно ль невежде такой божьим назваться твореньем?
– Разве Фортуны слепой шуткою злой и коварной⁶:
глянь, ведь с высоких небес поддержки ей вряд ли дожждаться.
Разум светлейший, позволь мне сказать: ты, конечно, прекрасен,
только в чертоге пустом всем Сильва меж тем управляет,
сам ты, признаюсь, на вид дряхлого старца не краше.
Что же, навечно, ответь, Сильва с Нуждой обручилась⁷?
Нет, наступил ей черед красоте уступить свое место.
60 Длань подними, раздробь глыбу, раскрой в ней все части,
место достойное дай, – да будет порядок им в радость!
Косное сдвинь, суете удила натяни, прибавь блеска,
форму созижди, и пусть о творце повествует творенье!
Голос за мир подала я, Природа, теперь умолкаю,
если рожденье вещей и мира увидеть сподоблюсь.
Что же еще мне сказать? Поучать не пристало Минерву».

II

1. Природа умолкла. Подняв глаза на просительницу, просветлевший лицом Разум заговорил словно из самых глубин сердца: «Верно, Природа, блаженный плод чрева моего⁸, ты не вырождаешься, не забываешь о своем высоком происхождении, дитя Промысла, неустанно радеешь ты о мире и вещах. Я же – Разум, глубочайший божественный разум, порожденный первой Сущностью из самой себя, словно второе я, не во времени, но в совечной ей бесконечности, я – Разум, знание и посредник божественной воли в устройении вещей, исполняю собственным почином то, что велит мне она. Без согласия Бога, пока Он не вынесет решения об устройстве вещей, бессмысленно спешить давать им бытие: рождение их сначала празднуется в божественном уме, затем уже осуществляется. Поэтому твой замысел об устройении мира, святой и блаженный,

подкрепленный вышним советом, не свершить было до срока, утвержденного высшими законами. Несокрушимые узы строгой и непреложной необходимости препятствовали тому, чтобы взыскуемая тобой красота была дарована миру. Теперь же, поскольку ты молишь, молишь вовремя, поскольку и причины поспешествуют, желания твои исполнятся.

2. Сейчас Иле в двойственном положении, колеблется между добром и злом, однако, хотя зло в ней преобладает, она скорее склонна к соглашению. Я вижу, что ее дикую⁹ злобу полностью не избыть: закоренелый, к тому же врожденный порок неохотно оставляет насиженное место. Но чтобы не навредила она моему творению и установленным мною порядкам, я в значительной степени искореню в Сильве зло и грубость ее исправлю. Буйную массу, сотрясаемую порожденным хаосом беспокойным движением, я умиротворю, и она обретет для размеренного хода подходящие границы. Я придам Сильве форму, в ней она расцветет и перестанет наводить страх своим неуклюжим видом. Я даровал ей бытие, да укрепится к лучшему: мир я свяжу дружбой, стихии – порядком. Неприятно мне, что вещи рождаются в нужде: пусть придет ей на смену благообразие, пусть освободит от всякого недостатка материальное бытие. Пора взяться за обещанное дело, ведь тот, кто медлит, мучает ждущего, а тебе, Природа, за твою изобретательность и за верность твоих устремлений, быть мне спутницей и соратницей».

3. Природа стояла, вся превратившись в слух. Сладко ей было слушать речь, словно сотканную из ее собственных желаний. Поняв, что чаяния ее исполняются, Природа пала к ногам Промысла, возрадовавшись душою и ликом.

4. Иле была древнейшим ликом Природы, неустанно рождающей утробой, первоосновой форм, материей тел, фундаментом бытия. Эта сила, не ведавшая никаких преград, с самого начала распространялась настолько широко, насколько это требовалось для всей совокупности вещей. То, что материя, основа вечности вещей, пронизана их многочисленными и различными качествами, конечно, привело к беспорядку в ее устройении, колеблемому всевозможными вмешательствами природных явлений. Частый и непрестанный контакт с природными явлениями расшатал ее устои и лишил покоя. Те, кто покидали ее, просто освобождали место для вновь прибывших.

5. Нет Иле покоя, не припомнит, могла ли она вообще когда-нибудь отдохнуть от постоянного порождения новых творений или перерождения исчезнувших. Подверженные вечным изменениям состояния, качеств и формы, не надеясь на четкое определение, все они уходят в безвестности, в случайных нарядах, а то, что постоянно меняется, заимствуя чужое, не получает и собственного облика.

6. Правда, свобода случайного движения ограничена неким договором: смятенная материя должна опереться на твердыню стихий, как бы вращаться в них четырьмя корнями. Тогда Сильве легче терпеть, когда ее тянут во все стороны бесконечные сущности, качества и количества. Явив свои способности к порождению всяческих вещей, природа оказалась в равной мере склонной и ко злу.

Эта застарелая тяга примостилась уже в ее колыбели и не запросто оставит родовое гнездо: внутри этой массы враждующие между собой зародыши вещей нападали друг на друга, – ледяные против огненных, летучие против недвижимых, – взламывая самую сущность материи.

7. Чтобы должным образом взяться за искоренение недуга, божественный Промысл осмотрелся, собрался с силами, воззвал к врожденным способностям. Поскольку ему показалось разумным начать с объединения противоположностей, смягчения разногласий и усмирения мятежников, он разделил скрепленное между собой, упорядочил смешения, украсил ущербное, издал законы, укротил вольницу¹⁰. Грубые, бесчинствующие, косные материи он обуздал силами, соединил узами, подчинил числам¹¹. Благодаря примиряющим узам дружбы, родившимся в глубинах божественного Промысла, прежняя дикая суровость сменилась дружелюбием, врожденная воинственность – миролюбием.

8. Как только эта первоначальная древняя суровость была преодолена, материя, направляемая Промыслом в желаемое русло, проявила должную податливость. Полностью искоренив присущую Сильве грубость, Промысл обратил взор к вечным идеям и по подобию их дал новый облик вещам. Иле, издревле ослепленная тьмой, обрела новый облик – идей достойное воплощение. Когда же мать родов отворила рождающую утробу и лоно изобильное, из него и внутри него началось возникновение сущностей, рождение элементов.

9. Вначале из бурлящей мешанины изошла огненная сила и буйным пламенем разогнала первородную мглу. За ней появилась земля, не легкостью и светом славная, но надежной тучностью твердая – ведь ей суждено было принимать в себя останки собственных плодов после завершения их жизненного круга. Настал черед прозрачной текучей воды: ее гладкая неуловимая гладь, ежели раздражит ее тень, отвечает отраженными образами. Наконец врывается поток воздуха, легкого и переменчивого: то подчиняется он тьме, то, напившись светом, сверкает, а под действием жара и холода густеет или растворяется. Каждый занял то жилище, которое подсказывали ему свойства материи: земля утвердилась внизу, огонь засверкал в высях, воздух, вода расположились в середине.

10. Эти неразрывные узы возникли для того, чтобы благодаря этому мирному дару смежные стихии наладили между собой дружные и добросердечные отношения. Очень легкий и вспыльчивый огонь мог бы потревожить установившиеся связи, если бы ему не противустали в родственном союзе поклявшиеся помогать друг другу вода и воздух. Сушь заградила путь влаге, тяжесть упредила легкость. От близости вод расцвела изначально сухая земля и поддерживается дыханием воздуха, чтобы не опуститься ниже должного под тяжестью тел. Таким образом, никакие различия не могли внести разлад в этот строй, где все различия оказались в согласии. Противоречивое и несогласное множество, будто сложив оружие, вступило в мирное единение.

11. Разум посмотрел на первые результаты своего труда, понял, что все они хороши и будут приятны взгляду Бога¹². Отделка их породила красоту, упоря-

дочивание – равномерность, материя – крепость, части – полноту. И, конечно, все эти составляющие должны были слиться в нечто совершенное и цельное, ведь огонь, земля и другие стихии всей своей силой, всей сутью своей стремились к полному и окончательному совершенству. Любая самая малая частичка их, оказавшись в процессе творения за пределами материального целого, могла бы нанести ущерб возникавшему мирозданию: подобные инородные тела стали бы беспокоить его своими нападениями. Так и ныне бестолковое племя людей¹³, лишенное гармоничного сочетания стихий, живет в постоянном страхе перед внешними напастями. Ведь некий внешний жар, столкнувшись с жаром естественным, нарушает мир, и тогда прежде покойное несет с собой гибель. Потому-то и решено было в вышних отсечь и уничтожить в корне все, что могло бы в дальнейшем уязвить космос, нарушить его целостность или помешать его действиям.

12. Предприняв должное относительно материи, когда структура стихий утвердилась, красота творения обрела изящество, а связи ее стали настоящим чудом, Разум оставил Сильву и принялся за создание Души.

13. Источник света, питомник жизни, благо от блага, полнота божественного знания назывался разумом Всевышнего. Это ум высшего и сверхвеликого¹⁴ Бога, из божественности его родилась Природа, а в ней – образы живой жизни, вечные понятия, умопостигаемый мир, предвидение будущего¹⁵. Словно в чистом зеркале¹⁶, можно было в ней наблюдать, что сокровенное намерение Бога определяло к возникновению, а что – к сотворению. Заключалось в ней – в общих, в родовых и в собственных индивидуальных чертах – то, что порождала Иле, порождал мир, порождали стихии. В ней же – начертанное перстом верховного зодчего: ткань времени, череда судьбы, чин веков. В ней – слезы бедняков и богатства царей, воинская мощь и счастливая наука философов, познание ангельское и познание человеческое, все, что вмещает в себе небесный свод. Обладающая же таким бытием причастна вечности, единоприродна с Богом и по сути своей неотделима от Него. Из этого источника жизни и света проистекла и явила себя миру Энделихия, жизнь и светоч вещей.

14. Она представляла собой сферу, огромную, четкого размера, но такую, что обзреть ее можно было лишь умом, а не глазами. Ее светлая субстанция походила на струящийся источник, и эта двойственность ее облика смущала зрителя, видевшего перед собой то ли воздух, то ли небо: разве кто-нибудь дал точное определение сущности, живущей созвучиями и числами? Поскольку она словно колдовскими чарами скрыла свое истинное лицо, невозможно было разобрать, каким образом эта жизнетворная искра никогда не затухает и ярким светом разгорается в каждом живом существе¹⁷.

15. Итак, Энделихия оказалась в ближайшем родстве с Разумом, и, чтобы столь достославная супруга не почла неровней себе Мир, рожденный матерью Сильвой, Промысл предусмотрел условия некоего договора, согласно которым материальная природа и природа небесная обрели бы должное согласие на основании должного расчета. Тонкость сама по себе не дружна с грубостью, по-

этому для соединения их между ними разместились пропорция: тело и душу она скрепила, словно клеем, брачными узами¹⁸. Когда обычная враждебность их сменилась симпатией, согласие породило дружбу, а дружба – взаимное доверие, что можно видеть и по сей день¹⁹. Мир трудился, все время страдая от разнообразных бедствий: обычный ход Природы то страшный жар беспокоил пожаром, то влага – наводнением. Сюда Энделихия поспешила направить все свои силы, чтобы поскорее навести порядок в новом жилище, ведь, при всем своем гостеприимстве, она не потерпит непрошеного гостя в своем храме²⁰.

16. После заключения по обоюдному согласию союза между Душой и Миром новорожденный Мир сразу передал полученное от духа всем живым существам – кому одушевлением, кому через возвращение, следуя предрасположенности всех и каждого: эфир подобает насельникам эфира, чистое – чистым. Ничего удивительного в том, что Природа тяготеет к тому, что ей всего ближе. Так и Энделихия силу и родство свое нашла на небе, в звездах, там, в вышних она и поселилась, чтобы всю себя, все свои силы безраздельно отдать небесным телам, а на земле ее власть слаба. Эта слабость приводит к медлительности, свойственной телесному существованию, и в этом Энделихия являет себя слабее, чем она есть на самом деле.

Итак, укрепленные благодеянием Души, стройной чередой вещи начали выходить из утробы матери Сильвы²¹.

III

- Так отделился от звезд эфир легкий, звезды – от неба,
 Небо – от воздуха, твердь земная – от водных глубин.
 В небе десница Творца и с нею небесные слуги
 Вместе за дело взялись, творению давши зачин:
 Небу – окружность, огню – чистейшую сущность придали,
 Ход круговой и богов сотворили могучих толпу.
 Здесь я богами зову тех, кто пред Господом служит²²,
 Тех, кого истины день в истинном свете хранит.
- 10 Мира эфирного сень, огражденный от всякого шума,
 Воздух сверлящего, град, обнесенный крепкой стеной
 Тайные троны хранит. А в совсем недоступных высотах,
 Космоса выше²³ живет, как учит нас вера, Господь.

Ближе всех к Богу, умом совершенным к тому ж наделенный,
 Тайные мысли Его читает один Херувим.
 Пламя желанья палит Серафима иное, но все же
 Бог для обоих предмет желанья, свята их любовь.
 В стройном Престолов полку славно правит тот дух глубочайший –
 Разум, всеведущая господня ума глубина²⁴.

- Службой своею гордясь, имя славное Сил превозносит –
 20 Ангельский сей легион достоин повелевать.
 Духи, которым дано зваться Господствами, правят
 Сразу за ними стоящим чином небесным Начал:
 Пусть в послушании он, начальствовать может не хуже
 Прочих, наказы его достойное войско блюдет.
 Власти, священная рать, чудесами сей мир наполняет,
 Ведь они властны свою сами силу являть²⁵.
 Полк многочисленной звезд идет за своим Михаилом
 Архистратигом вослед, ангелов славных толпа.
 Ниже всех ангел. Сложи теперь всех, кого мы назвали:
 30 Девять всего обретешь в иерархии этой чинов.
- Неба субстанция, высь, от земного далекая, чтобы
 Стать совершенной во всем, особый прияла наряд:
 Пишет звездами свою небо картину, правдиво
 Все предвещая, чему сбыться велела судьба,
 Предзнаменует оно, куда в своем ритме неспешном
 Бег созвездий влечет столетий всех череду.
 Звезды уж держат в себе все то, чему время настанет
 В чине своем низойти и в предначертанных местах:
 Там и державный Форон, и вражда промеж братьев фиванских,
 40 И Фаэтонов пожар, и Девкалионов потоп,
 В звездах бессребренник Кодр и Крез, знаменитый богатством,
 Блудолюбивый Парис и стыдливость сама – Ипполит,
 В звездах красавец Приам, Турн, что не ведает страха,
 Умник Улисс и силач, не знающий равных, Геракл,
 В звездах борец Полидевк и Тифий, правивший судном,
 Ритор живет Цицерон среди них и Фалес геометр,
 В звездах слагает Марон стихи свои, Мирон ваяет,
 И всю латинскую знать затмевает сияньем Нерон²⁶,
 Перс карту неба творит, египтянин рождает искусства,
 50 Греки в ученых трудах подвизались, в сражениях – Рим,
 Ищет причины вещей Платон, Ахиллес же воюет,
 Всех вокруг щедрой рукой одаряет богатствами Тит,
 Образ божий, вошедший во плоть, принесла невинная дева
 В мир, и обрел во Христе живого он бога навек,
 В милости вышней Господь Евгения людям дарует,
 Землю даром одним осчастливив единожды всю²⁷.
 Так, чтобы загодя ход различим был времен, Промыслитель
 Знаменья разные в мир звездам велел посылать,
 Полюса два утвердил и небесной тверди отныне
 60 Вечно вращаться вокруг этой оси повелел²⁸.

- Пять параллелей наш мир срединный меж тем обхватили:
На пограничных – мороз, а на центральной – жара.
Две же еще наделил Он умеренно, дав им в соседей
Стужу двух крайних полос и солнца тропу посеред.
Небо на четверти Он поясами разрезал колюра,
Впрочем, не дав ни одной к точке вернуться своей²⁹.
Вот Зодиак: он на юг стороною широкой стремится,
Узкой же Бычьих Возов³⁰ морозный милее приют.
Здесь рассекаема твердь звезд близких друг к другу скоплением:
70 Это струит всюду свет Млечным зовущийся Путь³¹.
Солнцестоянию Рак назначен был должным пределом,
А равноденствие в ряд встало с созвездьем Весов.
- Лег меж Медведиц Дракон, одну от другой отделяя,
Полус, звезда моряков, на крайнем Борее горит
И антиподов своих никогда не увидит³², а рядом
С высей на пару шагов хочет сойти Волопас.
Путь ожидает один Согнувшего ногу в колене,
Гелику старшую и Киносуру – меньшую сестру³³.
За Геркулеса спиной Ариадны блистает корона,
80 Лира – ее изобрел сам Меркурий – ей светит во след.
Ледин за нею плывет поблизости лебедь, а рядом
Место находят себе с Кассиопеей Кефей.
Млечный путь поясом стал Андромеде. Во злате рожденный
Огненный держит в руках лик Медузы Горгоны Персей³⁴.
Много дождей пролилось в те дни, когда новорожденных
Кучер небесный к себе посадил в колесницу Козлят³⁵.
Трав повелитель, среди созвездий блещит Змееносец:
Твердый дракон, как ремень, ему мягкие чресла обвил.
Ярким свеченьем горя, вольготно Змея растянулась
90 Вдаль и блеском своим затмевает иную звезду.
Так же, подстать ей, Стрела сияет окрест благородно,
Зевсова прямо под ней остроклювая птица летит.
Рядом с границей ее владений Дельфина созвездье,
С ним же бок о бок стоит Беллерофонтов скаун.
Прямо над судном твоим висит, Фрикс³⁶, и ярко сияет
Дельта, что формой своей вторит Египта чертам.
Льются по лбу у Тельца Гиады, а сзади сестрицы,
Всех их Вергилиями и Плеядами можно звать.
Жар вредоносный несет за собой Малый Пес, когда входит
100 В дом к Близнецам Зодиак в высшем движенье своем.
Тем же недобрым огнем красным Сириус знойный пылает,
Солнцестоянью когда Рак предлагает свой дом.

- Если эфирные здесь же взору Ослят преподносят,
 Тех, что под Раком живут, и с ними Гераклова Льва.
 Вот на небесной тропе Орион следопыт промышляет,
 Заяц-беглец со всех ног удирает – его не догнать.
 В бурных водах побывав вначале, Арго знаменитый
 Ныне без Тифия хлябь небесную килем сечет.
 Жертвенник к югу за ним клонится, стоит Гемониец
 110 Рядом с ним – явно в летах сей полумуж-полузверь³⁷.
 Место нашлось и Киту Нептунову, в Узел небесный
 Рыбы небесные там же связаны крепко навек.
 Небом течет Эридан, в климате нашем повсюду
 Знают его, и богам имя его по душе.
 Гидра простерлась во всю длину, а на ней примостились
 Ворон и Чаша – все три чуть ниже Рака живут.
 Рыбе другой³⁸ Водолей в рот прямо воду вливает.
 Все остальные горят созвездия в должных местах.
 Фриксова против руна Весов подвешены чаши –
 120 Свет отражают они, ночи ровняя со днем.
 Гибель природой своей неся, Скорпион озирает
 Взглядом тяжелым Тельца, стоящего прямо пред ним.
 Метит попасть в Близнецов, звездноликих братьев Елены³⁹,
 Та, что на луке лежит Гемонийского старца, Стрела.
 Рак горит, но на другом полюсе солнцестоянья
 Влагой живую дарит верная Зевсу Коза⁴⁰.
 Критского бога вскормив, теперь она ярко светит
 Вместе с ползущим назад Раком и гибельным Псом.
 Против Геракла и Льва, ревающего в гневе, мальчишка
 130 Смело выходит и льет из кувшина водицы струю⁴¹.
 Дева-Астрея, собрав урожай плодородного года,
 Сходит, и, глядя ей вслед, Рыбы обе встают.

 Эти созвездия век наш то так величает, то эдак,
 А при рожденьи времен они были небесным огнем.
 Чтобы в столь важных вещах не запутать все праздную речью
 Каждой звезде навсегда имя дал человек⁴².

 Разум под небом, где путь свой свершают двенадцать созвездий,
 Всей семернице планет по склону бежать повелел⁴³,
 Каждой и нрав и природу особливые он приготовил,
 140 Каждой назначил в удел то иль иное вершить.
 Все, к чему близко плывет, Луна на земле и на море
 Силой законов своих заставляет бурлить.
 Следом за ней, то вперед убегая, то отставая,

- Солнцу другая звезда⁴⁴ в небе дорогу торит.
Должным порядком грядет Венера, что силой рожденья
Правит и семени, ведь она влажного жара полна.
Посередине горит Солнце, чтобы другим было легче
Звездам свой свет излучать, богу света эскортом служа.
Рядом сражается Марс, городов горделивых⁴⁵ союзник,
150 Красным ликом своим часто ум помрачая царей.
Добрый, на месте шестом, Юпитер: всегда предвещает
Делу он добрый конец, если не ранят его⁴⁶.
Дальние сферы свои нехотя движет планета
Старая⁴⁷, стужа ее сковала, потомства лишив.
- Ветры, родившись в волне беспокойной, с границ утвержденных
Веять друг другу в лицо обязались, как Разум велит.
Студит Борей, заливаает водами Нот, насылает
Бури одну за другой Австр, а Эвр – тишину.
- Под небосводом земля легла, и волна зашумела,
160 Новым свечением горд, обновляется звездный эфир,
Скот и рептилия, рыба с птицей – в чине творенья
Каждый место себе подобающее получил.
Ползает этот, идет другой, кто плывет, кто летает –
Каждый по нраву себе одному образ жизни избрал.
Все получили свое: зверю – лес, травоядному – поле,
Змею – пыль, воздух – крылатым, рыбам – морей глубина.
Рыбе вольготно в воде, летает по воздуху птица,
Шагом ступает овца, и пресмыкается уж.
- Точкою малою в центр вселенной земля поместилась,
170 Всем подвижным телам дав долгожданный покой.
Натрое рассечена⁴⁸, она то от взора скрывалась,
То открывалась местами на всех семи поясах⁴⁹.
Часть ее под водой, под горами, лесами – другая,
И лишь немного совсем свободной осталось земли.
Крепкою мышцею гор хребты круг земной обхватили:
Звездную твердь целиком на плечах своих держит Атлас;
Высей эфирных главой достигнув, сверху взирает
На отягченное тучами небо славный Олимп;
Как людские дела и планет отношенья решают
180 Боги, с обеих вершин силится видеть Парнас;
Кедровым лесом порос Ливан, на Синае ж пустыня,
Там, где священный закон святой получил Моисей;
Вверх вознесся Афон, за ним Эрикс, за теми Кифера,

- Столь же высок Аракинф, не ниже его Аганипп,
 Горный хребет Апеннин, Эта – могила Геракла,
 Липари, полный огня, ароматов букет – Терebinт⁵⁰,
 Пинд и бессмертных гроза олимпийцев Оссы вершина⁵¹,
 Офрис и старцу-врачу⁵² давший первый приют Пелион,
 Вот и Кавказ, где глядит Прометей неустанно на звезды,
 190 Вот и Родоп, где любил на струнах играть кифаред⁵³.
 Высокогорный Гарган возвышает Италии землю,
 Твой же утес, о Пелор⁵⁴, Тринакрии остров вознес.
 Небу Фолоя грозит обоими пиками, славу
 В роде двуликом стяжав: кентавров она родила.
 Там, где Арктический край простерся, Рифейские кряжи
 Снегом сверкают: его в тот климат приносит Борей.
 Крепкими узами Альп гряда скована, непроходимы
 Западные их теснины, могучим скованы льдом⁵⁵.
- То, что сокрыто горой, уже не достанется плугу,
 200 Лишь на уступе ином заметишь краюшку земли:
 Волк схоронился в кустах здесь, лев промышляет в пустыне,
 Сушь полюбила змея, непролазную чащу – кабан⁵⁶.
 Роды членятся на виды, ведь, изначально простая,
 В разном природа сама проявляясь себе не равна.
 Бивнем слон прочным силен, верблюды же высокой спиною
 Горд, украшают чело газели крутые рога.
 Бежать привычен олень, и с тою же целью высоко
 Ногу стройную гнет в колене проворная лань.
 Мужество в сердце хранит лев, а медведь – в цепких лапах,
 210 Страшен хваткою тигр, смертоносным клыком – дикий вепрь.
 Млеет под мягким руном овца, но суровую тогу
 Носит супружник козы, и в такой же ходит она.
 Сердце пылает в груди коня, ослик – еле шагает,
 Словно под грузом ушей и дух его праздный согбен.
 Рыщут, жертву ища, пантера и волк кровожадный,
 Та – в неприступных горах, этот – в темном лесу.
 Много почета тельцу, однако ж у малой лисицы
 В теле тщедушном ума больше гораздо найдешь.
 Бык рожден для ярма, а воплощение страха,
 220 Заяц, вечный бегун, в ушках находит свой рост.
 В горы бежит от людской работы онагр пустынный,
 Тело свое от трудов освобождает он сам⁵⁷.
 Пес, то ль природой к тому побуждаемый, то ли привычкой,
 Жизнь свою рад скоротать хозяйского в страхе кнута.
 Рысь вот, такое творит она чудо, какого не видел

- В мире никто: ведь внутри в ней жидкость, струящая свет⁵⁸.
Вот обезьяна на смех нам людскую кажет личину,
Будто бы сам человек, но природу забывший свою.
Вот же и бобр, что готов тело свое поскорее
- 230 Сам тех сокровищ лишить, до которых охотник охоч⁵⁹.
Белка крадется, куница, готовая сделаться шубой
Для богача, ей ничем не уступит и шкура бобра.
Ценность большая, гроза кошелька, соболь благоуханный
Нежную шею обвить сеньора ему суждено.
- Воды по лону земли растеклись, увлажняя округу:
Здесь ручеек, там – поток, иль болотом сменяется пруд.
В земли втекает Евфрат, где воздвигла кирпичные стены
Дева бесстрашная⁶⁰, чтоб укрепить в Вавилоне свой трон.
Тигр орошает поля, на которых досталось напиться
- 240 Золота Крассу⁶¹, и Рим по делам его познан там был.
Нил плодоносный течет там, где ты, Магн, изведаль на деле,
Как безрассудно порой доверять малолетке-царю⁶².
Рвется Авана⁶³ вперед, чтобы помощь Дамаску представить
Для орошения земель окрестных, подвластных ему.
Тихо течет Силоам, но счастлив: он видел пророка,
Больше того, – самого Бога – вершителя дней.
Святость особая ждет Иордан: удостоен он чести
Тело благое омыть Того, кто его сотворил.
Избороздил Симоент Сигейское поле⁶⁴, счастливей
- 250 Был бы он, если б Парис разумней любовь расточал.
Знает Тринакрия, где ее увлажняют Альфея
И Аретузы вода, но тиранам она отдана.
Тибр свои воды стремится в море, на этой дороге
Роскошь Рима узреть и славу деяний его.
По лигурийским лугам⁶⁵ спускается По, гонит волны,
Прямо к Венам легла дорога прямая его.
Рона течет, где Агавн мог видеть ты славную битву,
В коей кончину стяжал мучеников легион⁶⁶.
Вот Эридан – он один выжил во время напасти,
- 260 Той, что на землю принес Фазтоном зажженный пожар⁶⁷.
Сена струится в местах, где вели свои войны потомки
Древних царей, что ведут от Пипина и Карла свой род.
Ярко на солнце блестит Луара, и город Мартина
Средь разноцветных полей и звездных речушек стоит⁶⁸.
Мхом облачаются вод источники, берег же – дерном,
Землю скрывает трава, чашу – густая листва.
Ветви раскинул платан на равнине, ольха – на уклоне,

Любит скалы крепкий самшит, иву гибкую тянет к воде,
 Благоухает в горах кипарис, виноград священный – на склонах;
 270 Ценит работу земля, что Палладово древо растит,
 Тополь белеет, в родстве лотос с речною волною⁶⁹.
 Гнется калина, своих испытует упругость ветвей,
 То вширь ползет, то узлом кизил свои вяжет побеги⁷⁰.
 Аркой красивою дуб изгибается часто и клен,
 Острые листья дрожат в кроне вечнозеленого дуба.
 Пчелам Кекроповым тис особенно вреден всегда⁷¹.
 Дуб – воспитатель, и ель – гигант, тамариск низкорослый⁷²;
 Страшен оружием своим – шипами терновник грозит,
 Иглица в той же броне и крушина: поостеречься
 280 Только мозолистых рук стоит и той, и другой.
 Дружбу водит с плющем бук, вяз нежен с лозою⁷³,
 Лоно покинуть земли вереск отнюдь не спешит⁷⁴.
 Гнется дугой бузина, надломить и смоковницу можно,
 Все ж каждый кустик листе новой особенно рад.

Лес Алкиноев то сам собою растет, то от корня,
 Или от семени, вот уж древо приносит плоды⁷⁵.
 Осень-родительница улыбкою их одаряет,
 Радостью полон и плод в тенистой листе молодой.
 В тогу орех облачен, в морщинах карийская фига,
 290 Фигу иную Адам и вслед еще грушу избрал.
 Может в желудке поток, как известно, стреножить рябина.
 С виду коттана бледна, ярко красен гранат,
 Тверд у каштана наряд, персик же в шубе пушистой,
 Слива в мягкой, как воск, коже недолго живет.
 Дуб часто клонит к земле, к небу вершину возносят
 Сосны, а малый орех пищу Филлиде дает⁷⁶.
 Кедр приносит плоды с крепким тройным ароматом⁷⁷,
 Круглые семена можжевельника перцу сродни.
 Тянется к свету и рано цветами листву украшает
 300 Тот, кто на верхних ветвях крепкий рождает миндаль.
 Мирт у Венеры в долгу, благодарен и лавр Аполлону⁷⁸,
 Каждый названьем своим в праве гордиться росток.

В чаще счастливой стоит особенно щедрое древо:
 Миру с косматой главой этот неведом бальзам⁷⁹.
 Смирны омывшись слезой, уже бездыханное тело
 Тленья бежит, как бы вновь жизнь возвращая себе.
 В дар персиянин принес Спасителю в знак преклоненья
 Первым из всех фимиам: прекрасен его аромат.

- Вот из земли восстает корица: сладка и снаружи,
310 Но в сердцевине своей слаще намного она.
Медики любят весьма целебные свойства алоэ,
Каплей янтарной течет она по твердой коре,
Как и смола Гелиад и кедра, как липкая камедь,
Что посылает араб⁸⁰, сочится ей и теребинт.
Много еще благовоний, достойных праздник украсить,
Индии жаркой земля, спаленная солнцем, родит.
- Близко к Авроре лежит, к владениям собственным Эвра
Место на лоне земле, где буйно цветы расцвели.
320 Солнце, только взойдя, его нежно ласкает лучами,
Жар, народившись едва, не может его уязвить.
Там равновесье царит в воздухе, и благосклонно
Небо, цветами дарит оно почву и пышной травой.
Пряности все, ароматы, красоты со всех концов света,
Все наслажденья собрал укромный сей уголок.
Произрастают имбирь здесь и калган длиннолистный,
Баххарис – близкий сосед душистого чабреца,
Вечным цветеньем аканф, как честью особой, отмечен,
Благоухающий нард отличные мази дает.
330 Бледен крокус, коль он пред пурпурным растет гиацинтом,
С кассией в битву вступить готов ароматный мускат.
По безмятежным лесам змейкой игривой струится,
Быстро меняя свое направленье, прозрачный ручей:
Корень древесный ему иль мелкая галька преградой
Станут – с журчаньем вперед легким стремится волна.
Этот, мне мнится, прият, влажный, цветистый, когда-то
Первый нашел человек, но гостем недолго здесь был.
Рошу сию создала с особой заботой Природа,
Дикая чаща в местах иных и случайно растет⁸¹.
- Лес Аонийский рожден очаровывать мысли поэтов,
340 Ида – чтобы создать для парисовой кражи корабль.
Зелень Арицию скрыла с ее вяло текущей водою⁸²,
На богатых травую холмах ветви раскинул Ликей.
Велеречивых прият мудрецов, жилище Платона,
Тень благодатным местам Академова роща дает.
Девять сестер Зодиак покинули вместе наклонный,
Славой своею их всех лес Пиерийский пленил⁸³.
Сень ароматную на Гринийской дарует вершине
Лавр и поэтам, и богу, который к ним благоволит⁸⁴.
Кроны деревьев в борьбу с самим небосводом вступают

- 350 В Индии⁸⁵, кельтов земля дубравами так же полна.
Сила к звездам несет покрытые соснами пики,
И на обоих морях ей виден блеск парусов⁸⁶.
Вастом владеет Турень, Арморика – Броселиандом⁸⁷,
Галльский в Арденнских лесах край достоянье обрел⁸⁸.
- Виды дала овощам земля кожурою покрытым:
Нут – в италийской земле, боб же растет в Пуату,
Вот чечевица слепая⁸⁹, горох, бередящий желудок,
Темны у вики плоды, легка, как пушинка, фасоль.
Ранней тяжко пшенице, но поздняя полнится соком,
- 360 Строен легкий овес, ростом не вышел ячмень.
Лишь только струйка воды оживит сад веселым журчаньем,
Тут же богатства свои всем показать он готов.
Лечим иссопом мы грудь – травой, что селится на скалах,
И на равнине живет сон навевающий мак.
Боль в голове исцелит горчица, владычица поля,
А молодило меж тем овладевает стеной.
Любит источник нарцисс, изгородь вьет бирючина,
Саду любому краса – роза, а лилия – долу⁹⁰.
Рядом друг с другом растут душистый латук и цикорий,
- 370 Низко склонились к земле эндивий и портулак.
Лук в свою тогу одет, чеснок лигурийский, что славен
Вкусом острым – в саду всей зелени место нашлось.
Мята струит аромат, рядом с ней ирис пестреет,
С мальвою легкой вдвоем гибкий алтея росток.
Руккола, корень услад, чабер столь же веселый,
Схож с ними сатирикон, что старика молодит⁹¹.
По завершении дня и цветок закрывается этот,
Но лишь солнце взойдет, он встает за супругом своим⁹².
Болям, что женщин подчас тревожат, известны причины
- 380 Травке в белых кудрях: артемизия их исцелит.
К празднику если обед вы хотите особенно вкусный
Преподнести, аромат свой вам предложит шалфей:
Это лекарство на стол решил, как приправу, поставить
Щедрый на негу и лень праздный служитель любви.
Следом мы ставим укроп с легкой его шевелюрой,
Может он темную ночь с глаз заболевших прогнать⁹³.
С кожею старой змея и лет застарелое бремя
Сбрасывает⁹⁴, а глазам ее свет возвращает укроп.
Низко душица растет, тимьян же змейкою вьется:
- 390 Противоядья сильней от укуса змеи не сыскать.
Так же хорош душевик, утешитель мышечных болей,

- Если суставы они силятся вдруг сокрушить.
Мяты болотной возьми, коль чудится яд тебе в кубке,
Не пропадешь, заодно кервель целебный добавь.
Месячные облегчат, селезенке и мозгу помогут
Пар земли – кабачок, и анхуза, что нас веселит.
Почкам полезна чесьма сатурея, еще совершенной
С остроконечным листом подорожник-трава.
Руту любил Митридат, Катон имел дело с капустой,
400 Кудри украсил свой сельдереем силач Геркулес.
Кашлю враг – девясил, подагру изгонит крапива.
Мозгу усталому сон ромашка желанный дает.
Рану любую легко излечивает панацея,
Все застоявшееся гонит из тела бадьян.
Жаркий анис иной раз семени путь преграждает
На детородной тропе, ему предназначенной, встав.
Соки зловредные из живота от полыни уходят,
Против же зноя найдешь подмогу в фиалке всегда.
Тяжесть в желудке все семь сортов облегчат молочая⁹⁵:
410 Вот уж на битву тебя, живот, вызывают бойцы!
Столь же воинственен и млечник, в смятение чрево
Ввергнуть готовый всегда, великую чистку верша.
Рядом растет с беленой цикута, сократова травка,
Здесь же морозник: и он в близком со смертью родстве.
Новым рождением земля чудесное миру растение
Преподнесла: мандрагору, что ликом похожа на нас.
- Живностью разной Протей наделил морские пучины.
Вот и чешуйчатой твари царство досталось свое:
Любит Арморикю кит, дельфин крутомордый играет
420 С волнами: буря его нимало, видать, не страшит⁹⁶;
Ценят на кухне у нас мурену, не менее вкусен
Угорь, а ежик морской горячку людям несет;
Вовсе безвкусна треска⁹⁷, солнечник много приятней,
Славен средь прочих своим ароматом нежнейшим лаврак;
Устрица, или тот род, чьи ракушки подобны палатам:
Обновляется он с каждой новой луной⁹⁸.
Рыба летейская, коль на крючок попадет рыболову,
Разума прежде лишив, погружает его в забытьё⁹⁹.
Колюшка старцу внушить может похоти зуд недостойный,
430 Может из самой земли истлевшее тело поднять.
Чудо морское – сирена, и множество – всех не исчислить –
К роду принадлежит обитателей водных глубин.
После блужданий в морях бескрайних вся эта ватага

- В гости приходит к реке, в царство пресной воды.
 В полном согласии друг с другом волну рассекают
 Сын океанских глубин и местное всяко дитя:
 Круглый лобан и осетр квадратный, взерошенный окунь,
 Камбала плоская, мелочь – плотва и длинный усач,
 Жирная сельдь и форель цвета розы, лосось ароматный,
 440 Щука, властитель сих мест, хищник опасный для всех.
 Славу уклейка дала Луаре, и столь же приятен
 Хариус вкусом: вдали он живет от прудов и озер¹⁰⁰.
 Водные хляби дают пропитание всем этим видам,
 Но их немало еще здесь родится от жара небес.
- В пляску пускаются на небесных пернатые тропах,
 Хоть и немалая часть их гнездится в привычной воде:
 Чайка спешит за волной, что луна подгоняет с приливом
 На берег, и проводить ее в море обратно спешит.
 Густо пером обросла выпь, длинны ноги у цапли,
 Рыба – пища нырку, а утка излишне смела,
 Жизни положенный срок лебедь один различает
 450 Загодя, смерти в лицо он свою песню поет.
 Множество в небо летит крылатых: единственный феникс
 В мире способен в себе сам возрождение найти.
 Царская птица когтит того мальчика, что дары Вакху
 В чаше мешает: сквозь ночь его в дар он Юпитеру мчит.
 Сокол и коршун живут в постоянной борьбе за добычу,
 И существуют за счет прочих пернатых они.
 Буквами высь журавли украшают, когда покидают
 Воды Стримона¹⁰¹: их путь перелетный по небу пролег.
 Птицу Юноны на свет родила ради шутки природа,
 460 Голубь силу бедра не склонен скрывать своего¹⁰².
 Каждой весною клянет беды свои Филомена,
 Выпачкана у сестры кровью пернатая грудь¹⁰³.
 Два петуха вот: один дома живет, а второму
 Имя дал Фазис¹⁰⁴, сама Медея там родилась.
 Горлица мужу верна, телом кратка перепелка,
 Дрозд взял умом, да и вкус так же отменен его.
 Если бы знала не так много, дольше б жила куропатка¹⁰⁵,
 Жаворонку каждый день – повод для новой хвалы.
 Скачет всюю воробей, века зрит старуха-ворона¹⁰⁶,
 470 Вид непонятный окрас двухцветный сороке дает.
 Ястреб нам мерзок своим оружием, прожорством – стервятник,
 Страус любит всегда селиться в пустынных местах.
 Тонко зяблик поет – и всегда на любовную тему,

Очень болтлив попугай, подражающий нашим словам.
В кроне зеленой дерев свое забывает потомство
Юное вместе с гнездом ворон, дельфийский вещун.
Дятел – хранитель лесов, берега сторожит зимородок,
Гусь навсегда полюбил чистого озера гладь.
Филина солнечный свет, приятный нам всем, ослепляет,
Слезно сипуха поет на похоронный мотив¹⁰⁷.
Все эти формы когда пернатое племя приняло,
Птицам различья даны были в теле, уме и среде.

IV

1. Когда огненная субстанция неба, увлекаемая своим легким движением, окружила это разнообразное потомство, небесная твердь широким поясом обьяла стихии, части света и части частей его. Все, что стремится достичь положенного ему от роду состояния, получает от неба, как от бога жизни, и причины и природу своего бытия¹⁰⁸. Иначе что заставляет звезды стремительно бежать по кругу, если не напитавший их эфирный напиток? Что срывает с места жителя земли, моря и воздуха, как не живоносные движения, ниспосланные небесами?

2. Огонь, эфирный, общительный и склонный к союзу, соединившись с супружеским лоном земли, жаром своим порождает вещи, препоручая вскармливание их низшим стихиям¹⁰⁹. Когда с небесного свода низошел жизненный дух, земля принялась кормить тела и не оставляет своего дела, давая необходимое природе для роста пропитание.

3. Так, в непрекращающемся круговороте, Промысл творил мир: от рода к виду, от вида – к особи, а от особи – снова к первоначалам. Из самого источника нарождающейся жизни, когда при вращении неба и движении звезд возникла субстанция времени, за простой вечностью последовали века, и над всем их разнообразием взяло начало число.

4. Совокупность вещей, космос не подвержен старению, не ждет его и последний, смертный рубеж, ведь бытие он стяжал от Творца и первопричины – одинаково вечных, и от материи и формы – одинаково бесконечных. Ведь предвечное бытие, вечное пребывание, полное множеством единство – это и есть единое: единственная из себя исходящая или в себе сущая природа Бога. Ничто, имеющее отношение к месту, не может объять безграничность его сути и его величия. Ты не ошибешься, если назовешь его «силой», «спасением», «жизнью».

5. Из неприступного света лучами распространилось сияние – образ, или, может быть, лик, образом Отцовым отмеченный. Это – премудрость божья, из живого источника вечности вскормленная или рожденная. Из премудрости родился совет, из совета – воля, из божественной воли – мироздание.

6. Более того, всякая воля Бога – благо. Значит, и воля Бога, и благодать Отца являют в творении царящее в его уме согласие. Кто же осмелится хулить мир и его вечность, видя, что он управляется вечными причинами? Воля Бога дает ему согласие, премудрость – совет, всемогущество – причины и следствия. В неподвижности, в вечности мир заранее познал то, что впоследствии, в строго установленном порядке следующих друг за другом причин, вместил в себя чувственный мир.

7. Первой вышла Материя, за ней – созидающая стихии Природа, за созидающей стихии Природой – стихии, за стихиями – их сочетания¹¹⁰. Так начала следовали за началами, но все произошло от первого начала. Если бы небо, если бы движение звезд не придали стихиям необходимую способность к изменению, они лежали в бездействии, лежали бы в праздности. Светила – Солнце и Луна, а также так называемые блуждающие звезды в своем непрекращающемся движении не страдают от неподвижности лежащих под ними стихий¹¹¹. Значит, созидающая стихии Природа на самом деле и есть небо с бегущими по Зодиаку звездами, ибо оно побудило стихии к предназначенным для них действиям. Не слабеют эти мировые связи и не рвутся, ибо все они завязаны на главной оси.

8. Целокупность вещей и жизнь мира стоят на первых и древних причинах: духе, ощущении, стремлении к движению, стремлении к порядку. Живет Разум, живут прообразы: без их жизни не было бы жизни и вечным видам вещей. Изначально существовала Иле – и в материи, и в духе вечного жизненного начала¹¹². Невозможно ведь поверить, чтобы мудрый Творец создал косную материю, не предусмотрев места и для источника жизни. Мир – живое существо, а живого существа без души не найти. Из земли многое всходит, но без стимула к росту ни дерево не поднимется, ни трава, ни что иное. Так и вся вечная череда вещей проистекла из жизни Ума, духа Сильвы, Души мира и роста творений.

9. В Боге, в Разуме пребывает знание, в небе – разумное устройство, в звездах – понимание¹¹³. В великом живом существе познание процветает, процветает и ощущение, вскормленное знанием предшествующих причин. От Ума – небо, от неба – звезды, от звезд – мир, каждый в свой черед узнает, как ему жить и как познавать: ведь мир представляет собой нечто длящееся, и в этой цепи¹¹⁴ нет ничего постороннего, ничего, что можно было бы отнять, поэтому он и вписывается в совершенную форму – круг. Каким бы хаотическим и разрушительным ни было постоянное, непреложное вмешательство Сильвы, заложенная в мире сила, или дух, не дают ее злобе выливаться за установленные границы¹¹⁵.

10. Все длящееся во времени меряется либо годами, либо веками, либо постоянством, либо вечностью. Годовое разрушается старостью, вековое – концом времени, постоянное соревнуется с вечностью в своей длительности, но, возникнув когда-то, не чает оно достичь высшего достоинства вечности. Мир дарит жизнь и поддерживает ее в творениях – кому на годы, кому на века, кому –

навсегда. Рожденные одновременно мир и время, стоя на общих основаниях, создают образы близкие и похожие на них¹¹⁶.

11. Из умозрительного мира, совершенный от совершенного, родился мир чувственный. Полным был родитель, и полное же сотворила полнота. Получив цельность от целого, украсившись красотой, от первообраза своего мир увековечивается вечностью. Начинающееся в вечности время, завершая тягостное свое кружение, разрешается в лоне вечности. Единство переходит в число, покой переходит в мгновения. От единства оно переходит к числу, от покоя – к движению. Пребывание настоящего, протекание прошлого, ожидание будущего – вот движения времени. По этим путям оно приходит и уходит. И хотя оно идет по ним все снова и снова в вечном круге, оно стремится вперед и с тропы не сбивается – не спешит и не запаздывает. И поскольку там, где времена кончаются, они всякий раз обретают новое начало, кто знает, не повторится ли снова то, что уже произошло.

12. Благодаря этой необходимости возвращаться в самое себя, и время, как кажется, пребывает в вечности, и вечность выражает себя во времени. То, что движется, принадлежит времени, но также и вечности, ибо рождено от нее, в нее имеет возвратиться и тяготеет к неизмеримости. Если бы можно было ему не дробиться на числа, не растекаться в движении, само время сравнялось бы с вечностью. Хоть и зовется оно разными именами солнечных смен, ни длительностью, ни сущностью не отделимо оно от вечности.

13. Итак, вечность, и с ней образ ее – время, делят между собой заботы и труд по управлению миром¹¹⁷. Вечность дарит жизнь огненным звездам и чистейшего свойства эфиру, время же поддерживает и развивает низшие, существующие внутри воздушной сферы формы жизни. Мир управляется временем, но и оно подчинено порядку.

14. Вечно исполненный божественный воли, Разум передает воспринятые от вечных идей образы Энделихии, Энделихия – Природе, а Природа отдает Имармене все необходимое для устройства мира. Субстанцию душе предоставляет Энделихия, жилище души, тело, из элементарной материи и качеств мастерит Природа, Имармене же, призванная следить за течением времени и порядком, располагает, скрепляет и снова соединяет всю вселенную¹¹⁸.

Заканчивается Мегакосмос.

Микрокосмос

Начинается Микрокосмос

I

1. Радуюсь искусно сработанному убранству чувственного мира, Промысл зовет Природу, чтобы и она порадовалась и насладилась той красотой, по которой она так тосковала. О Природа, говорит он, вот мир, который я вывел из старых яслей, из древнего беспорядка, из беспорядочной массы. Вот мир – тонко продуманный плод моих свершений, славное творение, воплощенная в вещах красота, мир, который я сотворил, усердно украсил, тонко соединил с вечной идеей, шаг за шагом следуя за собственным умом. Вот мир, жизнь которого – Разум, форма – в идеях, материя – стихии. И вот: теперь я трудом своим достиг твоего сердца.

2. Воздашь ли и ты теперь хвалу рождению мира? К чему рассказывать, как бушевала суровая Сильва, когда я взялся за нее, сколько потребовалось усилий, чтобы унять бунтарку и приучить, наконец, к руке мастера! Как пришлось скабливать ржавчину с древних стихий, чтобы придать этим перерожденным сущностям подобающий блеск! Как святая любовь объединила враждующие роды, а юная гармония примирила центробежные силы! Как формы пришли на помощь субстанциям, и земли, воды и воздух стали кровом для будущей жизни!

3. Взгляни на небо, пестро расписанное различными образами, я раскрыл его перед глазами мудрых, словно книгу, чьи страницы скрывают будущее. Взгляни, как зоны, согласно неким законам растянутые между полюсами, отдают свои свойства лежащим под ними землям. Взгляни, как колюры четырьмя линиями согласно обхватывают небо, но не прерывают своего пути. Взгляни на круг Зодиака, склоненный по таинственному замыслу: тем и хранится творение, ибо не выдержать ему зноя, если бы Зодиак все время вел солнце над срединной дорогой земли. Взгляни на Млечный путь, умиряющий северную стужу в местах отдаленных, куда жар солнца не достигает. Взгляни на линию, соединяющую точки солнцестояния, и на ту, что указывает на встречу дня и ночи в момент их равенства.

4. Солнцу я дал светлое, огненное, круглое тело; с ним, помещенным посередине, согласно поют сферы планет. Луна, идущая меж воздухом и эфиром, меняет свойства и облик и сопровождает солнце то с одной, то с другой стороны. Венеру я дал ему в провожатые и Меркурия, чтобы идти рядом со светоносной повозкой. Гляди как широким кругом идет Юпитер, более узким – Марс, как первый светит светом дружелюбной звезды, а второй – кровавым багрянцем. Сатурна я возвысил так, что каждому времени года он придает качества той стихии, в созвездии которой пребывает.

5. Но что это я перечисляю положения звезд и законы небес, если они и так вполне очевидны? Ты и сама видишь, как созданная из стихий земля тут реками, тут полями, там лесами густыми радуется глаз. Окруженная владениями Амфитриты, она в средостении своем приносит пищу живым существам: где-то она растит плоды, где-то – деревья, там благоухает ароматами, а здесь полнится камнями и металлами. В текучей же стихии рыбы и чудовища пересекают прозрачные просторы водного царства. Чтобы не испытывать всеобщий покой жестокими терзаниями, напротив источника жара, солнца, несомого срединным путем, я поместил в центре земли источник влаги – Средиземное море. Разделив же его и океан на части, я способствовал тому, чтобы каждой области можно было доставить все необходимое водным путем.

6. Пернатое племя пестрой стаей уверенно пересекает воздух, наслаждаясь полной свободой. Ветрам я велел гнать по воздуху дожди, чтобы дождевая влага в некоторых местах укрепляла разметанную в пыль землю. Простор я поделил на воздушные зоны, чтобы подлежащие им земли восприняли их свойства.

II

Вот уж на части хаос разделен, вот свое украшение
Сильва стяжала, не зря она космоса имя несет:
Все, что в ней было еще заложено грубостью прежней,
Изгнано, в руки творца себя она предала.
Больше творенью вещей не ставя лишних препятствий,
Вся без остатка теперь она вышнюю волю творит.
Славу, Природа, мою и хвалу я в том прозреваю,
Как мрак материи я в такую красу облачил:
Формы даны всем вещам, обузданы мною стихии,
10 Вера согласная всех их скрепила единым числом.
Звезды блюдут мой закон, и планетам я дал повеленье
Вечно бежать по тропе одной, не сбиваясь с пути.
Морю границы воздвиг я, земле же чтоб не колебаться,
Тяжести должной придав, в центр ее поместил.
Вот моя воля: эфир своим жаром пусть травы рождает,
А порожденное им – влага, питая, растит.
Пусть рождает земля тела, а настанет черед их –
В гостеприимное вновь лоно примет свое.
20 Каждая тварь пусть берет у Энделихии мира
И к размноженью инстинкт, и жизни начало своей.

III

1. Итак, если ты вознамеришься внимательно изучить все то, что я сотворил для созерцания, ты подивишься их облику, красоте, крепости и упорядоченности. Однако заботливому мастеру подобает придать произведению славное завершение, и я решил увенчать его с честью и достоинством, создав человека. Великим благоволением одарю я его, и великой силой, чтобы со всяким созданным мной животным он мог поспорить своим особенным, как бы исключительным положением.

2. Я приложил силу свою, чтобы объединить начала, придать форму всем частям косной материи и устранить все препятствия, насколько того требовала необходимость. Пришло время человека, и будет благом, да и мне по нраву, чтобы в этом деле нам усердно помог надежный друг.

3. Вижу я отчетливо, что и сотворение души и возжигание в ней светоча вечной жизни нуждаются в моем особом внимании, потому что такого рода дело превосходит твои, Природа, возможности и способности любой другой силы, как для того, чтобы придать душе должную силу, так и для того, что выразить ее величие. Воля моя такова: тебе, Природа, предстоит приложить все старания, чтобы отыскать, где бы они ни находились, Уранию и Физис, ибо обе они мудры, обе предусмотрительны, обе наделены нужными в нашем начинании талантами. Уранию ты найдешь в моих чертогах, Физис – внизу.

4. Всем обликом своим являя благодарность и добрую волю, Природа поспешила исполнять дружеское поручение Промысла. Могла ли она ждать лучшего подарка, чем сотворение, созидание человека, тем более рассчитывая на успех с помощью столь достойных мастеров? Для начала она решила обратиться к Урании, и по статусу первой, и живущей вроде бы неподалёку. Она знала, что та пребывает в небесах, но бескрайний простор их готовил ей блуждания по извилистым тропам: всякого берега безбрежной окружность небесной тверди. Если Урания повсюду на небе, в каждом созвездии, как знать Природе, какую же страну она предпочитает?

5. Есть в небе область Анастрос¹, с постоянным климатом, всегда светлая, пребывающая в вечном покое, по соседству с чистейшим эфиром и даже согласная с ним по свойствам. Вознесенная над воздухом, она свободна от его волнений, не сгущают ее дожди, не сотрясают бури, не затемняют тучи.

6. Туда и направилась Природа, надеясь, что близость или красота этого места могли привлечь Уранию в ее досужих странствиях. Но не там скрывалась звездная царица. И все же, пусть и не исполнились мольбы и не достигнута цель, не без пользы провела здесь время Природа: увиденный ей свет великой славы заставил ее трепетать.

7. Снова пройдя долгий путь, она поднялась наверх, чтобы изучить пять заключенных между полюсами скреп неба – параллельные пояса. Однако один из них, средний, – зноем, два других, крайние, – морозом, создавали для жилья ужасные условия. А еще два, зажатые между средним и крайними, склонялись то к климату первого, то ко вторым. На этих бескрайних, но отделенных друг

от друга просторах Природа продолжала свои поиски, пройдя и оба колюра, чьи линии должны были сойтись в одной крайней точке.

8. Искала в параллелях, искала в колюрах, но не нашла. Следуя за светом, излучаемым мириадами звезд, словно торной тропой, она очутилась на Млечном пути в том месте, где Зодиак в своем круговом движении касается обоих тропиков. Здесь, у жилища Рака, она увидела бесчисленную толпу, скопище душ, сотрясаемых рыданиями и выглядевших так, словно они кого-то хоронят. Как же иначе: через дом Рака они должны были спуститься из света в тьму, с неба – в царство Дита, из вечности – в тела, и уготованное им, чистым и простым, грубое и косное тело приводило их в ужас. Посмотрев недолго на это зрелище, Природа и здесь не нашла искомого.

9. Тогда она пошла по линии солнцестояния в сторону круга, предназначенного для пребывания и выражения силы планет. Очевидно, что пересечь его двенадцать частей ей оказалось непросто: движение сдерживал уклон круга. Оставив позади орбиты прочих планет, она вышла на дорогу солнца, более ровную, ибо менее наклонную. Взирая с вершины Зодиака, внимательно рассматривая всю вселенную, Природа снова не обнаружила следов или знаков присутствия искомой. Напоследок она решила отправиться в Апланос, к последним пределам небесной тверди².

10. Эфир и совокупность звезд – не стихийны по составу, но по числу после стихий пятые, по чину – первые, по роду – божественны, по природе – неизменны. Если бы небо и небом рожденные звезды получили жизнь от стихий с их изменчивыми свойствами, они не могли бы предсказать ничего точного, ничего правдоподобного. Этот круг, самый дальний от центра и заключающий в себе все, не огонь и не огненной природы. Вечно кружась вокруг планетных сфер, своим стремительным движением он увлекает и их тела.

11. Здесь, в порождающей все формы стране, Природа встретила бога, видом почтенного дряхлого старца. Он был здесь Усиархом³ и Гением, художником и мастером, отвечающим за искусное исполнение дела. В нижнем мире вся совокупность вещей следует небу, а беря его свойства, вещи принимают тот облик, который навязывает его движение. Ведь не может одна и та же форма родиться в разное время и разных местах. Так вот Усиарх выбирает и придает все формы всем вещам круга, который по-гречески называется пантоморфон, по-латински же всеформенным.

12. «Послушай, – говорит он, – Природа. Зачем ты пожаловала в звездные высоты? Ты достойна быть гостьей неба, ибо качествам и сущностям его служишь с неустанным усердием. А вот и местная служительница неба, которую ты ищешь. Гляди: вот Урания, она стоит перед тобой, взирая на звезды, и по точным правилам наблюдения высчитывает их пути и повороты».

13. Природа с трудом напрягла усталые глаза, и, шурясь на блеск неприступного эфира, стала всматриваться в гущу звезд. Урания сразу поняла, кто и зачем к ней пожаловал. Коротко поздоровавшись, она остановила Природу на полуслове и заговорила как бы по божественному наитию.

IV

Вышнего Бога блюдешь ты, Природа, святыя решенья,
В том числе то, что ему по душе сейчас⁴.
Волей его человек народится пусть, тело из праха
Пусть обретет, с неба ж душу стяжает он,
И завершится сей труд⁵ сочетаньем частей гармоничным,
Чтоб недостатков не знать никаких ему.
Пусть в равновесье придет смешенье, а из равновесья –
Узы святыя, из них – дружба вечная;
Чтоб не томиться душе в глухих поселившись потемках,
10 Тело не может несносной тюрьмой ей стать;
Духу чтоб с плотью своей враждовать не пришлось, ощущая
Власти ее на себе бремя тяжкое,
Чтобы неравные все эти силы едиными стали, –
Вот для того и призвали меня сюда!
Ты не чужая среди наших общих, Природа, пенатов,
Разум с тобой породил нас ведь сестрами.
Рода с тобой одного мы: твое в мире дольном жилище,
Место в эфире мне предназначено.
Радости в высях мои, и общенье со звездами – счастье,
20 Тяжко как с ними для дел расставаться мне.
Жить на земле человек будет, пусть из земли и творится,
Вряд ли спуститься смогу я в низины те:
Влажная хмарь, что с землей низко лежащей граничит,
Блеск наш легко омрачить в состоянии.
Но раз украсить его подобает, прообразу вторя,
Мне неприлично с дороги сворачивать:
То, что божественный ум и святой ныне тайно замыслил,
Я совершу, порученью послушная.
Форму дерзая и чин повторить архетипа, должна я
30 Прочь все пустое изгнать и случайное.
Душу я поведу человека эфирными тропами
Всеми, чтоб знать досконально могла она
Парок законы и то, что судьба ей несет непреложная,
Все повороты фортуны изменчивой,
Где ей свобода дана для решенья, где – необходимость,
Где ей во власти быть зыбкой случайности,
Как ей припомнить все то, с чем повстречаться придется,
И сохранить в себе с помощью памяти,
40 Как подражать ей богам всеми силами духа и небу,
Чтобы в сосуде своем жить царицею,
Звезды силой какой обладают, могуче как небо,

На полюсах его сколько энергии,
Как ей силу лучей двух светил и планет пятерицы,
Только войдет она в тело, почувствовать.
Облик приятный, а с ним и духовное совершенство
В небе найдет человек вместе с правилом.
Звездный закон ему срок на земле для сей жизни назначит,
Он же проложит дорогу последнюю.
Тело оставив, домой человек возвратится, и в звездах
Быть ему богом, в вышних вселившимся.
Так решено, ты мне верь, ибо голос мой с истиной дружен,
Ведь не бывало, чтоб лгали созвездия.
Что же, Природа, иди, нам ведь с торной не сбиться дороги,
Раз уж сама ты вести нас взялась теперь.

V

1. Природа с восхищением выслушала божественную пророчицу, понимая, что та разъясняет и само творение, и причины его, и распорядок. Выслушав рассказ до конца, не прерывая, свое согласие с решениями, соответствовавшими ее собственным желанием, она выразила, как всегда учтивым жестом и поклоном. Отправившись в путь для совершения столь великого и священного дела, заручившись в вышних разрешением и необходимой поддержкой для спуска, они вошли в обитель чистейшего, ничем не искаженного света, далеко отстоящую от телесного мира. Здесь, если верить аргументам богословов, находится святилище надсущностного Бога.

2. С обеих сторон небо населено эфирными и божественными силами, все их чины распределены в строгом порядке, и каждый, будь то высший, средний или низший, сознает смысл порученной ему службы и значение своей собственной задачи. Ведь все их владения, соседствующие и выстроенные в одну линию, пересекает единый дух, давая им нужную силу. Однако не все единым образом получают поддержку от единого духа: те, кто пребывает близко к божеству, временами проникает в самый ум его, когда открыто является его воля. Прочим же в силу расстояния доступно лишь частичное, неполноценное созерцание, знания их о Боге и о будущем несовершенны.

3. Из царства, где восседает Тугатон⁶, высшее божество, разливается свет, нигде не расщепляемый, но всюду одинаково бесконечный и вечный. Этот неприступный свет так бьет в глаза смотрящего, так смущает его зрение, а свечение так заслоняет самое себя, что тебе может показаться, будто свечение порождает тьму. От бесконечного или вечного света отделился второй, а от них обоих родился третий. Эти лучи, единообразные и равные по яркости, осветив все, вновь слились с собственным источником⁷.

4. Оттуда Урания вместе с Природой обратились к тройственному величию с горячей благочестивой молитвой, восхвалив цель и успех своего путешествия. Отправившись дальше, они пошли обычным шагом по бескрайним просторам эфира. И не поспеть бы Природе, если бы Урания не убавила свойственную ей от рождения скорость. Преодолев самые удаленные места, они приблизились к той линии небесной тверди, на которой эфир смешивается с не такой тонкой, более грубой областью планет, передавая ей свои свойства. Едва вступив в эту местность, из чистоты – в грязь, из умеренного климата – в холод, Природа ясно ощутила столкновение противоположных качеств.

5. Много ниже пребывал Усиарх Сатурна, ненавистный старик, жестокий и злой, приверженный к дикой кровавой резне. Всех детей, которых приносила ему плодovitая супруга, он пожирал, как только они появлялись на свет. Внимательно выслеживая роженицу, он ни разу не задумался, не останавливали его ни жалость, ни пол, ни красота новорожденных. Ужаснулась природа его жестокости и, чтобы не ранить свои священные глаза таким жутким зрелищем, с девичьим трепетом отвернулась.

6. Одно лишь беспокоило старика: на что излить свою злобу, когда некого было съесть? Будучи еще в соку и в полном расцвете сил, острой косою он скашивал все, что находил прекрасного и цветущего. Не терпя рождения детей, не терпел он и роста роз, лилий и всех благоухающих растений. Этим зрелищем он заранее показал, какое губительное воздействие его враждебная планета своими ядовитыми свойствами будет оказывать и на людское племя.

7. По делам своим Сатурн показался Природе жестоким и коварным, и все же, подумалось ей, старик заслуживает уважения, ведь Хронос считается сыном вечности и отцом времени. Долгий путь уже требовал остановки и отдыха, но решено было, что не стоит останавливаться в таком месте, где небесный покой растревожен трескучим морозом.

8. Собравшись с духом, они пересекли безжизненные ледяные просторы Сатурна и остановились у мягкого и приветливого Юпитера. Усиарх этой области столь милостив и благорасположен, что на латыни его называют Помогающим, от глагола «помогать»⁸, и не приходится сомневаться, что все части мира пользуются его спасительной поддержкой. Очутившись в приятном климате этой сферы, на пороге жилища, слева спутницы увидели две бочки, одну полную горького полынного вина, другую – сладкого меда. К каждой поочередно подходили души, чтобы испить из обеих, готовясь войти в тело. Так и жить всем под Юпитером: если придет причина для радости, придет и печаль.

9. В своем окружении Юпитер выделялся царственным величием: в правой руке он держал скипетр, в левой – весы, взвешивая на них то дела людей, то дела небожителей. То, что решалось на этих надежных весах, должным порядком воплощала во времени женщина строгого вида – Клото. Размеряя и приводя в движение заранее продуманную череду событий, она стяжала такое высокое достоинство, что все пространство от Луны до Сатурна стали называть царством Клото⁹.

10. В этом удобном для наблюдения месте новое и необычное зрелище творений наполнило великой радостью Уранию и еще большей – Природу. Но, чтобы не отвлекаться на новизну, они вновь собрались в дорогу, чтобы продолжить уже начатое дело.

11. Приблизившись к лежавшему ниже царству Марса по извилистой, но все же не такой уж искривленной тропе, они слышали как бы журчание воды, низвергавшейся с кручи в долину. Вблизи они стали всматриваться зоркими глазами, и Природа по иссиня-черным, серистым берегам узнала Огненный Флегетон, берущий начало в сфере Марса¹⁰. Но тут сам Огневик¹¹, Марсова планета, подстрекаемый, возможно, согласным с ним Скорпионом или собственными врожденными силами, направил угрожающие лучи на четвертый и седьмой знаки и, норовя выскочить из своей орбиты, превратился в кроваво-красную комету, страшную хвостатую звезду. Они поспешили пролететь сквозь это плохо управляемое, зловонное пространство и очутились в чертогах дарующего жизнь Солнца.

12. Дорога, по которой Солнце бежит круглый год, оказалась не везде одинаковой, а поделенной на четыре разные части. Первая из них, словно плодородный Египет, цвела под влиянием весеннего тепла. Вторая противостояла весенней мягкости огненными испарениями и вызывала жажду летней сухью. Третья же, смесь желтого и зеленого, являла цветом вид осенней спелости. Последняя, как и остальные, длиной в три зодиакальных знака, была покрыта как бы тонкой водяной пленкой, превращенной зимней стужей в лед. Чтобы взглянуть особенно величественно на вечно повторяющемся пути, на каждом из этих участков Солнце четырежды меняло свой облик: из ребенка через отрочество вырастал юноша, из юноши – муж, муж становился убеленным сединами старцем. Такой облик Солнце принимало, идя кругом то нижней, то средней, то верхней дорогой наклонного круга Зодиака.

13. Среди Усиархов и Гениев, которым вечная премудрость поручила управление и украшение вселенной, Солнце первенствовало светом, мощью, величием. Мировой ум¹², стимул чувственного восприятия в вещах, источник силы звезд, это око мироздания превосходило всех безграничностью своего света и тепла. Лук и лира, подобающие этому богу инструменты висели у него под рукой, чтобы, разгневавшись и схватившись за оружие, он мог успокоить себя игрой на струнах.

14. Сыновья Солнца – Плод Весны, достойного облика бог, и безвредный Фэтон, а также дочери Аполлона – Психе и Быстрота, шли по сторонам от солнечной колесницы, справа юноши, слева – девушки¹³. Психе брала огоньки из отцовской лампы и разбрасывала их по небу и земле. Быстрота, всегда следуя за солнцем, так управляла движением времени, чтобы одному вращению небесной тверди соответствовал один день, месяцу – лунный цикл, из месяцев складывался год, из множества же лет сплеталась череда веков.

15. Увидев, что они заняты тем же, чем она сама, Урания с удовольствием осталась бы с родственницами, но это стало бы задержкой в ее собственном

начинании. Поскольку уже много времени спутницы провели в восхищенном созерцании Солнца, Природа предложила поскорее отправиться к прекрасному Люциферу и его спутнику Киллению¹⁴.

16. Вот они входят – ведь негоже было бы обогнуть сферы Венеры и Меркурия, крепко связанные и друг с другом, и с Солнцем. И если бы Урания не запомнила, где находятся связующие их точки пересечения, круглая тропа привела бы их обратно к Солнцу.

17. Меркурий шествовал совсем рядом с орбитой Солнца, поэтому случилось, что тот, кому он служил вестником, сам подавал весть о нем; и по закону, правящему его дорогой, он то бежал над солнцем, то прятался под ним. Общительный и нерешительный, Киллений не давал дурного предзнаменования делам, которыми он правит согласно своим звездным качествам, но связь с другими силами его либо облагораживала, либо развращала: присоединяясь к пылкому Марсу или благодушному Юпитеру, он и действовал согласно с их характерами. Ему привычно было создавать существа смешанного пола, гермафродитов с признаками двух тел¹⁵. Этот бог в руке держал тонкий прут, на ногах его были крылья: посланник богов, он всегда препоясан и готов мчаться выполнять их поручения.

18. Венера, иногда касаясь орбит Солнца и Меркурия, на самом деле охватывала и ту, и другую. Выбирая среднее между влажным и теплым, она своими качествами способствует росту плодоносных растений, даря инстинкт размножения, побуждает творение к постоянному обновлению. Получая помощь от благожелательных звезд, она приводит к счастливому завершению роды, находящиеся под ее присмотром. Астрологи считают, что под влиянием Венераиной звезды у людей возрастает всякое плотское желание. Лик ее озарял милостивым светом смотрящего на нее. Она несла небольшой факел, иногда едва тлеющий, иногда горящий. Около левой груди ее парил малыш Купидон.

19. Преодолев сферы, то отдаленные друг от друга, то близко соприкасавшиеся, Урания с Природой, оглядываясь на пройденный путь, обсуждали устройство увиденного ими мира.

20. К низшей, находившейся неподалеку сфере Луны вела легкая наклонная дорога, путь казался недолгим, и спутницы, не подозревая о том, достигли цели быстрее, чем ожидали. Здесь пролежала граница между эфиром и воздухом, на которой посредница Луна обеспечивала разделение свойств этих двух областей¹⁶. Наверху – бесконечный мир, вечная тишина, непоколебимый покой эфира. Поэтому высшие силы, не влекомые то туда, то сюда какими-либо переменами, никогда не теряют ни своей цельности, ни своего достоинства. Поскольку природа вышних неизменна, спокойна и мягка, мудрая Греция решила, что здесь находятся Елисейские поля, вечное обиталище блаженных душ, облучившихся здесь прекрасным светом.

21. Внизу же нашел свое место более беспокойный по свойствам воздух, меняющий облик, едва случай предоставит его смятенной природе необходимый повод. Поэтому человеческий род, населяющий это беспокойное место,

наследие древнего хаоса, на опыте должен знать о подобных переменах, ведь изгнанная со звездного неба необходимость текучей материи вполне сохраняет свои права в низшем мире.

22. Поэтому и Луна тяжелее и грубее других звезд. Питаясь от огня божественной и бессмертной жизни, она передает и низшим телам нечто эфирное, необходимое для роста. Ее блестящее тело, светящее отраженным солнечным светом, регулярно убывает и возрождается. Поскольку выходит, что ее свет порождает другим светом, Птолемей из Мемфиса назвал ее планетой Солнца. Подобно тому, как она вызывает и изгоняет подъемы океана, в отношении земных вещей она тем сильнее, чем ближе к ним находится. В своем непреложном быстром беге, вперед и назад, по одним и тем же созвездиям она заполучила огромное влияние на состояние и судьбы людей. Божественность ее, одна и та же в разных проявлениях ее власти и функций, то является светозарной Луциной, то вооруженной луком Охотницей, то Царицей Тартара с серпом на голове¹⁷.

VI

Так, часть труда завершив и пройдя многотрудной дорогой,
Наши богини смогли в том вдохновенье найти.
Сферы они обошли, где правит планет семерица,
Не преминув заглянуть и в звезд неподвижных дома.
Старца кривую косу они вспоминают, в кровавом
Шлеме вояки лицо и Юпитера радостный лик,
Светочей мира – Луну и Солнце, друг к другу прижатых
Тесно Меркурия и Венеру – их не разлучить.
Как им приятно взирать на то, что сам ум глубочайший
10 В небе установил, Вседержителя дело хваля!
Вот поясами лежат на звездной тверди колюры,
Зоны сковали ее и крепче замков полюса.
Каждый на месте своем: Путь извивается Млечный
По небу, и по наклонной ступает тропе Зодиак.
Счастливо Солнце вполне границам, что ей начертали
Тропики, и не спешит законный нарушить предел.
Тоже кривою тропой оно ходит, поэтому свет свой
Неравномерно дарит странам, лежащим внизу.
Фриков делит баран¹⁸ время дневное и ночи
20 Время, в должный момент равноденствие миру даря.
Солнцу положено тьму разгонять и раскрашивать ярко
Вещи светом дневным, блеск возвращать небесам.
Вот бежит рядом Луна, в услужении верном помощник,
Двигет земные тела и волнует водную гладь.

Форма, материя – все в устройстве прекрасном вселенной
 Нравится девам. Они в ней словно бы видят Творца.
 Звезды он наделил совершенством, неба достойным,
 Но убывает оно по мере движенья к земле:
 Все, что под небом лежит беспокойным, изменчиво слишком,
 30 Порче подвержено, и мало надежного в нем.
 В этой сфере небес остановившись, Природа
 К новым явлениям свой зоркий направила взгляд.

VII

1. На поясе Луны, так сказать, на середине гомеровской Золотой цепи¹⁹, в средостении земного и небесного миров, радостно ликовали, словно граждане некоего многолюдного города, тысячи духов. Пока Природа не отрываясь рассматривала их, Урания принялась разъяснять²⁰:

Смотри, Природа, смотри, тебе, взыскующей причин, нельзя оставаться в неведении. Смотри, сколько разных духов, сколько разных мест, и каждый на своем посту служит высшей силе.

2. Небо, эфир, воздух и земля – четыре эти области объемлют вселенную. Небо – простое, одинаковое на всем своем протяжении, без качественных различий. Эфир, как ты узнаешь, делится надвое, так же – воздух, а земля – на трое. У каждой области и у каждого раздела – свое божественное руководство и свои ангелы.

3. Только небеса полны Богом. Действительно, трудно себе представить, чтобы святое и неизменное божество построило себе чертоги в низших стихиях, на грязной земле, в мутном воздухе. С вышины вседержитель взирает на низшее и менее совершенное, чем он сам. Его самого, окутанного мраком божественного величия, увидеть невозможно, но он различим по делам рук своих. Ангелы – его творения, их он расставил так, чтобы неразрывной цепью высшие были связаны со средними, а средние – с низшими. Есть в небе собственные живые существа – небесные огни: этого рода животное разумно и не подвержено ни смерти, ни страстям.

4. Разумному роду людей, который мы должны создать, достойно будет поселиться в нижней области – на земле. Наконец, срединную область вселенной пусть занимает третий род созданий, обладающий качествами обеих крайностей: множество ангелов²¹ ведь своим бессмертием едино с божественными звездами, с человеком же их будет объединять приверженность к страстям.

5. Ковчег Тугатона высшее божество поставило на неприступной высоте, если вообще может быть что-либо выше самого неба. Совсем рядом его окружают полки светлых огненной природы духов, из огня созданных и огненными называемых²². Поскольку они всегда и неустанно подвизаются рядом с Богом, их уподобляют его членам или частям, хотя никакого деления в божестве,

конечно, нет. Эта близость притягивает их к Богу, поэтому они сразу узнают тайные решения божественного ума относительно будущего всего мироздания и передают их для верного, непреложного исполнения низшим духам. Наслаждаясь созерцанием вечного блаженства, они далеки от всяких отвлекающих забот и покоятся в мире Божьем, который превыше всякого ума²³. Этот мудрый, верный Богу легион живет между восьмой сферой тверди, эфирными краями и сферой Солнца.

6. Нижние сферы, до самой Луны, полностью заселены другими духами, теми, что послабее и светом, и достоинством²⁴: они тем больше уступают в величии высшим, чем ниже их местность. Однако и этот чин обладает таким замечательным разумом и такой прекрасной памятью, таким острым, всепроникающим зрением, что, пробираясь в тайники души, они узнают о сокровенных тайнах сердца. Служение их общему благу исполнено любви, ведь они приносят людские мольбы Богу, а Божью милость возвращают людям, так что они являют одновременно свою верность небесам и усердие по отношению к человеку. Поэтому и имя ангела указывает на его службу, а не на свойства.

7. Когда же, при поддержке Промысла, дело дойдет до нового творения – человека, один из духов этого кротчайшего второго чина, Гений, будет направлен, чтобы оберегать его. Врожденная доброта этих ангелов столь надежна, что из ненависти ко всякому злу они избегают любого контакта с чем-либо грязным. Но когда нужно совершить что-то праведное, они всегда на месте, вдохновленные божеством.

8. Под луной верхний воздух отличается от нижнего скорее климатом, чем расположением. Верхние слои разреженные и немного парообразные, потому что соприкасаются с огнем и эфиром, но в той лишь мере, в какой малое может быть затронуту великим, а медлительное – стремительным. Род духов, живущих в воздухе, но только в спокойном воздухе, сохраняет душевное равновесие, поскольку живет на покое. Гений, второй среди них, приставлен к человеку с момента его рождения и указывает, каких опасностей ему следует избегать, то подсказанной мыслью, то сном, то явным чудом.

9. Божественность их не совсем чиста и проста, ведь она облачена в тело, пусть и эфирное. Создатель взял чистую субстанцию из эфирного покоя и текучего воздуха и соединил божественные души со, скажем так, простейшей материей. Поскольку тела их как бы бестелесны, тоньше низших, но плотнее высших, слабому человеческому восприятию они не доступны.

10. В нижней области, начиная с середины, кружат в воздухе злые духи, прислужники царства жестокости. Естественно, им не избежать нечистоты, ведь они пребывают у самых границ земли. Едва очищенные высшим Божиим усердием, они лишь чуть-чуть освобождены от древней злобы Сильвы. Поскольку они погрязли в кознях и порче, по божественному, в первую очередь, суду, они подвергаются пыткам погрязших в злодеяниях, а иногда ранят по собственному произволу. Часто, оставаясь невидимыми, они просачиваются к лю-

дям, когда ум пребывает в молчаливой задумчивости²⁵, а иной раз, приняв тело, блуждают, словно тени.

11. Итак, высших я назвала бы начальниками ангелов, средних – вестниками, низших – предателями. А теперь взгляни на земных обитателей: там где земля особенно приятна, украшена покрытым травой холмом или горным склоном, где радуется река или зеленый лес, там в невинности коротают свои долгие дни сельваны, паны и нерей. Их тела сотканы из чистых стихий, но и они, наконец, в должный срок уходят из жизни.

12. От пределов воздуха до поверхности земли главенствует Плутонов усирх, которого я назвала бы Сумманием, «повелителем теней»²⁶: от самой сферы Луны простерлось его могущественное царство. Я не хочу, чтобы величие силы, властвующей в воздухе, показалось тебе слабым и незначительным, ведь воздух нужен для дыхания, а без него творению никак не выжить.

13. Таков сонм, который ты зришь перед собой: над и под Луной он всегда стоит на своих местах, выполняя порученные ему задачи.

VIII

Разумом смелая, ты взгляни, как наш космос устроен,
 Хитросплетенья стихий в нем попытайся постичь,
 Разум с заботой какой грубую массу рассеял
 Чтобы надежно и в ряд частям ее ровно стоять,
 Что середину влечет к пределам, что их съединяет,
 Двигается небо зачем, и в покое земля почему,
 Бег свой планеты куда направляют, сильна ли их власть,
 Где их восход и закат, где градус, где цифра и пункт,
 Апланон отчего супротив семерицы несется²⁷,
 10 И средь созвездий тропой неровной планеты идут,
 Ласки кто поручил Венере, а Марсу – сраженья,
 Стужу – Сатурну, тепло ж Юпитеру в долю отдал,
 Сила какая Луне дана, Меркурию, Солнцу,
 Шагом каким им идти по дорогам и сферам своим,
 Числа ль возьмешься считать, иль к астрологу ты обратишься,
 В небе, к добру ли, ко злу, судьбы ты решение найдешь;
 Ставит оковы зачем зима, а весна их снимает,
 Знаешь ты, лето зачем печет, и несет урожай
 Осень, как всюду цветы Борей леденящий сражает,
 20 Нежный Фавоний земле как новый дарит ковер,
 В лоно супруги своей едва лишь нисходит Юпитер,
 Обновляется мир, в родах тучнеет земля,
 С факелом дочку ища, ее обретает Церера:
 Вот разлилась по полям²⁸ она, лик свой свету явив

- Птицею полнится лес, в волне морской рыба родится,
 Выходит на пашне посев, листвою покрывается сад;
 Как гармонично с душой члены число сочетает:
 Так несхожее слить может только любовь²⁹.
- 30 Плоть – от земли, а душа – от огня, пусть враждебны друг другу –
 Тяжкое бремя в одном, легкость и чуткость в другой, –
 Но принимает душа простая деление в теле,
 И разделяется вновь то, что раздельно уже³⁰.
 Но оказалась она в кандалах, в суровой темнице,
 Массой телесной своей заживо погребена.
 К свету родному придет, к отцовским вернется порогам,
 Если мудра, или жить душе с плотью под кровом одним.
 Что значит смерть, что ее вызывает и кто в ней виновен,
 Думай и мысли свои, как философ ввысь направляй,
 Чьим мановеньем она все уносит и в пропасть какую,
- 40 Все, говорю, что земля, воздух и море несут.
 Ежели с истиной ум дружен, он правду подкажет:
 Формы лишает лишь вещь, а не сущности, смерть,
 Вещь пребывает в себе всегда, только форма уходит,
 Новая форма придет, вещи новое имя неся.
 Форма текуча, но суть не меняется вещи, и смерти
 Не уничтожить ее, вещи лишь разлучает она³¹.
- То, что приятно само по себе иль к приятному движет,
 Что подобает, а что – нет, философским умом
 Ты изучи, отличай справедливость от беззаконья,
- 50 Правду от кривды, пусть в том ум твой поможет тебе.

IX

1. Ведя такой разговор, они дошли до нижнего воздуха, тех мест, за которые сражаются сыновья Эола³², где мороз чередуется с жарой, где часто выпадает град и среди туч гремит гром. Таким переменам очень удивилась Урания, не привыкшая, чтобы что-то менялось или теряло покой. Видит она, как непостоянную по природе своей, изменчивую стихию бросает из крайности в крайность: то захлестывают ее порожденные океаном дожди, то сгущают поднявшиеся с земли плотные облака. Чем необычнее все это для нее выглядело, тем в большее смятение приводило ее дух, тем неприятнее было для глаз. Придя в ужас от врожденного непостоянства этой местности, они пересекли границу стихий и устремились на лоно цветущей земли.

2. В тайном месте на далеком востоке расположен Грамисион. Благодаря удивительно мягкому климату, который он получает от только поднявшегося,

юного Солнца, здесь вдоволь травы и прочей зелени. Грамисионом он называется за обилие растительности³³.

3. Сокровенная эта земля дает все необходимое для удобства смертных, все, что препятствует болезням, укрепляет здоровье и возбуждает сладостные чувственные желания: растения, травы, ароматы, специи. Я думаю, это единственная пядь земли, укрытая от противоборства стихий, где можно найти полную гармонию. Здесь вечная весна: зима, летний зной, осень не известны в этой стране, лежащей под благодатным небом и, что еще более истинно, под десницей божества. Предполагая, что именно здесь можно будет обнаружить Физис, Природа решила, что туда стоит свернуть.

4. Местечко, словно восторгнувшись, расцвело еще пуще, предчувствуя, что к нему направляется мать порождения, Природа. Земля, получившая плодородие из лона³⁴ Природы, вдруг потучнела, и скрытая сила разлилась по напрыгшимся росткам. Гелиадовы деревья дали обильный сок, савский куст стал источать свою мазь. Поблизости наполнили воздух ароматами аром и коричное дерево, одно – скромно, другое, – повсюду. Все, что родит сладкий восток, празднично встречало Природу.

5. Текла здесь речка, низвергаясь в долину, но не грозным потоком, а приятной для слуха журчащей струей. Приветливая для уха, еще приветливей она была для глаз. Превосходя по чистоте эфир, как бы лишенная телесности, она представляла собой едва ли не чистую стихию. Своими изгибами и кружениями она приносила необходимую для роста влагу всем растениям. Лес окружал Грамисион, одновременно охраняя его от солнца и заслоняя от внешнего мира. В его пределах эфирное тепло сочеталось с влагой, благодаря чему где-то росли цветы, где-то ароматные растения, где-то – невиданные специи.

6. Здесь они обнаружили Физис, сидящую в тесном окружении своих дочерей – Теории и Практики. Пребывая в этом уединенном месте, она в ничем не нарушаемом покое занималась изучением явлений. Предметом своих размышлений она сделала происхождение природных вещей, их свойства, силы, функции, а также все универсальные категории Аристотеля. Получив от высшего божества сведения о происхождении, она не сбиваясь с пути, по родам, видам и особям, следовала за природой и всем, что к этому имени относится. Спускаясь мыслью со звездных небес, она старалась объяснить нравы животных исходя из комплекции: робость зайца она возводила к свойствам холода, мужество льва – к свойствам огня, хитрость лисы – к флегме, медлительность осла – к меланхолии.

7. Она видела, что одушевленное тело постоянно страдает из-за внешних изменений, что болезнь сначала ранит душу, затем расшатывает ее телесное пристанище и, наконец, вовсе выгоняет ее из дома. Поэтому она принялась за изготовление таких снадобий, которые могли бы уравновесить расстройство и тем предотвратить его вредное воздействие. В этом деле она проявляла такую мудрость, что ее физическим целям послужили стихии – и основные составляющие вселенной и составляющие этих составляющих, сами они, происходящее

из них, порождаемое ими: свои лекарства она изготавливала не только из трав и растений, но также из камней и металлов. Ее знанию следует приписать еще и то, что умело смешивая смертоносные яды, она даже их применяла для врачевания.

8. Во сне ей образно представилось, каким Природа могла бы создать человека, и как раз в этот момент луч света известил ее о приближении Урании, а на всколыхнувшейся глади текущего рядом ручья показалось отражение фигуры еще не подошедшей богини. Теория первой узнала божественных гостей, подняла мать и позвала сестру. Обменялись поцелуями, приветствовали друг друга по именам. Посетительниц приняли с полагающимся в гостеприимстве почтением. Когда же им предложили сесть, они кратко описали, зачем пожаловали. Вдруг среди них появился Разум и, водворив тишину, заговорил:

X

Милые дети мои, богини, которых я раньше
Самых веков породил, – в том рождении слава и мне.
Высшая воля моя перед вами: теперь вы явились,
Чтоб, наконец, завершить мною задуманный план.
Если чему-то еще в этом мире придать нужно форму,
Властью моею крепки, ваши руки возьмутся за труд.
Как допущу я в свое творенье любой недостаток,
Будь то краса, полнота иль совершенство само?
10 Чтобы чувственный мир, лучшего мира зеркало,
В каждой части своей полноту совершенства обрел,
Нужен ему человек, по образу сродный с богами,
Будет он славным венцом всей нашей работе святой.
Так уже прежде времен под мира началом живет он,
И не уступит ни в чем идее предвечной моей.
Душу ему небеса принесут, а тело – стихии,
Чтобы он жил на земле во плоти, а душой – в вышине.
Хоть и разнятся душа с телом, теперь воедино
Пусть их священный союз для достойного дела сведет.
Быть ему богом и быть от земли, пусть печется, как должно,
20 Культ воздавая богам, мир постигая умом.
В этом природы своей двойной он найдет воплощенье,
В этом высокий свой род оправдает сполна.
Чтобы божественных дел не бросать, занимаясь земными,
Чтобы и тем и другим в равной мере себя посвящать,
С высшими силами он наделен будет разумом общим,
И лишь тончайшая нить человека от них отделит³⁵.
Чувства животных грубы, это ведь всем очевидно:

- Разве случайно они морды склонили к земле?
 Ростом своим человек свидетельство верное явит
 30 О благородстве ума, к небу святую главу
 Верно направив: прочесть в его неизменном круженье
 Должен он и для своих действий неложный закон³⁶.
- Боги верховные с ним говорить будут, звезды и небо;
 Лахезис тоже свои решения не будет скрывать.
 Ясно увидит во мгле он скрытые первопричины,
 Так что Природа уже перестанет что-либо скрывать,
 Будь то воздушная высь, молчаливые Дита потемки,
 Неба просторы, земли, или глубины морей.
 Цепь он познает вещей, причины летнего зноя,
 40 Суши осенней, тепла весеннего и зимних льдов,
 Феб как лучится и как сестра за ним поспешает,
 Земли дрожат отчего и пухнет зачем океан,
 Летние дни почему свои долго часы коротают,
 Ночь же, едва наступив, уж удалиться спешит.
- Пусть послужат ему стихии: огонь согревает,
 Солнце сияет, земля порождает, вода пусть течет.
 Суша плодами его напитает и рыбою волны,
 Скот пусть пасется в горах, изобилуют дичью леса.
 Все подчинится ему, круг весь земной, без остатка,
 50 Первым, верховным жрецом ему быть в порядке вещей.
 Но когда время придет гармоничной структуре распасться
 И пошатнется в своих основаниях жилище его³⁷,
 Путь свой направит в эфир, где, прежде лишь гость незнакомый,
 Он свое место найдет навечно на звездных полях.

XI

1. Всем троим вам будет поручено свое дело, поскольку само оно состоит из трех этапов. Души надлежит создать из Энделихии и устрояющих добродетелей, тело – подготовив материю, соединить же их в нечто единое нужно, подражая небесному распорядку. Первое поручается Урании, второе – Физис, третье же – тебе, Природа.

2. Многое уже дано вам в помощь, но от многого вы избавлены. Когда вы захотите, вам предстоит взять из уже сотворенной Энделихии зародыш человеческой души, а из стихий, уже вырванных из хаоса, сотворить тело. Вы понимаете, сколько потребуется старательности, сколько тщательности, сколько

прилежания для создания и украшения человека? Тяжкое и тонкое, на сложных расчетах основанное дело я вам поручаю.

3. Тем не менее, если, как это часто случается, память ваша ослабнет из-за множества дел, тяжести и ответственности начинания, вам следует обратиться за помощью к божеству: Урании я даю зеркало Промысла, Природе – скрижаль судьбы, тебе, Физис, – книгу памяти. По правде сказать, в этих трех предметах – свидетельство божественного совета, истина и чистейший род надежности.

4. Зеркало Промысла обладало таким большим диаметром, такой обширной, гладко отполированной поверхностью, так глубоко можно было в него заглянуть, что полученные в нем образы не разъедала ржавчина, не портило время, не касалась порча. В нем жили идеи, жили первообразы, лики вещей, не рожденные во времени и не предназначенные для смерти. Это зеркало – вечный ум, в котором пребывает глубочайшая мысль, порождающий и уничтожающий все интеллект.

5. Среди первообразов можно было найти все, что готовилось к рождению, его свойства, величину, срок и способ появления на свет. Вот Сильва, еще погрязшая в изначальной своей ветхой тьме, под воздействием божества обретает новый лик. Вот дружба стихий, сама себе придающая равновесие и внутреннее единство. Вот сферическая кружащаяся громада неба. Вот животворная Энделихия, охватывающая мир изнутри и снаружи. Вот звездные огни и служащие миру светила: дарующее жизнь и рождающее Солнце и помогающая росту Луна. Вот и планеты, и знаки Зодиака, предназначенные им для жилья и для придания силы. Вот, наконец, роды ходячих, плавающих и пернатых – каждый в согласии со своей стихией. Все это многообразие форм вначале надолго задержало Уранию, пока она не удостоверилась, что нашла верный прообраз человека.

6. Скрижаль судьбы тоже многое в себе содержала, но сделана была не из блестящего гладкого материала, а из более грубой древесины. На ней изображены были в красках, как и в зеркале, лики вещей. Но разница между зеркалом и скрижалю в том состояла, что в зеркале отражались небесные природы в своем ничем не помраченном состоянии, а на скрижали – по большей части то, что подвергалось различным изменениям во времени.

7. Поэтому Атропос, Клото и Лахезис, сестры, поклявшиеся в верности Промыслу и судьбе, получили в общее управление мир, каждая в своем царстве: твердь небес – Атропос, планетные сферы – Клото, земной мир – Лахезис.

8. Скрижаль судьбы, следовательно, не что иное как подчиненная судьбоносным решениям череда событий. На ней в самом общем виде вычерчены были дела божественные и широким полотном природные и проистекающие во времени. Вот – причины древнего беспорядка в Сильве и чудесное вмешательство Творца, водворившему в этом разладе мир. Вот происхождение образов и форм, обретенных субстанциями, получившими на себе удивительный отпечаток идей. Здесь можно было увидеть, как с неба на землю спускаются дух и сила, и какое воздействие на нее оказывает движение звезд. Там – как об-

новляется субстанция умерших, как мир получает источники для нового цветения и роста. Вот всякое животное, всякий вид и всякая природа. Внимательно разглядев скрижаль судьбы, мать рождения с трудом отыскала скрывавшееся среди прочих природ человечество.

9. За первым человеком, изображенным в виде головы³⁸, следовала длинная серия подчиненных судьбе исторических событий. В ней удары фортуны – бедность народа, в ней – почесть королей, в ней то бедность вела к нищете, то довольство – к сладострастию. Большинство находило срединный путь между этими крайностями. Кто-то брался за оружие, кто-то посвящал себя наукам, кто-то – ручному труду. Черета времен, зародившись в чистом золотом веке, постепенно ухудшаясь, как можно было видеть, завершилась с эпохой железа.

10. Книга памяти тоже была написана не обычными буквами, а знаками и символами, краткими высказываниями всего на нескольких страницах. В этом небольшом тексте можно было обнаружить совместные действия Промысла и судьбы – можно было и частично понять их, но четко рассмотреть – нет. Книга памяти есть не что иное, как понятие о вещах, входящее в память и часто основанное на вполне правдоподобных доводах, но все же чаще на предположениях.

11. В ней содержались, правда, не в столь же ясной форме, уже известные сведения о природе. Зато те творения, что имеют тела, описаны здесь более подробно и аккуратно. Вот четыре материи мирового тела, вызволенные по вечному совету из первородной вражды. Объяснялось, зачем нужны любовь и союз, с помощью которых составные члены складываются в тело, а разрозненное складывается в единство. Вот показано родство морских и пернатых, пусть и поделенных на разные виды, отличающихся свойствами и обликом, разъяснялось, как одних защищает чешуя, других перья, почему птицы сладкоголосы, а рыбы вечно безмолвствуют, почему одни ходящие обладают домашней кротостью, другие – диким жестоким нравом, почему лев и кабан пылают гневом, а олень и заяц огня лишены. Вот подробный рассказ о силах трав: почему одни полезны семенами, другие – соком, третьи – корнями. Здесь показано все, ведущее субстанции к жизни, там – все, что ее губит. Во всем этом многообразии природ Физис с огромными усилиями нашла человеческую природу, слабую и едва заметную, скрывавшуюся на последней странице.

XII

Все, что расположил средь вещей образцов распорядок
 Взяли богини себе,
 Первой за труд принялась Природа, сестер зазывает,
 Всех трех работа ведь ждет.
 Вот уж Урания рук умелых не покладает,
 Равно и ум напрягла,

- Физис одна, хоть внутри досаду пока затаила,
Ропщет тихо в уме:
Видит она, что ума лишь великого дело достойно,
10 Дать здесь нельзя слабину.
«Трудно ль зверушек рожать, ведь им украшенье не нужно?
Места уменью здесь нет.
Мир же второй, человек, иного достоин вниманья,
Высшего рода забот.
Бога подобие, он – звездный сын, и задача искусства
С мыслью его создавать!»
- Вот расщепляет она стихии, ведь вряд ли достойны
Цели высокой они.
Чувствует, сколько еще внутри них от Сильвы осталось
20 Прирожденного зла.
В ужасе мастер: кипит материя, бунтом, как прежде,
Вся изнутри смятена.
Влага против огня выступает, бряцает оружием,
Тем же ей платит огонь.
Все, что пределы свои преступило, она первым делом
Снова к порядку зовет.
Зло, что в телесности есть, само ее непостоянство –
Это могло отпугнуть:
30 Можно ли форму придать, не заработав насмешки
Той, что вечно течет?
Буйную массу числом можно связать, но не легкий
Бой ожидает ее.
- Мир, когда силу обрел, семена своего продолженья
Сам в себе содержал.
Смертный не ровня совсем ему человек, по-другому
Нужно его создавать.
Мир этот веком рожден, человек же – временем, разный
В каждом жизненный дух,
И долговечными стать смертной формы оковы
40 Не согласятся вовек.
Только с горящей душой, с умом, с наставляющей дланью
Можно такое свершить,
Чтобы без внешних причин человек одной внутренней силой
Сам бы свой род продолжал.
Следом за небом идут, за Луною вслед мощной меняют
Все состоянье свое
И элементы и сам человек, из стихий состоящий, –

Знала то Физис вполне.
 Некое зло коренится в теле с рожденья, богиню
 50 Это особо страшит.
 Перед проблемой такой она встала в стыдливом смятенье,
 Но уж Урания здесь:
 Зло в Сильве искоренит и удержит в должных границах
 Ту, что вечно течет.
 Род человеческий, пусть и смертный в своем состоянье,
 Должен еще претерпеть
 Преображенье в себе, чтобы в горние выси вселиться,
 Прямо к бессмертным богам,
 Чтобы закон исполнять, который кружением сферы
 60 Звезд предначертан ему.
 Так он нечистое все, что в наследство досталось, отмоет
 И врожденный порок.
 Физис, челом просветлев, теперь уж без прежних сомнений
 Снова берется за труд.

ХІІІ

1. У вещей было два начала: единое и различное. Различное было очень древним. Единое не имело начала, оно простое, нетронутое, одинокое, пребывающее в себе благодаря себе, бесконечное и вечное. Единое – Бог, различное – не что иное, как Иле, лишенная формы. Перворождающее божество украсило различное, беспредельное заключило в пределы, придало облик бесформенной массе, развязала ее путы, Иле превратив в стихии, стихии – в сущности, сущности – в качества, а сущности и качества придав, наконец, материи. Материя же, пусть и зараженная Сильвой с самого рождения, преобразилась под действием стихий, в субстанциальных сущностях обрела телесность.

2. Плотный состав из четырех сущностей дальновидная Физис сделала основой своей работы, чтобы изготовить нервы и сухожилия. Следуя исключительно высшему замыслу, предначертанному божественной мудростью, она шла свободной торной тропой, ведь божественная Предусмотрительность уже научила Сильву податливости и услужливости. Из бурлящего она изгнала мешанину, бунтаря вывела из ссоры, а неотесанное облачила в сияющие одежды. В условиях существования частей, во многом противоположных друг другу, законами и неразрывными связями она установила мир. А чтобы никому не пришлось блуждать, всем и каждому она построила собственное жилище. Ни одна самая малая частица не избегла ее контроля.

3. Но под поверхностью скрывалась назойливая, молчаливая Необходимость текучей Сильвы. Злокозненный поток стремился обезобразить или уничтожить славное божие творение. Физис встала на страже, чтобы, по воз-

возможности, либо отвести беду, либо умалить ее. Когда же она брала материю для работы, она утекала у нее между пальцев, так и не получив задуманной Творцом формы. Физис была глубоко возмущена этой вседозволенностью и сопротивлением своим начинаниям³⁹. Со всем старанием, не покладая рук, пока позволяла Природа, она принялась удерживать ускользающую, текучую материю.

4. Физис вдруг осознала, что в ее распоряжении оказались не сами стихии, а то, что от них осталось, жалкие отбросы, валявшиеся то там, то сям после сотворения вселенной. Из такого мусора даже великому мастеру не довести свое произведение до завершения. На преодоление этих многообразных и великих трудностей богиня направила весь свой изобретательный ум. При том, что многого не хватало, она решила пересмотреть весь свой материал. Она увидела перед собой лишь образы стихий, а не настоящую их природу в целом, чистом виде, не творящие стихии, а загрязненные их субстанции, грубые остатки простых стихий⁴⁰.

5. Поверхностно изучая огонь, воздух и остальные стихии, она догадалась, что свойства их полноценны там, где полноценны они сами. Взяв из лежавшей перед ней материальной субстанции влажное, сухое, горящее и холодное по свойству, она их разложила по отдельности, затем смешала, выполнив тем самым замысел главного Мастера.

6. По отдельности она разложила те, что были простыми субстанциально, по рождению, смешала же их для того, чтобы, объединившись, они составили единое целое. Возьмем, к примеру, огонь и воду: если к жару одного и холоду другой присовокупить сухость и влажность, из их соединения и близости получается некое родство. Если к влажному воздуху и сухой земле присоединяются жар первого и холод второй, такого рода соединение называется смешением. К такому-то смешению и приступила со всем тщанием Физис, и занятие ее для достижения цели было не праздным.

7. Она помнила, что в анатомии человека что-то нужно было изготовить из чистых стихий, что-то из составных. Когда же стихии, оказавшись рядом, объединились, возникла та взаимная связь, которая в животном называется комплекцией⁴¹. Создавая человека, Физис применила эти стихийные комплекции таким образом, чтобы с момента рождения человек им и следовал в дальнейшем. Меланхолия – от весомости земли, флегма – от легкости воды, холерическая комплекция пылает огнем, сангвиническая воздушна и мягка.

8. Не одинаковая старательность Природы обнаруживается в человеке и в прочих животных. Негармоничное сочетание соков часто портит комплекцию зверя. Осла флегма делает глупым, лев от холеры гневлив, собака пропитана воздушным нюхом. Единственная и неповторимая, лишь человеческая природа создана из состава соков, гармонично сочетающего качества и количества, создана с такой заботой, что недостаток или переизбыток не могут исказить ее совершенство. Действительно, не подобало будущему жилищу интеллекта и разума страдать от отсутствия равновесия или необдуманности плана.

9. Когда нашли свое равновесие соки и силы, а их качества объединились, чтобы стать основой жизненных свойств, появились все части, составляющие тело. Поскольку его совершенное строение требовало дальнейшей обработки, Физис разделила весь лежавший перед ее глазами строительный материал на трое. Сделав сначала самый общий рисунок, затем она придала каждому члену надлежащий вид. Согласно свойствам она назвала первую часть головой, вторую грудью, третью – поясницей. Именно эти небольшие частицы она выделила среди прочих, чтобы сделать вместилищами трех источников жизни: мозга, сердца и печени.

10. Физис решила, что не будет ошибкой, если малый мир, человека, она выстроит по образцу большого мира. В сложной структуре мирового тела небо занимает высшее положение. Воздух, земля, один выше, другая ниже, стоят рядом. С неба правит всем божество. Исполняют приказания силы, живущие в воздухе и эфире. Находящиеся под ними насельники земли – подчиняются. Столь же счастливым образом решено было, что в человеке душа будет править из головы, сила ее сконцентрируется в груди, а подчиняться будут все низшие члены, расположенные ниже пояса.

11. Мудрый мастер, Физис приготовила мозг для души, сердце сделала источником жизни, печень – аппетита. Для божественных гостей она выстроила божественное жилище. В первую очередь, сообразуясь с небесной твердью и высшей сферой, она смастерила голову, округлую по форме: ее она воздвигла на вершине, словно цитадель, capitoлий всего тела. Такое высокое расположение подобало голове, ведь там должно было поселиться божество чистого разума. Лучшую, отвечающую за разумение часть тела она отвела максимально далеко от пищеварения и других грубых органов, чтобы разум не притуплялся от соприкосновения с нечистотами, возникающими из-за приема пищи.

12. По таинственному замыслу, она заключила созданную ей мягкую и жидкую субстанцию мозга под черепной покров, чтобы уберечь ее от всякого ущерба. Для мозга она, как можно видеть, воспользовалась мягким и нежным материалом, чтобы жидкая материя легко удерживала образы вещей.

13. Голову Физис поделила на три покоя, в каждый поселив одну из способностей души. В передней части решено было поместить воображение, которое, встречая образы вещей, передавала бы все увиденное разуму. В небольшой комнате затылка пусть примостится память, чтобы ее покой, оказавшись она на пороге непосредственного восприятия, не нарушался слишком частым появлением образов. Между ними же должно находиться разуму, чтобы выносить правильное суждение о работе остальных.

14. Совсем рядом с царским чертогом, на голове, Физис поместила органы чувств, чтобы выносящий суждение разум всегда находился в близком контакте со своими вестниками. Ведь этим органам свойственно ошибаться, поэтому не следовало удалять их от местонахождения мудрости. Физис поспешила сделать из головы идеальное жилье в несколько комнат для души и ее жизненных сил, чтобы заняться прочими украшениями.

15. И верно, сила души – сама простота и само единство, но изливается она не единообразно: зрение исходит через глаза, слух – через уши. Подобным образом она видоизменяется и в прочих ситуациях, в соответствии с органами, которыми пользуется. Чувства исходят из одного источника, но выполняют разные функции. Одно воспринимает цвета, другое – звуки, третье – вкус, четвертое – запахи. Осязание же, судя по всему, распространяется по всем частям тела. Чувства особенно сильны в отношении тех источников, из которых они произошли. При создании зрения не обошлось без огня, а обоняния – не без воздуха. Вкус родственен воде, осязание – земле, в родственных субстанциально стихиях они и действуют. Беря свойства какой-то стихии, схожим образом, по подобию, чувства и выносят свои суждения.

XIV

Выкован был человек с величайшим стараньем Природой,
 Главного мастера он шедевром истинным стал.
 Сделать жилищем своим сама голову мудрость решила,
 Как полагают, и в ней создала три покоя себе.
 В каждом покое живет душевная сила, бессменно
 Функцию каждая в свой черед исполняет свою.
 Память живет позади, та, что наблюдает, в передней
 Комнате, и промеж них неспящий устроился ум.
 Вместе с ними взялись за труд пять помощников славных –
 10 Чувства: они познают все, что внешний приносит им мир.
 Словно посланник, стучит чувство в дверь, вызывает в покое
 Ум пребывающий, чтоб он верно судил о вещах.

Нерв, что свеченьем своим освещает глаза, получает
 Силу из мозга свою – она и струится, как луч.
 Внутренний свет, из души исходящий, встречается смело
 С огненным солнца лучем и с сияньем эфирных светил.
 Встреча эта дает и силе зренья и свойствам
 Первопричину саму их бытия и предмет.
 Внутренний луч острием своим формы вещей достигает,
 20 Чтобы сейчас же о них надежно и верно судить.
 Не одинакова все ж основательность этих суждений:
 Зренье слабеет порой, иногда ж во всю силу горит.
 Белое легче ему ухватить и свое же подобье,
 На непохожую вещь оно вяло, без смысла глядит.
 Блеску приятно в гостях у блеска, а свету – у света,
 И бесполезно глазам напрягать свои силы во мгле.
 Если отполировать шара поверхность – такую

- Форму особенно глаз ценит в теле любом:
 Плоскость зеркальная вещь отражает в образе верном,
 30 Кроме того и легко двигаться может она.
 Блеск и движенье глаза одинаково красят, не зря мы
 То и другое легко в их природном устройстве найдем.
 Чтобы случайно их свет ничто повредить не сумело,
 Семь оболочек его надежно скрывают внутри.
 Лес из бровей заслонил глаза от напастей: такому
 Нежному органу есть чего опасаться всегда.
 Кстати не зря ведь их два: если один заболает,
 Тут же на помощь ему в работе приходит второй.
 Веки усталым глазам – для отдыха мягкое ложе
 40 В час, когда должный покой сон долгожданный несет.
- Солнце, глаз мира сего, звезд всех насколько достойней,
 Сколь полноправно своим оно может и небо назвать,
 Столь же достоинством все затмевает зрение чувства,
 Так что на нем лишь одним и зиждется весь человек.
 Как-то пришлось отвечать Эмпедоклу, в чем смысл его жизни,
 «Чтобы на небо смотреть, отвечал он, без звезд я никто».
 Портит слепая рука свой труд, заплетаются ноги,
 Словно в хмелю, если свет им обеим не светит во мгле.
- Слух себе место нашел пониже, ведь чести в нем меньше,
 50 Чуткость слабее его, не так он полезен во всем.
 Звук по трохее течет, воздух пустой выгоняя,
 Тот, потревоженный, в свой черед гонит воздух другой,
 Так и стремится волна, пока не достигнет пределов,
 Ей предназначенных, и на них не утихнет совсем.
 Воздух дает вещество, а органы тела подспорье,
 С тем, чтобы звук, через них проходя, превращался в слова.
 Звуки чеканя, язык, постепенно их в речь превращает,
 В этой работе своей он не хуже молота бьет.
- После усилий таких вырывается голос наружу,
 60 Четкий и ясный, ушей он достигает легко:
 Здесь он как бы в гостях, ожидает в передней приема,
 Просит впустить, и его приглашают в покои войти.
 Слово звучащее и ритм его остаются снаружи,
 В ухе, а смысл меж тем входит в глубины ума.
 Внутренний мир языком открывается, внешний же ухом:
 Оба тех органа друг без друга не могут служить.
 В ухе – извилистый путь, идя по нему, вредоносный
 Воздух холодный едва ль без труда сможет мозга достичь.

70 Слабости этой не зря опасалась Природа, за тем и
Столько изгибов тропе слуховой прочертила внутри.

Все, что Рим преподавал, все, что изучили Афины,
Что из халдейских наук досель сохраняет восток,
Что Аристотель познал своею божественной мыслью,
Пифагорейская рать иль Платона сонм учеников,
Все процветающие в Галлии тонкости мысли,
Все, что находят врачи на Лигурийских берегах,
Слух открывает, иначе просто исчезла бы втуне
Самая мудрая мысль, если б был глух человек.

80 Пусть и законный творец и соратник подлинных знаний,
Столь же опасным врагом может стать, как мы знаем, язык.
Всякий раз, как он со зла ревнивому уху нашепчет
Что-нибудь колкое и ядом пропитанный слух,
Братьев склоняет к вражде, дружбы узы святой разрушает,
Верность сводит на нет, мужа разводит с женой,
Вора выводит в поля, спор – на площадь, а город – на распрю,
Тайну спешит рассказать, и не возвращает долгов.
Родственен влаге, с водой дружен вкус, не случайно ведь, право,
То, что наш чувствует рот, всегда жидкость содержит в себе.
90 Небо нежнейшее в дар нежнейшему чувству Природа
Преподнесла и едой столь же вкусной питает его.
Бедный пусть будет еще бедней, прозябая в безвкусье:
Чувствовать может умом он то, что не чувствует ртом⁴².
Вкус загоняет нам дичь, вкус у воздуха птиц отнимает,
Вкус, наконец, океан бороздит, чтобы рыбу поймать.
Гибель голод несет, проникая в богатые кухни,
Но и в лачуге простой не менее пагубен он.
Деньги транжирит и все, что накопил, растеряет
Тот, кто к соблазнам стола сверх всякой меры привык.

100 Между панхеей⁴³ должны выбрать и ароматом надежно
Ноздри, ведь мозгу одна вредит, помогает – другой.
Запах рождается там, где загрязняется воздух,
Если он чист, носу в нем не уловить ничего.

Даже слабее, чем вкус о еде судит, чем обоняние
Запахи может ловить, осязанье способно служить.
В спальне сраженья веда, оно неге любовной послушно,
Здесь на разведку его положиться можно вполне:
Вот безупречный живот обнаружен под грудью упругой,
Здесь же девичий стан нежное красит бедро.

- Следом за мозгом идет субстанция славная сердца,
 110 Ведь в нем и для головы жизни источник сокрыт:
 Тело питающий огонь, жизни самой восприемник,
 Чувства рождает оно и в согласье приводит их все.
 Узел в телесной сети здесь главный: артериям – якорь,
 Корень для нервов и руль, для вен пролагающий путь.
 Нашей природы устой, король, основатель, диктатор,
 В теле сердце живет, как патриций в столице своей.
 Слуг своих – чувства – оно посещает и органы: каждый
 Под руководством его свое дело бессменно вершит.
 Скрыта глубоко в груди сердца святая обитель,
 120 Царская цитадель, императорский трон.
 Форму оно приняло от огня, этой братской стихии:
 Так же вершиной своей сердце схоже с копья острием.
 То, что пылает, огнем собственным может обжечься:
 Влажные легкие здесь помогают пожар затушить.
 Воздуха легче, они мягким кругом сердце обходят,
 Жар утишая в груди холодом влажным своим.
 Именно здесь неспроста, под родительским кровом согретый,
 В пламенном сердце приют найдя, нарождается гнев:
 Стоит чему-то задеть слегка сердце, и вот уж по членам
 130 Всем разливается он, как в половодье река.
 Если ж стреножить его, не смиряется, но умирает,
 Словно почуяв ту боль, что придется ему претерпеть.
- Мозг – силой влаги, огнем – сердце создано, их же смешеньем
 Печень мягкую кровь воздушная создала.
 Выпуклой формы она, внутри полая, и диафрагма
 Справа, а слева ее селезенка с желудком хранят.
 То, что подносит рука ко рту, то, что жуется зубами,
 Варит желудок, идет именно в печень потом.
 Пищу приняв, она ей придает новый облик, и, крови
 140 Цвет обретая, уж та в химус тела превращена.
 Вены отсюда бегут, как дорожки, по всем направлениям,
 Каждому члену неся должную жидкости часть.
 Жидкость, как только пройдет очищение вновь, выбирает
 Печень лишь лучшее в ней, пусть и вся она хороша.
 Важное дело она поручает затем селезенке:
 Кровь избавлять та должна от пороков и грязи любой,
 Чтобы лишь чистая кровь, соки чистые только питали
 Тело, сеньора их, чтоб аппетит его утолить.
 Так и задумано все: котелком пище служит желудок,
 150 Поваром – желчь, а следит печень за кухней своей.

С печению рядом свой дом вожделенье находит с рожденья,
И плоти нашей тиран беспощадный – любовь.

Тела последний предел пах сладострастный венчает,
Тесно примкнувши к нему, скрыто срамное под ним.
Радость, однако, дарит и пользу большую приносит
Труд их, покуда вершим он с должным умением и в срок.
Чтоб не окончился век и не прервалось рожденье,
Мира порядок благой хаос чтоб не поглотил,
Гениям дело свое – двум близнецам, как и прежде, –
160 Препоручила навек Фетура, богиня плодов:
Смерть вызывая на брань, брачным бряцают оружием
Оба, природе самой даруя спасенье и жизнь⁴⁴.
Не позволяют они умирать тем, кто смерти подвержен,
Так что не может она человека искоренить.
Член сам выходит на бой против Лахезис, вяжет прилежно
Нити, что злая рука Парки успела рассечь.
В чресла кровь сверху течет, жилище мозга покинув,
Здесь белый цвет обретя и семенем став, наконец.
Жидкость без устали ту производит мать-Природа,
170 Чтобы в потомстве своем мы облик узрели отцов.

Так, изливаясь в себя самое, выживает природа
Мира, в теченье своем навсегда пропитанье найдя.
Сколько ни стерпит потерь, даже крайней точки достигнув,
Все же не гибнет она в бесчисленных смертей череде.
Вовсе не то – человек, он изменчив по разным причинам,
Тленное тело его уходит со смертью навек.
Слаб и беспомощен он, еду ищет повсюду, скиталец,
Жизнь коротает, пока один день не вернет его в прах.
Члены, в которых нужды никакой не бывало у мира,
180 Физис за тем и дала, чтобы жизнь ему облегчить:
Стражем верховным – глаза, уши– отслеживать звуки,
Ноги – по миру ходить, и руки – на все мастера.

Бернард Сильвестр

АСТРОЛОГ

Так заповедал устав, людской управляющий долей,
Чтоб и счастливым всегда повод для скорби иметь¹.
В Риме был рыцарь², в сражение отважен, именем нескуден,
Силен во граде, счастлив в браке и родом велик;
Речью, рукою, лицом обилен, щедр, благороден;
Верностию и умом твердый, разумнейший муж.
Родом супруга не ниже его, не бедней благодравьем,
Не дряхлее в летах, верностью сходственна с ним;
Полна почтенья, пряма, скромна, не как то бывает,
10 Что у красивой жены в повиновении муж.
Хоть склоняет людей к опасным поступкам роскошество,
Доброму нраву ее не повреждает оно.
Хоть и привычно в младых обитать легкомыслию летах,
Но легкомысленных дел нет за прекрасной женой.
Хоть и прекрасна – чиста: у пригожих сия добродетель –
Редкость³, но реже того слабый владеет ей пол.
Женской природы порок известный, непостоянство,
И прирожденного ей чужды беспутства грехи;
Неким усиьем она с побужденьем простилась несдержным,
20 Даже и о своем поле умея забыть.
Честная так сочеталась с честным, краса с благородством,
Благоразумье с умом, набожность с кроткой душой.
Счастье им улыбнулось, приязнь явила Природа;
Благословенны во всем, кроме потомства, они:
Кроме сего, совершенны, коль жить без детей означает
Лишь в совершенстве своим счастьем не овладеть.
Мысль детей обрести, не сбываясь многие годы,
Радости им не дает в прочих Природы дарах,
Всякий иной успех и всякую честь омрачает
30 И заставляет во всем видеть Фортуны вину.
Больше слезят и скорбят оттого, что Природа не против:
Ведь не помехою им бремя ослабленных лет,
Годы она обвинять ледяные старца-супруга,

- Он же не может винить хладные члены жены.
 В молодость веря свою и в благоволение вышних,
 Не оставляет надежд трепетных только жена.
 Знать желая точней, какое Судьбы уложение⁴
 Правит надеждой ее, в дом звездочета идет:
 Был он способен в звездах открыть богов попеченье,
 40 Думу Юпитерову, Парок упрямую мысль,
 Ведать Природы дела и глубоко скрытые тайны⁵,
 Все, что нам явит Судьба и по законам каким.
 Астрологического умудренный искусства в занятиях,
 Числа пытается он тут (звездами движет число)⁶,
 На основанье числа за блужданьем планет наблюдает,
 Чуткой пометой следя точки и степени их,
 Определяет тот миг, в который ведет вычисленья,
 И узревает затем, что приключится и как.
 «Есть, – говорит он, – есть сын для тебя: я вижу; вот муж твой
 50 Праздной утробе твоей плодоношенье дает.
 Ликом Парису дитя, душою Ахиллу подобно⁷,
 Спеси ж ни доблесть ему, ни красота не внушит.
 Крез беднее его, Улисс не столько находчив,
 Разум держит бразды дел и талантов его.
 Меж сужденных удач благоденственной жизни он будет
 Граду Ромулову⁸ и господин и отец.
 А своего отца – но смолкну⁹, хоть нудишь и просишь –
 Смерти предаст он, зане так он Судьбою ведом.
 Это свершится, поверь; тверда Юпитера воля.
 60 Нет неясного в том, что мною предречено.
 Судьбы и боги тебе то сулят, сулят и светила;
 Все решено, коль сулят боги, светила, Судьба».
 Горний узнав приговор, домой она идет в сомненье,
 Радоваться иль скорбеть¹⁰ должно от оных Судеб.
 Риму владыку и смерть породить имущая мужу,
 В радости чувствует скорбь, в скорби отраду она.
 Видит – забота ее, тревожную, жжет неусыпно –
 Муж; он ищет причин; все объясняет она.
 Слушает рыцарь, вбирая внимательным и удрученным
 70 Слухом кончины своей необычайну судьбу.
 «Тяжко, – он молвит, – что к нашим мольбам склонилось небо:
 Благость свою оказав, сколь мне Юпитер суров!
 Я о сыне просил, и в дети мне дан неприятель;
 От исполненья надежд пагубой я угнетен.
 Ты, о единая мне отрада¹¹, любовь и супруга,
 Ты, половина моей жизни!¹² тебя я прошу:

Тою порой, как дитя зачнет сей гений недобрый
 И из утробы твоей выпрянет временный груз,
 Нежные чувства забудь, свое позабуди материнство
 80 И, сомнений чужда, чадо свое умертви.
 Жить коль позволишь ему, то мне, обреченному смерти,
 Сим проявленьем любви явишь жестокость свою».

Кончил. Плачут они, но без отлагательства ночью
 Вместе лежат; зачала, пухнет утроба ее.
 Месяцы, кои устав Природы отвел материнству,
 Вышли; в срок, их числом данный, она родила.
 Столь божественный вид явился в новорожденном,
 Что и вещественный в нем неразличим человек.
 Мать – к младенцу любовь, жена – к супругу питая,
 90 Медлит в сомненье, дитя или супруга щадить¹³.
 Нудит его полюбить ребенок прекрасный и белый,
 Мать он смягчает и ей лютою быть не дает.
 Милый, казалось, своей улыбавшийся матери¹⁴ гневной,
 Словно молил он, чтоб жизнь не отнимали его.
 Вид сей мужни мольбы одолел, и любезного сына
 Прелестью изгнан был муж из помышлений ее.
 Та, что готовилась быть своему исчадью Медеей¹⁵,
 Уж материнской любви чует начало в себе.
 Милует сына, в своей жестокая нежности, долгий
 100 Срок отпуская ему, мужнину жизнь сократив;
 Сына, о смерти солгав, отправляет на воспитанье:
 Ловким молчаньем ее жалкий обманут отец.
 Счастлив в изгнании¹⁶ сын; молоко впивает из чуждой
 Грудю; внимательная нежность возвращает его.
 Лета цветущи растут, и с ними приятность возрастает;
 Столь он красив, что хвалу и от врага бы стяжал¹⁷.
 Имя непросто прибрать, но Отцеубийцею зваться
 Мать повелела ему с тайною думой такой,
 110 Чтобы греха трепетал и безумья великого отрок
 Чтобы страшился, едва имя слышит свое.
 Как восприяло его младенчество первые чувства,
 Внутренний как человек¹⁸ силу ума получил,
 Так восприимчивым он рассудком украсился, словно
 В полный возраст вошел, зрелые лета познав;
 Младости по степеням восходя толковой и скорой,
 Сонму философов он общником быть захотел.
 Ибо он ведал, звездам и вселенной при самом начале
 Семя какое Господь и вещество даровал;
 Чин какой был в вещах, какова творенью причина,

- 120 Связь у стихий какова, в чем изменения их;
Числа отколь истекают, какой устав их связует,
Распоряженьем каким входят в согласие они;
Соотношеньем каким и каким промежутком музыка
Звукам несродным дает и сочетанье и лад;
Семь планетных светил на каком меж собой расстоянье;
Меру обоих небес сведал, обоих морей,
Звездные сведал стези, под звездами судьбы людские,
Нес на себе небеса, чтоб Геркулеса сменить¹⁹.
И, риторические познать желая расцветки,
- 130 Сжатую, ясную речь он научился держать.
Суть категорий он думой усердной пытал; Аристотель,
Муж божественный, дом в сердце его приобрел;
Всякую боль иль недуг, какие только способны
Тело людское гнести, он научился целить.
Так пространную он в восприимчивом сердце обитель
И в глубоком уме подал искусствам семи²⁰.
Склонный к Венере толкать покой и праздность, порокам
Близкая, стали боязнь юноше часто внушать,
И, страшась бестревожно вести распутную младость,
- 140 Службы рыцарской он тяготы взял на себя.
Рьяно предавшись войне, умел он стяжать благосклонность;
Не миновал успех ратных деяний его.
Почести Цезаря он превзошел, Геркулеса свершенья,
Племени Ромулова славой²¹ единственной став;
Удаль и сила его внесли в вышину таковую,
Что он знаменщиком стал Авзонийской страны²².
Всех превыше властей земных, на самой вершине
Мира боги хотят мужа поставить сего.
Лаксисс бьется за то, для того Фортуна трудится²³,
- 150 Сила Юпитерова делу причастна тому.
Так как чин роковой велит²⁴ сему совершиться,
К царству такую ему Судьбы открыли стезю.
Так случилось, что град Карфаген, завидуя римской
Славе²⁵, с войною ступил за авзонийский порог.
Вот квиристы орлов выдвигают, злосчастные стяги²⁶,
И злополучный час сонмы сенатски влечет.
Ибо войско сокрыл во мгlistых долинах пуниец,
Чтобы погибель тебе, царственный Рим²⁷, принести.
Так вот в засаду сенат угодив, под внезапные дроты,
- 160 В оную пору попасть смог без сражения в плен.
Пленным становится царь, трибун становится пленным,
И зажатым полкам некуда уж отступать.

- Рода лацийского мощь, Энеево племя, альбанской
 Знати честь и красу вот уж в неволю влекут.
 Удостовериться Рим по-другому не мог бы так ясно,
 Сколь сомнительна власть в мире сомнительном сем.
 Но с легионом его знаменосным Отцеубийцу
 Лучший жребий тогда лучшей направил тропой.
 Прах завидев вдали, от бранной поднявшийся смуты,
 170 Тотчас уразумел он поражение своих.
 Он поспешает, врага грядущего опережает
 И дружиной своей путь заграждает ему;
 И, с благосклонством Судеб во враждебные рати вторгаясь,
 Гибель пунийцам несет, волю – авзонским сынам.
 Труд смехотворный людской слепым низвергается жребьем,
 Наша жизнь – лишь предмет для посмеянья богов²⁸.
 Случай сменился – Африка пала, Рим торжествует,
 И побежденный уже страшен победнику стал;
 180 Словно бы Рима боясь, небожителей сонмы священны,
 С помощью быстрой придя, предотвратили беду.
 Так смогла заслужить себе прощенье Фортуна,
 Дав после тяжких судеб благоприятный исход²⁹.
 Вести о жребии злом погрузили в стенания город³⁰,
 И великий урон стыд величайший родил.
 Радостный слух, нахлынувший вслед за предпосланным горем,
 Смог любезнее стать из-за несчастий самих.
 Молвят сперва, в долине какой, в котором укрытье
 Расположился тайком пунов злокозненный полк,
 Бранный жар сколь велик, лацийских мужей ослепивший,
 190 Чтобы они пред собой скрытый не узрели ков;
 Как почтенных отцов и римскую истую доблесть
 Африка злая завлечь в сети умела свои;
 Как врага сокрушил с малой ратью Отцеубийца,
 Жителей как твоих, Рим, он тебе возвратил.
 Так, преславен в своих деяниях, Отцеубийца
 На устах у толпы чаще всех прочих звучит.
 Царь, добычу собрав, ему принесенну победой
 (Он сей корыстью владел, хоть и не сам приобрел),
 200 В Рим направляет стопы; отцам досточтимым с дороги
 Он посылает письмо. Было оно таково:
 За Карфаген одоленный да будет лавром он взыскан,
 Должною почестью, как в Лации заведено.
 Судят и взвешивают с остроумьем глубоким неспешно
 Римляне, как им сии должно уладить дела.
 Вдумчивому подвергают они предмет обсужденью

- И находят, что нет чести в деяньях царя,
Ибо, когда омрачилась римского имени слава,
Он, побежденный, в бою косной добычею был.
Чтобы, однако, ему не скорбеть при отказе позорном
210 (Трудно презренье сносить тяжкому гневу владык³¹),
Ставят печать на посланье они, которому темный
Смысл был придан: он мог значить и «дать», и «не дать»:
«Почесть готовый всегда воздать победителю, истой
Доблести царственный Рим ввек не поставит препон:
Тот, лавроносны кому колесницы³² стяжала победа,
В должном почете отказ в Риме отнюдь не найдет.
Кто карфагенский народ умел победить, мы согласны, –
Должно тому взойти на триумфальных коней».
- Лживая внешность письма, где изобразилась надежда,
220 Радостью в первый миг одушевила вождя.
Вскоре ж, когда образумился он, по всему пробежался,
Каждое слово когда он в рассуждение взял,
Благоразумным быв человеком, не вдавшись в ярость,
Молвил: «Двусмысленных я вижу изгибы речей».
Отцеубийце тогда говорит он (не мучится тяжело
Царский ум, коль пожать должно другому хвалы):
«Юноша, ты, на рождение чье, коль некая сила
Звездам присуща, взирал час благосклонной звезды³³;
Ты, от кого, чтоб потом не слыть ей слепую, Фортуна³⁴
230 Всех своих перемен бремя и грех отвела,
Ты, в чьем обличии все способности мощной Природы³⁵
Явственно выказались (лик твой – богине хвала),
Чьею рукою – и нет в том стыда – у враждебных исторгнут,
Я возвращаюсь к жене и к наслажденьям моим;
Зри же, юноша, день, по решению судеб выходящий,
Дабы доблесть твою должной наградой почтить³⁶.
Скиптра твой труд заслужил, признаю: прими же ты скипетр
И кормило прими града и мира всего.
- Ты пунийцев сломил; с моего взойди ты согласи
240 На колесницу, что дал для торжества тебе Рим³⁷.
Праведно смотрит Рим, и то, как им правда хранима,
Тем мне милей, что ее мне самому предпочли.
Это нельзя называть стыдом для меня иль обидой,
Но справедливостию лучше наименовать.
Пусть же (я зависти чужд) прозирающим будущность лавром³⁸
Кудри увьются твои: оный пристал им венец³⁹;
Пусть же (я зависти чужд) полетишь в колеснице блестящей,
И ликовствующий Рим ввысь твое имя взнесет⁴⁰.

- Мздою великой зову триумф, что дан тебе Римом,
 250 Но величайшим я чту мной предлагаемый дар:
 Ставлю над римской тебя державой, доселе мою;
 Море и ширь земель – вот мой подарок тебе».
- Юноша был поражен и – вот редчайшая доблесть –
 Честью оказанною был он в печаль погружен.
 Но пока он в отказе упорствует – вот уж чредою
 Пышною шествие к ним: тут и народ, и отцы;
 Царь со своей головы – хоть противится тот – диадемой
 Юноши темя венчав, скипетр влагает во длань.
 Вот уж в трабею одет, вот со всякою царской приметой
- 260 Людям он предстает. Рим принимает его,
 И, на коней белоснежных взойдя, при плеске сената,
 К Капитолийскому он держит Юпитеру путь⁴¹.
 Стало известно – молва о том разливалась нескучно –
 Любящей матери, что властвовать стал ее сын.
 С этою вестью любовь и нежность ее взволновали;
 От ликованья сего чуть не скончалась она.
 Радость, однако ее излилась благочестная в плаче,
 Коему скорбь и беда чаще бывают виной.
 Почестям сына когда сполна воздала она славу,
- 270 В благопристойный предел радость свою заключив,
 Словно как в тайный покой своего введенная сердца,
 Молкнет в раздумьях она, что же ей делать теперь.
 Дивно астролога ей предреченье, Судьбы начертанье
 Дивно, и видит она: истина скрыта в звездах.
 Вот уж в прошедшем она указаний на будущность ищет,
 Веря, что дальше пойдет все предреченным путем.
 Так как это дает ей уверенность в смерти супруга,
 Уж неподдельный теперь страх ощущает жена.
 Мыслит о славе она сыновней, о мужней кончине,
- 280 Радостью и тоской попеременно полна.
 Если мужа иль все, что было ей в муже усладой,
 Представляет она перед очами ума,
 Грудь ее, коей утеху вливали события счастливы,
 Домом себе сотворить сияются скорбь и тоска.
 Если сын ей на ум придет, любви материнской
 В виде предстанет таком, что невозможен тут гнев;
 Если ж супружеская любовь и брачные узы⁴²,
 Жизнь беспорочная ей, неоскверненная честь –
 Лучше б ей ввек не рожать; и сын и владычество сына
- 290 Ей не любезны, и нет более матери в ней.
 Иль вдруг смирит суровость в себе, и матью станет

- Нежной, и мужа тогда одолевает в ней сын⁴³.
Радость и скорбь чередуя, она, плачевно-блаженна,
Мыслит о сладкой Судьбе и о несчастьи злом.
Полна тревоги она и смятенья, в желанье двойчатом
Зыблется; ярую брань мать с женою ведет⁴⁴.
Если бы Парок могла предварить на поприще вечном,
Мужу в замену – себя Судьбам хотела б отдать;
Неумолимой Судьбе, однако, и Лахесис грозной
300 Только предписанною шествовать можно стезей.
Муж занимает ее, снедаему тяжкой заботой:
Мысля о судьбах его, сна не вкушает она;
И при виде того, чья судьба ей зрелась близко,
Истой сабинской полна нежностью⁴⁵, стонет она,
Долго таимы, теперь свободной стезею, как войска
Тесно сомкнутый строй, слезы текут у нее⁴⁶.
Муж цепенеет, узрев ее плач, прорвавшийся бурно,
Чуя, что некая здесь скрыта в безмолвье беда.
Взять в объятья ее спешит он и вопрошает,
310 Нежно лобзая жену милую, в чем ее скорбь.
Но она ничего; он льнет и крепко сжимает,
Он настойчив и тверд, он умножает мольбы.
Чем она горше молчит, тем сильнее его подозренье,
Ибо пред натиском сим все ж она медлит сказать.
Святостью брака и верностью он закликает супружней⁴⁷
Молвить, в чем ее скорбь и от причин каковых.
Коль для раздумья предмет, пусть в надежный слух он вольется,
Коль преступленье – принять любящий сможет супруг.
Так, побуждаемая законами брака признаться
320 В том, что было бы ей благоприятней скрывать,
Молвит: «Пеняю не зря на тебя, о мать-Природа,
Свой к совершенству вовек не приводившая труд⁴⁸.
Женщиной я рождена – и от этого дар твой скудеет:
В сем отношении твоя ласковость умалена.
Пол мой – тот, которому нрав простодушный враждебен,
Коему стыд незнаком, коему верность чужда.
Пол мой – тот, гнусна которому всякая честность,
Тот, что всякий грех провозглашает своим.
Если угодно богам, пусть исчезнет род беззаконный,
330 Пусть мужчина живет в мире своем для себя.
Пагубный ветер, бурун набухший и ярая битва
Столько, как злая жена, не учиняют убийств.
Есть у растений, у древ семена, которыми вечно
Жизнь они длят, без конца свой продолжаячи род.

Так вот, в подобие им, злодеяния всякого корень,
 Семя и вещество зла в себе прячет жена.
 Если воротится к нам простодушья старинного время,
 Если находчивости сгинет лукавыя дух,
 Женщина восстановить вредоносные сможет искусства
 340 И, коль придется, коварств новые виды создать.
 Кротким порою и лев бывает, отбросив свирепость⁴⁹,
 Миролюбивы порой видятся тигр и медведь;
 Женщина только одна стоит в злодеянии твердо,
 Не изменяя ни в чем злобной природе своей.
 Если б какая жена со своим рассталася полом,
 Вран белоснежный тогда б меньшей диковиной был⁵⁰.
 Но почему природный изъян или присущие нравы
 В грузе злодейства сего я тороплюсь обвинить?
 Всякую скверну, и зло, и жестокость, свершенную мною,
 350 Гнусная, я приписать полу стремлюсь моему.
 Довода чистого нет, чтоб вину мою приукрасить,
 И не находит мой грех, чем бы прикрыться ему.
 О супруг мой, в обман столь долго вводимый! ты верил
 Той жене, что врагом, а не женою была.
 Может, уступчивостью и вниманием ласковым сердце
 Думал мое ты снискать, думал к себе преклонить.
 С первых наших дней желаньем твоим нераздельно,
 Страстью единою я и попеченьем была.
 Но благородство твое, не давшее сбыться надеждам,
 360 Равной заслуги себе не дождалось в ответ.
 Ненавистью воздаю за любовь, изменой за верность,
 Я поношеньем хвале, ласке – обидой плачу.
 Новую казнь, о супруг, отыщи⁵¹, клинок свой исторгни,
 Наземь утробу излей, плоть разорви колесом!
 Кар я достойна таких, которы в дому тартарийском
 Суд Радаманта обрек сонмы преступны сносить⁵².
 Так как, однако, досель от темных речей ты в сомненье,
 Выслушай, в чем их суть, что мои значат слова.
 Некогда я родила дитя, которому звезды
 370 Древнего Нумы царя скиптром сулили владеть;
 Также суля – но о том рыдать, а не молвить пристало –
 Горе, увы! что виной станет он смерти твоей.
 Ты, утрашен предсказаньем, велишь, чтоб войну завязала
 Мать с утробой своей⁵³, чадо свое истребив.
 Но природа, сильнее всех угроз и всех увещаний⁵⁴,
 Часть самой себя бросить не в силах была.
 Лгу я о смерти его; ты веришь. Бездумно ты веришь,

- Но питалось дитя млеком чужого соска.
Так вот – виною назвать это можешь иль злодеяньем⁵⁵ –
- 380 Жив тот ребенок, жив до настоящего дня.
Сын твой – тот человек, чьим делам, чьему остроумью
Ты дивился не раз, чьи ты слова похвалял.
Сын твой – тот человек, кого вся превозносит вселенна,
Всякий край, что лежит под поясами семью⁵⁶.
Сын твой – тот человек, о ком и враждебность и зависть
Вместе с Молвою самой ложь побоятся сказать.
Сын твой – тот человек, чью красу умножить Природе,
Чью умножить казну больше Фортуне невмочь.
- 390 Сын твой – тот человек, чьей победы стыдиться не должен
Ни карфагенский град, ни Ганнибалов народ.
Сын твой – тот человек, кого воссевшим на царском
Троне ты зришь, и честной скипетр во длани его.
Все звездочета слова с предначертанным, видишь, сбылися
Ныне исходом – твои судьбы остались одни,
И, течение свое роковое свершая, светила
Должной чредою в свой срок судьбы твои принесут».
- Муж цепенеет, словам ее долго не в силах поверить:
Слишком диковинными мнились события сии.
В длительном он безмолвье, смущен, тогда перенесся
- 400 Всем своим существом в разума тайный чертог.
Призван к совету ум осмотрительный; весь перенесшись
Внутрь себя, человек настороженно стоит.
Взвесив в подробностях все, к веселью он чувствует повод
И начинает любить собственных бедствий вину.
Взяв во вниманье свой род с его славой и честью высокой
И презирая свою гибель, он так говорит:
«Радость святая моя, подруга моя дорогая,
Пени оставь, удержи слезы, боязнь умири⁵⁷.
Дело твое я грехом не почту; обманом прекрасным
- 410 И благородною ты мужу изменой мила.
Быть приведенною ты не страшись к взыскательным судьям:
В искренности твоего дела – защита тебе.
Пусть и сама ты смолчишь – за тебя все скажет Природа;
Право – оратор твой, и Благочестие с ним.
И риторические наводить не нужно расцветки:
Вдоволь сил у тебя, чтоб эту тяжбу вести.
Матерью ты была; вели тебя жалость и нежность;
Презрев Медею, пример ты с Пенелопы брала.
Прав я был бы, боясь, что руки, казнившие чадо,
- 420 Столь же легко и мою могут исполнить судьбу.

Но подобало спасти властителя града и мира,
 Просто смерть причинив лишь одному старику.
 С деревом старым я схож: побег, от корней его взросший,
 Будут беречь⁵⁸, но само, срублено, сгинет оно.
 Долгие лета подаст сей побег материнскому дереву:
 Так и мое бытие сын мой надолго продлит.
 Дивная новость: ущерб полезный, счастливое горе;
 Видишь, одно с другим в доле смешалось моей.
 Мыслит Фортуна явить согласие тому и другому,
 430 Дабы от крови моей муж скиптроносный взошел.
 Неблагодарными быть за божьи щедроты не должно:
 Радости полный дух щедрым любезен богам⁵⁹.
 Только великим трудом дается великое людям⁶⁰;
 Бранью флегрейскою встарь небо Юпитер стяжал⁶¹.
 Чтобы владыкою мне и отцом царя называться,
 Славу прозванья сего смертью моею куплю.
 Но, умирая, я не умру и, весь уцелевши,
 Весь я в сыне таком изнова буду рожден.
 Ты о вещах, из истока сюда рокового сходящих⁶²,
 440 Не говори, что сбылись ложью иль ковом твоим:
 Губит меня Судьба, Судьба того сохранила,
 Кто, мнишь, тобой сохранен: все по закону течет.
 Лахесис терпит пока, покамест еще утомленным
 Перстом вытягивает нить, что порваться грозит,
 Хочется поговорить и перед собою увидеть
 Мужа, что от богов миру поставлен главой.
 Если хоть раз обниму, хоть раз поцелую я сына,
 Сим удовольствуюсь я жизни пределом моей.
 Радостным я в Элизий приду, к племенам погребенным,
 450 В Хаос, стигийского где бледный Юпитера край⁶³.
 Вот к Палатинской они твердыне на высях тарпейских
 Входят⁶⁴, извилистою движась стезею вдвоем.
 С достопочтенными здесь отцами Отцеубийца
 О благоденстве всего города держит совет,
 Чтоб законам не пасть, не рухнуть сенатскому чину,
 Рима величью пребыть, славе державной стоять.
 Внутри ступивши, они пленились бы пышностью зданья,
 Если бы в путь их вела менее важная цель.
 Идут к владыке они – нескоро, с великим усилием,
 460 Ибо отсюда он был тесной обступлен толпой.
 Но, пробиваясь в клубах народных, они достигают
 И до кресел вельмож, и до престола царей.
 Матери в сретенье тут (ведь не был отец ему ведом)

С трона властительского Отцеубийца встает,
И, величье свое и державную гордость отбросив,
Весь отдается тому, матери чтоб услужить.
С нею идет, поддержать ее ласковой ищет рукою,
Ласково с ней говорит, ласково внемлет речам;
Не забывая своей породы, приемлет, однако,
470 Рабский облик в тот миг высокомогущая власть.
Та ему: «С места сего сойди, снизойди благодушно
К матери; молвить тебе некое слово хочу.
Дай мне немножко тебя, сынок, ненадолго у тяжких
Дел себя укради; пусть их свершает сенат.
Пусть твой заботливый ум, посвященный мироправленью,
Ныне сложит с себя хоть бы отчасти свой груз.
Пусть бережет себя Рим, на силы свои опираясь,
Пусть иногда без царя учится быть своего.
Вот мольба и приказ: царя молю, сыну велю я;
480 Над детьми вручена любящей матери власть.
Так отступи ж от толпы и присущего толпам волненья;
Не подобает совет в сонмах народных держать.
Должно высоким делам укрываться сродным величьем;
Прямо народу предстать небезопасно для них».
Так отходят они на место, что тайным раздумьям
Отведено, где стоят долго безмолвье и тишь.
Все, что свершается там потаенно, глубоко, высоко,
В уши твои, о Молва злобная, не попадет.
Внемлет и царским делам, и сходбищам тайным сената
490 Сей предел и во тьме их погребает навек.
Сели отец там и мать, и сын их сел между ними.
Первой своим речам путь открывает жена:
«Сын мой, чья доблесть и ум, краса и высокая сила
Звездными метами мне были предвозвещены,
Лишь о заслугах твоих я помыслю и жизни блестящей,
Радуюсь я за тебя, радуюсь и за себя.
Если б откуда ко мне и могла подкрасться надменность,
Подлинно, только твоей славой гордилась бы я.
Ромуловым возвратил ты сынам старинную вольность,
500 Вновь дерзнула она голову вздеть над землей⁶⁵.
Некогда силою тех законов, что вечность диктует,
Был на правление ты веку обещан сему;
Наши оправдываешь времена, возвращаешь нас к злату
Древнему⁶⁶ и не велишь слыть нам железной порой.
Щедрой Природы рукой поставлен был ты над миром;
В этом даренье одним все тебе разом дано;

Не сохранив никаких щедрот на дальнейшие годы,
 Наша дарительница чуть не осталась без средств.
 Строгому пусть уж никто не дивится Юстиниану;
 510 Впредь Катонем своим пусть не бахвалится Рим.
 Коли в Августов век пребывал народ в благоденстве,
 Прежнего не скудней наших величье времен.
 Верность познала я звезд небесных: занятъям халдейским
 И ассирийским трудам⁶⁷ разум могучий присущ.
 Сказано: греков умом превзойдешь ты – и вот, превосходишь;
 В Марсе окрепнешь – окреп; скипетр добудешь – добыл.
 Хоть, однако, главу возвышенную в звездах скрываешь⁶⁸,
 Хоть над родом людским ты управитель и царь,
 Недоставало еще одного, чтоб полным явилось
 520 Счастье: родителя ты ввек своего не видал.
 Но, желаньям твоим служа, печется Фортуна,
 Дабы слава твоя не умалялась ни в чем.
 Вот он, вот твой отец – познай же его ты и узри –
 Тот, что от плоти своей подал тебе бытие!»
 Сын восстает, встает и отец, сливают лобзанья,
 И не удерживает слез ни один, ни другой.
 Долго в тесных они пребывают, сплетшись, объятых,
 И святая любовь сродные нежит сердца.
 Неутолимо отец глядит и глядит на любезный
 530 Лик⁶⁹, вперенных очей с юноши не отводя.
 И, столь великой красы на чудо взирая, такую
 Речь он стремится, изумлен или же возвеселен:
 «Воинства нашего честь драгая, рассудка и правды
 Неколебимый оплот и нерушимая крепь,
 Сын мой – но, может быть, мне не пристало отчее имя:
 Жестокосердый отец – боле уже не отец.
 Сын мой, признаюсь, когда тебя носила во чреве
 Матерь, в ту пору тебе смертный пришел приговор;
 Да, приговор: я велел, желая зрелые годы,
 540 В полную силу когда вступишь ты, предотвратить.
 Кара близка уж тому, кто виной никакой не запятнан,
 Отчим свершен языком безотлагательный суд.
 Но непреложный чин и вещей предначертаны связи
 Рушат суетный труд всех ухищрений людских;
 Отрок спасен, дабы миром ему безмятежно владычить,
 В стенах, Ромуловой дланью созданных, царить.
 Если бы Римом владел человек, несдержно свирепый,
 Все дела его мог он бы дотла разорить.
 Чтобы мир не погиб, тебе, прямодушия другу,

- 550 В мудрой заботе своей Лаций Юпитер вручил.
Завоевателя меч и свободу быть вредоносным
Кротостию заменил и состраданием ты;
Кротко вселенною всей, умом властительно правя,
По справедливости ты имя правителя взял⁷⁰.
Внутреннего подчинил ты себе человека, порочной
Плоти блуждания ты строгим законом смирил.
Крепко себя ты хранишь, во младости старцу подобный,
Не беззаботно себя, но многоумно ведешь.
Жизнь захотел совершать ты в твердых границах Природы⁷¹,
- 560 Хоть и имеешь ты власть, чтобы бразды отпустить.
В спесь от своей не впав красоты, от богатства – в беспутство,
Не покидаешь стези, что начертал тебе ум.
Хоть широка твоя власть и вольно потакать вождельням,
В тесных свое бытие ты водворил рубежах.
Вот потому, отложив на время заботы небесны,
С вящей приязнью твоим боги внимают мольбам.
Сам родитель богов⁷², когда ты великого ищешь,
Хоть поспешает, все мнит нерасторопным себя.
Многообразным тебя убранством красоты наделяя,
- 570 Обе Юпитер руки занял в даянье даров.
Сладок румянец лица, в груди обильные силы,
В речи язык искушен, длань в ратоборстве крепка.
Чтобы, однако, глупец не молвил и сам не поверил,
Что в человеческих есть некая прочность делах,
Между успехов твоих и радостного благоденства
Будет злосчастный один, черный один уголок:
Сын, меня ты убьешь: Сестер непреложною пряжей⁷³
От начала времен был этот грех утвержден.
Определенной давно Судьбы закон и жестокость
- 580 На судьбину мою руки простерли твои.
Но десницу, не ум, о сын, ты ярости ссудишь,
В час тот духом чужим будет твой дрот устремлен.
Силой своей небосвод, светил божественных тропы
Горние пагубой стать властно понудят тебя.
Пагубой стать понудят тебя, и явно будет
Вышних провинность в твоём немилосердьи к отцу.
Парок устойчивый ход и незыблемая неизбежность
Будут в ответе одни за убиенье мое.
Ты же, мой сын, не жесток, ведь того не сочту я жестоким,
- 590 Кто жестокость явил, если не мог не явить⁷⁴.
Не бессмысленно ты зовешься Отцеубийцей:
Имени суть своего ты в рассужденье возьми.

Сын, мою я прощаю тебе...» Хотел он промолвить:
 «Смерть», но с его языка звук ни один не слетел⁷⁵.
 Незавершенным бы смысл остался прерванной речи,
 Если бы дело речей нежный не выполнил плач.
 Вышла слезами в очах людских живущая влага,
 Ласковый пыл, как мог, делу его пособил.
 Так как ведомо им, что заботы и тяготы царства
 600 Только искусство и ум Отцеубийцы несут,
 Вред боясь нанести лацийскому общему благу,
 Сладкий общения час уж завершают они.
 Вот утомляют его поцелуями перед разлукой
 И, чередуясь, его делят они меж собой.
 Поочередно идет на лоно к ним Отцеубийца,
 Чтобы лобзанье принять, чтобы объятья сплести.
 Рвется меж ними: от матери прочь – отцом уже схвачен,
 В руки двум господам страж государства попал.
 Видеть было смешно родителей жалких и нежных;
 610 Даже невинной любви трудно себя удержать.
 Мысля о том, каким стыдом и каким поношеньем
 Жизнь его запятнать благоугодно судьбе,
 Отцеубийца стенет тяжело и чувствует: долу
 Клонится счастье его, слава сникает его⁷⁶.
 Ведает он колесо, в произвольном круженье лихое,
 Знает богини слепой он переменчивый лик,
 Знает и то, что твердой стопой, в положенье надежном,
 Всякой славе мирской долго стоять не дано.
 После отрады скорбей он страшится, по счастии – бедствий;
 620 В сердце смятенном его много вращается дум.
 Тяжкий Фортуны закон, ее неприязненный норов
 В нем умножают печаль и умножают боязнь.
 Часто свои пересчитывает богатства, счисляет
 Славные подвиги он, все, что достойно свершил.
 То карфагенский разор помянет, то царей покоренных
 И при виде, с какой выси упал он, скорбит.
 Долгий успех, своего долготу благосклонства Фортуна
 Ныне карает⁷⁷, его худшим пятная из зол:
 Уничтожителем он бытия драгоценного, жизни
 630 Отческой станет: Судьбы строгий так хочет устав.
 Отчая смерть заслуги его и хвалы помрачает;
 Множества добрых дел крепче единственный грех.
 Смертью забран он быть бы хотел, чтоб, той же стезею
 Двигаясь, с началом его схож оказался конец.
 «Если над звездами нам, над Парками можно смеяться, –

Молвит, – Судьбу упрежу и убиенье отца.
Отцеубийцею я – Рим узрит – хоть звался, но не был,
Лживым предстанет тогда имени смысл моего.
Так для чего же наш ум столь сроден светилам эфирным,
640 Если Лахесис он горькое бремя несет?
Втуне божественного ума мы владеем частицей⁷⁸,
Коль неспособен себе разум людской порадеть.
Так сотворил стихии Господь и огненны звезды,
Чтоб в подчиненье отнюдь не был у звезд человек;
Но разумения дал ему чистого многую силу,
Дабы грядущему злу мог он противостоять».
К Капитолийским пошел он оттоле чертогам, где льется
Альбула⁷⁹, и на престол кости слоновой воссел.
Царским указом велит, чтоб весь до едина собрался
650 Люд пред очами его, старцев сошедшийся сонм,
Все правоведы и все облаченные в тогу квириты,
Фабии, Альбы народ, патрицианский собор,
Все сенатски отцы, правлением коих вселенна
Взнуздана, принуждена твердой стезею идти.
Вся городская знать, и все, одетые в пурпур,
И многотысячные толпы народа сошлись.
Сел полководец, приказ получив, и сели трибуны,
Консулы, каждый из них со знаменосцем своим.
Тут подымлется он с престола, властительной дланью
660 Всех призвав замолчать. Так начинает он речь:
«Юла потомство, о вы, Градива отрасль, квириты
(Род ваш – от одного, мощь от другого идет),
Знайте – в сомнении я не стану держать ваши души –
В чем и желанье и мысль Отцеубийцы теперь:
Странный он требует дар, его скрывая названье⁸⁰:
Что бы то ни было, Рим, даруй его ты царю.
Хоть подозрительною и страх внушающей мнится
Темная просьба, но все ж в ней не таится обман.
Ради почтенья к богам и ко мне – коли есть – уваженья⁸¹,
670 Что бы то ни было, Рим, даруй его ты царю.
Не с осторожностью, не обмыслив дело и взвесив,
Но безрасчетно пускай дарует щедрая длань.
Медлит дающий – его скудеет заслуга: но большей
Дар добьется хвалы, ежели быстро свершен.
Ради почтенья к богам и ко мне – коли есть – уваженья,
Что бы то ни было, Рим, даруй его ты царю.
Даруй, коль я заслужил, коли вглубь души моей малый
Грех иль совсем никакой не проторил себе путь;

- Коли прожил я свой век, пред самым собою быв честен,
 680 Коль не затронут ни в чем нечистотою мирской;
 Коль ни от спеси, сердца низвергать⁸² владыкам привыкшей,
 Ни от Венеры не стал слаб иль безудержен я.
 Хоть ничего нельзя помянуть ни в нравах, ни в жизни,
 Что могло устоять на протяжении лет,
 Все же и кротость моя, и чредой непрерывною просьбы
 Милосердный народ не взволновать не могли.
 Ромулов не угнетен народ таковым бессердечьем,
 Чтобы отринуть мольбу, ухом внимая глухим.
 Царь, я кротко прошу: это слово царям не пристало,
 690 Ибо бывает таким только злосчастия глас.
 Ради почтенья к богам и ко мне – коли есть – уваженья,
 Что бы то ни было, Рим, даруй его ты царю.
 Я бы поверил, что дар уже почти мне достался,
 Ибо умильная речь молит и ласковый вид.
 Меж друзей о дарах сомневаться было б позорно,
 И промедленье в дарах было б немалым грехом.
 Пусть мольбы упредит угодить хотящий даритель:
 Быстро содеянная, будет услуга милей.
 Труд наш Лацию был на пользу, но благодарность,
 700 К добрым нравам глуха, труд мой почтить не пришла.
 Силу законам я дал лакийским, сенат почитал я,
 Гибельною для людей служба не стала моя.
 Марий, Сулла какой, какой мог вымолвить Цезарь:
 “Нет, при власти моей не был обижен никто”?
 Отцеубийца, смилив Карфаген высокий⁸³ и силу
 Африки в прах низложив, не недостоин наград.
 Мнимых деяний себе не приписывают наши речи;
 Взор к пунийским направь стенам: в развалинах все.
 Все в руинах; смолчу о плененных вождях, о добыче,
 710 Чтоб не казалось, что сам я восхваляю себя.
 Ради почтенья к богам и ко мне – коли есть – уваженья,
 Что бы то ни было, Рим, даруй его ты царю.
 Узрев понурым вождя, услышав унылые речи,
 Весь народ покраснел и покраснели отцы.
 Добрая слава мольбу приносит за доброго мужа,
 Не позволяя его просьбам бесплодными быть.
 Просьбы вождей – это вид властительного приказанья;
 Словно с нагим мечом царь нам приносит мольбу.
 «Дать!» народ говорит и священный чин, и трибуны:
 720 «Дать!»; воедино толпы голос сливается: «Дать!»
 Без оговорок дают ему все, чего ни попросит,

Града лацийского всю хоть пожелает казну.
Не исключенье – твое, о Лукреция, чистое ложе,
Ни огонь, с высоты падший пред Нумой царем⁸⁴.
Отцеубийца, узрев, что будут услышаны просьбы,
Что устроится все по изволенью его,
Молвит: «Вот на какой питал я надежды подарок,
Вот что, Ромулов род, ты даровал мне – смотри.
Я не стремлюсь ничего к своим прибавить богатствам;
730 Уж достигло своей меры именье мое.
В пышном Лации нет, во всей пространной вселенной
Нет ничего, что могло б славу расширить мою.
Краски восточных племен и камни фригийских пределов⁸⁵,
Злато, которое ток Герма, Пактола кружит⁸⁶,
Тирских риз красота, иберийской области кони,
Смуглый инд, твой эбен или слоновая кость⁸⁷,
Труд Мирона и мрамор живой⁸⁸ – все это без нужды.
Надобно то, что и враг мне бы суровый подал:
740 Буди позволено мне стать собственной смерти причиной
И злосчастные дни жизни ускорить моей.
Вот и образ, и суть моих неустанных прошений;
Этой награды себе речью я кроткой искал.
Тот, кого над собой, о Рим, ты владыкой поставил
И доверил кому править народом твоим,
Лишь по согласью, что даст народ и сенатские сонмы,
Хочет свободы себе, чтобы скончать свою жизнь.
Дар твой, о Рим, – кончина моя⁸⁹; твой грех от незнанья,
Дело твое извинит оный неведенья мрак.
750 Ни простодушье толпы, ни обманутая очевидно
Верность сената в моей смерти не примет вины.
Не обольщайте ж меня своею лаской, квириты,
Тщетных вы предо мной не умножайте молитв;
Замысел свой отложить, от своих отступить начинаний
Разум не может мой, твердо стоя на своем.
Я попросил; уж и я не могу не просить сего дара
Пагубного, ни народ не в состоянье не дать.
Славы великой, ума далеко глядящего, мудрый
Муж астролог дела страшные нам возвестил.
760 Ибо он молвил, что так у трех сестер веретена
Кружат, такую стезей звезды небесны идут,
Что отца погубить назначено Отцеубийце,
Кровь дорогую пролить, подлым преступником стать.
Скорпий ли бросил свой взор⁹⁰ на час моего появленья
Иль ужасающая Лучника старца звезда,

Тяжкий прильнул ли Сатурн к светилу тому иль другому
 Или излился звезды Марсовой бедственный яд;
 Чистому духу пока пребывать позволялося в чистом
 Теле⁹¹ и не влещись к пагубе гнусных злодейств,
 Счастливо жизнь провождать в невинности было мне мило.
 770 В оную пору была жажда кончины грехом;
 Но, когда, оскверниться виной понукаемый стыдной,
 Я разлучаюсь теперь с жизни моей простотой,
 Долю эфирную мне, мою душу, стало угодно
 С тленной частью, моей плотию, разъединить.
 В тайный чертог души клинок проникнет вонзенный⁹²,
 Жизни носительница, кровь моя, вон побежит.
 Связь рассечет, сопрягшую плоть с душою, железо,
 Дружное их бытие, верность взаимную их.
 Я говорю, “рассечет”: ибо дух обитать мой не станет
 780 В плотском жилие, где порок место себе отыскал.
 Как в несогласье живут противоположные вещи,
 Так поднимает брань против порока мой дух,
 И мой ум, происшедший с небес и сродный светилам,
 Помнит природу свою, свой не забудет исток.
 И, разумея начал своих чистоту и вельможность,
 С дрожью он, блеска дитя, зрит на деяния тьмы.
 С дрожью зрит на деянья тьмы, и, вместитель высокой
 Думы, страшится мой дух с плотью текучей ходить.
 Так слугой не бывал мой ум у несдержанной плоти,
 790 Не унижался он так, так не терял он стыда,
 Чтob сокрушилася грудь, благородной доблести полна,
 Или суровость чувств пала пред подлым грехом.
 Так вот, пока незапятнанный ум в незапятнанном теле
 Слез не начал струить о состоянье плотском,
 Пусть из чертогов уйдет скудельных⁹³, из сумрака плоти
 Сей эфирный блеск, животворящий сей трут;
 В землю – земная плоть, к огню – сей огненный разум:
 Всякая часть к своему роду вернуться должна.
 Ум мой, в заслугах своих уверенный, из ненавистой
 800 Плоты затворов слепых⁹⁴ выйдет бестрепетно вон;
 С телом расставшись, он переселится к вышнему небу,
 Дабы в сонме своих внонь водвориться светил⁹⁵.
 Что же отказывает мне в счастливой и радостной смерти,
 Что Элисийских полей узреть мне Рим не дает?
 Бремя плоти сложив, родные снова увижу
 Звезды, свободною я жизнью тогда наслажусь.
 Издали видя дела лацийские, с большей заботой

- Стану за градом следить и попеченье нести».
 Доводы тут громоздят, лукавые речи квириты,
 810 Силясь представить, что дар не был дарован ему.
 «Не подобает, чтоб сонм сенатский, строгий, священный,
 Многоискусную речь, хитростей полную, вел.
 Тут энтимема звучит, а там индукция. Речи
 Сложносплетенные Вар водит окольным путем⁹⁶.
 Нечто великое он незаметно вывести хочет,
 Исподволь логикой он спутать меня норовит;
 Но не дано языка премудрым софистам такого,
 Чтобы меня увести от замыслений моих.
 Вот Поллион витийствует, лик речам позлащает,
 820 Все оружие души красноречивой воздев;
 Увещевает, рядит, оратора изображает,
 Ловко берет новый лад, ловко меняет предмет.
 Но в разукрашенных нет речах красоты и приятства,
 Чтобы предотвратить гибель, желанную мне.
 Был селянином Камилл и одеждой своею, и речью,
 Но угоден богам сельской своей простотой.
 Пестрый вздор не бывал забавой суровым Катонам;
 Ясною речь их была, в ризы отнюдь не рядясь.
 Сельскому Лацию речь открыла Греция льстиву⁹⁷,
 830 Греция хитрую речь, Греция пышную речь.
 День тот злосчастный, когда простой, безыскусною правдой
 Стали гнушаться и речь пеструю ей предпочли!
 Если б за зыбью морской недоступными стали Афины!
 В блеске витийства тогда не был бы Рим виноват.
 Что и кому может Ромулов сонм даровать, коль с такою
 Презрел готовностью он все пожеланья мои,
 Хоть и владыка я им, хотя орлов полоненных
 Лация падшего взял я у разбитых врагов,
 Вечного я поношения смыл пятно и проступок,
 840 И в подобающий цвет снова облекся наш Рим?
 Коль взволновать не дано авзонийцев молящей порфире
 И погибла приязнь, к славе глухая моей,
 Все же со мной заодно законов моих указанья
 И старинных письмен своды согласны со мной:
 Древнего вижу своим ходатаем Юстиниана⁹⁸;
 Тяжбу живущего днесь мертвый свершает язык.
 Речь не пустая за мной, поборник за мной не ничтожный,
 Всей вселенной он встарь был величайшим судьей:
 “Вождь, победитель, пусть дар получит, которого ищет”:
 850 Вождь, победитель я есмь; дара ишу: подари!

Но, служенье свое, что даровано вами, свершая,
 Быть своим собственным ваш не в состоянии царь.
 Скоро трабею сложив, царем вашим быть отрекаюсь:
 Волен я ныне; помех нет для желаний моих».⁹⁹

* * *

Кончил он речь: и ропот ползет, и подьмется смута,
 И на части раздор рвет растревоженный Рим.
 Он диадему с главы, из десницы скиптр, багряницу
 С плеч слагает своих, ставши без царства царем.
 Но отец средь толпы просит слова себе; безупречной
 Жизнью и честностью он речь позлащает свою:

Отец

Вы, отцы, что войну усмиряете властно, под чьею
 Клонятся долу стопой шеи строптивы врагов,
 Чей пронизателен суд, осмотрителен разум, у коих
 10а К резкостям придана соль и без суровости соль,
 Бдительней к мужа сего мольбам: он недолжного просит.
 Дар, им добытый, забрать надобно, да не возьмет!

Отцеубийца

Коль по заслугам мне дар не дадут, на мольбу не склонятся,
 Коль от уступки своей низко отступят они,
 Скорбь будет в храбрых мужах о доблести ненагражденной,
 Грудью шедший на бой – в бегстве покажет свой тыл.

Отец

Коль по заслугам тебя не почтут, с мольбой не сразятся,
 Коль не отнимут того, что справедливо забрать,
 Доблесть лишится надежд, отвратительно юношам будет,
 20а Что к достоинствам их столь благодарность глуха.

Судьи

Тягу себе повредить или вред своему добронравью
 Кто может мудро любить, кто терпеливо сносить?
 Взвешивать должно дары по заслугам; и пусть не бесчестит
 Честных даятель, не чтит пусть и бесчестного он:
 Кара греху, отважным делам похвала. Что же с этим?
 Каждой заслуге пускай будет приличная мзда.

Бернард Сильвестр

КОММЕНТАРИЙ НА ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ КНИГ «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ

Мы полагаем, что в своей «Энеиде» Марон имел попечение о двоякой науке, по свидетельству Макробия¹: и в философской истине наставил, и поэтическим вымыслом не пренебрег. Поэтому всякий, кто стремится читать «Энеиду» так, как требует природа этой книги, должен сначала показать, из чего книга исходит, как и зачем учиняется, и не забывать при этом о двояком попечении.

Поскольку в этом сочинении Вергилий предстает и как поэт, и как философ, мы сначала вкратце скажем о намерении поэта, образе его действия и его цели. Он намеревается изложить приключения Энея и труды других скитающих троянцев – и не сообразно исторической истине, как пишет [Дарет] Фригиец; скорее он с помощью вымысла превозносит Энеевы деяния и бегство, чтобы снискать благоволение Августа Цезаря. А пишет Вергилий, из латинских поэтов величайший, подражая Гомеру, величайшему из поэтов греческих: и как тот в своей «Илиаде» повествовал о гибели троянцев, а в «Одиссее» – об изгнании Улисса, так и этот во второй книге рассказывает о разрушении Трои, а в прочих – о тягостях Энеевых.

Должно заметить, что в этой книге порядок повествования двойной: природный и искусственный. Природный – когда повествование располагается сообразно череде событий и времен, то есть когда повествуется в том порядке, как совершаются события, и когда распределяется, что по времени произошло сначала, что потом, а что в конце. Такой порядок соблюдает Лукан. Искусственный же порядок – когда мы искусственно начинаем повествование с середины и потом возвращаемся к началу. Этого порядка держится Теренций и, в этом сочинении, Вергилий. Природный порядок был бы, если б он сначала описал разрушение Трои, а потом бы уже повел троянцев на Крит, с Крита – на Сицилию, с Сицилии – в Ливию. Но он сперва приводит их к Дидоне и выводит Энея повествующим о разорении Трои и прочем, что он претерпел. Это мы сказали о его намерении и образе действия; теперь посмотрим на цель.

Некоторые поэты пишут ради пользы, каковы сатирики; некоторые – ради услаждения, каковы комики, некоторые – для того и другого, как историки; поэтому Гораций говорит:

Или пользу хотят приносить, иль усладу поэты
Или же разом сказать, что отраднo и в жизни пригоднo².

И в этом сочинении из словесного украшения, фигур речи, повествования о различных приключениях и делах людских происходит некое удовольствие. Если же кто стремится всему этому подражать, достигает величайшей опытности в писательстве, а также находит в повествовании величайшие примеры и внушения, как должно следовать за достойным и избегать недозволенного. Таким образом, здесь для читателя двоякая польза: одна – опытность в писательстве, которую дает подражание, и вторая – понимание, как надлежит поступать, почерпаемое из поощряющих примеров. Скажем, труды Энея дают нам пример терпения, его любовь к Анхизу и Асканию – пример благочестия, почтение, которое он оказывал богам, оракулы, которые вопрошал, жертвы, которые приносил, обеты и мольбы, которые возносил, некоторым образом призывают нас к набожности, а его неумеренная страсть к Дидоне отвращает нас от недозволенных вожделений.

Поскольку задача вступления состоит в том, чтобы заручиться благосклонностью, восприимчивостью, вниманием слушателя или читателя³, то, оставив те семь вещей, которые у многих писателей рассматриваются в начале их книг⁴, мы считаем достаточным остановиться на этих трех, а именно – из чего должен исходить сочинитель, чтобы сделался восприимчив читатель; как действовать, чтобы тот стал благосклонен; зачем – чтобы стал внимателен. Теперь посмотрим на это применительно к философской истине. Поскольку он философ, он пишет о природе человеческой жизни. Образ действия его таков: он прикровенно (*in integumento*) описывает, что совершает и претерпевает человеческий дух, помещенный на время в человеческое тело. Описывая это, он пользуется природным порядком и таким образом сохраняет двойной порядок в повествовании: как поэт – искусственный, как философ – природный.

Покров (*integumentum*) – это род изложения, который обертывает понимание истины вымышленным повествованием, потому он еще называется оберткой (*involutum*). Людям это сочинение приносит пользу, а именно познание себя; ведь, как говорит Макробий⁵, великая человеку польза – знать самого себя. Поэтому сказано:

С небес нисходит *nothis elitos*⁶,

то есть «познай себя».

Итак, мы рассмотрели его намерения, образ действия и цель сообразно обеим наукам, а теперь раскроем покровы всех двенадцати книг по порядку.

Баснословное содержание первой книги

В первой книге Юнона приходит к Эолу. Дает ему Деиопею. Энея носят бури. Он ускользает с семью кораблями. Окутанный облаком, приходит в Карфаген. Видит своих товарищей, но не заговаривает с ними. Венера удаляет от него облако. Затем его услаждают яства и песни кифареда Иопы. Дидона принимает Купидона в обличье Аскания. Так как все это относится к первому возрасту [человека], то рассказывается в первой книге.

Истолкование

Мы читаем, что у Сатурна и Опис было четыре чада, избежавшие отеческих зубов, в то время как всех прочих отец пожрал¹. Это были Юпитер, бог всех остальных, Юнона, супруга и сестра Юпитерова и богиня родов, Нептун, бог вод, и Плутон, бог Эреба. Дети Сатурна и Опис, то есть времени и материи, суть все то, что во вселенной рождается во времени: все эти вещи время истребляет, за исключением четырех стихий. Богом всех вещей в мире именуется Юпитер, то есть высший огонь (*ignis superior*), который всех выше и все объемлет. Богом вод именуется Нептун, ибо из моря исходят все воды. Богом Эреба именуется Плутон, то есть земля, ибо в области тленных вещей господствует тяжесть, то есть земля. Юнона, то есть воздух, именуется их сестрой, поскольку состоит из той же материи; супругой Юпитера – потому, что приемлет от него тепло и находится ниже него². Богиней родов она называется, поскольку от тепла и влаги плод зачинается, образуется и питается. Посему она зовется Юноной, как бы «помогающей юным» (*novos iuvans*)³, и Луциной – как бы «несущей свет чадам» (*lucem natis prebens*).

Мы читаем, что Эол – бог или царь ветров, возмущающий ветрами море. Под этим мы понимаем рождение ребенка, который именуется Эол (*Eolus*), как бы *eonolus*, то есть «гибель мира» (*seculi interitus*)⁴, ибо с рождением человека мир, то есть жизнь души, погибает, когда, подавленная тяжестью плоти, она нисходит от своей божественности и соглашается с плотским влечением. Этот Эол насылает ветры, так как рождение человека претерпевает волнения пороков сообразно конstellляциям. Ведь философия учит, что рождение ребенка приводит в движение пороки сообразно конstellляциям, то есть воздействиям светил. А конstellляциями она называет те воздействия светил, коими они располагают, когда входят в свои дома, называемые абсидами (*abisides*)⁵. Так, если рождение ребенка случится в конstellляции Сатурна, то есть когда это светило, вдали от прочих, что мешают его природе, входит в созвездие Рака, оно производит пороки косности, лености и нерадивости. Если же в конstellляции Марса, то пороки гневливости, безумия и опрометчивости. Если в конstellляции Венеры, то порок разнузданности. Таким образом, Эол, то есть рождение, посылает ветры, то есть волнения пороков. Они тревожат море, то есть человеческое тело, омут входящих и выходящих влаг.

Деиопея – одна из Юониных служанок, красивей прочих. Хотя у Феба и богини Авроры дважды семь⁶ дочерей, эта ближе Юноне, чем даже сама Ирида. Под служанками Юноны, то есть спутницами воздуха, мы понимаем природные свойства и воздействия воздуха, то есть качества и разновидности погоды. Они-то сопровождают Юнону и принадлежат природе воздуха: легкость, подвижность, тепло, влага, ясность, разреженность, пригодность для дыхания. Воздуху по природе свойственно быть ясным, если только он случайно не сгущается от холода воды или земли, так что солнечный блеск не может сквозь него пройти. Кроме того, ему по природе свойственно быть разреженным, тонким и неощутимым. Пригоден для дыхания он в нижних областях;

воздух более высоких областей мы не можем втянуть из-за чрезмерной тонкости. В свою очередь, нельзя дышать в высочайшей области огня. Поэтому если кто там окажется, долго не проживет. Эту-то последнюю служанку посылает Юнона, чтобы животворить все живое.

А другие семь – это семь состояний воздуха. Состояниями воздуха мы называем те, которые производит воздух или которые происходят в воздухе. Из них три – это спутницы Ириды, всегда Ириде сопутствующие: первая – дождь, вторая – град, третья – снег. Рассмотрим вкратце происхождение этих трех. Тепло, которое есть разделительная сила огня, уменьшает низшую влажность плотных вещей, и мелкие частицы этой влажности, то есть капли, поднимаются из-за своей легкости. Если с ними соединяется натиск ветров или уплотненность холода, то они, отяжелев от этого соединения, по природе веса вновь обращаются вниз и падают дождем. Если же, когда они вступают в соединение и тяжелеют, их замораживает холод, то выпадает град. Если же они замерзают, когда еще остаются мелкими, выпадает снег.

В этих погодных состояниях случается, что туча стоит против солнца и что она в некоторой части густая, где-то более густая, а где-то гуще всего; в некоторой части чистая, где-то чище, а где-то чище всего. Когда солнце простирает к ней лучи, там, где туча гуще всего, лучи, угодившие в нее, как в стекло, дают черный цвет, где менее густая – лазурный, где еще менее густая – красный; где чистая – желтый, где более чистая – зеленый, где чище всего – белый. Так сообразно большей чистоте туча усваивает цвета, более близкие белому, а сообразно большей густоте – близкие к черному. Таким образом, Ирида⁷ – не что иное, как туча, стоящая против солнца и от его лучей принимающая многообразные обличья. А так как одно из вышеуказанных погодных состояний всегда сопровождает Ириду, то они называются служанками и спутницами самой Ириды и меньшими служанками Юноны. Какая-нибудь из этих трех служанок всегда и везде сопровождает Ириду, как там говорится:

В радужном платье своем, Юноны вестница, воды
Стала Ирида собирать⁸.

Итак, стоящая первой среди служанок Юноны, имеющая других служанок, есть Ирида, вторая – фитон (phiton), третья – комета, четвертая – молния, пятая – гром, шестая – курение, седьмая – землетрясение. И так как мы сказали, что это воздушные состояния и что они происходят в воздухе или из воздуха, потому они – служанки Юноны; а так как об Ириде мы уже сказали, посмотрим на остальных.

Иногда случается, что два ветра, идущие в высоте из разных частей мира, захватывают тучу и своим бурным столкновением уплотняют ее в более густую и длинную форму. Туча воспламеняется от солнечных лучей, нисходящих в нее, или от быстроты своего движения, и под натиском ветров устремляется в ту сторону, где ветров не оказывается; это считают блуждающей звездой или огненным копьем. Такие очертания называют фитонами⁹, то есть «зноями».

Если же четыре противных ветра захватывают тучу и жмут ее со всех сторон, то придают ей круглую форму; тогда фитон считают воспламенившейся звездой и называют кометой. А так как среди четырех ветров один преобладает, то он гонит ее в какую-то сторону, но поскольку натиск остальных ее задерживает, она выпускает волосы. Эту служанку Юнона посылает предвещать смену царей, поэтому Лукан говорит: «и власы ужасной звезды»¹⁰, а Ювенал: «грозящую армянскому царю комету»¹¹. Так сказано потому, что это знаменье часто так смущало души людей, что они низлагали царей, считая, что оно появляется из-за их самовластия. О молнии и громе мы будем говорить в другом месте, поэтому пока отложим. Курение и землетрясение Юнона посылает таким образом. Тело земли построено по образцу человеческого тела. Как в человеческом теле есть ток влаги, то есть жилы, по которым кровь растекается и из которых выбивается, если нанести рану, так и в земле есть жилы, называемые катарактами, по которым течет вода и из которых выбивается, если прокопать. Равным образом, как в человеческом теле есть артерии, по которым дыхание растекается по телу, так в земле есть полости, по которым отправляется воздух. Если эти полости велики, то содержат в себе много воздуха. Когда сила этого воздуха наталкивается на какую-либо плотную материю, которая ему препятствует, то не может прорваться. А сам воздух, поскольку он подвижен, не может остановиться, и когда он сталкивается с этой материей, сила этого толчка колеблет землю. Это колебание земли продолжается, пока воздух не пойдет назад или не прорвется, одолев материю. Вот как Юнона насылает землетрясение. А курение она производит так: если полости в земле узкие, то большая сила воздуха в них не входит, а малой его силы недостаточно, чтобы сотрясать землю. Но поскольку воздух скребет землю и трется об ее серные жилы, он часто порождает огонь и поэтому в огнедышащих горах вызывает курения.

Итак, семь природных свойств воздуха и семь погодных состояний – вот дважды семь служанок Юноны. Из них красивее всех ясность, то есть блеск воздуха, под которым мы понимаем Деиопею. Имя ей Деиопея (Deiorea), как бы *deioora*, то есть «общий глаз», поскольку благодаря блеску мы все вообще видим¹².

Сказанного нами о Юноне, Эоле и Деиопее достаточно, ибо это все, что надобно о них знать здесь и в других местах этой книги. Из этого понятно, что значит, что Юнона пришла к Эолу и дала ему Деиопею. Юнона приходит к Эолу, так как воздух теплом и влагой подталкивает роды. Ведь как холод и сухость, стягивая и высушивая, замыкают трубу, вследствие чего женщины меланхолического склада очень часто бесплодны, так, напротив, тепло и влага, разрешая и увлажняя, подталкивают роды. Поэтому Вергилий предписывает, чтобы конюхи гоняли кобыл, коим подходит срок жеребиться¹³, чтобы от увлажнения потом и от разрешения теплом роды стали быстрее и легче. Юнона посылает Деиопею Эолу, то есть уделяет рождению свой обычный блеск.

Энея называют сыном Анхиза и Венеры. Анхиз толкуется как «населяющий высоты», и под ним мы понимаем отца всех, восседающего надо всеми¹⁴. Венер же, как мы читаем, две: одна законная, другая – богиня разнuzданности¹⁵.

Законная Венера, как мы читаем, есть вселенская музыка, то есть размеренное соотношение всего во вселенной, которое другие называют Астреей, природной справедливостью. Она обретается в стихиях, в звездах, во временах, в одушевленных существах. А бесстыдная Венера, богиня разнузданности, есть плотское вожделение, мать всякого беспутства.

Должно заметить, что в этом месте, как и в других аллегорических книгах, содержатся равноименности и многоименности¹⁶ и покровы следует рассматривать разными способами. Например, в книге Марциана¹⁷ под Юпитером понимается то высший огонь, то звезда, то сам Создатель; под Сатурном – то светило, то время; под Меркурием – то красноречие, то светило. Во всех аллегорических книгах надо следить за различными сторонами поэтического покрова и за многообразием обозначений, если единообразным истолкованием невозможно установить истину. Так и в этом сочинении обнаруживается, что одно и то же название обозначает различные природы и наоборот, разные названия – одну и ту же: одно – разные, когда Аполлон обозначает то солнце, то божественную премудрость, то человеческую мудрость; Юпитер – то огонь, то высшего бога; Венера, как выше сказано, – где плотское вожделение, а где вселенское согласие; а разные названия – одного и того же, то есть многоименность, как, например, Юпитер и Анхиз обозначают Творца. Где прочтешь, что Венера – жена Вулкана и мать Посмеха (Jocus) и Купидона, то разумеешь плотское вожделение, которое сочетается с природным теплом и порождает смехи и соитие. Но где прочтешь, что у Венеры и Анхиза был сын Эней, разумеешь под Венерой вселенскую музыку, под Энеем – человеческий дух. Именуется он Энеем (Eneas), как бы *eppos demas*, то есть «обитатель тела»: по-гречески *eppos*, по-латински «обитатель». Поэтому Ювенал называет Нептуна Энносигеем¹⁸, то есть обитателем Сигея. А словом *demas*, то есть «путы», именуется тело, поскольку оно темница души¹⁹. Эней – сын Анхиза и Венеры, так как дух человеческий от Бога через согласие начинает жить в теле. Это мы сказали об Анхизе, Венере и Энее, так как во многих местах книги это представляется необходимым.

После того как Деиопея дана [Эолу], Энея осаждают опасности. Под морем понимается человеческое тело, так как опьянения и вожделения, которые понимаются под водами, истекают из него, в нем обретаются волнения пороков и в нем совершается ток еды и питья. Сообразно этому читаем, что Венера рождена в море из мужских частей Сатурна. Мужские части Сатурна суть тепло и влага – качества, которыми время творит вещи²⁰. Эти-то мужские части ввергаются в море, когда излишки пищи и питья воздействуют на тело. Возбуждаемые пищей, эти части тела пробуждают влечение. Поэтому сказано: «Без Цереры и Вакха зябнет Венера»²¹. По вышеуказанному морю носится Эней, когда Деиопея дана Эолу, ибо с блеском дня, когда дано рождение, то есть когда родился ребенок, дух в теле начинает испытывать чрезмерное утеснение из-за частых втеканий и истечений²². Ведь в человеке по природе чрезмерно усиливается тепло, поскольку требуются частые втекания и истечения пищи и питья, чтобы противостоять природному истощению и питать себя. Посему

плотный пар, поднимаясь в голову и наполняя природные ячейки и артерии мозга²³, мешает силе остроумия (*ingenii*), рассудка (*rationis*), памяти и душевным способностям. Так морские волнения, то есть втекания и истечения телесные, донимают Энея и его сотоварищей, то есть дух и его силы. Он даже временно теряет некоторых из сотоварищей, ибо рассудок и другие способности, которые он потом приобретает с возрастом, упражнением в учебе и науками, в младенчестве на время теряются.

[170] Он ускользает с семьей кораблями. Под семью кораблями мы понимаем семь желаний, увлекающих Энея и его сотоварищей. Мы везде понимаем под кораблями желания, влекущие нас в разные стороны. Первый корабль – это желание видеть, второй – слышать, третий – ощущать вкус, четвертый – обонять, пятый – осязать, шестой – двигаться, седьмой – покоиться. Прочие корабли, которые он на время потерял, а потом вновь обрел, суть желания различать, понимать, отражать пороки, следовать за добродетелями.

[144–145] Эти семь кораблей Кимотея и Тритон «сталкивают с острой скалы». Тритон – морской бог, Кимотея – богиня. Тритон – как бы «сокрушение»²⁴, есть плотское удручение, и называется богом моря, поскольку владычествует в теле. Говорится о нем, что он дует в трубу, поскольку плотское удручение выказывается в рыдании, то есть в плаче. Ведь когда младенец хочет есть или пить или зябнет, он плачет. Кимотея переводится «украшенная богиня»: *sema* значит «украшение», *theos* – «бог»²⁵. Таким образом, Кимотея – как бы *sematheos*, то есть богиня, украшенная, очевидно, весельем. Она тоже играет на трубе, то есть на вспышке смеха.

Морской утес, который задерживает корабли, есть бремя и леность плоти, которая не дает желаниям идти к своей цели. Ведь иной раз человек хочет пойти что-то посмотреть или послушать или еще что-то, но леность не позволяет. А тягота или веселье возбуждают желания, как когда человек хочет есть, потому что голоден, или пойти и посмотреть игры, потому что весел.

[412] Сокрытый облаком, он идет в Карфаген. Как облако скрывает свет, так неведение скрывает мудрость. В неведении идет он в Карфаген, то есть в новый город²⁶ мира, каковой город всех обитателей в себе содержит. В этом городе держит власть Дидона, то есть влечение²⁷. Этот город нов для Энея, поскольку он только что попал сюда.

[464] Он свои глаза «пустой насыщает картиной». Так как мир для него нов и он окутан облаком, то есть неведением, он не постигает природы мира; потому это все ему нравится, и он в изумлении. Под глазами мы понимаем чувства, из коих одни правдивы, а другие ложны, ибо как один глаз правый, а другой – левый, так мы понимаем, что одни чувства правдивы, а другие ложны. Под картиной же мы понимаем временные блага, которые потому называются картиной, что благами не являются, но лишь кажутся, и потому Бозций называет их «видимости истинного блага»²⁸. Таким образом он насыщает глаза, то есть чувства, в картинах, то есть мирских благах.

[496 сл.] В этом городе он находит царствующую женщину и рабствующих пунийцев, поскольку в этом мире смешение таково, что владычествует

влечение и утеснены доблести, которые понимаются под пунийцами, мужами храбрыми и неколебимыми, и таким образом рабствует муж и владычествует жена. Посему в божественных книгах мир нарицается именем города Вавилона, то есть смешения²⁹.

[509 сл.] Он видит своих сотоварищей, сокрытый облаком, и они его не видят, а он не заговаривает с ними. Сотоварищами Энея называются те, кто ему сопутствует, каковы для души само тело и телесные члены. Ведь дух ведет телесные члены, куда хочет. Сих сотоварищей он видит, а им невидим. Ведь дух знает тело, а тело никоим образом не знает духа. Он не заговаривает с ними, так как не удерживает члены от постыдных дел и не побуждает их к честным.

[587] Венера удаляет облако. Ведь желание, призывая использовать вещи, приводит к их познанию и таким образом удаляет облако.

[740] Его услаждают яства и песни Иопы: он насыщается едой и услаждается ребяческим лепетом. Иопа означает «ребяческое безмолвие» (*puerilis taciturnitas*)³⁰; хотя он издает звуки, но не образует даже незначительных слов.

[695] Он принимает Купидона в обличье Аскания. В первом возрасте человек желает многих вещей, и хотя все ему нравится вследствие своей новизны, он не знает, чего желает и разумно ли это³¹. Он чувствует свое желание и так принимает Купидона, не узнавая его.

В облике Аскания. Асканий – сын Энея и Креусы. Креусой, как бы «творящей употребление» (*creans usum*), именуется вожделение (*concupiscentia*), то есть сила стремления к благу, которая именуется супругой Энея, поскольку по природе соединяется с человеческим духом. Нет духа без своего вожделения. Оно-то и творит употребление вещи, то есть привычку. Ведь когда чего-то желают как блага, то усилие, которым этой вещи добиваются, или привычно, или желанно. Потому вожделение, то есть стремление к благу, есть причина привычки и именуется Креусой. Она – мать Аскания. Асканий толкуется как *aschalenos*³², то есть «без градации»: а значит «не», *schalenos* – «градация». Под ним мы понимаем меру (*modum*) вещи, которая называется «без градации», поскольку не опускается к недостатку и не поднимается к избытку. В недостатке есть степени (*gradus*) нисхождения, ведь мы можем делать меньше того, что должны, и еще меньше, и так до бесконечности. В избытке тоже есть бесконечные степени; ведь мы можем делать больше, чем должны в каком-либо отношении, и еще больше, и так до бесконечности. В мере же никакой степени нет, ведь если мы сделаем больше или меньше, это уже не мера: отсюда имя Аскания. Эту меру порождает дух в своем вожделении, вожделея не больше и не меньше, чем подобает, и таким образом Асканий – сын Энея и Креусы. Облик Аскания благороден; ибо через облик (*forma*) познается вещь. Если же что-то выглядит благородным, то и мера в нем ценится. В этом-то облике является Купидон, когда его принимает Эней. Ведь в первом возрасте он почитает свои желания честными, поэтому, если не может какого-нибудь из них удовлетворить, плачет, будто ему несправедливо отказано. Так в первой книге описан первый возраст, то есть младенчество.

Книга вторая

[1] ВСЕ ЗАМОЛЧАЛИ и т.д. В этой второй книге описывается природа второго возраста, то есть детства. Младенчество – это та первая часть жизни, что длится от рождения до того времени, когда человек по природе начинает говорить. Детство – вторая часть человеческой жизни, что начинается, когда человек попадает под наставление опеки, и продолжается до того времени, когда он из-под опеки выходит. Поэтому младенчество (*infantia*) получает название от «не» (*in*) и «говорить» (*for, faris*), а детство (*pueritia*) – от *pure*¹, то есть от опеки. Важнейшее различие младенчества и детства в том, что дети говорят, а младенцы по природе не способны говорить, и потому в этой книге аллегорически представлено не что иное, как начало и способность речи. В том, что Дидона уговаривает Энея рассказать свою историю, изображается, как желание, желающее открыться, побуждает его промолвить свои слова, и, удовлетворяя желанию, он пускается говорить. Что речь иногда правдива, а иногда ложна, изображается тем, что в его рассказе к исторической истине примешивается басенная лживость. Что греки одолели Троию – история, а что рассказывается о честности Энея – вымысел: ведь Дарет Фригийский повествует, что Эней предал свой город².

Книга третья

[1] АЗИИ СИЛЫ КОГДА и т.д. В этой третьей книге излагается природа юности¹. Но чтобы мы потом могли истолковать покров этой книги, сначала изложим вкратце ее рассказ.

После пожара в городе Эней идет в Антандр, оттуда во Фракию, оттуда на Делос, оттуда на Крит, оттуда на Строфады. Потом он видит Циклопов и, предупрежденный Ахеменидом, видит и Полифема, которому Улисс выколол глаз, и оставляет Ахеменида там. Он погребает отца в дрепанском порту.

Итак, город Энея есть человеческое тело, где обитает и правит человеческий дух, а потому оно называется его городом². И еще, как в городе есть четыре разновидности жилищ и четыре сословия людей, кои населяют эти обиталища, так и в человеческом теле есть четыре поселения и четыре силы, пребывающие в них. Первое поселение в городе – это цитадель, где живут мудрецы; так и в теле первое и превосходнейшее жилище и цитадель – голова, где пребывает мудрость, и там же находятся орудия чувств и три келейки – остроумия, рассудка и памяти. Второе поселение в городе принадлежит воинам: так и второе жилище в теле – у мужества, в сердце, подобно как это [место в городе] принадлежит людям мужественным. Третье поселение в городе принадлежит тем, кто предан наслаждениям, так и третье в теле принадлежит влечению – то, что в чреслах. Последнее поселение в городе – пригород, место земледельцев: так и в крайней области тела – руки и ноги, предназначенные для работы. Поэтому тело называется городом. Пожар этого города – это природный жар первого возраста; удалившись от него, Эней приходит в Антандр. Andros по-гречески – по-латински «муж», отсюда Эвандр – «добрый муж» и Андрей – «мужественный»; anti – «против». Таким образом, Антандр – «противоположность мужественности». Мужественностью собственно называется постоянство, как бы «качество мужа». Ведь это качество по природе свойственно мужам; ни мальчик, ни юноша, ни старец, который возвращается к природе детства, не имеют природного постоянства. О мальчике говорит Гораций: «Он копит гнев и бросает его, за час изменяясь единый»; о юноше – что он «проворен бросать желанья». А что мужу присуще постоянство, свидетельствует он же, говоря:

Сделать боится он то, что потрудится вскоре исправить³.

Таким образом мужественность, то есть качество мужа, есть постоянство. Потому математики называют нечетное число мужем, как будто мужи имеют свойство неделимости, то есть постоянство⁴. Антандр же, то есть противоположность мужественности, есть непостоянство. Это первый порок юности. Так как юноши еще не знакомы с употреблением вещей и не имеют в них опытности, то, замечая что-либо, считают находку наилучшей и прилепляются к ней, а когда обнаруживают, что она не такова, как им казалось, тотчас переходят к другой. А мужи, знающие всё на опыте, к чему прилепляются, там и пребывают постоянно.

Итак, Эней от городского пожара идет в Антандр, то есть от природного жара первого возраста, воспламеняющего тело, – к непостоянству юности.

[5 сл.] А что корабли были построены там же из дерева с Иды, следует понимать так. Корабли Энея, как мы сказали, – это желанья, влекущие Энея и его сотоварищей, то есть дух и его способности, в разные стороны; и создаются они в Антандре, так как в непостоянстве возникают различные и бесконечные желанья. Ибо люди постоянные всегда, пока они постоянны, хотят одного и того же; непостоянные же – то одного, то другого, ибо, по слову Горация,

час не могут они продержаться, одно одобряя⁵.

О непостоянстве он говорит:

Брежует тем, что искал, что недавно отринул, вновь ищет,
Рушит иль строит; то вдруг заменяет квадратное круглым⁶.

Таким образом создается флот, то есть множество желаний, в Антандре.

Ида – это лес Троянского города, из которого строят корабли. Ида значит «красота» (*pulchritudo*), отсюда Алкид – «крепкий и красивый»⁷, а Ганимед называется идейским⁸, то есть прекрасным. Она называется лесом города, так как красота внешности осеняет тело снаружи, чтобы не обнаруживалось внутреннее безобразие. Из идейского леса создаются корабли, так как от красоты вещей происходит желание их добиваться.

[13] Он переправляется во Фракию, то есть в алчность, которая справедливо понимается под Фракией, имевшей самых алчных жителей и самого алчного царя. О ней мы в этой книге читаем: [44] «Беги от алчного берега». Он переправляется сюда из Антандра, то есть от непостоянства к алчности. Поэтому Гораций в первой из сатир, осудив непостоянство, переходит к алчности⁹. От непостоянства к алчности переходят так: после того как в непостоянстве он обошел разные вещи и всё испробовал, видит, что все временные вещи можно обрести благодаря богатству:

В дар и род, и красу, и царство Деньги приносят
И украшают того, кто богат, Убежденье с Венерой¹⁰.

И поэтому он весь поглощен стяжанием богатств, и так усердно, что, осмотрев все прочее, предпочитает их. Так он путешествует из Антандра во Фракию.

[49–57] Он находит Полиместора царствующим и Полидора – погребенным. *Polis* по-гречески – по-латински «много»; *metros* – «мера». Отсюда Полиместор, как бы *polimetros*, то есть «мера большего» (*plurimum mensura*), то есть нагромождение денег, которое алчный человек хочет иметь у себя точной мерой. Оно-то царит в алчности, ибо понуждает алчных копить, говоря: «умножай достоянье проворно»¹¹. Так алчный рабски служит нагромождению больших денег, или умножая их, так как

мчишься, лености чужд, ты купцом до дальних индийцев¹²,

или сохраняя их с великим благоговением, почему попрекает его Гораций:

Везде казну наваливши,
Спишь ты и алчешь во сне, и тынет тебя, как святыню,
Деньги шадить¹³.

Так царствует Полиместор.

А Полидор переводится как «великая горечь». Ведь *dois* по-гречески – по-латински «горечь». Поэтому в баснословии говорится, что Дорида – морская богиня, так как горечь господствует в морских водах. Это толкование предлагает Вергилий, говоря:

Горькая пусть не вмешает своих струений Дорида¹⁴.

Этот Полидор погребен во Фракии, так как великая горечь заключена в алчности: что может быть горше, чем то, что алчный «ищет – найдя ж, избегает его и потратить страшится»¹⁵, что «хладно и робко во всех он делах поступает»¹⁶, что «страсть к монете растет, насколько возрастает богатство»¹⁷ и что «алчный всегда в нужде»¹⁸. Этот Полидор заставляет Энея бежать из Фракии, так как горечь и труд стяжания и сохранения денег часто отвращает от стяжательства. Разумный дух, видя у алчных столь великую тревогу и горечь алчности, отрывается и отвращается от нечистых яств алчности, говоря:

Ну-ка, жирнее умасли,
Мальчик, капусту мою! Пусть мне варится в праздник крапива,
Полголовы копченой свиньи с разрезанным ухом¹⁹.

[79] Он переправляется на Делос. Делос переводится как «ясность», поэтому Солнце называется Делием, то есть ясным²⁰. Под ним надо понимать честную жизнь, которая называется Делосом, то есть ясностью, так как нет ничего яснее в этой жизни. Поэтому спрашивающему, что в этой жизни есть высшее благо, отвечают: «честность». Здесь чтится Аполлон, так как в честной жизни служат мудрости. Ведь честно живущий все делает по внушению мудрости. Здесь царствует Аний, [80] «царь и жрец Феба». Имя его Аний, как бы *aneos*, то есть «без новизны»; а – по-гречески «без», *neos* – «новое». Отсюда Неоптолем – «новый воин» и неомения – «новая луна». Анием зовется мудрец. Ведь для мудреца, который знает употребление вещей и имеет в них опытность, не случается ничего нового. Он царь и жрец, поскольку толкует божественную теологию и правит человеческой деятельностью (*practica*).

Из Фракии они прибыли на Делос, так как, оставив нечистоту алчности, человек приходит к честности. Аний принимает Энея на пиру, ибо мудрец питает разумный дух науками.

Аполлон побуждает его [96] «искать старинную мать». Две старинные матери, то есть две области, Крит и Италия, суть два Энеевых начала – природа

тела и души. Под Критом мы понимаем телесную природу, которая есть некое начало временной жизни Энея. Ее имя, Крит (Creta), антифрастическое – как бы *crexis theos*, то есть «божественный суд»²¹. Ведь телесная природа плохо судит о божественном, ценя его ниже временного. Под Италией, которая переводится как «возрастание», понимается божественная природа, которая есть разумность, бессмертие, сила (*virtus*), знание. Ее-то и велит искать Аполлон, то есть мудрость. Ведь мудрость побуждает человека любить божественное. Но так как Эней неверно понимает оракул, то, хотя ему велено идти в Италию, ищет Крит. Относительно Аполлонова оракула заблуждаются так: мудрость спрашивает человека, как написано у Боэция, есть ли у него что-то драгоценнее, чем он сам²². А когда он отвечает: «Совсем нет», она велит ему искать блаженство в себе самом. Он же, понимая «в себе» как «в природе своего тела», а не «в природе духа», полностью спускается в вождения плоти. Вот и Эней, когда ему велено идти в Италию, приходит на Крит. Но так как царствовать там он не может, то боги, коих он носит с собой, указывают ему уйти. Ведь до тех пор, пока дух ищет своего блага в плотской природе, он не властвует, но скорее рабствует стольким господам, сколько у него пороков. Поэтому знания и добродетели, которые носит с собой божественный ум, указывают ему бежать от плоти.

[210] Он приходит на Строфады. *Stropha* толкуется как «поворот»²³, а *idor* – «вода», откуда *udromantia* – «гадание на воде». Поэтому Строфадами, т.е. «поворотами воды», названы острова, так как они крутят воду в водовороте. Под ними мы понимаем круговращения пороков, ведь под водой мы разумеем пороки, которые суть кораблекрушения Энея. Они называются островами, то есть помещенными в пучине²⁴ жизни. Когда Эней устремляется с Крита в Италию, бури относят его к этим островам. Ведь когда он устремляется от плотской природы к духовной, бури, то есть обрушивающиеся на него волнения плоти, относят его назад к порокам. Если сластолюбец намеревается прийти к чистой жизни, поднимается волнение плоти, которое его понуждает, сделав поворот, вернуться к сластолюбию. Таково, например, это волнение: он помышляет, сколь велика трудность безбрачной жизни и сколь велика плотская радость в сластолюбии. Это помышление и понуждает его повернуть вспять к сластолюбию. Таким образом, когда Эней устремляется с Крита к Италии, бури относят его к островам Строфадам. [212] О Гарпиях, коих он там находит, мы скажем в шестой книге²⁵.

[569] Он видит Циклопов. Имя Циклопов – как бы *cyclopolis*, то есть «множество кругов»²⁶, под которым мы понимаем множество круговращений, претерпеваемых юношами. [655] Он видит Полифема, коему Улисс выколол глаз и оставил там Ахемениду.

Улисс привел свои корабли к острову, где нашел Цирцею, дочь Солнца, превратившую его спутников своим питьем. По совету Меркурия Улисс отвергает это питье и остается как был. По его же совету он бежит от Цирцеи и причаливает к Этне. Там находит одноглазого Полифема. В отмщение за спутников, которых тот сожрал, Улисс выкалывает ему глаз и оставляет там Ахемениду. Имя Улисса – как бы *olonsenos*, «знание всего»²⁷, то есть мудрец, поскольку

он опытен во всем. Он привел корабль, то есть желание, к острову. Островом, как бы «в пучине помещенным», называется земля, которую отовсюду обходят моря. На этом острове царствует Цирцея, то есть изобилие земных благ, которое зовется *circes*, как бы *circocrisis*, то есть «суд рук»²⁸, ибо об изобилии земных благ судят по трудам рук. Она именуется дочерью Солнца, так как всякое изобилие порождается от семени его, то есть от солнечного тепла, действующего на землю. Она подает питье из злаков, то есть удовольствия от временных благ, от коих сотоварищи Улисса, то есть сотоварищи мудреца, то есть неразумные, превращаются в зверей. Зверь возникает из человека, когда человек, бывший по природе разумным и бессмертным благодаря душе, делается неразумным и смертным из-за чрезмерного услаждения временными вещами. Ведь кто в большей степени зверь, чем тот, кому подходит определение зверя? Кто в большей степени зверь, чем тот, кому присуща природа зверя и кто не имеет ничего от человека, кроме внешности? Превращаются они в разные роды зверей – одни в свиней, другие во львов, иные в собак, иные в лисиц. Это ясно излагает Бозций, говоря: «Если кто грузнет в гнусных и нечистых удовольствиях, подобен свинье; движим яростью – мнится, что носит в себе дух льва; обращается к языку свары – лающий пес; кознодей, радуется тайным коварствам – следует нравам лисы»²⁹. Улисс же, отвергнув наслаждения, остается разумным. О Меркурии, по чьему совету он так поступил, мы скажем в четвертой книге³⁰.

[571] Когда Эней бежит оттуда, то прибывает к Этне. Этна – огнедышащая гора, расположенная высоко над морем. Через гору обозначается высокомерие. То, что гора внутри полна огнем, коим она изнутри сдается, а снаружи сжигает им окрестности, обозначает, что высокомерие, внутри надуваемое зноем гнева, этим зноем сдается, а снаружи изнуряет других людей этим зноем. На этой горе находится Полифем. Под Полифемом, как бы *polimunta femum*, то есть «теряющим славу»³¹, мы понимаем гордеца. Ведь никто не обладает столь великою доблестью, чтобы не потерять славу своей доблести сразу, как начнет ею гордиться. Он одноглазый. Человеку подобает иметь два глаза, то есть рассмотрение вечного и временного. Гордец же обладает только рассмотрением временного. Он пожирает сотоварищей Улисса, когда привлекает к себе неразумных людей. Глаз пронзается острием кола, когда чрезмерное стремление к временному и рассмотрение его подвергается резкой укоризне.

Имя Ахеменида – как бы *acheremenes*, то есть «без радости и веселья»³², то есть уныние; его Улисс бросает, выколов глаз Полифему. Эней, придя к Этне, приемлет Ахеменида. Дух юноши, приходя к высокомерию, приемлет уныние. Он скорбит, встречая какие-нибудь преграды, ибо «он отвергает закон, на все посягает оружием»³³.

Он погребает отца в Дрепане. Дрепан – как бы *drimus pes*, то есть «отроческая резкость»³⁴, то есть гнев, который донимает отроков из-за их чрезмерного пыла. В гневе погребают отца, когда забывают о Боге. Ведь гневливые – почти вероотступники, а погребение есть некое забвение.

Книга четвертая

[1] А ЦАРИЦА и т.д. В этой четвертой книге аллегорически излагается природа молодости, но сначала вкратце передадим рассказ, а потом толкование.

Похоронив отца, он отправляется на охоту. Загнанный непогодой в пещеру, он проводит время с Дидоной и впадает в прелюбодейание. Эту постыдную связь он оставляет по совету Меркурия. Покинутая Дидона, спалив себя дотла, умирает.

Прямым и аллегорическим рассказом описывается природа молодости. Тем, что после похорон отца он отправляется на охоту, обозначается не что иное, как то, что, забыв о Творце своем, он вовлекается в охоту и прочие пустые занятия, как случается в молодости, по слову Горация:

Стража вдали наконец оставив, юнец безбородый
В конях, и псах, и широких полях находит отраду¹.

Буря и дождь загоняют его в пещеру, то есть волнения плоти и приток влаги (*humoris*), происходящей от избыточной пищи и питья, ведут его к нечистоте плоти и вожделения. Эта плотская нечистота называется пещерой, так как помрачает ясность ума и различения. Приток влаги из пищи и питья ведет к нечистоте таким образом. В переваривании участвуют четыре влаги: жидкость, пар, пена, осадок². Когда влаги пищи и питья переварятся в котле желудка, то пар, оттуда происходящий и, как требует природа легкости, поднимающийся, при подъеме и процеживании в артериях разрежаясь, достигает мозга и производит жизненные силы (*animales virtutes*). Жидкость сгущается в членах, осадок извергается нижними протоками, а пена вытекает частью с потом, частью через отверстия чувств. Когда же пены чрезмерно много, что бывает от безудержности в яствах и хмельном, она извергается через мужской член, который ближе всего к чреву, превращенная в сперму, то есть мужское семя. Ведь чрево очищается через ближайший и ниже расположенный член. Поэтому мы читаем, что Венера рождена от морской пены и потому собственно именуется *afroden*³.

[165] Таким образом дождь приводит Энея к пещере; он сочетается с Дидоной и долго с ней пребывает. Он не обращает внимания на постыдную молву, ибо молодость, попавшая в сети влечения, не знает,

что прекрасно, что стыдно, в чем есть и в чем нету нам пользы⁴.

Наконец после долгого беспутства Меркурий склоняет его уйти оттуда.

[222] Под Меркурием иногда надо понимать звезду, иногда красноречие: звезду в той басне, где читаешь, что Венера прелюбодействует с Меркурием⁵, чем подразумевается, что эти звезды в своем восхождении соединяют свои влияния; а красноречие – там, где Меркурий домогается брака с Филологией⁶. Ведь если красноречие не сочетается с мудростью, то мало помогает, а скорее

вредит⁷. Поэтому он изображается как птица или собака, ибо речь бежит быстро. Говорят, что он носит жезл, коим разделяет змей, поскольку он владеет истолкованием, коим отделяет сутяг и испускателей словесного яда. Его называют первоначальником воровства, ибо он обманывает души слушателей. Он покровительствует торговцам, так как они, продавая что-либо, помогают себе красноречием. Поэтому он зовется Меркурием, как бы mercatorum kirios, то есть «богом торговцев»⁸, или же Меркурий, то есть «бегающий посреди» (medius discurrens), или же Меркурий – «забота о торговцах» (mercatorum cura), или же Меркурий – «колесница умов» (mentium currus), поскольку продвигает тщательно продуманные вещи. Потому он называется Гермесом, то есть истолкователем. Ведь hermenia значит «истолкование»⁹.

Он остерегает и порицает Энея, находя, что тот небрежет полезным намерением, так как он

медлен пользу предвидеть, деньгам расточитель прилежный¹⁰.

Порицает Меркурий Энея речью некоего взыскательного судьи (sensoris). Тот оставляет Дидону и отвлекает от влечения. Оставленная Дидона умирает и, спалив себя дотла, уходит из мира. Ведь оставленное влечение убывает и, сменяемое пылом мужественности, уходит в золу, то есть в одиночные помышления.

Книга пятая

[1] В ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ и пр. В этой пятой книге он начинает говорить о природе мужеского возраста. Рассказывается, что Эней устраивает состязания. Корабли сожжены. Ему наказуют спуститься в преисподнюю, дабы увидеть отца. Погибает Палинур.

[114] Отвергнув Дидону, он устраивает четыре состязания в честь своего отца, ибо, отвергнув сластолюбие, он жертвует Богу упражнения четырех добродетелей в мужеском возрасте. Под управлением кораблями мы понимаем воздержность (*temperantia*), управительницу всех влечений. Это состязание идет первым, поскольку в стяжании добродетелей первой надлежит обрести воздержность. Ведь именно она удерживает пороки, а потому необходимо предшествует прочим добродетелям. Воздержность есть управление рассудка в отношении влечения и других неправедных движений духа¹. [362] Под состязанием на цестах, несущих массу свинца, понимай твердость, которая выносит тягость трудов. Ведь твердость есть обдуманное приятие опасностей и перенесение трудов². [291] Под состязанием в скачках и беге, в котором узнается быстрота коней и людей, понимай благоразумие, познающее текучесть и нестойкость изменчивых вещей. В беге одни преследуют, другие убегают: так и благоразумие различает, за чем стоит следовать и от чего убежать. Ведь благоразумие есть различение вещей благих и дурных³. [485] Под состязанием, в котором посылают стрелы вдаль, понимай справедливость, которая удаляет все вредоносное. Ведь справедливость есть добродетель, уделяющая каждому свою почесть при сохранении общей пользы⁴.

[605] Сожжены корабли. Пока совершаются состязания, троянские матери, подстрекаемые Иридой в облике Берои, поджигают корабли, ибо пока дух упражняется в добродетелях, плотские немощи, кои суть троянские жены, отвергая тесные узы и общность, дерзают зноем влечения осквернить честные желания, желающие нестись к Италии, то есть к возрастанию.

Они делают это по наущению Ириды. Через Ириду, разноцветную и стоящую против солнца, обозначается чувство, которое разделено на разные виды и противопоставлено рассудку. Ведь чувство обладает силой воспринимать форму, цвет, горечь, сладость, жесткость, мягкость, плотность, тонкость, стройность или нестройность звуков. Рассудку оно, как представляется, противопоставлено в том, что, по слову Бозция, рассудок схватывает всеобщее, чувство же – только отдельное⁵. Таким образом, под Иридой, многоцветной и стоящей против солнца, мы понимаем чувство, многовидное и противостоящее рассудку. А что чувство противостоит рассудку, свидетельствует Платон в «Тимее», говоря: «противоположная природа противится срастанию и соединению родов»⁶. Наущение чувства разрушает честные желания, так как чувство побуждает нас только к чувственно познаваемому.

В облике Берои. Бероя переводится «порядок истины»⁷, то есть рассудок, который постигает истинный порядок в вещах, когда считает Бога первым, ангела – вторым, человека – третьим, неразумное животное – четвертым, живое, но нечувствительное тело (каковы травы и деревья) – пятым, неодушевленное – последним. В его облике является чувство, когда побуждает к этому [сожжению кораблей], так как его почитают разумным, хотя оно не таково.

[722] Призрак (*imago*) отца наказует ему спуститься в преисподнюю, чтобы увидеть там отца, то есть его побуждает некое умственное представление (*cogitatio imaginaria*), которое есть у него о Боге. Совершенным представлением он обладать не может, ибо Бог неопишуем мыслью. Оно побуждает его низойти помышлением к земным вещам и там увидеть отца, ибо, хотя Он обитает в высях, но из сравнения и из бренности временных вещей можно обрести знание Творца: хотя Он не пребывает в творениях, но отец, то есть Творец, все же познается в творениях. И потому велено ему искать отца в преисподней, хотя он и обитает в высях. О преисподней и о нисхождении скажем в шестой книге.

[840] Тут умирает мореход Палинур. Имя Палинура – как бы *palans poron*, то есть «блуждающий взор»⁸. До сей поры он вел корабли Энея, то есть желания, но когда Энею наказуют увидеть отца, умирает Палинур, то есть отходит прочь блуждающий взор.

Книга шестая

[1] ТАК ОН МОЛВИТ и пр. Так как в этой шестой книге повествуется о нисхождении Энея в преисподнюю, мы первым делом рассмотрим места преисподней и нисхождение, а поскольку Вергилий более глубоко открывает в этой книге философскую истину, мы, толкуя не только общую суть, но и отдельные слова, остановимся здесь надолго.

Пока философия не вошла в силу, учителя богословия отрицали, что преисподняя – нечто помимо человеческих тел¹. А преисподней называли они человеческие тела потому, что не находили ничего ниже их. Ведь из существующего одно – дух, другое – тело, иное – акциденции духа и тела. Тело очевидным образом ниже духа, так как дух – разумный, бессмертный и неделимый, а тело – смертное, неразумное и делимое. Кроме того, дух управляет, тело управляется. Оно ниже и акциденций, так как они бестелесны и, как говорит Бозций², обладают своей неизменяемой субстанцией. Таким образом, тело ниже духа и акциденций. Далее, из тел одни – небесные, другие – бранные. Но кто не видит, что бранные тела, которые разложимы, ниже как по месту, так и по природе? Далее, из бранных тел одни – человеческие, другие – звериные, иные – трав и деревьев, иные – неодушевленные. Человеческое тело ниже прочих: звериного – поскольку телесные блага в том больше, чем в человеческом. Ведь, как говорит Бозций³, мы не превзойдем слонов огромностью, быков – силой, тигров – быстротой. А древесных тел человеческое ниже потому, что дерево, если его обрубить, снова зазеленеет и ветви его распространятся. И неодушевленных ниже человеческое тело. Что среди неодушевленных тел хрупче стекла? Но человеческое тело и его ниже: ведь тело человеческое может погибнуть и от сильного столкновения, и от недуга, и от старости, а стекло – от столкновения, но не от недуга и не от старости. Итак, поскольку нет ничего ниже человеческого тела, то и назвали его преисподней⁴. А когда пишут, что в преисподней души насильственно удерживаются узилищными духами, это значит, что души страдают в телах от пороков.

Четыре реки приписывались преисподней: Флегетон – жар гнева, Лета – беспамятство ума, забывающего о величии своей божественности, Стикс – ненависть, Ахерон – печаль⁵.

Что это части преисподней, правда; а что только они – ложь. Некоторые делят мир надвое, на высший и низший: высший, апланон⁶, по-гречески называется «парадиз», по-латински *ortus*⁷, ибо от него происходят вещи, по-еврейски же Эдем, что мы по-латински можем перевести «отрады», поскольку известно, что здесь отрады для душ. Тот мир, что ниже апланона, то есть нижний, именно эту брannую и нижнюю область, назвали преисподней⁸. В дальнейшем изложении мы покажем, как может существовать в этой области то, что, согласно аллегорическому прочтению, обретается в преисподней.

Нисхождение в преисподнюю бывает четвероякое: одно – по природе, другое – по добродетели, третье – по пороку, четвертое – по искусству. Природное – это рождение человека: ведь благодаря ему душа начинает природно существовать в этой брэнной области и так нисходит в преисподнюю и отходит от своей божественности, постепенно уклоняется к пороку и соглашается с плотскими удовольствиями; но это нисхождение – общее всем. Второе, по добродетели, бывает, когда мудрец нисходит к мирским вещам через их рассмотрение – не чтобы полагать в них свое желание, но чтобы, познав их нестойкость и отвергнув, прямо обратиться к вещам незримым и явственнее познавать Творца через познание тварей. Таким образом низошли в преисподнюю Орфей и Геркулес, почитавшиеся мудрецами. Третье – нисхождение порока, общераспространенное, когда человек приходит к временным вещам и в них полагает все свое желание, им служит всем своим разумом и больше от них не удаляется. Так, как мы читаем, низошла в преисподнюю Евридика. Это нисхождение безвозвратно. Четвертое же, искусственное, – когда какой-нибудь некромант некромантическим искусством благодаря гнусному жертвоприношению добивается собеседования с демонами и их вопрошает о будущей жизни.

В этой книге особо описываются второе и четвертое нисхождения. Ведь согласно истории Эней спустился в преисподнюю последним способом, принес Мизена в жертву демонам, добился их беседы купно с Сивиллой, кумской пророчицей, и вопрошал о будущих происшествиях. Мы покажем второе нисхождение, описанное в иносказательных образах. Прежде чем излагать историю, рассмотрим ее прикровенный смысл в общем виде.

Потеряв Палинура, Эней принимает кормило и [13] приводит корабли к роще Тривии и к позлащенным кровлям. [34] Тут он посылает Ахата к Сивилле, и тот приводит Сивиллу.

Толкование: Оставив блуждающий взор, разумный дух начинает править своим желанием посредством рассудка, который есть кормило, удерживая его от одних вещей и к другим направляя, и тогда приводит корабли к роще Тривии, то есть направляет желание к изучению красноречия. Красноречие есть наука, наставляющая своего читателя в подобающем высказывании мыслей. Она именуется Тривией, поскольку мы вступаем в нее тремя путями, то есть тремя искусствами. Ведь чтобы красноречие было совершенным, прежде всего надлежит уметь говорить без солецизмов и варваризмов; это достигается благодаря грамматике. Затем надлежит уметь доказывать или опровергать что-либо; это достигается благодаря диалектике. Еще необходимо уметь убеждать или разубеждать. Слушатели могут что-то понимать благодаря грамматически правильной речи, быть уверены в этом благодаря диалектическому доказательству, однако не хотеть этого: поэтому необходимо и риторическое убеждение. Таким образом, грамматика – начало красноречия, диалектика – его продвижение, риторика – завершение, и потому красноречие именуется Тривией. Рощи ее, в коих она обитает, суть те искусства или книги, в коих преподается эта наука. А золотые кровли суть четыре математических искусства, в коих заключается

философия, понимаемая под золотом. Сюда приходит Энеев корабль, то есть желание Энея прилепляется, сперва к грамматике, а затем по порядку к прочим. Ахат толкуется как бы а *chere ethis*, то есть «печальное обыкновение»⁹. Ведь а значит «без», *chere* – «веселье», *ethis* – «нрав» или «обыкновение». Это прилежание, ибо оно – обыкновение, и печальное. Посему оно определяется так: «Прилежание есть пылкая и усердная склонность духа делать что-либо с величайшим желанием». Ведь что такое усердие, как не обыкновение? Что такое пылкость, как не печаль? Сивилла же – как бы *scibule*, то есть «божественный совет»¹⁰, под коим мы понимаем разумение (*intelligentia*), которое именуется «советом», так как его посредством человек советуется с собой. А «божественным» оно называется, поскольку разумение есть не что иное, как постижение божественного. Ахат, посланный в рощи, ведет Сивиллу, так как прилежание, упражняемое в искусствах, приводит разумение.

После этого предварения приступим к букве поэмы.

[1] ПЛАЧА¹¹: Эней плачет об утрате Палинура. Он привык подчиняться блуждающему взору, а привычка – как бы вторая природа¹², поэтому не без труда он переносит эту потерю. Ведь кому отраднo употребление, тому печальна утрата. ФЛОТУ: то есть множеству кораблей, то есть желаний. БРАЗДЫ: бразды – это орудия, которые иногда отпускают, иногда натягивают; следовательно, кормило корабля – это рассудок, управляющий желанием. Его бразды удерживают желание от недозволенного, то есть корабль от опасностей, и он гонит корабль к гавани, то есть к доброй цели.

[2] НАКОНЕЦ¹³: после долгих трудов. К ЕВБЕЙСКИМ: Евбея – это область со множеством городов, среди коих и Кумы, где обитает Сивилла. Евбея значит «добрый звук»: ведь *eu* – «доброе», *boos* – «звук», отсюда *boare* – «звучать». Это – знание, ибо знание есть восприятие постижимых вещей. У него четыре части: мудрость, красноречие, поэзия, механика (*mechania*). Каковы мудрость и красноречие и какие у них части, мы скажем в другом месте¹⁴. Механика – это знание человеческих работ, служащих телесным нуждам. У нее семь частей: ткачество, вооружение, кораблевождение, охота, земледелие, сценическое дело, медицина. Поэзия – это наука поэтов, имеющая две части, стихотворство и прозу. Каждый вид науки или отдельное искусство есть один из городов Евбеи. На Евбее есть город КУМЫ: греческое *sime* по-латински значит «честные жилища»¹⁵. Это философские искусства, которые именуется жилищами, ибо в них живет Сивилла, то есть если кто-то их изучает, обретает разумение. А честными они именуется ради отличия от механических искусств, кои именуется механическими, то есть «прелюбодейскими»¹⁶.

[3–6] ОБРАЩАЮТ К МОРЮ НОСЫ¹⁷: то есть противопоставляют желания влечению плоти и волнению временных вещей. ПОТОМ ЦЕПКИМ ЗУБОМ: так как он сказал, что Эней и энеады, то есть дух и духовные свойства, противопоставляют свои желания влечению плоти и волнению временных вещей (а это весьма трудно), он показывает, как это возможно, как бы говоря: они смогли обратить к морю носы, так как ЯКОРЬ и т.д.: в этом месте мы под якорем пони-

маем то же самое, что у Бозция, когда он говорит: «еще держатся якоря»¹⁸. В самом деле, и здесь и там под якорем понимается надежда¹⁹. Надежда – это ожидание будущих благ, справедливо обозначаемое через якорь, ибо как это орудие не позволяет кораблю смещаться, так надежда не дает желанию колебаться. Ведь говорится: «Добрая надежда дает силы»²⁰. УКРЕПЛЯЕТ КОРАБЛИ: делает желания устойчивыми. Ведь когда человек ждет будущего воздаяния, он неуклоннее предается своим трудам. ЗУБОМ ЦЕПКИМ: верным желанием воздаяния. БЕРЕГА: Выход из моря и вступление в гавань есть уход от плотского влечения и волнения временных вещей и начало прилежания; это называется берегом. ИЗОГНУТЫЕ: наклонные и расположенные. КОРМЫ: [корабли] везде означают желания. Заметь порядок: сначала корабли повернуты к морю, потом подведены к берегам, так как сначала должно противопоставить желания плотским влечениям, потом подвести их к началу прилежания. СОНМ ЮНОШЕЙ: множество мужественно действующих и отважных. ПЫЛКИЙ: жаром доблести. БЕРЕГ: начало прилежных занятий. ГЕСПЕРИЙСКИЙ: ясный. Геспер – наияснейшая звезда, столь великой светлостью, как говорит Марциан²¹, превосходящая другие, что кроме двух светил, солнца и луны, лишь она испускает такое сияние. Ведь если видеть ее ясной ночью, в отсутствие луны, затмевающей ее ясность своею, то она испускает лучи и производит тень. Поэтому у латинян она именуется Люцифер, а у греков Fosforos, то есть «несущая свет». Ибо она светла, луна еще светлее, а солнце – самое светлое. Итак, под этой звездой надо понимать поэзию, которая светла сравнительно с механикой, как эта звезда в сравнении с другими. Красноречие светлее поэзии, а светлее всего философия. Итак, в этой книге под этой светлой звездой понимай светлую поэзию, под более светлой луной – более светлое красноречие, под светлейшим Фебом – светлейшую философию. Таким образом, гесперийский берег – начало поэтических занятий.

[6–8] СЕМЕНА²²: искры. Говорят, что в этом месте Вергилий полагает, что камню присущ природный огонь. Справедливо мнение, что некоторые творения состоят из всех четырех стихий: так, человек из огня имеет желчь, из воздуха – кровь, из воды – флегму, из земли – черную желчь; также из огня – тепло, из воздуха – дыхание, из воды – питье, из земли – пищу²³. А некоторые вещи составлены не из всех стихий, а только из двух или трех: так, если бы камни имели что-то от огня, у них от природы была бы мягкость; а если что-то от воздуха, они бы вдыхали и выдыхали. А вот свойства земли и воды мы в них обнаруживаем, ибо знаем, что камни холодны и тяжелы. Здесь говорится, что пламень СОКРОВЕННЫЙ, то есть запятанный, в ЖИЛАХ КРЕМНЯ, ибо при столкновении кремней видно, как выходят искры, поскольку они происходят от столкновения, когда воздух, захваченный между двумя резко сталкиваемыми телами, от силы столкновения нагревается и блестит. ЧАСТЬ: следует заметить, что, в то время как сотоварищи Энея заняты – часть добыванием огня, часть опустошением звериных жилищ, часть поиском рек, – Эней поспешает к храму Аполлона. Ибо пока одни служат жару влечения, другие разыскивают временные блага, иные любят влагу опьянений и пирований, разумный дух

предается лишь прилежному исследованию мудрости. Ведь по прикровенному смыслу под семенами пламени мы понимаем начала и причины разнуданности, которыми являются гнусные помышления распущенного духа. Поэтому они называются сокровенными в жилах кремня, то есть скрытыми в глубочайших мыслях людей неблагоразумных. А ЖИЛИЩА ЗВЕРЕЙ суть временные блага, в коих находятся звери, то есть люди, превращенные пороком в зверей. Ведь гневливые – как львы, нечистые – как свиньи, сварливые – как собаки. Эти жилища опустошают алчные люди.

[9–13] БЛАГОЧЕСТИВЫЙ²⁴: так как благочестие присуще ему по природе. АПОЛЛОН: На деле Аполлон был некий мудрец, весьма преуспевший в медицине и открывший методику, то есть лечение музыкой (*carminalem medicinam*), и песнями врачевавший недуги²⁵. Его детьми называют Цирцею и Эскулапия, бывших его подражателями. Цирцея изобрела хирургию, то есть лечение, которое прибегает к прижиганиям, разрезам и другим действиям рук. Потому оно и называется *сiurgia*, то есть «дело рук»²⁶. Аллегорически через Аполлона изображается мудрость. Потому говорится, что ему сопутствуют Музы. Девять Муз сопровождают мудрость: Клио, помышление об учении; Полигимния, память об удержанном; Терпсихора, отрада от занятий; Эрато, нахождение подобных; Мельпомена, помышление настойчивости; Талия, подательница способности; Каллиопа, наилучший голос; Евтерпа, пристойно услаждающая; Урания, небесная, то есть разумение²⁷.

Одни говорят, что Сивилл десять, другие – что три: Герофила, дочь Марменса²⁸, которая, говорят, продала Тарквинию свои книги о судьбах римлян; Кассандра, дочь Приама; Деифеба, дочь Главка, к которой и пришел Эней, согласно исторической истине, как написал Дарет²⁹. Под этой Сивиллой, как мы показали выше, следует понимать разумение.

ТВЕРДЫНИ: теология, математика, физика, которые господствуют в знании над всеми прочими искусствами. ВЫСОКИЙ в сравнении с поэзией, механикой, красноречием. Или же высокой именуется философия, поскольку посредством теологии постигает высокое. ПРЕДСЕДИТ, то есть мудрость предсидит теории, а именно теологии, математике и физике. Она им предсидит таким образом, что в мудрости заключаются теоретические искусства и все теоретическое исследуется ради мудрости. Ведь есть четыре зла, удручающие человеческую природу: неведение, порок, неопытность в речах, нужда. Этим четырем бедствиям противопоставлены четыре блага: неведению – мудрость, пороку – добродетель, неопытности в речах – красноречие, нужде – необходимость. Для достижения мудрости изобретено теоретическое наставление; для добродетели – поэтическое; для красноречия – наставление в красноречии; для необходимости – механика. Таким образом Аполлон предсидит теоретическим искусствам. УЖАСНОЙ: поскольку разумение открывает божественные предметы, то быстро внушает нам изумление их тайной природой и ужас от них. Посему Сивилла и нарицается Деифебой, то есть общим страхом перед философией. А ее ГРОТ – это глубина философии. ТАИЛИЩЕ: поскольку она доселе неведома

Энею. ОГРОМНЫЙ, поскольку философия неистошима. Ведь чем глубже мы исследуем философию, тем более глубокой ее признаем. Потому у Боэция говорится: «неистошимой силы»³⁰. КОЕЙ Сивилле ДЕЛОСЕЦ, то есть ясный³¹, то есть мудрость, ВДЫХАЕТ, то есть внедряет через наставление, РАЗУМ, то есть различение. ПРОРОК (поскольку это мудрость) ОТКРЫВАЕТ БУДУЩЕЕ: ведь сообразно увиденному в настоящем познает будущее. Если кто видит бесплодие земли, то предсказывает будущий голод и тому подобное. УЖЕ ВСТУПАЮТ Эней и некоторые из его сотоварищей.

[14–34] ДЕДАЛ³²: Так как Вергилий сказал, что Эней вступил в рошу Тривии, то есть в занятия красноречием, то и показывает, как это совершается. А совершается это через науку об авторах. Ведь поэты – это введение в философию, потому их книги Макробий называет «колыбелями кормилиц»³³. Здесь вкратце изложен рассказ о Дедале. Вне Аполлонова храма были изображены истории и басни, созерцаемые входящими в храм. Храм Аполлона – это философские искусства: намеревающимся войти в них подобает сперва осмотреть картины, написанные раньше, то есть заняться историями и баснями; вот почему входящие в портик созерцают написанные истории и басни. ДЕДАЛ, КАК ГОВОРИТ МОЛВА: согласно писаной истории, Дедал был некий мудрец, который, хотя искусный в иных науках, в механике был сильнее всего. О нем мы читаем, что он создал корову для царицы Пасифаи, которая, заключившись в ней, была осквернена быком. Этим обозначается, я полагаю, то, что он сделал комнату в виде коровы, где ее и обесчестил юноша по имени Тавр³⁴. Затем Минос, видя в нем такую премудрость, заключил его в цепи, то есть связал обязанностями. Дедал, видя, что связан цепями, то есть обязанностями, отправившись воздушными путями НА КРЫЛЬЯХ, достиг Аполлонова храма, то есть, проходя возвышенное созерцание рассудком и разумом, перенесся к философским занятиям и там ПОСВЯТИЛ ВЕСЛО КРЫЛЬБЕВ, то есть упражнение рассудка и разума. ПОПЛЫЛ, то есть улетел, К ХЛАДНОМУ АРКТУ, исследуя посредством философии, почему Аркт холоден, и другие звезды познавая астрономическими средствами. ОГРОМНЫЙ ХРАМ: искусства, теоретические или какие-либо философские. НА ДВЕРЯХ: то есть при входе в искусства, а именно в [изучении] авторов. СМЕРТЬ АНДРОГЕЯ: Басни, что вне храма, символизируют все басни поэтов, и потому их не следует толковать аллегорически³⁵. НАПРОТИВ СТОИТ: [Крит] стоит против Афин. ПАМЯТЬ: знак. ТРУД: Отсюда и название «лабиринт», как бы «труд внутри». ВСЁ: все развлекательные басни авторов ПРОСМОТРЕЛИ БЫ Эней и те, кто с ним подходил к храму, кто намеревается прийти к философии.

[34–37] АХАТ³⁶: здесь надо заметить, что Ахат отдален от общества Энея с того времени, как началась его связь с Дидоной. Ибо все то время, как Эней жил с Дидоной, Ахата с ним не было. Когда же Эней идет в преисподнюю, Ахат снова делается его спутником. Этим явно символизируется, что когда Эней удерживает сластолюбие, он бросает занятия; когда же он обращается к размышлению о вещах, занятия возобновляются. ПОСЛАННЫЙ ВПЕРЕД: после того как Эней прибыл к берегу, через рошу и под золотые кровли он посылает

Ахата к Сивилле. По приходе она застаёт Энея за рассматриванием картин и ведет его в храм. Этим показан полезнейший и подобающий порядок наставления, если кто тщательно наблюдает за степенями наставления. Сперва он приходит от моря к гесперийскому берегу, то есть от плотского влечения и волнения временных вещей к началу поэтических занятий; он предаётся этому до тех пор, пока его вышколенный дух не сможет легко постигать более трудные предметы на греческом, латинском языке или еще каком-нибудь. И сразу от берега – в рощи Тривии, то есть от начала поэтических занятий следует входить в искусство красноречия, чтобы на языке, который он благодаря этому занятию уже надлежащим образом понимает, умел и говорить сообразно грамматике, и доказывать сообразно диалектике, и убеждать сообразно риторике. Тогда он должен послать Ахата под золотые кровли, чтобы тот привел Сивиллу, то есть упражнять прилежание в квадривии, чтобы снискать разумение. Ведь эти искусства снова просвещают око ума, замутненное телесными чувствами. Тут надлежит прийти к портику храма и рассмотреть картины. Кто приступает к авторам, будучи наставлен в тривии и квадривии, тот через разумение, добываемое благодаря квадривию, легко понимает в них и грамматические конструкции, и диалектические доводы, и риторические речи. ЖРИЦА: так как она открывает положения и красноречия, и философии. ЦАРЮ: так как дух господствует и правит плотью. НЕ ТАКИХ: Когда Эней слишком долго занимается изучением поэзии, преданный ее уладам, разумение порицает его, призывая к иному. Час: твой возраст.

[38–39] СЕМЬ ТЕЛЬЦОВ³⁷: тельцы, которые тянут в разные стороны, суть семь движений, ведущих тело в разном направлении: движение вперед, назад, вправо, влево, вверх, вниз, по кругу. Их надлежит ЗАКЛАТЬ, то есть обуздать и некоторым образом умертвить и рассечь тело в некоем месте. Мы также понимаем семь ОВЕЦ как семь членов тела, а именно, две руки, две ноги, голова, грудь и срамное место³⁸. Ведь под овцами мы справедливо понимаем тела, склоненные к земле и неразумные, не обладающие никакой зоркостью мышления, в то время как под козами, бредущими ввысь и зорко видящими, во многих местах понимаются души, созерцающие высокое и ясно его различающие³⁹. Следует заклать овец прежде, чем мы придем в храм, то есть прежде, чем мы приступим к искусствам, обуздать и умертвить плотские члены, и от СТАДА НЕТРОНУТОГО, то есть от неиспорченного множества помышлений. ОТОБРАННЫХ ОВЕЦ: главные члены.

Иначе мы можем понять это так, что семь быков, возделывающих землю, суть семь добродетелей, изнуряющих плоть, а семь овец – семь добродетелей простоты и кротости. Семь добродетелей, изнуряющих плоть, это воздержность, умеренность, трезвость, непорочность, бережливость, скромность, стыдливость. Воздержность – не упреждать установленного часа трапезы. Умеренность – властью рассудка удерживать неумеренное стремление к еде. Трезвость – обуздание чрезмерности в питье. Непорочность – самообладание, сдерживающее движение сладострастия управлением разума. Бережливость

– не превышать меры в насыщении. Скромность – умеренность в убранстве тела и в украшениях. Стыдливость – удерживать позорные и излишние слова. Это семь быков, пашущих землю, то есть удручающих плоть. Их подобает ЗАКЛАТЬ, то есть посвятить и принести, и от СТАДА НЕТРОНУТОГО, то есть от чистого множества добродетелей.

Семь других, потому называемых овцами, что относятся к простоте и кротости, суть следующие: невинность, дружелюбие, согласие, благочестие, набожность, любовь, человеколюбие. Невинность – это чистота духа, отвращающаяся от причинения любой несправедливости. Дружелюбие – это взаимное благоволение в отношении равного. Согласие – это добродетель, связывающая сограждан и соотечественников в общности установленного права и добровольного сожительства. Благочестие – благодаря чему благожелательная услужливость и усердное почтение воздаются связанным по крови и по отечеству. Набожность – та, что совершает попечение и справляет обряд для некоей высшей природы, которую называют божественной. Любовь – это благоволение в отношении низших. Человеколюбие – это то, что поднимает дух над враждебностью к притеснителям. Этих овец разумение понуждает принести в жертву.

[40–44] ОБРАТИВШИСЬ⁴⁰: Сивилла обращается к Энею, когда разумение побуждает дух к чему-то иному. МУЖИ: так как они мужественно действуют. ТЕВКРОВ: по совершении такого жертвоприношения ЖРИЦА (ибо она открывает божественное) ЗОВЕТ ТЕВКРОВ В ВЫСОКИЕ ХРАМЫ, то есть приглашает усердных к философским искусствам. ВЫСЕЧЕН: Вергилий излагает топографию, аллегорически описывая философию, так как говорит, что к ней Сивилла призывает Энея. В СКЛОНЕ: некоей части ЕВБЕЙСКОЙ СКАЛЫ, то есть философии, ВЫСЕЧЕН, то есть отделен, ГРОТ, то есть глубина. Скалами называется философия – не само знание, а искусство. Философские искусства потому именуется скалами, что они несокрушимы. Ведь философские искусства обладают такой целостностью, что ни одно их положение не может быть ошибочным. Потому Боэций говорит: «одежды философии, созданные из нерасторжимого материала»⁴¹. Эти скалы именуется евбейскими, поскольку находятся на Евбее, то есть в знании⁴². Часть евбейской скалы, то есть часть философских искусств, – теоретическая, другая часть – практическая. Та часть философии, то есть теоретическая, таким образом высечена, то есть отделена в себе. Она делится на теологию, математику и физику. Теория рассматривает то, чего практика исследовать не может, то есть бестелесное. И так как есть три рода бестелесных вещей, то и три вида теоретического созерцания. Первый род бестелесных вещей – совсем удаленный от тел: в этом роде Творец, Его премудрость, мировая душа, ангел, и все это теория рассматривает посредством своего первого вида, теологии, почему она так и названа, теология, то есть рассуждение о божественном. Второй род – то бестелесное, которое касается тел, в отношении множества и величины; это рассматривает второй вид теории, математика. Третий вид теории постигает третий род бестелесно-

го, то есть физика – природу вещей. Теология созерцает незримые сущности, математика – зримые количества зримых вещей, физика – незримые причины зримых вещей. Таким образом, теория высечена в три вида и уходит в грот, то есть в глубину. Высокой и глубокой именуется философия: высокой, как выше сказано, в сравнении с поэзией и прочими искусствами⁴³, или же высока она потому, что созерцает божественное; глубока – поскольку оказывается неисчерпаемой. Теория же потому называется пещерой Сивиллы, что Сивилла, то есть разумение, есть постижение тех вещей, что созерцаются теорией, и в этой теории находится постижение божественного, то есть разумение. ГДЕ: подле грота. Входы в грот суть науки, преподаваемые наставниками; их СТО, поскольку они бесчисленны. Ведь каждое учение каждого из стоиков, перипатетиков, платоников, пифагорейцев и всех прочих есть некий вход в философию. УСТИЙ: это эпексегесис⁴⁴. СТО: несметные. ОТКУДА: от этих устий. ГОЛОСОВ: то есть познаний. Следует заметить, что в этом месте указано двойное служение мудреца, а именно – давать совет просящим и наставлять не просящих. Совет, данный просящим, Вергилий обозначает словом ОТВЕТОВ, наставление не просящих – ГОЛОСОВ.

[45–47] ПОРОГУ⁴⁵: желанию познавать. ДЕВА: так как она не касается никакой нечистоты. СУДЬБЫ: Судьба – это временной исход предвиденных дел⁴⁶; мы читаем, что Судеб три⁴⁷, и имена и занятия у них подобающие. Одна из этих богинь – Клото, что переводится «призывание»; ее занятие – держать прялку. Под ней мы понимаем порождение. Порождение – это вход в сущность, то есть в начало сущности вещи, и оно именуется призыванием сущности, поскольку призывает вещь от небытия к бытию. Держит прялку, так как поддерживает начало человеческой жизни, от которого ведется череда всей жизни, как нить с прялки. Вторая – Лахесис, чье занятие – тянуть нить, то есть вести жизнь от начала. Она представляет собой изменение, то есть движение от одного возраста к другому, от меньшего к большему, от большего к меньшему. Например, когда человек рождается, то происходит продвижение от меньшего к большему. Ведь члены, поначалу крохотные, с возрастом увеличиваются. И духовные способности он поначалу имеет не все: какой рассудок, какая память в младенчестве? А в юности их обретают, и так происходит движение от меньшего к большему, продолжающееся до возмужалости. А от возмужалости до старости постепенно совершается убыль и телесной силы, и духовных способностей, и таким образом движение от большего к меньшему, и потому это именуется Лахесис, то есть «изменение». Последняя – Атропос, чье занятие – перерезать нить, то есть оканчивать череду жизни, под которой мы понимаем разложение, то есть смерть. Поэтому она и зовется Атропос, то есть «без поворота», так как «плоть падет возникшая, не восстанет падшая»⁴⁸. Следственно, ВОПРОШАТЬ СУДЬБЫ значит философски исследовать, откуда в вещах порождение, изменение и разложение. СЕ БОГ: Так как она убеждала спрашивать судьбы, то показывает, у кого. Ничего удивительного, что разумение говорит: «се Бог», ибо разумение есть постижение божественного.

[46–55] РЕКУЩЕЙ ПРЕД ДВЕРЬМИ⁴⁹: научающей перед входом. Говорит-ся, что она увещевает перед дверьми, поскольку таким увещеванием разумение побуждает вступающих войти⁵⁰. ЛИЦО: та часть, по которой узнают личность. Лицо Сивиллы – это бесконечные действия разумения, то есть бесконечные понятия о бесконечных вещах. ЦВЕТ: красота. НЕ ТОТ ЖЕ: более того, бесконечен. Ведь чем больше из нее почерпают, тем она кажется прекраснее и так сообразно способности разных людей обладает бесконечной красотой. ВОЛОСЫ: тонкие суждения, как бы нежные власы. НЕ УБРАННЫЕ: не окрашенные. Ведь разумение, обладая природной красотой, не ищет украшения в риторических расцветках. Ведь если кто обращается к созерцанию бестелесного, как, например, к математическим теоремам и теологии, то есть божественному писанию, где наипаче действует разумение, то едва ли найдет там украшение расцветок. Риторические украшения изобретены, чтобы украшать риторические или поэтические, а не философские речи, коих украшением служит их безупречность. ГРУДЬ разумения – грудь, в которой пребывает разумение; ЗАДЫХАЕТСЯ от жара и желания познавать. НЕИСТОВСТВОМ: Прилежное занятие, или досуг, называется неистовством, потому что таковым считают его невежды. ДИКИМ, то есть суровым. Дикость – это порок, смежный с добродетелью суровости, и потому упомянут здесь вместо суровости. НАБУХАЕТ: изобилует. ВЫШЕ: Так как она вела речь на человеческий лад, а теперь намеревается говорить на божественный, то кажется выше. Как Бозций, описывая философию, говорит, что стать ее переменчива – «ведь она то охватывалась общей всем людям мерой, то касалась небес»⁵¹ – так и в этом месте надо понимать о Сивилле. Общей всем людям мерой охватывается философия и разумение, когда объясняет то, что открыто чувствам. Ведь разумение, как говорит Бозций⁵², охватывает все то, что охватывают низшие познания духа, то есть чувство, воображение и рассудок. Чувство потому именуется общей всем мерой, что оно общее всем одушевленным существам. А неба касаются, когда созерцают божественное. Итак, Сивилла – человеческая, когда она постигает чувственное или подлежащее рассудку; а выше она, то есть божественная, когда постигает то, чего человеческая природа ни чувством, ни рассудком не воспринимает. Таковы, доподлинно, понятия о божественном и о будущем исходе дел. Когда она собирается их возвестить Энею, то кажется выше. Ведь она предсказала будущие войны, как мы объясним в подобающем месте⁵³. ЗРИТСЯ: Она казалась. НЕ ПО-СМЕРТНОМУ ЗВУЧИТ, то есть не человеческое вещает: она рассказывает прошлое, настоящее и будущее, а так как разумение открывало ему будущее, то вещало не человеческое, а божественное. Ведь таким порядком будет излагаться божественное, поскольку знать и возвещать будущее – это свойство божественное. Поэтому предведение будущего называется дивинацией, то есть «божественным знанием».

ОВЕЯНА: воспламенена БОЖЕСТВОМ: Божество именуется как бы «манием бога»⁵⁴. А манием, то есть божественной волей, воспламеняется разумение, так как без этой воли разумение не подступится к таким предметам. ПРИБЛИЖАЮЩИМСЯ. Больше знать значит приближаться к Богу. МЕДЛИШЬ:

Разумение побуждает Энея приносить обеты, то есть просьбы и мольбы. Как говорит Платон в «Тимее»⁵⁵, в величайших и малейших делах следует призывать божественную помощь. Ведь если не позволит божественный дар, человеку не достичь познания. ВХОДЫ ПОТРЯСЕННОГО ДОМА: двери искусств, то есть различные учения. НЕ РАЗВЕРЗНУТСЯ: то есть не станут известны прежде обетов; ведь если кто не желает учиться⁵⁶, то духа, учащего внутри, не имеет, а если нет наставляющего внутри, впустую трудится язык учащего. УМОЛКЛА: завершив увещание. Ни к чему не призывает разумение сильнее, чем чтобы мы желали блага и добивались желаемого мольбою.

[56–57] О ФЕБ⁵⁷: Молитву Энея вслед за Сивиллиным понуждением следует скорее понимать буквально, хотя в какой-то мере она относится к прикровенному смыслу. СОСТРАДАВШИЙ: Феб при помощи Нептуна воздвиг город [Трою]. Ведь Лаомедонт благодаря своей мудрости ее основал и благодаря слиянию морей стяжал себе торговлей много нужного. ДАРДАНСКИЕ: В книгах поэтов написано, что Аполлон рукой Париса умертвил Ахилла. Дарет Фригийский пишет⁵⁸, что по смерти Гектора греки и фригийцы взяли долгое и прочное перемирие, так что фригийцы могли выходить к данайскому стану, а данаи – входить в город. Случилось, что в день, как фригийцы справляли ежегодные поминки по Гектору, Ахилл вместе с Антилохом, Несторовым сыном, вошел в город, чтобы видеть жертвоприношение, и, увидев там царскую дочь Поликсену и полюбив ее, обещал, что если ему ее отдадут, он уведет войско в Грецию или будет помогать противу греков. Гекуба, хитрейшая женщина, попросила беседы с ним в Аполлоновом храме, во время которой Парис, спрятавшийся с множеством людей за изваянием Аполлона, в отмщение за брата послал стрелу и убил Ахилла; потому говорится, что Аполлон рукой Париса убил Ахилла. Если уразумеем это аллегорически, то пойдем под Фебом Самого Создателя, присно сострадавшего трудам Трои, ибо Он делает так, что труды тела проходят, и питает тело Своими благодеяниями. Он также убил Ахилла рукою Париса. Ахилл – как бы *acherelaos*, то есть «тяжелая печаль»: ведь а значит «без», *chere* – «веселье», а *laos* – «камень». А Парис собственно толкуется как «чувство»⁵⁹. Стрелы Париса – это лучи двух глаз, коими убит Ахилл, то есть уничтожена печаль.

[58–62] ВОДИТЕЛЬСТВОМ⁶⁰: защитой. МОРЯ: волнения временных вещей и плотские влечения, ОМЫВАЮЩИЕ ЗЕМЛИ: обходящие тела, преданные земному. ПЛЕМЕНА МАССИЛОВ: множества пороков. НИВЫ: члены тела. СИРТАМИ: притягательными опасностями. Ведь Сирты – это водовороты, под которыми мы понимаем пороки. ИТАЛИИ: возрастания; УБЕГАЮЩЕЙ: ведь никто в этой жизни не может достичь высшего возрастания. ДОСЕЛЕ ТРОЯНСКАЯ ФОРТУНА: судьба плоти; здесь *тмесис*⁶¹.

[63–64] ПЛЕМЯ⁶²: духовные способности, чьи дома во граде Троянском, то есть в теле: в передней ячейке остроумие, в средней рассудок и прочее. Дома духовных способностей мы обозначили выше⁶³. БОГИ И БОГИНИ: добродетели и знания, или богини Паллада и Юнона. Ведь написано, что три богини,

Юнона, Паллада и Венера, пришли к Парису, дабы он рассудил, какой из них причитается золотое яблоко⁶⁴. Под Палладой мы понимаем созерцательную жизнь, под Юноной – деятельную, под Венерой – наслаждение, под золотым яблоком – высшее благо, как из-за материи, так из-за формы: из-за материи – поскольку как золото превосходит все металлы, так это благо – все иные; из-за формы – поскольку как эта форма не имеет ни начала, ни конца, так и это благо. Справедливо именуется оно яблоком, ибо от честного труда ждут плода. Но это яблоко – предмет спора, какой из богинь его взять. Ведь одни предпочитают созерцательную жизнь, как философы; другие – деятельную, как политики; иные – сластолюбивую деятельной и созерцательной, как эпикурейцы. Парису кажется красивее Венера, ибо чувство ценит созерцание и действие ниже наслаждения, и за это Паллада и Юнона мстят Трое. Ведь для чувства прекрасно – утопать в наслаждениях, и тягостно для плоти – созерцать или действовать. **НЕНАВИСТЕН**: то есть противится.

[67–68] **ЦАРСТВА**⁶⁵: добродетели, в коих царит дух. **СУДЬБАМИ**: то есть исходами дел. В **ЛАЦИИ**: то есть возрастании; ведь одно и то же – Лаций и Италия. **ТЕВКРАМ**: духовным способностям. **БОГАМИ**: в буквальном смысле – Минервой и Кибелой, коих он принес в Италию. Минерва, как бы «среднее» или «внутреннее помышление», есть мудрость, чья обитель в мозге. Ведь есть три вещи, делающие мудрость совершенной: остроумие, то есть способность открывать; рассудок – способность распознавать открытое; память – способность сохранять. В мозгу же есть три ячейки, которые иные называют желудочками: первая, передняя, в которой упражнение остроумия; вторая, средняя, в которой способность рассудка; третья, задняя, в которой способность памяти⁶⁶. Поэтому премудрость называется внутренним помышлением. А имя Кибелы – как бы *cubele*, то есть «плотная земля», единственная из четырех стихий плотная. Это оттого, что она окружена тремя остальными, то есть водой, воздухом, огнем. Плотному свойственно быть окружаемым и сжимаемым, поэтому огонь, ничем не окружаемый, разрежен и тонок, а воздух, сжимаемый огнем, более густ; вода же, сжимаемая ими обоими, то есть огнем и воздухом, еще гуще; а земля, сжимаемая всеми тремя, то есть водой, воздухом, огнем, гуще всего, то есть плотна⁶⁷. Поэтому Платон в «Тимее» говорит, что нет никакой плотности без земли⁶⁸. Из-за камней и высоких зданий [на земле] говорится, что эта богиня [Кибела] носит венец с башнями⁶⁹. Она – мать Цереры, Вакха и Палес. Ведь Церера – это природная сила, производящая злаки; Вакх – природная сила земли, производящая вино; Палес – сила земли, производящая пастбища. Минерву и Кибелу, то есть упражнение мудрости и земледелие, согласно истории, принес в Италию Эней. Применительно к внутреннему разумению **БОГАМИ** именуются здесь внутренние способности духа, а **БЛУЖДАЮЩИМИ** – поскольку в первых возрастах они блуждали. **ГОНИМЫЕ** плотскими волнениями.

[69–70] Доселе были молитвы, а далее он обещает **ФЕБУ**⁷⁰, то есть мудрости, и **ТРИВИИ**, то есть красноречию, **ХРАМЫ**, то есть сбережения памяти. **ИЗ МРАМОРА**: он отмечает происхождение памяти. Ведь остроумие и память

разного происхождения. Остроумие огненной природы, а память происходит от холода⁷¹. Ведь всякая быстрота приобретается от огня, почему сангвиники, как мы видим, хотя и тучны, но быстры. А остроумие – это быстрота в улавливании познаваемого, и происходит оно от тепла. Напротив, память – медлительность и удержание познанного. Ведь всякая медлительность происходит от холода. Это различие в происхождении аллегорически отмечает Марциан⁷², когда говорит, что Урания пребывает в апланоне, то есть способность улавливать – в огне, а Полигимния – в Сатурне, то есть великая память – в холоде⁷³. Это же отмечается там, где говорится: ХРАМЫ ИЗ МРАМОРА, то есть сбережения памяти – от цепкого холода.

[71–74] ТЕБЯ ТАКЖЕ⁷⁴, о разумение. ЧЕРТОГИ: глубокие хранилища. В НАШЕМ ЦАРСТВЕ: пока мы будем царить, властвуя над пороками. ЗДЕСЬ: в этих хранилищах памяти. ЖРЕБИИ: прорицания. ТАЙНЫЕ СУДЬБЫ: сокровенные божественные установления. ИЗРЕЧЕННЫЕ: тобою открытые. А как они будут открыты, явствует из дальнейшего. НАРОДУ: содружеству. Ведь все, что она скажет Энееву духу о грядущих вещах, скажет также его сотоварищам, то есть духовно живущим. ИЗБРАННЫХ: чистых от пороков. БЛАГОДЕТЕЛЬНАЯ: поскольку она от божественной субстанции и постигает божественное. МУЖЕЙ: Следует заметить, что мужи, а не отроки, не юноши и не старцы, посвящены разумению. В первых возрастах – избыток тепла, а в старости – избыток холода и влаги. В мужеском же возрасте есть умеренность, и потому первые возрасты не понимают из-за чрезмерной мягкости, а последний – из-за чрезмерной жесткости; а умеренный мужеский возраст понимает. Поэтому Платон говорит, что человеческий возраст подобен воску, который, будучи слишком жесток или мягок, не принимает оттиска; если же умеренный, то оттиснутые черты в нем держатся.

[74–76] ЛИСТАМ⁷⁵: непостоянным и скитающимся учителям, которые бродят и блуждают. ПЕСЕН: твоих наставлений. ВЕТРАМ: порокам непостоянства. Сивилла предает песни листам, поскольку разумение наставляет нас своими наставлениями через непостоянных учителей. САМА же она поет, когда научает нас своим вдохновением. ПОЙ: вдохновляй. КОНЕЦ: ведь этого одного зыскует дух – разумения.

[77–82] НО ФЕБА⁷⁶: Начинает показывать, как она себя ведет, а потом – какое будущее предсказывается разумением. ПРОРОЧИЦА Феба, так как она открывает философские предметы. ЕЩЕ НЕ ТЕРПЯ: еще не успокаиваясь: ведь чем больше знает, тем больше жаждет. НЕИСТОВАЯ: так как касается небесного⁷⁷. В ГРОТЕ: в глубине ума. БЕЗУМСТВУЕТ: трудится или прилежно учится. Ведь прилежно учиться – как бы безумствовать. Отсюда определение: прилежание есть пылкая склонность духа делать что-либо с величайшим желанием. БУДТО МОЖЕТ ИСТОРГНУТЬ из ГРУДИ: чтобы выслать из ума через научение. ВЕЛИКОГО БОГА: Феба, то есть мудрость. Разумение видит, что, наставляя других, само увеличивается, и потому упрасивает мудрость, ибо видит, что мудрость, гнушаясь удерживающим ее алчным владельцем, ускользает, и потому Соломон наставляет: «Сын мой, пусть изливаются источники твои наружу»⁷⁸. ИЗНУРЯЕТ:

Наполняет ее, «и кто напояет, сам напивается»⁷⁹. БУРНЫЕ УСТА, ДИКООЕ СЕРДЦЕ УСМИРЯЯ, то есть удерживая избыточность сердца и уст. ОБРАЗУЕТ: придает вид и наставляет, стесняя, то есть удерживая от недозволенного. СТО ДВЕРЕЙ ДОМА: несчетные философские учения. Несут: предлагают ПО ВЕТРАМ: в делах временных.

[83–86] О НАКОНЕЦ⁸⁰: Разумение являет духу, сколько он должен претерпеть, когда придет к возрастанию добродетелей и знаний. МОРЯ: мира или плоти. Или же под морем мы разумеем временную жизнь, так как ее тревожит насилие ветров. А под ветрами мы разумеем две временные фортуны, благополучие и неудачи, кои быстро приходят и, быстро пройдя, мимо идут, и в разные стороны увлекают корабли, то есть желания, и ведут умы людские, в этом море плавающие, к кораблекрушениям пороков. Поэтому Боэций называет их земными дуновеньями⁸¹. Также под морем мы разумеем временную жизнь по такому сходству: в море буря начинается от глубины и простирается ввысь. Ведь влажность земли, то есть природный пар, исходя от земли, сперва волнует дно, и от этого волнения тюлени, спящие на дне, пробуждаются. Когда они выходят на поверхность моря, устрашаются мореходы, зная, что на дне уже началась буря⁸². И во временной жизни страсть и несчастье от начала ее до конца простираются. НА ЗЕМЛЕ: в плотности добродетелей. ТЯЖЧАЙШИЕ: Ведь хотя в плотских похотях много опасностей для духа, добродетель в своей прочности столь крута и трудна, что ее насилу выдерживают. ЛАВИНИЯ: царство трудов. ДАРДАНИДЫ: способности духа. ЗАБОТУ: страх. НЕ ВОЗРАДУЮТСЯ: ведь когда в трудностях и крутизнах добродетели и среди нападений пороков дух вновь обращается к уладам прежних влечений, всего больше жалеет он о своем честном намерении. ВОЙНЫ: Так как будущие дела, которые она возвещает, излагаются в остальных книгах, их истолкование мы пока отложим. В этом месте достаточно знать, что разумение пророчит духу, спешающему к добродетели и мудрости, будущие войны с пороками, чтобы, когда дойдет до этого, он сносил их мужественнее. «Меньше вреда от того, что мы угадали заранее»⁸³. По той причине оно предвозвещает ему будущее, чтобы он не подошел [к этим войнам] в расслабленной безмятежности небрежения и чтобы готовился их претерпеть.

[98–100] В ТАКИХ⁸⁴: До этого места было пророчество разумения. ИЗ СВЯТИЛИЩА: из тайника ума. УЖАСНЫЕ: так как предузнанные нападения пороков устрашают дух. ОКОЛИЧНОСТИ: так как она сулит то благополучие, то несчастья; или ОКОЛИЧНОСТИ – как бы двусмысленности, то есть изречения, окутанные покровами. ИЗ ГРОТА: из ума. ОТЗЫВАЕТСЯ: повторяет, чтобы закрепить в памяти. ТЕМНОТОЮ: покровами. ИСТИНУ: Прячет истину за покровами. Ведь разумение преимущественно научает божественному; а покровы преимущественно подобают божественному, ибо, по словам Макробия, божественное следует прикрывать тайными ходами слов⁸⁵. Поэтому Платон и другие философы, когда говорят что-нибудь о душе и об иных теологических предметах, облакаются покровами, как Марон в этом сочинении.

[100–105] УЗДУ⁸⁶: остережение. СТРЕКАЛО: побуждение. Ведь мудрость понуждает дух к исследованию божественного и влечет его к тайнам. ЯРЯЩЕЙСЯ: Разумение почитают ярящимся, поскольку оно превосходит человеческую способность в исследовании божественного и в предсказании будущего. Ведь у людей в обычае – чего в себе не чувствуешь, считать невозможным, а что чувствуешь – возможным. Поэтому Саллюстий говорит: «Что каждый находит в себе, то принимает спокойно; если же что-то выше него, он принимает истинное за ложное»⁸⁷. ЯРЬ: пророчество. ДУШОЮ: различием.

[106–109] ОДНОГО⁸⁸: Ведь разумный дух не ищет ничего другого, лишь познать Творца через познание тварей. ВРАТА, которыми мы вступаем в преисподнюю, то есть в область тленного, есть земное проживание, в коем мы рождаемся. ЦАРЯ: Мы сказали, что этот царь – земля, и назывался он Дитом, так как на земле находятся все богатства⁸⁹ – и деньги, и сокровища, и поместья, и утварь, и украшения. Поэтому Боэций говорит:

все, что тешить ум и будить способно,
пестует земля в глубине пещерной⁹⁰.

МГЛИСТОЕ БОЛОТО Леты. Ведь беспамятство помрачает ум. Выше сказано, что Лета – это беспамятство, Стикс – ненависть, Флегетон – жар гнева, Ахерон – печаль. Эти четыре реки в преисподней освежают преисподних обитателей, так как в этой области смертные оживляются, когда пьют из этих четырех. Из Леты пьют все забывчивые, из Стикса – ненавидящие, из Флегетона – гневливые, из Ахерона – печальные.

ПОЙТИ: Мы уже показали в пятой книге, что в преисподнюю следует спуститься, чтобы увидеть Анхиза, хотя он и возвышен над всеми, ибо познание творений приводит к созерцанию Творца. ОЧИ: созерцание. ЛИК: присутствие. Сперва в этой жизни идут к созерцанию, а в другой – к лику, то есть к видению лицом к лицу⁹¹.

НАСТАВЬ: ведь это – дело разумения. НА ПУТЬ: восхождение через познание творений. Первая степень – от неодушевленных к живым, но нечувствительным, как, например, от камней к травам и деревьям; вторая степень – от этих к чувствующим, но неразумным, то есть от деревьев к несмысленным животным; третья степень – от неразумных животных к животным разумным, то есть к людям; четвертая же степень – от людей к небесному. Ведь разумение видит, что человек, хотя с бессмертной душой, но по телесной природе разрушается, и потому восходит оно к небесному, взыскав большего, и там находит, что ангел больше человека, так как бессмертен, бестелесен, всякому плотскому заражению чужд. Пятая степень – от ангела к Творцу. Ведь когда разумение заключает, что ангел выше прочих тварей, то еще ищет что-то выше него, ибо видит, что у ангела есть начало. Так по порядку творений совершается путь к Творцу. ДВЕРИ: познание тварей. РАСПАХНИ: открой. В этом месте содержится гистерон протерон⁹², ведь сначала надо открыть дверь, а потом – восхо-

дить на пути. Но по указанным степеням Эней никак не взойдет, если не будет ему вождем Сивилла.

[110–117] ЕГО⁹³: он уговаривает ее от своего лица, приступая к просьбам. ПЛАМЯ: пожары похоти. ДРОТЫ: нападения пороков. НА ПЛЕЧАХ: в помышлениях. ВРАГА: хотевшего его похитить, то есть порока. СОПРОВОЖДАВШИЙ: защищая. МОРЯ: влечения. ПУЧИНЫ: волнения временных вещей. УГРОЗЫ: нападения. НЕБА: ветров, то есть пороков. Или же УГРОЗЫ НЕБА – заблуждения духа. СНОСИЛ: прощением. НЕМОЩНЫЙ: ведь он немошен в тех вещах, где больше порока, чем добродетели. СВЕРХ сил или заслуг СТАРОСТИ, поскольку он вечен. МОЛИЛ: благочестиво побуждая. НАКАЗЫ: понуждающие веления: когда Анхиз его увещевает, когда влечет его, словно не желающего, «и к мольбам прибавляет угрозы державно»⁹⁴. ОТЦОМ: ведя меня к тому, чего он сам желает. ТЫ МОЖЕШЬ: показав, в чем его долг, в мольбе он показывает возможность его исполнения. ВСЁ: ведь она ведаёт божественное и человеческое.

[118] ГЕКАТА⁹⁵ – богиня, имеющая сто сил⁹⁶; о ней говорят, что это луна, оказывающая влияние множеством способов. Под ней мы понимаем здесь божественную премудрость, которая названа Гекатой, то есть «сотней сил», так как содержит в себе понятия бесконечных вещей. Она верховенствует над разумением в нижнем мире, поскольку ставит его над временными вещами, так что оно в совершенстве познает их и переходит за их пределы, постигая божественное. По свидетельству Бозэция, разумение схватывает всё, что могут постичь низшие способности духа⁹⁷. Ведь есть четыре способности духа, и высшие постигают всё, что низшие, но не наоборот.

«Рощами» Вергилий называет временные блага, так как у них есть три качества, подобные качествам рощи. Как рощи темны из-за отсутствия солнца⁹⁸, так временные блага – по недостатку рассудка. Как рощи по множеству и разнообразию дорог бездорожны, так временные блага бездорожны по различию путей, кои кажутся ведущими к высшему благу, хотя на деле к нему не ведут. Аверном именуется роща без весны (*sine vere*), то есть как бы без отрады: так и временные блага без истинной отрады.

[119–120] ЕСЛИ СМОГ⁹⁹: Эней убеждает ее примером. Об Орфее мы читаем, что он был сыном Аполлона и Каллиопы и обладал кифарой, которою увлекал камни и деревья, останавливал потоки, укрощал зверей. Его женой была Эвридика, к которой, когда она скиталась по лугам, воспылал любовью пастух Аристей; убегая от него, она наступила на змею и, ужаленная, умерла от яда. Подвигнутый скорбью, Орфей спустился в преисподнюю, чтобы вывести свою супругу, очаровал повелителей теней и получил назад жену на таком условии, что он не должен оглядываться. Он оглянулся и потерял ее. Под Орфеем мы понимаем мудреца и красноречивого. Поэтому он зовется Орфеем, как бы *orea phone*, то есть «добрый голос»¹⁰⁰. Он именуется сыном Аполлона и Каллиопы, то есть мудрости и красноречия: ведь мудрец и красноречивый есть сын мудрости и красноречия. Каллиопой же, то есть «наилучшим голосом», именуется красноречие, так как оно делает голос витийственным. Он об-

ладает кифарой, то есть риторической речью, в которой различные расцветки звучат, словно разные струны. Ее услада побуждает ленивых к честным деяниям, нестойких – к стойкости, свирепых умягчает, и потому говорится, что она увлекает камни, останавливает потоки, укрощает зверей. Эвридика, то есть природное вожделение, – его супруга, то есть сопряжена с ним по природе¹⁰¹. Ведь никто не существует без своего природного вожделения. Поэтому в стихах читается, что есть некий гений, природный бог человеческой природы, который рождается и умирает с человеком, посему Гораций говорит:

Бог он природы людской, умирающий одновременно
С каждым из нас¹⁰².

Под ним мы понимаем природное вожделение, которое господствует в человеческой природе и именуется Эвридикой, то есть «желанием блага»¹⁰³, ибо оно дано, чтобы желать блага. Оно гуляет по лугам, то есть блуждает по земным вещам, которые только зеленеют – и тотчас сохнут, ибо как цвет сельный, так слава мирская¹⁰⁴. Когда по ним блуждает Эвридика, ходя здесь и там, в нее влюбляется Аристей. Аристей же толкуется как «божественная добродетель»: ведь *ages* – «добродетель», откуда *Ареопаг*, «поместье добродетели», а *theos* – «бог». Божественной же добродетель называется потому, что она – то божественное, что есть в человеке. Ему приписываются занятия пастуха, поскольку должность добродетели – охранять стада, то есть множества помышлений, речей, поступков. Хочет Аристей сочетаться с Эвридикой, то есть добродетель хочет соединить с собой вожделение, чтобы искало вожделение одного лишь блага, а от зла отвращалось. Эвридика, убегая от Аристеев, на лугу наступает на змею, то есть в этой земной жизни касается временного блага. Змеей (*serpens*) называется временное благо, так как оно пресмыкается (*serpit*) среди низших вещей и, хотя кажется красивым, вредоносно. Через ногу она получает змеиный яд, то есть через чувство – удовольствие от временного блага. Получив причину смерти, то есть удовольствие от временного блага, она влечется в преисподнюю, то есть ведется к временному, оставив небесное. Взволнованный из-за своей супруги, Орфей нисходит в преисподнюю, то есть к временному – через познание, дабы, узрев непрочность временных вещей, отвести от них свое вожделение. Он очаровывает владык теней, то есть обладателей временных благ. После долгого пения, то есть долгого упражнения мудрости и красноречия, он наконец получает обратно жену, то есть освобождает вожделение от всего земного, с тем условием, что потеряет ее, если посмотрит назад, то есть если снова обратится к вещам временным. Здесь отмечается это нисхождение Орфея. МАНЫ СУПРУГИ, то есть мертвое вожделение, которое умирает, когда удаляется от истинной жизни, то есть от небесного блага. ФРАКИЙСКУЮ, так как там, во Фракии, он процветал. ПОЛАГАЯСЬ: защищаясь. КИФАРУ: риторическую речь. СТРУНЫ: риторические украшения.

[121] ЕСЛИ БРАТА¹⁰⁵: читается, что Кастор и Поллукс были братья, из коих Поллукс – бог, а Кастор – смертный. Чтобы смертность Кастора не была непрестанной, Поллукс, говорят, разделил с ним свою божественность и сошел в преисподнюю, чтобы тот взошел к вышним. Есть такие, кто толкует этих двоих как звезды, из коих одна из-за большего блеска, говорят они, обладает божественностью, а другая из-за слабейшего – смертностью. И когда Поллукс нисходит к нижней гемисфере, Кастор устремляется ввысь, и таким образом Поллукс нисходит в преисподнюю, чтобы Кастор взошел; и говорят, что «поочередная смерть» значит поочередный закат: ведь когда та заходит, эта появляется, и наоборот. Но лучше понимать под этими братьями дух и тело, из коих дух – разумный, бессмертный и таким образом бог, тело же смертное. Но дух временно терпит смертность тела, чтобы тело наконец обрело бессмертие. Ведь как по общности с телом дух населяет эту область смерти, так и тело по общности с духом вселяется в область жизни. ПООЧЕРЕДНОЮ СМЕРТЬЮ, то есть смертностью взамен. Ведь тело дает духу смертность временную, как дух дает телу вечное бессмертие.

[122–123] ТЕСЕЯ¹⁰⁶: Тесей значит «божественный и благой»: ведь *theos* – это «бог», *eu* – «благой». Под ним мы понимаем разумного и добродетельного¹⁰⁷. Он нисходит в преисподнюю нисхождением добродетели. АЛКИД толкуется как «крепкий и прекрасный»; под ним мы понимаем человека деятельного, который прекрасен славою своих деяний¹⁰⁸. Посему Геркулес зовется как бы «славою тяжбы»: *her* – «тяжба», *cleos* – «слава»¹⁰⁹. И он нисходит тем же нисхождением, как будет сказано далее.

[124–131] АЛТАРЬ¹¹⁰: добродетели духа, на коих и фимиам и дары, то есть молитвы и благие дела Богу, в жертву приносятся. КРОВИ: рода. ЛЕГОК: так как открыто показывает природу смертных: нисходить в преисподнюю легко, но возвращаться трудно. Ведь всякий может низойти к временным вещам через пользование и познание, но вернуться может далеко не каждый. Поскольку все полно соблазнами, а человеческая природа чрезмерно немощна и поддается порокам, легко быть там удерживаему; но меж тем как несметны нисходящие, есть три рода возвращающихся: те, коих любит Юпитер, коих высоко воздвигает добродетель, кои суть полубоги. Юпитер, как бы «отец закона» (*iuris pater*), или как бы «помогающий отец» (*iuvans pater*)¹¹¹, или же Юпитер (*Iovis*), как бы *yavis*¹¹², то есть «всеобщая сила» (*universalis vis*), – это высший бог. О них говорится, что он тех особенно любит, кого непобежденными выводит из временных вещей, как Павла. НОЧИ: неведение. ДНИ: ведение. ШАГ: желание. ВЕТРЫ: ясность. Подземные ветры – временные блага, верхние – вечные. ТРУД: трудность. ДЕЛО: польза. Вернуться – трудно и полезно, оставаться же – легко и бесполезно. ПЛАМЕННАЯ: огненная, устремляющаяся ввысь, как огонь. А порок, напротив, земляной, то есть смотрит вниз. Таким образом, доблесть огненная, что наделяет пылкостью любви к Богу, что ведет ввысь, что делает человека способным к вышнему жилищу и сносящим его. Посему никто не может там вселиться, если сперва не обретет доблесть. Поэтому Лукан говорит:

Маны полубогов живут, коим огненна доблесть,
 Жизнь непорочно свою проведшим, эфир позволяет
 Нижний сносить¹¹³.

БОГАМИ РОЖДЕННЫЕ: сыны Аполлона – мудрые, сыны Каллиопы – красноречивые, сыны Юпитера – разумные. Это полубоги, то есть душою разумные и бессмертные, телом смертные¹¹⁴.

[131–135] ЛЕСА¹¹⁵: на вышеуказанном основании – временные блага¹¹⁶. КОЦИТ переводится как «плач». Ведь эта река так окружает все, что никто не нисходит в преисподнюю иначе как через реку. Кто идет в преисподнюю по природному нисхождению, тот пересекает эту реку. Ведь когда родится человек, испускает крик: это происходит оттого, что он страдает, выйдя из теплого и влажного чрева на сухую и холодную землю¹¹⁷. Потому ему тут же готовят теплую и влажную ванну. Равным образом, кто нисходит по нисхождению добродетели, пересекает Коцит: видя столь великую непрочность во временных вещах, он плачет, когда видит людей столь преданными этой непрочности. Равным образом, кто нисходит по нисхождению порока или по некроматическому обряду, пересекает Коцит, так как плачет, о своем преступлении творя покаяние или терпя за него наказание. Итак, хотя четверо ворот ведут в преисподнюю, то есть природа, добродетель, порок, искусство, кто бы какими ни входил, перебирается через Коцит, и таким образом Коцит окружает все ИЗГИБОМ, руслом, то есть скорбью или страданием. ДВАЖДЫ – так как всякий нисходит в преисподнюю по природе единожды. ПРЕДАТЬСЯ: пойти навстречу.

[136–137] КРОЕТСЯ¹¹⁸: Прежде чем кто-нибудь сможет двинуться в преисподнюю, Сивилла побуждает его сыскать золотую ветвь, без которой не откроется путь в преисподнюю. Эта ветвь обретается на ДРЕВЕ ТЕНИСТОМ. Посмотрим, как это надо понимать. Ветвью прикровенно именуется все, что разделяется на разные части, как добродетели, пороки, науки. Таким образом, под ЗОЛОТОЙ ВЕТВЬЮ здесь разумеется философия, ибо как ветвь разделяется на другие ветви, так и философия, словно некий ствол, расходится надвое, на теоретическую и практическую, которые делятся еще на другие, как показывает прилагаемый рисунок:

ФИЛОСОФИЯ

ПРАКТИЧЕСКАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

ОДИНОЧНАЯ-ЧАСТНАЯ-ОБЩАЯ

ТЕОЛОГИЯ-МАТЕМАТИКА-ФИЗИКА

Золотая же она потому, что под золотом понимается мудрость, отчего и написано, что четыре девы, то есть Эгле, Гесперия, Аретуза, Медуза, охраняли золотое яблоко; под этим понимается, что усердие, дарования, рассудок, память приносят мудрость¹¹⁹. Разумение увещевает Энея искать эту ветвь, дабы ему открылся путь в преисподнюю, ибо лишенному философии познание вещей не открывается.

Эта ветвь находится на древе. Древом Пифагор называл человеческую природу, которая расходится на две ветви, то есть добродетель и порок¹²⁰. Ведь хотя поначалу она едина, потом одни направо, другие налево, то есть одни отходят к пороку, другие к добродетели. Это древо тенисто от плотской тяжести. Так как человеческая природа делится наподобие древа, здесь она именуется «древом», а у Пифагора изображается буквой Υ, имеющей вид разветвленного древа. КРОЕТСЯ: в глубине ума. ЛИСТВОЙ: словесной расцветкой. СТЕБЛЕМ: мнением.

[138] ЮНОНЕ¹²¹: это богиня Эреба, Прозерпина, которую похитил Плутон; на полмесяца он отпускает ее к вышним, а другие полмесяца не позволяет ей от себя отлучаться. Она – дочь Юпитера и Цереры, то есть огня и влажности, которая именуется Церерой, как бы «творящей вещи»¹²², и она же – Луна, которая именуется Прозерпиной, как бы «ползающей подле», поскольку она ближе других планет к Земле. Ее-то Плутон, то есть земля, похитил, так как земля, давая ей тяжесть, удалила ее от эфирных пределов. Ее Церера ищет с факелами, так как в огненном зное влажность требуется, чтобы предотвратить обгорание. На полмесяца она отпускается к вышним, а на полмесяца соединяется с супругом, так как полмесяца Луна видна в верхней полусфере, а полмесяца пребывает в нижней, оказываясь ниже Земли. Она – царица Эреба, а муж ее – царь, поскольку тяжесть земли и влага луны господствуют в тленной области и между луной и землей заключается область переменчивости. Алтарь этой богини есть задняя ячейка памяти, где, как выше сказано, заведуют памятью холод и медленность, происходящие от луны¹²³. И говорится, что ветвь посвящена этой богине, потому что в оной ячейке философия вверяется памяти. ПРЕИСПОДНЕЙ ЮНОНЕ: преисподней царице; собственное имя употреблено вместо общего.

[139–148] РОЦА¹²⁴: собрание временных благ. КРОЕТ: прячет. Ведь временные блага мешают проблеснуть красоте философии. ТЕНИ: образы блага. ЗЕМЛИ: земного блага. ТАЙНИКИ: скрытую природу. ПРОНИКНУТЬ: через познание. СОРВЕШЬ: воспримешь в учении. СЕБЕ: на своем алтаре. ПРЕКРАСНАЯ: ясная. ПЕРВАЯ: Сивилла отвечает на возможные слова Энея: «уже сорвана ветвь». СОРВУТ: воспримут через научение. Ведь мудрость наставника не уменьшается из-за мудрости ученика. ВЕТКА: ум ученика, направляемый, как побеги, в разные стороны. ИТАК: поскольку надо иметь ветвь, надо рассудком и разумением искать, что надо делать, и поступать сообразно найденному. РУКОЮ: деянием. ОХОТНО: говорит мудрость: «Я любящих меня люблю»¹²⁵ СУДЬБЫ: божественные установления. СИЛАМИ: занятиями. ЖЕСТОКИМ ЖЕЛЕЗОМ: природной остротой ума.

[149–153] КРОМЕ ТОГО¹²⁶: разумение убедило, что следует искать золотую ветвь; теперь убеждает сперва похоронить Мизена. Мизен Эолид был трубачом, который, состязаясь с Тритоном, был им убит. Прежде следует погрести его, а потом откроется путь в преисподнюю. Мизен нарицается как бы *miso enos*, то есть «тленная слава»; ведь *miso* значит «погребаю», *enos* – «слава»¹²⁷, под которую мы понимаем славу временную. Он из Эолийской области, так как

Он несет трубу, то есть вздутые гордины, и когда на ней играет, то есть когда хвалит кого-нибудь, призывает на брань. Мы сказали, что Тритон, морской бог, есть плотское удручение¹²⁹, которое тоже играет на трубе, то есть производит сетования. Мизен состязается с Тритоном, так как сомнительно, что больше призывает на брань, – возглашение хвалы, то есть напев Мизена, или голос сетования, требующий отмщения, то есть труба Тритона. Однако Тритон убивает Мизена, так как удручение плоти угашает желание славы. Положить Мизена в гробницу значит предать славу забвению, к чему склоняет разумение.

ПРЕЖДЕ: прежде нисхождения, ибо, по Фульгенцию, «кто не погребет пышность пустой славы, никогда не проникнет в тайны природы»¹³⁰. И таким образом она сказала «кроме того»: помимо того, что надо найти ветвь, остается и другой труд. ТЕЛО: великость. ДРУГА: славы, которую ты доселе любил. БЕЗДЫХАННОЕ: смертное и тленное. ЛЕЖИТ: Ведь не касается вещей небесных, но простерто на земле. УВЫ: так как ты, следовавший за нею, НЕ ЗНАЕШЬ, что она тленна. СКВЕРНИТ: марают. МЕСТО: забвение. СКОТ: пороки.

[156–178] СКОРБНЫМ¹³¹: поскольку не находится никого столь совершенного, чтобы отлагать славу с радостью. ОЧИ: рассудок и разумение, дабы обрести ветвь. ЛИЦОМ: желанием. ПОКИДАЯ ПЕЩЕРУ: оставляя плоть. СЛЕПЫЕ: делающие человека слепым. ИСХОДЫ: благополучие и бедствие. ВРАЩАЕТ: исследует. Ведь когда дух начинает философствовать о временном благе, рассуждая о враждебной и благоприятной Фортуне, сперва он обращается к высшему благу как бы через некое сравнение противоположностей. Этот порядок соблюдает Бозций¹³². В УМЕ: в различении. ВЕРНЫЙ: поскольку усердие его не оставляет и им не оставляется. СТОПЫ: рассмотрение зримого и незримого. СТАВИТ: впечатывает усердием. РАЗЛИЧНОЙ: то к одному, то к другому переходя; ведь таково обыкновение обсуждающих. ПОГРЕБЕНИИ: забвению. НА БРЕГЕ: при конце похоти. СУХОМ: от избыточной страсти. ГЕКТОРА: так как он стяжал славу благодаря своей безукоризненности. ГОРНОМ: хвалой. КОПЬЕМ: высокомерием. ЗЫБИ: волнения временных вещей. РАКОВИНОЙ: устами льстеца. БОГОВ: способности духа. СОСТЯЗАНИЯ: ведь он говорит, что лучше поет, то есть лучше убеждает, чем рассудок и прочие. СКАЛ: суровых и жестоких трудов. ВОЛНА: наводнение бедствия. ИТАК: поскольку он готовит АЛТАРЬ, то есть груды добродетелей. ГРОБНИЦЫ: забвения. ДЕРЕВА: деревьями, как мы сказали, называется все, что разделяется на виды. Под этими деревьями следует понимать добродетели, которые разветвляются на другие, как написано в Риторике¹³³. ВОЗВЕСТИ ДО НЕБЕС: возвысить до небесных существей. Ведь эту груды добродетелей следует увеличивать, пока человек с ее помощью не коснется небес.

[179–189] ИДУТ В ДРЕВНИЙ ЛЕС¹³⁴, так как груды добродетелей невозможно возвести, если прежде не искоренить пороки, ибо

если нечист сосуд, что ни влей в него, тотчас прокиснет¹³⁵.

Потому сперва он показывает, как искоренять пороки, затем – как насаждать добродетели. ИДУТ ногами созерцания, то есть дарованием и усердием,

В ЛЕС, в собрание временных благ, тенистое и непроходимое. ДРЕВНИЙ: от начала времени рожденный. ЛОГОВИЩЕ: обиталище, нечистое от испарения пороков. ГЛУБОКОЕ: впадающее в высокомерие¹³⁶. ЗВЕРЕЙ: то есть людей, обращенных пороком в звериную природу. Ведь философия называет сластолюбивых свиньями, лживых лисами, болтливых псами, свирепых львами, гневливых вепрями, алчных волками, ленивых ослами¹³⁷. Все они обитают во временных благах, тогда как «благих жительство на небесах»¹³⁸. РУШАТСЯ: искореняются. СОСНЫ: Под этими четырьмя деревьями мы понимаем пороки, из-за их горечи и бесплодия. Поскольку, как выше сказано, деревья означают все, что расчленено в философии¹³⁹, под сладкими и плодоносными древами мы разумеем добродетели или знания, под горькими же – пороки или незнание. Сосны – деревья, колкие наверху, но гладкие в стволах; под ними понимаются пороки, сперва приятные, потом язвящие остриями покаяния и сознания. Ведь похоть, когда отступает, «убегая, сердце долгим уязвляет нам укусом»¹⁴⁰. Эти пороки Бээций называет бесплодными шипами¹⁴¹. ЗВЕНИТ ПАДУБ: падуб – дерево, одетое твердой и нерассекаемой корой; под ним мы понимаем обиду духа, которая, когда порицающее наставление намеревается ее исправить, раздражается защитными речами. Посему он говорит ПОРАЖЕННЫЙ ТОПОРАМИ или иными наставлениями порицаемый. ТОПОРАМИ: попреками. ЗВЕНИТ: отзывается гулом попрека. ЯСЕНЕВЫЕ: этим возвышенным деревом он обозначает высокомерие. ДУБ: показав искоренение пороков, он изображает насаждение добродетелей. ДУБОМ ЛЕГКО КОЛЮЩИМСЯ он изображает любой порок, который можно разделить. Ведь есть пороки, которые, когда рассекаются, к добродетели обращаются: как от алчности, которая должна «обладать, чем должно и чем нельзя обладать», мы должны отделить одно от другого и, бесполезное отринув, удержать полезное; и в расточительстве следует разделить «давать то, что должно и что не должно». Итак, столь противоположные пороки благодаря рассечению, отбрасыванию негодного и избранию годного приводятся к единому среднему, то есть к «давать, что должно, и обладать, чем должно», то есть к благотворительности. Тем же образом все происходит в пороках трусости и безрассудства и во всех прочих парах противоположностей. Посему говорится: РАСКАЛЫВАЮТ КЛИНЬЯМИ, то есть суждениями различения. ЯСЕНИ: этими желуденосными деревьями обозначаются плодоносные добродетели. ПРИКАТЫВАЮТ: с трудом к себе влекут. С ГОР, то есть от божественных сущностей. Ведь под горами иногда понимается порок высокомерия, как здесь: «Горы, как воск, растаяли»¹⁴², иногда же – разумные и божественные сущности, как здесь: «Горы окрест Иерусалима»¹⁴³ и здесь: «Гора возвысится превыше всех гор»¹⁴⁴.

СРЕДЬ ТАКОВЫХ: искоренения пороков и насаждения добродетелей. ТОВАРИЩЕЙ: философствующих. ОРУЖЬЯМИ: оружия, с коими на врагов нападают и товарищей защищают, суть три способности духа, а именно гневливость, вожделение, мужество¹⁴⁵. ПРЕПОЯСЫВАЕТСЯ: ограждается кругом. Ведь когда вокруг Энея здесь благо, там зло, он выставляет гневливость против зла, в сторону блага ставит вожделение и на обе стороны – мужество; ведь

с мужеством он вожделеет блага и нападает на зло. ПЕЧАЛЬНОМ: прилежном и озабоченном. ОЗИРАЯ: созерцая рассудком. МОЛИТ: молитвы суть его желания. ЕСЛИ: о если бы. УВЫ: он стонет о смерти Мизена, так как тот был его спутником, то есть скорбит о немощи тленной славы, ибо ее преследовал.

[190–203] МОЛВИЛ¹⁴⁶: пожелал. ГОЛУБКИ: рассудок и добродетель. Рассудок есть природное знание о том, что следует совершать, а добродетель – добровольное исполнение этого знания. ПРЕД ОЧАМИ: пред взором проходят, так как предшествуют его созерцанию. С НЕБА СПУСТИЛИСЬ: от Творца через ангела в человека. СЕЛИ: избрали себе место. НА ЗЕЛЕННОЙ ЗЕМЛЕ: в живом теле. ВЕЛИЧАЙШИЙ: божественный. МАТЕРИНСКИХ: в историческом смысле голубки именуется птицами Венеры, поскольку они сластолюбивы: посему зовутся голубками, как бы «живущими в чреслах»¹⁴⁷. Мать Энея, как выше сказано, есть согласие¹⁴⁸. Итак, они материнские, то есть согласные, поскольку рассудок без добродетели празден, добродетель без рассудка невежественна. ВЕТРАМ: временным благам, по их непостоянству. РОЩИ, то есть скопления вещей. БОГАТАЯ ВЕТВЬ: мудрость, которая обогащает. ПОЧВУ: человеческую природу¹⁴⁹. ТУЧНУЮ: обильную добродетелями. ОСЕНЯЕТ: Ибо мудрость так сияет, что человеческая природа в сравнении с нею выглядит немощной. В НЕНАДЕЖНЫХ: поскольку конец неведом. ДЕЛАХ: созерцаниях. БОЖЕСТВЕННАЯ: согласие. МОЛВИВ: пожелав этого. СТОПЫ СТАВИТ: чувства сдерживает. НАБЛЮДАЯ: тщательно примечая. ЗНАКИ: наставления или предостережения. СОБИРАЮТСЯ: продолжают. КОРМЯСЬ: получая прирост. Ведь [рассудок и добродетель] умножаются, если их упражнять. В ПОЛЕТЕ: в перемещении по высотам. ЗОРКОСТЬЮ: тонкостью зрения. ОЧИ: прилежание и дарование. ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ: разумных и добродетельных. ЗЕВ АВЕРНА: земной вход подлунной области. ПАХНУЩЕГО: зловонного, рассудка лишеного. Ведь там обнаруживается зловоние. Запах этой области есть тленная и подверженная порче природа. ПОДНИМАЮТ: возводят. СКОЛЬЗЯ: От небесного к земному обращаются, дабы познать одно через сравнение с другим. ДВОЙНОМ¹⁵⁰: поскольку человеческая природа расходится, как распутье: поэтому у Пифагора она обозначается буквой Y¹⁵¹. Или же «двойное» из-за двух полов, или же потому, что она слагается из телесной и бестелесной сущности. ОТКУДА: с какого дерева. СИЯНИЕ: временное благо. НЕСОЦВЕТНОЕ: ведь мудрость бессмертна, а оно смертно; она нетленна, а оно тленно; она истинна, оно ложно. СКВОЗЬ ВЕТВИ ЗОЛОТА, то есть по видам философии, БЛИСТАЛО: делалось ясным или открытым.

[205–211] ОМЕЛА¹⁵²: поэт как бы говорит «камедь»: ведь как эта текучая камедь проступает из внутренности дерева, так и мудрость, блистая из ума человеческого, выходит через научение или действие. В ЗИМНЮЮ СТУЖУ: которая уплотняет этот сок, выходящий из недр. Так холодность старости, сдерживая пороки, сохраняет мудрость. ЛИСТВОЙ: так мудрость в действии зеленеет, ибо действие происходит от человека, как лист от дерева. Листья этого дерева суть дела, плоды же – вознаграждения. Эта омела НЕ ПОСЕЯНА: не произведена деревом. Как от земли по корням и глубокой сердцевине переселяется внешняя

влага, так и мудрость от наставника через ум, речь и действие ученика блещет вовне. ШАФРАННЫМ ПЛОДОМ, то есть прекрасным воздействием мудрости. ОБВИВАЕТ: мудрость ограждает тела, имеющие круглую форму, то есть человеческие головы, поскольку находятся в них и пять чувств и прочие начала мудрости, то есть орудия дарования, рассудка и памяти¹⁵³. ЛИСТВЕННОГО: плодоносящего. ФОЛЬГА: под золотой пластиной понимай философскую сентенцию, под нежным ветром – риторическую речь, которая именуется ветром. Ведь ветер – это возбужденный воздух. Всякий голос есть воздух, приведенный в движение природными орудиями. «Нежный», так как ласкает души слушателей. НА НЕЖНОМ ВЕТРЕ ШЕЛЕСТИТ, то есть в убедительной речи звучит, ФОЛЬГА, то есть философская сентенция, как это было объяснено. ЖАДНЫЙ: горящий любовью к мудрости. ОТЛАМЫВАЕТ: принимает в труде занятий. ПОД КРОВ: в ум.

[212–224] НА БЕРЕГУ¹⁵⁴: в начале философствования. ПЛАКАЛИ: как Диоген, поскольку следовали тленным вещам. ПРАХУ: останкам. ВНАЧАЛЕ: он показывает, что является высшим. КОСТЕР ОГРОМНЫЙ: груды добродетелей, превосходящую всякое владение Фортуны. БОГАТЫЙ СОСНОЮ: обилующий пылом добродетелей, а также дубом: добродетелью. РАССЕЧЕННЫМ: рассечение мы описали выше: один рассеченный дуб – это [умение] давать то, что должно давать, владеть тем, чем должно владеть, другой – слушать, что должно, страшиться, чего должно, и так в остальном. А от чего это отсечено, то отброшено. БОКА: четыре основные добродетели. ТЕМНЫМИ ЛИСТЬЯМИ: делами, погребаящими страсть. КИПАРИСЫ и смоковницы – это деревья, которые, когда их сажают на могилах, проникают сквозь камень и выходят наружу. Под ними понимаются знания, которые, будучи насажены внутри научением, выходят наружу в слове через уста. Этот образ отмечает Персий, говоря:

Что же учиться, коль нет дрожжей, коль, в глуби возникнув,
Древо смоковное, грудь разорвав, наружу не выйдет?¹⁵⁵

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ: далекие от божественных понятий. ПОМЕЩАЮТ: ставят вместе. ОРУЖЬЯМИ: о которых сказано выше; БЛИСТАЮЩИМИ: так как они творят добродетели. ВЛАГУ: природа влаги такова, что она следует за покатостями, унимает жажду и смывает грязь. Так наука переходит от старших к подчиненным, то есть от наставников к ученикам, освежает жаждущих от пыла мудрости, оmyвает пороки с плоти. Итак, она текучая, освежающая, оmyвающая. МЕДЬ: сосуды воды, то есть книги мудрости. Много примеров тому, что под водою разумеется мудрость. Ведь говорится: «водою мудрости питаешь их»¹⁵⁶ и «воды отвесил по мере»¹⁵⁷ и «полагает в сокровищах бездны»¹⁵⁸ и «воды, которые превыше небес»¹⁵⁹ и «воды краденые слаще»¹⁶⁰. ОГНЯ, то есть сентенции, ибо как огонь ласкает озябшие члены, так сентенции оживляют вялые тела. Как огнем на поле сжигаются папоротники и всякая поросль, так сентенциями в душе искореняются вредоносные чувства и пороки. ТЕЛО: количество ОХЛАДЕВШЕГО: косного. УМАЩАЮТ: намазывают. ПОДНИ-

МАЕТСЯ СТОН: об этом выше сказано. ЧЛЕНЫ: хвалы СЛАГАЮТ на ОДР: пересматривают в душе. ПУРПУРНЫЕ РИЗЫ, ОДЕЖДУ: прекрасную и преходящую благосклонность народа. ЧАСТЬ, то есть слабые, поскольку они знают, что она тленна, и все же за ней следуют. ПОДНИМАЕТ: поддерживает. НОСИЛКИ: дух свой, вместилище трупа, то есть тленной славы. СКОРБНОЕ: так как язвит их совесть, когда они следуют за тем, что, как им известно, тленно. ФАКЕЛ: жар добродетели и сияние знания. ОТВРАТИВ, то есть враждебные этой славе. ДЕРЖАТ: совершают.

[224–235] СЖИГАЮТ¹⁶¹: истребляют. БЛАГОВОНИЯ: лесть и похвалы, кои некоторым образом пахнут. ЯСТВА: молва. КРАТЕРЫ: иносказательно под ними понимаются тела, как у Макробия – кратер Отца-Либеры, расположенный в области между Раком и Львом¹⁶². Оттуда пьет нисходящая душа, и от этого питья происходит опьянение. Это надо разуместь так: когда Солнце находится в Раке, из-за его близости более сильные его лучи притягивают чрезмерно много воды; потому и некая звезда, там расположенная, называется Сириус, то есть «притягивающая»¹⁶³. Потому и созвездие это водяное названо именем водяного животного. Потому им обозначается влага, а львом – тепло. А область между Львом и Раком есть воздух, между теплом огня и влагой воды. Там находится кратер, то есть тело человеческое, и потенциально, поскольку тепло и влага этой области творят его и оживляют, и локально, ведь если и говорится, что оно на земле, мы понимаем, что оно над землей. Оно называется кратером, поскольку оно – вместилище влаг. Питье есть тяжесть плоти, которую душа, когда нисходит, то есть воплощается, ощущает и принимает, то есть пьет. От этого питья происходит опьянение, то есть угнетение и ослабление природных способностей. От этого опьянения происходит забвение, то есть природное неведение. Такие кратеры сжигаются факелами, то есть истончаются добродетелями. Мизен имел обыкновение пить из таких. Питье, коим Мизен освежается, есть красота обличья, быстрота, крепость членов и прочее, что в этом сосуде содержится. ЕЛЕЯ: наставления и ободрения, коими возжигается огонь добродетели. В некоторых списках – родительный падеж, «кратера», что мы понимаем как ячейку рассудка. ПРАХ: то есть тленные останки, а именно последние хвалы. ОСТАНКИ, то есть фантазмы, пустые воображения. ВИНОМ: научением. ЖАЖДУЩИЙ ПЕПЕЛ: Толкование таково: эти фантазмы высушивают воду, то есть наставление. КОРИНЕЙ: корон значит «прекрасное», откуда Коронид – «прекрасное обличье» и Коринна – «прекрасная женщина»; а неос – «новое»; Кориней, таким образом, – «красота новизны», то есть отрада нового знания. КОСТИ, то есть хвалы, ПРЯЧЕТ В МЕДНОЙ УРНЕ: скрывает в несокрушимом забвении. ТОВАРИЩЕЙ: философствующих. ОБНЕС: оградил. ТРИЖДЫ: это касается души. ЧИСТОЙ ВОДОЙ: очистительной наукой. ЛЕГКОЙ РОСОЙ: то есть окроплением учености, облегчающим тяжесть пороков. ВЕТВИ ОЛИВЫ: добродетели мира. ДОМЫ: умы. ПОСЛЕДНИЕ, то есть совершенство научения, коим славу держат в ненависти и презрении. ГРОМАДОЙ: грудой добродетелей. ВЕСЛОМ: трудом человеческим. ТРУБОЙ: вздуванием хвалы. ГОРОЙ: божественностью. МИЗЕН, поскольку он ненавидит славу.

[237] ПЕЩЕРА¹⁶⁴: Здесь надо отметить простой путь некромантического нисхождения. Согласно истории, как сказано выше, Эней использует некромантию. А как именно использует, показано здесь, как и отличное место и качество жертв, а также указано пригодное для этого время.

[268–272] ШЛИ¹⁶⁵: Он возвращается к философскому нисхождению. ВПОТЪМАХ: Никто не видел Энея, кроме него самого и Сивиллы, и Сивиллу – никто, кроме нее самой и Энея, так как лишь разумение познает дух и лишь дух – разумение. НОЧИ: временной жизни. Ведь день – это вечная жизнь. ТЕНЬ: природное неведение. ЧЕРТОГАМ: временным благам. ДИТА, поскольку в них преобладает земная природа¹⁶⁶. ПУСТЫМ И БЕСПЛОТНЫМ: поскольку лишены пользы. ПУТЬ ПО ЛЕСАМ: Созерцание о временных благах. ЮПИТЕР УКРЫЛ НЕБО ТЕНЬЮ, то есть тело, сравнимое с Юпитером, то есть воздухом, помрачило божественность природным неведением. ПРИ НЕВЕРНОЙ ЛУНЕ, в сомнительной ночи, то есть временной жизни. ПОД СКУДНЫМ СВЕТОМ: с превратным знанием, присущим человеческой природе. НОЧЬ: сия жизнь. У ВЕЩЕЙ: невидимых. ЦВЕТ: красоту. Ведь сия жизнь мешает тому, чтобы все божественное явилось нам столь прекрасным.

[273–281] ПРЕДДВЕРЬЕ¹⁶⁷: поверхность земли. В ЗЕВЕ: в рождении. ЗАБОТЫ: тревоги. ЗЛОСОВЕТНЫЙ, то есть советующий дурное, ибо голод склоняет к пяти побуждениям обжорства: опережать установленное время трапезы, доискиваться более роскошных блюд, заниматься тщательнейшим приготовлением, увиденные блюда возжелать с чрезмерным аппетитом, превышать меру в еде. РОДНОЙ: как смерть отнимает у тела движения и чувства, так и сон делает на время. РАДОСТИ: удовольствия. НА ПОРОГЕ: в рождении. ВОЙНА между духом и телом. ЭВМЕНИД: Эвмениды – три дочери Ночи и Ахерона, а именно Аллекто, Тисифона, Мегера. Под Ахеронтом, как сказано, мы понимаем скорбь, которая в Ночи, то есть в душевном неведении, порождает трех сестер. Первая – Аллекто, которая толкуется как «превратное помышление»; вторая – Тисифона, то есть голос, приданный дурному помышлению, иначе говоря – дурная речь, третья – Мегера, дурное деяние¹⁶⁸. ЧЕРТОГИ ЖЕЛЕЗНЫЕ: строптивные сердца. ВЛАСЫ: множество свар. ПОВЯЗКАМИ: бранным оружием.

[282–284] В СРЕДИНЕ¹⁶⁹: Это все – в передней, то есть на поверхности земли. А перед этим – дом сна, ВЯЗ ветвистый и густолиственный, у которого под каждым листом свое сновидение. Сон есть покой душевных сил, то есть отдых пяти чувств. Дом его – человеческое тело, справедливо изображаемое как вяз. Ведь как вяз, хотя и бесплодный, поддерживает плодоносную лозу, так и плоть, хотя духовно бесплодная, есть, однако, плодоносная обитель добродетелям и знанию. Вяз ветвистый, то есть имеющий отрасли членов, густолиственный – как бы отягощенный пустою листвою, то есть помышлениями, под каждым из коих вырастают пустые видения. А каким образом в человеческом теле возникает сон, сообщает философия: она учит, что внутри нашего тела есть некий огонь. Он разожжен из всех стихий, но так как у этого огня есть жар и блеск, этот блеск, как говорит Платон, разливаясь в очах, производит зрение¹⁷⁰. А жар

переваривает пищу и умягчает члены животворным расслаблением. После переваривания пищи, поскольку, как выше сказано, переваривание включает четыре жидкости – влагу, пар, пену и осадок, пар по свойству легкости восходит ввысь, и когда он наполняет главные келейки чувств, покоятся чувства, и потому, когда ворота зрения, то есть зеницы очей, закрываются, утесненный огонь разливается по членам. Посему, когда размягчится тело и свободно разольются соки, разойдясь свободно, покой тела усиливается. СТАРЫЕ: возрастающие некоторое количество лет. ТЕМНЫЙ: природным неведением. ПУСТЫЕ: ведь те сновидения, что происходят из прочих видов помышлений, – пустыи¹⁷¹.

[285–286] ЗВЕРЕЙ¹⁷²: пороков. КЕНТАВРЫ: Читается в баснях, что Иксион возжелал совокупиться с Юноной и что она поместила меж ними облако, которое, приняв семя Иксиона, породило Кентавров, полумужей-полузверей. Под Иксионом мы понимаем солнце, которое именуется Иксионом, то есть «превыше всего», поскольку, поставленное надо всем, все освещает¹⁷³. Юноной же, как бы «помогающей новым», именуется земля, так как питает своими плодами недавно рожденных. С ней-то хочет возлечь Иксион, когда солнце посылает вниз свой жар и сухость. Юнона же разделяет их облаком, так как земля поднимает пар против приходящего к ней жара. Когда солнечный жар смешивается с этой влагой, рождаются временные блага, о которых говорится, что они в передней части люди, а в задней – звери, потому что частично они разумны, частично порочны, и так следует понимать, что Кентавры двуобразны, из коня и человека, ибо сперва выглядят разумными, а потом быстро несутся. ОБИТАЮТ (stabulant): имеют стойло (stabulum), то есть жилье, полное паром и смрадом пороков.

Сциллой в баснях именуется чудовище, у которого девичье лицо и собачий пах. Она изображает притворщиков, которые, выказывая лесть и как бы девическое лицо, внутри таят собачий лай, то есть злобные поношения.

[287–288] СТОЧЛЕННЫЙ¹⁷⁴: из сотни животных обличий сочлененный, а именно из льва, пса, свиньи, лисы и несметного множества других. Здесь обозначается чье-либо беспутство, составленное из несметного множества пороков, поскольку жестокостью он – лев, яростью – вепрь, брехливостью – пес, коварством – лиса, нечистотою – свинья.

ЗВЕРЬ: гидра – это чудовище извитое, многоглавое. Когда ей отсекают одну голову, множество отрастает взамен. В историческом смысле, говорят, это была вода со множеством рукавов: когда один запруживали, пробивалось несметное множество ручейков¹⁷⁵. Аллегорически мы понимаем под гидрой неведение, содержащее много неясностей, что обозначают несметные головы. А что оно извитое, это значит не что иное, как то, что неведение обращается то к одному, то к другому. Под Геркулесом мы понимаем мудреца¹⁷⁶. Имя ему подобает: Геркулесом он зовется по-гречески, «славой тяжбы» по-латински: her значит «тяжба», cleos – «слава». Он отсекает голову гидре, когда проясняет одну неясность в вопросе и тут же вырастает еще несколько. Видя тщетность своих трудов, Геркулес сжигает гидру, то есть мудрец, видя свои занятия не слишком

полезными, живейшим огнем ума истребляет неведение, когда жаром исследования его изучает и сиянием познания освещает. Такой смысл этого иносказания отмечает Бозэций, говоря, что вопрос следует сжечь «живейшим огнем ума»¹⁷⁷. ЛЕРНЫ, то есть телесной природы. ШИПЯЩИЙ: звучащий УЖАСНО: для незнающего.

ХИМЕРА – чудовище троевидное, у которого передняя часть львиная, средняя – козья, задняя – змеиная; историки о ней говорят, что это не что иное, как гора, у которой на вершине львы, посередине скот, внизу – змеи. Философы же толкуют ее как вождение, в начале, во взорах, в беседе выказывающее жестокость льва, в середине имеющее козьи и смрадные обычаи совокупления, в конце же удручающее змеиными жалами, то есть стрекалами раскаяния и дурной совести¹⁷⁸. ПЛАМЕНЕМ: зноем.

[289] ГОРГОНЫ¹⁷⁹: мы читаем, что это были три дочери морского бога Форка – Стеннио, Эвриала и Медуза; общее имя для них – Горгоны. Читается также, что у них трех был один общий глаз, который они по очереди передавали друг другу. Третью убил Персей с помощью Паллады и искусством Меркурия, а из капли упавшей крови родился Пегас. А когда он коснулся земли, возник источник. Форк, морской бог, есть дух, господствующий в плоти, которую мы понимаем под морем; он именуется Форком, как бы «образующим понятия вещей»: ведь *orge* по-гречески – «понятие» по-латински. Он порождает трех дочерей: первую – дурное желание, которое зовется Стеннио, то есть «бессилие», так как начало бессилия – желать дурного. Вторая зовется Эвриала, «сокрытие блага»: это – дурная речь, ведь дурная речь скрывает благо злословием. Третья – делание дурного, которое зовется греческим словом Медуза, то есть «ужас». Ведь ее, как сильнейшую, мы страшимся больше прочих. А общее им название – Горгона, как бы *georgon*, то есть «возделывающий землю», поскольку они сопровождают плоть. А общий глаз, который передает Стеннио Эвриале, Эвриала – Медузе, есть дурная совесть, которую Стаций называет «свирепым днем души»¹⁸⁰. Она находится в дурном желании, потом в дурной речи и наконец в преступном действии. Под Персеем же понимается добродетель. С помощью его сестры Паллады и его брата Меркурия, то есть мудрости и красноречия, он убивает третью сестру, то есть преступное действие, совершая это писанным законом, то есть мечом Меркурия. И заметь, что он не убивает двух сестер, но только третью; ведь дурное желание и извращенную речь добродетель не в силах обуздать никаким законом. Капля упала, когда по убиении преступного действия и отучении диких людей от звериной жизни прекратилось пролитие крови. Пегас, крылатый конь, обозначает молву. Поскольку молва есть «зло, которого нет на свете быстрее; крепнет в движенье она»¹⁸¹, справедливо скорость обозначается животным удвоенной быстроты. Этот Пегас рождается от падения капли, то есть излития крови, и мчит Персея в разные места, то есть разносит славу добродетели по всем племенам. Пегас касается земли, когда молва возбуждает человеческий ум. Посему возникает источник, когда мудрость под стрекалом славы каплет через научение.

ГАРПИИ – три сестры, покрытые перьями, с острыми когтями и прожорливым чревом; первая – Аэлло, вторая – Окироя, третья – Келено. После того как Финей ослепил своих сыновей и принял от богов ту же кару, они оскверняли его трапезы и пищу похищали. Геркулес же, принятый Финеем, вместе с Зетом и Калаидом, сынами Борея, поразил этих птиц стрелами. Финей обозначает алчного; это имя ему пристало. Он зовется Финеем, как бы еpineos, то есть «выше новизны»; ведь еpi – «выше», neos – «новизна»¹⁸². Зовется он так, поскольку прячет только что приобретенное. Он вынимает глаза своим сыновьям, когда своих сотоварищей, порожденных им через научение, оставляет без различения и разума. Он претерпевает ту же кару, так как и сам при этом грязном образе жизни теряет эти глаза. Посему Овидий говорит:

Что ты глаза, о Финей, пронзаешь детям невинным?
Эта же и на твою казнь обратится главу¹⁸³.

Аgria по-гречески – «хищность» по-латински; ведь агро значит «похищаю»¹⁸⁴. А что их три, так тут уместно и число, и имена. Одна хищность – нападать на чужого, откуда имя Аэлло, как бы allonedon, то есть «чужое нападение». Вторая – быстро похищать, то есть Окироя, «поспешный захват». Третья – прятать похищенное, откуда имя Келено, «черная», то есть сокрытие. Они зовутся девами, потому что бесплодны. Птицы – потому что скоры на похищение чужого. Их когти – ссуда и процент, орудия похищения; перья же – орудия сокрытия, как кошель и ларец; чрево прожорливое – ненасытное поглощение денег. Они оскверняют трапезы Финея, когда марают его образ жизни¹⁸⁵, склоняя к грязи. Посему Ювенал:

И посреди сентября скупец сберегает обеды¹⁸⁶.

Похищают еду, так как понуждают урезать необходимое пропитание. Ведь алчный «ищет – найдя ж, избегает его и потратить страшится»¹⁸⁷. Геркулес гостит у Финея, когда алчный принимает мудреца. Гарпий убивает стрелами, когда порицает хищность резкими попреками. Зет по-гречески как бы zelus, то есть по-латински «соревнование»; Калаид же – как бы salon, то есть «благо». Под соревнованием здесь понимается поэзия, которая полностью состоит в подражании. Поэтому Платон в «Тимее» говорит¹⁸⁸, что поэты, искусные в подражании, могут воссоздавать лишь то, что им привычно с ранних лет. Посмотри на Горация, Ювенала и Стация, Вергилия: они во всем подражают друг другу. Калаид – это благородное дело. Ветер Борей – слава, поэтому Гораций говорит:

Тот, что на сцену взнесен колесницею ветреной Славы¹⁸⁹.

А так у трагика: «Слава – не что иное, как великий ветер в ушах»¹⁹⁰. Борей – отец Зета и Калаида, потому что слава есть причина стихотворства и блиста-

тельных деяний. Поэты же больше всех ищут славы, что свидетельствуется этим стихом Горация: «Тот, что на сцену взнесен» и т.д. С помощью Зета и Калаида умерщвляются Гарпии, так как поэтическими сатирами и примерами добрых дел отнимаются способности алчности.

ТРЕХТЕЛОЙ: Мы читаем, что Герийон был трехтелым чудовищем; историки понимают под ним царя, владевшего тремя царствами¹⁹¹. Аллегорически же под ним понимается человек порочный, которого угнетают три рода пороков – скрытые, явные, привычные. Имя ему подобает: ведь он зовется Герийон, как бы *gerinos*, то есть «чело земли». Справедливо зовется челом земли тот, кто движется к столь выдающейся тяжести. Образ тени, то есть вид порока, **ТРЕХТЕЛОЙ**, то есть разделенного на сокрытие, проявление и обыкновение.

[290–294] **ЖЕЛЕЗО**¹⁹²: Меч, которым он защищается от врагов, есть рассудок, который противостоит порокам. **ХВАТАЕТ:** Держит меч в руке, когда упражняет рассудок в действии. Ведь он держал его в ножнах, когда скрывал рассудок в земном уме. **ТРЕПЕЩА:** Он трепетал, как бы эти тени на него не ринулись, то есть как бы эти пороки не напали на него. **ОСТРИЕ:** выставлять острие навстречу приближающимся теням значит противопоставлять остроту рассудка набрасывающимся порокам. **ЖИЗНИ:** удовольствия, которые у эпикурейцев почитаются жизнью. **СКУДНЫЕ:** без плода. **БЕЗ ТЕЛА:** без сущности. Ведь пороки не имеют никакой сущности и не являются природными свойствами никакой сущности. Или же **БЕЗ ТЕЛА** значит без силы. Ведь под плотным телом справедливо понимается сила и здоровье. А порок не имеет силы, так как никому не может повредить, разве что человек сам прежде связывает себя с ним через уступку. Посему он сравним с привязанным псом, поскольку как привязанный пес никому не вредит, разве что приблизиться к нему по доброй воле, так и порок, если не уступить ему добровольно. **РЕЮТ,** то есть окружают человеческую природу. Поэтому сказано: «По кругу ходят нечестивые»¹⁹³. **ПОЛОМ ОБЛИЧИИ:** пустом подобии **ФОРМЫ:** рассудка или природы, которая именуется формой, потому что через нее познается сущность. **РИНУЛСЯ БЫ:** напал бы, чего делать нельзя. Ведь надо не следовать за пороками, но бежать их. **ВПУСТУЮ:** Ведь было бы достаточно бежать их. **ВЕТРЫ:** пустые и преходящие удовольствия.

[295–297] **ОТСЕЛЕ ДОРОГА**¹⁹⁴: Из передней, в которой находятся вышеуказанные образы, он идет к реке Ахерону. Ведь Ахерон, как мы сказали выше, переводится «без радости»¹⁹⁵. Оставив вышеуказанные образы, он идет к Ахерону, поскольку когда мы отдаляемся от отмеченных пороков, взяв вождем разумение, уязвляемся сильнейшей скорбью. **ОТСЕЛЕ:** от этих образов **ДОРОГА:** переход к Ахерону, то есть к печали из-за оставленных пороков, привычка к коим была отрадна. **МУТНЫЙ,** поскольку он мутит свет рассудка, **ОТ ГРЯЗИ:** от плотской нечистоты. **ОМУТА:** угнетения знаний. **ВОДОВОРОТ:** прилив скорби. **КИПИТ:** производит кипение, воспаляя и мутя ум. **ПЕСОК ИЗРЫГАЕТ:** Песок, из которого выходит Ахерон, есть множество обид и бедствий, от коих берет начало печаль. Его изрыгает Ахерон, когда печаль в жалобах выказывает претерпенные обиды. Это часто показывается в трагедиях. Ахерон изрыгает песок, когда

скорбь Бозция повествует о тирании Теодориха, говоря: «вместо наград истой добродетели мы осуждены на смерть и проскрипции»¹⁹⁶. В КОЦИТ: в плач¹⁹⁷.

[298–301] ПЕРЕВОЗЧИК¹⁹⁸: Вышеуказанные воды ему следует пересечь под водительством Харона, так как плач и печаль по оставлении порочных удовольствий полезно пройти под водительством времени. Харон, как мы читаем, был сын Полидемона, речной перевозчик. Зовется он Хароном, как бы стгопн, «время»; сын Полидемона, то есть возникает от вращения небосвода¹⁹⁹. Небосвод зовется Полидемоном, то есть «городом демонов», так как это область духов. Он перевозит за поток, так как помещает нас за печалью и плачем. Ведь в этой жизни всякое зло он делает преходящим. УЖАСНЫЙ: Вставание дыбом волос есть холод зимних дней. ВОДЫ: поскольку [плач и печаль] потопляют умы несчастных, как ум Бозция²⁰⁰. ПОТОКИ: поскольку они, как реки, прибывают, и их уровень повышается. БЛЮДЕТ: Под стражею Харона находится этот поток, ибо плач и печаль происходят во времени. ГРЯЗЬЮ: безобразием. С ПОДБОРОДКА: Заметь, что всякая личность описывается через свою верхнюю часть, и здесь это соблюдается. Верхняя часть Харона – это зимние месяцы. Весна внизу, как бы прежде всех прочих; лето и осень посередине; зима последняя, хотя тут философы расходятся. Ведь евреи говорят, что день, воссиявший прежде всех, был летний²⁰¹. Это они защищают таким доводом, что земля, покрытая водами, чтобы освободиться от них и чтобы из ее ила были произведены разные роды живых существ, требовала великой силы тепла, а для этого было достаточным не весеннее, но только летнее тепло. Другие говорят, что сперва шла весна. Они говорят, что нежность только что сотворенных вещей не вытерпела бы летнего зноя, но поскольку все живое, как чувствующее, так и нет, теплом и влагой создается, питается, укрепляется, весна же умеренна в тепле и влаге, потому она была необходимой для первого творения. Под подбородком Харона, поскольку его верхняя часть – это зимние месяцы, следует понимать декабрь, которому присуща обильная седина снега и града, почему ему и приписан знак Стрельца. НЕУХОЖЕННАЯ: бесплодная; или же НЕУХОЖЕННАЯ: как бы мешающая уходу за землей. ОЧИ, солнце и луна, СТОЯТ в ПЛАМЕНИ, то есть владеют огненной областью. ПЛАЩ: разновидности ненастий, как то снег, град, ливень. ПЛЕЧ: зимних месяцев. УЗЛОМ: стяжением стужи.

[302–304] ЧЕЛН²⁰²: Корабль у него сшитый и щелистый; под ним мы понимаем человеческое тело. Сшитый – так как составлен из разных стихий и соков. Имеет щели, то есть отверстия чувств. Его-то Харон ГОНИТ ШЕСТОМ, то есть поддерживает и правит питанием. Ведь поскольку время зимой заставляет затворенную землю начинать, весной открытую – порождать, летом иссушенную – доводить до зрелости, осенью давать время для жатвы, то и о корабле говорится, что Харон его правит шестом. Справедливо через шест, то есть опору корабля, обозначается питание, то есть опора тела. ПАРУСАМИ: Паруса, которые, наполнившись ветрами, движут корабль, суть два глаза, которые, будучи затронуты зримою ими отрадою удовольствий и разнужданностью сластей, влекут тело в разные стороны. Посему в «Тимее» читаешь: «Это чувство, восприняв нечто

новое и потому отрадное, заставляет тело двигаться безрассудным и неупорядоченным броском»²⁰³. Этими парусами Харон ПРАВИТ, когда время дает глазам свет и тьму: днем свет ради видения, ночью тьму ради восстановления сил и покоя. ТЕМНОЙ: грязной. ТЕЛА: телесные пороки. СТАРЫЙ: так как появился вместе с материей. КРЕПКА: разрушительна²⁰⁴. Ведь древность времени много всего сокрушила. Посему в другом иносказании говорится, что Сатурн пожрал почти всех своих сыновей²⁰⁵. ЗЕЛЕНА: так как обновляется с каждым годом.

[305–308] К БЕРЕГУ²⁰⁶: к концу удовольствий и началу плача, печали и других страданий. МАТЕРИ: тут он добавляет, какая ТОЛПА. Во всех иносказаниях под отцами и матерями мы понимаем наставников, под сыновьями и дочерьми – тех, кто образуется от их науки, то есть учеников. ЖИЗНЬ: две жизни, две смерти и два погребения понимает философия в иносказаниях. Одна жизнь согласно стоикам есть свобода души, пребывающая в добродетелях и знаниях, которая у тех же стойков именуется философией. Другая согласно эпикурейцам есть рабство телесным удовольствиям, которое они почитают единственной жизнью. Итак, эта – жизнь души, та – плоти. Первая смерть есть конец первой жизни, угнетение пороков, которое есть подлинная смерть. Другая смерть есть умерщвление пороков, которого, как говорит Платон, следует желать философам²⁰⁷. К этой смерти побуждал говоривший: «Умертвите члены ваши»²⁰⁸. Одно погребение есть внедрение знаний в твердую память, где должно погresti добродетели и знания. Другое погребение есть то, коим следует погresti Мизена и Палинура, а именно окутывание забвением. БЕЗБРАЧНЫЕ: бесплодные. НА КОСТРАХ: в жаре пороков. ПРЕД РОДИТЕЛЬСКИМИ ОЧАМИ: на глазах наставников.

[309–312] ЛИСТЬЯ²⁰⁹, взмятенные ветром, сравниваются с умами, блуждающими под влиянием пороков. СТУЖЕ: смерти, которую приводит изобилие временных благ. ПТИЦЫ: С птицами снова справедливо сравниваются человеческие умы, ибо на крылах добродетели и знания они могут подняться ввысь. КОГДА и т.д.: Как холод осени посылает птиц за море, так угнетение пороков нудит человеческие умы блуждать. СОЛНЕЧНЫЕ: Красота за морем есть спокойная жизнь очищенных по ту сторону плача и печали.

[313–320] СТОЯЛИ²¹⁰: Задерживались во временной печали, МОЛЯ: желая ПУТЬ: временную жизнь ПРОДЕЛАТЬ: отправиться за поток Ахерона в спокойную жизнь очищенных. РУКИ ПРОСТИРАЛИ: предпринимали деяния. ОТДАЛЕННОГО БЕРЕГА: начала спокойной жизни. МРАЧНЫЙ: суровый. ПРИНИМАЕТ: отвозит за реку. А ДРУГИХ: Некоторых он отвозит за временную печаль в спокойную жизнь, а некоторых удерживает ДАЛЕКО от входа во временную печаль. ОТ ПЕСКА или Аверна: от подступа к Ахерону. УДИВЛЕННЫЙ: Ведь удивительно, когда мы говорим, что никто достойный не выбивается вперед, ибо некоторые рождаются, чтобы непрестанно терпеть бедствия, некоторые долго от них свободны, некоторые же через печаль временной жизни перевозятся в жизнь спокойную. И потому дух спрашивает совета у разума, говоря: СКАЖИ и т.д. РАЗЛИЧИЯ: разности в заслуге. ВЕСЛАМИ: решениями. ВОДЫ: печаль. БОРОЗДЯТ: пересекают.

[322–324] **ИСТИННЕЙШАЯ**²¹¹: так как знание и добродетель – знак божественности. **КОИМ БОГИ**: В Гигантомахии боги заручились помощью дочери Стикса, Победы, и потому победили в битве. Из-за этого они оказали столь великое почтение Стиксу, что с того времени боялись ложно клясться его именем. Гиганты, как бы *geigantes*, то есть «рожденные из земли», суть тела, по природе сотворенные из земли и ее питанием вскормленные. А что Титан был их отцом, означает, что они рождаются от солнечного тепла, действующего на землю. А боги, как мы сказали, это знания и добродетели. Гиганты объявляют войну богам, когда тела утесняют добродетели и знания. Гиганты побеждаются, когда тела умерщвляются. Стикс, как мы сказали, переводится как «ненависть»²¹². Стикс, сочетаясь с Маворсом, рождает Победу, поскольку из ненависти и войны происходит победа. Она, как говорят, содействует богам, когда тела победно укрощаются добродетелями. Боги почитают Стикс, так как среди добродетелей и знаний нет ни намека на раздор.

[325–330] **ТОЛПА БЕСПОМОЩНАЯ**²¹³: множество пороков, лишенное блага. **НЕПОГРЕБЕННАЯ**: Они не погребены, так как своих пороков не окутывают забвением. **КОГО НЕСЕТ ВОЛНА**: Те, кто пересекает временную печаль, приходят к красоте спокойной жизни очищенных. **ПОГРЕБЕНЫ**: то есть их грехи в забвении, добродетели – в памяти. **КОСТИ**: добродетели **УПОКОЯТСЯ**: будут помещены **НА МЕСТАХ**: в сокровищницах памяти. Справедливо кости изображают добродетели, а плоть – пороки, поскольку как плоть уничтожается гниением, а кости уцелевают, так пороки подвержены порче, а добродетели испортиться не могут. **СТО**: промежуток конечного времени вместо бесконечного. **БЛУЖДАЮТ**, живя в пороках. **РЕЮТ**: скитаются. **БЕРЕГА**, то есть выход из сластолюбивой жизни и вступление в трудную. И заметь, что они могут «реять». Ведь реять значит несовершенно летать. Летают, но не совершенно, те, кто с малыми крылами грядет к берегу и не может пересечь реку, то есть кто с малыми добродетелями и знаниями приходит к концу сластолюбивой жизни и началу трудной, но так как они не погребены, то есть поскольку добродетели у них не окутаны памятью, а пороки – забвением, трудную жизнь они не пересекают и до спокойной не добираются. **ТОПИ**: Ахерон и Коцит **ЖЕЛАННЫЕ**: которые они желают пересечь. **ВНОВЬ ПОСЕЩАЮТ**: снова созерцают, дабы, познав природу своих душевных волнений, одолеть их.

[331–332] **ОСТАНОВИЛСЯ**²¹⁴: Он замедляется на созерцании этого. **СТОПЫ**: чувства. **ВПЕЧАТАЛ**: удержал. Ведь иначе не откроется ему переход через реку. **МНОГОЕ**, именно что некоторые идут к печали и плачу временному, а некоторые нет. Ведь многих щадит Фортуна сравнительно с другими, которых она теснит несносным бедствием. Из них некоторые опять приходят к печали, некоторые к спокойной жизни, а некоторые нет. Это и тому подобное он обдумывает. **НЕСПРАВЕДЛИВОМУ**: Неправомысленным мы считаем такой исход, когда одни процветают, а другие принижены, хотя те почитаются дурными, а эти добрыми.

[333–336] **ЛЕВКАСПИД**²¹⁵: Два товарища, погибшие в бурю, означают природное знание и природную добродетель. Ведь человеческий ум обладает эти-

ми двумя вещами от природы, от которой он приемлет тройной их рассадник. Ведь у природного знания тройной рассадник: дарование – природная сила нахождения; рассудок – сила распознавать найденное; память – сила сохранять распознанное. И у добродетели три начала: гневливость, то есть бегство от зла; вождение, то есть желание блага; мужество в сражении со злом и защите блага. Под Левкаспидом мы понимаем природную добродетель. Ведь Левкаспид переводится «затвор белизны» или «красоты»: *leuce* переводится как «красота» или «белизна» (отсюда и имя Левконои, то есть «белой богини»), а *caspos* по-гречески – «затвор» по-латински (отсюда и название Каспийского моря, ибо оно затворяет восточные области). Добродетель именуется затвором красоты, поскольку укрывает красоту духа от загрязнения пороком. Оронт, как бы *orenteos*, то есть «бог благости», – имя для мудрости, поскольку она благая и божественная и, давая благо, сохраняет его. Потому у Боэция она зовется «наставницей добродетелей»²¹⁶. Оронт именуется «вождем ликийского флота», поскольку мудрость – предтеча телесного удовольствия; ведь ей следует идти впереди всех удовольствий. ВИДИТ: глазами созерцания ТАМ, то есть при Ахероне и Коците. Ведь в этой жизни добродетель и знание крайне утесняются плачем и печалью, почему Боэций и говорит: «Гнетет невинных тяжкая кара, назначенная преступлению»²¹⁷. МРАЧНЫХ: суровых. СМЕРТНАЯ ПОЧЕСТЬ: погребение. Мы сказали, что гробница добродетелей и знаний – память, пороков – забвение. И заметь, что эти двое лишены почести смерти, то есть чести погребения, ибо нам трудней верить памяти добродетели и знания, чем нечистоты пороков. Ведь мы изменчивы к худшему. ВЛЕКОМЫХ: рассеянных. ЗЫБИ: волнения привременные. ВЕТРЕННЫЕ, полные ветрами, то есть волнениями пороков. АВСТР: Ветры, как мы показали выше²¹⁸, изображают натиск пороков. Под Австром мы понимаем зев прожорливости. Ведь этот ветер больше прочих нагоняет тучи: приходя от антарктической страны, он находит тучи, поднятые теплом соседней знойной области, и гонит их пред собой в арктический край²¹⁹. И напротив, Аквилон – ветер ясный. Итак, Австр обозначает прожорливость. Как Австр гонит тучи больше других, так этот порок приносит неведение больше прочих. Отсюда у греков пословица: «Из тучного брюха не родится тонкий смысл»²²⁰. И Гораций свидетельствует, что этот порок «пригнетает к земле частицу божественна духа»²²¹. Оттого эпикурейцы, весьма усердствовавшие в этом пороке, больше прочих заблуждались в своем учении. Итак, АВСТР товарищей Энея ПОГРУЖАЕТ В ВОДЕ, когда прожорливость первых лет угнетает природное знание и добродетель, ринувшись на них. СКРЫВАЯ: возмущая КОРАБЛИ: желания.

[337–340] ВОТ²²²: Заметь, что когда Эней низошел в преисподнюю, все судьбы, им претерпенные, и умершие товарищи возвращаются ему пред очи. Когда разумный дух склоняется к созерцанию тленных вещей, умерщвленные пороки первых лет некоторым образом возвращаются в представлениях воображения, как ВОТ Палинурова тень БРЕЛА, когда вернулось представление о былом заблуждении. Так тень Дидоны и Деифоба появляется, когда приходит

воспоминание о прошлой похоти и страхе. НА ЛИВИЙСКОМ ПУТИ, то есть переходе от сластолюбия к началу философствования. КОГДА СВЕТИЛА: Палинур наблюдает звезды, когда тот, кому присуще заблуждение, рассматривает небесное – и так пропадает Палинур. УПАЛ С КОРМЫ: исчез из его желания. НИЗВЕРГШИСЬ В ВОЛНЫ: брошенный и убитый в учении. НАКОНЕЦ УЗНАЛ: так как Эней был уже удален от него, то не чувствует и потому говорится, что его не узнает, как о мудреце и чистом говорится, что он не знает похоти, хотя знает, что она такое. МРАЧНОГО: Ведь заблуждение делает мрачными тех, кого заставляет заблуждаться, толкая их к злу. В ТЕНИ: в припоминании.

[341–347] ПЕРВЫМ²²³: Ведь в первую очередь говорит мудрец. ИЗ БОГОВ: добродетелей и знаний. АПОЛЛОН: мудрость. ЛЖИВЫМ: Аполлон лжет Энею, когда мудрец через наставление отвлекает вредоносный дух от заблуждения. Мудрец это совершает, когда сперва наставляет человека, как у Горация читаешь, что его отец указывал примерами, чего следует бежать и чего искать, и однако не приводил оснований, почему того бежать, а этого искать, но говорил: «Мудрец тебе скажет причины, зачем нам лучше того избегать и другого искать»²²⁴. ОТВЕТОМ: советом своим. НЕВРЕДИМ: крепок. В МОРЕ: волнении мирских благ. ПРЕДЕЛЫ АВЗОНИЙСКИЕ: начало возрастания.

[347–354] ТРЕНОЖНИК²²⁵: внутренний совет. НИ БОГ МЕНЯ: Эней спросил о двух вещах: КАКОЙ БОГ ИСТОРГ его и ПОГРУЗИЛ в пучине. Палинур одного из двух не отрицает, что бог его исторг, поскольку это правда, но отрицает другое, что бог погрузил его в пучине, то есть знание или добродетель поместили заблуждение в мирской жизни. КОРМИЛО: согласие души на порок. С ВЕЛИКОЮ СИЛОЙ: Ведь с неким насилием порок вынуждает у воли это согласие. ПРЕБЫВАЛ: ведь заблуждение и дурное согласие неразделимы. ПАДАЯ, УВЛЕК С СОБОЮ: Ведь они вместе исчезают. ЗА СЕБЯ: Ведь он знает, что этот порок отыщется во многих местах. ЧТО ТВОЙ: как видно, он особенно скорбит о том, что удален от мудреца. СНАСТЕЙ: помышления, услаждения, согласия. ИЗНЕМОЖЕТ: отступит от дурного начинания. КОРАБЛЬ: желание. ПОДНИМАЮЩИХСЯ: порицающих.

[355–357] НОТ²²⁶: влечение, как мы сказали²²⁷. НОЧИ: неведения. ТРИ: то есть неведение себя, другой твари, Творца. ВЛЕК: Ведь сластолюбиею наипаче присущи неведение и заблуждение, почему и сластолюбец считает позорное обыкновение своего греха честным. НА ВОДЕ: в токе сластолюбия. НА ЗАРЕ: три дня его носит Австр, и на ЧЕТВЕРТЫЙ он видит Италию. На четвертый, так как в трех удовольствиях есть заблуждение влечения, а в четвертом оно чувствует возрастание. Под зарей мы понимаем удовольствие, так как только оно, согласно эпикурейцам, отрадно, и блещет, и веселит своего поклонника. Первое удовольствие – помышлять о недозволенном, второе – одобрять его, третье – совершать, четвертое – привыкнуть.

[358–361] Во всем этом заблуждается сластолюбие, но в четвертом заблуждение особо возрастает, потому добавлено: ПОСТЕПЕННО Я ПОДПЛЫВАЛ²²⁸ и т.д., но заметь, что он говорит, что ЕДВА увидел Авсонию, ибо хотя заблуждение спешит возрасти, однако едва видит свое возрастание; ведь так

всякий порок ослепляет своих приверженцев, дабы благодаря их неведению все больше и больше отнимать их силы. ПОДПЛЫВАЛ: Приближался по току сластолюбия. ПОСТЕПЕННО: то есть в силу привыкания. К ЗЕМЛЕ: К тяжести и прочности необходимости. От привычки он движется к необходимости, которая вяжет ум неразрешимыми путями, дает прочность порокам и потому изображается как земля, тяжелая и прочная. БЕЗОПАСНОСТИ: Ведь тут он не боится быть сорванным, но поскольку мудрецы сильнеешим образом обрушиваются на заблуждение, когда видят его вошедшим в привычку, и обличают застигнутое, чтобы ум не был ведом к прочности, прибавляет: ПЛЕМЯ ЖЕСТОКОЕ: множество суровых людей. ОТЯГЧЕННОГО: укрепленного. МОКРОЙ ОДЕЖДОЙ: нечистой жизнью. ЦЕПКИМИ РУКАМИ: расположенными к дурному делу. ХВАТАЮЩЕГО ШЕРШАВЫЕ ВЫСТУПЫ: приступающего к трудным добродетелям. СКАЛЫ: разумной сущности. ЖЕЛЕЗОМ: порицанием. ДОБЫЧЕЙ: которую они должны похитить. В НЕВЕДЕНЬИ: без опыта истинного мира.

[362–372] НЫНЕ²²⁹: Он не приходит к горе, но отброшен силой ветров. ПОТОК ВЛАДЕЕТ: ток сластолюбия. ВРАЩАЮТ: сносят. ВЕТРЫ: натиск пороков. БЕРЕГА: подступа к току сластолюбия. ТАК ЧТО: Палинур закликает Энея, когда тот, кому присуще заблуждение, просит разумный дух освободить его. СВЕТА: вечного блага. ВОЗДУХА: временных благ. ЗЕМЛИ: добродетели прочной и плодоносной. ГАВАНЬ: вход в пучину влечения. Великую: ибо заблуждения укрывают (velant) умы; или же рождены от желания (a voluntate). ОТЫЩИ оставленное позади: через созерцание ищи меня увидеть. От самого начала мы должны увидеть заблуждение, дабы вырвать его с корнем. БОГОВ: знаний и добродетелей. ДЕСНИЦУ: праведное дело. ВОЛНЫ: временные события. В ОБИТЕЛЯХ: в памяти. СМЕРТИ: умерщвлении пороков. УПОКОИЛСЯ: Чтобы поднялись добродетель и знание. МОЛВИЛ: Пороки говорят духу, когда дух замечает что-то касательно их, или когда тот, кому присущ порок, обращает речь к мудрецу. Это легко заметить в вышесказанном. ПРОРОЧИЦА: Разумение говорит, когда разумеющий говорит.

[374–383] НЕПОГРЕБЕННЫЙ²³⁰: если не окутаешь порок забвением. РЕКУ: Коцит. НЕПРОШЕННЫМ: Без предопределения. УВИДИШЬ: созерцанием. ВОЛЮ (fata): временные события. БОГОВ: божественных понятий. СОСЕДИ: соглашающиеся с заблуждением. ЧУДЕСАМИ: знаменьями. КОСТИ: дела, вводящие в заблуждение. КУРГАН: забвение. ТРИЗНЫ: святые дела. МЕСТО: ум, которым ты овладеешь, назовется «блуждающим». РАДУЕТСЯ: О пороках говорят, что они радуются, так как в них видна радостная исполнительность: ведь они упорствуют в растлении духа, будто это им в радость. ЗЕМЛИ: косного духа.

[384–391] ПУТЬ²³¹: созерцание. ЛОДОЧНИК: О Хароне говорится, что он в Ахероне, ибо чем больше возраст, тем больше бед терпит человек, как показывает Ювенал на пилосском царе, что увидел бороду Антилоха воспламенившейся. Затем он добавляет о старике, которого «осаждают сомкнутым строем всякий недугов род», «тот плечом, этот ляжкой болеет; обоих глаз лишился

другой и кривым завидует; бледные губы еду из чужих перстов принимают»²³². И Гораций говорит: «Много вокруг старца сошлось беспокойств» и

Много с собою добра несут приходящие лета,
Много уносят с собой проходящие²³³.

СТОПЫ: шаг созерцания. **ПЕРВЫМ ВЕЩАЕТ:** Харон вещает к Энею, когда полный днями, то есть долговечный старец, обращается к разумному, и «первым», так как в старцах есть благоразумие и память о многих вещах. Потому ради достопочтенной важности ему дано говорить в первую очередь. **КРИЧИТ:** когда благоразумный старец видит чей-то разумный дух, несомый стопами созерцания, боится, что он нисходит сюда по любопытству и любви к одним временным благам; потому отвечает Сивилла, что он пришел видеть отца, то есть познать Творца.

ВООРУЖЕННЫМ: Мы уже говорили об обнаженном мече. **НА ЧТО:** То есть почему, по любви ли к временным благам или ради созерцания. **СДЕРЖИ ШАГ:** останови созерцание. **ТЕНЯМ:** Все это мы изложили выше. **ТЕЛА:** сущности **ЖИВЫЕ:** в чистой свободе знаний и добродетелей. **ЗАПРЕТНО:** не дозволено и невозможно. В **ЛАДЬЕ:** теле. **ВОЗИТЬ:** Ведь душа в теле не может жить в чистом забвении совсем без несчастий.

[392–402] **АЛКИДА**²³⁴: Геркулес низошел в преисподнюю, но поскольку он был полубог, выход был для него открыт, и он вытащил на цепи привратника-Цербера. Геркулес обозначает человека добродетельного, и его имена ему приличествуют. Геркулес по-гречески – «слава тяжбы» по-латински; ведь труд его прославил. Посему Бозций говорит: «Тяжкий труд дает Геркулесу славу»²³⁵. Именуется он и Алкидом, как бы «крепким» и «прекрасным». «Крепкий» означает добродетель, «прекрасный» – славу. Он нисходит в преисподнюю, когда приходит созерцанием к временным вещам, но поскольку он полубог, то есть разумен и бессмертен душой, а телом неразумен и смертен, то возвращается, вновь поднимаясь от них к вещам небесным.

Цербер в иносказаниях принимается в двух видах; под ним мы разумеем землю, отсюда соответствующее имя. Ведь он зовется Цербер, как бы caerberos, то есть «пожирающий плоть»²³⁶. Он пожирает плоть, оставляя кости. У него три головы: Европа, Африка, Азия. Или же он трехголовый по разности качеств: ведь в нем есть кое-что очень горячее, кое-что очень холодное и кое-что среднее. Халдеи думают, что существует три пояса. Он привратник Орка, поскольку через него мы вступаем в подлунную область. Фульгенций же под Цербером понимает красноречие²³⁷, ибо имя ему Цербер, то есть «пожирающий плоть», ибо оно проникает в плотские умы слушателей и поражает их. А трехголовый он потому, что у него три основные науки – грамматика, диалектика, риторика, или из-за трех родов судебных дел или стихотворства. Он привратник Орка. Сообразно этому Орк имеет другое значение: он означает человеческое тело. Цербер охраняет врата Орка, так как красноречие запирает

и отпирает оружие уст. Геркулес его выволакивает в цепях, когда постигает красноречие в наставлениях и прочих правилах.

Тесей обозначает мудреца, Пирифой – человека красноречивого. Эти двое, как о них писано, равны в любви, поскольку, по слову Туллия, эти двое любят сочетаться. Ведь мудрец, если не красноречивый, полезен себе одному, а красноречивый, если не мудрец, бесполезный и пагубный для отчизны граждан²³⁸. На их связь явственно намекает Марциан, когда вводит Меркурия, добивающегося брака с Филологией²³⁹. А что мы читаем, что Тесей был отчасти бог, отчасти смертный, означает, что мудрец, поскольку он теоретик, божествен, а поскольку практик – человек. Отсюда и подходящее имя: ведь он зовется Тесей, «бог благой»: *theos* – это «бог», *eu* – «благо». Богом он именуется по теоретическому знанию божественного, а благим – по практическому, которое научает человеческому благу, то есть честной жизни. Ведь честность есть высшее благо в жизни. Пирифой же именуется как бы «богом круговращений»: *peri* – «вокруг», *theos* – «бог». Под этими круговращениями мы понимаем не что иное, как кружные странствия торговцев, коим пособляет красноречие. Отсюда имя Меркурий, как бы «купцов владыка», то есть бог. Пирифой – полностью смертен, поскольку дела остаются, а слова проходят, и поскольку речь относится только к людям и поскольку по произнесении не пребывает. Мудрость же пребывает и бессмертна. Они приходят в преисподнюю, чтобы похитить Прозерпину. Ведь когда познают путь солнца и луны и подобную природу прочих светил, любят философствовать о вселенной, но их мудрость вытесняет настоящую мудрость, их болтливость одолевает настоящее красноречие.

Я НЕ БЫЛ РАД, так как тот созерцает только из любопытства. **ОЗЕРО**: Ахерон, в котором весьма много созерцаний. **СИЛЮЙ** (*manu*): деянием, сочинением стихов. **ПРЕСТОЛА**: седалища души, то есть сердца. **ТРЕПЕЩУЩЕГО**: выказывающего трепет; или же **ТРЕПЕЩУЩЕГО**, поскольку, обвиняя виновных, заставляет их трепетать. **ОТВЕЧАЛА**: Сивилла. **КОЗНЕЙ**: занятий любопытства. **НАСИЛИЯ**: Рассудок действует насильственно, когда философствует из чистого любопытства. **ИЗ ПЕЩЕРЫ**: движеньем гортани, раковиной легкого. **ЛАЯ**: диспутациями и декламациями. **ТЕНИ**: виновных. **НЕПОРОЧНО**: не будучи схвачена неким заговором, или познанием. **ДЯДИН**: Ведь она – дочь Плутонова брата, Юпитера, то есть высшего огня. **ПОРОГ**: лунный круг, верхний предел подлунной области.

[405–410] **НИКАКОЙ**²⁴⁰: Ведь иногда не нравится старому мудрецу, если он видит, что кто-нибудь философствует, поскольку он знает Творца и боится, как бы не утратилась мудрость, и потому [Сивилла ему] **ЯВЛЯЕТ ВЕТВЬ**. **ПЛАТЪЕМ**: добрым делом, коим, как одеждой, покрывает свои постыдные пороки. Или же мы скажем, что одежда Энея – тело, под коим скрывается ветвь, так как премудрость плотью скрывается, то есть помрачается. **ВИДАННОМУ**: от самого начала философствования.

КОРМУ: тело слепое и страстное. **ТЕМНУЮ**: синева в этом случае – признак страсти²⁴¹. Харон поворачивает корму к Энею, когда пора рассудительного возраста заставляет плоть сообразоваться разумному духу. **БЕРЕГУ**: Корабль

приближается к берегу, чтобы принять Энея, когда плоть начинает претерпевать тягостные страдания, чтобы подчиниться духу.

[411–414] СКАМЬЯХ²⁴²: возвышениях. СИДЕЛИ: пребывали. СБРАСЫВАЕТ: изгоняет. Харон отгоняет от себя сидящих на скамьях, когда старец презирает пребывающих в высокомерии. ОСВОБОЖДАЕТ: Харон освобождает корабельные скамьи, когда пора рассудительного возраста укрощает оружия чувств. ТОТЧАС ЖЕ корабль ПРИНИМАЕТ ЭНЕЯ, когда заставляет плоть повиноваться духу. Ведь как корабль выдерживает Энея, так плоть подчиняется духу. ОГРОМНОГО: большого в сравнении с кораблем. Ведь дух больше тела, поэтому никакое телесное благо не может его наполнить. СТОНЕТ: Корабль издает стон под тяжестью Энея, когда плоть кричит от трудности духовных добродетелей. БОЛОТА: Корабль своими щелями впивает болото Ахерона, когда плоть приемлет волны тягостных страданий через отверстия и каналы чувств.

[415–416] Харон НАКОНЕЦ²⁴³ по долгом времени ЧЕРЕЗ ПОТОК ВЫСАЖИВАЕТ, когда через тяготы трудной жизни приводит их в спокойную жизнь. ИЛ: спокойная жизнь очищенных; ведь ил – это земля обводненная. Жизнь философская обладает прочностью добродетелей и влажностью учености. И как из земли обводненной происходит обильный плод, так из сей жизни – обильная польза. БЕЗОБРАЗНЫЙ: Ведь она не украшается тленным убранством. В ОСОКЕ: Осока, всходящая из ила, есть зелень или влага нравов и добродетелей, происходящая от этой жизни.

[417–423] ЦАРСТВА²⁴⁴: Как если бы в таковой жизни повелевали добродетели. ОГЛАШАЕТ, то есть порицает, ведь он особенно донимает благих. ПЕЩЕРЕ: Пещеры, в коих заключен Цербер, суть глубокие искусства, коими объемлется красноречие. НАПРОТИВ: так как эти искусства имеют противоположных искусников: риторика – обвинителя и защитника, диалектика – оппонирующего и отвечающего. ШЕИ Цербера суть орудия, которыми они пользуются. ЗМЕЯМИ: острыми и вредоносными словами. Ими располагает красноречие, когда оно без мудрости, и потому Сивилла бросает КУСОК, то есть сентенцию, укрепляющую дух, МЕДОМ: сладостью мудрости, так как Псалмопевец свидетельствует: «паче меда и сот»²⁴⁵. ПЛОДАМИ: пользами мудрости. ЦЕЛЕБНЫМИ: поскольку они исцеляют заблуждения и пороки. ГОЛОДА: вожделения познания. ТРИ: грамматика, диалектика, риторика. ХРЕБТЫ: силу речи. РАССЛАБЛЯЕТ: опускает, по ЗЕМЛЕ: добродетели прочной и плодоносной ПРОСТЕРШИТЬ: склонившись: когда красноречие принимает мудрость, оно склоняется рассмотреть ее учение о добродетели. ПРОТЯГИВАЕТСЯ: Умножается или продолжается. Ведь, принимая в себя великую мудрость, красноречие умножается. В ПЕЩЕРЕ: искусствах.

[424–425] ВХОД²⁴⁶: сердце. Тщательно заметь порядок: сперва Сивилла насыщает Цербера куском, и так Эней «занимает вход», ибо сперва разумение сочетает мудрость с красноречием и тогда разумный дух овладевает орудием речи для научения. Ведь тогда он занимается обучением, оказуя красноречие, которое учит, будучи соединено с мудростью. Никто не должен присваивать

себе имя наставника, не овладев мудростью и красноречием. Ведь если он намеревается обучать, будучи лишен того и другого, не будет у него ни мысли, ни речи, ее выражающей. Если же у него только мудрость, то есть в уме, что выразить, но нет искусства, которым он мог бы выразиться. Если же у него одно только красноречие наставника, он умеет говорить, но что говорить, не ведает. И потому занятия преподаванием следует предварять сочетанием этих двух; поэтому, сказав: «Эней занимает вход», он прибавляет: КОГДА СТРАЖ ПОГРЕБЕН, то есть когда красноречие окутано мудростью.

ПОКИДАЕТ: проходит БЫСТРО: даровитый; ведь он скор в постижении вещей. БЕРЕГ: конец ВОЛНЫ Ахерона, то есть печали, НЕВОЗВРАТИМОЙ, ведь кто единожды через тягость пересекает беспокойную жизнь, неохотно через нее возвращается, ибо помнит претерпенную суровость.

[426–430] ТОТЧАС²⁴⁷: Когда мудрость соединена с красноречием и начаты труды учительские, после того как свободный дух приходит к спокойной жизни, тут наконец он оглядывается на тленную и преходящую жизнь и познает ее бедствия; это и есть УСЛЫШАННЫЕ: познанные ВОПЛИ: аффекты глупой души. Четыре аффекта у глупой души: радость, то есть аффект о наличном благе, надежда – о будущем благе, скорбь – о наличном зле, страх – о будущем зле. Итак, два о благе и два о зле: радость и надежда – о благе, скорбь и страх – о зле; два о наличном, радость и скорбь; два о будущем, надежда и страх. Эти четыре отмечает Бозций, говоря:

Радость изгнавши,
страхи отвадив,
выгнав надежду,
скорби не узришь²⁴⁸.

И Гораций говорит:

Рад или скорбен, алкает иль трусит он, что тут за дело?²⁴⁹

А «голоса», таким образом, изображают эти два аффекта, происходящие от блага, то есть радость и надежду. Глас же, то есть выход голоса – ведь так мы его воспринимаем – есть знак этих аффектов. ВОПЛЬ – это знак других двух и потому их изображает.

МЛАДЕНЦЕВ: Под младенцами мы понимаем неискушенных в науках. ПОРОГ: вход в знания. СЛАДОСТНОЙ ЖИЗНИ: свободы духа в знаниях и добродетелях. ГРУДИ: науки, через которую неискушенные впивают пищу от продвинувшихся. Ведь научение – это распространение знания. ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ: дурное желание. КОНЧИНЕ: Угнетении пороков. РЯДОМ: сожители. ОСУЖДЕННЫЕ: обесславленные ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: бесславием СМЕРТЬ: пороки ЛОЖНОМУ: ведь молва «возглашает бывшее и небывшее»²⁵⁰.

[431] НИ²⁵¹: Он отметил два рода живущих в сей смертной жизни, то есть слабых и бесславных; и ты заметь, судящий о них. Читаешь, что было три

сына у Юпитера, ставших судьями в преисподней: Минос, Радамант, Эак. Под ними мы разумеем три единственных блага, которыми владеем: добродетель, мудрость, красноречие. Эти три имеют начало от Творца, поскольку они блага. Минос по-гречески – «ясный» по-латински, и *mene* значит «ясная»²⁵². Под Миносом понимай мудрость, которая озаряет дух, под Радамантом – красноречие, ведь Радамант по-латински значит «судящий слово»²⁵³. А судить слово – дело красноречия: средствами грамматики оно устраняет пороки речи, средствами диалектики различает истинное и ложное, средствами риторики украшает речь расцветкой. Эак же – как бы *Neogachaos*, то есть «господин смешения»²⁵⁴, ибо добродетель господствует над смешением порока. Итак, Минос судит между мудрыми и заблуждающимися, Радамант – между красноречивыми и не красноречивыми, Эак – между добродетельными и порочными. ЖРЕБИЯ: расположения.

[432–433] УРНУ²⁵⁵: смерть, то есть порок, ЗЫБЛЕТ: исследует. БЕЗМОЛВНЫХ: уничтоженных пороками СОВЕТ СОЗЫВАЕТ, чтобы наставить собранных. Ведь это служение мудрости – созывать многих к своей науке, и он исследует, чтобы обнаруженное исправить, дав ему законы.

[434–437] ДАЛЬШЕ БЛИЖАЙШИЕ²⁵⁶ к слабым и бесславному. Ведь обо всех дурных говорится, что они живут вместе. Ведь их сожителство – это порочная жизнь. СЕБЕ ПРИЧИНИЛИ ПОГИБЕЛЬ, то есть себя ввергли в грех РУКОЙ: дурным деянием. Он отмечает нерадивых. СВЕТ: мудрость. ОТБРОСИЛИ: поддались телесным удовольствиям. ЭФИРА: блистания мудрости и божества. БЕДНОСТЬ: презрение мимолетного блага, которым обладают философы вроде Диогена.

[438–439] БОЛОТО²⁵⁷: забвение. СТИКС: ненависть. ДЕВЯТИКРАТНО: Ведь есть девять родов ненависти; девять презрений знания. Есть троякая ненависть – презирать три дисциплины красноречия, еще тройная – гнушаться тремя отраслями практической философии и еще тройная – пренебрегать тремя отраслями теоретической. Итак, Стикс течет по девяти руслам, когда ненависть изливается на девять знаний. Стикс, ДЕВЯТИКРАТНО ПРОТЕКАЯ, УДЕРЖИВАЕТ желающих воскреснуть к оставленной жизни, ибо ненависть, отрезающая от них мудрость, скрывая девять знаний, препятствует ищущим возврата к оставленному знанию. Ведь кто хочет быть мудрым, должен любить упражнение в знаниях.

[440–444] НЕДАЛЕКО²⁵⁸: Отметив три рода живущих в этой мирской жизни, которых созерцает разумный дух, то есть слабых, бесславленных, нерадивых, он отмечает четвертый, то есть сластолюбивую жизнь. И заметь, что, в то время как прочие пороки он изображает мужами, этот порок обозначает только женщинами: ведь женщина вообще означает слабость и нежность, а этот порок преимущественно относится к слабости и нежности. Разные роды сластолюбцев он означил разными примерами. НЕДАЛЕКО ОТТОЛЕ: Этот порок недалеко отстоит от вышеозначенных, так как они ходят вместе. СКОРБНЫЕ: заблуждения сластолюбия. Этими названиями он обозначает двоякое сластолюбие. Ведь сперва сластолюбие предлагает некое удовольствие, но под конец

отягчает любовников рыданиями раскаяния и дурной совести. Поэтому Бозций говорит:

И с пчелой летучей сходно,
прелюбезный мед изливши,
убегает и укусом
уязвляет долгим сердце²⁵⁹.

Посему через Химеру, как мы выше сказали, изображается сластолюбие, сперва сладостное, напоследок уязвляющее. ТРОПЫ: Дороги, коими идут к этим полям, суть пороки, коими идут к любовям, которых множество указывает Овидий в «Науке любви», говоря:

Прежде всего, коли хочешь любить ²⁶⁰,

и т.д.

ТАЙНЫЕ: О них сказано, что они скрываются, потому что они дурны, но почитаются благими, когда люди добиваются их ради их утонченности²⁶¹. МИРТОВЫЙ: Венерин ЛЕС: тень, то есть неведение, которым обладает этот порок, КРОЕТ: окутывает.

ЗАБОТЫ И В СМЕРТИ НЕ ПОКИДАЮТ: Тревоги сопровождают тяготу этого порока; или иначе читай об этой смерти: «заботы», представления воображения, что называются фантазмами, «не оставляют» и в умерщвлении плоти. Ведь когда мы уже умерщвляем этот порок в нашей плоти, не можем сразу очиститься от этих фантазм.

[445–447] ФЕДРУ²⁶²: Разумей некий род сластолюбцев, что зовется нечистым, то есть любящих недозволенным образом. ПРОКРИДУ: род ревнивых. ЭРИФИЛУ: род алчных любовников. ЭВАДНУ: Это была жена Капанея, которая, услышав, что муж ее мертв, отыскала труп и на нем умерла, заключив его в объятия. И потому разумей под ней столь несдержно любящих, что их любви и смерть не может положить конец. ПАСИФАЮ: Под ней понимай род любящих, чья любовь преступает законы природы. ЛАОДАМИЯ: Под ней понимается род любящих, живущих в такой тревоге, что никакая нужда во сне, пище, питье или чем-нибудь еще не может дать их любви покоя.

[448–449] ЮНОША КЕНЕЙ²⁶³: Сначала это была женщина, потом сменила пол на мужской и стала называться Кенеем, хотя сперва звалась Кенидой; снова обращенный в женщину, он вернул себе прежнее имя. Мы сказали, что женский пол обозначает непрочность порока, а мужской – крепость добродетели. Из женщины он превращается в мужчину, так как переходит от непрочности порока к крепости добродетели. Из мужа возвращается в женщину, когда от крепости добродетели уходит в немощ порока, что ты видишь преимущественно совершающимся в сластолюбии, как у Теренция²⁶⁴: Федрия поднимался от женщины к мужчине, пока думал перестать любить Фаиду, и скатился от мужчины к женщине, когда вернулся от этого честного намерения к первоначаль-

чальной слабости. Справедливо зовется Кенеем или Кенидой, то есть сыном или дочерью новизны²⁶⁵, словно внезапно обновляется к столь разным вещам. СУДЬБОЙ: временным событием.

[450–476] МЕЖ НИМИ²⁶⁶: Когда он созерцает эти разные роды сластолюбия, зрит и образ своей прежней страсти, и таким образом зрится тень Дидоны. С НЕДАВНЕЮ РАНОЙ, то есть еще новой, поскольку она недавно умерла. БЛУЖДАЛА: возвращалась на память В ЛЕСУ: в отрадной тени любви. СТАЛ: Замедлился около, созерцая ту, которую прежде любил позорной любовью. В ТЕНИ: в воспоминании. НЕЯСНУЮ: Ведь она ему зрится не столь прекрасной. КАКОЙ: Ведь как луна, сперва блеща, потом прячется и снова возобновляет тонкий пламень, так страсть, что сперва, кажущаяся прекрасной, усиливается, потом исчезает, возвращается к духу в слабом воспоминании. СЛЕЗ: раскаиваясь, что заблуждался так позорно. МОЛВИЛ: Эней обращается к тени Дидоны, когда разумный дух посредством воспоминания созерцает природу страсти. ВЕСТЬ: Рассудок возвещает Энею, что Дидона умерла, когда рассудок, показывая дух, свободный от рабства страсти, научает, что страсть исчезла. ЖЕЛЕЗОМ: острием укоризны. ПРИЧИНОЙ: если бы он не оставил страсти, она бы не умерла. Ведь сколь долго мы соглашаемся со страстью, столь долго даем ей силу. Посему говорится: «Иди к огню, сильней нагреешься»²⁶⁷. НЕ ПО ВОЛЕ СВОЕЙ: Ведь если бы он не боролся сам с собой, никогда не покинул бы страсть. БЕРЕГ: конец страсти. БОГОВ: знаний и добродетелей. ТЕРНИСТЫМ: уязвляющим. Как шипы, уязвляя тело, исторгают кровь, так земные блага, понукая дух, отнимают силу. И НЕ: он не верит, что страсть, приникнувшая к нему со столь прочными путами, отступит, если он ее покинет. УДЕРЖИ: Дидона, увидев Энея, бежит, когда сластолюбец не внемлет наставлению мудреца. Эней призывает к беседе убегающую Дидону, когда разумный дух зовет к своему наставлению стыдящегося сластолюбца. И СЕБЯ: Дидона ускользает от Энеева вида, когда сластолюбец ищет убежища от взора мудреца. ПЫЛАЮЩЕЙ: Пылать собственно значит заблуждаться. СУРОВО: Дидона угрюмо смотрит на Энея, когда сластолюбец воздвигает крепкую защиту против разумно его наставляющего. ГЛАЗА: Дидона опускает глаза долу, когда сластолюбец не поднимает своего остроумия и рассудка к вещам небесным. НАЧАТОЙ: задуманным злом. ЛИЦО: желание, так как в лице обнаруживается желание; посему Ювенал говорит:

Духа сокрытого ты замечаешь мученья в недужном
Теле, и радость его замечаешь; лицо принимает
Образ с обеих сторон²⁶⁸.

РЕЧЬЮ: Речь есть этическое наставление, направленное к присутствующим. КРЕМЕНЬ: Как камень недвижим и глух, так и сластолюбец неподвижен и безразличен. НАКОНЕЦ: После того как долго созерцал Эней Дидону, возобновляя ее в воображении, она исчезает из его памяти. ПОДХВАТИЛАСЬ: ускользнула или исчезла. В РОЩУ: в приятную сень своего неведения. СИХЕЙ

толкуется как «благо души», под которым мы понимаем порок обжорства и опьянения; согласно эпикурейцам, никакого блага больше этого душа иметь не может. Он – супруг Дидоны, ибо сластолюбие радо обжорству: «Без Цереры и Вакха холодеет Венера»²⁶⁹. РАВНЯЕТСЯ: Ведь обжорство столь любит сластолюбие, сколь и сластолюбие – обжорство. Ни одно не насыщается без другого. СУДЬБОЮ: смертью ПОРАЖЕННЫЙ: взволнованный. Ведь он не может иметь столь великое совершенство, чтобы не волноваться при расставании с тем, что его радовало. Посему прибавляется: СЛЕДИТ и проч., то есть обращается к воображениям памяти.

[477–488] ПУТЬ²⁷⁰: созерцание, которое есть дорога от творений к Творцу. НИВ: обязанности службы. ПОСЛЕДНИХ: так как они – защита остальных, и потому называются последними, как бы будучи основаниями прочих. ОБОСОБЛЕННО (secreta): отдельно от прочих служб. Ведь как написано в «Тимее»²⁷¹ это служение отделено от иных, чтобы никто никогда не соединял эту службу с другой. Поэтому Платон говорит: «Прочим роздано, что каждому дано от природы особенного, и только на тех, кто ведет войны ради благоденствия всех, возложена эта одна служба защиты города». ВСТРЕЧАЕТСЯ: зрится. Он отмечает разные роды занимающихся этими делами. Под Тидеем понимаются те, у кого телесная крепость паче размера их тел. Ведь в Тидее

большее в небольшом царило мужество теле²⁷².

Под Партенопеем – те, чья доблесть превосходит юношескую отвагу; под Адрастом – те, чья доблесть побеждается старческой немощью, коих он отмечает в образе Адраста. НАВЕРХУ: у разумных, которые знают их заблуждения. ПАВШИЕ: впадающие в порок ДАРДАНИДЫ: те, кто хочет защитить от пороков тело, которое мы понимаем под Троей. КОИХ: каковые роды совершающих службу вида: очами созерцания разыскивая заблуждения. ГЛАВКА: Под этими тремя понимай три рода защитников в государстве. Ведь есть три рода войны: отечественная, когда сражаются люди из одной или разных стран; гражданская, когда из одного города; более чем гражданская, когда из одной семьи. Эти три рода вражды отмечает Платон в «Тимее», говоря: должность воинов – защищать город от внешних, внутренних и домашних врагов. Итак, сообразно этому суть три рода защитников: против внешних, против внутренних, против домашних. Посему и враги зовутся АНТЕНОРИДЫ, то есть поставленные напротив. ПОЛИБЕТА: Под ним понимаются все те, кто не уважает достоинства своего святого сана²⁷³. ИДЕЯ: Париса, воспитанного на Иде. Под ним понимаются те, кто, нанося кому-нибудь обиду, не думают об ущербе отечеству. ОКРУЖАЮТ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СПРАВА, те, кто пребывает в тех воинских службах, то есть занятые благим делом²⁷⁴. ВЗГЛЯНУТЬ: очами созерцания. ПОМЕДЛИТЬ, исследуя их заблуждения или правые деяния. И СРАВНЯТЬ: Он разделяет с ними путь, когда обращает свое созерцание к их деяниям. ПРИЧИНЫ ПРИХОДА: цели, для которых они рождены.

[489–493] **НО ДАНАЕВ**²⁷⁵: Мы сказали, что данаи, нападающие на Троию, суть пороки или телесные нужды, изуряющие тело. Агамемнон же, начальствующий над данаями, есть рассудок, поставленный над пороками и нуждами. Имя ему подходит: Агамемнон – как бы *agonis mene*, то есть «ясность состязания». Ведь рассудок освещает добродетели, сражающиеся с пороками. Брат у него – Менелай, то есть добродетель, которая зовется Менелаем, как бы ясной и каменной: ведь *mene* значит «ясность», *laos* – «камень». Добродетель ясна, поскольку она практикуется²⁷⁶; каменна, поскольку крута²⁷⁷. **ВОЖДИ ДАНАЕВ** суть те, кто вмещает много пороков. Они не ждут прихода Энея, так как боятся разумной беседы. **АГАМЕМНОНОВЫ ФАЛАНГИ**: Агамемноновы когорты суть множества пороков, над коими начальствует Агамемнон, так как рассудок имеет власть над пороками. **ОРУЖЬЕ**: рассудок, трудящийся в упражнении. **ТЕНИ**: временные блага. **ЧАСТЬ**: Данаи, боящиеся Энея, бегут, когда порочные не внемлют укорицам разумного. **СЛАБЫЙ ГОЛОС ПОДЪЕМЛЮТ**, когда выставляют слабую защиту. **КАК**: Эней гонит данаев к судам, когда разумный заставляет порочных посмотреть на их дурные желания. Он понуждает их подняться на корабли, то есть наказывать дурные желания. **КЛИЧ ОБРЫВАЕТСЯ**: их защита не удастся.

[494–497] **И ЗДЕСЬ**²⁷⁸: писано, что Елена сначала была супругой Менелая, у которого похитил ее Парис и сочетался с нею. Когда Парис был убит Менелаем, она сочеталась с Деифобом, сыном Приама, братом Париса. Когда город был взят, Менелай набросился на Деифоба и отрезал ему и руки, и ноги, и глаза, и уши, и ноздри. Таким изуродованным видел его Эней. Мы сказали, что Менелай – это добродетель, знатностью славная, крутизною каменная. Имя Елены – как бы *helenne*, то есть «богиня обитающая». *Hel* – «богиня», *enne* – «обитающая»²⁷⁹. Ведь она – земное богатство, которое обитает и господствует на земле и в земных делах. Она, говорят, была прекраснейшей, ибо добиваться богатства почитается важнее, чем всех прочих благ. Итак, Елена сперва дана Менелаю, так как земное богатство сперва было создано, чтобы служить добродетели, но похищается Парисом, когда переходит от доблестного к чувственному. Ведь Парис по-гречески – «чувство» по-латински, как мы сказали²⁸⁰. Итак, пренебрегши Менелаем, Елена выбирает Париса, ибо, оставив добродетельного, земное богатство предается чувственному. Потому и философы удостоверяют, что богатство дурно, поскольку чаще сопутствует негодным людям. Когда Елена сочеталась с Парисом, данаи начинают войну против Трои, так как когда богатство сочетается с человеком чувственным, пороки воздвигают вражду против тела. Ведь пороки сильнее всего набрасываются на плоть, когда находят богатство, как бы удобный случай для себя. Потому мудрецы побуждают оставлять богатство, чтобы мы могли жить свободными от пороков. Наконец Менелай убивает Париса, когда чувственность умерщвляется добродетелью. В третий раз Елена связывается с Деифобом, так как по умерщвлении чувства богатство отдается боязливому. Ведь имя Деифоб – как бы *dimorphobus*, то есть «страх народный»²⁸¹. А Приам – как бы *ipratius*, то есть «высшее давление»²⁸². Под ним мы понимаем страсть, которая, возрастая от самого рождения, во всю

временную жизнь нависает над телом и потому, как читается, царит в Трое. Старцем называется он потому, что, как мы сказали, этому возрасту присуще много тягот²⁸³. Итак, Приам порождает Париса и Деифоба, так как страсть, как мы не раз говорили, производит чувство и страх. По смерти Париса Елена достается Деифобу, так как по умерщвлении чувства богатство подчиняется страху, когда им владеет тот, кто, покидая чувственное, боится не найти ничего большего. Данаи захватывают город, когда тело поддается порокам. Менелай набрасывается на Деифоба, так как добродетель нападает на страх. Руки и ноги ему отсекает, когда показывает, что в делах и путях его нет мудрости. Глаза и уши вырезает, когда показывает ему, что он не знает вещей, которые видит или слышит. Эней видит в преисподней Деифоба без ног, рук, глаз, ушей, так как разумный дух в этой нашей области созерцает страх, не ведающий, что делать, куда идти, что видеть и слышать, и так как страх особенно порицается на военной службе. Потому говорится: «здесь», то есть в этих оружьях, то есть на воинской службе. ЛИЦО: чувства ушей, глаз, ноздрей и рта. ОБЕИМИ: доброе и дурное деяние.

[498–514] ЕДВА УЗНАЛ²⁸⁴: Эней едва узнал Деифоба, так как разумный дух едва допускает к себе страх: в этом смысле говорится «не знать пороки», то есть не допускать их к себе. ПРИКРЫВАЮЩЕГО: хотя ни один из вышеупомянутых не имеет в себе мудрости, однако прикидывается, что имеет. ОБРАТИЛСЯ: Он спрашивает Деифоба, когда замечает страх относительно этих вещей. ЗНАКОМЫМ: Деифоб знает голос Энея, так как боязливый часто воспринимает наставление разумного. Поскольку боязливый никогда не исполняет того, что советует разумный, то и наставляют его часто, чтобы он исполнил хоть раз то, к чему его многократно призывают. Ведь если он когда-нибудь исполнит, что велят, больше ему этого не повелят. ПО СВОЕЙ ВОЛЕ: Ведь боязливый не ищет наставлений от разумного. ОРУЖЕМОЩНЫЙ: Ведь он понуждает вооруженных к бегству. ТЕВКРА: все тевкры берут начало от Тевкра. Имя Тевкр – как бы *theos cronon*, то есть «бог времени». Бог времени есть солнце, которое, приближаясь, производит лето, отступая – зиму, появляясь – день, исчезая – ночь. Троя и троянцы берут начало от Тевкра, так как благодаря солнцу процветает тело человека и его природа. МОЛВА: Слух возвещает, что Деифоб умер, когда наука рассудка научает, что боязливый удалился от добродетели. НОЧЬЮ: неведением. ИСТРЕБЛЕНЬЕМ: умерщвлением пороков. МОГИЛУ: окутывание забвением. РЕТЕЙСКОМ: Ретей по-гречески зовется как бы *resis theos*, то есть по-латински «бог красноречия». Бог красноречия есть философия, которая показывает, что нам следует говорить, и удерживает красноречие от бесстыдной болтливости. Итак, на РЕТЕЙСКОМ БЕРЕГУ погребают Деифоба, так как при начале философствования страх окутывается забвением. МАНЫ: преисподние души. Эней гласом великим ВЗЫВАЕТ к преисподним душам, когда разумный призывает души, жаждущие временных благ, к своему великому наставлению. МЕСТО: забвение. ОРУЖЬЕ: Оружие, коим сражается Деифоб, это слухи, коими страх нас ужасает. ДРУГ: Деифоб любезен Энею,

так как боязливый получает наставление от разумного. ВИДЕТЬ: Нисходящий Эней не может видеть Деифоба, так как разумный дух, оставляя телесные блага, не может чувствовать страх. Неблагоразумный же, если готовится перейти от зримого к незримому, сильно пугается, не веря, что найдет нечто лучшее, чем вещи, им покинутые. ЗЕМЛЕ: добродетели прочной и плодоносной. Эней не может положить Деифоба в отеческой земле, то есть причислить страх к небесным добродетелям. НА ЭТО: Деифоб отвечает Энею, когда природа страха делается явственной разумному духу. ИСПОЛНИЛ: Эней должен был погresti Деифоба, так как было справедливо, чтобы разумный погрузил страх в забвение. ТЕНЯМ: преходящим благам. СУДЬБЫ: временные события. ЛАКОНЯНКИ: Лаконянка (Lacena) толкуется как *laceneos*, то есть «скрытая новизна». Елена зовется лаконянкой, так как новое сокрывается ради богатства. Ведь мы не обретаем богатства, если не сохраняем ранее нажитого. СИХ: Елена причиняет Деифобу это зло, так как богатство делает человека боязливым и неразборчивым. Ведь когда страх получает повеление покинуть привычное ему временное богатство, он не знает, что ему надо делать. ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ: высшее неведение ПРОВОДИЛИ: мы, троянцы, то есть плотские. НАДОБНО: неизбежно. Ведь разумный не имеет нужды опасаться, если только не вспоминает удовольствия былой жизни.

[515–516] КОГДА РОКОВОЙ²⁸⁵. Мы читаем, что Троя была погублена так: конь, заключающий в себе несметных данаев, был принят в город, а когда трояне уснули, он выпустил в город заключенных в нем данаев. Конь в иносказаниях имеет два значения: он обозначает желание, как у Горация:

Вовремя, если умен, выпрягай коня, что стареет²⁸⁶,

и проч.

Конь изображает желание из-за быстроты, так как мгновенно переносится к разным вещам. Кроме того, конь обозначает сластолюбие, как в том вымысле, где мы читаем, что Диомед скармливал гостей своим коням, то есть сластолюбец склоняет своих сотрапезников к разного рода сластолюбию. Конь потому имеет это значение, что в этом животном особенно сильно сластолюбие. Плиний в книге о естественной истории говорит, что кобылицы так несдержны в похоти, что когда не находят себе самца, то поднимаются на горы и там зачинают от ветра²⁸⁷. От этого происходит быстроногое, но недолговечное потомство. А в этом месте конь принимается в значении сластолюбия. Конь содержит в себе несметных данаев, так как сластолюбие обнимает разные пороки, как то кровосмешение, прелюбодеяние, блуд, распутство, которые разделяются еще на другие виды. Коня создали данаи, так как обжорство и пьянство сластолюбия находятся в Трое, согласно этому: «Без Цереры и Вакха зябнет Венера»²⁸⁸. Троянцы спят, когда знания и добродетели не практикуются; тогда конь выпускает замкнутых в нем данаев, так как сластолюбие производит из себя разные роды пороков. Ведь когда добродетель не упражняют, из сластолюбия выходят необузданность, расточительность, скупость. Но надо исследовать, как расточительность и скупость, хотя противоположны, могут происходить

из одного источника сладострастия. Кто поглощен сладострастием, видит, что он нуждается во многом, что он мог бы в ней издержать, и с большими усилиями ищет себе изобилия; тратить добытое жалеет, и так сладострастие порождает скупость. А что оно производит расточительность, явствует из того, что любовник, удовлетворяя свою блудницу и сводников, дарует им все. Кроме того, происходят из сластолюбия косность, нерадение, леность, праздность, безделье, непостоянство, которым мы дадим краткие определения, чтобы показать их природу. Сладострастие есть порок, который склоняет нас исполнять бесстыдные внушения телесного вожделения. Разнузданность есть стрекало похоти, заставляющее выйти из умеренности в телесных нарядах и прочем убранстве. Расточительность есть нерадивое добывание и неумеренное расточение денег. Скупость есть огромная груда и цепкая пучина денег. Косность есть неведение всех искусств, и свободных, и механических. Поэтому мы зовем косными тех, кого видим живущими без искусства. Нерадение – это то, из-за чего кто-либо пренебрегает упражняться в своем искусстве и ремесле. Леность есть тугость и медленность тела, страшщегося приступить к честному делу. Праздность есть отвычка от занятия и всякого подобающего дела. Безделье – это отказ от всякой заботы, занятия и труда. Непостоянство есть переменчивость души в разных занятиях. Данаи, впущенные внутрь, обращают город в пламя, ибо пороки, когда плоть с ними соглашается, зажигают ее зноем своего пожара. РОКОВОЙ: смертоносный СКАЧКОМ ЯВИЛСЯ НА ПЕРГАМ: внезапным натиском утеснил тело. И чтобы ты не думал, что речь о теле животных, о котором здесь дело не идет, прибавлено: КРУТОЙ. Ведь у человека тело отвесно поставленное, а у животных тела склонены к земле. ТЯЖКИЙ: Ведь сладострастие беспечно и праздно. ПЕХОТУ: порок, ибо он ползает среди низших вещей. ЧРЕВЕ: воздержании.

[517–527] ОНА²⁸⁹: Елена, то есть богатство, ИЗОБРАЖАЯ ХОРОВОД, то есть ликование. ОРГИИ: празднества Вакха. Orge по-гречески – «читать» по-латински. Эти празднества антономастически назывались оргиями, ибо совершались трижды в год или раз в трехлетие. Посему они иначе называются triatherica²⁹⁰. Правильно говорится, что Елена справляет празднества Вакха, так как богатство обычно склоняет к пьянству. Справедливо и то, что ФРИГИЯНОК она водит вокруг коня, так как богатство втягивает плотских людей в сладострастие. Фригиянки суть люди плотские и слабые. ПОСРЕДИНЕ: Елена посреди троянок, так как богатство шествует посреди людей плотских. ФАКЕЛ: пожар дурного внушения. ВЫСОТЫ: Елена зовет данаев разорить город, когда богатство побуждает пороки расстроить душу и одолеть ее плотью. И тогда она держит крепость, ибо когда крепость ей подвластна, она обладает высотой власти. УТОМЛЕННОГО ЗАБОТАМИ: Боязливый мучится тревогами страхов. СНОМ: отдохновением от упражнения добродетелей. ЗЛОСЧАСТНАЯ СПАЛЬНЯ содержит в себе Деифоба, когда данаи врываются в город, ибо, когда в плоть вторгаются пороки, страх объемлет и СКОВЫВАЕТ дурной ум, то есть заставляет отчаяться. ОРУЖЬЕ: Елена УНОСИТ из дому оружие, когда богатство отнимает у ума упражнение духовных сил и суждений. ВЕРНЫЙ МЕЧ НАД ГОЛОВОЙ Деифоба она забирает,

когда богатство отнимает рассудок у природы человека боязливого. **ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ДОМ**, чтобы убить Деифоба, она зовет Менелая, когда в умы призывает добродетель, чтобы умертвить страх. **ДВЕРИ ОТВОРЯЕТ**, когда открывает чувства. Богатство открывает добродетели наши чувства, так как добродетель познает наши чувства в этом отношении, видя их жаждущими богатства. **ДЛЯ ЛЮБЯЩЕГО**: Менелай хотел снова сделать Елену своей женой, так как добродетель желает, чтобы богатство ей подчинилось. Елена думает удовлетворить Менелая смертью Деифоба, когда богатый уничтожением страха думает угодить добродетельному. Однако добродетельный ненавидит богатство, так как видит, что оно связано со страхом; это и значит, что Менелай ненавидел Елену, ибо она была супругой Деифоба. И **МОЛВУ**: Смертью Деифоба уничтожается бесчестье Елены, так как по умерщвлении страха богатство больше не считается бесчестным. Потому и порицалось богатство, что делало человека таким боязливым, что он не мог созерцать небесное.

[528–547] **ВТОРГАЮТСЯ**²⁹¹: Добродетель и мудрость, которые мы понимаем под Менелаем и Улиссом, входят в умы. **ЗЛЮДЕЙСТВ**: Улисс ведет род от Эола, так как всякое знание имеет начало в славе. Поэтому, как мы выше сказали²⁹², источник Муз пробился от удара коня Пегаса. **ГРЕКАМ**: Менелая и Улисса. **БОГИ**: божественные распоряжения. **ТЕМ ЖЕ**: то есть чтоб сами они были умерщвлены. Ведь боязливый, видя, что его утесняют добродетель и знание, желает им смерти. **НО ТЕБЯ**: Деифоб обращается к Энею, когда боязливый удивляется разумному. **БЛУЖДАНЬЯМИ МОРЯ**: пороками плоти. **БОГОВ**: знаний и добродетелей. **ПРИХОДИШЬ**: Нисходишь к временному через созерцание. **ФОРТУНА**: то есть судьба, божественное веление. **ДОМЫ**: временные блага. **СОЛНЦА**: сияния знаний и зноя или силы добродетелей. **ЗА ЭТОЙ ЧЕРЕДОЮ**: Когда Эней и Деифоб беседуют, **АВРОРА** поднимается, так как когда разумный исследует и познает свойства страха, ум боязливого начинает озаряться. Ведь Аврора есть первое блистание знания, сияющее очам человеческого ума. **ПЕРЕСЕКЛА**: достигла **ОСИ**: сердца человеческого **СРЕДИНУ**: находящегося посредине **ЭФИРНОЙ**: божественным прибытием. И **ВОЗМОЖНО**: Ведь дух никогда не расстается со страхом, если только разумение не поведет его дальше. **НАПОМНИЛА**: Что значит речь Сивиллы к Энею, мы сказали выше и не будем подобное повторять многократно, чтобы не замедлиться на пути к еще не обсужденному. **НОЧЬ**: временная жизнь **СПУСКАЕТСЯ**: проходит кружащейся последовательностью мгновений. В **ПЛАЧЕ**: Ведь разумный и разумеющий, видя эту жизнь, скорбит, что она есть лишь откладывание жизни. **ЗДЕСЬ**: во временной жизни. **ДВЕ**: добродетель и порок. **Дорога**: человеческое общение. **ПРАВАЯ**: добродетель. **СТЕНЫ**: об этом уже говорилось. **УСТРЕМЛЯЕТСЯ**: созерцанием. **ЭЛИЗИЙ**: Надобно знать, что преисподняя разделяется на две части, на Тартар и Элизий, что означает, что в этой нашей обители есть жизнь благих и дурных. Благая жизнь называется Элизием, от слова *eleison*, то есть место милосердия и ясности; жизнь дурных – Тартаром, то есть преисподней, как бы «ниже». Итак, правая дорога ведет к Элизию, а левая – к Тартару, поскольку добродетель водворяет своих

приверженцев в благой жизни, а порок – в дурной. **КАРЫ**: мучения раскаяния в тревоге и в дурной совести. **ДЕИФОБ В ОТВЕТ**: Он отвечает Сивилле, когда разумению открывается природное свойство страха. **ГНЕВИСЬ**: Сивилла зовется гневной, когда разумение хотя и праведно, но сурово гневается на пороки. **ИСПОЛНЮ**: уменьшу. **МРАК**: неведение неразумия. **ИДИ**: созерцать **НАША**: человеческая. И **СТОЛЬКО** сказав, Деифоб **СТОПЫ ОБРАТИЛ**, так как страх, сделавшись явственным для разумения, исчезает.

[548–553] **ОГЛЯДЫВАЕТСЯ**²⁹³: оставив страх, Эней смотрит очами созерцания. **ОБШИРНЫЕ СТЕНЫ** великого Дита, **ОБВЕДЕННЫЕ ТРОЙНОЙ ОГРАДОЙ**, поставленные **ПОД СКАЛОЙ**, суть пять временных благ, то есть достаток, власть, сан, слава, отрада. «Великого Дита» – поскольку они временные²⁹⁴. Тройной оградой обведены, поскольку обомкнуты неведением, бедностью, немощью. Поставлены под скалой, то есть помещены под тяжестью Фортуны. **ОБШИРНЫЕ**, так как удобны для уклонений заблуждения. **ФЛЕГЕТОН**: зной гнева. **КАМНИ**: роды орудий. **ВРАТА**: обман, через который входят к этим пяти благам. **Адамантовые СТОЛПЫ** в этих стенах – вышеназванные неискоренимые аффекты духа: радости, скорби, надежды, страхи. **АДАМАНТА**: неодолимой строптивости сердца. **СИЛА МУЖЕЙ**: могущество добродетельных. **НЕБОЖИТЕЛИ**: духи. **РАЗРУШИТЬ**: искоренить. **ЖЕЛЕЗОМ**: научением, отсекающим негодное острием укоризны.

[554–556] **СТОИТ**²⁹⁵ воздвигнутая в этих стенах **БАШНЯ** высокомерный ум – подразумевай «обращенный» – **К ВЕТРАМ**, то есть жаждущий временных благ. **ТИСИФОНА**: дурная речь, **ПОДПОЯСАННАЯ КРОВАВОЙ РИЗОЙ**: обвитая сварой. **ПРЕДДВЕРЬЕ**, через которое выходят из башни, есть дурные уста, через которые есть выход от высокомерного ума; их собственно и **СТЕРЕЖЕТ** Тисифона **БЕССОННАЯ**: беспокойная и непримиримая. **НОЦНО**: И знание, и неведение может быть присуще высокомерному уму: ведь мудрые столь же надмеваются от славных дел, как неразумные – от дурных. Дурная речь всегда найдет место в порочных устах высокомерного.

[557–577] **ОТСЮДА**²⁹⁶: из этих временных благ. **СТОН**: Жалобы тех, у кого их похищают. **БИЧЕВАНИЯ**: вред, наносимый похитителями. **ВПИВАЕТ**: воспринимает **ШУМ**: сумятицу. **ОБЛИК**: характер. На **ВЕТРЫ**: Ведь они стонут по временным благам. **ЧИСТОМУ**: от пороков. **ПОРОГ**: вышеупомянутая передняя. **КАРЫ БОГОВ**, то есть от богов причиненные, а именно от божественных понятий. **КНОССКИЙ**, так как на Крите процветало красноречие²⁹⁷. **ДЕРЖИТ**: красноречие упражняется только в этом. **НАВЕРХУ**, то есть пока еще был в своем сознании. **СМЕРТЬ**: утеснение от пороков. **СНАБЖЕННАЯ БИЧОМ**: вооруженная порицанием. **ЛЕВОЙ**: лживым обвинением: ведь правая – это правдивое обвинение. **ЗМЕЙ**: ядовитые и колкие слова. **ЗОВЕТ**: Тисифона зовет своих сестер, когда дурная речь возбуждает дурные помыслы и дурные деяния. **ОТВЕРЗАЮТСЯ**: проклятые врата отверзаются, когда нечестивые уста открываются, чтобы ответить на обвинения. **СТРАЖА**: Тисифона. **ГИДРА**: само неведение. **ЗИЯНЬЯМИ**: бесконечными вопросами. **СВИ-**

РЕПЕЙ: Ведь хуже неведение в сердце, чем дурная речь на устах. ВНУТРИ: в самом уме.

[578–579] ТАРТАР ДВАЖДЫ РАЗВЕРЗАЕТСЯ ВГЛУБЬ²⁹⁸, так как дурная жизнь имеет двойной обрыв: отягощает плоть беспокойствами и дух обременяет пороками, как сказано у Горация:

Тело сие, грехом отягченное, клонит
И пригнетает к земле частицу божественна духа²⁹⁹.

СТРЕМИТСЯ: своих приверженцев оттесняет ПОД ВЕТРЫ, то есть под тленные блага. ВЗОР: смотрящий вверх. К ОЛИМПУ, то есть богословию. Смысл таков: насколько мудрец, взирая вверх на божественное, превосходит земные блага, настолько дурная жизнь погружает своих приверженцев ниже этих благ.

[580–584] ЗДЕСЬ³⁰⁰: в этих стенах; аллегорически говорит о каре, которой подвергаются приверженцы пяти временных благ. Теперь он показывает различия приверженцев и их мучения. ДРЕВНЕЕ: сыновья Титана и Земли, Гиганты, суть человеческие тела, составленные из солнца и земли³⁰¹. МОЛНИЕЙ: божественной силой. В ГЛУБИНЕ: В нижнем чине творений, как мы сказали выше, когда обсуждали места преисподней. АЛОИДОВ: Сыны Алоэя ежедневно вырастали на много локтей. Алое по-гречески – «горечь» по-латински; таким образом, Алоэй переводится как «горький», и мы понимаем под ним скупца. Какая горечь больше, чем бодрствовать в страхе дни и ночи, бояться злых воров, пожаров, рабов? Какая горечь больше, чем плоть свою мучить тяготами и измученную не подкреплять необходимой пищей? Алоэй рождает двух сыновей, когда скупец производит жадность и богатство. Они ежедневно равно возрастают, когда и от жадности увеличивается богатство, и жадность от приобретения возрастает, согласно этому:

Чем они больше пьют, тем у них жажда сильнее³⁰²

и этому:

Страсть к монете растет, насколько возрастает богатство³⁰³.

Они хотят согнать ЮПИТЕРА с его царства, когда пытаются оттеснить душу от божественности доблести и знания. Ведь Юпитер, как мы сказали, понимается многообразно. Как вышний огонь, почему говорится: «От Юпитера начало Музы»³⁰⁴. Как душа мира, почему говорится: «Все полно Юпитером»³⁰⁵. Как светило, почему он именуется первым после Сатурна в порядке богов. Как творец, почему говорится: «Юпитер всемогущий». Как человеческая душа – например, вот в этом сказании. И сообразно этому мы называем миром, поскольку им управляет Юпитер, человека, поскольку им движет душа. Поэтому он называется Микрокосмосом, малым миром³⁰⁶. В этом мире небом является божественная природа духа, с которой Алоиды хотят свергнуть Юпитера.

[585–592] САЛМОНЕЯ³⁰⁷: Мы читаем, что Салмоней царил в Элиде и соперничал с Юпитером, сделав себе мир, имеющий четыре элемента, и молнии,

и грома, и тучи. Он обозначает тирана. Отсюда и его имя: Салмоней – как бы *salmoneos*, то есть «причинитель новизны». Ведь тиран нам приносит новизну, когда представляет в себе божественную власть, превосходящую человеческую. Элида – как бы *Eleydam*, «форма божественного дела», которая есть государство. Божественное дело – это мир, а государство разделяет его форму и потому называется другим миром. Как мир имеет четыре области и каждая обладает своим убранством³⁰⁸, так город разделен политиками начетверо, и как в верхней области находятся разумные сущности, а в нижней – неразумные, так и в городе. Ведь в цитадели Платон и Сократ помещают философов, во втором квартале – воинов, в третьем – торговцев, в пригороде – земледельцев. Это – мир Салмоней. А молнии, грома и тучи суть оружия, трубы и битвы. Оружье, острое и блестящее, – молнии. Гул и хрип трубы и горна – гром. Битвы же, из-за сплошной массы стрел, – ливень. И как гром грозит ливнем и молниями, так этот гул – битвами и оружием. ТУЧАМИ: Тучи, брошенные на Салмоней, – неведение, окутывающее тирана. ДРОТ: враждебную Фортуну.

[595–600] ТАКЖЕ³⁰⁹: Говорится, что Титий хотел совокупиться с Латоной, поэтому терпит в преисподней такую муку, что коршуны непрерывно терзают его печень. Он изображает любопытного человека, чему и имя соответствует. Ведь имя ему Титий, как бы *tisiceos*, то есть «истраченный душой»: *tisis* – «трата», *scea* – «тень» или «душа»³¹⁰. Любопытный истрачен душевно, так как с пылким прилежанием разыскивая тайную природу вещей, он тратит ум свой, насколько его бессмертная природа позволяет. Латона, мать Аполлона, есть научение, от которого происходит мудрость. Посему и зовется Латоной, как бы *latitona*, поскольку скрывается. Титий ищет сочетаться с Латоной, когда любопытный желает охватить науку. И потому его печень в преисподней отдана коршунам, что ум его, пока жив, угнетается гложущими тревогами. ПИТОМЦА: Ведь любопытный, праздно философствуя, питается плодами земли, которых не возделывает, сообразно этому: «сытым гласит “эвоэ” Гораций»³¹¹. ДЕВЯТЬ ЮГЕРОВ суть девять знаний: три красноречия, три теории, три практики. ТЕЛО: сущность каждого. Сущность есть дух. КЛЮВОМ: укусом. КОРШУН: забота. КРИВЫМ: цепким. ВОЛОКНАМ: умам. ВОЗРОЖДЕННЫМ: говорится, что ум возрождается, так как хотя его снедает постоянная тревога, все-таки остается то, что можно тратить.

[601–603] ИКСИОНА³¹²: как мы сказали, это переводится «над всем»³¹³ и там принимается в смысле «солнце». А здесь он обозначает судью, который потому этим именем зовется, что когда обвинитель, защитник, слушатели ждут его приговора, он благодаря почтению ставится выше всех. ПИРИФОЙ, как выше сказано³¹⁴, есть побудитель, судья и оратор. ЛАПИФЫ, как бы *laophite*, то есть каменные и пылающие: когда судьи весьма мало щадят виновных и даже умоляющих и против них воспламеняют себя факелом гнева, они справедливо зовутся каменными и огненными. Ведь *laos* значит «камень», *pheton* – «жар». УТЕС: удар Фортуны. ГРОЗИТ: Ведь отправляющие должность всегда страшатся, как Дионисий, царь сицилийский, который чувствовал удар грозящей Фортуны.

[603–607] ЛУЧАТСЯ³¹⁵: вышеназванный Дионисий придал это убранство престолу, украшенному пурпуром. ВЕЛИЧАЙШАЯ в развращенности, Мегера; ведь дурное деяние превосходит в развращенности дурной помысел и дурную речь³¹⁶. ВОЗЛЕЖИТ: Лежит в их совести, изображаемой как «одр». Возлежать значит лежать на одре. ЗАПРЕЩАЕТ: Когда дурное дело вновь обличается посредством памяти, чтобы тело никогда не отдыхало, дух сильно опечаливается. ФАКЕЛ: гнев. Когда дурное деяние возвращается через воспоминание, дух, чувствуя себя виновным, воспламеняется гневом на себя самого. ГРЕМИТ: угрожает карой. УСТАМИ: рассудком, который красноречиво говорит, какая кара подобаает этому преступлению. Когда дурное дело таким образом возвращается на ум, рассудок заводит тяжбу, в которой совесть обвиняет желание. Рассудок же выступает судьей; страх сковывает, скорбь истязает.

[608–614] ЗДЕСЬ³¹⁷: в этих полях, то есть в жизни дурных людей. Мы сказали, что под этими стенами понимаются пять временных благ³¹⁸. И потому легко видеть, почему говорится, что там находятся Гиганты, Алоады, Салмонеи, Титий и лапифы. Гиганты обретаются в одной из этих обителей, так как наши тела полностью в рабстве у желаний. Алоиды – во временном достатке, Салмонеи – во власти, лапифы – в сани, Титий – в славе. БРАТЬЯ: соучастники в должностях и наставлениях. Ненавидят братьев, пребывая в жизни, те, кто ненавидит соучастников в наставлениях, процветая в знании. Ударяют отца те, кто бранит своего наставника, а это большой проступок. ОБМАН: Клиенты в иносказаниях суть члены тела, так как они служат душе. Обманывает клиентов тот, кто ведет члены своего тела к прегрешению. Ведь плоть сама из себя ничего не знает, и потому дух ее обманывает, когда приманивает ее, несведущую, к тому, что, как он видит, является злом. СВОИМ: ближайшим родичам. Ведь скупец «подать не хочет бедному другу, чем бы мороз отразить и жестокий голод»³¹⁹. ИЗ-ЗА ПРЕЛЮБОДЕЯНИЯ: Под женами аллегорически понимаем должности. Посему предписывается, что никто не должен быть без жены³²⁰ ибо все мы должны принимать на себя некую должность. И в другом месте проклинается тот, кто не рождает сыновей от своей жены: он жалок, так как в своей должности не совершает благих и славных дел. Ищет чужой жены, пренебрегая своей, тот, кто, оставив свою должность, предпочитает ту, которую никогда на себя не принимал, и так совершается прелюбодеяние, то есть непостоянство. Итак, гибнут из-за прелюбодеяния те, кого порицают за непостоянство. ОРУЖЬЕМ: Мы сказали, что оружие аллегорически означает силы духа³²¹. Благочестивыми оружия называются, когда ими убивают врагов, то есть уничтожают пороки, и защищают своих, то есть берегают добродетели. Это происходит, когда гневливость сражается с пороками, вожделиние оберегает добродетели, а мужество низвергает пороки и защищает добродетели. НЕЧЕСТИВЫМИ же мы называем оружия, когда их употребление противоположно, что случается, когда гневливость воспламеняется против добродетелей, вожделиние ищет пороков, мужество сражается с благом и берегает зло. ВЛАДЫК: Как члены тела мы назвали рабами, так, напротив, силы и суждения духа, то есть гневливость, вожделиние, мужество, остроумие,

рассудок, память, называем владыками. Обманывают ДЕСНИЦЫ ВЛАДЫК те, кто извращает добрые действия духовных сил: подобающую изобретательность остроумия, различение рассудка, цепкость памяти. Он отметил семь родов живущих порочной жизнью: во-первых, завистливые, там, где сказано: КОМУ НЕНАВИСТНЫ БРАТЬЯ, во-вторых, надменные, где сказано: КТО УДАРИЛ ОТЦА, в-третьих, нерадивые, где: ОБМАН и проч., в-четвертых, немилосердные, где: НИ ДОЛИ, в-пятых, непостоянные, где: КТО ИЗ-ЗА ПРЕЛЮБОДЕЯНИЯ, в шестых, упрямые, где: КТО ЗА ОРУЖЬЕМ и проч., в-седьмых, немощные. ЗАПЕРТЫЕ: окутанные порочностью.

[615–621] ВИД³²²: характер казни. СУДЬБИНА: род жизни. КАМЕНЬ: трудное предприятие. СПИЦАХ КОЛЕС: превратностях фортуны. Ведь Фортуна кружится наподобие колеса³²³, одних ставя на высоту, других вниз, одних с выси толкая вниз, других из глубины вознося в выси. Поэтому некто сказал:

Ввысь вознесенный, горжусь; умяляюсь, долу нисшедший;
В глуби трет меня ось; снова я к звездам несусь³²⁴.

Посему Фортуна изображается в виде колеса. ВИСЯТ: сомневающиеся, как объясняет Макробий³²⁵. ТЕСЕЙ ЗЛОСЧАСТНЫЙ: бедственная мудрость³²⁶. Ведь несчастья этой жизни сильно угнетают философов, как явствует по свидетельству Бозция³²⁷ из примера Сократа, Сенеки, Анаксагора, Кания, Сорана, чья мудрость постоянно была беспокоима людьми негодными. ФЛЕГИЙ: добродетель, как бы flegeon, то есть «пылающий», почему в другом месте добродетель зовется огненной³²⁸. ЗЛОПОЛУЧНЕЙШИЙ: ибо имеет свойство терпеть все тяготы. ГЛАСОМ: наставлением. ТЕНЕЙ: временных благ. НАУЧИТЕСЬ: вот поощрение добродетели. БОГОВ: добродетели и знания. ПРОДАЛ: Здесь следует отметить примеры добродетели и пороков.

[625–626] БУДЬ У МЕНЯ³²⁹: так как чистым непозволительно входить в Тартар, Сивилла не ведет туда Энея. Этим дается понять, что разумение не водворяет созерцающий дух в порочной жизни, чтобы не осквернился, однако открывает ему заблуждения людей порочных. И посему Сивилла поведала Энею о том, что в Тартаре. СТО УСТ имеет Сивилла, так как разумение имеет сто выражений. ЛИКИ: виды.

[629–636] ПУТЕМ³³⁰: созерцанием. ИСПОЛНИ: Так как ты познал, что в Тартаре, остается исследовать, что в Элизии. СТЕНЫ: Когда зримое пройдено, остается исследовать незримое, и потому Сивилла говорит, что видит небо, то есть стены Циклопов. Имя Циклоп – как бы polyciculus, то есть «множество кругов»³³¹. Круги, у которых нет конца и которые имеют неделимое и неизменное средоточие, обозначают духов, бессмертных и не отстающих от неделимого и неизменного Творца. Таким образом, Циклоп, то есть «множество кругов», есть чин духов; несколько Циклопов – множества духов. Стены Циклопов суть небеса, природные области духов. ВИЖУ: Ведь разумению открыты небеса. ВОЗВЕДЕННЫЕ: выше прочих. В ПЕЧАХ: огненных шатрах, кои суть 12 ча-

стей неба³³². Ведь не только Зодиак, как мы читаем, разделен философами на 12 частей, но и все небо от южного полюса до северного. Поэтому говорят, что южные и северные знаки не находятся ни в каких частях [зодиака], или же что они – светила, расположенные выше него.

И СВОДОМ: свод есть панцирь человеческого мозга. ВОРОТА, то есть ячейки. Ведь через них, как выше сказано, мы, напрягая остроумие, рассудок и память, входим созерцанием в небеса. ПОСТАВЛЕННЫМ НАПРОТИВ: Он обращает голову к небу. ГДЕ ЭТИ, то есть в сих воротах, так как в келейке памяти. ДАРЫ: философию. РАВНО: ведь они входят сообща. ПУТЕЙ: добродетелей. СЕРЕДИНЫ: до самой добродетели, которая есть середина меж людьми и божественными сущностями. К ВРАТАМ БЛИЗЯТСЯ, когда открывают что-нибудь остроумием, различают рассудком, вверяют памяти. ЗАНИМАЕТ ВХОД: когда упражняет остроумие. ТЕЛО ОКРОПЛЯЕТ СВЕЖЕЙ ВОДОЙ, когда орошает себя новым научением. Ведь эти вещи следует сочетать, то есть упражнение остроумия и наставление в науке, как говорит Гораций:

Вся красота у стихов – от природы иль от искусства,
Вот вопрос³³³.

Но так как за открытием с помощью остроумия следует препоручение памяти, прибавляет ВЕТВЬ: философию. НА ПРОТИВНОМ ПОРОГЕ: в задней ячейке³³⁴.

Алан Лилльский

ПЛАЧ ПРИРОДЫ

Пролог

Когда все преславное устройство чувственного мира, кроме человеческой природы, было наконец завершено, провидение Высшего Художника, чтобы дать достойное завершение заключительным частям своего творения, усерднейше пеклось о том, чтобы благополучно довершить в человеке счастье и честь своего создания, осыпая его особливими благодеяниями, наполняя его драгоценными приращениями, чтобы он превосходил прочих животных, лишенных разума, несравненной исключительностью своего достоинства и добродетелью.

Так как, однако, ничьей тонкости, кроме Его собственной, не подобало учинить или основать создание столь совершенное, в коем вечно силен блеск жизни, Он, отведа руки от сего труда, решил, что простую сущность души следует произвести из энтелехии и образования добродетелей, субстанциальную массу тела – из приготовления материи, а сочетание их – из соревнования с небесным порядком.

Но чтобы в благородном созидании человека не сбиться с пути, Он взял себе за образец черты большего мира¹, и как в оном мире небо превосходит все своим высочайшим верхом, так голову, в коей должна властвовать душа, Он поднял и воздвиг ввысь цитаделью и capitoлием всего тела, в знак того, что этот «вид, являющийся в наибольшей мере видом»², по праву созерцает первоначальную причину всего, в коей находится разумение глубочайшее, в коей Отец и повивальщик всех вещей внутренно веселится.

О, как добра была сия царица³, что подчинилась царскому повелению, чтобы человек, сей новобранец знатный, природно служил под сладостными уставами Природы, как под стягами императорскими, из опасения, как бы он не пустился блуждать в столь опасных волнах беззаконного моря мирского. Но презрев – о скорбь! – уставы Природы, человек в нынешнее время совершенно удалился от этого благородного и первоначального направления и шатается, когда его умственная форма, сотворенная с ним вместе, чтобы его вести, уже не направляет человека своими браздами, но, словно побежденная чувственностью, терпит блудодейные его солецизмы⁴ во всяком роде, что Овидиева Муза порицает так:

Но подобает сойтись каждому с парой своей⁵.

Во всяком случае, добродетель уже повержена сластолюбием, разум подавлен чувственностью, и почти весь человеческий вид работает этому предосудительному пороку, ибо Посмех⁶, а не Купидон, на ложе почитается, в храмах возвышается и многими в мире прославляется. Поэтому Природа, некогда увенчанная царской диадемой, сделалась как вдовица, быв госпожою народов⁷; повержена на стогах, и не обретается желающий соболезновать⁸ жалостным ее несчастьям.

Так родовитость человеческого состояния изгнана из древней своей знатности. Встарь исследовавшее с пылким усердием, почему земля производит из себя плоды, а вода – рыб, почему лес питает собою зверей, а гора – скот, оно теперь, спустившись от созерцания вышнего Олимпа, исследует тройное измерение Венериной Харибды, и что гораздо печальней – стрела Купидона поражает другую стрелу⁹, никакого заживления не принося ране своими ударами. Золотой век, когда соблюдалась стыдливая чистота, совсем улетучился из-за не потребности человеческой непрочности, до того возросшей, что и железо грозит заржаветь, и уже ни Европу не убажает в образе быка Юпитер, ни Цереру Нептун в образе коня, ни Юнону в образе облака Иксион¹⁰, но Вакха – Вакх, забыв о первоначальных битвах и действуя на непривычный сладострастный лад. Оттого плачет мир, изнывают звезды, сетует кругообразная огромность вращающегося неба, и Солнце с сестрою в слезах совершают предписанную службу.

В таких чудовищных потехах многие потеют, в Венерином стане служа, с Маворсова поля убегая; часто они на одре, редко в броне, за отвагу их ручается Эрицина¹¹, Марс порицает бесчеловечное их безрассудство, однако, ни стыдом ни совестью не обуздываемые, не оставляют они плачевных своих деяний¹².

Плач Природы

I

В горькие пени смех, веселье в стон обращаю¹,
Рукоплескание в плач, шутки в тоску и печаль,
В час, как умолкшими я наблюдаю указы Природы,
Как от Венериных див жалкая гибнет толпа,
Этого – этой творит, с Венерой сражаясь, Венера,
Хитроумной волшебой размужествляя мужей.
Лик не обманчив сего унынья, и плач непритворен:
Нет, не коварство, но скорбь² истая в муках родит.
Просит Муза, печаль мне велит и молит Природа,
10 Чтобы слезную песнь я им в слезах даровал.
Где сокрылись, увы! приятность Природы, мерило
Скромности, нравов краса, к жизни стыдливой любовь?
Стонет Природа, молчит добронравье, из знатности прежней
Изгнанная, сиротой ныне стыдливость живет.
Рода действительного опозоренный пол перепуган,
Видя, как горько ему кануть в страдательный род³.
Пола честь своего пятнает муж, ставший женою,
Гермафродитом его чары Венеры творят.
Он предикат и субъект, с двумя значеньями термин⁴,
20 И грамматический им сильно раздвинут закон.
Мужеству, дару Природы, чужой, в грамматике стал он
Варваром. Близок ему в этой науке лишь троп.
Тропом, однако, нельзя называться сему переносу:
Эту фигуру верней между пороков считать⁵.
Логик чрезмерный – тот, в ком простая конверсия⁶ нудит
Силой искусства навек сгнуть Природы закон.
По наковальне он бьет, что семян никаких не чеканит⁷;
От наковальни своей в ужасе молот дрожит.
Ни на каком веществе нет печати творящего лона:
30 Нет, на бесплодном берегу плуг его роет бразды⁸.
Трудно ужиться стопе Венерина дактиля с ямбом,
Где за долгим нельзя краткому слогу идти⁹.
Хоть пред женской красой сникает униженно всякий
Облик пригожий мужской, в славе пред ней умалён,
Хоть Тиндариде дана миловидность лика, хоть служит
Ей побежденный Нарцисс и Адониса краса, –
Все же в презренье она, хоть всех ее внешность преклонит,
Хоть о ее божестве божеский облик гласит,
Из-за нее перун в деснице Юпитера тускнет,

- 40 Праздностью томной струна Фебова поражена,
Из-за нее свободный в раба превратится и, чтобы
С нею любовь разделить, скромность продаст Ипполит¹⁰.
Что ж на девичьих устах лобзаний нетронутых столько,
Что не желает никто жатву свою здесь найти?
Пусть бы лобзанья сии для меня медвянели влагой
И, медвяные, мне соты вложили в уста.
Весь бы ушел в лобзания дух, целиком заключившись
В губы, и на устах сам бы с собою играл,
Чтобы мне так умереть, а по смерти моей – чтоб другое
50 «Я»¹¹ наслаждаться могло жизнью блаженною в ней.
Уж Тиндариду ловить любодей не выходит фригийский,
Но на Парисе Парис гнусное диво творит.
Не приникает Пирам сквозь тесные щели к лобзаньям
Фисбы: ему не любя боле Венерина щель.
Не подражает уже Пелид повадкам девичьим,
Дабы девам себя истинным мужем явить¹².
Дурно, однако ж, за дар воздаст своим даром Природе
Тот, кто, прибыль любя, полом торгует своим.
В храме Гения тот анафеме правой подвергся,
60 Гению кто отказал дать десятину его.

II

Когда на плачевный лад твердил я вновь и вновь эти элегические стихи¹, явилась, сойдя из внутренних палат бесстрастного мира², некая женщина³, скоро ко мне приближавшаяся. Кудри ее, не заемным, но собственным блеском сияя, не по одному сходству являя образ лучей, но природною своею яркостью превосходя природу, в скопленье светил превращали голову девицы; разделяющие их двойные ленты, не покидая вышних областей, не гнушались и землю удостоить улыбчивого лобзання. Некая протяженность лилейной тропы, пролегающая рубежом крестообразно, разделяла спорящие волосы⁴; и эта наклонная линия, утверждаю я, не была для облика ее изъяном, но для красоты ее защитой. Золотой гребень, золото кудрей сочетающий в хоровод доброго устройства, дивился, находя внешность с ним самим сообразною: ибо впечатление от цвета, с обеих сторон примыкающего к золоту, озадачивало и обманывало взор⁵.

Чело, обширной простершееся равниной, млечным цветом лилейное, казалось, с лилией соперничает. Брови, в златом звездчатые сиянье, не разросшиеся чашею волос и в чрезмерную скудость не вдавшиеся, блюли середину меж тем и другим. Очей безоблачная кротость, дружелюбной ясностью ласкающая, являла редкостный образ двойной звезды. Нос, медвяным ароматом умащенный, не неуместно приниженный, ни безосновательно выдающийся на лице, некое выказывал изящество. Уст ее нард подносил ноздрям изысканную снедь благоухания. Губы, умеренной пухлостью приподнятые, Венериних новобранцев призывали к поцелуям. Зубы в единообразии своего цвета представляли образчик слоновой кости. Ланит ее рдяный огонь, багрянкою роз зажженный, нежным пламенем благоволил ее лику; ибо багряница ее лица, с синдоном обреченная, лдяною снежностью благосклонно была умиряема. Подбородка лощеная поверхность, лучащегося кристалла замечательней, облекалась серебряным блеском.

Шеи, умеренно тонкой, не чрезмерная длина не позволяла затылку сходиться с плечами. Яблочки груди удостоверяли зрелость любезной юности. Руки, на радость зрителю хорошо видимые, казалось, просили объятий. Боков ее соразмерный изгиб, несущий печать безошибочной меры, возводил красу ее тела к высоте совершенства.

О прочем же, что тайлось во внутренних покоях, уверенность говорила, что оно еще лучше⁶. Ибо в ее теле крылся прекраснейший лик, к которому лицо ее было введением. Однако, как говорил ее вид, Дионин⁷ ключ не отпирал замка ее чистоты.

И хотя столь велика была ее красоты отрада, однако неистощимый плач силился истощить улыбку ее прелести. Ибо роса, украдкой из кладезя очей точащаяся, возвещала о потоке внутренней скорби. И само лицо ее, к земле склоненное в чистой стыдливости, говорило, что некая обида причинена девице.

Царской диадемы рдеющий венец, искрящийся хороводом самоцветов, лучился высоко на ее голове; не прилудная замена золоту, его достоинство

унижающая, софистическим сияньем очи морочащая, но благородство самого золота составляло его существо. Чудным круженьем и вечным вращеньем сама диадема, странствуя с востока на запад, непрестанно приносилась возвратной стезей к своему восходу. Один и тот же круг непрерывно совершая, ее движение, в неудержном поиске одного начала⁸, казалось словно бесцельным.

Из помянутых самоцветов одни время от времени новым солнцем своего сияния приносили взору чудо нового дня, но время от времени, в блеске своем затмившиеся, казались изгнанными из чертогов диадемы⁹; другие, утвержденные на своих престолах, мерцания своего продлевая бодрствование, на долгой стояли страже¹⁰. Между ними блистающий круг, наподобие наклонного Зодиака, распещренный ожерельем из драгоценных камней, прерывал соседствующих звезд лобзання¹¹. В нем сонм из двенадцати самоцветов превосходным своим числом и исключительным блеском, казалось, притязал на преимущественные права меж прочими.

В передней части диадемы три драгоценных камня дерзновенно своего сияния гордыней, антономастически отраженной¹², затмевали прочие девять. Первый камень повелевал ночи – своим блеском, холоду – своим жаром отправиться в изгнание. В нем, как гласил изящный обман живописи, вспыхивал Льва изображенный образ. Второй камень, не уступающий первому в сиянии¹³, лучась в более гордом месте помянутой части, казалось, как бы с неким пренебрежением глядел вниз на прочие камни. В нем, как возвещала обезьяна истины, живопись¹⁴, в подражательном вымысле, выступая отступающий, идя вперед пятящийся, Рак представал, шедший сам за собою. Третий камень возмещал бедное блистанье противостоящего камня преизобильным богатством своей лучезарности. На нем, как объявляла истина живописи, тенью очерченные отпрыски Леды¹⁵ шествовали, приязнь оказуя во взаимном объятье.

Таким же образом три камня, обладающие вторым саном и честью, поставили свой престол с противоположной стороны. Из них первый, изображая слезы капельками влаги, представлял скорбное зрелище мнимого плача. На нем, как фантазия утонченного ваяния вещала в изображении, кувшин идейского юноши¹⁶ выплакивал струистый поток. Второй камень, в царстве своем чуждаясь всякого тепла, радушно принимал зиму, отрадную ему ледяным своим окочененьем. На нем из прилудного руна козьей шерсти соткала живопись тунику для Козерога. Третий камень, облекшийся видом хрустального света, стягом своей стужи пророчил приход зимы. В нем, ретиво свой лук напрягая, гемонийский старец¹⁷ грозил ранами, никогда, однако, не исполняя своих угроз на деле.

С другой же стороны, ласковым светом играя, трех самоцветов кроткая ясность услаждала взоры. Первый из них, багрянкой розового цвета пылающий, розу очам представлял. На нем Телец, взносящий убранство своего чела, казалось, жаждал сраженья. Другой, отличный умеренностью своего блеска, одарял общество своих братьев очарованием ласковости. На нем Овен, красую чела горделивый, добивался владычества над стадом. Третий, смарагдовую яв-

ляющий зелень, нес в себе снадобье, восстанавливающее взор очей¹⁸. На нем, под мнимой стремниной плывя, Рыбы предавались тому, что свойственно им по природе.

С противоположной стороны звездная краса трех камней мерцала в приятном согласии. Первый из этих камней, золотым солнцем своего сверкания полдневно блеща, являл очарование неистомной красоты. В нем, как показывал тропический образ, созданный ваянием, Астрея¹⁹, снискав некое преимущество по своему сиянию, соперничала со звездами. Второй, ни чрезмерным блеском не роскошествуя, ни искорок нищего блеска не выклянчивая, веселился в умеренном пламени. В нем, тщательно настроенные по правилу изобразительного искусства, Весы ручались за правосудие своих гирь. Третий, чередуя замещающие друг друга обличья, то сулил благосклонную ясность, то облакался облачной темнотою. На нем сияющее обличье Скорпиона, лицом побуждая к смеху, плач предвещало жалом хвоста.

Под обителями двенадцати камней седмеричное множество самоцветов²⁰, непрестанно свершая круговое движение, в дивном роде игры приятный вело хоровод. Не отсутствовала в нем сладость гармонии²¹, то полутонами резвящаяся, то средней звучностью тонов подрастающая, то зрелой трубой вступающая в мелодический диапазон, которая, тимпаном своим возбуждая желание наших ушей, нашим очам предлагала прелюдию сна²². Но так как скупое слушание предотвращает недовольство уха, а расточительность приводит доuku, то, преизобильным слушанием пресыщенное, ухо устало.

Эти семь камней, хотя никакой связью сопряжений не поставленные в подчинение диадеме, никогда, однако, своим отсутствием не делали сирым собор верхних камней. Меж ними верхним был алмаз, который, скупее прочих на движение и расточительней на праздность, тратил весьма много времени в широком прохождении своего окружья²³. Старился он под инеем столь великого холода, что сходством с производящей природой доказывалось его происхождение от Сатурновой звезды²⁴.

Второй был агат²⁵, который, когда близость его пути подводила его тесней к другим, враждебность одних превращал в приязнь, а ребяческую благосклонность других влиянием своего царственного могущества обращал во взрослую: благотворное это воздействие доказывало, что он связан близким родством с Юпитеровой звездой.

Третий был астрит²⁶, в котором владычество булата разбило свой стан, и некое совпадение свойств говорило о влиянии Марсовой звезды: грозным видом своего зарева устрашающий, грозил он гибелью всем прочим.

Четвертый был карбункул²⁷, который, неся образ Солнца, пламенником своего сияния изгоняя ночные тени, усыплял затмевающиеся светочи братьев, царским полномочием своего величества то предписывая им уклоняться с пути, то даруя их движению спокойную мощь²⁸.

С сапфиром вместе гиацинт²⁹, следуя по стопам карбункула, словно усердные слуги, никогда не лишались зрелища помянутого света. На кратком рас-

стоянии, их от него отделяющем, близ его окружности бегут они вместе или за ней следуют, или же одна звезда, поспевая за другой, уступает ей честь предшествования. Из этих двух камней один сходством своей природы являет влияние Меркуриевой звезды, другой же Дионина светила³⁰.

Последний камень был перл³¹, который, всех ближе к кромке рдеющего венца, светя чужим светом, просил у карбункула пособить сиянием. Иной раз он, соседствующий помянутому сиянию, прибывая или убывая в росте, потуплял лучи своего сияния, как бы из почтения к карбункулу, дабы ему, опять украшенному братним огнем, разливать обновленный убор своего блеска, то питая ущерб своего оскуделого круга заведенным пополнением, то, собственного сиянья лишенному, сетовать на потерю своего великолепия; хрустальным светом посеребренный, лунным влиянием он отзывался. С блеском всех сих камней безоблачное благородство помянутой диадемы представляло собой образ небосвода.

А риза ее, из шелковой нити сотканная, разнообразным цветом протейчески преображаемая, служила деве пеплумом: разноцветьем ее расцвечивая, смена времен года меняла ее многообразным обличем цветов. Сперва она, выбеленная лилейным блеском, поражала взор. Потом, как бы приведенная к раскаянию, словно стараясь ради лучшего, сияла, окрашенная кровью багрянца. В третий раз, на вершине совершенства, приветствовала взоры зеленою смарагда³². С крайней нежностью вытканная, ускользящая от очами затеянной ловитвы, достигла она столь великой тонкости вещества, что подумаешь, у нее с воздухом одна природа. На ней, как воображалось глазу в сновидениях живописи, стекалось собранье воздушных животных.

Там орел, сначала юноши, потом старца видом облакаясь, наконец вернувшись в начальное состояние, из Нестора возвращался к Адонису³³. Там ястреб, воздушного града правитель, тираническим насильством домогался дани от подвластных. Там коршун, надевая личину охотника, на скрытной охоте являл собою призрак ястреба. Там сокол против цапли затевал гражданскую войну, однако не на справедливых условиях меж ними разделенную: ибо нельзя назвать именем битвы «коли ты бьешь, а я получаю побои»³⁴. Там страус, мирскую жизнь отвергнув, уединенное ведя житие, словно отшельником сделавшись, водворился в пустынном одиночестве³⁵.

Там лебедь, кончины своей глашатай, звоном медвяной кифары предвещал усечение жизни³⁶. Там в павлине излила Природа такие сокровища красоты, что подумаешь, потом пришлось ей нищенствовать. Там феникс³⁷, в себе умерший, в другом возрождающийся, неким чудом Природы воскрешал себя из мертвых своею смертью. Там птица согласия³⁸, принося десятину от своего выводка, платила свою дань Природе. Там воробью отведен атом пигмейской ничтожности, а журавль, наоборот, достиг чрезмерности исполинского роста. Там фазан, тяготы родного острова претерпевший, будущая услада князей, вылетал в наш мир. Там петух, как народный астролог, часами своего крика возве-

щал, который час³⁹. Там дикий петух, насмехаясь над праздностью домашнего, отправляясь на чужбину⁴⁰, обходил лесные области.

Там филин, пророк несчастья, заводил вещую псалмодию погребально-го причитанья. Там сова, нечистою столь великого безобразия скаредная, что подумаешь, при ее создании Природу клонило в сон. Там ворона, предсказательница будущего, в досузей болтовне проводила время⁴¹. Там сорока, расписанная неопределенным цветом, пребывала в неутомимом увлечении спорами⁴². Там галка, отменным воровством собирая безделки, давала доказательство прирожденной алчности⁴³. Там голубка, сладким злом Дионы упоенная, подвизалась на арене Киприды⁴⁴. Там ворон, чуждаясь позора ревности, собственного выводка не признавал своими чадами, пока не удостоверит этого по их черноте, как бы сам с собою ведя диспут⁴⁵.

Там куропатка избегала то нападения властей воздушных, то уловов охотников, то зловещего лая собак⁴⁶. Там утка с гусем под общим законом жизни зимовала в родной реке. Там горлица, лишившаяся супруга, гнушаясь дать своей любви эпилог в другом, отвергала утехи второбрачия⁴⁷. Там попугай на наковальне своей гортани чеканил монету человеческого голоса. Там перепелку, не ведающую обмана фигур речи, обманывали подражательного голоса уловки. Там дятел, архитектор собственного домишки, секирой своего клюва вытесывал в дубе лачужку. Там курука, отказавшись быть мачехой, с материнской приязнью усыновляла чужое, кукушечье потомство. Жестокою мздою, однако, она награждена: пасынка признавшая, родного сына не знала⁴⁸.

Там ласточка, вернувшись из своих странствий, обмазывала глиной себе жилище, гнездо под балкой. Там филомела⁴⁹, возобновляя сетования над потерянной девственностью, ударяя в свой тимпан с гармонической сладостью, искупала бесславие своей малости. Там жаворонок, как прославленный лирик, благодаря не ремеслу занятий, но наставничеству Природы выучившийся музыкальной науке, в своем горле являл лиру, которая, рассекая тона на тонкие частицы, делила полтона на неразличимые сопряжения. Там нетопырь, птица-гермафродит, среди малых птиц занимала место нуля⁵⁰. Эти животные, хотя существовали там как бы аллегорически, казались, однако, существующими буквально.

Синдон, сменивший белизну на зелень, который дева, как она потом сказала, соткала бесшовно, не обесцененный подлой материей, утонченным искусством играющий, служил ей плащом. Обильно распещренный запутанным узором, цветом своим он напоминал о воде. На нем излагала прихотливая живопись природу водных животных, на различные разделенную виды.

Там кит, со скалами соперничающий утесной своей огромностью, напором башневидного тела таранил крепостцы кораблей. Там морской пес, двояким образом опровергая двусмысленный намек на лай в своем имени, ибо он никогда не раздражался лаем, ловил зайцев своего рода⁵¹ в чашобах моря. Там осетр⁵², несравненный по знатности своего тела, благословлял им царские столы. Там сельдь, рыба распространеннейшая, несметностью своих стай утоляла голод

бедных. Там камбала сладким вкусом своего тела искупала отсутствие мяса в строгую пору Четырехдесятницы. Там кефаль сладостными приманками своей плоти обольщала вкушающих. Там форель, в заливы морские входящая, в пучине окрещенная, обретала имя лосося. Там дельфины вступительным своим появлением предрекали кораблям грядущие выпадения моря. Там в чреслах Сирен зрелась рыба, в лице – человек⁵³. Там Луна, собственным светом обделенная, словно от зависти вымещала свою обиду на моллюсках, которые, как будто их тела терпели от новолуния, платились за бедность Луны⁵⁴.

Этим жителям морской области отведена была средняя часть ее плаща. Остальная часть одеяния содержала странствующих рыб, которые, блуждая в различных потоках, избирали себе жилище в отечестве пресной воды. Там щука, взыскивая, как тиран, а не требуя должного, ввергала подданных в темницу своего тела. Там усач, немало славный достоинством своего тела, за просто жил с рыбной чернью. Там алоза, спутница вешней поры, среди услад весны принося усладу своего вкуса, приходом своего тела приветствовала человеческое небо. Там минога, многочисленными порами пронизанная, устраивала введения к лихорадочным трапезам. Там угорь, подражающий природе змеи, по некоему сходству черт казался ее внуком. Там окунь, в доспехе, созданном дробными шипами, меньше страшился нападений водяного волка. Там голавль набухшей головой возмещал недостающее его невеликому телу. Все они, тропом живописи на плаще изящно начертанные, благодаря чуду рельефности казались плавающими.

Риза пестротканая⁵⁵, шитьем распещренная, заключала под собою девичье тело. Звездами многих красок сияющая, собранная в складки, чтоб материя стала плотней, она усердствовала изобразить земную стихию. На первой части этого платья человек, отлагая вялость чувственности, прямым ристаньем рассуждения пронизал в небесные тайны. В этой области риза, разодранная на части, являла ущерб своего бесчестья⁵⁶. Однако в остальных местах ее части, согласованные изящной связностью, не претерпевали разделительного несогласия. На них некими чарами живописи призваны были к жизни земные животные.

Там слон, вздымающий в воздух огромность чудовищного тулова, сложным процентом удваивал тело, вверенное ему Природой. Там верблюд, безобразный шершавостью раздутого тела, служил нуждам человека, как наемный слуга. Там рога, замещая шлем, казалось, ополчали буйволиное чело. Там бык, копытами землю терзая, мычаньем гремя, возвещал о бойцовской своей пылости. Там волы, отвергая бычью воинственность, словно селяне, стремились к низким трудам.

Там конь, гонимый кипучей отвагой, соратник своего всадника, раздроблял копье вместе с врагом. Там осел, докучая ушам бездельными криками, музыкант по антифразису⁵⁷, допускал варваризм в музыку. Там единорог, уснувший на девичьем лоне, от вражеских рук во сне обретал сон смерти⁵⁸. Там лев, ворча рыкающим напевом в уши своих чад, дивным заклинаньем природы

раздувал в них огонек жизни⁵⁹. Там медведица, вратами ноздрей извергнувшая безвидных детенышей, стилем языка, усердно их вылизывающего, придавая им очертанье, наделяла их лучшим обличем⁶⁰.

Там волк, украдкой принимая роль вора, заслуживал вознестись на перекладине виселицы. Там пард, открытым разбоем неронствуя, бесчинствовал средь овчего народа, не только одежды, но и самую их сущность похищая. Там тигр истязал государство скотых граждан непрерывным пролитием невинной крови. Там онагр, сбросив ослиное рабство, властью Природы раскрепощенный, жил на гордых горных высях. Там вепрь, с перунным оружием клыков, продавал псам свою смерть за несметные раны. Там пес, мнимыми ранами терзая воздух, кусал ветер жестокими зубами.

Там олень и лань, реющие на скорых ногах, жизнь приобретающие благодаря тому, что держатся впереди, обманывали враждебные челюсти преследующих псов. Там козел, одетый в притязательное руно, казалось, донимал ноздри четверодневым запахом⁶¹. Там овен, облеченный благороднейшей ризой, довольный множеством жен, предавал честь супружества. Там лисичка, отвергнув невежество грубого скота, стремилась к тонкому людскому лукавству. Там заяц, меланхолическим страхом одержимый, не дремой, но грезой страха напуганный, видел во сне появленье собак.

Там кролик, своей шкурой умеряя нашего холода ярость, натиск нашего голода отражал собственной плотью. Там белку, гнушающуюся сходиться с более скромною тканью, изящный шов сочетал браком с багряницею. Там бобер, чтоб не претерпеть от врагов дизрезу всего тела, крайние его части подвергал апокопе⁶². Там рысь цвела столь великою ясностью взора, что в сравнении с нею прочие животные казались подслеповатыми. Там куница с соболем неполную красу мантий, требующую их помощи, благородством своих мехов доводили до полноты. Представляющая сила подражающего изображения даровала очам видящих эти обличья животных, словно отрадное пиршество.

А что прилежание живописи вообразило на ее сапожках и сорочке, погребенных под верхней одеждой, этого я не мог утверждать с уверенностью. Как, однако, внушили некие подсказки хрупкой вероятности, я полагаю, что там смеялась игривая живопись, представляя природы трав и дерев: там деревья то пурпурными ризами облекались, то зелеными власами покрывались, то рождали цветов благоухающее младенчество, то старели с созревaniem плодов. Но так как познал я эту череду картин с шаткой вероятностью, а не твердой уверенностью, то и пропущу ее, в мирном молчании погребенную. Башмаки же, мягкую кожу взявшие себе материалом, так близко следовали за формою стоп, что казались на них самих рожденными и чудесным образом начертанными. На них благодаря искусной живописи тени цветов, немногим ниже подлинной природы, являли свое очарование.

III

- Образ розы там был, верно начертанный¹:
С истым ликом ее мало в нем разницы;
Он с порфирой ее спорил в багряности
И своей напитал кровью земную твердь.
В сонм цветочный включен, был там меж прочими
Адонисов цветок², пахнувший сладостно,
И своим серебром лилия славная
Одаряла поля и глубину долин.
Там, красой небогат, с каждым вступал цветком
10 В спор ревнивый тимьян, завистью полнясь к ним.
Цвет Нарциссов себе взял в сотоварищи,
Улыбался ручей, нежно лепечущий.
Водосбор, вознося пышно цветущий лик,
Светоносец³ полей, все затмевал цветы.
И фиалки сиял меж земляничника
Цвет, о вешней тиши напоминание,
Полн приятных живописи даров.
Здесь, Природы наказ внявший, возрос цветок
Тот, что царскому стал имени хартией,
20 Хоть не знал на себе пишущей длани он⁴.
Вот богатства весны, вот ее мантия,
Вот обличье земли, вот ее звездный сонм,
Тот, что живописи был мастерством рожден,
Начертавшим цветы кистью изысканной.
Сею ризой цветов пышно-зеленою
Ущедряет луга милость весенняя.
Те виссоном дарят, те – багряницею,
Что Фавония длань выткала мудрая.

IV

Хотя сии украшенья одежд пламенели полным жаром своей блистательности, однако затмевался их блеск под звездой девичьей красоты. На черепичных табличках, с помощью тростникового стила, дева оживляла живописные образы разных вещей. Но ее картины, не прилепляясь крепко к лежащему под ними материалу, быстро выдыхаясь и умирая, не оставляли по себе ни следа от изображения. Хотя дева непрестанно возвращала их к жизни, эти образы не могли продлить своего существования на замышленной ею картине¹.

Дева же, как мы сказали, от пределов небесного чертога явившись, к хижине переменчивого мира неслась на стеклянной колеснице. Влекли колесницу Юнонины птицы², властью ярма не обуздываемые, по своей воле соединившись. А человек, высившийся над девичьей головой и колесницей, коего лик не земной ничтожностью, но скорее божественной отзывался тайной, возмещая немощь женского пола, чредою мягких внушений направлял движенье колесницы³. И хотя я отряжал зрительные лучи⁴, словно рать моих очей, дабы изучить благородную ее красоту, они, не осмеливаясь встретиться с величественным ее изяществом, бичами блеска изнуренные, боязливо отступили к шатрам моих век.

При появлении сказанной девы, мнится, все кругом всторжествовало, словно в своей обновившись природе. Небо, словно своими пламенниками озаряя деве стезю, велело своим светилам сиять полнее обычного. Потому и сам дневной свет, казалось, дивился столь великой отваге, видя, что явились они пред его очами с такою дерзостью. А Феб, принявший вид радостней обычного, деве навстречу излил все богатства своего сияния. Сестре же⁵, им лишенной убранств своего блеска, он, вернув ей ризу отрады, велел идти во сретенье шествующей царице. Самый воздух, совлекши с себя слезное вретище туч, с благосклонностью ясного лика улыбался явлению девы. Прежде неистовством Аквилоновой яри терзаемый, теперь покоился он в ласковом лоне Фавония. Птицы по некому внушению Природы, крыльями весело бьющие в игривом плеске, являли деве почтение. Юнона же, давно уже отвергавшая Юпитеровы ласки, столь великим была упоена ликованьем, что посулами частых взглядов склоняла мужа к Венериным утехам⁶.

А море, прежде буйствовавшее гремучими бурунами, ныне, справляя торжество девьего прихода, обещало непреложный мир безмятежности. Ибо Эол держал бурные ветры связанными в своих темницах, дабы в присутствии девы не воздвигали брань, более чем гражданскую⁷. Рыбы, к водной кромке подплывая, насколько вялость чувственной природы позволяла, в некоем праздничном веселье объявляли о приходе своей госпожи. Фетида, свадьбу справляющая с Нереем, решала зачать второго Ахилла. Девицы, чья краса не только украли бы у человека его рассудок, но и самих небожителей заставила бы забыть о своей божественности, подымаясь из своих стремнин, грядущей царице подносили, словно данницы, малый дар пряного нектара. Милостиво его прием-

ля, в сплетении объятий и множестве лобзаний дева девам выказывала свою любовь.

А земля, разбоем зимы уже давно обнаженная от своих убранств, рдеющую цветами ризу от вешней стяжала расточительности, дабы не являться неприглядно пред очами девы в беславии рубища. Весна же, словно мастер, умелый в ткацком искусстве, дабы любезней приветствовать явление девы, соткала одежды деревьям, которые, опустив свои кудри на энклитический лад⁸, в некоем поклонении, словно преклонив колена, смиренно девицу молили. Вышедшие из дерев девы⁹, светом своей красоты богатство природного света умножающие, несли благовония, названные по видам злаков, в кедровых ларчиках собранные, и, словно дани свои платя девице, стяжали ее благосклонность своими ларами.

Напеи¹⁰ же, подолы цветами наполнив, царицыну упряжку то розами кровавили, то лепестками белеющих цветов заставляли сиять, словно лилия. А щедрая Флора льняную сорочку, для мужа сотканную, чтобы заслужить его объятья¹¹, преподнесла деве. Прозерпина же, наскучив одром тартарийского мужа, вернувшись домой к вышним, не захотела быть лишеною присутствия своей владычицы. Даже земные животные, по невесть какому природному внушению предававшиеся резвым играм, откликнулись на явление девы. Так все творение, неся деве пылкую свою покорность, подвизалось в дивном состязанье, чтобы снискать ее милость.

V

- Стылую зиму уже растопил Зефир цветоносный¹,
Брани Борея умев тишью своей угасить.
Градом излившись цветов, одождил он землю лигустром,
Луг цветочным снегам повелевая облечь.
Как сукновал небывалый, лугам обновляя их ризы,
Огнем багрянки наряд им зажигает весна.
Кудри она возвращает древам, что зима обкорнала,
Платье похищенное всем им печется отдать.
Было то время, когда в полях расточает дриадам
10 На ликованье свои пышны богатства весна;
Младость цветов когда, возросшую чувствуя силу,
Выше подьмется, грудь матери бросив земли;
Блеск фиалки когда, колыбель покинув земную,
Дышащего ветерка новым взыскует лицом.
Было то время, когда, увенчавшись розовым блеском,
С небом спорит земля, полная собственных звезд;
Стяги лета когда воздевший, его приближенье
Провозвещает миндаль, вешней отрадой цветя²;
Вязу-супругу когда охватившая крепкие перси
20 Мыслит о родах своих в почках набухших лоза.
Солнечный пламенник прочь изгоняет зимние тени,
Всякому хладу веля в долгую ссылку уйти.
Но во многих лесах зимы запрятался призрак,
Новою тенью листвы созданный в чаще густой.
Росны сосцы младенцу-цветку открыла Юнона,
Дабы, кормилицей став, новорожденных питать.
Было то время, когда воскрешает умершие злаки
Фебова сила, всему встать из могилы веля;
Миру когда улыбается лик Юпитера светлый,
30 С черт отирая его слезы прошедшей зимы,
Чтобы вверил себя цветок попечению ветра,
Чтобы молодого цветка зимний мороз не палил;
Мир посещает когда, от косности зимней стенающий,
Феб и приветом ему свет свой ликующий шлет;
Прежняя юность когда слагает старческий облик
И одряхлевший мир отроком вновь предстает;
Феб у ночи когда ее часы похищает
И гигантом растет день, что пигмеем ходил;
Фебу радуше когда оказать готовится Фриксов
40 Овен³, в пределах своих счастливый Солнце принять;
Вешни обряды свои когда филомела справляет,

Медом лиющуюся песню свою выводя,
Праздник свершая, она звенит органом гортани,
 Чтоб о своем божестве гласом своим возвестить;
Сладостный жаворонок когда подражает кифаре,
 Рея ввысь, чтоб вести в небе с Юпитером речь.
Реки окутывает игривые блеск серебристый,
 Свету веля своему в их водвориться струях.
Многих источников зреть воркующий бег было можно,
50 И лепетание их было прологом для сна.
Сам источник о том умолял обличьем блестящим,
 Чтоб, утомленный, его влаги глотнул человек.

VI

Хотя такую прелесть выказывала юная пора, однако дева, не развеселенная приветствиями своих созданий, не могла укротить прежнего унынья; но, опустив колесницу наземь и почтив своими стопами землю, ко мне приблизилась скромною поступью. Когда же, увидев ее вблизи, я ее признал, то, падши на лицо, оцепенением уязвлен, вышел из ума: весь погруженный в беспамятство исступления, со скованными силами чувств, ни жив, ни мертв, терзался я меж двумя этими состояниями, обоим чуждый.

А дева, ласково меня поднимая, хмельные стопы укрепляла подмогою подерживающих рук, и, обвив меня своими объятьями, уста мне услаждая невинными лобзаннями, медоточивым снадобьем речей исцелила немощного от цепящего недуга. Наконец уразумев, что я возвращен сам себе, она изобразила для меня духовные разумения в картине вещественной речи и своим голосом как бы произвела в действительность архетипические слова, преобразованные в идее:

«Увы, – говорит, – какая слепота неведения, какое отпадение ума, какое бессилие чувств, какая немощь рассудка окутала этим облаком твое разумение, отправила в изгнание дух, притупила силу чувств, заставила недужить ум, так что не только твое понимание лишилось близкого знакомства с твоей кормилицей, но даже, будто бы новизною чудовищного обличья пораженный, закатился твой рассудок при моем появлении? Почему ты заставляешь знание обо мне уйти из твоей памяти – ты, в котором мои дары мне говорят, какими щедротами скольких благодеяний я тебя благословила? Я, которая от начала лет твоих, Бога Творца заместительница, твердым управлением устроила должное поприще твоей жизни; которая некогда материю твоего тела из нечистой сущности первоначальной материи вывела в истинное бытие!

Сжалившись над сим безобразным ликом, как будто бы непрестанно зывавшим ко мне, я запечатлела его печатью человеческой природы и то, что было лишено почтенного убранства очертаний, почтила лучшими одеждами формы¹. Для исправной службы телу учреждая мастерские разных членов, я предписала бодрствовать чувствам, как страже телесного града, чтобы, как наблюдатели за внешними врагами, они защищали тело от внешней досады, так чтобы материя всего тела, украшенная благородной багрянницей природы, шествуя на бракосочетание, с мужем своим духом счастливо сочеталась и чтобы муж не отверг сего супружества из отвращения к уродливости супруги².

И дух твой я отличила отменными способностями, чтобы, оказавшись бедней тела, не позавидовал он его успехам. Я наделила его силою понимания, которая, преследуя тонкие предметы в своей охоте на знание, постигает их и охватывает. Кроме того, я отметила его печатью разума, который веялкой своего рассуждения отделяет пустую ложь от важной истины. Благодаря мне в слугах у тебя и сила памяти, что в ларе своего воспоминания копит благородное богатство ведения. Этими дарами благословила я тело и дух, чтобы они не

сетовали на свою бедность и не пеняли на чужое изобилие. И как помянутый брак был совершен с моего согласия, так по моему благоусмотрению будет расторгнута эта супружеская связь³.

Не на тебе одном в частности, но на всем мире вообще сияет щедрость моего могущества. Я – та, которая по образцовому подобию мироздания образовала природу человека, так что в ней как в зеркале зрится написанной природа сего мира. Ведь как четырех стихий согласное несогласие, единая множественность, стройность нестройная, содружество недружное сплывают здание вселенского чертога, так четырех комплекций несходное сходство, равное неравенство, несоответственное соответствие, различное тождество скрепляют строение человеческого тела. И те же качества, что посредничают между стихиями, устанавливают прочный мир между четырьмя соками. И как против учрежденного вращения небосвода ратует встречным движением воинство планет, так в человеке обретается непрестанная вражда между чувственностью и разумом.

Ибо движение разума, от небесного восходящее востока, пересекающее запад земных вещей, описывает круг и возвращается на небо благодаря созерцанию. И наоборот, планетарное движение чувственности против небосвода разума клонится к западу земных вещей. Чувственность приводит человеческую душу к западу пороков, чтобы закатилась. Разум же призывает ее на восток добродетелей, чтобы поднялась. Чувственность, развращая человека, обращает его в зверя. Разум имеет силу преобразить человека в бога. Он светом созерцания ночь души освещает; она ночью вожделения свет души изгоняет. Он дает человеку беседовать с ангелами; она его нудит буйствовать со скотами. Он в изгнании учит человека, как найти отчизну; она в отчизне нудит его быть изгнанником.

И в этих делах человеческая природа не может обвинить порядок моего управления. Ибо по совету разума установила я такую войну противоречия меж семи бойцами, что если в этом прении разум сможет заставить чувственность познать обличение, то предшествующая победа не лишится последующей награды⁴. Награды, победами добытые, блещут прекраснее прочих даров, ибо дары, купленные трудами, сияют отраднее всех бесплатных. Большого восхваления заслуживает тот, кто приял дар в труде, нежели тот, кто обрел его в праздности. Ведь предшествующий труд, некоей сладостью наделяя последующую награду, большим одобрением награждает потрудившегося. В этих и еще значительнейших дарах Природы мир находит в человеке свои собственные качества.

Смотри, как в этом мире, словно в знатном городе, некое величие государственного устройства упрочено обдуманном правлением. Ведь на небе, словно в цитадели человеческого города, владычественно восседает вечный Император, от коего вечно исходит указ, что знание о каждой вещи должно быть записано в книге его провидения. В воздухе же, словно в середине города, ангелов небесное воинство, верша заместительное правление, несет над человеком при-

лежную стражу. А человек, словно чужестранец, живя в предместье мира, не отказывает в послушании ангельской рати. Итак, в сем государстве Бог повелевает, ангелы исполняют, человек повинуется. Бог человека Своим повелением создает, ангел совершением выполняет, человек повиновением себя воссоздает. Бог Своею властью все располагает, ангел своим действием учиняет, человек себя воле действующего подчиняет. Бог повелевает указанием власти, ангел совершает служением действия, человек повинуется таинством возрождения.

Но стезя нашего раздумья слишком сбивается, когда дерзает поднять рассуждение к несказанной тайне божества. Ум наш изнемогает, вздыхая по разумению этих вещей⁵. Образ сего совершенно устроенного государства отзывается в человеке⁶. Ибо в цитадели головы пребывает властительная Мудрость, коей, как богине, повинуются прочие способности, словно полубогини. Ибо и остроумие, и логическая способность, и способность вспоминать прошедшее, обитающие в разных покаях головы, служат Мудрости ревностно. В сердце же, как в середине человеческого города, поместило свою обитель Великодушие, которое, дав обет служить под начальством Благоразумия, действует в согласии с решениями начальника. Чресла же, словно предместье, предоставляют крайнюю часть тела сластолюбивым желаниям⁷, которые, не дерзая противиться власти Великодушия, покорствуют его воле. В сем государстве Мудрость занимает место владыки, Великодушие сходствует со служителем, Вождение принимает вид повинующегося.

И в остальном образ человеческого тела усваивает сходство с миром. Ведь как в мире благодетельным солнечным теплом исцеляется все ослабевающее, так в человеке тепло, исходящее из основания в сердце, оживляет и веселит иные части человеческого тела. Как в мироздании луна – мать многих соков⁸, так в человеке печень наделяет члены соответственным соком. И как луна, лишённая солнечного блеска, блекнет, так цепенеет сила печени, оставленная без живительной утехы сердца. И как воздух в отсутствие солнца облекается тьмою, так без благодетельных сердца уничтожается жизненная сила духа.

Кроме того, смотри, как мир, протейческий в меняющейся чреде сезонов, то резвится в вешнем младенчестве, то продвигается в летней юности, то созревает в осеннем мужестве, то в зимней старости седеет. Сходная смена времен и такое же непостоянство изменяют человеческий век. Ведь когда поднимается заря человеческой жизни, восходит утренняя весна человека; когда же его поприще достигает отдаленных вех, человек вступает в полдень юношеского лета. Но когда продлившаяся жизнь как бы свой девятый час завершит⁹, человек вступает в осень мужества; когда же век его склонится к западу и дряхлость уж возвещает ему вечер жизни, зимний хлад старости убеляет человека своим инеем.

Во всем этом отзывается несказанно действие моей силы, однако я рассудила за благо скрыть от большинства лик моей власти под личинами, защищая тайну от обесценивания, дабы, если я наделю их близким знанием обо мне, то, что сперва для них было важным, будучи неведомым, потом, став известным,

не потеряло ценности. Как свидетельствует расхожее присловье, “огласка частных дел – мать презрения”¹⁰. Аристотелевского авторитета труба возглашает, что “разглашающий тайны недостойным умаляет величие тайн”¹¹.

Но чтобы не казалось, что я, утверждая полномочия своей власти, самонадеянно отнимаю у Бога Его собственные, я безусловно объявляю себя смиреннейшей ученицей Высшего Наставника. Ведь я в своих делах не могу вплотную ступать по следам творящего Бога, но издали с воздыханьями гляжу на Его деяния. Ибо Его делание просто, мое сложно; Его делание достаточно, мое недостаточно; Его работа изумительна, моя изменчива. Он нерожденный, я рождена. Он творец, я сотворена. Он создатель моего создания, я – создание создателя. Он производит из ничего, я выпрашиваю мои произведения из иного. Он действует Своим божеством, я действую Его именем. Он одним манием велит вещи существовать, мое же делание – лишь след божественного делания. И в сравнении с божественной мощью мою мощь признаешь ты немощью, мое воздействие сочтешь бездействием, в моем мужестве увидишь ничтожество.

Справляйся с авторитетом теологии: следует тебе соглашаться скорее с ее достоверностью, чем с прочностью моих рассуждений. Ибо по их верному свидетельству человек моим действием рождается, Божьей властью возрождается. Мною из небытия призывается он в бытие; Богом от бытия в лучшее бытие приводится. Мною человек порождается к смерти, Богом возрождается к жизни. Но от этого таинства второго рождения удалено служение моего занятия; такое рождение не нуждается в такой повитухе: скорее я, Природа, не ведаю природы сего рождения, и в ее уразумении притупляется острота моего разума, возмущается свет моего рассудка. Разум дивится вещам не разумеемым, ощущение смущается от неощутительного. И так как в этих предметах бездействует всякое природное рассуждение, в одной лишь прочной вере должно нам почитать столь великое таинство.

Неудивительно, если в этих вещах теология не открывает мне своей осведомленности, так как по большей части мы мыслим хоть не противоположно, но розно. Я рассуждением упрочиваю веру, она же – верой рассуждение. Я знаю, чтобы верить, она верит, чтобы знать. Я соглашаюсь с тем, что понимаю, она понимает то, с чем соглашается. Я едва вижу видимое, она же непостижимое постигает в зеркале. Я едва измеряю разумением малейшее, она же неизмеримое рассуждением измеряет. Я, словно зверь, брожу по земле, она же ратует в тайных глубинах небес.

И хотя рассуждать о вышесказанных вещах – не моя обязанность, однако я позволила моей речи уклониться к этому предмету, чтобы ты не сомневался, что в сравнении с превосходным Божьим могуществом мое – лишь уменьшительное. Но хотя мое влияние уступает, сравненное с божественной властью, однако вперед выступает, сопоставленное с человеческой¹². Так в некоем триклинии сравнения мы можем найти три ступени власти, сказав, что в Боге могущество превосходное, в Природе сравнительное, в человеке положительное¹³.

Всем этим, без малейшего сомнения, подается тебе близкое обо мне знание. И скажу с еще большей близостью: я Природа, которая оказаньем своей благосклонности приобщила тебя моему присутствию и мою беседу удостоила тебя осчастливить».

Меж тем как сими словами открывала мне Природа природы своей лицо и своим наставлением, как бы предварительным ключом, отпирала мне дверь к своему познанию, облако отупения испарилось из пределов моего ума. И от этого наставления, как бы некоего целительного питья, желудок моего ума, как бы мучащийся тошнотой, изверг все остатки моих грез. Таким образом, полностью вернувшись в себя из скитания моего ума, я, припав к ногам Природы, в знак приветствия напечатлел на ее стопах многократную печать лобзаний, а после, выпрямившись и встав, с почтительно склоненной головою, как бы божественному величеству, принес ей возлияние приветственного слова.

Засим, устремившись к прибежищу извинения, в мольбах, медом смирения напитанных, я молил ее благосклонности, дабы она не приписала промаху моей опрометчивости, не объяснила заносчивым презрением, не сочла ядовитой неблагодарностью, что ее приходу я не воздал праздничным ликованием, но вместо этого, пораженный ее приближением, словно чудовищного призрака необычайным явлением, пал, усыпленный мнимой смертью исступления; говоря, что не дивно, если в присутствии столь великого божества побледнела тень смертной моей доли, если в полдень такового величества лучик моего понимания растворился в вечере заблуждения, если при явлении столь великого счастья покраснелась от стыда изношенность моего злосчастья, ибо мглстая тьма неведения, немощная тупость изумления и непреходящее потрясение оглушенности сочетались в некоем братском союзе с человеческой брэнностью, дабы от их товарищеского сосуществования брэнность человеческой природы, как бы образуя свои нравы по уставу своих сожителей, при столкновении с первинами нового, с диковинами великого помрачалась неведением, потрясалась остолбенением и уязвлялась изумлением.

Когда же эта стезя извинения сделала для меня приятным внимание царицы и заслужила приятное ее благосклонство, а кроме того, дала мне уверенность, что услышу я и более великие вещи, то, ее исследованию предлагая неясность некоего сомнения, ударом чрезмерного беспокойства колебавшую покой моего ума, я вывел свой вопрос в таких словах:

VII

Божие дитя, всей вселенной мать¹,
Нерушимая мирозданью скрепа,
Самоцвет земле и зеркало смертным,
 Всею Светоносец.

Мир, любовь и власть, управленье, мощность,
Чин, устав, предел, вождь, исток, дорога,
Бытие и свет, блеск, обличье, форма,
 Правило мира.

Ты, что, мир своей обуздав браздою,
10 Вещи все узлом закрепив согласья,
Миротворною сочетаешь связью
 Небо с землею.

Чистые Ума² обзрев идеи,
Каждый вид вещей предаешь чекану,
Формой вещь одев и хламиду формы
 Перстом формуя.

Ты – приязнь небес, твой служитель – воздух,
Чтит тебя земля и волна страшится,
Как владычице мирозданья, дани
20 Всё тебе платит.

Очередностью день и ночь сковавши,
Солнечною день ты даришь лампадой,
Тучи ночные усыпляя лунным
 Ясным зеркалом.

Позлащаешь ты небосвод звездами,
Озаряешь ты наш престол эфирный,
Перлами светил и несметной небо
 Ратью наполнив.

Лик небесный ты на манер Протея
30 Изменяешь, в дар племенам пернатым
Край воздушный ты отдаешь, своею
 Властью связав их.

Манием твоим этот мир юнеет,
Лиственная прядь во дуброве вьется,
И глядит земля горделиво, ризой
 Пышна цветочной.

Грозный понт одна ты уймешь и взнимешь,
Пресекая путь³ бурунам ярливым,
Чтобы лик земли похоронен не был
40 В зыби кипучей.

Поприща яви своего причину!
Что к земле грядешь, разлучившись с небом?
Своего дары божества к чему ты
 В край наш приносишь?

Что лицо дождем оросилось слезным?
Плачущий твой лик что пророчит миру?
Внутренних скорбей провозвестник верный –
 Слезные токи.

VIII

Тогда помянутая дева, показывая, что разрешение этого вопроса ожидает при дверях, говорит: «Неужели ты не знаешь, какое земной сферы уклонение, какая мирового порядка неурядица, какое мировой рады нерадение, какая праву неправда принудила меня от внутренних чертогов небесного таилища низойти в общие всей земли блудилища? Если с любовною любовью ума соберешь и в ларце груди своей сбережешь, что я скажу, то распутая я лабиринт твоего сомнения».

На это я, говоря смиренно и сдержанно, подобающий даю ответ: «Ничего, о царица небесная, не жажду я со столь любовным вожделением, как вопрос этот распутать».

Тогда она: «Так как по закону своего происхождения все пребывает в подчинении моим законам и долженствует платить мне дань, справедливо установленную, почти все повинуется неизменно моим указам, принося должным образом законную подать. Но от сего всеобщего правила удаляется непостижным исключением только человек¹, который, от ризы стыдливости обнажен, в блудничном борделе бесстыдства осквернен, против величества своей госпожи дерзает воздвигнуть буйную тяжбу, более того – против матери разжечь ярость семейственной брани. Все прочие, наделенные более скромными дарами моей милости, сообразно условиям своего жребия добровольным подчинением привязаны к требованиям моих указов. Но человек, почти всю сокровищницу богатств моих истощивший, природные дары Природы покушаясь обесприродить, ополчается против меня солецистической Венеры² беззаконием.

Заметь, что почти всякая тварь, как требует смысл природного ее состояния, согласно обнародованному мною указу исполняет законные свои обязанности в моем отношении. Небосвод, вседневным круговращением обходя вселенную, не по вздорному обычаю вращения, но по наказу моего научения, откуда выходит, туда и возвращается, и куда движется, оттуда и выходит. Звезды, на почесть небосводу блеща, убранством своим его облакая, свершая краткие переходы своего поприща, различным круженьем пространство его измеряя, несут службу для моего величества. Планеты же, как постановлено выпущенным мною указом, стремлению небосвода противостоя, встречным движением странствуют к своему восходу, а потом возвращаются домой, в область своего заката.

А воздух, мою наукой наставленный, то благосклонным ветерком радуется, то, словно сострадавая, плачем туч заливается, то сварою вихрей гневится, то молниями озаряется, то грома грозным ревом сотрясается, то в печи тепла согревается, то в строгости стужи суровеет. Птицы же, несущие печать разных природ, под моим началом и водительством, на веслах крыл³ воздушные стремнины переплывая, с сердечным желанием внемлют моей науке.

Благодаря моему посредническому вмешательству море, скрепленное с землею прочными узами дружества, не дерзая нарушить обязательство обещанной сестре верности, страшится, выйдя за пределы предначертанного уклонения, уклониться в обитель земли. По определению моей воли, однако, оно то раздражается гневом ненастья, то возвращается к тихости безветрия, то набуханием гордыни вздымается наподобие горы, то вытягивается гладкой равниной. Рыбы же, связанные изъявлением моих желаний, страшатся пренебречь канонами моих правил.

Кроме того, по велению моего указа в некоем супружеском объятии сочетаются ливни с землею, которая, трудясь ради произведения потомства, в неистомных родах не перестает порождать различные виды вещей. Земные животные, под моим распоряжением и вниманием, приносят свою послушность в разных служениях. А земля то сединой снегов белеется, то кудрями цветов покрывается. Лес то прядями листвы увенчивается, то под острою бритвой зимы плешивеет. Зима погружает в утробу матери-земли семена, погребенные в ее лоне; весна их, заточенные, из темницы освобождает, лето греет жатву, осень являет свое изобилие.

Но зачем я позволяю стезе моего рассказа уклоняться ко всем этим предметам? Один человек, презревший стройность моей кифары, под лиру делирического Орфея делирит⁴: ибо человеческий род, из своей родовитости выродившись, в конструкции рода варварствуя⁵, Венерины правила извращая, пользуется неправильным метаплазмом⁶. Так человек, Тиресию подобясь⁷ в Венериных беззаконствах, прямую предикацию меняет своим переложением, пренебрегая порядком. Отступая в своих уклонениях от Венериной орфографии⁸, оказывается он софистическим фальсиграфом. Избегая последовательной, аналогической стези Дионина искусства, впадает он в порочную анастрофу⁹. И в таковом построении меня расстраивая, в своем синерезисе он грозит мне тмезисом¹⁰.

Досадно мне, что столькими красотою и привилегиями пожаловала я природе по большей части таких людей, кои честную почесть злоупотреблением обесчестили, кои благообразие образа Венериным образованием обезобразили, кои цвет красоты притиранием блудодейного вожделения обесцветили, кои цветок красы, в пороках зацветая, обесславили.

Зачем божественною славою обожествовала я лик Тиндариды, которая употребление красоты заставила уклониться к злоупотреблению срамоты, когда, царственного брака обет отменяя, с нечестивым Парисом сочеталась? И Пасифая, неистовством гиперболической Венеры понукаемая, под видом мнимой коровы с грубою тварью скотскую свадьбу справляя, гнуснейшим паралогизмом для себя заключая, изумительным для быка заключила софизмом¹¹. И Мирра, подстрекаемая жалами миртовой Киприды, в любви к отцу отпад от дочерней любви, с отцом исполнила занятие матери. Медея же, собственному сыну мачеха, чтоб бесславное Венерино заданье свершить, сокрушила славное Венерино создание¹². И Нарцисс, коему отражение сочинило второго Нар-

цисса, пустою тенью помраченный, уверовав, что сам он – другой, в опасную вдается любовь – себя к себе. И многие иные юноши, по моей милости славной красой облеченные, но упоенные жаждою денег, заставляют свои Венерины молоты нести службу наковален.

Таковое множество чудовищных людей во всю мировую ширь рассеялось, их околдовывающей заразой самая непорочность отравляется. Ибо из тех людей, что занимаются Венериной грамматикой, одни близко приемлют только мужской, другие женский, иные же общий, или смешанный, род. Некоторые же, как бы из гетероклитического разряда¹³, склоняются неправильно – зимой в женском роде, летом в мужском. Есть такие, кто, в Венериной логике диспутируя, в своих заключениях добрался до закона взаимозаменяемости подлежащего и сказуемого. Есть те, кто, отправляя должность подлежащего, неспособен быть сказуемым. Есть те, кто, будучи лишь сказуемым, не думают о том, чтобы подлежащее подлежало им должным образом¹⁴. Другие же, гнушаясь вступить в чертог Дионы, затевают плачевную игру в его преддверье¹⁵.

Против всех них приносят жалобу уставы, ополчаются законы и карающим мечом желают отомстить свои обиды. Не удивляйся, если я прибегаю к столь новым и кощунственным речам, ибо кощунники кощунственно дерзают неистовствовать. Ведь я изрыгаю в негодовании такие слова, чтобы люди стыдливые почтили печать стыдливости, бесстыдные же отстранились от торговли в лупанарах бесстыдства. Ибо познание зла полезно для осторожности: оно карает виновных, клеймя их тавром стыда, и укрепляет незапятнанных доспехом предусмотрительности.

Уже напильник моего объяснения опилил камешек твоего вопроса. Ведь для того я, выйдя из горних тайников небесного чертога, спустилась к сему закату земной тленности, чтобы с тобою, как близким и наперником моим, излить плачевное мое сетование, с тобою определить, какой род кары соответствует такой чреде преступлений, чтобы на укусы помянутых злодеяний соразмерное наказание отозвалось равно язвительным воздаяньем».

Тут я: «О меж всех вещей посредница, когда бы я не страшился избытием моих вопросов докучать твоей благосклонности, то мглу другого моего сомнения выставил бы на свет твоей пронизательности».

Тогда она: «О нет, все твои вопросы, не только новые, но и под ржавчиною старости обветшалые, сообщи моему вниманию, дабы натиск твоих сомнений унялся пред надежную прочность наших объяснений».

Тут я: «Дивно мне, почему, перебирая сочинения поэтов, только на чуму рода человеческого воздвигаешь ты жала произнесенных тобою попреков, хотя мы читаем, что и боги на ту же хромали стопу заблуждения. Ведь Юпитер, перенеся на небо фригийского юношу, относительную Венеру превратил в переносную¹⁶. Кого он днем за столом избрал при разливании вина предстоящим, ночью на ложе сделал себе подлежащим¹⁷. Кроме того, Вакх и Аполлон, отцовского распутства сонаследники, извращенно превращали отроков в женщин¹⁸ – не божественной силы приказом, но неблагочестной Венеры проделкой».

Тут она, истой суровости лик изобразив лица своего гримасой, молвит: «В своих вопрошаниях не облакаешь ли ты одеждой исследования вопрос, недостойный притязать на внешность сомнения? не пытаешься ли придать веры туманным вымыслам поэтов, расписанным прилежностью поэтического искусства? Разве того, что изучается в детских люльках поэтической науки, не опиливает напильником углубленного понимания более зрелое изучение философии? Разве ты не знаешь, как поэты выводят на блуд слушателям голую ложь, никаким платьем не защищенную, чтобы сладостью медвяной отрады опьянить уши замороженным слушателям? Или самое ложь одевают они неким лицемерным вероятием, чтобы посредством образных примеров чеканить человеческие умы на наковальне бесчестного попустительства? Или на внешней оболочке буквального смысла лживо звенит поэтическая лира, но внутри разглашает слушателям тайну более глубокого разума, чтобы, откинув скорлупу внешней лживости, читатель нашел сладостное ядро сокрытой внутри истины?»

Поэты часто соединяют неким изящным швом исторические события со своими забавными выдумками, дабы из уместного сочетания различных предметов картина повествования сделалась изящнее. Однако когда поэты грезят о множественности богов или сами боги отдергивают руки от Венериной розги¹⁹, мерцает тут тень лживости. Но в таких делах поэт не отступает от присущих ему свойств.

Ведь когда Эпикура усыпляется сновидение, Манихей²⁰ исцеляется безумие, Аристотеля тонкости проясняются, Ария²¹ обманы обличаются, тогда рассудок доказует, мир возвещает, вера приемлет, Писание свидетельствует единственное единство Бога, к Которому никакое пятно не приражается, на Которого никакая зараза порока не бросается, с Которым никакое внушение искушения не сходится. Он есть блеск, никогда не ослабевающий, жизнь неутомимая, не умирающая, ключ, вечно прядущий, рассадник семян жизни, основная мудрости основа, начальное благодати начало.

Поскольку многие, по свидетельству поэтов, злоупотребляли предикативными выражениями Венеры в буквальном смысле, то повествование, измышляющее, что боги есть или что они распутствуют в Венериних школах, погружается в закатную тьму крайней лживости; это последнее я окутала облаком молчания, первое же вывела на свет правдивого повествования».

На это я: «Я уже понимаю, о мать, что мой вопрос отдает младенчеством крайнего невежества, но если другой бедненький вопрос, который, однако, обещает быть для меня немного важным, дерзнет предстать взору твоего внимания, я бы хотел спросить тебя кое о чем, скорее сетуя, чем исследуя».

На это она: «Разве я раньше не позволила тебе отпустить поводья твоим вопросам без всякой помехи и обуздания с моей стороны?»

Тут я: «Дивно мне, почему иные части твоей ризы, что должны смыкаться в ткацком супружестве, претерпевают развод в той части своего сочетания, где воображенья живописи представляет образ человека?»

Тогда она: «Из уже узнанного ты можешь вывести, какое аллегорическое значение имеет изображаемый этой прорехой парентезис²². Ведь когда, как мы сказали, многие поднимают несправедное оружие пороков против своей матери, упрочивая меж ней и собой величайшую пропасть разногласия²³, на меня насильственно налагают насильственные длани и раздирают мои одежды на части, и, насколько это в их силах, заставляют меня – меня, которую им подobaет облекать почестью и уважением, – лишенную одежды, выступать блудницей в лупанаре²⁴. Вот прикровенный смысл, изображаемый этой прорехой: один лишь человек несправедными своими нападками заставлял убранных моей стыдливости сносить обиду сей растерзанности».

Тогда я: «Уже кипение моих сомнений, ясностью твоих объяснений умирное, дарует моему уму передышку от их натиска. Но если то угодно твоей благосклонности, с вожделием вожделем бы я знать, какой бессмысленный смысл, какая неразборчивая разборчивость, какое неправое направление так усыпило в человеке искорку рассудка, чтобы человек, летейской чашей чувственности опьяненный, сделался уставов твоих отступником и даже против твоих законов беззаконную начал войну?»

Тогда она: «Если хочешь знать первоначальное семя этой заразы, сильнее раздуй огонь ума, заставь проголодаться желание познаний. Пусть тупость будет изгнана изощренностью разума, текучесть помышлений укрощена неизблемостью внимания. Начиная с вещей весьма высоких и желая вывести последовательность моего рассказа превосходнейшим стилем, я не хочу, как раньше, излагать мои объяснения гладкою гладью речей, или профанною новизною речей профанировать профанные вещи, но златыми украшениями скромных речей позлащать скромные вещи и облекать их различными расцветками изящных изречений. Ведь уместно будет украсить позлащенными выражениями окалину помянутых пороков, зловоние пороков усластить медоточивым ароматом речей, чтобы смердение такой кучи помета, излившись в разносящие его ветры, не побудило многих к рвоте тошнотворного негодования. Но иногда, как мы выше сказали, поскольку “речи должны быть сродны вещам, о которых мы говорим”²⁵, с безобразием вещей должно сообразоваться неблагообразие речи. Однако в последующем рассуждении я намерена простереть мантию благозвучной речи на помянутые чудовища пороков, чтобы грубость выражений не оскорбляла слух читателей и гнусность не находила места на девственных устах».

Тогда я: «Уже голод моего разумения, острота пылкого понимания, пылкость воспламененного ума, стойкость твердого внимания требуют тобою обещанного».

Тогда она: «Когда Бог пожелал вызвать здание мирового дворца из идеального супружеского ложа Своего предзамышления и мысленное слово, от века Им задуманное о сотворении мира, представить в действительном существовании, как слово материальное²⁶, словно отменный архитектор мира, словно золотых дел мастер, выводящий изделие из золота, будто изумительного

художества искусный художник, будто удивительного создания деятельный создатель, без помощи внешнего орудия, без использования предшествовавшей материи, без позорного понукания нужды, но одним распоряжением самопроизвольного желанья создал изумительный облик мирового чертога. Затем Бог, распределив в мировом дворце разные виды вещей, умирил их, распрей разнящихся родов разобщенные, стройностью правильного порядка, наложил законы, связал постановлениями. И так Он сменил распрю противоречий на мирное дружество²⁷, соединив лобзаньем взаимной близости вещи, из-за родовой противоположности враждующие, самым своим местом помещенные на противоположных сторонах. Когда таким образом все вещи согласованы были узами незримого сопряжения, множественность к единству, различие к тождеству, разногласие к согласию, несходство к сходству в миротворном возвратилось единении.

После того как вселенский художник одел все вещи обличьями их природ и обручил все вещи друг с другом в законном супружестве соразмерностей, желая, чтобы во взаимно уравновешенном круге рождения и смерти тленными вещам была дарована посредством нестойкости стойкость, посредством конечности бесконечность, посредством временности вечность и чтобы череда вещей непрестанно длилась в возмещающей чередой рождений, постановил, чтобы, запечатленное печатью явного сходства, из подобного выводилось подобное правильной стезей производящего размножения.

Меня же, как вице-богиню, как свою заместительницу, назначил он ставить чекан на различных родах вещей, дабы я, на собственных наковальнях чеканя образы вещей, не позволяла тому, что оформлено, отклоняться от формы, что наложена наковальной, но благодаря моему усердию в работе копия происходила прямо от своего образца, не лишенная никаких даров своей природы. Итак, в трудах своих повинуюсь повелению повелителя, как бы чеканя разные монеты вещей в согласии с видом образца, форму образцовую формую, уподобляя подобное подобному, я придавала отчеканенному облик отдельных вещей. Так, однако, отправляла я сию должность под таинством божественной власти, что руку моего действия направляла длань высшего могущества, ибо писчая моя трость внезапно сбилась бы с пути, когда б не правил ею перст высшего Распорядителя.

Но так как я не могла дать отделку столь многим видам вещей без вспомогательной искусности подчиненного искусника и отрадно было мне пребывание в восхитительном дворце эфирной области, где свара вихрей не рушит покоя чистой безоблачности, где нежданная ночь облаков не погребает неистомного эфирного дня, где никакое беззаконство бури не свирепствует, где никакое неистовство буйствующих громов не угрожает, поставила я Венеру, в художных навыках искусную, подзаместительницею моих работ в мировом предмете, дабы она, под моим предписанием и распоряжением, с прилежною помощью супруга своего Гименея²⁸ и сына Купидона, трудясь над приданием образа различным земным тварям, сообразно закону подбирая кузнечные молоты под

стать своим наковальням, создавала цепь человеческого рода в неиссякающей непрерывности, дабы, руками Парок пресеченная, не претерпела она пагубного разъятия»²⁹.

Когда в ходе рассказа помянут был Купидон, я вставил в этот рассказ, как усеченный парентезис моих собственных слов, такой вопрос: «О! если б я не боялся оскорбить твою доброту бесцеремонным пресечением твоей речи ловитвою моего вопроса, я хотел бы из твоего описания узнать природу Купидона, которого твои слова затронули кратким упоминанием. Ведь хотя многие авторы под иносказательным покровом изобразили энигматическую его природу, однако никаких следов определенности нам не оставили. Мы читаем, что по опыту влияние его на человеческий род столь мощно, что никто, ни печатью благородства отмеченный, ни достоинством преимущественной мудрости облеченный, ни доспехом мужества укрепленный, ни ризою красоты убранный, ни иными милостями и почестями украшенный, не в силах себя избавить от всемирного Купидонова господства».

Тут она, слегка поведя головою, со словами, сулящими укоризну: «Я полагаю, ты тоже служишь наемником в Купидоновом стане и связан с ним неким братством от задушевной близости. Ведь ты пылко стараешься исследовать безысходный его лабиринт, меж тем как тебе следовало бы скорее внимательно устремлять твое внимание к моему рассказу, сполна наделенному богатством моих мыслей.

Однако прежде чем речь моя перейдет к следующей части, поскольку я страдаю твоему человеческому бессилию и обязана в меру скромных моих возможностей искоренить мрак твоего неведения; поскольку, сверх того, связывает меня обещание разрешить твои недоумения, то, описывая ясным описанием или определяя уместным определением, покажу я нечто непоказуемое, распутаю нераспутываемое, хотя вещь, не связанную послушанием никакой природе, изысканий разума не терпящую, нельзя запечатлеть печатью никакого описания. Итак, дадим неопишуемой вещи описание, неизъяснимой природы выведем изъяснение; пусть явится представление о непредставимом, выступит постижение непостижного, облагороженное, однако, высотой слога:

IX

- С миром вражда, с надеждою страх, надежность с обманом,
В смеси с неистовством ум – вот что такое любовь;
Бремя легкое, крах отрадный, драгая Харибда¹,
Неутолимый глад и невредимый недуг.
Алчная сытость, жажда хмельная, услада обманна,
Радость, полная бед, полная радости скорбь,
Сладкое зло, злая сласть, себе горчащая сладость,
Коей хорош аромат, вкус же ее нехорош;
Буря любезная, ночь лучезарная, свет непроглядный,
10 Смерть живущая, жизнь мертвая, милое зло.
Грех прощенья, вина простительная, наказание
Шуточное, плутовство честное, сладка беда.
Без постоянства игра, постоянное разуверенье,
Прочность зыбкая, твердь шаткая, прочная зыбь.
Мудрость помешанная, безрассудный ум, процветанье
Горестное, и больной отдых, и плачущий смех.
Ад утешительный, рай угрюмый, застенок отрадный,
Вешней утеха зимы, зимней несчастье весны.
Духа жестокая моль, с багряницей знакомая царской,
20 Но не желающая нишего плащ пропустить.
Антифрастического Купидон не свершает ли чуда²,
Всякого рода людей преобразив, как Протей?
Хоть блудник и монах, очевидно, противоположны,
Их в субъекте одном нудит любовь пребывать.
Ярость пока ярится сия, не ярится уж Сулла³,
Зрится Нероном прямым благочестивый Эней⁴.
Блещет мечом Парис, Тидей от любви смягчится,
Нестор юношею, старцем глядит Меликерт.
Клянчит Терсит у Париса красу его, у Адониса –
30 Дав, и уже целиком в Дава ушел Адонис.
Крез богатый в нужде, а Кодр в нищете своей пышен,
Бавий творит стихи, муза Марона нема.
Энний вещает, а Марк безмолвствует. Мудрости боле
Нет за Улиссом; Аякс мудр в безрассудстве своем⁵.
Тот, кто Антея смирил, его разрешая софизмы⁶,
Чудищем сим побежден, чудищ иных победив.
Доброю волей жена к любому летит злодеяню,
Если неистовством сим разум ее заражен.
Дочь – отцу, и брату – сестра, и мужу – супруга
40 Смерть вероломно несет, длань упреждая судьбы.

- Так аферзой⁷ она усекает свирепую тело
Мужа, сталью ему сняв вороватой главу.
Матери имя забыть и отринуть склоняется мать,
Чаду готовя беду в час, как рождает его.
Сын изумлен, обрета в своей матери мачеху злую,
В верности скрытый обман, в нежности спрятанный ков.
Так в Медее ведут два имени брань меж собою,
Ибо с мачехой мать хочет она сочетать.
Быть не умела сестрой, сестру в себе сберегая,
50 Дева Библида⁸, когда слишком стал близок ей Кавн.
Так и Мирра, отцу приверженная непомерно,
Матерью нежной была подле отца своего.
Что наставления длить? Пройти под копьем Купидона⁹,
Воле его внимать вынужден всяк, кто влюблен.
Всюду сражается он. В его не найдешь исключенья
Правилах; всех разит ярость перуна его;
Против него нет сил у честности, благоразумья,
Знатного рода, казны пышной, изящной красы.
Кража, коварство, боязнь, гнев, ложь, иступление, ошибка,
60 Скорбь радушный прием в царстве находят его.
Разума здесь не иметь разумно¹⁰, здесь мера – не видеть
Меры, здешняя честь – честностью не обладать.
Сладость сулит Купидон, но потчует горьким. Отраву
Льет он и скверный конец славным началам дает.
Льстит он, заманивая; смеется насмешливо; жгучи
Мази его; в нем любовь – злоба; приязнь его – казнь.
Можешь, однако, его обуздать ты неистовство, если
Прочь побежишь; от него действительней снадобья нет.
Хочешь Венеры бежать – беги ее места и часа,
70 Ибо снабжают ее пищею место и час.
Вслед ей пойдешь – не отстанет. Беги – обратишь ее в бегство.
Коль отойдешь – отойдет; коль убежишь – убежит¹¹».

X

«Теперь из искусного изложения моей науки ясна тебе теория Купидонова искусства, а в книге опыта можешь разжиться и практикой. Неудивительно, если в предыдущем описании Купидона я вплела черты порицания, хотя он скреплен со мною некоей заколкой истинного родства. Ведь ни мрачная ржавчина злобной хулы, ни раскаленной ненависти зной, выходящий наружу, ни самовластительная зависть, вовне свирепствующая, не причиною этим резким уколам обвинения; это скорей для того, чтобы не казалось, что я молчанием подавляю очевидность истины, говорящей сама за себя. Ведь я не обличаю в бесчестном поведении первоначальную природу Купидона, если он обуздывается уздою скромности, если браздами умеренности управляется, если не пересекает начертанных границ природной повадки и его жар не вскипает слишком высоко. Но если его искра вырастет в пламень или его ручеек разольется стремниной, тогда безудержный его избыток требует ножа для подрезания, избыточное вздутие нуждается в лекарстве для облегчения, так как всякий выступ сбивает поступь сдержанной умеренности и набухание недужной избыточности воздымается гнойником пороков.

Театральная моя речь, блуждавшая с забавной игривостью, подана как снедь, подобающая твоей незрелости; а теперь стиль, немного отступивший ради ребяческой потехи твоему малолетству, пускай вернется к последовательному представлению предначертанного рассказа. Как я вкратце поведала, определила я Венеру к материальному воспроизведению земных тварей, дабы она подставляла под чекан разные роды материи при образовании материальных вещей, я же в многообразном оформлении природ придавала им окончательную отделку. А чтобы верность орудий стала помехой закваске порочной работы, выделила я ей два подобающих молота, с помощью коих она сделала бы тщетными козни Парок¹ и разнообразные вещи приготовила бы к существованию. Кроме того, отвела я для сей работы отменные мастерские с наковальнями, заповедав, чтобы, приноровив к каждой наковальне свой молот, добросовестно предавалась она оформлению вещей и не попускала молотам в каком-либо уклонении отлучаться от наковален. Для писания даровала я ей могущественнейшее перо, чтобы на подходящих страницах, полученных ею по моей любезной щедрости, требующих писания этим самым пером, изображала она разные роды вещей по правилу моей орфографии, никогда не позволяя своему писанию уклоняться от стези надлежащего начертания в дебри фальсификации.

Но так как она была обязана определенными установлениями брачного сожительства сводить вместе в противоположении несхожие части разного пола ради воспроизведения вещей, властительными предписаниями моей наставнической науки я внушила ей, как ученице, нуждающейся в указании, какие правила грамматической науки ей следует допускать в искусных сочетаниях сво-

их конструкций, а какие отвергать как неправильные и извинениями никаких фигур не искупаемые, дабы в своих сопряжениях она блюла законосообразные конструкции грамматической науки и благородство ее работы не претерпело никакого ущерба своей славы из-за невежества в сей науке. Ведь поскольку, по свидетельству грамматики, природный резон признает два отдельных рода, именно мужской и женский (хотя некоторые люди, лишенные пометы пола, могут, по моему мнению, считаться принадлежащими к среднему роду), я поручила Киприде, с дружественными увещаниями и безмерными громами угроз, чтобы она в своих конструкциях, как разум того требует, справляла лишь природное сопряжение мужского и женского рода.

Так как мужской род присоединяет к себе женский по условиям, необходимым для плодотворения, то если входит в употребление неправильная конструкция из одинаковых родов, так что сочетаются друг с другом части одного и того же пола, такая конструкция не получит моего одобрения ни как средство воспроизведения, ни как условие зачатия. Ведь если мужской род неким насилем безрассудного рассуждения потребует себе точно такого же рода, таковое сочетание и сложение не оправдает своего порока никакой добропорядочной фигурой, но будет опозорено чудовищностью непростительного солецизма.

Кроме того, открыли Киприде мои наставления, что в своих конструкциях, соблюдая надлежащие суппозиции и аппозиции, должна она отводить роль суппозиции той части, что отмечена чертой женского пола, а часть, запечатленную знаком мужского рода, ставить в аппозитивное положение, чтобы ни аппозит не уклонялся к роли суппозита, ни суппозит не мог переключиться в область аппозита. И так как каждый из них требует себе другого, аппозит, усваивая свойства прилагательного, по требованию закона привлекается к суппозиту, присваивающему себе свойства существительного².

К этому я прибавила, чтобы Дионино сопряжение не допускало ни неизменный облик непереходной конструкции, ни кружение возвратной, ни изгиб переходной, обращающейся на себя, ограничившись лишь прямым направлением переходности³, и не должна из-за чрезмерной вольности в отступлениях терпеть, чтобы действительный род мог переходить в страдательный, присваивая себе дополнительное значение, или страдательный род превращался в действительный, отбрасывая свои свойства, или под внешностью страдательного удерживая природу действительного, присваивать себе свойства отложительного рода⁴. Неудивительно, если весьма многие максимы, отмеченные титулом грамматической науки, терпят изгнание из обители Венерина искусства, меж тем как она допускает на лоно своей приязни те, что подчиняются правилам ее предписаний, а те, что пытаются одолеть ее законы наскаками красноречивейших противоречий, останавливает отлучением вечной анафемы; ибо авторитет философских доводов возвещает, что многие максимы – общие для разных наук, некоторые же не имеют позволения пересекать порог своих дисциплин.

Но так как я знала, что Венера втянется в войну ревностной диспутации против хитроумного сопротивления Парок, чтобы из-за неких обманчивых

увертки Венера не претерпела от руки Атропос искусно затеянных утеснений заключения⁵, я наставила ее в сей науке, показав ей, благодаря каким предписаниям науки рассуждения она может выковать форму своих доводов и как она может обнаружить логово лживых плутней в доводах ее противников, дабы уверенней вести брань диспутации против уловок противной стороны и опровергать доводы соперников сопоставимыми контрдоводами. Кроме того, я прибавила, чтобы ее силлогистические построения были сотканы подобающим расположением трех пропозиций, однако довольствовались сокращением до двух терминов, не подчиняясь никакой из аристотелевских фигур⁶: но так, чтобы в каждой пропозиции большая экстрема⁷ выполняла роль сказуемого, меньшая же подчинялась законам подлежащего. В первой пропозиции сказуемое не должно присоединяться к подлежащему никаким видом действительного присоединения, но лишь на основании внешнего соприкосновения, как когда термин сказуется о термине. Во вкушении взаимных лобзаний большая экстрема сочетается с меньшей более тесным взаимовлиянием. Но в заключении совершается плотское сопряжение подлежащего и сказуемого в истинной связи теснейшего присоединения⁸.

Я также советовала ей, чтоб термины Венерина построения, блюдя законы аналогии в высказывании, не меняли своих соответственных положений на пагубную, пятающую конверсию⁹. И чтобы обман консеквента¹⁰, рожденный схожестью подобных вещей, не препятствовал Венериной работе, я пометила термины особыми значками, дабы она ясно узнавала близким взором беспрепятственного узнавания, каких терминов требует по законам своего существования низшая степень субъекта, а каких – высшая вершина предиката, дабы, если непоследовательное сочленение терминов не соблюдет требований их соотносительного существования, не возникло единообразное безобразие нескладной нелепости.

И как я пожелала изгнать из Венериних школ некоторые обыкновения грамматики и диалектики яко набег самой неприязненной враждебности, так и метонимические употребления риториков, кои мать Риторика объемлет на обширном своем лоне, вдыхая своим речам многие прикрасы, я удалила из мастерских Киприды, чтобы из-за впадения в слишком резкий перенос сказуемое не переместилось от шумно возражающего подлежащего к чему-то другому, остроумие не превратилось в злодеяние, изящество – в неуклюжесть, троп – в порок, чрезмерная расцветка – в выцветание.

Венере, облагороженной сим отменным снаряжением, земля сделалась обителью и отчиною. С помощью сих орудий усердно трудясь над продлением цепи человеческого бытия, рассеченное руками Парок она, тонкой иглой прилежно штопая, изящнейше воссоединяла. И таким образом долгое время с ревностнейшей заботой исполняла она для меня обязанности назначенной ей службы. Но так как ум, наскучив однообразием, матерью пресыщения, наполняется негодованием, а желание исполнить задачу угасает под влиянием повседневного труда, одинаковость работы, столько раз повторенная, заразила

Киферею отвращением и трудов продолжение разогнало желание трудиться. Потому, вожделя скорее разнежиться в бесплодной праздности, чем подвизаться в плодоносной работе, пренебрегая своим занятием по поддержанию жизненной непрерывности, чрезмерным бездельем расслабленная, начала она забавляться с ребяческой неосмотрительностью.

И так как всякую воинскую доблесть гонит от себя тот, у кого цепенящая праздность разбивает свой стан, и бесплодие досуга обыкновенно чреватее обилием дурного потомства; так как разливающийся потоп питья вспенивается непомерным сладострастием, а разнузданное поглощение пищи изрыгает блевоту, соразмерную его излишествам, – Венера, смертным сим иступлением язвимаая против супруга своего Гименя, чистоту ложа оскверняя чумой прелюбодейства, впала в блуд с Антигением, как его наложница, и, смертоносными блудодейства понуканиями опутанная, грубо превратила свободное искусство в механическое¹¹, законосообразное в неправильное, утонченное в неотесанное, и, извратив мое наставническое предписание, отлучив молоты от общества их наковален, обрела их на наковальни блудодейные.

Сами природные наковальни, оплакивая отсутствие своих молотов, казалось, слезно их домогаются. А та, что обыкновенно выставляла оградительный щит против меча Атропос, все сжинающего, ныне была привязана к ней взаимным заветом утвержденного согласия¹², и, попустив серпу судьбы широко вторгаться в людскую жатву, не возмещала урон возрождающим произрастанием нового семени, но вместо этого, себя в грамматических сложениях разлаживая, в диалектических превращениях развращая, в риторических расцветках¹³ обесцвечивая, искусство свое преображала в фигуру, а фигуру – в порок. И покамест в распутной разнузданности длит она с прелюбодеем соблазнительное сожительство, дитя от него зачав, вместо сына обретает байстрюка, который, поскольку радости себе ни в какой приятной забаве не находит и не желает развлечься никакими утехами шутовности, как бы антифрастически нарекается Посмехом¹⁴, от смешливости, и привычка закрепляет за ним это имя.

Так два сына родились у Дионы, разные по несходству происхождения, несхожие по закону рождения, различные по славе их нравов, неподобные по разности их умений. Ибо Гименей, связанный со мною узами единоутробного братства, возвышенный происхождением отменного достоинства, родил от Венеры себе сына Купидона. Антигений же, происходящий от рода шутовской безвестности, блудодеянием произвел себе на балагурский манер прибудного сына Посмеха. Рождение первого оправдывается торжеством брака; происхождение второго обвиняется низостью пошлого сожительства. В первом блещет учтивость отцовской воспитанности; во втором темнеет неотесанность отцовской грубости. Первый живет в серебряных ключах, белыми блистаньями посеребренных; второй неустанно посещает места, проклятые вечною сухостью. Первому мило удолие лесистое, второй разбивает шатер в пустынной равнине. Тот под навесом непрестанно ночует; этот под открытым небом непрерывно дни и ночи проводит. Этот жалом златым ранит преследуемого; тот железным

дротом пронзает разимого. Этот гостей своих горьковатым нектаром упаивает; тот своих умерщвляет острым полынным питьем.

Уже моя речь записала на хартии твоего ума, как вредоносная пагуба праздности вывела на свет эмфатическую Венеру¹⁵; как потопляющий разлив питья произвел Венерин пожар; как слоновья проказа¹⁶ сластолюбия, берущая начало от безудержного пожирания снеди, поразила столь многих.

Вот, пропела я жалобную песнь горького сетования о людях, изнуряемых острою Венериной лихорадкой; теперь же настроим лиру на элегический лад печальной речи об иных, коих тлетворные сонмы иных пороков смущают. Ибо многие, когда ускользнут и избегнут зияющих пучин прожорливой Харибды, терпят прискорбное крушение от неожиданной опасности в бездне злокозненной Сциллы. А многие, хотя спасаются от натиска бурного потока, увязают в жадном иле застойной заводи. Иные же по совету предосторожности обходят кручи стремнистой горы, однако в самопроизвольном падении расшибаются о гладкую равнину.

То, что я тебе поведаю, вбей в свой ум крепким гвоздем памяти и бодрым вниманием стряхни сонливое оцепенение, дабы ты, материнским сердцем растроганный, со мною соскорбел и сострадал крушению людей, подвергшихся опасности, и, огражденный щитом предостережения, выступал навстречу чудовищной рати пороков, и если дерзнет пробиться в твоём саду какая трава от дурного семени, искоренил бы её ножом благовременного отсечения».

На это я: «Уж давно мой ум, ободренный драгоценным твоим наставлением, склоняет охотный слух к твоим увещаниям».

Тогда она:

XI

«Сколь тяжелым, увы! рухнув паденьем¹,
 Власть порока познав, мучится доблесть!
 Вся ее красота терпит изгнание,
 И спадает узда с ярых пороков.
 Меркнет, изнеможен, правды Денница;
 Еле тени его тень остается;
 Плачет он, что его чести светило
 Мертво, света лишен, ночью исполнен².
 Мир покамест разят молнии злодейства,
 10 Ночь обмана мрачит верности звезды,
 Добродетелей блеск уж ни единый
 Бездну ночи такой не искупает.
 Вечер верности днесь к миру приходит,
 Разливается лжи хаос полночный.
 Вянет верность от лжи, ложью дурачит
 Ложь лжеца, и обман грозен обману.
 Благодравья чужды нравы мирские,
 Чужд закона закон; право теряет
 20 Право длиться. Без прав ныне чинится
 Правосудье, закон жив без закона.
 Вырождается мир, время золотое³
 Вырождается в сем мире: железа
 Нищим ныне одет вретисцем тот, что
 Древле был облечен знатностью злата.
 Лицемерья обман больше не ищет
 Покрывалом себе; смрад злодеянья,
 Чтоб зловонью покров дать благовидный,
 Доблестей аромат больше не ищет.
 Гиацинтом бурьян, розой крапива,
 30 Чистым шлак серебром, черледь багрянкой
 Облик нищенский свой не прикрывает,
 Чтобы внутренние спрятать изъяны.
 Нет, снимает с себя грех украшенья,
 Не расцвечиваясь правды сияньем,
 И пороком себя въявь называет.
 Ложь – сама для своей яри глашатай⁴.
 Безопасно ли где, коль вероломство
 Против чад ополчить мать умеет,
 Коль страдает от лжи братское чувство,
 40 Коль сестру обмануть может десница?

Должность праведности – чествовать честных –
Мнят неправедною, и благочестья
Уж закон нечестив. Помнить стыдливость
Стыдно ныне для всех, и, не стыдяся,
Человеческую суть отметаает
Боле не человек. Выродок, скотской
Облекается он подлостью нрава,
Отлученный навек от человека».

XII

На это я: «Так как наблюдающий разум блуждает по широкому пространству такой всеохватной темы, а загодя определенные частные предметы любезны разумению, я хотел бы, чтобы ты расплела те пороки, кои тобою сплетены в некий клубочек общих утверждений, и показала оттенки различий в каждом отдельном виде».

Тогда она: «Так как неприлично было бы лишить твою обоснованную и достойную просьбу заслуженного ею исполнения, справедливо будет очертить для тебя каждый порок отличительными его чертами. Поскольку уже сказано, каким образом весь мир из-за природных сил Венеры почти всеобщему подвержен пожару, остается сказать, как мир терпит кораблекрушение во всеобщем потоке обжорства, ибо обжорство есть некое вступление к делам Венериным и некий антецедент для Венерина консеквента¹.

Заметь теперь, что некоторые дочери древнего Идолопоклонства, некогда с корнем исторженные, в нынешнее время силятся возродить державу своей матери, и, обновленную, воскресить ее из мертвых некими лживыми заклинаниями. Играя блудниц, лица свои выбелив видом призрачного удовольствия, любовников коварными приманками заманивают. С удрученной радостью, с дружественной свирепостью, с враждебной дружественностью, как Сирены, лакомые до смерти², внешностью своей преподнося мелодию отрады, любовников своих они доводят до кораблекрушения Идолопоклонства.

Из них одну, скажу выдуманном словом, сообразно ее свойствам, можно бы назвать Вакхопоклонством. Отнимая у своего поклонника искорку рассудка, она оставляет его во мраке тупой чувственности и своим блудным манером настолько опьяняет любовника, что он принуждается искать Вакха с особою силою – настолько, что насчет пьющего, узами чрезмерной любви к Вакху прикованного, думают, что он воздает ему высокую почесть божественного поклонения. Посему вакхопоклонник, не снося, чтобы Вакх, как реликвии его святого, был отделен от него каким-то пространством, не позволяет своему богу долго пребывать в чужих хранилищах, но чтобы ближе стало к нему оно-го бога божество, заключает Вакха в бочонке своей утробы. Но поскольку хранилище желудка часто не может снести божество столь великого гостя, этот бог постыдно исчезает или через северный полюс восточных ворот, или через южный западных ворот³.

Кроме того, читатель Вакха часто создает Вакху пристанище в изящных сосудах, драгоценных по достоинству материала, дабы его божество божественней блистало в золотой чаше. Поэтому он, с эфирным сияньем состязаясь в ясности и с изумрудной зеленью верстаясь в зелености, все вкусы превосходя благородством своего вкуса, сынов пития⁴ подстрекает мнимую божественностью своих свойств, чтобы Вакха, как таинство несказанного божества, почитали они с несказанною любовью⁵. Поэтому они, чтоб никакая доля этого

божества не осталась непоглощенной, глотают Вакха до самого отстоя и так заставляют своего бога бесчестно сойти в тартарийскую бездну их утробы. И когда они таким образом нисходят к самому всеобъемлющему роду питания, восходят к превосходной степени опьянения.

Эта зараза грозит не только толпе простонародья, но и горделивые шеи прелатов заставляют перед собой склониться. Им недостаточно тех милостей Вакха, кои излила на него милость Природы: усвоив себе всасывающую силу тростника, прожорливой глоткой Харибды они глотают Вакха, то ликующего в супружестве с розами, то выдыхающего аромат другого цветка, то в обществе иссопа притязующего на некую привилегию, то наделенного внешними дарами иных вещей⁶, – до тех пор, пока не наживут себе кораблекрушение без моря, плач без печали, слабость без недуга, хмельную дремоту без сна. Когда же, пораженные пылкостью хмеля, предаются они псалмопению, то, разбивая стихи чрезмерными промежутками, перемежают их неожиданным Бореем опьянения⁷.

Не только это влечение к питью, но и собачья алчность к еде манит многих, чьи беспорядочные желания и неподобающие помышления грезят о стряпне. Когда они слишком щедро выплачивают сборщику ежедневный долг по еде, сборщик, чрезмерно отягощенный, вынужден вернуть излишек должнику⁸. Все, чем ни владеют, складывают они в ларце желудка. И хотя их накопления ни ржа не язвит разъедающим зубом, ни хитрость лисоподобного вора не похищает⁹, однако исчезают они еще постыднее, от постыднейшего грабежа, учиненного жаром переваривания. Они понукают мошну изрыгать деньги, ларец – блевать монетами, дабы усердней лстить сборщику-желудку. Внутри они щедрят утробу богатствами яств, а снаружи брошены в нищету, нагую, чистую и одинокую.

Эта чума, не довольствуясь смиренным простонародьем, шире разливается среди прелатов, кои, бесчестуя обряд крещения, в ключе священного перца крестят лососей, щук и прочих рыб, равно отмеченных родовитостью, истерзанных различным мученичеством варки, дабы, таким крещеньем окрещенные, стяжали они многообразную благодать вкуса. На одном столе земное животное погружается в перечном потопе, рыба плавает в перце, птица в том же клее увязает. И когда столь многие виды животных заключаются в одном узилище утробы, дивится водная тварь, видя с собою сухопутный и воздушный род в одной гробнице погребенными. Если же им даруется возможность выйти, широты ворот едва хватает для их выхода.

Сказанные поветрия создают мост, которым люди спускаются в блудилище распутства. Они – вступления, коими каждый входит в науку воровства. Они рождают недуги, сеют нищету. Они – кормилицы раздора, сестры безумия, матери безудержности, охотницы за нечистотою. Из-за них род людской выходит за пределы скромности, отбрасывает узду умеренности, ломает печати чистоты, не думает о милостивых моих щедротах. Ведь хотя моя щедрость столько снеди рассеивает людям, столькими яствами дождит, они, неблагодарностью

воздавая за благодеяния, непозволительно злоупотребляя дозволенным, отпустив узду обжорству, превосходят меру в еде и чреду напитков протягивают в бесконечность. Дразня небо острою солений, чтоб пить часто и много, они чаще обычного вынуждены мучиться жаждой.

Есть и другая дочь Идолопоклонства, которую (если собственный смысл названия сохраняет в слове некое родство с его значением) уместно наречь подбоящим именем Деньгопоклонства. Это Алчность¹⁰, из-за которой в людских умах обожествляются деньги, монете воздается честь божественного поклонения; из-за нее, когда говорят деньги, Туллиева витийства хрипнет труба; когда ратоборствуют деньги, Гекторова ратоборства молкнут перуны; когда нападают деньги, Геркулесова падает доблесть. Ведь если кто вооружается деньгами, как броней серебряной, ни во что не ставит ни натиск Туллиевой стремнины, ни молнию Гекторова нападения, ни крепость Геркулесовой доблести, ни многообразные Улиссова хитроумия уловки. Ибо так накаляется голод обладания, что диалектики немеет тонкость, риторики чахнет убедительность. Где обилие денег ведет свою речь, Туллий уж продает чекан своего витийства, Лукреция обменивает стыдливости своей монисто на его цену в золоте, Пенелопа, торговка своим целомудрием, за плату слагает с себя стыд; даже Ипполит, коли услышит мольбу шепчущей монеты, не захочет мачехиным мольбам ответить на мачехин манер¹¹. Ведь если в ухо судье зашепчут деньги, Орфеева лира, Амфионова песнь, Вергилиева Муза задушены будут голосом денег. Богач, уже терпящий крушение в глуби своего богатства, мучится, как Тантал, пожаром водяночной жажды. Даже бедняк, хотя не может действительно выказывать материальную алчность, внутри, однако, хранит архетипическую скардность.

Какой стыд! Груда денег доставляет должности, по весу металла взвешиваемые. Уже не Цезарь, но грош есть все¹², скорый на торговлю санами, от самых скромных до самых важных. Ибо грош – наш патриарх, который одних возводит на вершину архиепископства, иных поднимает к почести епископского сана, тех назначает на архидиаконское служение, других наделяет обязанностями других расхожих должностей. Что ж еще говорить? Грош побеждает, грош царствует, грош владычит вселенной¹³.

Что пользы с Птолемеем на колеснице точности следовать за движеньями ускользящей астрономии; изучать пророчества звезд, непринужденные блужданья планет; с Евклидом проникать в глубокие тайны геометрических энигм; нисходить разуменьем в пучину морскую, высот небесных достигать умственным измерением; с Милетцем открывать дружественные созвучия музыкальных соотношений; с Пифагором созерцать битвы чисел благодаря силе умножения; с Туллием распещрять речь риторическими звездами расцветок; с Аристотелем отделять ложь от истины обоюдоострым мечом диалектики; с Зеноном одевать ложь софистическим правдоподобием; с Донатом¹⁴ сочетать слова в согласии их акциденций¹⁵, если мудрость в наше время никакой не находит награды за свои плоды, благосклонный ветер молвы ее не превозносит, деньги же покупают славу сана, возглашение похвалы?

И все же Мудрость одна превыше всех имений, имение благородное, которое, будучи рассеяно, собирается, будучи израсходовано, возвращается, будучи разделено, возрастает; благодаря которому благородное сокровище знания в тайных глубинах ума рождается, плод внутренней утехи обретается. Мудрость есть солнце, благодаря которому дневной свет сияет во мраке ума; она – око сердца, отрадный рай духа. Она обращает земное в небесное, тленное в бессмертное, человека в бога властью обожествляющего подражания. Она – единственное лекарство от твоего изгнания, единственное утешение для человеческого злосчастия, человеческой ночи единственный Светоносец, единое из твоего бедствия искупление; остроты ее очей воздушная тьма не смущает, плотность земли трудам ее не мешает, водная глубь взора ее не притупляет.

Хотя Мудрость чахнет от крайней дешевизны в руках у многих, кто живет, подобно скоту, в грубой чувственности, однако у тех, кто возвращает искорку разума в первоначальное пламя, она доселе не лишена дара широко разглашаемой славы. Ведь хотя Благоразумие пренебрегает славословиями и рукоплесканиями обманчивой лести, однако поскольку славное свойство истой Молвы таково, что она домогающихся ее презирует и презирующих домогается, Благоразумие, избегая, обретает Молву, которой лишилось бы, за ней гоняясь. Таким образом, если ты видишь, что у кого-то деньги царствуют, Благоразумие лежит простертым, богатства воюют, Мудрость в изгнании, все же с победительной душой наступи и подчини себе безжизненное бремя богатств и с пылкой приязнью сердца следуй за Благоразумием, дабы внутренние покои матери-Мудрости узреть беспрепятственным взором».

Тогда я: «Хотелось бы мне, чтоб ты, отпустив поводья укоризны, от всего сердца обрушилась на сынов Алчности».

Тогда она, свернув ход своего рассказа к самым горьким и язвительным нападкам, молвит:

XIII

- «Злата заветный глад когда уязвляет людское
 Сердце¹, разум людской не ведает, алчущий, страха.
 Дружбу губит, родит неприязнь, раздраженье вздымает,
 Сеет войну, питает раздор, войну обновляет
 Прерванную, скрепленные рвет договоры. Подъемлет
 Сына против отца и мать против чада²; он братьям
 Тогу братства забыть внушает; и всех, кто единством
 Крови соединен, разделяет единая ярость³.
 Зной желанья когда припекает желудок рассудка,
 10 Жаждет ум от питья, и новый Тантал⁴ изнывает
 В волнах, и груды богатств лишь сил придают его жажде.
 Сытый алчет, жаждет хмельной, вожделеет богатый.
 Хочет один всего, и делает это хотенье
 Нищим его; снаружи богач – внутри же всё беден.
 Тот ничего не стяжал, кто мнит: ничего не стяжал он.
 Бедность пока он в мольбах стремится восполнить богатством,
 В сердца обитель, в ума укрепления несытого входят
 Рати несметны врагов, и, гул поднимая великий,
 20 Всю сотрясают они цитадель человеческой груди.
 Ибо страх наступает на ум, и с тою же силой
 Зыблет желанье его, весь град ума разоряя.
 Так мятется скупец от двойного вихря печалей:
 Страшных страшася вещей, ум и сам измышляет боязни
 Новые часто, и страх сочиняет, и в страхе ущерба
 Терпит ущерб, и беду измеряет своим опасеньем.
 Разны злосчастья ему в боязливых грезах приходят:
 То коварства жены, то уловки воров опасенье
 Провозвестит, то приход неприятеля; глотке грозящий
 Меч представит оно и владык⁵ перуны ужасны;
 30 То о пожарной беде помянет, то гнев Океана
 Вообразит, и в одном он страхе уж терпит крушенье.
 Ум богача о деньгах философствует, в час как в шкатулке
 Он их хоронит, и грош погребенный как раз умирает
 Для потребы любой: им шкатулка отныне владеет,
 Не человек, для своей лишь его сохраняя потребы.
 Чтобы ларцам поднести монетой полное блюдо,
 Строгий пост на свою богач налагает утробу.
 Скупость утробе страшна, и дивится она, что в доходе
 Должном отказано ей; от ларца она ищет подмоги,
 40 Но к утробе ларец глухим обращается ухом.

Пища – лишь для очей, в серебре – единому взору
Пир; философом стать поневоле пришлось утробе,
Голод пришлось ей терпеть в желаниях неутоленных.

Слезы, моления мед и самая бедность людская
Не убедят, чтоб богач бедняка, изнуря процентом,
Не пожирал, кошелек несчастного опустошая.

Слезы ему смешны бедняка, несчастного муки –
Сладость ему, наказание других – ему утешенье.

Плач и тоска одного – забава и смех ждет другого.
50 В скорби и столах один – другой покончил со скорбью.

Всякая страсть в богатом скупце открывает дорогу
Страсти к деньгам. Ведь не наделен уже его разум
Волей, чтоб его взор к другим отводила предметам.
Нет, не богатству богач, но ему владыка богатство.
Он не владелец деньгам, но им самим овладели
Деньги, и погребена душа скупая среди денег.

Сих почитает богов, сим идолам почесть священной
Службы несет он, и грош дарит его божьей приязню^б.
60 Попранный алчностью, так человеческий разум впадает
В рабство плоти, слугой при ней состоять принужденный.

Так, плотской ослепленное тьмой, сердечное око
Меркнет, затменье познав, в одиноком дремлет безделье.
Так на беду человеческих блеск разумений оделся
Тенью плотской, и слава ума бесславною зрится.

Ни богачей, ни богатств, однако, не унижает
Слово сие: один лишь порок уязвить оно хочет.
Ни богатств, ни казны, ни обыкновенья богатых
Не осужу, коли дух победительный, разуму предан,
70 В силах попрасть богатства свои, коль славный возничий,
Ум, начнет направлять богатства употребленье.

Ведь коли всю казну расточит, коль в дарах разливаться
Станет богач, хоть ищет хвалы и радеет дарами
Благосклонность стяжать, но если дарам сим началом,
Возчиком, проводником не будет трезвость сужденья,
Будут бесплодны они: ведь дар похвалы не заслужит,
Только купит ее, без приличия и различенья
Если его совершить. Воздают за дарения часто
Лицемерьем похвал, притворным образом славы,
Призрачной честью, хвалы обезьяной, тенью приязни».

XIV

«Вот, ты видишь, как птичий клей цепкой алчности отнимает свободу у человеческого ума. Теперь следует рассмотреть, как напыщенная надутость дерзостной заносчивости заставляет надмеваться человеческие умы: губительной заразой этой немощи отравленные, многие люди, кичливо возносясь над самими собою, рушатся ниже самих себя, убывая в стремлении прибывать, нисходя в стремлении взойти, разбиваясь в стремлении добиваться. У этих людей торжественная пышность речей, или мать подозрений, молчаливость, или некая особливая повадка в делах, или необычная в движениях сдержанность, или чрезмерная заботливость о теле есть внешняя глосса внутренней гордыни ума.

Ибо иные, кого угнетает приниженность рабского состояния, хвастают благородной свободой; другие же, своим ничтожным и смехотворным родом водворенные среди простонародья, на словах наделяют себя отменным происхождением; иные, хотя, еще вопя в колыбели грамматического искусства, сосут молоко из его груди, притязают на высоты Аристотелевой тонкости; иные, хотя цепенеют от стужи заячьей боязливости, с помощью одной болтливости награждают себя львиным мужеством. Есть и такие, кто прямо выражает внешним молчанием то, что замкнула внутри заносчивость внутреннего презрения. Ведь они брезгают разделять общую беседу с иными, лежащими на более низкой ступени нравов, и с теми, кто им равен по добропорядочности, и даже с отмеченными достоинством более высокого сана. Если же кто, задав вопрос, захочет добиться от них слова, ответ будет отделен от вопроса столь обширным перерывом молчания, что подумаешь, одно к другому никакого отношения не имеет.

Иные, кому отрадно придавать своим действиям особый вид, всячески стараются быть во множестве единственными, во всеохватности особыми, в совокупности несхожими, в единстве отличными. Пока иные заняты беседой, они посвящают себя молчанию; пока иные предаются забавам, они кажутся увлеченными важным делом; пока иные должным порядком обращаются к делам, они пребывают в праздных забавах. Пока у иных на лицах безоблачность праздничного веселья, эти носят на лице какую-то непогоду неприязненной суровости. Иные воплощают внутреннюю повадку гордыни в сдержанности внешнего поведения: откинувшись назад, глядят на небо, как будто презирают земное; их глаза пренебрежительно отведены в сторону, брови нарочито подняты, подбородок надменно выдвинут, они стоят подбоченясь. Даже их ноги отведывают земли лишь легким касаньем носка. Иные же изнеживают свои тела женственной холей: собор своих кудрей они с помощью гребня к такому согласию приводят, что даже легкий ветерок не породит в них беспорядка. Они обстригают волокна пышно разросшихся бровей попечительными щипчиками или выкорчевывают излишки из их рощи. Против растущей бороды они устраивают частые засады бритвы, чтоб не осмеливалась расти даже самую

малость. Руки сетуют на тесноту рукавов; ноги заключены в тесных узилищах башмаков.

Увы! откуда эта спесь, эта гордость у человека, чье рождение тягостно, чью жизнь разрушает мучительный труд, коего мучительность еще мучительней заканчивается необходимостью смерти; чье бытие мгновенно, жизнь – кораблекрушение, мир – изгнание; от коего жизнь ушла или сулит уйти, а смерть подступила или грозит подступить?

От Гордыни рождается дочь, получившая в наследство материнскую злобность. Это Зависть, что сокрушает людские души разъедающим грызением беспрестанного злословия. Это червь, от чьего укуса здоровье ума, занедужив, чахнет и гноится, неиспорченность ума тлеет и трухлявеет, покой ума растекается в тяготах. Это гость, который, у своего гостеприимца гостящий не как подобает гостю, сокрушает своего гостеприимца обитель. Это владение, дурно владеющее своим владельцем, которое, напускаясь на других с лаем злословия, душу своего владельца куда глубже тревожит внутренним укусом.

Зависть позволяет жалам своего ожесточенного злословия не язвить тех, кого поглотила преисподняя пороков, кому разум Природы отказал в телесных дарах, кого безумие Фортуны изbleвало в нищету. Но если кто плавает в стремнине богатств с Крезом, рассыпает казну с Титом¹, в красе спорит с Нарциссом, гремит мужеством с Турном², с Геркулесом верстается в силе, с Гомером упивается Пегасовым нектаром³, с Платоном созерцает философию лицом к лицу⁴, с Ипполитом запечатлевается печатью непорочности, – против таких истощает она всю грудь своих злословий. Ведь смелость она приписывает неистовству безрассудства, а благоразумие превращает в изворотливую лживость или в напыщенное многословие. Из-за ее злоречия и стыдливость падает до позлащенного лицемерия.

Этот гной Зависти гноит многих, кто, сияясь стереть блеск чужой славы, сперва чувствует ущерб своей порядочности. Чужое благоденствие почитают они своим бедствием, чужое бедствие – благоденствием. В чужом веселии они унывают, в чужом унынии веселятся. Они измеряют свое богатство чужой бедностью, свою бедность – чужим богатством. Они сияются или помрачить безоблачность чужой славы облаком своего злоречия, или украсть у другого похвалу одной молчаливостью. Они или загрязняют истую чистоту чужой безупречности, или смешивают с истиной закваску лжи.

О скорбь! какое чудовище чудовищней зависти, какой вред вредоносней, какая вина виновней, какая мука мучительней? Это бездна заблудшей слепоты, человеческого ума преисподняя, стрекало соперничества, жало распри. Что такое внушения зависти, как не враги нашего покоя, сподручные умственного разорения, бессонные неприятели смущенной души, чужого счастья соглядатаи? Что пользы человеку, если ему безоблачность благоденственной Фортуны приятствует, если его тело наслаждается красою пурпура, если его ум блещет сиянием мудрости, когда грабеж неприязненной зависти, разграбляя богатства ума, безоблачность благоденственной Фортуны обращает в тучи злосчастия,

а золото красоты сводит в окалину безобразия? когда славу благоразумия бесславит ревность бесславная?

Но если кто хочет отогнать ржавчину ревности, моль зависти от сокровищницы ума, пусть через сострадание найдет свою скорбь в чужой скорби, через сорадование сделает чужую радость своей, в чужом достатке полагает свое богатство, в чужой нищете оплачет свою нищету. Если видишь, что чужая порядочность чувствуется в обрядах славы, праздничный день похвалы не превращай своим злословьем в непраздничный, но пусть в дневном свете твоего свидетельства светоч чужой порядочности блещет прекрасней, вынесенный на люди. Если же видишь людей, злоречиво облаивающих титло чужой славы, удались от стаи лающих псов или, преткнув их предостережением, затупи им языки, сделай тщетным лай, сотри язвительные зубы, обессиль укусы злоречья.

К приведенному перечню пороков Лесть прибавляет свою долю злобы. Этой чумы заразою поражаются те, кто подле государей, – дворцовые псы, мастеровые угождения, ковачи хвалы, гончары лживости. Это они велеречивой трубой одобрения звенят в уши богачам, они изрыгают соты медвяной лести, они, чтобы ухватить подарок, радеют умастить главу богача елеем ласканья, под ухо прелатам подкладывают подушку похвалы, отряхивают с их платья мнимую пыль, тщательно снимают перышко с ризы, на которой ни перышка нет. Нищенскими похвалами они выкупают поступки богачей, на которые молва плюет в негодование. Они ставят хвалу в зависимость от щедрот, благосклонность – в зависимость от подарков, провозглашения льстивой молвы – в зависимость от награды. Ведь если в даре богача блещет поток щедрости, льстец весь изливается в похвале щедрости; если же дар богача отзывается окаменением зимней скупости, скупой на хвалу льстец холоден в дарах прославления. Но если кажется, что описание дара требует тимпанов хвалы, поэт лести напыщается в высокопарном слоге прославления. Если же нищие дары кланчат помощи у доброй славы, этот человек унижает достоинство, о коем возвещает, приниженным слогом, ибо где держит речь высокость даров, льстец из сокровищницы своего сердца изрыгает лицемерные хвалы, призрачную славу, легкие лжесвидетельства.

Ведь даже если тот, за кого поднимают голос его дары, будет опрокинут столь великой бурей бесславия, что в нем едва уцелеют обломки природных дарований, льстивые стихи выдумают для него притязание на красоту. Крохотные пределы его малодушного сердца они лживо объявят палатами великодушия; низменные норы бездеятельной скупости вознесут до крайней щедрости; низость плебейского рода лживо украсят титлом Цезаревой знатности.

О чем же еще говорить? Если даже в человеке, никакой добродетелью от пороков не искупленном, всякий вид порочности найдет себе пристанище, если дар выступит посредником, наемный льстец придаст нежную расцветку обличью порока, набросив на него ризу одобрения. Напротив, если сияет в чьем-то лице полдень истой красы, блещет язык серебряными перлами витийства, лучится чертог ума убранством добродетелей, и все же если искусник лести не

ждет благоволения даров, то к свету такой порядочности он силится примешать облака отвратительных пороков.

Что же такое Лести притирание, как не даров вымогание; что потеха с похвалами, как не насмешка над прелатами; что славы сияние, как не их осмеяние? Ведь хотя обычно речь – верный толкователь разумения, слова – верные души изображения, лицо – знаменье желания, язык – пророк ума, льстецы отделяют от желания лицо, от души слово, от ума язык, от разумения речь широким промежутком несовпадения. Ибо улыбаются они внешней побелкою хвалы многим, над коими потешаются внутренней ухмылкой ума. Снаружи ласкающим одобрением восхваляют они многих, кого внутри обманывают опровергающим осмеянием. Снаружи рукоплещут с девическим видом, внутри язвят скорпионьим жалом. Снаружи изливают медвяный ливень лести, внутри извергают злословия бури».

Тогда я, сдерживая непрерывное ристание ее рассказа, сказал: «Я хотел бы, чтоб городок моего ума оснастила ты разумными укреплениями твоей науки противу фурийного воинства этих пороков».

Тогда она:

XV

«Чтоб из-за Сциллы омота жадного¹
 Не кануть в безднах похоти сумрачных,
 Браздою меры нёбо взнуздай свое,
 Плати утробе дани умеренней.

Скудней пусть льются ливни Лизевы²
 Проходом глотки; чашу ты Вакхову
 Впивай скупее, чтобы казалось,
 Что лишь лобзают чашу уста твои.
 Пускай гордыню Вакха вода смирит,
 10 Умерят реки Вакхово бешенство;
 Пускай с Лизем вступит Фетида в брак³,
 Чтоб самовластье мужа стянуть уздой.

Пускай трапеза редкая, скромная
 Растопчет ропот плоти заносчивой,
 Чтобы слабее впредь угнетал тебя
 Тиран, надменно в плоти сей правящий.
 Дай Купидону цепкому праздным стать.
 Узду влеченья ты обуздай в себе,
 20 Да жало плоти⁴ слабнет, коснящее,
 Да обретется духу служанкой плоть.
 Задвижки к двери взгляда прибавь своей,
 Взнуздавши очи, чтобы с бесстыдною
 Не рыскал ловлей взор их, вовне уйдя,
 И о добыче вести не нес уму.

Коль опьяняет души к стяжанью страсть,
 Пусть гонят деньги из помышленья вон,
 Пускай тщеславье чует триумф ума,
 Пусть Купидона шея преклонится.
 Пускай подолгу запертыми в мошне
 30 Не будут деньги, в праздной сонливости,
 Без пользы людям – пусть они бодрствуют,
 Служа богатым, стражею честности.
 Коль час приспеет, место потребует,
 Пусть погребенны груды поднимутся,
 Пускай извергнет все из себя кошель.
 Пусть служит всякий дар справедливости.

Попрать коль хочешь шею кичения,
 Тщеславья вихри, дух наш крушащие,
 Помысли тяжесть тленного жребия,
 40 Заботы жизни, смерти апокопу».

XVI

Когда речь Природы выступала этой тропой особого наставления, вот, муж предстал нашим очам, явившись с чудесной внезапностью, без всякого предвзвешенного знака. Казалось, он не подвержен закону никакого возраста: то цвел он весною юношеских лет, то черты зрелого возраста говорили о его серьезности, то казалось лицо его распаханным бороздами старости. И как лицо его зыбилось, замещая один возраст другим, так и его неопределенную статью то более сжатая мера удерживала в скромности, то определение уравновешенной середины увеличивало скудный его рост, то, с дерзостным размахом вздымаясь, соперничал он с высочайшими из исполинов¹.

В лице его ни следа не показывалось женственной мягкости, но только мужественного достоинства царил властность. Лицо его ни ливнями плача не заливалось, ни от игривого смеха не яснило, но, тому и другому чуждое, немного больше склонялось к слезам. Волосы, однако, вступившие в перемирие с беспорядком, свидетельствовали о прилежании искусного гребня. Они были убраны с умеренным тщанием, чтобы, начни они блуждать в необычной прическе, не показался он опустившимся до женственной изнеженности. И чтобы пространство лба не было погребено под облаком локонов, кончики прядей ощутили укус ножниц.

Лицо его, как требовало мужественное достоинство, не было лишено ни одной из щедрот красоты. Его подбородок то производил первый пушок, то удлинившейся окаймлялся бородой, то зрелся заросшим пышным руном бороды, то суровая бритва постигала бороды его излишки.

Кольца, звездами камней украшенные, озаряя руки необычайным сиянием, являли собою новое солнце. Одежды, казалось, то плебействуют простой выделкой грубой материи, то горделиво выказывают искуснейшую работу по отменному материалу. На них изображенные истории представляли обстоятельства супружества, однако коготь древности заставляла начертанные образы едва дышать. Но все же язык живописи возвещал там священную верность брака, миротворное единство сожителства, неразрывную связь обручения, нерасторжимые узы супружества. В сей книге живописания туманно читалось, какое ликующее торжество приветствовало начало брака, какою бракосочетание сопровождалось сладостью мелодии, какое особое собрание сотрапезников веселилось на свадьбе, какою всеохватною Кифереиной радостью заключилось празднество.

Стройное множество искусных музыкантов украшало появление помянутого мужа, но сии искусники, отражая в себе печаль своего начальника, обрекли молчанию свои инструменты, а посему они, в цепенящем безмолвии безъязыкие, казалось, лишь вздыхали и стонали.

Когда близость места привела его в соседство с Природой, та приветствовала его по имени, даровав ему лобзание. По указанию его имени и по красно-

речивым знакам прочих обстоятельств я узнал в пришедшем Гименея, коего Природа, поставив одесную, одарила почестью своей десницы.

Пока меж Природой и Гименеем совершалась некая радостная беседа, вот дева, всё ласкающая зарею своей красоты, явившись внезапно и неожиданно, по направлению ее пути, казалось, желала войти в наше общество. В красоте ее являлось торжество столь великой искусности, что ни в чем не погрешил усовершенствующий перст Природы. Лик ее не нуждался в лицемерии заемных красок, но десница всемогущей Природы чудесною прививкой посадила на ее лице розу, спорящую с лилией. Глаза ее, вышколенные простодушной скромностью, не совершали дерзких вылазок развязности. Губы, хранящие природную свежесть, не были истомлены поцелуями и, казалось, не познали введения к лобзаньям Венериным. Но лицо ее, точащее слезы, можно было подумать, терпит крушенье в слезном потоке. Гирлянда, собранная из лилий, сочетанных супружеством переплетения, украшала голову ее своим убранством. Но блеск лебяжьих ее волос, гнушаясь искать помощи у лилейных блистаний, хвалился опровергающею белизною.

Одежды ее, со своими снегами, возразили бы оной белизне более основательными доводами, если бы живопись, различные цвета привлеки, ее не затемнила. На сих одеждах изобретательной живописью было выткано, как Ипполитово целомудрие, огражденное стеною постоянства, стояло твердо, отражая мачехиной похоти нападения. Там Дафна, чтобы осталась несломанною задвижка девичьих ее дверей, бегством отгоняла Фебовы соблазны. Там Лукреция урон оскверненной стыдливости уничтожала прибылью кончины. Там в зеркале живописи я мог созерцать зеркало Пенелопиной чистоты. И чтобы мне тропею краткого рассказа охватить разнообразную многоречивость живописи, ни одной дочери Чистоты не отказало в ее доле похвалы прилежное искусство.

Отменная золотая печать, украшенная звездным сонмом яшм, сияла, как дневной свет, на деснице оной девы. Сидя на ее шуйце, горлица настраивала лиру голоса на сетование о своих несчастьях в элегической песни. Ватага юниц, из коих ни одна, казалось, не резвилась в Венериной школе, пришедшая, чтобы облегчить ей путь и предложить покорную службу, тесно ступала за нею. Когда Природа заметила деву, оказавшуюся близ нее, то, величавой поступью двинувшись ей навстречу, вступлением приветствия, предварением лобзания, обручением объятия выказала внутреннее чувство. И когда имя ее выяснилось из вступительного приветствия, я узнал, что пришла и стала с нами Чистота.

А пока Природа ласково занимала ее отрадной беседой, вот показалась матрона, которая, подчиняя поступь правилам скромности, прямо к нам держала путь. Рост ее был заключен в пределах умеренности. Возраст ее стремился к полуденному часу жизни, но жизненный полдень не был помехой заре ее красоты. Стужа старости силилась окропить своими снегами ее волосы, коим та не позволила девически падать по плечам беспорядочными волнами, но строгостью тесьмы обуздала их блуждания.

Ее одежды не гордились славою благородного материала и не оплакивали изъяны его низменности, но, подчиняясь законам средине, ни удалялись от поверхности земли, обрезанные чрезмерно коротко, ни выстилали лик земли излишними частями, но касались ее кратким лобзанием. Ибо пояс, умеряя спадание ризы, призывал ее чрезмерность к порядку. Ожерелье, охраняя преддверье ее груди, запрещало руке войти. На одеждах живопись собственною верностью писаний наставляла, какое обрезание должно быть в людских речах², какое ограничение в делах, какая во внешности скромность, какая в поведении безмятежность, какое в еде обуздание уст, какое в питье усмирение горла.

Спешно двинувшись навстречу, Природа радостно приняла помянутую деву, немногими спутницами окруженную, обилие своей любви выразила эпилогом многочисленных лобзаний и благоприятным знаменьем отменных приветствий, а ясное свидетельство ее имени свидетельствовало о счастливом приходе Умеренности.

Пока Природа воздавала почет присутствующей Умеренности дарами дружеского приветствия, вот показалась женщина, чьею блистающей красой умноженный, материальный день горделиво явил свой лик ясней прежнего: поспешая в пути, она направляла к нам стезю своих стоп. Стать ее, людской скудостью пренебрегающая, правильно превосходила правило человеческого роста. Голова ее не делала лицо энклитическим, клонясь униженно к земле, но на прямой шее, вперив очи в небеса, посылала взор ввысь. Облик ее изваяла Природа с такой искусной отделкой, что сама могла дивиться в ней прилежанию своего мастерства.

Диадема, не искупающая нищету искусства превосходством материала и не возмещающая отменным искусством грубость материала, но и в том и в другом обнаруживающая несравненную знатность, горела на ее главе, не уязвляемая никакой чертой разрушения. Золотые ее волосы, пламенной приятного огня, казалось, негодовали, давая место золотой диадеме. Не усеченные прилежными ножницами, не собранные в вязанки кос, но наслаждаясь отлучающимся уклонением, выходя за пределы плеч, они, казалось, нисходили к нищей земле.

Ее руки, не испорченные ущербной короткостью, но выходящие в добрую длину, казались не возвратными к себе самим, но к тому, что перед ними, переходными³. Ее пясти, не сжатые крепко, но развернутые и широко раскрытые, посвящали себя делам щедрости. Одежды ее, стяжавшие себе материалом золотые и шелковые нити, сопряженные поцелуем сплетенья, дабы тонкость работы не уступала благородству материала, отмечены были таким искусством, что верилось, не вещественная, но наднебесная длань тут трудилась. На сих одеждах правдоподобное живописание изошренным обманом своего мастерства осуждало позорною анафемой людей, отягощенных ославленным преступлением алчности, а сынов Щедрости, отличенных возвещающей славой, наделяла благословением.

Когда помянутая женщина, лишь тремя прислужницами окруженная, ускоряла свой шаг, Природа, поспешно выступив, дабы приятенно встретить ее

появление, перемежала лобзанья приветствиями, прерывала приветствие лобзаньем. И когда красы ее отменное изящество, поведения ее особое вежество, движений ее своеобычность ясно возвестили приход Щедрости, имя ее, звуча в приветствии, вывело мою уверенность из облака сомнений.

Пока Природа совершала для Щедрости обряд первоначальных приветствий и искреннего дружества, узрелась девица, с медленною поступью усталых стоп, с безмятежной ясностью голубиного лика, со сдержанной скромностью средней стати, направляла к нам своего черепашьего шага умеренность. Обаяние ее красы шло на защиту скромной ее стати. Краса ее не была заимствована у лживых ухищрений людского искусства, но, прядая из живого ключа Природы, овевляла все тело убранством миловидности. Волосы ее были так укусами ножниц обрезаны, что фигура усечения почти превращалась в порок. Блуждающие в каком-то перекрещивании, спутавшиеся в неразрешимый клубок, кудри, похоже, меж собою спорили. Голова ее, низко склоненная, униженно глядела в землю.

Одежды ее, от природного цвета их материала не отчужденные подделкой наложенного цвета, почти сельскую простоту материала уравнивали искусностью работы. Там в вымышленных рассказах живописи было написано, как в каталоге добродетелей Смирение сияло стягом отличия, Гордыня же, из священного собора добродетелей исключенная клеймом отлучения, осуждена была на ссылку последнего изгнания.

Приближающейся деве идя навстречу с ревностной поспешностью, Природа, услащая яство своего приветствия приправою лобзанья, явила лик глубокой приязни. Из особых ее черт сделался для меня ясным приход Смирения.

Пока Гименей и помянутые девы, беря пример с лица Природы, придавали своим лицам выражение внутреннего сетования и тщились воспроизвести идею внутренней скорби в образах внешнего плача, Природа, предвосхищая его слова своими, молвит: «О единственные светочи людской темноты, утренние звезды закатного мира, особливые доски для терпящих кораблекрушение, несравненные гавани от мирских бурунов, полнотою глубочайшего понимания я понимаю, какова вашего собрания вина, по какому случаю ваше появление, какая причина сетованию, какое скорбям начало. Ибо люди, наделенные лишь внешностью человечества, внутри же искаженные безобразием звериного непостоянства, коих себе на горе облекла я хламидою человечества, покушаются лишить вас наследства, отчины земного жительства, захватывая себе господство над всей землею, вас же понукая вернуться в дом ваш небесный⁴. Когда охватывает пожар соседскую стену⁵, меня это тоже касается, и потому, вашему страданию сострадаю, вашей скорби соскорбя, в вашем стоне я слышу мой стон, в вашем бедствии мой урон нахожу.

Итак, не пренебрегая ничем относящимся к делу, следуя за своими собственными целями, насколько я в силах простереть длань моего могущества, я поражу людей наказанием, сообразным их греху. Но поскольку я не могу выйти за пределы моей силы, и не в моей способности совершенно искоренить

яд этой чумы, я, следуя правилу моей силы, наложу клеймо анафемы на людей, попавших в ловушки помянутых пороков.

Надлежит мне спросить Гения, прислуживающего мне в жреческой должности, дабы он, поддерживаемый присутствием моей судебной власти, одобряемый вашим согласием, пастырским жезлом отлучения удалил их из перечня природных вещей, из пределов моей юрисдикции. Для сего посольства Гименей будет самым подходящим исполнителем: у него сияют светила звездного витийства, у него находится сокровищница взвешенного совета».

Тут все собравшиеся, оставив слезы и сетования, преклонив головы, принесли Природе обильное излияние благодарности. Гименей же, пред очами Природы стоявший в смиренном коленопреклонении, принял ответственность за назначенное ему посольство. Тогда Природа тростниковым пером начертала на папирусном листке такую официальную формулу:

«Природа, милостью Божией заместительная правительница мирового града, приветствует Гения, свое второе “я”, и желает ему во всех делах наслаждаться отрадами безоблачной Фортуны.

Поскольку подобное, отвращаясь от неподобного, радуется, разделяя обществу подобного, находя в тебе вторую себя, как в зеркале Природы отраженное подобие, я связана с тобою узлом сердечной любви, с тобою преуспевая в твоём преспеянии, в твоей неудаче терпя равную неудачу. Посему наша любовь должна быть кругообразной, так чтобы ты, отвечая равной приязнью, участь нашу делал общею.

Очевидность совершенного преступления, словно бы кричащая, слишком явным делает для тебя кораблекрушение рода человеческого. Ведь ты видишь, как люди звериными соблазнами бесчествуют честность первоначальной природы, совлекая с себя преимуществующую природу человечества, в силу вырождения своих нравов обращаются в зверей, следуя собственным страстям в Венериных консеквенциях, терпя крушение в водоворотах обжорства, кипя в парах вожделения, паря на неверных крыльях гордыни, подвергаясь укусам зависти, позлащая других лицемерием лести.

На эти недуги пороков никто не наступает с лекарствами; этот поток злодеяний никто не укрощает плотиной защиты; эти зыби преступлений никакая твердая гавань не обуздывает. Даже добродетели, совершенно не способные выдерживать такой напор вражеского насилия, в поисках исцеления прибегли к нам как святилищу защиты.

И поскольку наши дела терпят ущерб от общего нападения, тебя утешая мольбами, тебе ради твоего покорства приказывая, и повелением увещаваю, и увещанием повелеваю, чтобы ты без всяких изощренных отговорок немедля пустился к нам, дабы в присутствии и с помощью моей и моих дев, отрешая сынов гнусности от священного общения нашей церкви, с должною торжественностью нашего служения ты поразил их суровым жезлом отлучения».

После этого она передала письмо, запечатанное оттиском печати, на коей искусственным художеством вырезаны были имя и образ Природы, послу для

передачи. Тогда Гименей, с торжественностью и радостью на лице, дав делу эпилог выражением благодарности, начиная назначенное посольство и пробуждая своих сотоварищей от праздной дремы, повелел, чтобы они, бодрствуя при своих музыкальных инструментах, пробудили и их от безмолвного сна и призвали к напевам гармонических мелодий. Тогда они, инструменты ободлив неким вступлением, звук разнообразно единообразный, в несходстве схожий, многовидным вывели напевом:

XVII

Уж возвестила войну труба, ужасным раздавшись
Гулом, сказав о сродных войне предварительных сшибках:
Сходным ревом она о сходной молвила смуте.

Мнимой раною рог уязвляет воздушную область.
Сбивчивый голос его, нестройный голос не знает
Повиновенья ладам музыкальным, искусству мирволить
Пренебрегает, и песнь его дикая музыке дивна.

Оных прелестнее глас кифары, сирене подобной:
Слуху дарует он медвяное пиршество звуков,
10 Кои, пременной своей давая песне расцветку,
То наполняются вдруг слезой, являя унынье,
То обманчивого рисуют образы смеха.

Лира отрадную песнь, с филомелою сходно, выводит,
Сладко маня, и пред очи она выводит начало
Дремы, и ропот любой в смятенной душе усыпляет¹.

Чуткую стражу в ночи неусыпно свершая, цевница
Песню своей воздает за сон не вкушенный дозорным,
Радуя слух; от напевов ее становится воском
Камень твердый сердец, ума жестокого тает
20 Строгость, в изгнанье свою непреклонность обычную гонит².

Звука стремнину сию, остроту окрыленные песни
Поступию тупою своей тамбурин замедляет:
Все же не полностью он достоинств чужд музыкальных,
Если, ударом его несильным разя, сотрясеньем
Сим разбудить и вновь успокоить касанием мягким.

Воздух глубоко втянув и им отменно насытятся,
С сладостным гудом орган³ изрыгал проглоченный ветер;
Связанное разделяет орган, раздельное вяжет:
Равенство песен его неравное, строй их нестройный,
30 Разноречивый союз, разноречье согласное звуков.

Низменным звоном звенят и нищенским гласом кимвалы⁴
Молвят: у наших ушей никогда их гуденье приязни
Не обретет, едва людского вниманья достойно.

Не было звука еще величавей, тоньше, нежнее,
Нежели тот, коим превосходил всех прочих звучанье
Сладостного пентафона⁵ напев, которого самый
Отзвук народ почитал, к иным песнопеньям ревнивый.

Тот, что кифаре в ответ несходственный глас поднимает,
Псалтерион⁶, наполненный сот медвяною сладостью,

40 В звуке отрадном неся небольшой песнопенья подарок.
 Систры⁷, взыскующие девической длани касанья,
Марса женственного язык, пророчицы брани,
О чудесах вели свою песнь неслышанным гласом.

XVIII

Пока Гименей посвящал себя обязанностям таинственного посольства, Природа, сплетая элегическую речь тяжкого сетования, обзревала прегрешения тех, из-за чьего неистового насильства величие ее государства претерпело столь глубокий и обширный ущерб. Среди них одного она потчевала стрекалом порицания усердней, чем прочих, ибо он грубее прочих пекся обесславить свою природу, уже из двора Природы изгнанную. Хотя Природа наделяла его благодатью знатности, своим даром – вернее, своими дарами – являло ему дружество Благоразумие, поднимало его Великодушие, наставляла его Щедрость. Однако, поскольку все тесто страдает от остроты малой закваски¹, закат одной добродетели совершенно помрачал восход всех прочих добродетелей, затмение одного доброго качества заставляло звезды всех прочих добрых свойств умереть в затмении.

Когда Щедрость увидела, что сии попреки касаются ее воспитанника², то, не дерзая плащом защиты затушеввать его пороки, униженно понурилась, искала утешения в слезах. Природа же, раздумывая, что значит сие головы опускание и слез испускание, говорит: «О дева, чья блистательная архитектура делает человеческий ум дворцом добродетелей; благодаря кому люди обретают награду приязненной благодати; благодаря кому обновляется обветшавшая пора Золотого века; благодаря кому люди скрепляются клеем сердечной дружбы; кого вечное Бытие, породив от вечного лобзания Ума, даровало мне единокровной сестрой: не только связь природной единокровности тебя со мною сочетается, но и связует цепь непорочной любви. Посему верность твоего суждения не позволит твоему желанию уклоняться от взвешенности моего мнения, ведь такое единение согласия, даже единство единения соглашает верным миром наши умы, что это единение не только облачается подражательным подобием единства, но, отринув призрак единения, стремится к сущностному тождеству. Поэтому ни одну из нас не оскорбит чье-нибудь неистовство, не задев при этом другую; ни одной не сможет угрожать чье-либо оболщание, не угрожая и другой.

Поэтому всякий, кто старается умалить славу моего достоинства шумным богохульством бесстыдных деяний, силится уменьшить и твою почесть силою незаконного притеснения. Ибо тот, кто в излишних непомерных расточительности злоупотребляет дарами Природы, лишает себя даров Фортуны сим пагубным растрачиванием. Так, блудничное чувство общности, присущее Расточительству, лживо провозглашает, что воздаст честь Щедрости, поток богатств изливается в сушь бедности, блеск мудрости уклоняется во тьму глупости, сила великодушия открывается для дерзости безрассудства. Меня изнуряет изумление, почему ты не в силах сдерживать слезный потоп, глядя на осуждение того, кто вредоносней всех прочих стремится нам навредить».

Тогда Щедрость, вытиранием удалив слезный поток из пределов лица и склоненную голову вновь подняв к небесам, говорит: «О порождающее начало всякой природной жизни, о нарочитая защита всех тварей, о мирового царства царица, о наднебесного государя верная заместительница! Ты, что под властью вечного владыки не повреждаешь верного правления никакой закованной; ты, кому целокупность мира по требованию изначальной справедливости обязана подчиняться; золотая цепь любви³ связует меня с тобою, как того требует явственное равенство нашего близкого родства.

Тот, кто, пагубными своими гнусностями выставляя на продажу свою природу, ратует против тебя в нападениях неслыханного мятежа, обрушивается на меня с дерзостью равного буйства. Хотя, обманутый призрачными образами легковерия, он считает себя сотоварищем моих предприятий, а люди, обманутые подражательной повадкой Расточительности, чувуют в нем следы Щедрости, однако он отогнан и далеко удерживается от преимуществ нашего дружества. Но так как нам присуще жалеть и сострадать окольным путям сбившегося скитания, меня не могут не тронуть губительные блуждания неразумной его воли».

Пока между семи девами совершалось поочередное общение драматического собеседования, среди ликующего плеска мусикийских орудий в новом блеске перед всеми явился Гений. Стать его, подобающим образом определяемая законом умеренности, не жаловалась на афезу укорочения и не печалилась о протезе чрезмерности⁴; голова его, покрытая волосами инеистой седины, несла признаки зимнего возраста; но лицо, лоснящееся юношеской гладкостью, не было изборождено пахотой старости.

Одежды, чья выделка соответствовала материалу, ни в чем не знавшие недостатка, казалось, то воспламенялись пурпуром, то яснили гиацинтом, то загорались алым, то чистым белели виссоном; на них образы вещей, живя мгновенье, угасали столь быстро, что избегали преследования нашего ума. В правой руке он держал перо, близкую родню ломкому папирусу, никогда не отдохавшее от своей обязанности писания; в левой же – кожу умершего зверя, язвящим ножом обнаженную от поросли шерсти. С помощью послушного стила он надеял образы вещей жизнью, соответствующей их роду, уводя их от тени, созданной живописью, к их истинной сущности; когда же они засыпали, уничтоженные кончиной, он призывал к жизни другие в новом рождении и становлении.

Там Елена, прелестью своей полубогиня, благодаря эмфазе своей миловидности могла именоваться Красотою. Там в Турне царил перун отваги, в Геркулесе – сила. Там в Капане⁵ воздымался исполинский рост, в Улиссе жила лисья хитрость. Там Катон упивался золотым нектаром целомудренной трезвости⁶, Платон сиял звездным блеском разума. Там пышно цвел звездчатый хвост Туллиево павлина. Там Аристотель прятал свои знания в укровах энигматических высказываний.

После сего торжественного написания, поскольку правая рука была изнурена трудами непрестанного рисования, левая, как бы приходя утомленной сестре на помощь, принимала обязанность рисовать, меж тем как правая завладевала табличкой. Левая, от стези орфографии отступив к хромающей фальсиграфии, полузаконченной живописью творила образы вещей, а скорее – призрачные личины образов. Там Терсит, облаченный в рубище бесславия, требовал сноровки более опытной искусности. Там Париса сокрушала изнеженность греховной Киприды. Там Синоп⁷ вооружался уловками извилистой речи. Там Энниевы стихи, лишённые изящества мысли, разнузданной вольностью нарушали метрические законы. Там Пакувий, неспособный выстроить последовательность рассказа, располагал начало своего сочинения в обратном порядке⁸.

Пока Гений важно предавался сим занятиям живописи, Истина, как при отце – почтительная дочь, пребывала подле него в послушном служении. Не от похотливого зуда Афродиты рожденная, но от единого порождающего лобзания Природы и сына ее⁹ происшедшая, когда вечная Идея приветствовала Иле¹⁰, просящую себе зеркала форм, напечатлев ей лобзанье при посредстве и вмешательстве объяснительной Иконии. На лице ее читалась божественность божественной красоты, отвергающая нашу смертную природу. Одежды ее, говорящие о руке небесного искусника, сияньями негасимой алости воспламененные, не могли быть истреблены никакой молью ветхости; столь тесно прилегали они к девичьему телу, что никакая дизреза¹¹ раздевания не могла их от девичьего тела отделить. Другие же ризы, как прибавления к предыдущим замыслам Природы, то давали краткую пищу для взоров, то ускользали от ловитвы очей.

С другой стороны Лживость, Истине враждебная, стояла в ожидании; лицо ее, безобразною сажей заволочшееся, свидетельствовало, что никаких в ней нет даров Природы, но старость, наложив на ее лицо впадины морщин, все его собрала в складки. Голова ее не была одета ризой волос, не прятала лысину под покровом плаща, платье же ее состояло из бесконечного множества лоскутьев, сшитого из множественной бесконечности нитей. Украдкой готовясь напасть на живопись Истины, все, что та сообразно образовала, она несообразно обезобразила.

Природа, отпустив поводья своей поступи, торжественно двинувшись к торжественной встрече, приближающемуся Гению даровала поцелуи, не пропитанные никаким ядом недозволенной Венеры, но знаменующие ласку общего рода притягательности и даже указующие на согласие таинственной любви.

Когда совершились взаимные приветствия, Гений манием руки установил молчание. Затем он отчеканил материю голоса в такую форму речи: «О Природа, не без внушения божественного вдохновения от весов твоей рассудительности вышел оный властительный указ, чтобы всех, кто злоупотреблением и небрежением тщится обессилить наши законы, кто не празднует с нами наши торжественные праздники, поражать мечом анафемы¹². И так как этот закон, здесь обнародованный, не противоречит закону законной справедливости

и благодаря твоему тщательно взвешенному приговору удовлетворяет и моему внимательному рассуждению, я спешу придать силу твоим распоряжениям.

Ибо хотя ум мой, стесненный безобразными людскими пороками, уклоняясь в преисподнюю печали, не ведает рая радости, однако здесь пахнет началом чарующей радости, поскольку я вижу, что ты вместе со мной вздыхаешь о заслуженном наказании. Неудивительно, что я нахожу мелодию согласия в тесном единении наших воль, когда прообразующее понятие единой идеи нас породило, положение управителей на единой должности нас друг другу уподобляет, ибо не лицемерная любовь связует поверхностными узами приязни наши умы, но целомудрие непорочной любви обитает во внутренних покоях наших душ.

Пока Гений правил бег своей речи в сих кратких словах, немного разгоня мрак печали рождающейся зарею своего витийства, Природа, с должным вниманием к своему достоинству и чести, воздала ему подобающую благодарность.

Тогда Гений, сложив обычные одежды, с вящим достоинством облачась в пышное убранство жреческих риз, вызвал наружу из глубин своего ума заранее подготовленную формулу отлучения, открывая поприще таким речам:

«Властью сверхсущностного Бытия и его вечной Идеи, с согласия небесного воинства, с пособлением и поддержкою Природы и всех сопровождающих добродетелей: пусть будет отрешен от лобзания вышней любви, как того заслуживает и удостоивается неблагодарность, пусть будет удален от благосклонности Природы, пусть будет отлучен от согласного собора природных вещей всякий, кто заграждает законную стезю Венеры, кто претерпевает кораблекрушение прожорливости или кошмар опьянения, кто познает пожар жаждущей алчности, кто восходит на призрачную вершину надменной заносчивости, кто в сердце сдается глубокой завистью, кто сопутствует лицемерной любви, оказываемой лестью.

Кто из Венерина правила делает незаконное исключение, пусть Венериной лишится печати. Кто погружается в бездну обжорства, пусть в наказание унижен будет нищетой. Кто усыпляется Летейской стремниной пьянства, пусть терзается пожарами беспрестанной жажды. Кто накаляется жаждой обладания, пусть впадет в беспрестанные нужды нищеты. Кто, взошед на обрыв заносчивости, изрыгает дух надмения, пусть низвергнется в долину крайнего унижения. Кто богатства чужого счастья завистливо гложет молью злоречия, пусть обнаружит, что он сам – первый враг себе. Кто с лицемерной лестью охотится на дары от богачей, пусть будет обманут наградою обманчивой ценности».

После того как Гений положил речи конец сей анафемой изгнания, присутствующий сонм дев, рукоплеща его проклятиям, одобрил их кратким словом¹³ и тем придал силу его указу. Восковые светочи, сиявшие в руках дев полдневным светом, склоненные к земле с неким пренебрежением, казалось, вот-вот угаснут.

Когда исчезло зеркало сего воображаемого видения, таинственное явление оставило меня, пробужденного от экстатического сна.

Дополнения

Гильом из Сен-Тьерри

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ГИЛЬОМА КОНШСКОГО

Господину Бернарду, аббату Клерво, брат Гильом желает ясности вечного боговидения.

1. Боюсь, я стал в тягость Вам, обремененному многочисленными заботами, потому что все время появляюсь с дурными, неприятными вестями и возвещаю о разорении¹. И действительно: вот вышел от корня змеиного королек, без роду, без власти, но уже воздух наш отравил смертоносным ядом. Вслед за богословием Петра Абеляра новую философию принес нам Гильом Коншский, подтверждая и повторяя все сказанное предшественником и бесстыдно добавляя от себя много того, чего тот не говорил. Никчемность этих новшеств, ничтожных и презренных в силу легкомыслия этого человека, очевидна всем, кто его знает. Но поскольку знакомы с ним не все, кого достигло его изложенное на письме учение, нужно кое-что об этом учении рассказать. Пришел к нам один брат, бежавший мира в поисках Бога, и принес с собой среди прочих книг сочинение этого человека под названием «Сумма философии»². Великий наш хвастун обещает здесь рассказать обо всем, что существует, но невидимо, и обо всем, что существует, но видимо, и начинает с Бога, философствуя о нем, как вы можете прочесть, следующим образом: «Философы говорили, что сотворившая все и всем управляющая Троица³ обладает силой действия, премудростью, волей. Если б она не могла и не знала, как бы она сотворила столь прекрасное? Если же сотворила, не желая этого, получается, действовала она по неведению или по принуждению. Но чего мог не знать тот, кому открыты даже помыслы людей? Кто может принудить того, кто может все? Итак, божество наделено силой, премудростью, волей, которые святые, взяв близкое по значению общепотребительное слово, называют тремя лицами: силу – Отцом, премудрость – Сыном, волю – Духом Святым. Сила называется Отцом, поскольку она все творит и с отцовской любовью утверждает. Премудрость называется Сыном, предвечно рожденным от Отца⁴, поскольку, как Сын во времени исходит от Отца, так и премудрость совечно и единосущно – от силы. Божественная воля называется Святым Духом. Дух есть собственно дыхание; поскольку же именно в нем часто выражается человеческая воля (по-разному дышат радостный и разгневанный человек), божественную волю назвали духом, а метафорически – святым»⁵. О божественном же рождении он утверждает, что пророческое «род Его кто изъяснит?»⁶ не потому «сказано, что это невозможно, а потому,

что трудно». И далее как бы намеревается изложить ее: «Отец родил Сына, то есть божественная сила – премудрость, когда Он промыслил сотворение вещей и их устройство. Поскольку Он промыслил это прежде век, предвечно же сотворил Он и премудрость, и премудрость Его Ему совечна. Это значит, что сила породила премудрость полностью из себя, ни из кого другого, не сообразуясь с чьим-либо учением или опытом, но исходя из собственной природы она получила это знание. Исхождение Святого Духа от Отца и Сына есть не что иное, как развертывание божественной воли от силы и мудрости до сотворения вещей и управления ими»⁷.

Вот так придуманный Бог, как говорят они, и придумал душу мира, такова вот ложная вера, которую осуждает Апостол, говоря о нелицемерной вере⁸. Ибо праведная вера взывает оттуда, где пребывает, к тому, от кого исходит: «Господи, я терплю насилие, ответь за меня!»⁹. Наставь меня, что ответить противникам моим. Дай мне твое понимание тебя, которое рождает истина твоя и любовь твоя через просвещающую благодать в уме человеческом, уподобляя его себе, чтобы в понимании этом я понял, сколь ничтожно всякое человеческое понимание, которое рождает о тебе человеческий разум сам по себе.

2. Поскольку мы говорим о Боге, будем придерживаться не только формы здоровой веры, но и здравых о вере слов: как этот наш философ любит говорить словами своих философов, так и мы будем говорить исключительно словами Отцов, учителей и вожатых наших, придавая их словам их настоящее значение, опираясь на их наследие и ничего не выдумывая от себя. Опасно всякое дерзание там, где не соблюдается авторитетное суждение или не очевидны разумные доводы веры. Разум же веры в том, чтобы всякое человеческое разумение ставить вслед за верой или как пленника¹⁰ отдавать ей его в услужение, не забывая о границах ее, установленных отцами нашими и не переходить их ни в чем. Этот человек, чьи суждения приведены выше, и Петр Абеляр, насколько можно судить по их писаниям, и по манере речи и по сходству ошибок единокоренны, в едином духе блуждают, одними и теми же авторитетами вдохновляются, духу милости творят оскорбление, исследуя божественные выси в духе мира сего¹¹. И знают, и говорят они одно, разве что иногда один опережает другого, если тот чего-то не знает, или один скрывает, другой выкрикивает то, что известно обоим. Пусть читающие полное изложение веры этого человека и его философию о Боге, которую он взял в уста свои¹², посмотрят, есть ли там что-то здоровое или что-то не совсем безрассудное и не совсем еретическое. Он еще просит читателей, чтобы не сразу приписывали ереси, если они найдут у него что-то еще не написанное. «Ведь не все, – говорит он, – что не написано, ересь, но то, что противно вере»¹³. Но и Павел говорит: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»¹⁴. И повторяет, чтобы утвердить: «Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема»¹⁵. Значит, то, что написано у него, но еще не написано в ином месте, то, чего нет в католической вере, чему не учит Павел, чего не придерживается

ныне Церковь, да будет анафема. Помилуйте, да что же больше достойно анафемы, что более не то что еретического, но языческого, чем во всеуслышание, речью и письмом, отрицать Отца, Сына и Духа Святого? Разве не значит отвергнуть Отца, Сына и Духа Святого, говоря, что они суть то, чем называются не по истине природы, но лишь по названию? Ни от кого, кто мало-мальски знаком с церковным преданием, не скрыто, что такое мнение давно уже осуждено и анафематствовано суровой критикой, на Соборах и в трактатах правоверных Отцов, деяниями их и писаниями. Не будем пока останавливаться на тяжком обвинении в савеллианской ереси, которое он навлек на свою голову, когда, намереваясь говорить о Боге, заменил Отца, Сына и Святого Духа на сильного, мудрого и волящего Бога, когда утверждает, что Бог, сущий то, что Он есть, исключительно сам по себе и из себя, на самом деле во всем таков с точки зрения твари. Перейдем к тому, что он утверждает. Намереваясь обучить род человеческий тому, чего тот еще не знал, привести его, так сказать, от веры к пониманию всего, он представил высшую в божестве тайну Троицы как силу, мудрость и волю в божестве, из которых он и составил Бога Троицу. То, что все три присутствуют в божестве, очевидно. Но ясно также, что много в нем другого, им подобного, так отчего же для составления, как сказано, Троицы, то есть Бога, взяты именно они, а остальные, обладающие таким же достоинством в божестве, по странному предубеждению выброшены из столь славного собрания? Однако о таком серьезном деле и судить следует серьезно.

3. Разберемся, как существуют в Боге не только сила, мудрость и воля, но и добродетель Бога, истина, любовь, благодать, справедливость и тому подобное. Как говорит бл. Августин, «все что есть в Боге, есть Бог». И еще выразительнее в книге «О Троице»: «Особенно нужно учитывать, что все высказываемое высшей божественностью о себе говорится субстанциально, а все рекомое об ином – относительно, и что у всякой такой субстанции такая сила и в Отце, и в Сыне, и в Духе Святом, что все рекомое о каждом из них, относится не ко множеству, не к сумме, а к каждому в отдельности»¹⁶. То есть Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, и все же не три бога, но единый Бог. Сильный, или сила, Отец, сила Сын, сила Дух Святой, и все же не три сильных, или три силы, но одна сила, и один сильный. Так же следует понимать мудрость, благодать, истину, любовь и все, что, как сказано выше, говорится о Боге Отце и Сыне и Духе Святом сущностно. В природе божества сущность и все эти имена, данные Отцу, Сыну и Духу Святому, как сказано, сущностно и сами по себе, являют не что иное, как простейшее единство. Отношение Отца к Сыну, Сына к Отцу, Духа Святого к ним обоим, и их обоих к нему, наконец, их имена – все они суть то, что дает Троице множественность. Поэтому бессмысленно искать Троицу там, где ее нет, а есть простое единство. Поэтому ни в коем случае не следует использовать божественные силу, мудрость и волю, чтобы как бы сконструировать в Боге Троицу: хотя согласно правилу и разумным основаниям веры их можно во множественном числе применять к трем Лицам, но в вышних, в той природе, где сила есть то же, что знание, а знание – то же, что

воля, они суть одно. Как следует богословствовать о Троице согласно правилу и смыслу веры, святой Иероним пишет в письме к папе Дамазу: «Посрамляя Ария, мы говорим, что Троица субстанциально едина, отвергая же нечестие Савеллия, различаем в ней по качествам три лица. Мы исповедуем не просто имена, качества имен, то есть лица или, как говорят греки, ипостаси – субстанции»¹⁷. А святой Августин называет лица их именами: «Известно наверное из Писания, и благочестивая вера подсказывает, и ясное умозрение, что есть Отец, есть Сын, есть Дух Святой, что Сын не то же, что Отец, а Дух – не то же, что Отец или Сын, но что все же едины существом, не три, Отец, Сын и Дух Святой». И еще тоньше рассуждает о сущности и соотношении: «Невозможно в Боге назвать ничего сущностного, что, принадлежа одному, не подходило бы всем трем лицам. Ничто не принадлежит трем лицам, что не могло бы сойтись в нечто единое»¹⁸. Когда речь идет об отношении в Боге, нельзя сказать что-то об одном лице, не имея при этом в виду остальные. В слове, выражающем отношение, лицо описывается в себе самом, а не относительно. Следовательно, отношение, как сказано, выражает Троицу, сущность – единство.

4. Относительно того, что в Писании иногда некоторые из этих названий относятся то к Отцу, то к Сыну, то к Духу Святому, как тот же магистр говорит, что «нужно знать, что к чему»¹⁹, так и здесь: все, обладающее одной природой, оказывается общим для трех лиц, чтобы иногда в чем-то одном можно было познать каждое в отдельности. И хотя Отец иногда как бы сам по себе называется силой, Сын – премудростью или истиной, а Дух Святой – волей или любовью, возвращаемся мы всё к тому же: Отец, Сын и Дух Святой суть единая сила, единая премудрость и всё, что они есть. Далее он разъясняет: «Три эти наименования – силу, премудрость и волю – святые, взяв близкое по значению общеупотребительное слово, называют тремя лицами: силу – Отцом, премудрость – Сыном, волю – Духом Святым. Сила называется Отцом, поскольку она все творит и с отцовской любовью утверждает. Премудрость называется Сыном, предвечно рожденным от Отца, но вместе с тем совечным ему, поскольку, как сын во времени исходит от отца, так и премудрость совечно и единосушно – от силы». «Божественная воля называется Святым Духом. Дух есть собственно дыхание; поскольку же именно в нем часто выражается человеческая воля (по-разному дышат радостный и разгневанный человек), метафорически назвали духом божественную волю, наделив его эпитетом святой»²⁰. Так-то он, исполненный духом Савеллия, разрушает в святой Троице истинное понимание лиц.

Очевидно, конечно, что название лица придумано людьми. Как говорит святой Августин, поскольку приходилось постоянно вести полемику против нападок и заблуждений еретиков, сама необходимость говорить о невыразимом заставила придумать это название, чтобы, когда нужно выяснить, что такое святая Троица, почему три и почему нет им достойного названия, раз уж нужно было отвечать и вести речь, решили из множества неподходящих понятий выбрать наименее неподходящее, три лица, – не потому, что такое название

действительно выражает суть, но по крайней мере не замалчивает ее. На самом деле, мы не говорим, не верим, что эти божественные имена – Отца, Сына и Духа Святого – придумал кто-то иной, кроме самой божественной природы рождающего, рожденного и от обоих исходящего. Природа же эта есть сама вечность, и вечно все, что к этой природе относится. Отец, Сын и Дух Святой, как суть от века, так от века и называются этими именами, не словом человеческим, но словом Божиим, Словом Богом, которое есть у Бога²¹.

5. Августин: «Невозможно нашими словами, плотскими и во плоти звучащими, назвать Отца, Сына и Духа Святого, иначе как разделив их временными интервалами, требующимися для произнесения слогов. По сущности же своей, то, что едино в трех, без какого-либо длящегося движения над всякой тварью пребывает самим собой, без какого-либо изменения времени или места». И далее: «Не словом произносимым, звучащим и преходящим, но Словом, которое у Бога, и Слово есть Бог, и все чрез него начало быть, Словом равным Себе, вечно неизменным, сам себя Бог выражает, вечно и неизменно. Вот и слова, достойно произносимые о Боге, иначе говорятся Словом Бога, иначе на языке ангелов, иначе – на языке человеческом. Произнесение их Словом Бога есть для имен само их бытие; произнесение их языком ангелов означает созерцание и понимание их бытия, каково оно есть; произнесение языком внутреннего человека – сердечная вера в правосудие, языком внешнего человека – исповедание устами во спасение»²². Гильом пытается уверить нас, что Сына Божия просто называют так некоторые святые, но на самом деле этому противоречат все святые. Августин: «Веруем, что Сын Божий был рожден прежде всякого начала, то есть без начального рождения, рожден от сущности Отца, Бог от Бога, Господь от Господа, не из ничего, ибо от Отца, не по имени только, ибо имя его – от природы истины, не из материи, ибо не существовало ничего совечного Богу, чтобы дать начало Сыну. Иначе зачем Сыну называться едиnorodным, если в этом слове нет истины?» Так же и Амвросий против ариан: «Что ты развлекаешь себя мучительными вопросами? Слышишь Отца, слышишь и Сына. Либо сотри имя, либо поверь в природу»²³. Далее, его же на Луку: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение»²⁴. Где ариане, которым негоден Сын, благоудный Отцу? Это не я говорю, не из людей некто, не Бог через человека, не ангелы и не архангелы, но голос самого Бога изрек. Поэтому не верящий в Сына, не верит и Отцу, ибо Он свидетельствует о Сыне»²⁵. Августин «О Троице»: «Смехотворна диалектика Евномия. Не в состоянии понять и не желая уверовать, что Единородное Слово Божие, через которое все начало быть, есть по естеству Сын Бога, то есть рожден от Его сущности, он говорит, что Он рожден не по естеству и по сущности, но волею, потому мол, что Апостол называет его Сыном любви Божией»²⁶. Далее Гильом пытается доказать, что наименования Отца, Сына и Духа Святого пребывают в Боге не по истине рождающего, рожденного и от обоих исходящего, но приписываются Богу по двусмысленному сходству: «Сила называется Отцом, поскольку она все творит и с отцовской любовью утверждает. Премудрость называется Сыном,

предвечно рожденным от Отца, но вместе с тем совечным ему, поскольку, как сын во времени исходит от отца, так и премудрость совечно и единосущно – от силы»²⁷.

6. Всем здесь очевидно, как он выходит на бой с верой, противостоит истине, утверждая, что отцовство Отца относится не к Сыну, а к твари, и не по естеству, но по влечению. Более того, и Отца-то нет, а есть сила, названная отцом, потому что ей нравится творить и управлять. Августин: «Его отцовство относится к Сыну, а господство – к твари»²⁸. Премудрость, говорит Гильом, называют Сыном, потому мол что, как сын во времени рождается от отца, так и она в вечности – от силы. Вы посмотрите на хамство и брань этого пьяницы. Мудрость у него относится к силе, как сын к отцу, зато сила-отец относится не к сыну, а к твари. Между тем, что мудрость рождается из силы, мы не узнаем ни от авторитетов, ни из доводов разума, более того, человеческий разум подсказывает, что скорее сила рождается из мудрости, а не мудрость из силы. О Святом Духе же он говорит, что это расхожее имя присвоено его природе по уподоблению: если бы речь не шла о Духе Святом, я подумал бы, что такую непристойную чушь он выдал либо шутки ради, либо чтобы посмеяться над Духом Святым. И, по-моему, Живущий на небесах посмеется над ним, Господь поругается над ним²⁹.

7. Отдавшись превратному уму³⁰, наш физик и философ философствует о Боге с точки зрения физики и, как выше мы видели, словно в насмешку, Отца объясняет влечением, а Духа Святого – дыханием. Впрочем, на подобную же болтовню Петра Абеляра, как мне кажется, мы уже ответили в должной форме. О том же, что исхождение Духа Святого от Отца и Сына есть не что иное, как исполнение в творении исходящей из силы и премудрости воли Божией, святой Августин говорит: «Если Дух Святой не исходит иначе как для того, чтобы быть дарованным, он не исходил бы до тех пор, пока не появился бы принимающий дар, а значит, не имея, кому быть дарованным, он по сути не был бы самим собой. Но он исходит всегда, такой, какой он есть, даже если он никому не дарится, подобно тому, как и Сын по рождению получает свою суть, а не только чтобы быть Сыном: это говорится о нем относительно. Но поскольку от века Дух Святой исходит, чтобы быть дарованным, значит, даром он был уже до того, как быть дарованным»³¹. Насчет изложения божественного рождения и того, что пророк мол говорил не о невозможности его, но о сложности, нетрудно, думаю, решить, кому нам верить, ему или святым учителям. Августин: «Рождение Христа от матери выше разума, а рождение от Отца – выше понимания». Далее: «Для Сына видеть Отца значит то же, что родиться от Отца, и не что иное для него значит видеть Отца действующего, как действовать вместе с Ним»³². Амвросий: «Хочешь узнать о божественном рождении? В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога»³³. Далее: «Как Сын рожден Отцом, невозможно узнать. Ум изменяет, голос умолкает, не только человеческий, но и ангельский. Это превыше ангелов, херувимов, серафимов, превыше всякого понимания. Повелеваем верить,

запрещаем рассуждать. Оставь аргументы там, где требуется вера. Дозволено знать, что родился, но как родился – не дозволено»³⁴. Пусть наш философ признается в своем невежестве там, где такие великие мужи выражали лишь восхищение. Пусть поймет, что если предвидение твари есть рождение Сына Бога или премудрости Бога, то выходит, что временное есть причина вечности. Пусть поймет, что не в простоте высшей субстанции множественность Троицы, а значит, нет и консубстанциальной субстанции и совечной вечности.

8. Философски или, скорее, физически описывая сотворение первочеловека, он говорит, что тело его создано не Богом, а природой, душа дана ему Богом, а тело потом сделано духами, которых он называет демонами и звездами³⁵. С одной стороны, он, судя по всему, следует мнению некоторых безумных философов, для которых вообще не существует ничего кроме тела и телесного, а Бог не что иное, как стечение стихий и равновесие природы, и что это и есть душа в теле. С другой же, он выглядит сущим Манихеем, когда говорит, что душа создана благим Богом, а тело – князем тьмы³⁶.

9. Любому читателю очевидно, как он высокомерно насмехается над рассказом Священного Писания о сотворении женщины, согласно которому Бог вынул ребро у первочеловека, чтобы из него сделать женщину³⁷. Истинное повествование он нагло заменяет своей выдумкой, презирая великую тайну, о которой Апостол сказал: «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей. Я говорю по отношению ко Христу и к Церкви»³⁸. Августин: «Адам, предвещавший будущее, явил нам образ вещей и великое знамение таинства, а скорее даже Бог через него. Даже во сне он сподобился получить жену, созданную из его ребра, так и из ребра уснувшего на кресте Христа суждено было народиться Церкви, ведь из проткнутого копьем бока проистекли таинства ее»³⁹. Велика эта тайна! Бог мог бы взять у человека плоть, чтобы сделать женщину, и это вроде вполне бы подошло: нарождался слабый пол, и слабости скорее подходила плоть, чем кость. Но женщина создана из кости, то есть из ребра мужа, а на место кости легла плоть. Он мог бы заменить кость костью, мог для сотворения женщины взять плоть, а не кость. Что же все это значит? Создана женщина из кости, как бы для крепости, создан Адам из плоти, как бы для слабости, как Христос для Церкви: и слабость Его стала нашей силой»⁴⁰. Если бы Гильом верил в это, не стал бы насмехаться. Но что это мы? Спорить с насмешником – наживать себе беду. Вот уже наш хвостун, будто ему все скрытые от начала времен тайны открылись, нападает на клириков, не называя имен⁴¹. Понятно, однако, кого он имеет в виду: празднующих Пасху, то есть богословов, потому что они, мол, по скудоумию своему не достойны есть Агнца, а его, соседа, то есть единоверца, не позвали, как следовало бы по Закону. Впрочем, как я слышал от знакомых с ним, он действительно был соседом, но ушел от тех, кого называет, так далеко, что, если не вернется в покинутый дом, его нельзя ни допускать к участию в Пасхальном таинстве, ни приглашать к трапезе Агнца⁴².

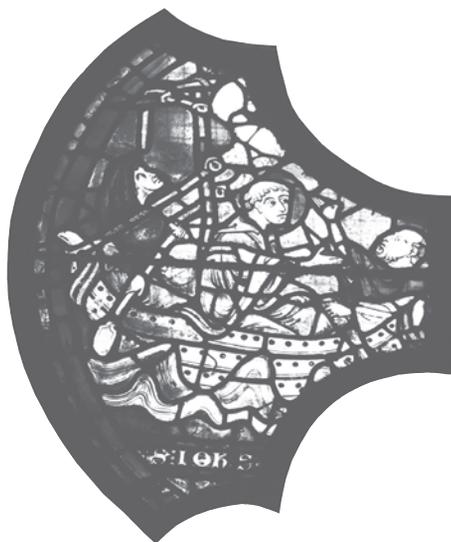
ЭПИТАФИЯ ТЕОДОРИХА ШАРТРСКОГО

Здесь Теодорих лежит, Стагирита преемник достойный,
В прахе земном заключен духа благого сосуд.
Власти магистерской скипетр сей педагог превосходный
Принял, дарением сим речью латинской почтен¹.
В муже сем вместе слилось, как сходятся в море потоки,
Все, что измыслить бы мог самый возвышенный ум.
В первопричины вещей он мыслью проникнуть стремился²,
Мира единство умел разумом он созерцать.
Шар первозданный узрел, идеи с материей вкупе³,
И породившие все сущие в нем семена,
Силу, что глыбу земли, объявшее все мирозданье,
Меру привнесши и вес, властью числа сопрягла⁴;
Происхождение вещей, и закон, что связует творенье,
Брань разнородных стихий прочным союзом сменив;
Смог он узреть, как творенье, вечно свой род обновляя,
Снова рождения ждет, смерть до того претерпев;
Видел, как, в немощи дряхлой зачав, непраздная вечно,
Род сей природа плодит, в старости матерью став.
Мог он проникнуть легко за покров многосмысленной речи⁵,
И, не встречая препон, смысл сокровенный узреть.
Троицу низших наук и сложнейших наук четверицу⁶
Братьям, усердно трудясь, ясно сумел преподавать.
Мудрость, что тайны покровом Платон и Сократ одевали,
Он разгадал и о том братьям поведал своим.
Логики узел рассек и умом проник он в глубины,
Коих доселе никто в век наш достигнуть не мог:
И аналитики первым, и опровержения первым⁷
Понял, и галлам, собрав греков богатства, принес.
И Философия, прежде чуждая нашему веку,
Сбросив одежды, нагой взору предстала его.
Был ею избран супруг достойный брака такого,
Знатных потомков союз сей многочадный принес:
Славных мужей без числа, с отцом и матерью схожих, –

Так из учений живых вечный составиля род.

Граций толпой окруженный и хором дриад⁸, Теодорих
Город не раз покидал, сельский приют возлюбя.
Братья его почитали, коих в единой общине⁹
Пламень любви заключил в келий блаженный затвор.
Пищу там не извратит тлен никакого искусства,
Без возлияний течет трапеза строгая их.
Смрад от изжаренных туш не клубится над кухню скромной,
В кубках на общем столе редко увидишь вино.
Всякий хотения род вменияют себе в преступленья
Помысел сладкий грехом смертным меж ними слывет.
Мудрость свою умалял он, наставника званья чурался,
Худшую в стаде овцу выше себя почитал.
Он быть учимым хотел, не дерзая учителем зваться –
Втуне присвоить боясь имени громкого честь.
Нищих избравши удел тягостный, жизни честнейшей
Делом и видом своим муж сей зеркало явил.
Праведной жизни венец – хвалу всемогущему Богу
В час свой последний воспел, в вечный покой отходя.
Исповедь чистая небу вручила безгрешную душу,
И в упованье благом кости в могилу легли.
Мертвых восстанья он ждет, когда с обновлением плоти
Жизнь возвратится, греха след безвозвратно омыв.
Протолевита обрел в нем, наставника и логофета
Шартр и схожего с ним снова едва ль обретет.

Приложения

ШАРТРСКАЯ ШКОЛА: АВТОРЫ, ТЕКСТЫ, ПРОБЛЕМЫ

Шартрская школа, расцвет которой совпадает с ренессансом XII в., резонно считается создательницей первой со времен Античности самостоятельной новоевропейской космологии, не зависящей от символического мировоззрения и рациональной, опирающейся на новые тексты и новое чувство природы¹. Здесь, в Шартре, европейцы заново открыли природу и описали ее новым слогом². Все это верно. Однако о том, что на самом деле представляла собой школа, мы знаем довольно мало, и наши знания основываются на отрывочных свидетельствах, из которых историки начиная с конца XIX в. пытаются выстроить что-то похожее на стройную картину. Мы располагаем целым рядом сочинений разного жанра – они представлены в нашем издании. Но такие шедевры не возникают на пустом месте.

Центром притяжения для школяров Шартр стал после 1000 г. благодаря двум своим епископам, не случайно вышедшим в святые, – св. Фульберту (1006–1028) и св. Иво (1090–1115). Ученики Фульберта, разъезжаясь по Европе, разносили славу об учителе: «Ты мне молочный брат, потому что мы вместе, когда ты был еще мальчишкой, а я подростком, наслаждались сладкой трапезой в Шартрской академии под руководством нашего достопочтенного Сократа: такому обществу нам подобает радоваться больше, чем Платону, который благодарил природу за то, что она родила его во времена Сократа – и не овцой,

¹ *Klibansky R.* The School of Chartres // *The Twelfth-Century Europe and the Foundations of Modern Society* / Ed. M. Clagett et al. Madison, 1961. P. 3–14; *Gregory T.* Anima mundi. La filosofia di Guglielmo di Conches e la scuola di Chartres. Firenze, [1955]. P. 186, 215. *Idem.* Mundana sapientia. Forme di conoscenza nella cultura medievale. Roma, 1992. P. 116–121. В нашей статье использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: Общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г. и проекта «“Центры” и “периферии” на Востоке и Западе Европы в Средние века», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г. Первая, более краткая версия нашей статьи: *Воскобойников О.С.* Право на миф. Введение в поэтику Шартрской школы // *Polystoria. Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе.* М., 2016. С. 139–182.

² *Chenu M.-D.* La théologie au douzième siècle. P., 1966. P. 21–30; *Speer A.* Die entdeckte Natur. Untersuchungen zu Begründungsversuchen einer ‘scientia naturalis’ im 12. Jahrhundert. Leiden; N.Y.; Köln, 1998. S. 119–129, 232–239.

а человеком»³. Заметим: это пишет не какой-нибудь ученик Марсилио Фичино в медичейской Флоренции, а в середине XI в. епископ Брешии Адельман схоластику Беренгарию Турскому. У каждой эпохи – свой Сократ. Иво, сыгравший очень важную роль в формировании нарождавшейся тогда научной юриспруденции, канонического права, по лаконичному свидетельству эпитафии, «создал школу». Резонно предположить, что имеется в виду постройка нового здания, обустройство библиотеки и регулярных занятий⁴.

Если Фульберт и Иво были сеятелями, настоящий урожай собрал их преемник, епископ Готфрид Левский (1115–1148). Этот просвещенный прелат не оставил сочинений, но обладал, видимо, спокойным и открытым характером, интеллектуальной и духовной цельностью, заслужившей ему добрую славу и авторитет среди современников. Его хвалили одновременно как и вспыльчивый, обиженный на весь белый свет Абельяр, так и его непримиримый обвинитель, моральный ригорист св. Бернард Клервоский⁵. Когда мы читаем сочинения, написанные в Шартре или под влиянием шартрской традиции, мы должны учитывать незримое присутствие за кадром таких значительных фигур своего века, как шартрские епископы. Не существует литературы без читателя, а в Средние века не существует и литературы без высокого покровительства.

Мы мало знаем о том, как жили в Шартре магистры и школяры, мы лишь частично представляем себе, как именно проходили занятия, даже если что-то можно почувствовать по сочинениям тех, кого принято называть «шартрскими мыслителями» или попросту «шартрцами». Датировки событий и фактов в воспоминаниях современников и потомков, атрибуции текстов, даже идентификация какого-нибудь «магистра Б.», где-то мельком упомянутого, скажем, с Бернардом Шартрским или с Бернардом Сильвестром, может вызывать оживленные дискуссии в узком кругу специалистов на протяжении десятилетий. Такая документальная ситуация типична для любой «школы» древности, не располагавшей привычными в наше время методами протоколирования своей жизнедеятельности. Средневековую школу – до рождения университета – вообще с большой натяжкой можно назвать институцией. Но «институцией» никак нельзя назвать и знаменитую «Школу Анналов», насчитывающую уже не одно поколение исследователей...

³ «Collactaneum te meum vocavi propter dulcissimum illud contubernium quod cum te adolescentulo, ipse ego majusculus, in academia Carnotensi sub nostro illo venerabili Socrate jucundissime duxi; cujus de convictu gloriari nobis dignius licet quam gloriabatur Plato, gratias agens naturae eo quod in diebus Socratis sui hominem se non pecudem peperisset» [PL. 143. Col. 1289 A].

⁴ Clerval A. Les écoles de Chartres au Moyen Âge. Paris, 1895. P. 147; *Jeauneau É.* «Tendenda vela». Excursions littéraires et digressions philosophiques à travers le Moyen Âge. Turnhout, 2007. P. 702.

⁵ Готфрид вместе с Теодорихом Шартрским заступился за обвинявшегося в ереси парижского магистра на первом соборе, в Суассоне. *Петр Абельяр. История моих бедствий / Пер. В.А. Соколова. М., 1959. С. 38–41.* Знаменитый цистерцианец хвалит Жофруа за то, что, несмотря на высокое звание, тот отказался от преподнесенного ему в Аквитании осетра и заставил дарителя принять пять су справедливой платы. *Bernardus Claraevallensis. De consideratione. IV, V, 14 // PL. 182. Col. 783 A–B.*

Понятие «Шартрской школы» по указанным выше причинам резонно ставилось под вопрос: резкая по тональности, но авторитетная критика Ричарда Сазерна в 1970–2000 гг. оказала на исследователей эффект холодного душа. Историк мысли удобно все новаторское и непривычное привязать к центру, уже известному ему своим новаторством. Оксфордский историк не оставил на таком мифотворчестве камня на камне, но и сам стал объектом критики: до конца своих дней упорно называя Шартрскую школу «романтическим недоразумением», он остался в этом вопросе в гордом одиночестве⁶. Она все же существовала.

Что же такое «Шартрская школа», известная многим по учебникам и справочникам⁷, но относительно немногим – по конкретным текстам? Чтобы понять ее место в истории европейской культуры, прежде всего следует отказаться от понимания «школы» как института с четко установленными правилами поведения, преподавания и творчества. Школа возникает тогда, когда рождается круг людей с общими интеллектуальными интересами, она не может принадлежать ни исключительно литературе, ни исключительно философии. Не может она быть и только учебным или исследовательским центром. Но она, несомненно, представляет собой круг мыслящих людей, связанных между собой литературными вкусами, общими авторитетными для них текстами, узами дружбы и совместной работы⁸. Одни из них учились и преподавали в Шартре, другие – учились, но магистрами уезжали в другие города и страны, третьи – не учились здесь, но приезжали, привозя идеи и тексты, четвертые, как епископы и даже римские понтифики, если угодно, доброжелательно прислушались. Трудно себе представить, чтобы те смелые идеи, которые мы найдем в их текстах, вошли в историю без благосклонного внимания настоящих ценителей высокой латинской словесности – церковной элиты масштаба Готфрида Левского. Шартр – литературно-философское братство, выходящее и за рамки собственно Шартра и даже Северной Франции, и за рамки поколений, и даже

⁶ *Southern R.W.* Medieval Humanism and Other Studies. Oxford, 1970. P. 61–85; *Idem.* The Schools of Paris and the School of Chartres // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. R.L. Benson, G. Constable. Cambridge; Mass., 1982. P. 113–137; *Idem.* Scholastic Humanism and the Unification of Europe. Vol. 1. Foundations. Oxford; Cambridge; Mass., 2001. P. 58–101 (с анализом полемики предшествующих лет). Противоположную точку зрения см.: *Dronke P.* Intellectuals and Poets in Medieval Europe. Roma, 1992. P. 15–40; *Speer A.* Op. cit. S. 224; *Verger J.* Le cadre institutionnel de l'école de Chartres jusqu'à Jean de Salisbury // Aristote, l'école de Chartres et la cathédrale. Actes du Colloque Européen des 5 et 6 juillet 1997. Chartres, 1997. P. 19–32.

⁷ *Gilson É.* La philosophie au Moyen Âge. Paris, 1986. P. 258–278 (русский перевод этого классического свода, выполненный несколько лет назад С.С. Неретиной, грешит целым рядом неточностей); *De Libera A.* La philosophie médiévale. P., 1993. P. 314–316; *Коплстон Ч.* История средневековой философии. М., 1997. С. 104–112. В рамках истории средневековой философии в строгом смысле слова Шартрская школа впервые была представлена объективно и с достаточной полнотой в нескольких главах коллективного труда: *A History of Twelfth-Century Philosophy* / Ed. by P. Dronke. Cambridge, 1988.

⁸ *Courtenay W.* Schools and Schools of Thought in the Twelfth Century // Mind Matters. Studies in Medieval and Early Modern Intellectual History in Honour of Marcia Colish / Ed. C. Nedermann et al. Turnhout, 2010. P. 13–45.

за рамки дружбы: всякой школе во все времена свойственна полифония неслиянных голосов, а ее работа – «стенограмма незавершенного и незавершимого спора»⁹. Одни тексты, как «Трактат о шести днях творения» Теодориха Шартрского или «Философия» Гильома Коншского, явно написаны здесь, для школяров, и отсюда распространялись. Другие, явно не школьного характера, как «Космография» и «Плач Природы», созданы, скорее всего не в Шартре, но отражают именно шартрскую поэтику; их авторы – Бернард Сильвестр и Алан Лилльский – многим обязаны этой школе и той новой картине мира, с которой мы начали: здесь открыли природу.

Для иллюстрации этого утверждения приведем лишь один пример. Амвросий Медиоланский в конце IV в. и Гильом Коншский в XII в. одинаково восхищаются Творением, оба видят в нем глубину божественного замысла и Промысла, оба рассуждают о Шестодневе не только для познания Священного Писания и мира, но и в поисках единения с божеством. Таков смысл творчества всякого христианина, берущегося за калам или перо. Но если для Амвросия неизмеримость господнего всемогущества и есть мера, а чудо – физический аргумент, например, для объяснения вод, повисших над небесной твердью, и «висящей» в пустоте земли, то Гильома такой аргумент не устраивает¹⁰.

В 1130 г., когда «Философия» Гильома вышла в свет, нетрудно было найти в столь на первый взгляд бескомпромиссном поиске причинно-следственных, логических связей ересь, безбожный материализм. Однако мыслители шартрского круга искали такого знания о человеке, мире и, что еще важнее, Боге, такой *sapientia*, которая не могла обойтись ни без иносказания и символизма, ни без ведущей душу в горние выси анагогии, ни без интуиции. Здесь не только чттили латинскую древность, но знали об интеллектуальных новинках, прежде всего, переводах с арабского и греческого, читали «Пантехни» Константина Африканского, «Исагог» Иоанниция, «Большое введение в астрологию» Альбумазара¹¹. Пути научной коммуникации к началу XII в. были неплохо налажены и активно развивались. Об этом говорят и сохранившиеся рукописи, и переписка, и посвящения переводов и сочинений. Но за кругом текстов возникал и круг интересов, стиль мышления, определенный набор мыслительных практик, который никак не исчерпывается рецепцией древних или новых, но чужих текстов. Объединить все эти мыслительные практики, языческие авторитеты и христианскую

⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 290.

¹⁰ Гильом Коншский. Философия. II, II, 4. Здесь и далее ссылки на приведенные в нашем издании сочинения даются с сохранением принятого деления на книги и главы. Подробнее о разнице в толковании Творения между Отцами и магистрами зрелого Средневековья см.: Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М., 2015. С. 156–159.

¹¹ Schipperges H. Die Schulen von Chartres unter dem Einfluß des Arabismus // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. Bd. 40. 1956. S. 200–208; Burnett Ch. Réception des mathématiques, de l'astronomie et de l'astrologie arabes à Chartres // Aristote, l'école de Chartres et la cathédrale. Actes du Colloque Européen des 5 et 6 juillet 1997. Chartres, 1997. P. 101–108.

догму, мудрость и красноречие могла лишь словесность. Общие литературные, философские задачи, общая поэтика, в большей степени, чем закрепленная какими-либо статутами социальная, образовательная или политическая институция, и позволяют объединять под эгидой Шартра нескольких крупнейших мыслителей важнейшего из средневековых ренессансов: Теодориха Шартрского, Гильома Коншского, Бернарда Сильвестра и Алана Лилльского. Наш выбор не претендует на полноту: в строго философском плане фигура шартрского канцлера Жильбера Порретанского не менее значима, чем Теодорих или Гильом; Иоанна Солсберийского, прекрасного философа и мастера слова, еще в XIII в. иногда называли шартрцем, что не случайно; Кларембальд Аррасский учился у Теодориха и продолжал его поиск смысла Книги Бытия. Всего и всех не объять, но избранные четыре автора не со всеми, но с наиболее яркими их сочинениями представляют Шартрскую школу с должной полнотой и цельностью.

* * *

Один из идеалов науки XII в., союз Меркурия и Филологии, знакомый тогда всем со школьной скамьи по знаменитой сатире Марциана Капеллы¹², представляет собой поэтическую метафору «согласия наук». Но метафоры, по верному выражению Пьера Адо, «не невинны»¹³. Как много брак бога Меркурия («разума», «логоса») и смертной девушки Филологии («любви к разуму», дочери Фронесис) значит для понимания интеллектуальной атмосферы Ренессанса XII столетия! Ведь этот брак можно было понимать и как человеческую душу, высшая, божественная часть которой становится спасительной для низшей¹⁴. И тогда речь о главном для христианина.

¹² *Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii* / Ed. A. Dick. Stuttgart, 1978.

¹³ *Hadot P. Le voile d'Isis. Essai sur l'histoire de l'idée de Nature. P., 2004. P. 91.*

¹⁴ *Lenaz L. Martiani Capellae De nuptiis Philologiae et Mercurii liber secundus. Introduzione, traduzione e commento. Padova, 1975. P. 101–120.* Наш читатель не должен подпасть под обаяние пера Льюса, давшего в 1936 г. Марциану место в своей истории средневековой аллегории, но, взяв на себя роль строгого судьи, на нескольких страницах раскритиковавшего поэму. *Lьюис Кл. Ст. Аллегория любви. Исследование литературной традиции Средневековья // Льюис Кл. Ст. Избранные работы по истории культуры. М., 2015. С. 103–106.* Не случайно его антипатия к действительно замысловатому тексту не позволила ему включить «Бракосочетание» в свое последнее произведение, «Отверженный образ», хотя в системе средневековых *auctoritates* оно заслуживает этого не менее, чем «Комментарий на «Сон Сципиона»» или «Утешение философией». Впрочем, таким невниманием грешат и более современные обобщающие исследования средневековой педагогики: *Steckel S. Kulturen des Lehrens im Früh- und Hochmittelalter. Köln; Weimar; Wien, 2011.* Изложение «Бракосочетания» в контексте позднеантичной пайдеи, но без рассмотрения влияния его на средневековую традицию см. в кн.: *Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М., 2002. С. 162–185.* К счастью, существует претендующий на полноту современный научный свод средневековых комментариев на «Бракосочетание»: *Scoto Eriugena, Remigio di Auxerre, Bernardo Silvestre e Anonimi. Tutti i commenti a Marziano Capella / A cura di I. Ramelli. Milano, 2006.* В Шартре знали и продолжали эту традицию комментирования Марциана.

Представляя читателю «Семикнижие», свою школьную антологию авторитетных древних текстов по семи свободным искусствам, Теодорих Шартрский, канцлер Шартрского собора и знаменитый на всю Европу магистр, писал об этом браке: «И греческие и римские поэты свидетельствуют, что Филология вышла замуж за Меркурия благодаря стараниям Гименя, в полном согласии Аполлона с музами и при участии семи искусств, без которых такое дело, наверное, вовсе нельзя было бы осуществить. И верно. У философии два помощника – разумение и его выражение: разумение просвещается квадривиумом, а изящное, разумное, украшенное его выражение – тривиумом. Отсюда явствует, что мое семикнижие всей философии – единственное в своем роде пособие. Ведь философия есть любовь к мудрости, мудрость – полноценное познание истины сущего, которого не достичь иначе, как возлюбив его. Нет мудреца, если он – не философ»¹⁵. Не дадим себя обмануть: перед нами не просто самореклама и не литературное упражнение. Большинство великих философских текстов XII в. написаны именно таким слогом, который в сравнении с суховатой строгостью классической схоластики следующих двух столетий хочется назвать просто-напросто *литературным*¹⁶. Я ни в коем случае не имею в виду, что изящная словесность чужда натурфилософам-схоластам XIII в., что Фома Аквинский писал плохие гимны или что поэты Сицилийской школы, Нового сладостного стиля, Анри д'Андели или Жан де Мен чужды философии. Изменился скорее эпистемологический статус поэзии и литературной фабулы, древнего, дохристианского мифа, их право на участие в построении христианского космоса средствами ищущего разума, ученого письма или школьной лекции. Читателю «Суммы теологии», в том числе русскому, вряд ли придет в голову искать в ней виртуозную словесную игру¹⁷. Не будет ее и в трудах Роджера Бэкона и Альберта Великого. Но космология и философия предшествующего столетия без учета этой виртуозности просто необъяснима: для читателя того времени при восприятии текста «возникал некий ласкающий слух рисунок»¹⁸.

Молодой Эрих Ауэрбах в своей первой книге о Данте был прав, что «после Фомы схоластика нуждалась в песни», что «на путях устрояющего разума есть некий конечный пункт – и в известной нам истории духа он был достигнут еще несколько раз, хотя не столь законченным образом, – в котором разум может выразить себя, исполниться и разрешиться только в поэзии». Но он слишком прямолинеен и максималистичен, когда утверждает, что синтез философии и поэзии впервые осуществлен в канцонах и «Божественной комедии»

¹⁵ *Jauneau E.* «Lectio philosophorum». Etudes sur l'école de Chartres. Amsterdam, 1973. P. 90 (по рукописи, завешанной Теодорихом шартрской библиотеке, Chartres, Bibliothèque municipale ms. 497, fol. 2 ra, сгоревшей во время бомбежки 26 мая 1944 г.).

¹⁶ *Bourgain P.* Le tournant littéraire du milieu du XIIe siècle // Le XIIe siècle. Mutations et renouveau en France dans la première moitié du XIIe siècle / Dir. Fr. Gasparri. P., 1994. P. 304–305.

¹⁷ *Фома Аквинский.* Сумма теологии: В 4 т. / Пер. А.В. Апполонова. М., 2006–2011 (издание продолжается).

¹⁸ *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2003. С. 143.

Данте¹⁹. Дело не в прямых заимствованиях – никто не отнимет у великого поэта его оригинальности во всем, включая какой-нибудь вопрос о лунных пятнах²⁰, а в особой связи между философской абстракцией и образной выразительностью литературы и мифа, между взыскующим разумом и влечением сердца, унаследованной культурой *volgare* от культуры латинской. «Фигурально-аллегорическое воззрение на мир», которым тот же Ауэрбах четверть века спустя объяснял «реалистический гений» Данте, его специфическое чувство реальности²¹, невозможно без находок шартрских мыслителей, творивших несколькими поколениями раньше и отчасти забытых к его времени в силу некорректности схоластов XIII в., не пожелавших видеть в своих непосредственных предшественниках авторитеты, достойные поименного цитирования. Многие в шартрском наследии по достоинству оценены недавно, многое открывается лишь в наши дни²².

Создавая для своих учеников свод древних авторитетов, по сути хрестоматию²³, Теодорих Шартрский не случайно особую роль уделит грамматике – этой «матроне сурового облика», словно сошедшей с современного ему «королевского портала» Шартрского собора, не случайно специальные лекции посвятил комментарию Цицеронова «О нахождении». Для него и для культуры его времени, говоря в нынешних понятиях, «план выражения» неотделим от «плана содержания», понимание «сущего» возможно только в слове, а значит,

¹⁹ Ауэрбах Э. Данте – поэт земного мира. М., 2004. С. 81. Десять лет спустя, в 1939 г., Этьен Жильсон, тогда уже авторитетный историк средневековой философии и неотомист, посвятил целую книгу полемике с теми, кто пытался сделать томиста из Данте (хотя никто не отрицал влияния, оказанного великим схоластом на великого поэта), а из Беатриче – абстракцию. Жильсон Э. Данте и философия. М., 2010. С. 270–335.

²⁰ Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь II, 64–148; Vasoli C. *Lectura Dantis Metelliana. I primi undici canti del «Paradiso»*. Roma, 1972. P. 27–51; Nardi B. «Lecturae» e altri studi danteschi. Firenze, 1990. P. 151–162.

²¹ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 205.

²² Ирене Каяццо выпустила в свет недавно обнаруженные ей комментарии Теодориха Шартрского на «Арифметику» Бозция: *Thierry of Chartres. The Commentary of the De arithmetica of Boethius* / Ed. I. Caiazzo. Toronto, 2015. Глоссы Гильома Коншского на грамматику Присциана и его Малые глоссы на Ювенала еще ждут критического издания, даже «Космография» Бернарда Сильвестра доступна лишь в предварительной, хотя и качественной editio minor Питера Дронке. Напротив, атрибуции «Глосс на Платона» фактическому основателю шартрской традиции Бернарду Шартрскому, а комментарии на «Энеиду» – Бернарду Сильвестру признаются сегодня не всеми. *The Glosae super Platonem of Bernard of Chartres* / Ed. P.E. Dutton. Toronto, 1991.

²³ Тем не менее научный фундамент этой «хрестоматии», даже реконструированный по отрывочным данным, весьма значителен, и современники это хорошо понимали. См.: Burnett Ch. *The Content and Affiliation of the Scientific Manuscripts Written at, or Brought to, Chartres in the Time of John of Salisbury // The World of John of Salisbury* / Ed. M. Wilks. Oxford, 1984. P. 127–160.

в поиске истины исключительно важно, насколько ты владеешь словом и как ты им пользуешься²⁴.

Изящная словесность и вообще грамотность быстро пробивали себе дорогу уже в XI в.²⁵, и без них немислим ренессанс XII столетия, но представлять себе этот путь победным шествием культуры тоже нельзя. Лаконично и веско выразился один из лучших умов начала XII в. Гвиберт Ножанский: «Богу нет дела до грамматики»²⁶. Не только он сомневался в дидактических и «анагогических» возможностях литературы. Высмеивание гуманистического идеала «согласия наук», *concordantia artium*, обретало иногда довольно резкие, язвительные, саркастические тона, даже среди продолжателей шартрского дела²⁷. Вместе с распространением новой, гуманистической культуры текста, с рождением кружков ценителей слога возникали и новые мировоззренческие конфликты между языком, текстами и реальностью²⁸.

Цицероновский идеал ратора-философа был взят на вооружение соратником Теодориха, нормандским магистром Гильомом Коншским, за ним – англичанином Иоанном Солсберийским, оставшимся на всю жизнь духовно близким Шартру, а на склоне дней возглавившим его престижную кафедру²⁹. Среди учеников Гильома были и крупные мыслители, и наследники герцога Нормандии, в том числе будущий король Англии Генрих II. Возможно, в этом внимании к произносимому вслух слову одно из объяснений относительно невысокого числа дошедших до нас текстов лучших мыслителей шартрского круга, особенно если сравнить их наследие с многотомными собраниями схоластов: Альберта Великого, Фомы Аквинского, Бонавентуры или Генриха Гентского. Гильом, явно популярный магистр, жаловался на нехватку времени для творчества в выра-

²⁴ О риторике как неотъемлемой составляющей герменевтики в XII–XIV вв. см., напр.: *Camargo M. Essays on Medieval Retic. Ashgate, 2012 (Variorum). Chapters I, V.* Крупнейшим апологетом риторики был, несомненно, учившийся в Шартре Иоанн Солсберийский. Но характерно, что и «рационалист» Абельяр защищает ее перед лицом тех, кто стремится с помощью исключительно рациональных доводов постичь Писание, а два века спустя, после «Божественной комедии», Бокаччо в схожих выражениях защищает поэзию о божественном перед лицом схоластов. *Von Moos P. Entre histoire et littérature. Communication et culture au Moyen Âge. Firenze, 2005. P. 295.*

²⁵ Литературное значение XI столетия прекрасно показано Клаудио Леонарди, питавшим к нему особую, но вовсе не лишенную оснований филологическую «слабость»: *Leonardi Cl. Medioevo latino. La cultura dell'Europa cristiana. Firenze, 2004. P. 405–414.* Ср.: *Bertini F. Il secolo XI // Letteratura latina medievale (secoli VI–XV). Un manuale / A cura di Cl. Leonardi et al. Firenze, 2003. P. 175–230; Santi Fr. L'età metaforica. Figure di Dio e letteratura latina medievale da Gregorio Magno a Dante. Spoleto, 2011. P. 247–250.*

²⁶ «Non est Deus grammaticae curiosus». *Guibert de Nogent. De sanctis et eorum pigneribus. I, 739 / Ed. R.B.C. Huygens. Turnhout, 1993. P. 109.*

²⁷ *Johannes de Hauvilla. Architrenius / Ed. W. Wetherbee. Cambridge, 1994; Ср.: Pseudo-Ovidius. De vetula / Ed. P. Klopsch. Leiden; Köln, 1967.*

²⁸ *Stock B. The Implications of Literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, NJ, 1983. P. 327.*

²⁹ Гильому позже вторил Иоанн Солсберийский: *Johannes Saresberiensis. Metalogicon. I, 1 // Ed. J.B. Hall, K.S.B. Keats-Rohan. Turnhout, 1991. P. 13.*

жениях, напоминающих сетования современной профессуры. Но дело не только в этой вечной проблеме – схоластам следующего столетия тоже было на что «отвлечься». Несомненно, очень многое передавалось в классах, от магистра к школяру. Ученики и ближайшие потомки по достоинству оценили тот особый – литературный – стиль мышления, которому, по-новому комментируя древние авторитетные тексты, учили Бернард Шартрский, Гильом и Теодорих³⁰.

Для их современника Гуго Сен-Викторского искусства тоже нужны именно в неразрывном единстве: откажись от одного из семи, тебе не быть философом и, следовательно, не вернуться к изначальному, совершенному состоянию человека до грехопадения³¹. У автора «Дидакаликона» мы обнаруживаем ту же приверженность энциклопедической пайдеей, даже если акценты расставлены немного иначе³². Шартрское понимание смысла изучения наук и древних авторитетов облагодало своей спецификой: здесь и гуманистическое преклонение перед древними, какое мы встречаем у Иоанна Солсберийского, и схожее с Гуго, но все же не так ярко выраженное, ощущение трансцендентного, спасительного, анаagogического (т.е. ведущего к единению с божеством) значения философии. Отсюда особая свобода в обращении с авторитетами, приведшая к интеграции христианских и нехристианских доктрин в новом научном синтезе³³. Именно здесь, в Шартре, родилось ставшее потом знаменитым сравнение себя, «нынешних», «новых», с карликами, сидящими на плечах гигантов, т.е. «древних»: древние были мудрее, но мы, сидя, на их плечах, видим дальше. Велик соблазн видеть в этом образе специфически шартрский, гуманистический оптимизм, тем более что схожий образ в начале XIII в. воплотился в витраже трансепта шартрского собора, где четыре евангелиста изображены сидящими на плечах великих пророков³⁴.

³⁰ Ср. воспоминания Иоанна Солсберийского о своем обучении у Гильома Коншского, заканчивающиеся изящной похвалой грамматике (*Johannes Saresberiensis. Metalogicon. I*, 23–25. P. 50–55), с публикуемой ниже эпитафией Теодориху. О значении грамматики в педагогике Гильома см.: *Fredborg K.M. William of Conches and his Grammar // Guillaume de Conches: Philosophie et science au XIIe siècle / Études réunis par B. Obrist, I. Caiazzo. Firenze, 2011. P. 329–357.*

³¹ *Hugo de Sancto Victore. Didascalicon de studio legendi. III, IV / Ed. Ch. Buttimer. Washington, 1936. P. 55.* О философии как пути единения с божеством: *Ibid. I, II. P. 6–7; Baron R. Science et sagesse chez Hugues de Saint-Victor. P., 1957. P. 14ss.*

³² Находившаяся рядом с Парижем школа канониката Сен-Виктор, основанная Гильомом из Шампо в 1108 г. и вышедшая на лидирующие позиции с Гуго, выходцем из саксонской знати, сыграла в интеллектуальной истории XII столетия не менее значительную роль, чем Шартр. *Chatillon J. Les écoles de Chartres et de Saint Victor // La scuola nell'Occidente latino dell'alto Medioevo. Vol. 19. Spoleto, 1972. P. 795–857.* Различия в преподавании и в характерах педагогов не мешали обмену: в библиотеке Сен-Виктора можно было прочесть лекции Теодориха о божиевском трактате «О Троице», эта рукопись сохранилась.

³³ *Wetherbee W. Platonism and Poetry in the Twelfth Century. The Literary Influence of the School of Chartres. Princeton, 1972. P. 28.*

³⁴ Именно Иоанн Солсберийский (*Metalogicon III, 4. P. 116*) сделал знаменитой эту формулу Бернарда Шартрского, сравнившего свое поколение с дальновидными карликами на плечах гигантов. Жоно подробно раскрыл значение этой метафоры для интеллектуальной атмосферы Шартра. *Jeauneau É. Lectio... P. 53–73; Speer A. Op. cit. S. 76–84.*

* * *

Метафора, как и другие тропы, была неотъемлемой характеристикой научного мышления и научного письма на протяжении всего Средневековья, причем для рационалистов в ничуть не меньшей степени, чем для «мистиков»: от сложных законов, причин и аналогий в структуре мироздания умение во всем и вся увидеть нечто еще, пусть даже с помощью простого *quasi*, «как бы», позволяло возвыситься чуть ли не до богопознания. Метафоричность мышления, тяготение к иносказанию не противоречит поиску рациональных объяснений. Фигура речи и *ratio* не просто соседствуют, не просто взаимно дополняемы, но неразлучны, в особенности в XII столетии, когда рождается литературная субъективность Нового времени, авторское право на «соло» (Гвиберт Ножанский, Абеляр) и когда, по образному выражению Паскаль Бурген, поэзия сотворила себе царство³⁵.

Могли ли литературные вкусы и пристрастия сочетаться с философской точностью, аскетической отрешенностью и беспристрастным поиском высшей мудрости? Мог ли до Данте интеллектуал быть одновременно поэтом и богословом? Вопрос не нов³⁶, все средневековые ренессансы искали такой гармонии. Но попробуем разобраться, что именно новаторская латинская словесность, поэзия и проза, дала тоже обновлявшейся картине мира западноевропейского интеллектуала в XII столетии.

Молодой грамматик Гильом Коншский, попробовав силы на комментировании классиков, написал по-юношески смелую «Философию» и четко выразил свое кредо и свой стиль в прологе ко второй книге, посвященной описанию устройства вселенной, т.е. собственно космологии, в отличие от космогонии, изложенной в первой части: «Зная, что большинство ищет красоты словес и очень немногие – научной истины, взыскуя славы у этих немногих, а не у толпы, порадеем об одной лишь истине. Голая правда нам милее наряженной в тогу лжи. Если же кому-то не по душе сухость нашей речи, то, поняв, что у нас на душе, он не только не станет просить красивых слов, но подивится самому предмету нашего исследования. Разве есть место украшению там, где нужно сначала подумать, что и как читать, затем изложить прочитанное, использовать это в диспутах против лжи, вынести суждение о находках других и наточить язык в борьбе против завистников, чтобы в нас исполнилось сказанное о сынах Израиля, которые, восстанавливая храм, в одной руке держали меч, в другой камень?»³⁷. Налицо видимое противоречие: грамматик, т.е. учи-

³⁵ Bourgain P. *Entre vers et prose. L'expressivité dans l'écriture latine médiévale.* P., 2015. P. 49; Zink M. *La subjectivité littéraire. Autour du siècle de saint Louis.* P., 1985. P. 181.

³⁶ Leclercq J. *L'amour des lettres et le désir de Dieu. Initiation aux auteurs monastiques du Moyen Âge.* P., 1957; Curtius E.R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter.* Bern, 1948. S. 210–234; Dronke P. *The World of Medieval Poet.* Roma, 1984. P. 7–54.

³⁷ Ср.: Неем. 4, 17: «Одною рукою производили работу, а другою держали копьё».

тель слова, став на кафедру философа, ищущего «голой правды», выступает против «красного словца» и защищает свое право на сухость.

Теодорих Шартрский, как и Гильом, берется за дело со всей серьезностью, желая в глубине души – и, возможно, следуя гуманистическим идеалам своего круга – соединить не только Меркурия и Филологию, но Моисея и Платона, он трактует Книгу Бытия «согласно физике», сознательно и открыто отбрасывая все аллегорическое, в должной мере изложенное, как он считает, задолго до него. Его «физика», говорит он, и есть «буква» Писания, но при этом его стиль изложения и толкования рассказа о сотворении мира максимально прозаичен, хотя и не чужд по-своему забавных эмпирических сравнений. Его стихи обретают неслыханную доселе самостоятельность в качестве действующих причин, а богословские сочинения Боэция, которые он комментировал для своих слушателей, дали ему ключ к арифметике мира³⁸. Иные параграфы «Трактата» пахнут деизмом, стихи «как бы», quasi, действующие причины мироздания. Можно подумать, что Теодорих, словно Декарт (в передаче Паскаля), «разрешил Богу дать миру щелчка, чтобы привести его в движение» – и отстранил от должности. Его «физика» к тому же пропитана платоновским «Тимеем» и герметическим «Асклепием». Однако «материализм» Теодориха постоянно приглушается вполне искренней верой не просто в сотворение мира из ничего, но в то, что мир управляется божеством. Такое сглаживание противоречий во многом зиждется на том самом невинном на первый взгляд quasi, применимом ко всякой твари, но не к Абсолюту, не терпящему словесного камуфляжа и эквивоков.

Каково в этой космологии место «венца творения»? Видимо, в этом вопросе для прозаического, буквального изложения и начинались проблемы: космогония Теодориха фактически обрывается там, где следовало бы описать человека, с его бранным телом и бессмертной, но смятенной, пристрастной, запятнанной Грехопадением душой. Тракtrat обрывается, несмотря на то что автору было на что опереться, чтобы органично связать свою «физику» с христианскими представлениями о душе³⁹. Теодорих же, что твой биолог (но такой науки еще не существовало), ограничивается простым включением человека в череду творения животных и переходит к арифметическому истолкованию догмата Троицы.

Гильом Коншский, уместивший в небольшой трактат под скромным названием «Философия» и космогонию (рассказ о творении), и космологию (т.е. собственно образ насущного мира), и богословие, нашел в конце, в четвертой книге, место и для антропологии. Поверхностное знание новшеств греко-арабской медицинской мысли, пришедших с переводами монтекассинского монаха Константина Африканского («Пантехни», «Исагог» Иоанниция), позволило ему

³⁸ *Jeuneau E. Lectio...* P. 93–99.

³⁹ В добротном латинском переводе Альфана Салернского было доступно сочинение Немезия Эмесского «О природе человека», развившего около 500 г. антропологию греческих Отцов IV в. *Немезий Эмесский. О природе человека* / Пер. Ф.С. Владимировского. М., 1998.

представить оригинальную для своего времени картину работы человеческого тела, с ее интересом к функциям конкретных органов, сексуальности и эмбриологии⁴⁰. С душой разобраться в считанных параграфах оказалось сложнее, на что указывает уже череда вопросов, которыми забрасывает себя и читателя наш автор, словно вторя дискуссиям со школярами («Философия». IV, XXVIII, 50). Очевидно, что физикалистская аргументация дает здесь сбой. Кроме того, за «Философию» молодому лектору пришлось ответить: соратник Бернарда Клервоского, талантливый богослов Гильом из Сен-Тьерри обвинил тезку в злоупотреблении «физикой» и непозволительном внедрении ее методов в сферу богословия: «физик и философ философствует о Боге с помощью физики».

Вопрос о бессмертной душе человека, естественно, оказался одним из ключевых в споре. Это во многом объясняет почти исповедальную, апологетическую тональность ответа Философа (автора) на каверзный вопрос Герцога (ученика) в его более позднем и пространном натурфилософском диалоге «Драгматикон», написанном при нормандском дворе примерно двадцать лет спустя, в 1140-х годах: «*Герцог*: Ты какого мнения придерживаешься? Того, что все души созданы одновременно, или того, согласно которому новые души творятся каждый день? *Философ*: Я христианин, а не платоник! Вместе с Августином я верю и чувствую, что новые души творятся каждый день, не черенком, не из какой-либо материи, а из ничего, единою волей Творца. Но когда она творится – сразу после зачатия человека, или когда тело в матке становится способным ее принять, или в день, когда оно начинает шевелиться, или в час рождения – об этом я не читал»⁴¹.

Можно, конечно, представить себе, что, отрекаясь от своего Платона, наш философ просто дал слабину, как пришлось ему отказаться и от слишком вольного толкования сотворения Евы (Философия. I, XIII, 43). Возможно, мы слышим голос наученного горьким опытом, разочарованного магистра, не справившегося с воспитанием просвещенного клира в Шартре, оскорбленного (его оппонент, как часто бывало, в выражениях не стеснялся) и ушедшего на почетную пенсию растить барчуков. Однако и в «Философии» (IV, 26, 46) сквозит неуверенность, и Гильом вспоминает Вергилия:

Душ семена рождены в небесах и огненной силой
Наделены – но их отягчает косное тело⁴².

Перед нами не только «технический» вопрос о способностях и действиях души в человеке как «цельном творении», *omnis creatura*, но и меланхолическое размышление об ограниченных познавательных возможностях лишившегося благодати наследника Адама. Восхищение красотой творения, эпистемологи-

⁴⁰ Гильом Коншский. Философия. IV, VII–XXIV. *Jacquart D.* Les emprunts de Guillaume de Conches aux théories médicales // Guillaume de Conches... P. 109.

⁴¹ *Guillelmus de Conchis.* *Dragmaticon philosophiae.* VI, 25 / Ed. I. Ronca. Turnhout, 1997. P. 265.

⁴² Вергилий. Энеида. VI, 730–731 / Пер. С. Ошерова // Вергилий. Собр. соч. СПб., 1994. С. 236.

ческий оптимизм, желание воспеть и познать эту красоту, чтобы приблизиться к божеству, сочеталось у шартрцев с не менее прочно укорененным в сознании сомнением в собственных силах и даже с «презрением к миру». Такой настрой мы найдем как у мыслителей XII в., от Гильома до Алана Лильского, так и у многих их духовных наследников⁴³. Таков сам Данте, чьи сомнения до встречи с Беатриче не в силах разрешить даже его верный провожатый, потому что он сам, поэт и философ в одном лице, и есть человеческий разум во всеоружии, но все же лишенный божественного озарения⁴⁴.

* * *

В рамках философского трактата, даже такого диалогического и, следовательно, относительно амбивалентного, открытого по содержанию, как «Драгматикон», как и в рамках комментария на авторитетные античные и христианские тексты преодолеть пропасть между разными уровнями реальности шартрцы, видимо, не могли. Не в последнюю очередь это связано с самой сложностью библейского «по образу Нашему, по подобию Нашему» (Быт. 1, 26) – одновременно основы христианской антропологии и ее неразрешимой апории. Отцы и схоласты верили в то, что каждый человек становится человеком со всеми своими индивидуальными характеристиками в тот момент, когда обретает этот самый «образ Бога», *imago Dei*⁴⁵, верили примерно так же свято, как большинство из нас верит в генетику, гороскопы, бесконечность вселенной и рекомендации психотерапевта. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что доступный до Марсилио Фичино латинский «Тимей» в переводе и комментарии Халкидия (конец III в.) был лишен своей второй части, после 58В, где начинается рассказ «с другой точки зрения» и повествуется о микрокосмосе, человеке⁴⁶. По-настоящему включить драму человека – его Падение и его Спасение – в драму мира

⁴³ *Bultot R. Cosmologie et 'contemptus mundi' // Sapientiae doctrina. Mélanges de théologie et de littérature médiévales offerts à dom Hildebrand Bascour, O. S. B. (Recherches de théologie ancienne et médiévale. Numéro spécial). Leuven, 1980. P. 1–23; Voskoboynikov O. Dignité et misère de l'homme selon Michel Scot, avec un excursus sur la vie intellectuelle de la cour de Frédéric II // Coexistence and Cooperation in the Middle Ages / Ed. A. Musco, G. Musotto. Palermo, 2014. P. 1561–1567. Знаменитый трактат кардинала Лотарио де Сеньи «О ничтожестве человеческого состояния» (*De miseria humanae conditionis*) в переводе И.И. Аникьева и с нашим предисловием см. в кн.: *Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / Ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2017 С. 246–325.**

⁴⁴ *Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. III, 34–45 / Пер. М. Лозинского. М., 1967. С. 167.*

⁴⁵ Об этой идее в XII столетии см.: *Javelet R. Image et ressemblance au XIIe siècle. De Saint Anselme à Alain de Lille. P., 1967. P. 169 ss, 450–461.*

⁴⁶ *Calcidio. Commento al «Timeo» di Platone. Testo latino a fronte / A cura di Cl. Moreschini. Milano, 2003.* Этот комментарий, по сути, энциклопедический трактат, считался необходимым подспорьем для чтения платоновского диалога на протяжении всего Средневековья, поэтому его значение для средневековой космологии так же велико, как наследие Боэция, Макробия и Марциана Капеллы. *Dronke P. The Spell of Calcidius. Platonic Concepts and Images in the Medieval West. Firenze, 2008.*

могла только литература, основанная на библейском рассказе, в особенности поэзия, как на латыни, так и на новых языках⁴⁷. Она же, будучи по определению иносказанием, могла уберечь от обвинения в ереси: изгонять, арестовывать и вообще серьезно наказывать за стихи стали намного позже.

Что значит для Шартра поэзия? Чтобы ответить на этот вопрос, для начала следует назвать бытовавшие в то время формы поэтического творчества, Шартру не интересные: стихотворения на случай, любовная, литургическая, агиографическая, мифологическая, историческая поэзия. Таким образом, и для Бернарда Сильвестра, и для идущего за ним Алана Лилльского поэзия не цель, а средство, специфическая философская спекуляция, подкрепленная поэтической интуицией⁴⁸. Шартрский поэт в первую очередь мыслитель, но мыслитель, которому для выражения смысла нужен метр. Именно поэзия позволяет вывести любой рассказ, будь то миф или Книга Бытия, Эвридика или Рахиль, в особое временное пространство, непонятно где начавшееся и непонятно где заканчивающееся. А можно было и вовсе уместить его во сне, как делает «Плач Природы». Мало ли что может присниться, подумает средневековый читатель. Но и библейская экзегеза, воплощенная в литургии, сделала возможным прочтение священной истории, выходящее за рамки обыденного, бегущего времени. Шартрцы к такой вневременной экзегезе прибавили многое из античной классики, а заодно и само мироздание. Эта временная неопределенность, которую мы резонно можем оценить именно как поэтическую, и есть то, что отличает поэтический подход к космологии от строго философского. Поэтическая интуиция оперирует такими нюансами, которые не то чтобы недоступны философу по определению, но недопустимы по жанру. В дискурсивной аргументации Гении, Имармене, Разумы и Энделихии не могут путешествовать, жестикулировать, выражать радость или печаль, сомневаться или жаловаться. Для философии такое «поведение» категорий – абсурд, в равной мере и в XII в., и сегодня: категории не могут вообще «себя вести», они пребывают. Божественный Разум, которого мы встретим у Бернарда Сильвестра, выражаясь языком С.С. Аверинцева, никогда «не грешит против осанки», он величаво «присутствует», благосклонно внимает, соглашается, отпускает. Но Природа, по меньшей мере, склонна к жалобе, нуждается в помощи, немеет от восторга, сомневается, разыскивает, у Алана же, а вслед за ним у Иоанна Овильского, веком позже в «Романе о Розе», непрестанно плачет, и сам плач ее дает авторам повод взяться за труд и поразмышлять поэтически над устройством вселенной.

Невозможно себе представить, чтобы природа заплакала у Гильома Коншского или у Теодориха Шартрского, не плачет она и в «Тимее», не говоря уже о Книге Бытия. А это значит, что внутри Шартрской школы мы находим

⁴⁷ Нарождающаяся с конца XII в. аллегорическая поэзия на романских языках непосредственно связана с активно развивавшейся тогда же библейской экзегезой: *Jauss H.R. Alterität und Modernität der mittelalterlichen Literatur. Gesammelte Aufsätze 1956–1976. München, 1977. S. 152–154.*

⁴⁸ *Bourgain P. Entre vers et prose... P. 211.*

совершенно разный подход к мирозданию и его литературному истолкованию. Между тем точно так же сугубо литературно, поэтически оправданы непрекращающиеся стенания Карла Великого в «Песни о Роланде». Плач Природы, ее встречи и прощания с другими действующими лицами, как и слезы Карла, позволяют выразить во всей их сложности те проблемы, которые волновали не только философов и богословов. «Космография» и «Плач Природы» не давали решений потому, что они не были философскими, схоластическими трактатами, но схоластический трактат следующего столетия, со всей его видимой систематичностью и «окончателностью», как и весь схоластический синтез, вряд ли стал бы возможен без этой поэзии. Не случайно «Космография» посвящена Теодориху Шартрскому, и только его – философа – устное одобрение дало великой поэме путевку в жизнь. Вслед за ним поэму одобрил просвещенный понтифик – Евгений III, цистерцианец!

Уинтроп Уэзерби, один из вдумчивых читателей, комментаторов и переводчиков шартрских текстов, считает, что предмет поиска Бернарда и Алана вообще вне всякого рационального объяснения и что поэзия для них высшая точка разумного видения⁴⁹. Возможно, он немного утрирует. Но очевидно, что и Бернард, и Алан сознательно запутывают нас, читателей, настолько, что мы уже не можем разобрать, идет ли речь о мире или о человеке, о грамматике или о морали. Алан на этом извилистом пути пошел дальше всех, возможно, достигнув высочайшей точки стилистического развития, добившись максимальной смысловой «тесноты стихового ряда» (Тынянов). Эта «витиеватость» мастерски передана в переводе Р.Л. Шмаракова: его видимая тяжеловесность релевантна тяжеловесности Алана. У обоих авторов проза в своей «тесноте» и ритмизованности сродни их же поэзии, но Бернард все же доступнее, даже когда сознательно темнит.

Перед нами глубокая игра, потому что для них такое наложение друг на друга абстрактного и конкретного в их собственных произведениях отражает все тот же универсум, *universitas rerum*, восходящую к божественной воле подобно тому, как множественное восходит к единому у Платона или у Теодориха Шартрского. Любая поэзия иносказательна, любая риторика пользуется фигурами. Но шартрская метафорика не набор фигур речи, она – система мысли. Эта система – главная находка Шартра в истории литературы. Поэзия открывает в Шартре двери к философии и космологии. Соединяя несоединимые слова в самые замысловатые фигуры, она позволяет схватить – не обязательно понять в строгом смысле этого слова – те глубинные, зачастую иррациональные аналогии, на которых зиждется Божий мир. В этом шартрцы, при всей их сложности, безусловно, выразители общей средневековой картины мира и средневекового христианского типа мышления. Их находки были переведены на язык учебников поэтики их учениками Матвеем Вандомским и Готфридом Винсальвским: их усилиями нормативная риторика воплотилась в норматив-

⁴⁹ *Wetherbee W. Platonism and Poetry... P. 67–73.*

ной поэтике⁵⁰, а это, в свою очередь, нашло отклик у поколений школяров, писавших уже не только на латыни, но и на новых языках. Среди них были Гильом де Лоррис, Жан де Мен, Данте и многие другие.

Унаследованная от «Тимея» «душа мира», *anima mundi*, стала одной из опасных «метафор», трактовка которых могла вылиться в серьезные споры и неприятности для слишком смелых толкователей, например, для Абельяра и Гильома Коншского⁵¹. Не принадлежа ни философии, ни богословию, она стала, что называется, «чем-то третьим», *tertium quid*, ничейной землей. В «Космографии» Бернарда Сильвестра она названа Энделихией, получив одну из ключевых ролей в космогонической драме. Позаимствованное у Марциана Капеллы, это имя соединило в себе аристотелевские *ἐντελέχεια* (русская калька «энтелехия», абсолютное совершенство, достижимое органической природой) и *ἐνδελέχεια* (продолжительность, непрерывность). Получилось что-то вроде высшей и вечно длящейся формы жизни, дарующей внутреннюю жизнь индивидуальной человеческой душе наряду с солнцем, ответственным за земную жизнь⁵². Для подобной, мировоззренчески и философски вполне объяснимой контаминации образов достаточно было *как бы* закрыть глаза на пару букв, прием вполне типичный не только для Средневековья⁵³.

Чтобы остаться в рамках ортодоксии и не ставить знак равенства между нехристианским по происхождению понятием и одним из лиц Троицы, Бернард Сильвестр, мирянин, и Алан Лилльский, цистерцианец, отдали спорную территорию «Гениям». В «Космографии» это проводники идей и жизненной силы: верховный Разум (*Noys*, грамматически существо женского рода), Мир, Энделихия, Природа (*Natura*), Имармене, Физис, Урания. Для создания – по поручению Разума – человека Природе приходится отправляться на поиски сначала Урании, потом вместе с ней пересечь все звездные сферы, чтобы в загадочном Гранусионе обрести Физис с двумя ее дочерьми: Теорией и Практикой. Собранный после долгих странствий творческий коллектив, под присмотром

⁵⁰ Гаспаров М.Л. Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 1986. С. 160.

⁵¹ *Silverstein Th.* The Fabulous Cosmogony of Bernard Silvestris // *Modern Philology*. Vol. 46. N. 2. 1948. P. 114–116. Вслед за Сильверстейном вопрос о спорах вокруг души мира подробно исследован в ранней работе Туллио Грегори (*Gregory T. Anima mundi...*).

⁵² *Scoto Eriugena, Remigio di Auxerre, Bernardo Silvestre e Anonimi.* Tutti i commenti... P. 106; *Dronke P.* *Fabula.* Explorations into the Use of Myth in Medieval Platonism. Leiden; Köln, 1974. P. 109–112; *Donati M.T.* *Metafisica, fisica e astrologia nel XII secolo.* Bernardo Silvestre e l'introduzione «*Qui caelum*» dell'«*Experimentarius*» // *Studi medievali.* Serie III. Anno 31/1. 1990. P. 672–675.

⁵³ Адольф Дик, профессиональный филолог-классик, тоже решил «поправить» чтение всех (!) рукописей, легших в основу его издания Марциана, и превратил «*Endelichia*» в более понятную и привычную ему «*Entelechia*»: *Martianus Capella.* Op. cit. I. 7. P. 7. Хорошо, что он хотя бы объяснился с читателем с помощью критического аппарата. Мы должны учитывать, что в распоряжении шартрцев были именно рукописи, а не критическое издание наших дней.

Разума, вновь явившегося на сцену с речью о достоинстве человека, творит, наконец, Микрокосмос, венчая, тем самым, творение. Таков литературный миф Бернарда, рассказ о событиях, вдохновленный космогоническим мифом «Тимея». Но наряду с рассказом о событиях, наряду с фабулой, перед читателем предстает и настоящая картина мира и человека, с каталогом растений, рыб, включая тех, что можно было, видимо, купить на рынке в Туре, городе, где преподавал Бернард, со «зверинцем», где каждое животное наделено каким-то «украшением» вроде хвоста, рогов, клыков, с подробным описанием работы человеческого тела, таким же точным, как у Гильома Коншского. Этот гимн человеческому телу, более лаконичный, чем в прозе Гильома, но по-своему и более выразительный, заканчивается, а вместе с ним и вся поэма, на первый взгляд неожиданно – замечательным прославлением гениталий.

Безусловно, Бернард писал в эпоху, когда любовная лирика уже вновь получила право на жизнь. Безусловно, он мог опереться и на известный ему, но еще не обретший авторитетности герметический трактат «Асклепий», утверждавший присутствие божества, радость, веселье, высшую любовь (*summa caritas, laetitia, hilaritas, cupiditas amorque divinus*) в половом акте. Точно так же Гильом Коншский в своем прозаическом описании сексуальности опирался на трактат «О соитии» Константина Африканского, поколением раньше засвидетельствовавший возрождение сугубо научного, свободного от всякого морализаторства интереса к отношениям полов. Можно спорить о деталях, например, что за «гении» имеются в виду Бернардом: только соответствующие мужские органы или сражающиеся вместе за продолжение рода органы мужчины и женщины. Мне кажется, Бернард сознательно оставляет читателя в мире двусмысленностей, заставляет непобедимых даже для смерти *genii* сражаться с ней *genialibus armis*, «генетическим оружием», хотя они надежно «скрыты», *latent*, как и положено «сраму», *rudenda*. Очевидно, что для него важны созвучия с корнем «gen» для построения нового, в том числе в отношении нехристианских авторитетов, образа мироздания, держащегося на радости, даримой любовью, воистину движущей «солнце и светила»⁵⁴. Перед нами именно поэма, картина, в которой план содержания неотделим от плана выражения, потому что, по меткому замечанию Брайана Стока, Бернард настоящий поэт космоса. Как задолго до него Платон и лишь косвенно знакомый ему Лукреций, он постарался выстроить мировой порядок прямо перед глазами читателя⁵⁵.

В поэтической инсценировке место Бога занял Разум, а Природа, действующее лицо, наряду с другими, обрела самостоятельную роль и в картине мира

⁵⁴ То, что Данте знал бернардов комментарий на «Энеиду», не вызывает сомнения (*Thompson D. Dante and Bernard Silvestris // Viator. Vol. 1. 1970. P. 201–206*). Возможно, однако, что его вдохновила и «Космография», содержащая ровно тысячу поэтических строк: внимательный к архитектуре текста поэт не мог не заметить особой стройности латинской поэмы.

⁵⁵ *Stock Br. Myth and Science in the Twelfth Century. A Study in Bernard Silvester. Princeton, 1972. P. 18*. См. также: *Dronke P. The Medieval Poet and His World. Roma, 1984. P. 466–470*.

тех, кто подобную тонкую аллегорезу, одновременно философскую и поэтическую, был в состоянии понять и оценить. Таких в XII в. было немало. Для них Природа, действуя в мире и в человеке, стала дополнительным наряду с божественной благодатью гарантом физических и моральных устоев мироздания⁵⁶. Границы этой новой силы, ее «юрисдикция» – ключевая тема шартрской мысли. Поистине эпические масштабы она обрела в «Космографии» Бернарда, этой небольшой «повести о творении, рассказанной с точки зрения твари»⁵⁷. Важно, что это сочинение, называемое в науке то эпосом, то поэмой, то в строгом смысле слова прозиметром, в конце 1140-х годов было представлено автором на суд папы Евгения III. Понтифик на время бежал во Францию и вынужден был решать в Реймсе инициированный Бернардом Клервоским спор вокруг богословских воззрений Жильбера Порретанского, также изначально шартрского магистра, затем епископа Пуатье. Спор, кстати, закончился не в пользу авторитетного аббата Клерво, несмотря на то, что пизанец Евгений III вышел из цистерцианского ордена. Nil obstat получили тогда и мягко говоря неоднозначная «Космография», и столь же подозрительные первые сочинения Хильдегарды Бингенской. Тем не менее подобная терпимость предполагала предварительную проверку, своего рода *sensura graevia*⁵⁸. Бернард Сильвестр и Хильдегарда не стали повторять ошибок Абеяра, но если творчество Хильдегарды осталось надолго забытым после ее кончины, то без «Космографии» немислимы ни Алан Лильский, ни обе части «Романа о Розе», ни в определенной степени «Божественная комедия».

* * *

Не будем приписывать Шартру изобретение поэтической космологии. Сочетавших метр с прозой Марциана Капеллу, Боэция, Макробия, псевдо-Апулея, не говоря уже о Вергилии, здесь комментировали с такой же серьезностью, как формально прозаический, но глубоко мифопоэтический по своей духовной направленности «Тимей». О своем долге по отношению к этим классикам здесь никогда не забывали: на это указывают сотни явных и неявных отсы-

⁵⁶ *Gregory T.* Platonismo medievale. Studi e ricerche. Roma, 1958. P. 135–150; *Chenu M.-D.* Op. cit. P. 30–34; *Economou G.* The Goddess Natura in Medieval Literature. Cambridge; Mass., 1972. P. 63. Новые подходы к известной медиевистике проблеме морализаторской роли природы суммированы во вводной статье Майке ван дер Лугт: *Van der Lugt M.* L'autorité morale et normative de la nature au Moyen Âge. Essai comparatif et introduction // La nature comme source de la morale au Moyen Âge / Textes réunis par M. Van der Lugt. Firenze, 2014. P. 3–39.

⁵⁷ *Льюис Кл.* См. Указ. соч. С. 115. См. также: *Jolivet J.* L'univers de Bernard Silvestre // Aristote, l'école de Chartres et la cathédrale. Actes du Colloque Européen des 5 et 6 juillet 1997. Chartres, 1997. P. 65–72.

⁵⁸ *Godman P.* The Silent Masters. Latin Literature and its Censors in the High Middle Ages. Princeton; NJ, 2000. P. 140–148, 335–336; *Bejezy I.* Tolerantia: a Medieval Concept // Journal of the History of Ideas. Vol. 58. 1997. P. 365–384.

лок к соответствующим текстам во всех сочинениях, представленных в нашем издании. Картина мира шартрцев, раскрывающаяся перед нами в «Трактате» Теодориха, «Философии» Гильома Коншского или «Космографии» Бернарда, попросту немислима без их комментариев к классикам. Для них самих вся их творческая деятельность и есть раскрытие классиков⁵⁹. Уже современники воздали должное своим гуманистам, помещая в один переплет их произведения со схожими по тематике и направленности сочинениями древних, как языческих, так и христианских: «Вопросы о природе» Аделарда Батского – с «Вопросами о природе» Сенеки, «Образ мира» Гонория Августодунского и «Философию» Гильома Коншского – с трактатами Исидора Севильского и Беды Достопочтенного. Смысловая глубина «Тимея» и «Энеиды» воспринималась одинаково и описывалась в схожих выражениях, ведь и величайший философ, и величайший поэт не бросали случайных слов на ветер, но пользовались «покровами», *integumenta*, по сути – мифами, для выражения истины⁶⁰.

«Покров представляет собой род доказательства, облачающий объяснение истины в сказочный рассказ, поэтому он называется также облачением». Таково простейшее объяснение, которое Бернард Сильвестр дает своему методу, принимаясь за комментирование «Энеиды»⁶¹. Казалось бы, речь просто об иносказаниях, если бы не далеко шедшие – и осуществившиеся – планы автора. Он постарался дать поэзии новый статус в системе знаний о мире, оставив в стороне исторический пласт великой латинской поэмы, но прочитав ее как космологический трактат⁶². Поэтому и «гесперийский песок», на который «молодежь спешит в нетерпенье» (Энеида, VI, 5–6), становится у него «началом поэтического воспитания», ведущего через красноречие к высотам философии, а весь путь Энея – не предыстория римского народа, а странствие взыскующего высшей мудрости, но постоянно встречающего препятствия и искушения человека. От этого прочтения, причем, видимо, коллективного, школьного, прямой путь лежал к «Космографии», что само по себе подтверждает принадлежность

⁵⁹ *Wetherbee W.* Philosophy, Cosmology, and the Twelfth Century Renaissance // *A History of Twelfth-Century Philosophy* / Ed. P. Dronke. Cambridge, 1988. P. 27.

⁶⁰ *Dronke P.* Intellectuals and Poets in Medieval Europe. Roma, 1992. P. 63–79; *Jeuneau E.* Introduction // *Guillelmus de Conchis. Glosae super Platonem* / Ed. E. Jeuneau. Turnhout, 2006. P. XLVI–LIII. «Энеиду» читали как энциклопедию и как аллегорию спасительного странствия, отсюда роль Вергилия у Данте. Судя по недавно реконструированной доксографической традиции тех веков, путь великого латинского поэта от образа мудреца до образа чародея был недолгим: *Véronèse J.* Virgile et la naissance de *l'ars notoria* // *The Medieval Legends of Philosophers and Scholars. Micrologus. XXI.* 2013. P. 219–242.

⁶¹ «*Integumentum vero est genus demonstrationis sub fabulosa narratione veritatis involvens intellectum, unde et involucrum dicitur*». *The Commentary on the First Six Books of the 'Aeneid' of Vergil Commonly Attributed to Bernardus Silverstris* / Ed. J. Jones, E. Jones. Lincoln, Neb., 1977. P. 3.

⁶² *Jolivet J.* Les rochers de Cumes et l'antre de Cerbère. L'ordre du savoir selon le commentaire de Bernard Silvestre sur *l'Énéide* // *Pascua Mediaevalia. Studies voor J. De Smet* / Ed. R. Lievens. Louvain, 1983. P. 263–276.

«Комментария на первые шесть книг “Энеиды”» Бернарду. Успех Бернарда отчасти объясним важностью темы «двусмысленности» в философии того времени: все *ambiguitates*, *multivocationes*, *equivocationes* несли с собой различные референции и коннотации, дополнительные, но и сбивающие с толку смыслы, ведущие к ошибкам и, в конечном счете, ко лжи, *fallaciae*. Следовательно, в сознании философов, они требовали настоящего логического разбора, которому Бернард мог научиться, например, по «Софистическим опровержениям» Аристотеля, только что открытым не кем иным, как Теодорихом Шартрским:

Логики узел рассек и умом проник он в глубины,
 Коих доселе никто в век наш достигнуть не мог:
 И аналитики первым, и опровержения первым
 Понял, и галлам, собрав греков богатства, принес⁶³.

Но посмотрим на литературоведческую технику Бернарда в действии. Вот что он пишет об уже знакомом нам Меркурии: «Под Меркурием иногда разумей звезду, иногда – красноречие. Звезду – как в той сказке, где ты прочтешь, как Венера прелюбодействовала с Меркурием, понимая, что эти звезды, идя рядом, соединяют свои воздействия; красноречие – где Меркурий ищет брака с Филологией. “Красноречие без мудрости мало полезно, даже мешает”; изображается оно в виде птицы или пса, потому что речь быстро бежит. Говорят, оно держит в руках палку, чтобы разгонять змей, ведь оно владеет интерпретацией, разводящей сошедшихся в драке брызжущих ядом спорщиков. Оно считается лучшим вором, поскольку способно одурачить слушающих, и лучшим торговцем, ведь красноречием купцы сбывают товар. Вот и говорят: Меркурий, как бы *mercatorum kirios*, т.е. бог, или Меркурий – *medius discurrens*, или Меркурий – *mercatorum cura*, или Меркурий – *mentium currus*, поскольку он ведет мышление. А Гермесом он зовется как толкователь, ведь *hermenia* есть истолкование»⁶⁴. В конце такого пассажа мы уже совсем далеко от четвертой книги «Энеиды», где Меркурию собственно никакой особо активной роли не предлагается.

Если оставаться в рамках метафорики того времени, перед нами сцепленные друг с другом чисто словесными застевками «одеяния». Имя разлагается на слоги для создания новых, псевдо-этимологических, с нашей точки зрения, смыслов. «Господь купцов», «средний бегущий», «забота торговцев», «телега умов», «герменевт». В лучшем случае, непереводаемая на русский словесная игра, если не словоблудие, но игра по-своему серьезная, потому что вскоре, в эпоху главенства «астрологического стиля мышления» (Ф. Болль) такая мифотворческая фантазия на тему ни в чем не повинной планеты могла привести к несовместимому с христианством астральному детерминизму. Бернард Сильвестр, посвятивший доказательству свободы человека от звездами начер-

⁶³ Эпитафия Теодориха Шартрского. 26–29.

⁶⁴ The Commentary on the First Six Books... P. 25.

танного рока целую замечательную поэму «Астролог», парадоксальным образом может считаться одним из создателей и популяризаторов астрологической вселенной позднего Средневековья⁶⁵.

Такова диалектика парадокса, многое объясняющая и в творчестве, и в мировоззрении Бернарда Сильвестра и его последователей. Такова сознательно заданная амбивалентность его «Космографии», уже заметная в работе над авторитетным текстом. Нанизывая *integumentum* на *involucrum*, *quia* на *id est*, *quasi* на *vel*, но всегда внимательный к *звукописи*, к тому, как прозвучит весь пассаж, он создает что-то вроде системы звуковой аргументации. Ведь именно в звучании, точнее в совместном звучании разрозненных образов поэзия становится поистине интеллектуальным дискурсом, аргументом в споре. Тогда она способна конкурировать с философией в создании новой картины мира.

Расшифровывая эти мифы, пользуясь инструментарием «литературоведа», шартрский грамматик и поэт обнажал не просто диалектику мифа, не только литературные особенности авторитетного текста. Перед глазами читателя, как он верил, вставала сама истина. Многозначность и противоречивость мифов, различные способы их истолкования – предмет не беспокойства, а радости для комментатора, его хлеб насущный⁶⁶. Более того, создавая собственные сочинения, иные авторы уже заявляли их многозначность, как бы закладывали в них амбивалентность, в чем не стеснялся признается, например, Алан Лилльский в начале своего «Антиклавдиана»⁶⁷. Конечно, претендовать на многоэтажность

⁶⁵ Подробный анализ «Астролога» см.: *Godman P.* Op. cit. P. 242–263. Особую роль Бернарда Сильвестра в становлении астральной иконографии Запада отстаивает Дитер Блюме, хотя его анализ представляется несколько предвзятым и снимает проблему многозначности поэзии. Я совершенно не уверен, что Бернард верил в астрологию так, как верят в нее иные наши современники или как верил в нее современник Бернарда, Раймунд Марсельский, автор первых самостоятельных трудов по астрологии, написанных на христианском Западе. *Blume D.* *Regenten des Himmels. Astrologische Bilder in Mittelalter und Renaissance.* В., 2000. S. 26–34. О метафорах и астрологии XII–XIV вв. ради имеющейся там библиографии отсылаю к моей статье: *Воскобойников О.С.* О языке средневековой астрологии. (О применении риторических понятий в истории культуры) // *Одиссей. Человек в истории.* 2007. С. 82–110.

⁶⁶ Так Гильом Коншский трактует миф об Орфее в «Утешении философией» (3, ст. 12): «Стоит беспокоиться не о множественности изложений, это повод порадоваться, но о противоречиях, если таковые не в изложении встретятся». Цит. по: *Jeaneau É.* *Lectio...* P. 139. Другие примеры этимологической аллегорезы языческих мифов в XII в. можно найти в единственной, насколько мне известно, монографии, посвященной полностью феномену средневековой этимологии: *Klink R.* *Die lateinische Etymologie des Mittelalters.* München, 1970. S. 151–168.

⁶⁷ «In hoc enim opere litteralis sensus suavitas puerilem demulcet auditum, moralis instructio perficientem imbuet sensum, acutior allegorie subtilitas proficientem acuet intellectum» («В этом произведении буквальный смысл умастит слух детей, моральное наставление напитает формирующийся ум, тончайшая же аллегория заострит достигший высот интеллект»). *Alanus ab Insulis.* *Anticlaudianus.* Prologus. 7–10 / Ed. R. Bossuat. P., 1955. P. 56. Отделить «мораль» от «аллегории» в этом витиеватом сочинении было непросто уже первым комментаторам того времени, в частности Радольфу Лоншанскому, продолжателю шартрского дела на рубеже XII–XIII вв. *Radulphus de Longo Campo.* In *Anticlaudianum Alani commentum* / Ed. J. Sulowski. Wrocław, 1972; *Caiazza I.* Discussions sur les quatre éléments chez Alain de Lille

своих интеллектуальных новостроек, их экзегетическое равенство с Писанием, открыто посмел, кажется, только Данте, и то не внутри поэмы, а лишь в письме Кангранде (если мы признаем аутентичность соответствующего его раздела), посвящая ему «Рай»⁶⁸. Но Алан и его аллегорические поэмы немыслимы без «Космографии»: даже если Бернард нигде не дает своим читателям литературоведческих наставлений, стиль и структура его произведения, в поэзии и в прозе, предполагали медитативное чтение и готовность видеть в одной синтагме несколько смыслов. Вряд ли новая читающая и пишущая элита не отдавала себе отчета в том, что библейская экзегеза была не чем иным, как таким же откровением сокровенного⁶⁹. Но, во-первых, авторитетность комментируемого текста оставалась несопоставимой, во-вторых, конкретные приемы этой работы и ее общемировоззренческая «юрисдикция» оставались предметом серьезных дискуссий между отдельными авторитетами, целыми школами и духовными властями.

Платоновский диалог «Тимей», излагающий миф о сотворении мира, пусть урезанный, обладал для шартрцев высочайшим авторитетом именно потому, что давал ключ к истолкованию природы, являл одновременно мудрость божественного творческого замысла и достоинство познающего человеческого разума. Знаменитый боэциев молитвенный гимн «О зодчий мира» («Утешение философией», III, ст. IX), гениальное в своей краткости и точности изложение «Тимея», по достоинству ценился уже во времена Эриугены, любили его и в Шартре XII столетия⁷⁰. Для них великий философ – такой же «наш», *Boetius noster*, как любой Отец церкви. Краткое анонимное «Объясненьце», *Explanatiuncula*, по тональности близкое Шартру, давало мыслителю того времени некоторое представление о том, как читать именно боэциевскую поэзию. Сделано это с замечательным чувством такта, что само по себе симптоматично для своего времени⁷¹. Современные комментаторы верно подметили, что поэтические пассажи «Утешения», посвященные описанию гармонии мира, не вполне соответствуют морализаторской прозе диалога между узником и утешительницей: воспевая красоту и упорядоченность вселенной, они не отрицают присутствия в ней и разрушительных сил, но все же скрывают невозможность для человека быть полноценным членом этой гармонии, гораздо более очевид-

et Raoul de Longchamp // Alain de Lille, le docteur universel. Philosophie, théologie et littérature au XIIe siècle / Éd. J.-L. Solère et al. Turnhout, 2005. P. 145–167.

⁶⁸ Данте Алигьери. Письмо XIII, к Кангранде делла Скала. 20–25 // Данте Алигьери. Малые сочинения. М., 1967. С. 387. В более раннем «Пире» он осторожнее и подчеркивает разницу в понимании иносказания богословами и поэтами. *Он же*. Пир. II, I // Там же. С. 135–137.

⁶⁹ Gregory T. *Mundana sapientia...* P. 178–179.

⁷⁰ Huysens R. B. C. *Mittelalterliche Kommentare zum «O qui perpetua» // Sacris erudiri*. Bd. 6. 1954. S. 373–427. *Commentaries on Boethius by Thierry of Chartres and his School* / Ed. N. Häring. Toronto, 1971.

⁷¹ München. Bayerische Staatsbibliothek. Clm 14689, fol. 88 r–9 r. Комментарий был обнаружен Андре Верне и опубликован о. Эдуаром Жоно: *Jeauneau E.* Op. cit. P. 309–332. «Boetius noster»: Ibid. P. 323.

ную в прозе и нарастающую к концу сочинения⁷². Философия – одновременно интеллектуальный спутник, моральный врачеватель и небесная возлюбленная автора – вроде бы берет верх над Фортуной, но важно, что выразительные средства поэзии сами по себе уже аргумент в споре. «О зодчий мира», как сказано выше, одновременно гимн и молитва, Бозций умоляет «Отца» дать узреть молящемуся небесный порядок в хаосе земного мира. Но говорит-то не он, а Философия! В то же время, используя глаголы в повелительном наклонении второго лица (*da, dissice, mica*), Философия не указывает на себя местоимениями первого лица. Такое смешение лиц – совсем не философского свойства, зато мы можем считать Бозция гениальным поэтом так же справедливо, как лучшим философом своего непростого времени.

Диалектика «Утешения», ее находка на века, не только в беседе Философии с пленником (напомним, что автор томится в тюрьме, обвиненный в проконстантинопольском заговоре против готского короля Теодориха), но в более широком смысле, в диалоге между рациональной прозаической аргументацией и поэзией⁷³. В этом совершенном сочетании формы и содержания причина особого отношения к Бозцию в XII в., впервые воздвигшем ему настоящий интеллектуальный памятник и не случайно образно названном «веком Бозция», *aetas boetiana*⁷⁴. Как введение поэзии в философское сочинение, так и применение гибких поэтических формул для придания субъективным переживаниям – страхам, надеждам, сомнениям – хотя бы видимости философской объективности вело к новым открытиям в словесном творчестве⁷⁵. Само философствование, не только в Шартре, но и поколением раньше, у «луарских поэтов» –

⁷² Сочетание поэзии и прозы в «золотой книге» Бозция хорошо известно нашим исследователям его творчества, но все же, насколько я знаю, не становилось предметом их специального внимания. *Майоров Г.Г.* Судьба и дело Бозция // *Бозций*. Указ. соч. С. 391–413; *Он же*. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 358–378; *Уколова В.И.* «Последний римлянин» Бозций. М., 1987; *Тоноян Л.Г.* Логика и теология Бозция. СПб., 2013. Влияние Бозция на логику и богословие Средневековья, давно подробное изученное Пьером Курселем, описано в этой работе фрагментарно (с. 260–269).

⁷³ *Бозций*. Утешение философией. 3, проза 12; *Dronke P.* The Medieval Poet... P. 453–456; *Weitherbee W.* Platonism and Poetry... P. 77. Дронке видит в позднеантичном и средневековом «прозиметре» продолжение менипповой сатиры и на целом ряде примеров показывает, что эта форма позволяла средневековым писателям представить истину не в «официальной версии», а как столкновение мнений, смешение серьезного и смешного, высокого и низкого: *Dronke P.* Verse with Prose from Petronius to Dante. The Art and Scope of the Mixed Form. L., 1994. P. 22–46. Не случайно методологически он опирается на первую книгу Михаила Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», впервые опубликованную в 1924 г. См. также: *Pabst B.* Prosimetrum. Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter. Köln, 1994. S. 158–196.

⁷⁴ *Chenu M.-D.* Op. cit. P. 142. Более подробно: *Courcelle P.* La Consolation de philosophie dans la tradition littéraire. P., 1967.

⁷⁵ *Garin E.* Medioevo e Rinascimento. Roma; Bari, 1973. P. 47–62; *McKeon R.* Poetry and Philosophy in the Twelfth Century: The Renaissance of Rhetoric // *Critics and Criticism, Ancient and Modern* / Ed. R.S. Crane. Chicago, 1952. P. 300.

Марбод Реннского, Бальдрика Бургейльского и Хильдеберта Лаварденского, – в среде вагантов инсценировалось, превращалось в драму, обретая нового читателя. В сатирической «Метаморфозе епископа Голиафа» вслед за олимпийцами на сцену пришлось выйти философам, от досократиков до современных анонимному автору, явно школяру, властителей дум: «Шартрского магистра» (видимо, Теодориха Шартрского), Абеяра, Викторинцев, Порретанцев, магистров школы Малого Моста⁷⁶.

Характерно, однако, что Абеяра, как и шартрцы, видевший в древних провозвестников христианства наравне с ветхозаветными пророками, лишь однажды пожелал увидеть в «Тимее» типологический образ: физический мир интересовал его намного меньше, чем Гильома Коншского или Теодориха Шартрского, поэтому при комментировании Писания авторитеты чаще оставались для него, что называется, «литераторами». Как и часть его современников, он смотрел на «литературу» и *poetica figmenta* несколько свысока (например, в «Теологии для школяров»). В «Саду наслаждений», духовной энциклопедии, написанной эльзасской аббатисой Геррадой Ландсбергской для своих сестер, поэты, «сиречь маги, пишущие сказки по наущению нечистого духа», изгнаны из круга философии⁷⁷. Двумя поколениями раньше подобные сомнения разделял Гуго Сен-Викторский⁷⁸. Это не ретроград, он не запрещает поэзию или историю, но сознает их амбивалентность и расставляет акценты согласно своим представлениям о целях христианской науки: ученым можно стать лишь с помощью наук, *artes*, только в них содержится «чистая и простая истина», их «аппендиксы», *appenditia*, лишь помощники, сами по себе не несущие совершенства. Значит, нет совершенства и в том, что восхищало и восхищает в поэзии – умении гармонически соединить несоединимое? Вряд ли Гуго принял бы написанную в сотне миль от его парижского канониката «Космографию», но ко времени ее появления великого Викторинца уже не было в живых.

От такого же важного для Шартра Макробия можно было узнать, что «философы не напрасно и не для забавы обращаются к сказочному, рассуждая о низших богах и Душе. Ведь известно, что Природе противно, когда ее выставляют открытой и обнаженной, она не дает познавать себя, прячась от чувств обычных людей за завесой и покровом многообразных вещей, и хочет, чтобы мудрые рассуждали о ее тайнах посредством сказочного»⁷⁹. Но в той же

⁷⁶ *Metamorphosis Golye episcopi. Versus 169–236* / Ed. R. B. C. Huygens // *Studi medievali*. 3 Serie. Vol. 3. 1962. P. 770–772.

⁷⁷ *Herrad of Hohenbourg. Hortus deliciarum* / Ed. R. Green et alii. Vol. 1–2. London; Leiden, 1979. Fol. 32 r. Pl. 18. См. подробнее: *Воскобойников О.С.* Тысячелетнее царство... С. 387–388. Ил. 77.

⁷⁸ *Hugo de Sancto Victore*. Op. cit. III, 4. P. 55.

⁷⁹ *Macrobe. Commentaire au Songe de Scipion*. 1, 2, 17 / Ed. M. Armisen-Marcnetti. Livre 1. P., 2003. P. 7–9. Перевод М.С. Петровой: *Петрова М.С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М., 2007. С. 189. О традиции знаменитого восьмого афоризма Гераклита «природа любит прятаться» (123 DK) в истории философии, науки и поэзии см. одну из последних книг Пьера Адо: *Hadot P.* Op. cit. Passim.

второй главе «Комментария» они читали, что сказка – ложь, и что иная – для услаждения слуха, а иная – на благо⁸⁰. Христианину требовалось обычная для него *discretio*, буквально «рассудительность», способность отличить доброе от дурного, чтобы и в этом вопросе отделить семена от плевел.

На тех же страницах он находил поучительный рассказ об излишне охочем до природных тайн философе Нумении Апамейском (II в. н.э.). Возмущенные его вмешательством элевсинские богини явились ему во сне в виде блудниц у порога лупанария и заявили ему, удивленному таким безобразным зрелищем, что это он, насильно выведя их из святилища целомудрия, выставил небожительниц на обозрение первого встречного. Потому-то, рассуждал Макробий, в старые добрые времена люди почитали богов в статуях, наделенных чертами возраста и одеждами, которые божествам, конечно, чужды⁸¹. К Макробию, напомним, относились серьезно, шартрцы комментировали его в классах⁸², и этот рассказ, прочитанный как аллегория природы, которая «любит прятаться» (*φύσις κρύπτεσθαι φιλεῖ*) тоже стал предметом поэтико-дидактической рефлексии на тему литературного вымысла, *fabulosa narratio*⁸³. Она отразилась, например, в небольшом анонимном стихотворении:

Двери в покой отворив, к природе пробрался вития
и о находках своих всем рассказал. Вот, послушай.
Спал он и чудилось, будто идет он по лесу густому.
День светозарный прошел, изгнанный тьмою ночью.
Он был один, а вокруг черная чаща гремела
рыканьем и беготней лютого дикого зверя.
Тут растерялся поэт, не зная, что следует делать,
но вдруг заметил он дом и к нему прямо шаг свой направил.
Домик стоял посреди рощи на ясной полянке,
ветхим казался на вид, и жильцами, наверное, брошен.
Ближе, однако, к нему подойдя, внутри свет он заметил
и вслед за тем разглядел девицы фигуру нагую.
Видя такое, поэт радостно в двери стучится,
но и стена высока, и окошки – что узкие щелки.

⁸⁰ «*Fabulae quarum nomen indicat falsi professionem, aut tantum conciliandae auribus voluptatis aut adhortationis quoque in bonam frugem gratia repertae sunt*». *Macrobe*. Op. cit. 1, 2, 7. P. 6.

⁸¹ *Ibid.* 1, 2, 19. P. 9. *Петрова М.С.* Указ. соч. С. 189–191.

⁸² *Jeuneau E.* Lectio... P. 265–308; *Caiazza I.* Lectures médiévales de Macrobe. Les *Glosae Colonienses super Macrobius*. P., 2002. P. 28–44.

⁸³ «*Quantum etiam semper philosophia arcana sua nudis publicari uerbis dedignata sit, et maxime de anima et de diis per fabulosa quaedam inuolucra loqui consueuerit, ille non mediocriter philosophus et magni philosophi Ciceronis expositor Macrobius diligentissime docet. Remotis enim generibus figmentorum siue fabulorum quae philosophos non decent, subposuit illud quod honestissime assumunt*» («Тому, что философия всегда считала недостойным выражать свои тайны открыто и особенно о душе и богах традиционно говорила в иносказаниях, со всем старанием научил крупный философ и комментатор великого философа Цицерона Макробий. Вместо вымыслов и мифов, которые философу не к лицу, он предложил такой их род, которым они пользуются вполне достойно»). *Petrus Abaelardus*. *Philosophia christiana*. I, 102 // *Petri Abaelardi opera theologica* / Ed. E.M. Buytaert, C. Mews. Vol. 3. Turnhout, 1987. P. 114.

Крепко задвинут засов, не спешит отворять ему дева.
 Стая звериная, глядь, лачугу уже окружила
 и у порога тотчас пожрать горемыку готова.
 Тут уж не в шутку струхнул наш поэт, об убежище молит.
 Дева, все так же нага, к нему повернулась спиною,
 сляясь стыдливо рукой и власами хоть как-то прикрыться.
 Жалоб не слышит она, и взгляд ей мужской неприятен,
 так отвечает она, чтоб понял сейчас же просящий:
 «Прочь уходи и не смей бесстыдством своим докучать мне,
 хватит с меня и того, что ты тайны мои краем глаза
 видел, хоть должен воздать мне честь ты и в верности клясться
 вечной твоей госпоже и родительнице ежечасно.
 В толк не возьму, как ты смел меня по дешевке на рынок
 сбавить, достойной ровней сделать развратнице мерзкой,
 все, что узнал обо мне, протрубив на всех перекрестках?
 Не потерплю я теперь, чтобы смотрел на меня ты,
 прочь изгоняю, пусть ждет тебя смерть от голодного волка».
 В страхе проснувшись, поэт вдруг понял все то, что явилось
 слуху и взору его, усвоив: не все подобает
 всем сообщать наперед простецам и глупцам в наущенье.
 То, что природа велит в тайне хранить, лишь немногим
 можно сказать, не страшась в толпе коренящейся скверны.
 Будет суров приговор тому, кто сам судит и рядит –
 все, что он скажет со злом, ему же сторицей воздастся⁸⁴.

Перед нами очевидно не высокая поэзия, а дидактическое упражнение читателя Макробия, одно из многих подобных, случайно сохранившихся в школярских конспектах XII в.⁸⁵ Тем не менее такие небольшие, максимум в несколько десятков строк, легко запоминавшиеся поэмы для историка идей не менее важны, чем шедевры масштаба «Космографии», точно так же, как важны для истории – не только литературной – сны. Основной смысл стихотворения без всяких обиняков выявлен уже в первых строках: поэт не имеет права обнажать перед взором толпы богиню Природу, лишая ее подобающих одеяний – *integumenta, involucria*, т.е. собственно литературной фикции, «сказки». Как в алановском «Антиклавдиане», жилище Природы – в лесу. В «Космографии» чаща тоже «путь толпе преграждает», но эта преграда, как и у Алана, – земной рай, место умиротворения⁸⁶. Здесь же она лишь «нагнетает обстановку», как в рыцарском романе. Лесные хищники могли напомнить читателю тех лет, что

⁸⁴ Текст издан по единственной рукописи (London, British Library, ms. Burney 305, fol. 36 r) в кн.: *Raby F.J.A. A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. II. Oxford, 1957. P. 22–23.* См. также его краткий анализ: *Idem. Nuda natura and Twelfth Century Cosmology // Speculum. Vol. 43. 1968. P. 72–77.*

⁸⁵ См. схожие примеры XII–начала XIII в.: *Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство... С. 160–161, 204–206.*

⁸⁶ *Бернард Сильвестр. Космография. Микрокосмос. IX, 5. Ср.: Alanus ab Insulis. Anticlaudianus. I, 5. P. 59.*

и у Горация «в зловещих дебрях звери прячутся»⁸⁷, но в целом их роль хранителей целомудрия Природы представляется удачной находкой совсем не бесталанного поэта, явно знакомого с литературой шартрского круга, возможно слушавшего чьи-то комментарии на Макробия, поскольку стихотворение явно отталкивается от него.

Важно также то, что сны, в поэзии или в прозе, воспринимались как предупреждения, предзнаменования, даже пророчества, во всяком случае, как повод задуматься, одновременно давая рассказу должную долю условности, чтобы вводить разного рода красочные, эмоциональные детали. Такова ставшая канонической история бл. Иеронима, битого кнутом перед престолом Всевышнего за свое «цицеронианство» и демонстрирующего после пробуждения синяки для пущей наглядности⁸⁸. Таково одно из самых загадочных поэтических сновидений XII в., которое могло быть известно и нашему анониму, и шартрцам, поскольку принадлежит перу классика Луары – Бальдрика Бургейльского, творившего на рубеже XI–XII вв. Здесь темный лес заменен ревушим потоком, в который автор упал из-за того, что его осел оступился на шатком деревянном мосту. Почти маниакальная точность деталей в описании этого своеобразного плавания заставляет даже поверить, что перед нами – почему нет? – настоящий сон. Во всяком случае, замечательная поэма, заканчивающаяся благодарностью Спасителю, может быть прочитана в автобиографическом ключе – как рефлексия поэта над собственным творчеством, встречающим как друзей, так и врагов⁸⁹. Возможно, такой же самокритический взгляд просматривается в заключительной «морали» – двух последних, несколько выбивающихся из общего повествования строках нашей поэмы: многое смеет поэт, но велика и его ответственность. Именно так, оптимистически, с улыбкой, но одновременно со строго сведенными бровями, не теряя духовного напряжения, как предостережение, произносили знаменитое горациево «Знаю: все смеют поэт с живописцем – и все им возможно, / что захотят»⁹⁰. Шартрские поэты и философы, эти искатели «обнаженной истины», были прекрасными живописцами.

«Мы карлики, стоящие на плечах гигантов». Так говорили в Шартре. При всем гуманистическом уважении, которое шартрцы испытывали к авторитетам языческой и христианской древности, они не были монастырскими скромни-

⁸⁷ *Гораций*. Эподы. V, 55 / Пер. Ф. Александрова // *Он же*. Собрание сочинений. СПб., 1993. С. 192.

⁸⁸ Важно, что этот сон описан в 384 г. в пространном, главным образом, аскетическом по своей направленности послании: *Бл. Иероним Стридонский*. Письмо к Евстохии о хранении девства / Пер. Киевской духовной академии, ред. А.А. Столярова // *Диесперов А.Ф.* Блаженный Иероним и его век. М., 2002. С. 163–164.

⁸⁹ *Baudri de Bourgueil*. Carmen 2. Somnium et expositio somnii // *Baudri de Bourgueil*. Poèmes / Ed. J.-Y. Tilliette. T. 2. P., 2002. P. 5–8; коммент.: p. 147–150.

⁹⁰ *Гораций*. Наука поэзии. Ст. 9 / Пер. М. Дмитриева // *Гораций*. Указ. соч. С. 343. Лучший анализ в контексте средневековой и ренессансной теории и практики художественного творчества: *Chastel A. Le Dictum Horatii quidlibet audendi potestas et les artistes (XIIIe–XVIe siècle)* // *Chastel A. Fables, formes, figures*. I. P., 1978. P. 363–376.

ками и осознавали, каждый по своему, свое новаторство в поисках собственной, разумной, мыслящей веры и новой картины мира. Петр Абеляр, например, осознававший свою уникальность еще острее, мало интересовался натурфилософскими вопросами. Поколением раньше св. Ансельм Кентерберийский, новатор в философии еще более смелый, созерцает тварный мир, ища следы Творца не во множестве вещей и связей, но в том отношении между тварью и Творцом, между видимым и невидимым, которое мысль способна уловить. Вслед за апостолом Павлом (1 Кор. 13, 12), Ансельм никогда не забывает, что здесь, на земле, он смотрит на мир, на благо, «сквозь тусклое стекло, гадательно», и только для того, чтобы там, на небе, увидеть высшее Благо лицом к лицу. Его философия, как и его взгляд на тварный мир, скорее, синтетическая, философия Гильома и Бернарда – аналитическая. Ансельм не «презирает» мир, как многие его современники и потомки, но, рассмотрев в мире то, что ему кажется необходимым, он мысленно покидает его, готовясь к более важной встрече. Отголоски такого монашеского созерцательного настроения, зачастую предельно философского и энциклопедического, как у Ансельма, можно найти у шартрцев, но мысль о реальности как едином, унифицирующая мысль становится у них дискретной. Отсюда – прочтение Писания и мироздания «согласно физике».

Но дискретность мысли, внимание к деталям, стремление разъединить элементы на *elementata*, на мельчайшие частицы, вовсе не означала для них расщепление единого космоса и единого божества. Напротив, посвящая Теодориху Шартрскому «Космографию» и, что важно, прося его одобрения, Бернард Сильвестр не только искал поддержки у самого влиятельного из магистров, но и, по всей видимости, принимал его представление о «целостности вещей», *universitas rerum*, столь важной для его «Трактата». Уловил это и явно хорошо знакомый с Теодорихом анонимный автор его замечательной эпитафии:

В первопричины вещей он мыслью проникнуть стремился,
 Мира единство умел разумом он созерцать.
 Шар первозданный узрел, идеи с материей вкупе,
 И породившие все сущие в нем семена,
 Силу, что глыбу земли, объяввшее все мирозданье,
 Мету привнесши и вес, властью числа сопрягла.

Сказанное здесь об одном, может быть отнесено и к другим авторам, так или иначе связанным с Шартром. Некоторые строки из заключительной главы бернардовского «Мегакосмоса» (IV, 4), едва ли не самой сложной в поэме, подсказывают, как много дала ему – поэту – философия Теодориха: «Совокупность вещей, космос не подвержен старению, не ждет его и последний, смертный рубеж, ведь бытие он стяжал от Творца и первопричины – одинаково вечных, и от материи и формы – одинаково бесконечных. Ведь предвечное бытие, вечное пребывание, полное множеством единство – это и есть единое: единственная из себя исходящая или в себе сущая природа Бога. Ничто имеющее отношение к месту не может объять безграничность его сути и его величия. Ты не

ошибешься, если назовешь его “силой”, “спасением”, “жизнью”». Между единством вечности и множественностью вещей Бернард помещает Разум, Энделихию, Природу, чтобы из материи создать тело, вместилище души. Когда дело творения, за исключением человека, завершено, Разум, прежде чем взяться за главное, в начале второй книги, «Микрокосмоса», снова зовет Природу, чтобы разделить с ней свою радость. Он настойчиво (грамматически – в оптативе: *velim videas*) повторяет: «взгляни», «взгляни», «взгляни». Повторное описание творения не как процесса, а как результата, наличной упорядоченной реальности, которое может показаться нам излишним, на самом деле функционально оправданно, если вспомнить, что в Книге Бытия Творец изъявляет радость каждый день. Ритм библейского рассказа о сотворении мира ритмизуется, словно качелями, двумя высказываниями: «И стало так» и «И увидел Бог, что это хорошо». Само это изъявление радости, божественная речь, для Бернарда и Теодориха, как для всякого средневекового христианина, обладали промыслительным и онтологическим смыслом: говоря, Бог творит⁹¹. Незаконченный «Трактат» Теодориха тоже может быть прочтен сначала как рассказ о действии, а затем как описание результата, где Единое, т.е. божество, раскрывается во множественности своего творения, оставаясь самим собой. Таким образом, все лучшие творения шартрских мыслителей, в поэзии и прозе, при всем богатстве сюжетов, остаются в первую очередь литературно-философским гимном Богу и его творению.

⁹¹ См., напр.: *Теодорих Шартрский*. Трактат о шести днях творения. 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

Гильом Коншский

Философия

Очень немного известно о жизненном пути Гильома Коншского, одного из крупнейших новаторов своего времени. Его творчество приходится на 1120–1150 гг. В 1125–1130 гг. молодой грамматик родом из Конша в Нормандии, преподававший в Шартре и в Париже, опубликовал свое первое самостоятельное сочинение, дав ему несколько необычное, не без вызова, заглавие: «Философия». Как чаще всего бывало тогда с подобными сочинениями, заглавие и авторство быстро начали меняться, хотя и не забылись полностью. Лишь медиевистика XX в., в особенности после диссертации Туллио Грегори и работ о. Эдуара Жоно, вернула Гильому должное место в истории знаний. По-прежнему не все его сочинения опубликованы, многое в его биографии остается гипотетической реконструкцией, и даже сама «Философия», безусловно один из самых новаторских текстов Ренессанса XII в., издана Грегором Маурахом не по всем рукописям, только в первой редакции и со спорным немецким переводом. Новое критическое издание давно обещано канадцем Полом Даттоном для серии *Corpus Christianorum*, но пока мы вынуждены довольствоваться текстом Маураха, все же намного более надежным, чем предшествующие, начиная с палеотипов XVI в., заканчивая «Латинской патрологией», где она издана дважды под другими именами (PL. 90. Col. 1127–1178; PL. 172. Col. 39–102).

Известно, что 20 лет спустя автор относился к своему раннему сочинению одновременно с уважением и долей иронии: «Наша книжка под названием Философия, которую мы написали несовершенно, в несовершенной нашей юности» («*Dragmaticon philosophiae*». I, I, 8). Так он пишет, уже оставив Шартр ради воспитания наследников герцога Нормандии и графа Анжу Жофруа Плантагенета, в том числе будущего короля Англии Генриха II [Burnett 1997]. Высокое покровительство, видимо, стало для магистра чем-то вроде почетной пенсии: он потерял постоянный контакт со школярами и с важнейшим интеллектуальным центром своего времени, но смог написать развернутую версию «Философии» – «Драгматикон философии». Вполне вероятно, что он пересмотрел и раннее сочинение, и свои комментарии и глоссы на древних, занимавших его уже в шартрские годы: «Тимей» Платона, «Комментарий на Сон Сципиона» Макробия, «Утешение философией» Боэция, на сатиры Ювенала и на грамматика Присциана.

Уже по этим названиям можно видеть, что Гильом, как и Теодорих, интересовался древней натурфилософией и грамматикой. В задачу учителя грамматики входило

ло раскрытие «покровов» древних текстов, т.е. по сути интерпретация мифа, например, космогонического мифа «Тимея». Макробий помогал в этом, но и сам нуждался в раскрытии. «Коншский грамматик», как называл его в своих воспоминаниях Иоанн Солсберийский, благодарный ученик («*Metalogicon*». I, 23–25), был в свои годы одним из лучших гуманистов такого рода, к которому принадлежали также Абельяр, Теодорих и Бернард Сильвестр.

Обе «философии» Гильома, и ранняя, и поздняя, сохранились в более чем 70 рукописях каждая, в том числе XII в. Это серьезная цифра, говорящая об успехе и влиянии Гильома во второй половине столетия и в начале следующего века. Характерный пример – еще одна «Философия», написанная англичанином Даниилом из Морли, путешествовавшим в поисках знаний по всей Европе и некоторое время, на правах «свободного слушателя» участвовавшего в работе школы переводчиков в Толедо, при Герарде Кремонском [*Daniel von Morley*. 204–255]. Вместе с тем мы должны себе представить довольно сложную судьбу оригинального текста «Философии»: что-то в нем правил на протяжении жизни автор, что-то – его современники, выбирая из его трактата то, что им казалось важным. Сама дидактически продуманная структура сочинения, поделенного на четыре книги и небольшие главы, располагала к такому отношению. В ней читатель мог найти прежде всего новейшую для своего времени версию христианской космологии. Она зиждилась, безусловно, на библейской картине мира, но корректировала ее, во-первых, за счет «Тимея» и других упомянутых выше авторитетов древности, во-вторых, за счет греко-арабской медицины, с которой Запад впервые познакомился благодаря первым переводам на латынь, выполненным в Южной Италии Константином Африканским в стенах аббатства Монтекассино, обладавшего огромным авторитетом на всем Западе.

Гильом стал одним из тех новаторов, кто сразу почувствовал интеллектуальный импульс, данный этими переводами, и смог передать его ученикам и читателям: композиция и тональность «Философии» тому свидетельство. Возможно, что ее «скромное» заглавие (судя по содержанию трактата, это, конечно, синоним «космологии») сродни абелярской «Теологии» в разных ее модификациях («христианская теология», «теология для учеников»). Такое заглавие – настоящий интеллектуальный манифест. Молодой магистр грамматики, первой науки тривиума, не клирик, не богослов, демонстрировал современникам, как именно им искать верное понимание мироздания, и это не просто риторика или претензия [*Cadden*. 1–24]. Начав с того, что такое философия, он как правверный христианин переходит к Богу и основным догматам христианства, т.е. невидимому, но истинно сущему миру, без которого немислим видимый, изучаемый «физиком» и «философом» мир. Гильому важно не только привести свои «авторитеты», ему важно представить *свои* авторитеты в пику неким невеждам, игнорирующим интеллектуальные новинки. Если христианская рецепция Макробия началась при Каролингах, то Константина Африканского знали немногие. Иные могли подобные тексты прочесть, но не принять. Такую позицию мы тоже должны себе представить и понять причины неприятия.

В Южной Италии начали переводить с арабского на латынь медицинские тексты, а заодно с ними были переведен с греческого трактат «О природе человека» Немезия Эмесского, т.е. по сути святоотеческий текст, дававший обоснование благородства человека как венца творения с использованием терминологии той же греко-римской медицины, взбудоражившей воображение сначала первых медиков Салерно, затем –

того же Гильома Коншского. Неслучайно его «Философия» описывает и строение мира и строение человека подобно тому, как в литературной, сочетающей поэзию и прозу форме, такое же описание космоса даст двумя десятилетиями позже Бернард Сильвестр, с «Философией» наверняка хорошо знакомый. Если Бернард выступает поэтом, то Гильом – «физиком». Но этот «физик», подобно салернским медикам того же столетия, называвшим себя так же, изучает и мироздание, и человека. Его описание мирового устройства, *machina mundi*, еще не выводит Творца «за скобки», как осмелится сделать ближе к концу столетия Урсон Салернский [*Urso*. 43–44]. Но для Гильома, всемогущество Бога уже не служит, как у Отцов, аргументом в споре.

Повествование в «Философии» зачастую строится в форме диалога то с незримым учеником, то с незримыми оппонентами. И тому, и другому автор все время что-то доказывает, оттачивая свой язык, словно меч. В этой диалогичности связь ранней, «несовершенной», по его же словам, «Философии» с поздним, как бы «зрелым» «Драгматиконом». Только во втором собеседники названы, а в первой представлена живая семинарская дискуссия, участники которой представляют аргументы за и против, подобно абеляровскому «*Sic et non*».

По язвительности, с которой в «Философию» вплетается понятная его ученикам античная сатира (Гильом комментировал Ювенала в классе), по всей ее литературной тональности можно догадаться, что автору было с кем спорить. Кто тот не названный «некто» или «иной», тот *quidam*, который вечно противоречит всему, что излагает автор? Очевидно, что речь о том, кто имеет право обвинять в ереси, т.е. если не о цензорах в современном смысле слова, то о ревнителях, хранителях правоты. Среди них – св. Бернард Клервоский и его друг и последователь Гильом из Сен-Тьерри, ответивший, пусть не сразу, на «Философию» полемическим посланием.

Наш перевод выполнен по изданию: *Wilhelm von Conches. Philosophia* / Ed. Gr. Maurach. Pretoria, 1980. Мы учли его перевод на немецкий, а также переводы на итальянский (Макканьола) и частичный французский перевод Лемуана.

Книга первая

¹ ...как говорит Туллий... – Цицерон. О нахождении. 1, 1.

² ...узы брака Меркурия и Филологии... – *Martianus Capella*. De nuptiis. I, 23.

³ ...«женщина бесстыдно поступает так». – Теренций. Девушка с Андроса. 755.

⁴ ...отвергнув их бесстыдство...побудить к любви. – Гильом полемизирует одновременно с приверженцами утилитарного риторико-диалектического образования, процветавшего, например, в многолюдном Париже, и с врагами всякого образования вообще. Можно видеть параллель этим неведомым нам неприятелям Гильома и в образе невежественного и дерзкого Корнифиция, выведенного в «Металогиконе» (1, 4) его учеником Иоанном Солсберийским.

⁵ ...«Впрочем в столь длинном труде иногда не вздремнуть невозможно!» – Гораций. Наука поэзии. 360. Терсит – «буйный», «празднословный» враг Одиссея в «Илиаде» (II, 211–277): после того как все недовольные планом Агамемнона успокаиваются, он один дерзко порицает царя, пока его не обуздает Одиссей. Изящная самоирония в зачине Гильома – прием, унаследованный средневековыми писателями от античных, на что в данном случае указывает и двойная аллюзия. С одной стороны, чтобы оправдать поэта за его ошибки, Гораций ссылается на «нашего доброго старца Го-

мера», при всем своем величии заставляющего иной раз вздремнуть: «Есть и такие ошибки, в которых поэт невиновен» («Наука поэзии». 347). Гильом краткой цитатой, сплетенной с аллюзией на троянский цикл, подхватывает мысль поэта и использует гомеровскую пару Терсит–Улисс, понятную его современникам, знакомым с сокращенной «Латинской Илиадой», возникшей в I в. н.э. и использовавшейся в школах, чтобы показать, что и у классиков мудрость может на время ослабнуть, чтобы дать место злобе и глупости.

⁶ *Философия ~ существует и видимо.* – Ср.: Boetius. De arithmetica. I, 1.

⁷ *...в совершенстве постичь Бога в этой жизни невозможно...* – Идея вполне расхожая в Средние века, восходящая к эпохе Отцов. Ср.: Augustinus. De Trinitate. 5, 1, 2.

⁸ *Относительно ~ обладает.* – Десять аристотелевских категорий Гильом мог заимствовать из Комментария Боэция на «Категории». Их можно встретить и ранее, у Эриугены («Periphyseon». 1, 25), а также у современника Гильома Гонория Августодунского («Clavis physicae». 26). Но если Гонорий выводит Бога за рамки категориального аппарата Стагирита, описывая каждую из десяти категорий как бы апофатически (27–36, Бог «не есть число», «не есть место» и т.д.), Гильом на первом месте прибавил одинадцатую, «есть ли»: смысл этой прибавки, своеобразного эпистемологического компромисса, становится ясен из следующего параграфа.

⁹ *Так через обычный распорядок ~ до божественной субстанции.* – Гильом не пользуется онтологическим доказательством бытия Бога Ансельма Кентерберийского, но выстраивает вдохновляющуюся апостолом Павлом (Рим. 1, 20) причинно-следственную цепочку, от твари к Творцу, также бытовавшую в его время и восходящую к эпохе Отцов, например, у Абеляра в комментариях на Послания Апостола Павла, у Гонория Августодунского: Clavis physicae. 205.

¹⁰ *Итак ~ Духом Святым.* – Прежде всего это учение Гильома Коншского о Троице, в том числе эта конкретная фраза, стала предметом критики со стороны Гильома из Сен-Тьерри в приводимом ниже специальном полемическом сочинении. Гильом обвинил тезку в ереси, в низведении божества до физической функции. Современный исследователь Туллио Грегори [Gregory 1955. 107], на наш взгляд, тоже слишком радикально толкует это место: «Троица разъясняется исходя из ее творческой функции, а не как аспект внутреннего бытия божества». Ср.: [Flatten. 179]. Фраза «Троица лиц есть единство сущности» в параграфе 11 этой же главы противоречит и критику XII в., и современным толкователям, склонным к модернизирующим натяжкам.

¹¹ *...«род Его кто изъяснит?»* – Ис. 53, 8.

¹² *...«Если бы познали, то не распяли бы Сына Божьего».* – 1 Кор. 2, 8. В Синаодальном переводе не «Сына Божьего», а «Господа славы».

¹³ *«Потому что все согрешили и лишены славы Божией».* – Рим. 3, 23.

¹⁴ *...душа мира...* – Anima mundi, стала камнем преткновения в полемике, выходящей за рамки богословия, о чем свидетельствуют полемические сочинения Гильома из Сен-Тьерри против Гильома Коншского и Абеляра. См.: Gregory 1955. 123–174. Гильому пришлось уступить и в начале «Драгматикона» открыто осудить свои ошибки юности.

¹⁵ *Другие считают ~ чувствуют и различают.* – Возможно, имеется в виду изложение некоторых платонических и стоических представлений у Макробия, ставшего важным посредником в рецепции этого понятия в XII в., помимо собственно «Тимея».

Макробий. Комментарий. I, 14 (см. русский перевод и комментарий этой главы: [Петрова. 241–251]).

¹⁶ ...в наших глоссах на Платона. – См.: [Guillelmus de Conchis. 2006. P. 123–183]. I, LXXI–CIII.

¹⁷ ...туда, откуда он спустился из-за гордыни, человечество поднимается по смиренню. – Традиционная для Средневековья моральная вертикаль: человек, взращивая в себе главную добродетель, смирение, призван занять место в небесной иерархии некогда павших из-за гордыни ангелов.

¹⁸ ...«Ты творишь ангелами твоими духов». – Пс. 103, 4.

¹⁹ ...«В сравнении ~ считать телами». – Gregorius Magnus. Moralia in Iob. II, 3.

²⁰ ...«Какими телами обладают ангелы». – Augustinus. Enchiridion. I, 59.

²¹ ...«мудрость мира сего есть безумие пред Богом». – 1 Кор. 3, 18.

²² ...как философы мы отстаиваем непреложное, пусть и не возможное, как физики же – возможное, пусть и опускаая непреложное. – Это рассуждение о двух путях познания видимого мира, возможно, навеяно «Тимеем» (29 b). Оно будет развито и в «Драгматиконе». Подробнее см.: [Fidora, Niederberger. 22–34; Caiazza. 56].

²³ Элемент ~ по количеству. – Constantinus Africanus. Pantechne. Theoria. I, 4.

²⁴ ...гомиомирические... – С аристотелевским термином ὁμοιομερῆ («Метеорологика», 389 b 27) Гильом напрямую знаком не был, но опирался, помимо Константина, на Немезия Эмесского, переведенного на латынь в Салерно в конце XI в.: именно он, в отличие от Константина, использовал этот термин, а использование греческого слова в латинском тексте – давняя средневековая традиция, восходящая, в свою очередь, к латинским классикам. Немезий Эмесский. О природе человека. Гл. 4.

²⁵ Но знает о том цирюльник любой и подслепый... – Ср.: Гораций. Сатиры. I, 7. В XII в. это выражение, знакомое со школьной скамьи, с вариациями использовалось (например, Абеляром, Аделардом Батским, Гуго Сен-Викторским) со значением, близким к нашему «дураку ясно», ведь у цирюльника болтают вздор. Воспользовавшись им, Гильом не смеется над авторитетом Константина Африканского, а скорее говорит на понятном своим ученикам языке классической латыни. Та же цитата встречается и «Глоссах на Тимея», но отсутствует в «Драгматиконе».

²⁶ ...«сила ума состоит в том, чтобы разделять соединенное и соединять разделенное». – Возможно, отсылка к одному месту у Боэция (Boethius. Commentaria in Porphyrium. Lib. IV. De accidenti), где речь идет о возможности различить в воображении неразличимое в реальности.

²⁷ ...elementata. – Морфологически перед нами субстантивированное пассивное причастие, образованное от основы, не использовавшейся для создания глагола, тем не менее, признак результата некоего действия, произведенного «элементами» над самими собой или ими испытанного, в этом неологизме ощущался сразу. В истории науки высказывались разные мнения о происхождении термина: для Р. Леме, это изобретение Иоанна Севильского, переводчика «Большого введения в астрологию» Абу Машара, для Т. Сильверстейна и П. Дронке, – самого Гильома. По мнению Д. Элфорд и вслед за ней И. Каяццо, раньше всего он встречается в комментариях на «Исагог» Иоанниция, связанных с Салернской школой. Подробно см.: [Silverstein 1954. 156–162; Caiazza 2011. 11–17]. Уважительное упоминание Иоанниция (т.е. философа из несториан Хунайна ибн-Исхака, 809–873) и Константина чуть ниже косвенно подтверждает последнюю точку зрения. Пара elementum / elementatum прижилась

в космологии позднего Средневековья, как и типологически схожая с ней *natura naturans* / *natura naturata*, возникшая в начале XIII в. и активно использовавшаяся еще Спинозой.

- ²⁸ ...«Поскольку ~ жар». – Сравнительно вольное резюме «Комментария на Сон Сципиона», I, 6, 25 сл. Каскад из ссылок на авторитеты, которые трудно назвать точным цитированием, сопровождается здесь риторическим повтором глагола «возопиет» (*reclamat*) и персонифицированием физики. Оба приема свойственны, например, Бернарду Сильвестру и Алану Лильскому. Вполне возможно, что Гильом в своей эмоциональной филиппике следует Петру Альфонси, ученому испанскому иудею, перешедшему в христианство: около 1116 г. он обратился к «перипатетикам Франции» с посланием, в котором в схожих выражениях осуждал пренебрегающих новыми науками о природе, в частности, медициной и астрономией, довольствуясь «Макробием и еще несколькими авторами» [*Петр Альфонси*. 456–465]. Логично предположить, что послание достигло Шартра и нашло там отклик.
- ²⁹ ...*Ну, а пока они ищут закусок во всяких стихиях...* – Ювенал. Сатиры. XI, 14.
- ³⁰ ...*между этими представлениями нет никакого противоречия.* – Гильом одновременно разделяет задачи «физики» и «философии», понимаемой в данном случае как богословия, толкующего о сотворении мира. Ср.: «Философия». I, XIII, 44; *Guillelmus de Conchis*. 2006. I, LIX. 104–105.
- ³¹ ...«Раз земля ~ а не водой?» – «Тимей». 49 b.
- ³² ...«Ради божественной славы миру следовало быть видимым и осязаемым». – Там же. 30 a–b.
- ³³ Если между ~ на целые числа. – Арифметическая аргументация Гильома восходит к знакомому ему трактату Боэция «Об арифметике», комментированному в Шартре Теодорихом Шартрским.
- ³⁴ ...*по двойственной сизигии.* – Греческий термин «сизигия» (с различными вариациями написания), т.е. «связь», в аристотелевской физике обозначал связи между элементами. В средневековую западную космологию он попал, видимо, через латинский перевод «Об устройении человека» св. Григория Нисского, выполненный Эриугеной в IX в. [*Сарриупс*. 257; *Святой Григорий Нисский*. 16–20].
- ³⁵ *Элементы ~ оказался между ними.* – Расположение элементов Гильом заимствовал у Макробия: «Комментарий». I, 6, 36. Однако в «Драгматикон» он ввел новый для средневековой космологии тип космической диаграммы, в которой сферы планет и неподвижных звезд (твердь) окружают не только собственно землю, как было у Макробия, Исидора Севильского и других доступных Гильому авторов, но и окружающие ее в должном порядке «сферы» других элементов. Такое новаторское соединение «физики» и «астрономии», возможно, было подсказано ему латинским переводом сочинения Машаллаха «О мире» («*De orbe*»), в древнейших рукописях которого можно найти похожие схемы: [*Obrist* 2011. 149–155].
- ³⁶ *Рассказав, что такое элементы ~ обоснуем собственную.* – Позаимствовав порядок элементов фактически без изменений у Макробия, Гильом должен решить проблему хаоса, поставленную одновременно и рассказом Книги Бытия, и Платоном («Тимей»). 30 a). Проблема состояла в том, что Библия свидетельствовала, что вначале существовало какое-то беспорядочное смешение, «безвидное и пустое», евр. *tohu va vohu*, из чего можно было логически вывести, что Бог сотворил нечто грубое, косную материю, и увидеть в этом противоречие важнейшему принципу его абсо-

лютной благодати. Не греша против этого принципа, Гильом своеобразно продлевает процесс творения, называя его начало: *prima creatio*. Подобным же образом толковали эту проблему в своих лекциях на «Шестоднев» его современники Петр Абеляр (PL. 128. Col. 735) и Теодорих Шартрский («Трактат». 22–24).

³⁷ *Объясняют ~ премудрость и благодать.* – Ср.: Теодорих Шартрский. Трактат. 2.

³⁸ *...находились они в этих четырех местах...* – Обратим внимание, что Гильом пользуется термином *locus* для описания положения элементов во вселенной. Понятие пространства чуждо ему, как и его эпохе, что не отрицает возможности описывать и осмыслять видимый мир во вполне понятных, в том числе эмпирических категориях. О спорах вокруг «пространства» и «пространственности» в современной медиэвистике см.: [Gautier Dalché. 31–42].

³⁹ *...беспорядочно разбросанные элементы (которые не были, но могли быть таковыми) Бог привел в порядок.* – «Беспорядочное разбрасывание», или «разбросанность», *inordinata iactatio*, Гильом понимает, судя по всему, как возможность, а не как реальность, впрочем, необходимую как физически, так и богословски. Вряд ли прав Туллио Грегори, толкующий это место так, что элементы, по Гильому, были созданы «не в чистом виде» [Gregory 1955. 201]. Скорее автор хочет показать, что они при творении лишены украшения, *ornatus*, как бы подготавливая дальнейший ход божественного мироздания. Ср.: *Guillelmus de Conchis*. *Glosae super Platonem*. 118 ss; *Daniel de Morley*. *Philosophia*. 33 ss.

⁴⁰ *...«Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною».* – Быт. 1, 2.

⁴¹ *...что можно началам, / Чувства лишенным, рождать существа, одаренные чувством...* – Лукреций. О природе вещей. II, 887–888. Вполне точная цитата, однако вырванная из контекста и трактованная ровно наоборот. Вполне вероятно, что Гильом мог заимствовать ее из школьного Присциана, хотя рукописи «О природе вещей» все же имели в XII в. некоторое хождение: один такой кодекс того времени сохранился в Жамблу, неподалеку от Шартра. Ссылка на главный памятник эпикурейской космологии выглядела довольно экзотично, но не скандально – в отличие от прозвища «эпикуреец», синонима исключительной приверженности земным удовольствиям – в таком значении мы встречаем его в «Комментарии на первые шесть книг «Энеиды»».

⁴² *...«Всякое качество удваивается при росте, но не производит себе противоположности».* – Macrobe. *Commenaire*. II, 15.

⁴³ *...земле они приносят тепло, а для питания притягивают к себе влагу.* – Эта мысль воспринята Гильомом, возможно, из доступной ему стоической космологии. Ср.: Цицерон. О природе богов. II, XXXIII, 83; Seneca. *Quaestiones naturales*. 2, 5, 1. Рецепцию «Вопросов о природе» относят как раз к началу XII в. и локализуют в Северной Франции. [Lapidge. 102–103].

⁴⁴ *Подобное ведь радуется подобному.* – Трудно сказать, где именно автор заимствовал этот древнейший принцип, хорошо известный грекам, но далеко не только им.

⁴⁵ *...«Велика сила твоя, Боже, из воды рожденный род ты и в пучины низвергаешь, и в воздух возносишь!»* – Начальные слова приписываемого Григорию Великому литургического песнопения на тему «Шестоднева». *One Hundred Latin Hymns*. Hymn XLVII, 164.

⁴⁶ *...«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни».* – Быт. 2, 7.

- ⁴⁷ ...«всякое равенство мало и конечно, неравенство – многочисленно и множественно». – Boetius. De arithmetica. 1, 21.
- ⁴⁸ ...не следует буквально представлять себе, что Бог лишил ребра первого человека. – Это непростое, но ключевое для антропологии Гильома место переводчики Грегор Маурах и Мишель Лемуан понимают несколько иначе. Первый относит гильомово «вероятно» (verisimile) к некоему «всякому живому существу, близкому к равенству», передавая этим добавлением относительное местоимение *quod*, которое мы склонны относить к стоящему ниже *corpus mulieris*. Лемуан тоже видит у Гильома движение от общего к частному: «Поскольку близкое, пусть и не совсем, к равенству, несет в себе частичное равновесие, вероятно, что тело женщины было создано из близлежащего праха» (L'école de Chartres. P. 34–35). Нам же представляется, что конструкция *quod est proximum aequalitati, etsi minus, tamen aliquanto temperatum* относится именно к *corpus mulieris*.
- ⁴⁹ ...«И что будет с народом, то и со священником». – Ис. 24, 2.
- ⁵⁰ ...Если невозможно ~ да будет сожжен. – Пересказ Исх. 12, 4–10, где речь идет о пасхальном агнце.
- ⁵¹ ...Редко они говорят, велика у них похоть к молчанью. – Ювенал. Сатиры. II, 8–9; 14.
- ⁵² ...Верится мне, что была лишь весна. – Вергилий. Георгики. II, 336–338.
- ⁵³ ...в день рождения мира Рак нес Луну, а Лев – Солнце. – Macrobe. Commentaire. I, 21, 25.

Книга вторая

- ¹ ...сказанное о сынах Израиля, которые, восстанавливая храм, в одной руке держали меч, в другой камень. – Неем. 4, 17.
- ² Впрочем, довольно об этом. – Как и в прологе к первой книге, Гильом демонстративно отказывается здесь от каких-либо красот стиля ради «голой правды», но сам стиль «Философии» показывает, что ее автор отлично владел основными приемами риторики и многопланового истолкования авторитетных текстов. В этом противоречии не следует видеть лукавство, но специфику научного дискурса Шартрской школы [Cadden. 7–8; Воскобойников. 2016].
- ³ ...«И отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью». – Быт. 1, 6–7.
- ⁴ Так что нет там замороженных вод и других над ними. – Это высказывание звучало смело, поскольку вера в существование верхних вод считалась догматом. Например, Абельяр, толкуя Шестоднев (PL. 178. Col. 736), осторожно следовал за Августином: «О Граде Божиим». XI, 34.
- ⁵ Скажут еще ~ не принадлежит огню». – Очевидно, речь идет о расхожих объяснениях видимой голубизны неба, понимаемой по аналогии с водой. Феномен рассеивания солнечного света современникам Гильома Коншского незнаком.
- ⁶ Мы на это ответим ~ цвет. – Такое объяснение зрения как излучения тела восходит к Платону. («Тимей». 45 b–e).
- ⁷ ...над всем распростертот небе... – Овидий. Метаморфозы. I, 5.
- ⁸ О высших телах ~ созвездие. – Гильом вводит в астрономию разделение на сказку и наблюдение, которое повторяется во всех его сочинениях [Obrist. 2011. 137–139]. Под именем библейского Нимрода в XII в. уже ходили латинские сочинения астро-

номического характера [*Haskins*. 336–345]. Здесь же, видимо, имеется в виду «Книга о созвездиях», «*Liber de signis*», которая во многих рукописях сопровождала «Астрономию» Пс. Нимрода (например, созданная в Шартре или Париже BnF lat. 14754, fol. 229 v–232 v). Это каталог созвездий, основанный на известных уже тогда в разных переводах и глоссах «Явлениях» Арата.

⁹ *Эфир называют ~ уравнивает низшее*. – В оригинале типичные квази-этимологические объяснения: *firmamentum*, «твердь», естественно, *firmat* – «утверждает», «закрепляет»; *caelum*, «небо», возводится к глаголу *caelare*, «разукрашивать», «расширять», однако диграф *ae* здесь ставит смысл высказывания под вопрос, потому что более распространенное написание *celum* возводило таким же этимологизированием к глаголу *celare* – «скрывать». Какой из двух вариантов имел в виду Гильом, из контекста непонятно.

¹⁰ ...*пусть почитает Макробия*. – *Macrobe*. Commentaire. I, 14, 24.

¹¹ ...*как передает Макробий*... – *Ibid*. I, 21, 11.

¹² *Хельперик* – или Хильперик, живший во второй половине X в., автор использовавшегося в школах дидактического сочинения о расчете времени (*computus*). См.: [*Helpericus*. 17–48].

¹³ ...*пять параллельных поясов*... – *Macrobe*. Commentaire. I, 15, 2.

¹⁴ ...*второй обитаемой*... – Упоминание «второй обитаемой зоны» предполагает возможность существования антиподов, с точки зрения предшествующей христианской традиции весьма сомнительного.

¹⁵ ...*пять областей существуют в небе*... – Ср.: *Macrobe*. I, 19, 9; II, 7, 3.

¹⁶ *А называют их так ~ нам невидима*. – Макробий не дает такой этимологии, но считает, что их окружность действительно не достигает невидимого нам полюса (*Ibid*. I, 15, 14). Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. Мегакосмос. III, 65–66.

¹⁷ *Пусть она горяча по природе, но, если она вызывает холод, то называется холодной*. – О подобных парадоксах астрологической картины мира, унаследованной западным Средневековьем от Античности и арабов, существует обширная литература, приведенная, например, в: [*Воскобойников*. 2007; *Воскобойников* 2015. 339–349].

¹⁸ *Поскольку твердь ~ напор тверди*. – Идея смягчения, *temperatio*, объяснявшая видимую противонаправленность в движении небесных тел, восходит к Плинию. *Plinius*. *Historia naturalis*. 2, 6, 32.

¹⁹ ...*ученейший из философов*... – Скорее всего, имеется в виду короткий рассказ в диалоге «Тимей» (38 D).

²⁰ *Этому времени года подобны вода, слизь, дряхлый возраст: они тоже холодные и влажные*. – Такие параллели Гильом заимствовал у Константина Африканского («*Pantechne*». 24), но исторически они восходят намного дальше, к гиппократовскому сочинению «Воздух, воды, места».

²¹ *Поэтому у древних бога зимы изображали с большим животом и называли «грязным» за болотную топь*. – Источник такого образа не известен. В Средние века зиму персонифицировали укутанным в шубу стариком. См., напр.: [*Pérez-Higuera*. 174].

²² ...*называется апрелем, как бы «открывающим»*... – Обыгрывается созвучие *aprilis* / *aregīre* (открывать).

²³ *Первого зовут Эртреем ~ «любящим землю»*. – Эти имена восходят к Фульгенцию («*Мифологии*». I, 12), автору рубежа V–VI вв., оказавшему огромное влияние на средневековую и ренессансную традицию истолкования дохристианских мифов.

Овидий («Метаморфозы». II, 153) называет коней Гелиоса Пироем, Эоем, Флегоном и Этоном.

- ²⁴ *Тело луны ~ зажигается солнцем.* – Античное представление о плотности луны сохранено для Средневековья Макробием («Комментарий». I, XI, 7). Ср.: *Plinius. Historia naturalis. 2, 7, 47.*
- ²⁵ *...летний жар и зимний мороз...* – В издании Маураха: *aestum caloris et frigus hiemis.* Первая пара слов выглядит ошибкой переписчика, не исправленной ни рукописной традицией, ни издателем, либо просто ошибкой издания, поэтому мы взяли на себя смелость эту ошибку исправить.
- ²⁶ *...ее свечение становится видимым.* – Таково мнение Гигина («Астрономия». IV, 14) и Исидора Севильского («De regum natura». 20).
- ²⁷ *...как здесь...* – Схематические изображения затмений, присутствующие в «Философии», взяты из рукописей «Тимея» с комментарием Халкидия: в них похожие схемы присутствуют уже в каролингское время [*Obrist 2006. 136–140*].
- ²⁸ *...больше земли.* – *Makrobe. Commentaire. I, 16, 10.*
- ²⁹ *...о тени, которая ~ там видна.* – О тенях или пятнах на поверхности луны ср.: *Plinius. Historia naturalis. 2, 6, 46.* Схожим образом писали о них современники Гильома – Гонорий Августодунский и Аделард Батский.

Книга третья

- ¹ *...«ничего нет справедливее людской зависти, вечно вгрызающейся в душу писателя»...* – Пословица [*Walther. N. 12753*].
- ² *...пытки другой не нашли сицилийские даже тираны / хуже, чем зависть...* – *Гораций. Послания. I, 2, 58–59.*
- ³ *...«держат небо пять зон».* – *Вергилий. Георгики. I, 238.*
- ⁴ *...«птицах небесных».* – Ср.: *Beda Venerabilis. De temporum ratione. 70.*
- ⁵ *Так что пять зон – в воздухе, пять – на земле.* – Ср.: *Macrobe. Commentaire. II, 7, 1–3.*
- ⁶ *Итак, поговорим ~ во всякое время года.* – Общий анализ представлений Гильома о климате см.: [*Мельникова. 156–161*].
- ⁷ *...огонь не может не быть горячим.* – Вряд ли это отсылка непосредственно к какому-то физическому тексту Аристотеля, но в XII в. встречаются схожие высказывания: *Honorius Augustodunensis. Clavis physicae. 182; Daniel de Morley. Philosophia. 20.*
- ⁸ *...кровавый дождь.* – Над расхожими поверьями о «кровавых дождях» смеялся уже Цицерон: «О дивинации». II, XXVII, 58.
- ⁹ *...«Пред Ним огонь поядающий»...* – Пс. 49, 3.
- ¹⁰ *...«Грядущий судить живых и мертвых и мир огнем».* – Слова из начала чина освящения воды в католическом богослужении, в свою очередь использующего формулу Символа веры.
- ¹¹ *Поскольку ~ разные цвета.* – Ср.: *Seneca. Quaestiones naturales. I, 3, 11–12.*
- ¹² *Поскольку влага ~ круглый град.* – *Ibid. IV, 3, 3–5.*
- ¹³ *...если летом ~ не бывает снега?* – *Ibid. IV, 11, 1–2.*
- ¹⁴ *...«и разлетанный огонь собирает».* – *Лукан. Фарсалия. I, 157.*
- ¹⁵ *Молния не камень ~ возвращается навверх...* – Ср.: *Seneca. Quaestiones naturales. II, 58, 1.*

- ¹⁶ ...*бытует мнение, что некоторые молнии каменные...* – *Plinius*. *Historia naturalis*. 37, 132. Представления о каменной молнии как одном из видов молнии бытовали среди современников Гильома: *Adelardus Bathensis*. *Quaestiones naturales*. 66.
- ¹⁷ ...*по словам Плиния ~ всплывают*. – У Плиния говорится, что тюлени «дышат и спят на земле»: «*Historia naturalis*». 9, VI, 19.
- ¹⁸ ...*ее считают другой звездой*. – Ср.: *Seneca*. *Quaestiones naturales*. I, 14, 3–4.
- ¹⁹ *Приходя на запад, это море дает два обратных потока...* – Учение об «обратных потоках», *refluxiones*, Гильом и его современники заимствовали у Макробия («Комментарий». II, 9, 3). Ср.: *Adelardus Bathensis*. *Quaestiones naturales*. 51.
- ²⁰ *Кальна* – нынешний Гибралтар. *Распространяется* – интерполяция Маураха.
- ²¹ ...*мы и поведем рассказ*. – *Seneca*. *Quaestiones naturales*. V, 16, 1–18, 2.
- ²² *Поскольку ~ боковые*. – По непонятной причине автор не оставил этой задуманной и описанной схемы.
- ²³ ...*судя по ежедневному морскому течению...* – Имеются в виду приливы и отливы, называемые Гильомом вместе *fluctus maris*.
- ²⁴ ...*Эолию называют страной ветров*. – То есть вулканические Эоловы острова к северу от Сицилии, вызывавшие интерес еще у греческих натурфилософов и известных средневековым авторам по «Естественной истории» Плиния и стоикам. О происхождении ветров в недрах ср.: *Вергилий*. *Энеида*. I, 52–59 (начало эпизода с царем Эолом). Небольшое дидактическое стихотворение о причинах землетрясений, близкое по духу и времени «Философии» Гильома, дает схожее объяснение и тоже основывается на Вергилии: [*Воскобойников*. 2015. 203–205].
- ²⁵ ...*«к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются»...* – Екл. 1, 7.

Книга четвертая

- ¹ ...*«Будет время ~ льстили бы слуху»*. – 2 Тим. 4, 3.
- ² ...*Точно калека какой сухорукий, к труду неспособный*. – *Ювенал*. Сатиры. III, 47–48. Имеется в виду эпизод, в котором Умбриций, друг Ювенала, бежит из прожженного Рима в Кумы.
- ³ ...*Роскошь такая мужчин не привлечет, а спугнет*. – *Овидий*. Наука любви. III, 132.
- ⁴ *Мир же ~ скорлупа*. – Об античных истоках образа мирового яйца см.: [*Hassleiter*. 731–734]. Об использовании его в Средние века: [*Dronke* 1974. 79–99, 154–166].
- ⁵ ...*Мацер и Диоскорид...* – Под «Мацером» (*Macer*), видимо, следует понимать «Цветистую книгу о силах трав» Одо из Мена (*Floridus de viribus herbarum*). Диоскорид, римский медик времен Плиния Старшего, на протяжении всего Средневековья был основным источником знаний по врачебной ботанике и по медицине в целом, в особенности до рецепции Гиппократовско-галеновского корпуса. Его «Медицина» («*De materia medica*») дошла в десятках иллюстрированных рукописей, часто вместе с другими позднеантичными текстами о врачевании и гигиене.
- ⁶ *То же ~ природы*. – Фраза грамматически не вполне ясна из-за путаницы с подлежащими, сюжет восходит к Плинию («Естественная история», 17, 100) и Гиппократу («О болезнях», 4, 26), откуда этот вопрос воспринял и современник Гильома Аделард Батский.
- ⁷ *Поэтому Вергилий ~ «не забухли бы борозды праздно»*. – *Вергилий*. Георгики. III, 129; 135.

- ⁸ ...как сообщает Макробий... – *Macrobe. Commentaire. I, 6, 65.*
- ⁹ ...они называются мизераиками... – Неправильное (видимо, по аналогии с привычным для не знакомого с греческим писца *miseria*: «ничтожество», «нищета») написание галеновского термина *mesaraikà* (лат. *mesenterium*, «брыжейка»). Для дна печени Гильом также использует гречизм «сима», взятый из современных ему первых переводов Гиппократовско-галеновского корпуса.
- ¹⁰ *Солин ~ собственное имя.* – *Солин. Собрание достопамятных событий. I, 110–111.*
- ¹¹ ...«досмотр за глубинами». – Непереводаемая квазиэтимологическая игра словами и смыслами: *detuitio* трактуется как *deorsum tuitio*.
- ¹² *Душа есть дух ~ возрастает и следствие.* – Похоже, что отрицая всякую роль тела в способности суждения, Гильом следует Августину («*De Genesi ad litteram*». III, 5, 7).
- ¹³ ...«*всем творением*». – В такой формулировке, *omnis creatura*, оценка человека в Библии не встречается, но гильомовский термин явно восходит к образу «венца творения», основе средневековой христианской антропологии. Например, в IX в. Эриугена говорил об «объединении всех творений», *adunatio omnium creaturarum* («*Petiphyseon*». II, 9), а Гонорий Августодунский распространил этот термин во времена Гильома. Ср.: *Honorius Augustodunensis. Clavis physicae. 246.*
- ¹⁴ ...«*Бог каждый день творит новые души*». – В подобной формулировке эта мысль встречается у авторитетных мыслителей XII в.: Петра Абеляра, Гуго Сен-Викторского и Петра Ломбардского, но не у самого Августина. См.: [Gregory 1955. 159, 165].
- ¹⁵ ...*их отягчает косное тело.* – *Вергилий. Энеида. VI, 731.*

Теодорих Шартрский

Трактат о шести днях творения

Теодорих Шартрский (последняя четверть XI – ок. 1155) родился в Бретани, «среди варваров», как он сам говорил. Как и его земляк Абеляр, Теодорих учился, а затем преподавал в Париже. С 1141 г. он архидиакон и канцлер Шартрского собора, сменив на этой высокой должности Жильбера Порретанского. Скорее всего, он перенял и манеру преподавания, и часть философских интересов у своего старшего брата, Бернарда Шартрского, о котором многочисленные ученики хранили светлые воспоминания.

Теодориха уже тогда, в середине XII столетия, считали одним из первооткрывателей Платона и Аристотеля. Тем самым подчеркивалась его роль реформатора в важнейших разделах философии – космологии и логике. Славянин Герман Каринтийский, один из первых крупных переводчиков астрономических и математических текстов, посвящая ему перевод птолемеевской «Планисферы», писал, что Теодорих «вернул с небес людям душу Платона». Иоанн Солсберийский, учившийся в Шартре, называл его «старательнейшим ученым». Кларембальд Аррасский говорил о своем учителе как о «крупнейшем философе Европы». Бернард Сильвестр посвятил ему «Космографию». Такие уважительные отклики свидетельствуют о значении Теодориха для европейской науки, о котором не следует судить по его не слишком обширному наследию, дошедшему до наших дней.

Он не оставил сочинений, сравнимых по масштабу с «Космографией» Бернарда Сильвестра или с трактатом «О сущностях» Германа Каринтийского, но, скорее всего, он был харизматическим педагогом, чутким к научным новинкам своего времени, прежде всего к переводам с арабского. Его лекции по арифметике пользовались большой популярностью. Теодорих комментировал риторические сочинения Цицерона («О нахождении» и приписывавшуюся ему «Риторику к Гереннию»), возможно, Марциана Капеллу, «Основы грамматики» Присциана и, что еще важнее, научные и богословские сочинения Боэция, *opuscula sacra*, в том числе, его трактат «О Троице» и «Арифметику», комментарий на которую обнаружен несколько лет назад. Таким образом, уже у одного из самых авторитетных для XII столетия классиков, Боэция, наш автор почерпнул совершенно новую для его времени методику применения наук о числах для решения богословских задач (*Caizzo I. Introduction // Thierry of Chartres. The Commentary...* Toronto, 2015. P. 80–81). В «Трактате о шести днях творения» также воспроизводятся «аритмологические» толкования троического догмата, впервые предложенные Боэцием. Эта рецепция, выразившаяся не только в школьных глоссах, но и в подробных комментариях на логические, богословские и математические сочинения Боэция, оказала сильнейшее влияние не только в Шартре, где Кларембальд Аррасский продолжил дело учителя, комментируя «Шестоднев» (издание его «Трактата»: [Häring 1958. 183–215]), но и во всей Европе. Недавно довольно убедительно была показана связь между методом Теодориха и философией Николая Кузанского, одного из крупнейших мыслителей XV в. [Albertson].

Теодориха, хотя он и закончил дни в цистерцианском монастыре, подобно тому, как Абеляр умолк в Клуни, вряд ли можно назвать монастырским скромником, и в этом он близок своим современникам из Шартрской школы, Петру Абеляру, вагантам. Он по-новому осознавал свою исключительность в мире школ: «Я позволил себе прихоть выгнать бестолковую толпу невежественных школяров. Потому что таковы уж люди, которые окружают меня: притворяются гениями, в душе ненавидя знание, заявляют, что усердно работают дома, претендуют на звание магистров, а сами превращают школьный диспут в клоунаду, вооружившись несколькими пустыми словечками. Но двери моего дворца закрыты для тех, кого привела сюда одна лишь слава моего имени, я не желаю, чтобы потом, в своих странах, они, с пылом и жаром лжесвидетельствуя, распространяли небылицы о Теодорихе!» В другом автобиографическом пассаже он даже дал довольно кокетливое сравнение себя с Сократом, который интеллектуально «развращает» молодежь. Эта автобиографическая заметка содержится в комментарии на Цицеронов трактат «О нахождении», где можно найти также замечательное, и тоже не лишнее автобиографичности литературное описание богини Зависти, которая сопровождает богиню Славу в ее земном странствии [Dronke 1988. 362]. Об образе Сократа в средневековой литературе см.: [Opelt. 192–207]. Ср.: *Guillelmus de Conchis. Dragmaticon philosophiae*. III, 2–3, 55–56). Трудно представить себе подобные высказывания в устах Ансельма Кентерберийского или Гуго Сен-Викторского, мыслителей не менее смелых, но совсем иного душевного склада (общий взгляд на проблему см.: [Leclercq. 106–113]). И все же интеллектуалы масштаба Иоанна Солсберийского не случайно видели в нем искреннего борца за чистую науку, не ищущего дешевой мирской славы. Теодорих был европейски знаменитой фигурой и уже поэтому вызывал споры.

Большой интерес для понимания научного мировоззрения Теодориха представляет входивший в его личную библиотеку свод учебного материала по семи свободным искусствам, снабженный его предисловием и заметками – «Семикнижие» (Hertateuchon, название явно намекающее на первые книги Ветхого завета). Этот внушительный кодекс, к сожалению погибший во время Второй мировой войны, представлял собой практическое воплощение единого христианского знания, того идеала, который разрабатывался в XII в. не только в Шартре – достаточно вспомнить «Дидакаликон» Гуго Сен-Викторского. Свободные искусства – орудия на службе философии, любви к мудрости. Познание мира и Бога едино, полноценно постольку-поскольку объединяет свободные искусства, философию и богословие. В этом идеале человеческой мудрости проявился гуманизм XII столетия. Для познания одних аспектов картины мира служат философские, научные доводы, для других – богословские. И те, и другие рассуждения воспринимаются Теодорихом как раскрытие «покровов», *integumenta*, скрывающих истину под иносказанием и в мифах (*fabulosa narratio*) древних философов и поэтов. В этом ключе мы и должны воспринимать отсылки к древним, встречающиеся в «Трактате». Сама идея научного и философского прогресса воспринималась учеными и переводчиками XII в. как открывание сокрытого или непонятого язычниками и неверными, как обретение несправедливо хранящегося у чужих сокровища знания [*Beaujouan*. 485–486]. Помимо «Семикнижия» Теодорих, верный своему собору, завещал его библиотеке 45 рукописей, собрание для своего времени весьма внушительное.

«Трактат о шести днях творения» принадлежит к традиционному в христианской мысли жанру «шестодневов», представленному на средневековом Западе десятками образцов [*Zahlten*. 284–300; *Congar*. 215–222]. Скорее всего, как считает Макканьола, он стал для Теодориха подведением итогов многолетней работы над богословскими проблемами ([«*Il divino e il megacosmo*». 89–90]). Правда, бесспорной хронологии творчества Теодориха не существует, и это усложняет понимание этапов его интеллектуального развития. Николаус Херинг и Ирене Каяццо считают, что трактат написан в 1130-х годах (*Häring N.M. Introduction // Commentaries on Boethius...* Toronto, 1971. P. 47; *Caiazza I. Introduction // Thierry of Chartres. The Commentary...* Toronto, 2015. P. 18–19). Он сохранился в восьми рукописях, ни в одной из которых трактат ему не приписывается. Однако авторство Теодориха, зафиксированное Кларембальдом, не вызывает никаких сомнений. Возможно, несмотря на незаконченность, перед нами единственное сочинение, рассчитанное автором на публикацию: в нем явственно видна стилистическая работа над текстом, меньше повторов и дидактических маньери-стических оборотов, свойственных его лекциям и глоссам.

«Трактат о шести днях творения», несомненно, самое смелое произведение Теодориха и один из самых новаторских текстов своего времени. Очевидна его роль в трансляции античных натурфилософских идей. Перед нами один из ранних примеров натуралистической экзегезы священного текста. Принципиальный отказ от духовного толкования Писания и предпочтение, которое отдается буквальному способу его прочтения, заставляют вспомнить об апологии букварной экзегезы у представителей Сен-Викторской школы. Связь между двумя школами прослеживается даже на уровне научной биографии отдельных их представителей: Кларембальд Аррасский одновременно учился у Теодориха Шартрского и Гуго Сен-Викторского. В этом тексте явственно обнаружилось те тенденции в истории латиноязычной экзегезы, которые в XIII в. привели к упадку иносказательного толкования [*Smalley*. 281]. Теодорих, в рамках традицион-

го жанра, формулирует свою *новую* задачу в первых же строках, отдав дань почтения своим великим предшественникам, Отцам Церкви: его интересует не аллегорическое или моральное толкование, но «историческое», буквальное. Такое толкование ad litteram само по себе вовсе не было открытием: все прекрасно знали августиновское «О Книге Бытия буквально». Современник Теодориха, Гуго Амьенский также написал буквальный, «исторический», как он выразился, комментарий на «Шестоднев» (*Lecomte*). Во второй половине XII столетия вспомнили и «О разделении природы» Эриугены, где также делается реверанс в сторону Отцов и предлагается, наряду с моральным, именно историческое объяснение Творения. По мнению же Теодориха, буквальное, историческое толкование библейской космогонии может быть только физическим. «Consequatur naturaliter», «ordo naturalis exigebat», «contingebat naturaliter» – это лейтмотив трактата, объясняющий возникновение небес, земли, воздуха, жизни как таковой. Живое возникает *естественно* из неживого. Стоическая концепция «жизненного тепла» (*calor vitalis*), воспринятая через Цицерона («О природе богов»), дала Теодориху и его современникам возможность отойти в этом вопросе от буквы Писания [*Lapidge*. 108–109]. В эту природную череду включается и человек.

В XIII столетии такие естественнонаучные объяснения уже стали почти традиционными, во всяком случае, модно было «говорить согласно природе», *naturaliter loqui*, но около 1140 г. это было новшеством. Четыре стихии – «как бы» действующие причины, огонь «совершенно активен», земля «совершенно пассивна». Впервые ставя знак равенства между физическим толкованием и буквальным, Теодорих фактически вывел свое изложение из многовековой традиции «шестоднево», а его сочинение можно считать комментарием только формально. В перспективе истории европейской научной мысли «Трактат о шести днях творения» стоит в начале современной физики, для него библейский рассказ – лишь отправная точка для решения вопросов, выходящих за рамки комментария текста. Новаторство «Трактата» чувствовали уже современники и последователи шартрского философа.

Наш перевод выполнен по подготовленному Николаусом Херингом критическому изданию в его последней редакции: *Commentaries on Boethius by Thierry of Chartres and his School* / Ed. N. Häring. Toronto. 1971. P. 555–575. Мы учитывали также переводы и комментарии на итальянский Макканьоло [*Il divino e il megacosmo*. 179–206] и французский Лемуана [*L'Ecole de Chartres*. 122–148]. Впервые предлагаемый перевод был напечатан в 2009 г.: *Воскобойников О.С., Соколов П.В.* Трактат Теодориха Шартрского «О шести днях творения» // *Культура интерпретации до начала Нового времени* / Науч. ред. О.С. Воскобойников, Ю.В. Иванова. М., 2009. С. 241–270. Для настоящего издания в нем исправлен ряд неточностей, дополнен комментарий.

¹ ...*святыми учителями*. – То есть прежде всего латинскими Отцами Церкви: Амвросием и Августином, чьи гомилии и комментарии на Книгу Бытия пользовались непрекаемым авторитетом. «Беседы на Шестоднев» св. Василия Великого были известны Теодориху в переложении Амвросия.

² *Есть четыре причины ~ четыре элемента*. – Ср.: *Guillelmus de Conchis*. *Glosae super Platonem*. I, XXXII; *Iohannes Saresberiensis*. *Policraticus*. VII, 5.

³ ...*стала бы очевидной даже для мало знающих*. – Ср.: «Тимей». 30 а. Гильом Коншский отвергает этот аргумент, возможно, полемизируя с тем же Теодорихом, если учитывать, что они преподавали в одно время: «Философия». I, 36.

- ⁴ ...в первый момент времени он сотворил материю. – В «Глоссе на Бозция» (II, 32) Теодорих менее ортодоксален: Бог творит из «предлежащей материи» (*preiacente materia*). См.: [Dronke 1988. 375]. Так же амбивалентна и роль Материи-Иле-Сильвы в «Космографии» Бернарда.
- ⁵ Когда же благодаря ~ образуется град. – Здесь, возможно, Теодорих ориентировался на Цицерона («О природе богов». II, IX, 25–II, X, 28). В использовании тривиальных образов для объяснения космологических концепций Теодорих не оригинален среди средневековых авторов, следовавших как за античными натурфилософами, так и за Отцами (ср. *Augustinus. De Genesi ad litteram*. II, 47). Гильом Коншский считал эти небесные воды научно «невозможными» и смеялся над фундаменталистами своего времени, которые принимали их существование как чудесную данность, вмешательство Бога в природный распорядок («Философия». II, II, 4–8). Теодорих же как раз доказывает их естественную необходимость.
- ⁶ ...и поместил твердь между водами. – Ср. важное разночтение в синодальном переводе: ...и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью (Быт. 1, 7).
- ⁷ ...истечению света из глаз... – Распространенное в Средние века представление, воспринятое из античной науки, подкрепленное в XII–XIII вв. переводами классических арабских сочинений по оптике (аль-Хайсам), потом трудами Роберта Гроссетеста, Роджера Бэкона, Витело и других.
- ⁸ ...скрыт от наших глаз. – Эта предложенная в VII в. Исидором Севильским этимология (*Isidorus Hispalensis*. XIII, 6, 6), основанная на сопоставлении *celum* и *celetur*, стала общепринятой в Средние века.
- ⁹ ...живоносный жар... – Стоические представления о живоносности огня и жара, *calor vitalis* или *ignis artifex*, могли быть известны Теодориху из Цицерона («О природе богов». II, IX–X, 24–27) и из «Асклепия» (гл. 2). Оригинальность Теодориха в том, что он наделил его не только физическим, как у Цицерона, но и космогоническим значением. Великий современник Теодориха Гуго Сен-Викторский, ссылаясь на «физиков», писал: «Природа есть устрояющий огонь, с некой силой приступающий к созданию чувственных вещей, ведь физики говорят, что все творится из тепла и влаги». *Hugo de Sancto Victore. Didascalicon*. I, 10. См. также: [Gregory 1958. 136–137].
- ¹⁰ ...человек. – Николаус Херинг поставил точку перед сложноподчиненной конструкцией «в числе которых...», толкуя ее как независимое предложение и, тем самым, навязывая Теодориху представление, вполне традиционное для средневековой экзегетики, о творении человека как особом моменте, «венце» Творения. Однако фраза, начинающаяся с относительного местоимения, никогда не воспринималась в средневековом научном тексте как самостоятельная, даже если в рукописи она начиналась с заглавной буквы. Теодорих, сохраняя важнейшее для христианства понятие «по образу Божию», все же рассматривает появление человека в общей цепи возникновения животных как результат воздействия жара. Херинг считает, что Теодорих разделял общепринятый августиновский взгляд на предсуществование человеческих душ («Commentaries». 156), однако в трактате ничто на это не указывает, в историографии высказывались и противоположные мнения, например: [Dronke 1992. 33–34].
- ¹¹ ...как на небе, так и на земле. – Кажется, что Теодорих, внимательно следивший за дискуссиями своего времени, в том числе за возрождением астрологии, признает здесь определенное влияние звезд на земную жизнь, но все же остается верным сво-

ему намерению объяснить Творение сугубо физически. Неслучайно Герман Каринтийский, знакомый с арабской астрологией по первоисточникам, посвятил именно Теодориху перевод птолемеевской «Планисферы». Похвалы учителю сочетаются в элегантно предисловии к переводу (как и в «О сущностях») с предостережениями тем, кто, словно Икар, намеревается взлететь к звездам, не пройдя прежде по трем ступеням квадривиума, не подчиня астрономию философии. О соотношении астрологии / астрономии и богословия в XII в. см.: [Gregory 1992. 16–20, 100–105, 130–131, 291–346; d'Alverny 1994. Гл. XV].

¹² ...семенных причин... – Важный, унаследованный от античной натурфилософии принцип христианской космологии. Следуя за Августином, Петр Ломбардский в XII в. в сжатой и четкой форме закрепил его в схоластике: «Бог наделил вещи семенными причинами, согласно которым одно происходит из другого, скажем, из такого-то семени такое зерно, от такого-то дерева такой плод и т.п.», что «подобно тому, как изменчивы творения, меняются и эти семенные причины. Причина же, пребывающая в Боге, остается неизменной» (Petrus Lombardus. Sententiae. 2, 18, 5). В связи с Теодорихом и Шартром см.: [Speer. 251–252].

¹³ Эти свойства ~ телесные творения. – Семнадцатый параграф может показаться радикально материалистическим – в современном, а не в средневековом схоластическом смысле. Если во втором параграфе «действующая причина – Бог», то здесь «как бы» (*quasi*) одна из стихий, т.е. сила чисто физическая. Теодориху можно было бы приписать то же, что Паскаль приписал Декарту: Бог дает «щелчок, чтобы привести мир в движение» (*une chiquenaude pour mettre le monde en mouvement*) и выходит за его рамки. Однако «материализм» этого параграфа уравновешен в параграфах 25–27.

¹⁴ ...богодуховенный философ. – То есть Моисей.

¹⁵ ...согласно некоторым мнениям... – Ambrosius Mediolanensis. Hexaameron. I, 8, 29; Augustinus. De Genesi ad litteram. I, 6, 2; Eriugena. Periphyseon. II, 19.

¹⁶ ...философы называли то yle, то chaos. – Calcidius. In Timaeum. I, 7, 25.

¹⁷ Меркурий ~ присуц дух.– «Asclepius». 14. Теодорих, несмотря на путаницу с Трисмегистом (почтительным прозвищем Гермеса в герметической традиции, а не названием книги), стал одним из первых христианских мыслителей, кто после Отцов обратился к чтению герметических текстов, возможно, передав свой интерес и Бернарду Сильвестру: в «Космографии» заимствований из «Асклепия» уже намного больше.

¹⁸ Материя или мир является вместилищем... – Ср. трактовку материи в «Космографии», вдохновленную отчасти платоновским «Тимеем»: «Восприемница и как бы кормилица всякого рождения» («Тимей». 49 а).

¹⁹ ...мировой душой. – «Тимей». 34 b D. Учение о мировой душе было развито и Халкидием в его комментарии к «Тимею», хорошо известном шартрским философам, например, в 29–31, 51–52 главах. Вопрос о мировой душе был одним из ключевых в философии Шартрской школы и вообще в богословских дискуссиях XII–XIII вв. Цистерцианец Гильом из Сен-Тьерри, а вслед за ним и Санский собор, осудили Абельяра за идентификацию мировой души со Святым Духом. Молодой Гильом Коншский, комментируя «Тимея» и «Утешение философией», следовал Абельяру, но, возможно, вслед за критикой того же Гильома из Сен-Тьерри, даже не упомянул о ней в своем позднем сочинении – «Драгматиконе». См. подробнее: [Gregory 1955. 123 ss].

- ²⁰ ...*Моря просторы ~ питаются все.* – Неточная цитата из «Энеиды», VI, 724–726.
- ²¹ *Давид же так...* – Пс. 32, 6.
- ²² *Соломон же так...* – Премудр. 1, 7.
- ²³ *Христиане называют этот Дух Святым Духом.* – Представляя в конце христианскую точку зрения, Теодорих вместе с тем демонстрирует особое, свойственное представителям Шартрской школы отношение к авторитетам. Оно было сформулировано старшим братом Теодориха Бернардом Шартрским в знаменитом выражении «Мы карлики, сидящие на плечах гигантов» («*Nani gigantum humeris insidentes*») и отразилось три поколения спустя в не менее знаменитом витраже южного крыла трансепта шартрского собора, где евангелисты восседают на плечах четырех великих пророков. Великие философы (Гермес, Платон и Вергилий) предшествуют великим евреям: Моисею, Давиду и Соломону. Эта последовательность, конечно, не случайна и заставляет вспомнить другой символический эпизод подобного рода: в XV в. в сиенском соборе был создан роскошный мраморный пол – прямо перед парадным входом, на первом месте в ряду языческих и христианских пророков была помещена внушительная фигура Гермеса Трисмегиста. Ренессансное отношение в древней мудрости, к *prisca theologia* хорошо известно (см., напр., [Йейтс]), но у этого «откровения Гермеса Трисмегиста» (Фестюжьер) были средневековые предшественники [Жеанеан. 51–74, 301–308].
- ²⁴ ...*у древних философов сказано...* – Скорее всего, имеется в виду Фалес, поскольку он упоминается у Амвросия («Шестоднев». I, 2, 6.).
- ²⁵ ...*поэт и назвал Океан отцом вещей.* – Вергилий. Георгики. IV, 380.
- ²⁶ ...*то, что мы излагаем.* – Здесь Теодорих, переходя от физического истолкования «Шестоднева» к троическому догмату, подобно Абельяру, указывает на необходимость рационального богословствования, основанного на науках квадривиума, без исключительной опоры на Писание. См.: [Speer. 252 ss; Maccagnolo. 202]. Несмотря на возражения, которые такой, посягавший на главное, рационализм встречал в церковных кругах, он распространялся и в других престижных школах, в частности, во втором поколении Викторинцев. Ришар Сен-Викторский в 1160-х в специальном трактате «О Троице» стремился «убеждать свидетельством разума» и не скрывал, что прокладывает новую дорогу богословию. *Richard de Saint-Victor. De Trinitate* III, 1. P. 135.
- ²⁷ ...*существует потому, что едино.* – Ср.: *Бозций*. Комментарий на Порфирия. I, 10 // [Бозций. 24–25]; *Ансельм Кентерберийский*. Монологион. 13 // [Ансельм Кентерберийский. 56].
- ²⁸ *Если же Богу ~ что причастно Ей.* – Ср.: *Гильом из Сен-Тьерри*. Заблуждения Гильома Коншского. 3.
- ²⁹ *А сотворение чисел и есть сотворение вещей.* – Фраза явно отсылает к платоновской философии и, возможно, к Пифагору. См.: [Brunner. 719–725]. Пифагорейский привкус арифметических спекуляций на тему Троицы имел большой успех в XII–XIII вв., как позже у Николая Кузанского [Жеанеан. 8–11; Albertson].
- ³⁰ ...*из Единого возникает Равное.* – В своем комментарии на «О Троице» Бозция (II, 39–42) Теодорих использует термин *equalitas* (равенство, равное) в значении близком к «совершенному равновесию частей». Однако там используется и бозциевское разделение *eternum* и *reperitum*, а также понятие эманации (в отличие от более традиционной и менее «опасной» для богословия «причастности»). В результате этого роль Творца в системе мироздания выглядит несколько иной, чем в нашем «Трак-

тате», где подчеркивается, что все творится Им *secundum physicam*. Следовательно, мир не есть просто зеркальный образ божества. См.: [Chenu 1961. 7–13].

³¹ *Сначала числа ~ стороны неравны.* – Отсылка к трудному месту «Арифметики» Боэция (II, XXV–XXVII), которую Теодорих комментировал [Thierry of Chartres 2015. 27].

³² *...это Равное Единому есть как бы Образ и Свет Единого.* – Ср.: Евр. 1, 3.

³³ *Этот предел ~ Премудростью Творца.* – Ср. начало «Мегакосмоса» Бернарда Сильвестра, где Природа описывает отношение Разума к Богу.

³⁴ *...Равное Единому ~ для всех вещей.* – Трактую это место, Макканьоло пишет, что акт творения есть одновременный акт Троицы. Здесь суммируется вся философия Теодориха [Maccagnolo. 227–229].

³⁵ *...«Однажды сказал Бог».* – Пс. 61, 12.

³⁶ *...равенством и единством.* – На этих словах «Трактат о шести днях творения» прерывается. Но связь, *conexio*, разъясняется Теодорихом в комментарии на «О Троице» Боэция: связь здесь ассоциируется со Святым Духом, с любовью, соединяющей Равенство и Единство, исходя из обоих [Commentaries on Boethius. 2, 31–38, Häring 1958. 78–80].

Бернард Сильвестр

Космография

О жизни Бернарда Сильвестра известно совсем немного. Он преподавал риторику и грамматику, скорее всего в Туре, городе св. Мартина, крупном культурном центре со времен Карла Великого. В 1125–1133 гг. архиепископом здесь служил Хильдеберт Лаварденский, лучший поэт и тонкий богослов своего времени. Очевидно, что Бернарду было у кого перенять мастерство. К середине века Тур стал средоточием преподавания риторики, возможно, что для школы Бернард написал небольшой учебник «Цветы риторики», самый ранний на французской почве трактат на эту тему, но «Искусство риторики» (*ars dictaminis*), изданный под его именем ([Brini Savorelli]), точно не его. Но даже если атрибуция учебников и комментариев на классиков («Энеиду» и «Бракосочетание Филологии и Меркурия») остается спорной, не оставляет сомнений авторитет Бернарда Сильвестра именно как знатока классической словесности и мастера слова: такие крупные теоретики риторики и поэтики, как Матвей Вандомский, Готфрид Винсальвский (см. о них: [Гаспаров 1986]) и Гервазий из Мелкли признавали свой долг по отношению к Бернарду, а его «Космографию» цитировали как поэтический шедевр. По уровню дарования с ним в этот великий век латинской поэзии сравнятся разве что поколением раньше «поэты Луары» Хильдеберт и Бальдрик Бургейльский, а поколением позже – Алан Лилльский, Архипиита, тот же Матвей Вандомский. Не менее знаменитый аланов «Плач Природы» можно считать литературно-философским ответом на «Космографию».

Вдохновленная целым рядом античных текстов, «Космография» сыграла огромную роль в рецепции на средневековом Западе мифологии древних, астрологии, не христианских по своему происхождению доктрин и образов, рецепции, без которой возрождение и бытование классической традиции в Новое время было бы немислимо. Это памятник одновременно очень зрелой философской мысли, реагирующей на все

актуальные вопросы своего времени, и не подчиняющегося никаким догмам литературного воображения.

Бернард, преподававший в Туре, был связан и с географически близким Шартром и его блестящими учеными. Посвящение «Космографии» Теодориху Шартрскому говорит само за себя и одновременно является важным критерием датировки: логично предположить, что она написана во второй половине 1140-х годов. Тогда же во время поездки по Северной Франции «Космографию» слушал (возможно, в авторском исполнении, учитывая значимость аудитории) папа Евгений III, пизанский цистерцианец с широким культурным горизонтом. Хотя рассказывает об этом лишь одна глосса в одной из 50 дошедших до нас рукописей, для судьбы сочинения такое событие равнялось путевке в жизнь: папское одобрение, несомненно, передавалось из уст в уста.

«Космография», как позже «Плач Природы», написана в форме прозиметра, т.е. сочетания поэзии в нескольких чередующихся размерах и ритмизованной прозы, известного в те времена по многим авторитетным позднеантичным образцам: «Комментариию на Сон Сципиона» Макробия, «Утешению философией» Боэция и «Бракосочетанию Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, причем последний особенно важен для Бернарда ([*Pabst*, 458–459]). Эта форма позволяла смешивать серьезное и смешное, высокое и низкое. Но дело не только в форме. Уже Марциан и Боэций подражают «Энеиде»: Меркурий у Марциана пересекает мир, чтобы достичь чертогов Юпитера, Боэций (как герой повествования в «Утешении») под водительством Философии по тернистому пути, усыпанному ложными благами и искушениями, поднимается к истинному, высшему Благу. Если верна атрибуция комментариев Бернарда на «Энеиду» и «Бракосочетание», то их можно считать своеобразной научной, филологической подготовкой для создания собственного произведения. Эней, найдя отца, а с ним – и самого себя, в конце концов должен оставить Елисейские поля и вернуться в жестокий мир живых, человеческая душа вынуждена мириться с жизнью в брэнном, мятущемся теле, словно в тюрьме, а на щите Энея изображится вся будущая жестокая история Рима. Природа, «Мегакосмос», у Бернарда тоже предвосхищает судьбу человека, в ее руках – скривалась его судьба. Благодаря такому космическому масштабу фабулы резонно говорить о «Космографии» как об авторском эпосе.

Классическая культура Бернарда столь обширна, а обращение с ней столь свободно от простого следования авторитету, что охарактеризовать «Космографию» как сочинение на тему чего бы то ни было совершенно невозможно. Наш аппарат, во многом основанный на работе поколений предшествующих комментаторов, дает весьма приблизительное представление о том, как именно Бернард превратил античные мифы, литературные и философские образы и приемы в совершенно оригинальную картину мироздания. Платоновская (воспринятая через латинского халкидиевского «Тимея» IV в.) и платоническая (через Боэция, Марциана и Макробия) космология и космогония наложились в его сознании на пришедшие именно в его время из Толедо и Сицилии астрологические учения, известные ему по обширному «Большому введению в астрологию» персидского астролога Абу Ма'шара (лат. Альбумазара), и на вполне живую для него мифологию римских классиков, по которым он преподавал словесность. У древних он узнал, что жизнь есть вечная борьба духа, стремящегося вернуться к своему божественному первоисточнику, и тела, отягощенного грузом непредсказуемой и даже злобной материи. У астрологов же, тоже не чуждых ни платонизму, ни аристотелизму, и основывавших свою науку на той же античной космо-

логии, эта вечная борьба подчинялась строгому астральному детерминизму ([*Lema; Воскобойников 2007*]).

Перед лицом вернувшейся на латинский Запад астрологии христианскому мыслителю было над чем поломать голову. Литературным размышлением на тему предопределения, рока и свободы человека стала написанная, видимо, незадолго до «Космографии» поэма «Астролог». «Космография» же не только фабула, но и поэма о творении, «повесть о творении с точки зрения твари» [*Льюис. 115*], философский эпос. Вторую половину ее, «Микрокосмос», занимает рассказ о сотворении человека и подробное описание его тела. Человека мастерят три богини – Природа (*Natura*, «природа-мать»), Физис (скажем так, «природа-ремесленница») и небожительница Урания. Но это божественное происхождение не обеспечивает ему спасения. Уже в описании земного рая, с его журчащими ручейками, звучит напряженная нота, напоминающая о том, где произошло Грехопадение:

Этот, мне мнится, приют, влажный, цветистый, когда-то
Первый нашел человек, но гостем недолго здесь был.

Бернард – гуманист, достоинство человека многое значит для него, но как писатель он понимает, что место и роль человека в мире амбивалентны, и вопрос о его свободе не решен. Вместе с тем характерно, что и космогония его, и антропология используют схожую физиологическую лексику: рождение мира тоже описывается как муки и радости, которые претерпевают вполне реальные действующие персонажи: Мать-Сильва (она же Материя и, на греческий манер, Иле), Нус-Разум (в латинском оригинале, естественно, существо женского рода, что не позволяет считать его «отцом» в строгом смысле слова), Энделихия, истосковавшаяся по красоте и порядку Природа, наконец, сам плачущий в колыбели младенец-Мир.

Поэзия и проза «Космографии» звучат сегодня тяжеловеснее, чем в XII в. Не говоря уже о трудностях перевода, мы без специальной подготовки не улавливаем игры риторических фигур с аллюзиями на старых и новых властителей дум, от «Тимея» и Овидия до герметического «Асклепия», присутствие которого здесь сказывается намного сильнее, чем у Теодориха или Гильома. Даже когда свои персонификации выводят на сцену такие сложные, иногда заведомо темнящие авторы, как Бернард или Алан Лильский, их фигуры не сухие абстракции, потому что абстракции не плачут и не радуются, они не жестикулируют, у абстракции вообще не может быть выражения лица. На глазах у читателя «Космографии» мир оживает, оказывается наполненным действующими лицами, превращавшими и космологию и космогонию в настоящую драму с незапланированным, в отличие от христианской догмы, началом и концом. Бернард тактично вывел Творца из труппы, наделив его ролью «режиссера», что и породило длящиеся по сей день споры о мировоззрении автора. Если Теодориху и Гильому Коншскому исключительно важно догматическое «из ничего», то у Бернарда, тоже вдумчивого читателя «Тимея», на сцену сразу выходит пусть пассивная и злая, «бесформенная масса», первородный хаос, уже несущий «в недрах своих» «начальных вещей мешанину». С первых же строк, неслучайно поэтических, а не прозаических, поэт указывает на свое право начать рассказ о возникновении мира там, где ему, поэту, заблагорассудилось.

Ни материалистом, ни деистом, однако, не был ни он, ни его многочисленные последователи, создававшие новую картину мира средствами литературы. Гильом де

Лоррис, наследник Бернарда через «Плач Природы», берясь за «Роман о Розе», около 1230 г., счел своим долгом в буквальном смысле слова изобразить всех своих персонажей, от Ненависти до Бедности, в виде фигур на стене сада [*Guillaume de Lorris*. 129–460]. Его читатель, вслед за автором, должен был именно *видеть* эти фигуры, чтобы за внешним обликом различить их характеры и, следовательно, смысл фавулы.

Споры о «Космографии» ведутся давно. Этьен Жильсон предложил видеть в ней христианскую аллегория, гуманистически скрытую за языческими образами [*Gilson*. 5–24]. Резонной критикой ответил Эрнст Курциус, представив «Космографию», напротив, как настоящую революцию в средневековой литературе, фактически превратив автора в язычника [*Curtius*. 116–121]. Две крайности уравнивал Теодор Сильверстейн, впервые показавший, что в поэтической образности «Космографии» кристаллизовались такие философские, антропологические и богословские концепции, которые трудно было сочетать в строго прозаической форме или в лекциях [*Silverstein* 1948. 114–116]. Клайв Ст. Льюис, очень любивший и хорошо понимавший литературу XII в., сделал «Космографию» одной из иллюстраций к своей «Аллегии любви», оригинальному эссе о средневековой литературе, по которому русскоязычный читатель до сих пор мог в общих чертах познакомиться с содержанием «Космографии» [*Льюис*. 114–124]. Его ученик Брайан Сток, сейчас патриарх медиевистики, написал диссертацию, остающуюся по сей день самым полным и взвешенным ее анализом с точки зрения истории идей [*Stock* 1972]. Тогда же, в 1970-х годах появился очень точный, продуманный, выполненный честной прозой английский перевод Уинтропа Уэзерби, затем критическое издание Питера Дронке, позволившее работать с «Космографией» на уровне современной филологии.

В последние десятилетия, благодаря критическим изданиям известных ранее и вновь открытых текстов, связанных с Шартрской школой, некоторые оценки места Бернарда Сильвестра и его «Космографии» в интеллектуальной истории Запада иногда пересматриваются или нюансируются, но в целом остаются теми, что предложены в 1970-х годах Стоком, Дронке и Уэзерби. Одни, как Уэзерби, настаивают на его связи с Шартром ([*Wetherbee*. 22; *Bernardus Silvestris* 1977]), другие выступают за автономию Тура, настаивая на том, что Бернард именно турецкий, а не шартрский магистр ([*Kauntze*. 50]), третьи интерпретируют «Космографию» как литературную теодицею ([*Ratkowitsch*. 121–132]). Историки философии, не склонные воспринимать поэзию как философскую форму мысли, зачастую попросту игнорируют и Бернарда, и Алана. Весь вопрос в том, как понимать «Шартрскую школу». Даже если Бернард и не был в строгом смысле слова «шартрским поэтом», он, несомненно, принадлежал к этой школе мысли.

Наш перевод выполнен по изданию: *Bernardus Silvestris. Cosmographia* / Ed. P. Dronke. Leiden, 1978. Мы учитывали прозаические переводы на английский (Уэзерби) и французский (Лемуан).

Посвящение

¹ ...*универсуме*... – в оригинале *universitate*. Это слово стало употребляться в значении «мироздания» именно в XII в. и свидетельствует об особом значении космологии в мировоззрении интеллектуалов того времени [*Chenu* 1961. 22–23, 36].

² *Да длится жизнь Ваша в здравии!* – Такое посвящение, унаследованное от Античности, вполне типично для средневековой словесности. Характерно, однако, что Бернард посвящает труд не сильному миру сего, не папе Евгению III, знакомому с сочинением, а именно авторитетному ученому. Сама возвышенная тональность короткого, но емкого текста говорит об уважении ученика к учителю или младшего коллеги – к старшему.

Мегакосмос

¹ *Сильва ~ вещей мешанину.* – Ср.: Овидий. *Метаморфозы*. I, 5–20. Лат. *silva* одного корня с греч. *hyle*, здесь «Иле», т.е. «первоматерия» или «лес», «чаша», одновременно общекосмологическое понятие и зримое, растущее, цветущее проявление жизни в ее первозданном, диком виде. Чуть ниже автор уже приводит прилагательное *silvestris* в значении «дикий». В «Космографии» Сильва выступает под всеми тремя именами.

² *...вглубь проникает Ум...* – Ср.: *Бозций*. Утешение философией. III, ст. 9, 16. *Ум* – т.е. божественный ум, промысел, в оригинале греч. *Noys*, слово женского рода, которое Бернард и его современники, возможно, произносили неправильно, двусловным «Ноис». Мы вынуждены, за неимением лучшего, перевести его «именем» мужского рода.

³ *...будь мне настоящей Минервой.* – Употребление имени Минервы по отношению к Разуму отсылает к гимну Палладе в начале книги VI «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы [*Pabst*. 456]. Возможно, что слова Природы относятся и к голосу поэта, призывающего в начале труда божественную мудрость, подобно тому, как Данте обращается к Аполлону в первой песни «Рая». В то же время, античный образ божественной мудрости связывается с христианской Софией. В свое время Э. Жильсон, чтобы представить Бернарда правоверным католиком, доказывал, что за «Разумом» стоит Бог-Слово, мужское начало. Латинисты XII в. прекрасно знали, что греч. *poys* – женского рода. Полемизируя с ним, Эрнст Курциус, напротив, видел в *Noys* женское начало, эдакое возрожденное античное божество плодородия. Однако верно и то, что средневековая поэтическая аллегория, стараясь придавать персонификации нужный грамматический род, все же могла отсылать к означаемому другого рода [*Zink*. 49]. Теодор Сильверстейн, ища компромисс, предлагал видеть в ней «особую мифическую конструкцию», вобравшую в себя и античную Минерву (прежде всего из Марциана Капеллы), и «премудрость» из соломониных книг Ветхого завета. Брайан Сток резонно замечает, что все эти точки зрения, если не принимать их догматически, дают ключ к пониманию роли Разума в бернардовском повествовании [*Gilson*. 12; *Curtius*. 116–121; *Silverstein*. 1948. 114–116; *Stock*. 88]. Идея Разума как посредника между Богом и миром четко выражена в неоплатоническом ключе Халкидием ([*Calcidio*. 176]), однако его постоянное появление на сцене в сопровождении Природы скорее говорит о влиянии стоического наследия, известного Бернарду по цицероновскому трактату «О природе богов».

⁴ *...чтоб всяк причиной явлений достойной / выступить мог.* – О причинной функции стихий ср.: *Теодорих Шартрский*. Трактат. 17.

⁵ *Все хотят ~ меж ними.* – О спонтанности, хаотичности первоначального движения стихий ср.: *Платон*. Тимей, 53 а.

⁶ *Разве Фортуны слепой шуткою злой и коварной...* – Ср.: *Бозций*. Утешение философией. I. Ст. 5, 28–29.

- ⁷ *Что же, навечно, ответ, Сильва с Нуждой обручилась?* – О связи нужды (carentia) с материей пишет Халкидий в Комментариях на «Тимей» (286–289), цитируя аристотелевскую «Физику» 192 а 13–24.
- ⁸ *...блаженный плод чрева моего...* – Uteri mei beata fecunditas: возможная аллюзия на Деву Марию.
- ⁹ *...дикую...* – Silvestris. Следует учитывать очевидную для латиноязычного читателя связь этого прилагательного с именем одной из главных героинь – Сильвы.
- ¹⁰ *... он разделил ~ укротил вольницу.* – Ср.: *Macrobe. Commentaire*. 1, 6, 23–28.
- ¹¹ *...подчинил числам.* – Ср.: «Тимей». 31 В–32 С.
- ¹² *...приятны взгляду Бога.* – Помимо очевидной отсылки к первой главе Книги Бытия, формула Dei aspectibus placitura явно отсылает к герметическому «Асклепию», гл. 3: «Природа, даруя миру формы с помощью четырех стихий, возводит все сущности к небу, чтобы они порадовали взгляд Бога».
- ¹³ *...бестолковое племя людей...* – *Calcidius. In Timaeum*. 181.
- ¹⁴ *...благо от блага ~ сверхвеликого...* – Bonum bonitatis, как и *высшего и сверхвеликого, Summi et exsuperantissimi* – из «Асклепия», гл. 41.
- ¹⁵ *...предвидение будущего.* – Regum cognitio prefinita. Теодорих Шартрский идентифицирует божественный предвечный промысл, eterna Creatoris de omnibus rebus prefinitia, с бытием Слова. *Теодорих Шартрский*. Трактат. 46. [Gregory 1955. 72–75].
- ¹⁶ *Словно в чистом зеркале...* – Ср.: Премудр. 7, 26.
- ¹⁷ *...жизнетворная искра ~ существе.* – Fomes vivificus, «жизнетворная искра», в представлении Бернарда близка «жизнетворному жару» стоиков, который многое объясняет и у Теодориха Шартрского, и у Гильома Коншского. Энделихия у Бернарда явно берет на себя функции платоновской «души мира». В «Комментариях на первые шесть книг «Энеиды»» она названа своим именем, но походя (на кн. VI, 44). Позаимствованное у Марциана Капеллы, это имя соединило в себе аристотелевские ἐντελέχεια (наша калка «энтелехия», абсолютное совершенство, достижимое органической природой) и ἐνδελέχεια (продолжительность, непрерывность). Марциан, вероятно имел в виду второй термин, когда сделал из Энделехии жену Солнца и мать Психе, т.е. души. Ранние комментаторы «Бракосочетания», Эриугена и Ремигий Осерский, знакомые и с халкидиевыми комментариями на «Тимея», соединили оба термина под эгидой «энтелехии», души мира, высшей и вечно длящейся формы жизни, дарующей внутреннюю жизнь индивидуальной человеческой душе наряду с солнцем, ответственным за земную жизнь [Scoto Eriugena, Remigio di Auxerre, Bernardo Silvestre e Anonimi. 106; Dronke 1974. 109–112].
- ¹⁸ *...тело и душу она скрепила, словно клеем, брачными узлами.* – Глоссатор XIII в. комментирует необычное для него выражение «словно клеем» (quodam glutino) пространственным рассуждением на тему микро- и макрокосмоса: крайние элементы огня и воздуха сцеплены срединными – водой и землей, подобно тому, как тело и душа сцеплены комплекцией и духом, однако последнее сцепление может быть полностью нарушено иссушающим действием морозника, согласно «Афоризмам» Гиппократата (V, 1), «вызывающего смертельные спазмы» (Oxford. Ms. Laud. misc. 515. Fol. 187 r.). Ср. у Алана: «люди скрепляются клеем сердечной дружбы». («Плач Природы». XVIII).
- ¹⁹ *Когда обычная враждебность ~ по сей день.* – Воспринятая из «Тимея» (32 С) идея бракосочетания формы и материи, развитая Халкидием [Calcidio. 300–302] встреча-

- ется и у других мыслителей XII в., вне Шартра: в «Строе мироздания» Доминика Гундисальви, «Сущностях» Германа Каринтийского, «Книжице о смешении элементов» Урсона Салернского.
- ²⁰ ...она не потерпит непрошеного гостя в своем храме. – Возможно, отсылка к тому, что и человек – гость в царстве природы, как Адам – лишь гость в бернардовском эдеме (см. ниже, III, 335–336) и в «Плаче природы», где Гений, священнодействуя в храме Природы, сам произносит формулу отлучения. Отзвук этой отстраненности человека от природы слышится и в небольшом анонимном дидактическом стихотворении того же времени, отразившем, видимо, расхожие среди школяров представления (пер.: [Воскобойников. 2016. 179–180]).
- ²¹ ...стройной чередой вещи начали выходить из утробы матери Сильвы. – На подобной строгой упорядоченности, постепенности порождения вещей, выраженной с помощью глагола *exriscere*, настаивал и Теодорих Шартрский.
- ²² Здесь я богами зову тех, кто пред Господом служит... – Ср.: «Тимей», 39 E–40 A.
- ²³ Космоса выше... – *Extramundanus*. Ср.: *Martianus. De nuptiis*. II, 202.
- ²⁴ В стройном Престолах ~ ума глубина. – Высказывалось мнение, что Бернард помещает Разум среди традиционных ангельских чинов, чтобы подчеркнуть, что он – не лицо Троицы [Silverstein 1948. 108].
- ²⁵ Ведь они властны свою сами силу являть. – Возможно, указывается на то, что чин *Virtutes* (Власти, но так же и «добродетели») как бы иллюстрирует внутренне при- сущие добродетели возможности, выходящие за рамки обыденного хода природы.
- ²⁶ В звездах ~ Нерон... – Выбор Бернарда в данном случае может показаться странным. Мишель Лемуан вышел из положения, интерпретируя глагол *fulgurat* в смысле «про- ливать кровь латинской знати», что все же представляется натяжкой. Тем не менее, поэт-гуманист достаточно хорошо знал римскую историю, чтобы явно иронически поставить в один ряд вполне положительные имена *Magno* и *Migo* и явного отрица- тельного, зато вполне фонетически созвучного *Nero*.
- ²⁷ В милости ~ единожды всю. – Завершение всемирной истории фигурой папы Евге- ния III могло быть элементарным литературным приемом, по-своему куртуазным, *captatio benevolentiae* главы христианского мира, достаточно просвещенного, чтобы дать *imprimatur* столь смелому произведению, вписывающему даже Боговоплоще- ние в звездные судьбы. Неслучайно в этой связи само построение всего периода в *praesens historicum*, объединяющем совершенно мифического Форона с совершен- но конкретным, слушающим поэта здесь и сейчас понтификом. Ср. характеристику Отцеубийцы: *Бернард Сильвестр*. Астролог. 502–508.
- ²⁸ Полюса два ~ повелел. – Две эти строки построены на волнообразном противопоставлении глаголов и прилагательных, выражающих движение и покой, кульмини- рующем в трудно передаваемом парадоксе: *et eternum volvere stare fuit* (буквально «вечное вращение сделалось стоянием»), где сам синтаксис подражает платоновско- му образу кругового движения как вечности. Ср.: «Тимей», 3 D–38 C.
- ²⁹ ...Впрочем, не дав ни одной к точке вернуться своей. – Имеется в виду незавер- шенность этих окружностей, о которой ошибочно пишет уже Макробий, хотя его древние источники имели в виду постоянную скрытость части их за линией гори- зонта, откуда и вошедший у римских астрономов и писателей в употребление гре- ческий термин *kolourgoi*, «с обрезанным хвостом». Ясно, что уже Макробий, знав-

ший греческий, не улавливал точное этимологическое значение слова. Ср.: *Macrobe. Commentaire. I, 15, 14; Гильом Коншский. Философия. II, VII, 18.*

- ³⁰ ...*Бычьих Возов...* – Одно из наименований Большой и Малой Медведиц, которых вместе называл «Колесницами» еще Арат Солийский («Явления». 27), хорошо известный средневековому Западу в латинских переводах. Впряженные в плуг «семь быков», составляющие Малую Медведицу, в том числе, Полярная, на латыни *septem triones*, стали одним из наименований севера, *septentrio*.
- ³¹ ...*Это струит всюду свет Млечным зовущийся Путь.* – Дронке исправил чтение использованных им рукописей *lactea lumen habet* (млечный путь струит свет) на *lactea nomen habet* (имеет название «млечный»), следуя Овидию («Метаморфозы». I, 169). Такая конъектура возможна, учитывая гуманистическую образованность Бернарда, но палеографически не достаточно оправдана, кроме того, видимая «ошибка» рукописей вполне могла быть следствием и сознательного выбора Бернарда. Наш перевод в данном случае придерживается рукописной традиции.
- ³² *И антиподов своих никогда не увидит...* – Об антиподах в связи с астрономией и полюсами ср.: *Martianus. De nuptiis. VI, 605–607.* Учение об антиподах, унаследованное Средневековьем через первых энциклопедистов, несмотря на скепсис Августина («О Граде Божиим», XVI, 9), никогда официально не осуждалось, хотя серьезно и не обсуждалось. В XII в. в связи с изменениями в картине мира и интересом к эмпирическим знаниям, их упоминание, как можно видеть, уже не нуждается в каких-то фигурах речи или идеологических оправданиях. См.: [*Hiatt; Gautier Dalché. 395–417*].
- ³³ *Путь ожидает ~ меньшую сестру.* – «Коленопреклоненный» («Альмагест». VII, 5) идентифицируется с Геркулесом, Гелика и Киносура, кормилицы Зевса – с Большой и Малой Медведицами. Киносура также название Полярной звезды.
- ³⁴ *Персей* – сын Юпитера, «от дождя золотого зачатый Данаей». *Овидий. Метаморфозы. IV, 610.*
- ³⁵ *Много дождей ~ Козлят.* – Ср.: *Овидий. Фасты. V, 113.* Период с восхождения Козлят (октябрь) до нисхождения Плеяд дождлив, сопровождался морскими бурями и считался неблагоприятным еще в древности. См., напр.: *Овидий. Искусство любви. I, 409–412.*
- ³⁶ *Прямо над судном твоим висит, Фрикс...* – Овен, который по преданию перенес Фрикса и Геллу через Геллеспонт. О Дельтовидном созвездии см.: *Гигин. Астрономия. II, 19.*
- ³⁷ ...*полумуж-полужверь.* – Стрелец. Гемония – поэтическое название Фессалии («Метаморфозы», I, 568), родины Хирона.
- ³⁸ *Рыбе другой...* – Южная Рыба (*Гигин. Астрономия. II, 41*) или «Водянистые рыбы» (*Вергилий. Георгики. IV, 234*).
- ³⁹ ...*Близнецов, звездноликих братьев Елены...* – Ср.: *Гораций. Оды. I, 3, 2.*
- ⁴⁰ ...*верная Зевсу Коза...* – Козерог. *Овидий. Фасты. V, 111–128.*
- ⁴¹ ...*мальчишка ~ струю.* – Водолей. *Гигин. Астрономия. II, 29.*
- ⁴² ...*Каждой звезде навсегда имя дал человек.* – Этот пассаж следует сопоставить с «Астрологом». С одной стороны, звезды – *res generalis*, «нечто важное», «общее», они «знают» о судьбах и характерах людей, с другой – они получили имена от человека, и положение фразы *stellis nomina fecit homo* в конце всего каталога неслучайно: не человек создан для звезд, но звезды – для человека.

- ⁴³ *Разум ~ повелел...* – Ср.: Лукан. Фарсалия. X, 39; *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. 12, V, 6.
- ⁴⁴ *другая звезда* – Меркурий.
- ⁴⁵ *...городов горделивых...* – *Стаций*. Фиваида. VIII, 314.
- ⁴⁶ *...если не ранят его.* – То есть при неблагоприятных астрологических обстоятельствах.
- ⁴⁷ *планета старая* – Сатурн.
- ⁴⁸ *Напрое рассечена...* – То есть на три континента – Европу, Африку и Азию. Ср.: *Овидий*. *Фасты*. V, 11.
- ⁴⁹ *...на всех семи поясах.* – О семи поясах или климатах см.: *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. III, 42, 4.
- ⁵⁰ *...ароматов букет* – *Теребинт...* – Бернад мог неправильно понять Плиния Старшего («Естественная история». 16, XXX, 73), приняв название растения, «любящего горы», за название горы, но ниже (ст. 314) он упоминает его и среди растений.
- ⁵¹ *...Пинд и бессмертных гроза олимпийцев Осы вершина...* – *Вергилий*. *Георгики*. I, 281.
- ⁵² *старцу-врачу* – кентавру Хирону.
- ⁵³ *...Вот и Родоп, где любил на струнах играть кифаред.* – «Родопским певцом» называется Орфей *Овидий*: «*Метаморфозы*». X, 11.
- ⁵⁴ *Пелор* – античное название Фаро, северо-восточного мыса Сицилии рядом с Мессинской, одного из углов «треугольника», по-гречески «тринакрии». *Овидий*. *Метаморфозы*. XIII, 726.
- ⁵⁵ *...Западные их теснины, могучим скованы льдом.* – Глоссатор оксфордской рукописи, комментируя неясное выражение *claustra devia* (то ли «непроходимые теснины», то ли «уходящие в сторону»), предлагал видеть здесь «Испанские Пиренеи, называемые по-французски Аспремонте» (Oxford. Bodl. Laud. misc. 515. Fol. 190 v).
- ⁵⁶ *...Волк ~ кабан.* – Возможно, судя по тональности, Бернад полемизирует с Плинием, в конце «Естественной истории» (37, LXXVII, 201) восхваляющим Италию и ее природу.
- ⁵⁷ *...Тело свое от трудов освобождает он сам.* – Согласно Исидору Севильскому («*Этимологии*». XII, I, 39), самцы онагра из любви к своему потомству норовят откусить у своих отпрысков детородные члены, поэтому матери прячут их от отцов.
- ⁵⁸ *...жидкость, струящая свет.* – Согласно Плинию («*Естественная история*». 8, LVII, 137), моча рыси затвердевает и превращается в самоцвет «линкурий» (*Исидор Севильский*. *Этимологии*. XII, II, 20).
- ⁵⁹ *...Сам тех сокровищ лишит, до которых охотник охоч.* – Древние считали, что бобр (*castor*) оскопляет себя, чтобы спастись от охотника, добывавшего бобровые яичники ради бобровой струи. От Исидора Севильского («*Этимологии*». XII, II, 21) эту информацию восприняли и популярные со времен Бернарда латинские бестиарии. Ниже Бернад называет то же животное под его вторым названием *beber*, этимологически родственным нашему «бобр».
- ⁶⁰ *Дева бесстрашная* – Семирамида. *Овидий*. *Метаморфозы*. IV, 57–58.
- ⁶¹ *...досталось напиться золота Крассу...* – По одной из античных версий о гибели Марка Лициния Красса в 53 г. до н.э., парфяне казнили его, влив в рот расплавленное золото (*Лукан*. *Фарсалия*. I, 104–105).

- ⁶² ...*Магн, изведал на деле, / Как безрассудно порой доверять малолетке-царю.* – Помпей был убит заговорщиками в Египте, где формально правил обязанный ему тронем мальчик Птолемей XIII. Согласно Лукану («Фарсалия». VIII, 606–608), это предательство на счету самого «пеллейского мальчика».
- ⁶³ *Авана* (в рукописях ошибочно *Albana* вместо *Abana*) – 4 Цар. 5, 12; *Силоам* – Ис. 8, 6.
- ⁶⁴ *Сигейское поле* – Троя. *Овидий*. Героиды. I, 33.
- ⁶⁵ *По лигурийским лугам...* – Паданскую равнину и Ломбардию часто называли Лигурией.
- ⁶⁶ ...*Агавн ~ легион.* – Имеется в виду Сен-Морис д'Огон (*Augaune*) в нынешнем швейцарском кантоне Вале, где по приказу Максимиана был казнен за верность христианству Фиванский легион под предводительством св. Маврикия. Сейчас это древнейший в Европе действующий монастырь (основан в 515 г.).
- ⁶⁷ *Эридан ~ пожар.* – *Овидий*. *Метаморфозы*. II, 324.
- ⁶⁸ ...*город Мартина ~ стоит.* – Тур. Царящий на Луаре покой, располагающий к ученым занятиям, хвалит в те же годы Аделард Батский в предисловии к «О том же и об ином» [*Adelard of Bath*. 6].
- ⁶⁹ ...*Тополь белеет, в родстве лотос с речною волною.* – *Plinius*. *Historia naturalis*. 13, XXXII, 104–108.
- ⁷⁰ *Гнется калина ~ побегу.* – *Вергилий*. *Георгики*. II, 34.
- ⁷¹ *Пчелам Кекроповым тис особенно вреден всегда.* – Там же. IV, 47; *Кекроповы*, т.е. «аттические», по имени первого легендарного царя Аттики, пчелы (там же. IV, 176).
- ⁷² ...*тамариск низкорослый...* – *Вергилий*. *Буколики*. 4, 2.
- ⁷³ ...*вяз нежен с лозою...* – *Гораций*. *Послания*. I, 16, 3.
- ⁷⁴ ...*Лоно покинуть земли вереск отнюдь не спешит.* – Возможно, если верна предложенная Уззерби идентификация редкого термина *cinus* с вереском, имеется в виду бриар – очень твердый корнекаповый нарост вереска, из которого в Новое время стали изготавливать курительные трубки.
- ⁷⁵ *Лес Алкиноев ~ приносит плоды.* – Трехчастное деление *Бернард* заимствовал у *Вергилия*: «*Георгики*». II, 9–21.
- ⁷⁶ ...*малый орех пищу Филлиде дает.* – Фракийская царевна после смерти превратилась в миндальное дерево. Ср.: *Вергилий*. *Буколики*. VII, 63–64.
- ⁷⁷ *Кедр приносит плоды с крепким тройным ароматом...* – *Бернард* путает *cedrus* и *citrus*, «мидийское яблоко» древних. *Вергилий*. *Георгики*, II, 126–135.
- ⁷⁸ *Мирт у Венеры в долгу, благодарен и лавр Аполлону...* – *Вергилий*. *Буколики*. VII, 62.
- ⁷⁹ ...*Миру с косматой главой этот неведом бальзам.* – *Вергилий* упоминает бальзамные деревья среди индийских диковин («*Георгики*». II, 118).
- ⁸⁰ ...*как липкая камедь, / Что посылает араб...* – *Гуммиарабик*. *Гелиады* – тополя, в которые превратились сестры *Фаэтона*: их слезы по погибшему брату превратились в смолу. *Марциал*. *Эпиграммы*. IV, 59, 1–2; см. также III, 65, 5–6; VI, 15, 2.
- ⁸¹ *По безмятежным лесам ~ случайно растет.* – описание *Эдема*, основанное на классических пасторальных образцах *locus amoenus* [*Curtius*. 202–206], но дополненное важным для *Бернарда* христианским лейтмотивом потерянность рая, его недоступности для человека. *Limpha fugax*, «резвая струя», взятая из *горациевского* размышления о быстротечности человеческой жизни (*Оды*. II, 3, 13), сочетается с ностальгической христианской рефлексией. Резонно указывалось, что *Бернард* отчасти отклоняется от традиционной интерпретации рая как места жизни *Адама*, акцен-

- тируя с помощью синтаксиса краткость этого пребывания и, следовательно, мотив отчуждения [Otten. 22]. Современник Бернарда Гонорий Августодунский считал, что Адам и Ева пробыли в земном раю всего семь часов (*Honorius Augustodunensis. Imago mundi. III, 1. P. 123–124*).
- ⁸² *Зелень Арицию скрyla с ее вяло текущей водою...* – Арицийская роща рядом с озером Неми в Лацио в древности была местом культа Дианы. См., напр.: *Овидий. Фасты. III, 261–276*. Возможно, этим же местом навеяно описание ручья в земном раю (331–334).
- ⁸³ *Девять сестер ~ лес Пиерийский пленил.* – Пиериды (или Пиэриды) – один из распространенных эпитетов муз.
- ⁸⁴ *Сень ~ благоволит.* – О Гринийской роще Аполлона в Малой Азии Бернард мог знать из Вергилия («Буколики». VI, 72–73) с кратким комментарием Сервия.
- ⁸⁵ *Кроны деревьев в борьбу с самим небосводом вступают / В Индии...* – Ср.: *Вергилий. Георгики. II, 122–124*.
- ⁸⁶ *Сила ~ виден блеск парусов.* – Сила (Sila) – высокогорное плато в Калабрии, между Ионическим и Тирренским морями.
- ⁸⁷ *Вастом владеет Турень, Арморика – Броселиандом...* – *Васт* – имеется в виду провинция Гатинэ на берегах Луары в районе Орлеана, своим названием обязанная видоизмененному под германским влиянием лат. *vastum* в значении «пустошь», «просека», «расчистка». Это слово вошло в ряд северофранцузских топонимов XI–XIII вв., указывая на плохо обработанную, очищенную от лесов землю (ср. фр. *terre gâtine*). Возможна также аллюзия на артуровский цикл, учитывая упоминание здесь же знаменитого Броселиандского леса в Арморике (Бретани).
- ⁸⁸ *Близко к Авроре ~ достоянье обрел.* – Строки 317–354 присутствуют лишь в семи рукописях из 41, содержащей полный текст «Мегакосмоса», что заставило Андре Верне поставить под вопрос их аутентичность, но целый ряд аргументов, прежде всего смысловая согласованность со всей поэмой говорит в ее пользу [Vernet. 222–226]. Бернард, безусловно, смело и новаторски объединяет античные мифы, восточную экзотику (индийские специи), философскую доксографию (роща Академа и Ликей), риторику *locus amoenus* и географию знакомой ему Северной и Центральной Франции с важным для христианской системы ценностей образом потерянного в наказание за Грехопадение рая, становящимся здесь как бы просто звеном в цепи исторических событий, однако выделенным эмоциональным, как бы невзначай брошенным «мнится мне» (геог).
- ⁸⁹ *...чечевица слепая.* – Непонятно, почему чечевица названа слепой. Современное слово «линза» вошло в оптику в XVII в. от латинского названия круглого приплюснутого семени чечевицы – *lens*.
- ⁹⁰ *...Саду любому краса – роза, а лилия – долу.* – Ср.: *Песн. 2, 1*.
- ⁹¹ *...чабер столь же веселый, / Схож с ними сатирикон, что старика молодит.* – Бернард различает *satyreia* («чабер») и *satiricon*, в древности синоним афродизиака. Ср.: *Plinius. Historia naturalis. XXVI, LXII, 96; Isidorus Hispelensis. Etymologiae. 17, IX, 43*. Обилие растений подобного свойства, связанных с гинекологией и в той или иной степени с сексуальностью, дали повод некоторым исследователям видеть в «Космографии» «атмосферу, наполненную культом плодородия, в котором слились религия и сексуальность» [Curtius. 121–122]. В том же ключе, с глухой ссылкой на уже доступную в те годы в Салерно и, возможно, частично доступную и Бернарду

- медицинскую и фармакологическую литературу, трактует этот вопрос Жан Жоливе [Jolivet. 22].
- ⁹² ...цветок ~ за супругом своим. – Бернад не называет растение, хотя и дает волю аллитерации: *Se reserat, Solem sponsam secuta suum*. Лемуан предполагает, что речь идет о цветущем садовом вьюнке.
- ⁹³ ...укроп ~ прогнать... – Ср.: *Isidorus Hispalensis. Etymologiae*. 17, XI, 4.
- ⁹⁴ ...С кожей старой змея и лет застарелое бремя / Сбрасывает... – Ср.: *Овидий. Искусство любви*. III, 77.
- ⁹⁵ Тяжесть в желудке все семь сортов облегчат молочая... – Ср.: *Plinius. Historia naturalis*. XXVI, VIII, 62–71.
- ⁹⁶ ...Любит Арморик ~ не страшит... – *Исидор Севильский. Этимологии*. 12, VI, 11.
- ⁹⁷ ...Вовсе безвкусна треска... – В оригинале, как считает Уэзерби, возможна игра слов: *motius insipidus* – «безвкусная треска», *motio insipiens* – «безумный дурак». В рукописях встречается и *insipidus*, и *insipiens*.
- ⁹⁸ ...Обновляется он с каждой новой луной. – *Гораций. Сатиры*. 2, 4, 30.
- ⁹⁹ ...погружает его в забытьё. – *Calcidius. In Timaeum*. 237.
- ¹⁰⁰ Славу ~ озер. – Исключено из издания Дронке, хотя отсылки к реалиям долины Луары встречаются у Бернарда не раз, и нет достаточно веских оснований, чтобы считать фразу неавторской интерполяцией.
- ¹⁰¹ Стримон – река Струма в Болгарии и Греции. О рисунке, прочерчиваемом стаей журавлей, писали и древние: *Лукан. Фарсалия*. 5, 716.
- ¹⁰² Птицу Юноны ~ скрывать своего. – *Птица Юноны* – павлин, далее аллюзия на любвеобильность голубя. Ср.: *Овидий. Любовные элегии*. II, VI, 55–56.
- ¹⁰³ Каждой весною ~ пернатая грудь. – Имеются в виду Филомела и Прокна, превращенные в ласточку и соловья. См.: *Овидий. Метаморфозы*. VI, 412–67.
- ¹⁰⁴ ...второму имя дал Фазис... – То есть фазан. Этимология точна.
- ¹⁰⁵ ...куропатка... – До превращения в птицу юный ученик и племянник Дедала Пердикс изобрел пилу, из зависти был сброшен им со скалы, но спасен и превращен в куропатку благосклонной к талантам Афиной. *Овидий. Метаморфозы*. VIII, 236–249.
- ¹⁰⁶ ...века зрит старуха-ворона... – *Овидий. Любовные элегии*. II, VI, 36.
- ¹⁰⁷ ...Слезно сипуха поет на похоронный мотив. – Овидий наделяет сипуху зловещими качествами ведьмы. *Овидий. Фасты*. VI, 131–168.
- ¹⁰⁸ Все ~ природу своего бытия. – Идея того, что движение звезд (тверди) управляет жизнью на земле, воспринята Бернадом и некоторыми его современниками и потомками (Герман Каринтийский, Доминик Гундисальви и др.) из целого ряда источников, особое значение среди которых принадлежит энциклопедическому введению в астрологию арабоязычного персидского астролога Абу Ма'шара. В первых главах его «Большого введения», быстро ставшего одним из самых популярных на Западе учебников, эта мысль раскрывается с опорой на аристотелевскую философию [Letau. 257–271]. Герметический «Асклепий» (гл. 3) называет «чувственным богом» небесную твердь, дающую жизнь всему живому, за рост и убывание которого отвечают затем солнце и луна.
- ¹⁰⁹ Огонь ~ низшим стихиям. – О значении огня рассуждали в XII в. многие, опираясь на «Асклепия», «Большое введение» Альбумазара и отчасти на наследие стоиков:

- согласно Цицерону, огонь одновременно субстанция и жизненная сила («О природе богов». II, 9, 23–24) [*Stock*. 139–141].
- ¹¹⁰ *Первой вышла Материя ~ их сочетания.* – В оригинале фраза представляет собой череду полиптов: *Natura elementans – elementa – elementata*, где из слова «стихия» (*elementum*) сначала делается активное причастие *elementans*, а потом субстантивированное пассивное причастие *elementatum*, используемое и Гильомом Коншским.
- ¹¹¹ *Светила ~ лежащих под ними стихий.* – На особой роли Солнца и Луны настаивают Альбумазар («*Introductorium maius*». 3, 4) и вслед за ним Герман Каринтийский («*De essentiis*». 190, 212). Такое их выделение закрепилось в астрологической мысли средневекового Запада.
- ¹¹² *Целокупность ~ жизненного начала.* – Переосмысление «Асклепия», гл. 14.
- ¹¹³ *В Боге ~ понимание.* – *Фирмик Матерн*. Астрология. 1, 5, 7–9. Цицерон. О природе богов. II, VI, 16.
- ¹¹⁴ *...мир представляет собой нечто дышащее, и в этой цепи...* – Ср.: *Macrobe*. *Commentaire* 1, 14, 15.
- ¹¹⁵ *Каким ~ границы.* – Ср.: «Тимей», 32 с d.
- ¹¹⁶ *Рожденные ~ похожие на них.* – Ср.: *Calcidius*. In *Timaeum*. 105; «Тимей». 37 с–38 с. Дронке указывает на важность для всей космогонии и Бернарда, и Алана разделения *perpetuum*, т.е. как бы тварной вечности природы и первообразов вещей, и *eternum*, вечности, присущей лишь божеству [*Dronke* 1992. 31–32].
- ¹¹⁷ *...Вечность ~ управлению миром.* – Ср. соотношение вечности и времени в герметической традиции: «*Asclepius*». 30–31; *Hermes Trismegistus*. 38.
- ¹¹⁸ *...Имармене ~ всю вселенную.* – Самое близкое к бернардовскому определение Имармене, «необходимости», дает Цицерон («О гадании». I, 55, 125). Общее представление о такой эманации бытия шартрские мыслители восприняли от своих основных авторитетов: Боэция («Утешение Философией». 4, проза 6), Макробия («Комментарий». I, 14, 15), из «Асклепия» (гл. 39). Теодорих Шартрский, комментируя «О Троице» Боэция (2, 21, «*Commentaries*». 284), писал, что одни называют необходимость законом природы, другие – природой, третьи – душой мира, иные – естественной справедливостью, «имармене», роком, Парками, Божественным разумением. Природа как «мастер», «ремесленник» (*artifex*) выступит под именем Фюсис в «Микрокосмосе». Об этом образе у Бернарда см.: [*Silverstein*. 1948. 104–106].

Микрокосмос

- ¹ *Анастрос – Martianus Capella*. *De nuptiis*. VIII, 814.
- ² *...Апланос, к последним пределам небесной тверди.* – *Апланос*, от греч. ἀπλανής, «неизменный», согласно неоплатоническим воззрениям в передаче Макробия («*Commentarius*». I, XI, 6), верхняя граница не подверженного изменениям мира, доходящего до сферы луны исключительно жилища бессмертных душ. Термин встречается и в «Комментарии на первые шесть книг “Энеиды”» (кн. VI).
- ³ *...Усиархом...* – В рукописях *Ouarses*. Дронке резонно предлагает понимать под этим стяженное греческое «усиарх», т.е. буквально «властелин бытия». Далее усиархами называются «властелины» планет, что соответствует принятой в латиноязычной астрологии термину *dominus*.

- ⁴ *Вышнего...сейчас.* – В стихе IV используется редкое в Средние века сочетание гекзаметра с неусеченным тетраметром. Бернард позаимствовал его, видимо, у Бозция («Утешение философией». I, ст. 3).
- ⁵ *...И завершится сей труд...* – Quadret opus. О homo quadratus в эстетике XII в. см.: [De Bruyne. II, 357–365].
- ⁶ *Тугатон* – от греч. «благо», эпитет Бога.
- ⁷ *...вновь слились с собственным источником.* – Ср.: «Асклепий». 19. Описание Троицы в метафорике света ср.: «О небесной иерархии». 12.
- ⁸ *...его называют Помогающим, от глагола «помогать»...* – Смысловая этимология Iovem / iuvando. Ср.: Цицерон. О природе богов. II, XXV, 64.
- ⁹ *...все пространство от Луны до Сатурна стали называть царством Клото.* – Согласно Халкидию, от Клото, которая «находится в постоянном беспорядочном движении, происходит все, что вызвано беспорядочным движением различной природы» (Calcidius. In Timaeum. 144).
- ¹⁰ *...Огненный Флегетон, берущий начало в сфере Марса.* – Martianus Capella. De nuptiis. II, 195.
- ¹¹ *...Огневик...* – В оригинале греч. Pirois, ср.: Цицерон. О природе богов. II, XX, 53.
- ¹² *Мировой ум – mens mundi,* этот эпитет не следует путать ни с «душой мира», anima mundi, ни с Разумом, Noys. Применительно к солнцу образ заимствован из Макробия («Commentarius». I, 20, 6).
- ¹³ *Сыновья ~ девушки.* – Плод Весны (Fructus Veris) и Быстрота (Celeritas) упоминаются Марцианом (Марциан Капелла. Бракосочетание. I, 50–53). Глоссатор оксфордской рукописи считает, что четыре фигуры символизируют умеренный жар (Фазтон), плодородие (Плод Весны), естественный рост (Психе) и скоротечность жизни (Быстрота).
- ¹⁴ *...Киллению.* – Меркурию, родившемуся в пещере горы Киллена. Вергилий. Энеида. IV, 253.
- ¹⁵ *Меркурий шествовал ~ с признаками двух тел.* – Курциус видел в этом пассаже свидетельство вековой рефлексии средневековых поэтов над гомосексуализмом, идущей, как ему казалось, вразрез с церковной традицией безоговорочного осуждения содомии [Curtius. 123–127].
- ¹⁶ *...Луна ~ областей.* – О двойственном положении Луны пишет, вслед за Альбумазаром, и Герман Каринтийский, который видит в ней «последнее вместилище всех свойств эфира, некие врата в нижний мир» («De essentiis». 130). См. также: [Letau. 254].
- ¹⁷ *Божественность ее ~ на голове.* – Описание, связывающее Луну с Луциной, Дианой и Гекатой частично основано на Марциане («De nuptiis». II. 170).
- ¹⁸ *Фриксов баран* – Овен.
- ¹⁹ *...гомеровской Золотой цепи...* – Известное место из «Илиады» (VIII, 9) Макробий комментировал в том смысле, что эта цепь соединяет космос, от бога до глины («Commentarius». 1, 14, 15). См.: [Лавджой; Fauth].
- ²⁰ *...принялась разъяснять...* – Отсюда до конца главы VIII следует монолог Урании.
- ²¹ *множество ангелов* – демоны.
- ²² *...полки ~ называемых.* – Серафимы.
- ²³ *...в мире Божьем ~ всякого ума.* – Ср.: Флп. 4, 7.
- ²⁴ *...и светом, и достоинством...* – В оригинале игра слов: et luminis et numinis.

- ²⁵ ...*в молчаливой задумчивости...* – Tacitis cogitationibus. Возможно, намек на грех уныния, *acedia*, традиционно бичевавшийся в монашеской среде.
- ²⁶ ...*«повелителем теней»...* – Summus manium, толкование Марциана: «De nuptiis». II, 161.
- ²⁷ ...*Апланон отчего супротив семерицы несется...* – В геоцентрической системе считалось, что сфера неподвижных звезд, изредка называемая Апланон, вращается в направлении, противоположном движению семи планет.
- ²⁸ ...*Вот разлилась по полям...* – В оригинале непереводаемая игра слов, основанная на созвучии *proserpendo* / *Proserpina*, знакомая уже Августину («О Граде Божиим». VII, 20).
- ²⁹ ...*Так несхожее слить может только любовь.* – Ср.: *Бозций*. Утешение. II, ст. 8, 29. О космологическом значении любви у Бернарда см.: [Dronke. 1984. 466–470].
- ³⁰ ...*Но принимает ~ раздельно уже.* – *Simplicitas anime sic transit in alteritatem / divisumque genus dividit illud idem*. Душа, изначально простая и неделимая, входя в тело, соглашается сначала раздвоиться (между собой и телом), затем процесс ее разделения или «распределения» по телу продолжается, не приводя при этом к ее растворению или разложению, на что указывают конечные *illud idem*. О отношении единства и разделения в отношениях между Богом и творением ср.: *Теодорих Шартрский*. Трактат. 31–33.
- ³¹ *Формы ~ разлучает она.* – Риторически настойчивый повтор слова «вещь» в пяти строках неслучаен.
- ³² *Эоловы сыновья* – ветры. *Вергилий*. Энеида. I, 60–63.
- ³³ *растительности* – *graminum*.
- ³⁴ ...*лона...* – Мы исходим из чтения *gremio*, принятого Верне, Уэзерби и Лемуаном, более подходящего по смыслу, чем предложенное Дронке *Genio*.
- ³⁵ ...*И лишь тончайшая нить человека от них отделит.* – Ср. ключевую для средневековой христианской антропологии библейскую фразу: «Немного Ты умалил его пред Ангелами». (Пс. 8, 6).
- ³⁶ *Ростом своим ~ неложный закон.* – Связь «вертикали» в строении человека с его достоинством, унаследованная от античности, традиционна для средневековой антропологии, в особенности для гуманистического климата XII в. [Southern. 39–40; Silverstein 97].
- ³⁷ *Но когда ~ жилище его.* – В схожих выражениях смерть описывается в «Асклепии» (гл. 27).
- ³⁸ ...*изображенным в виде головы...* – *Quem pagina designabat ab occipitis regione*. Скорее всего Берnard вырисовывает перед читателем мысленную генеалогию, в корне которой действительно могла быть изображена голова родоначальника, в данном случае Адама.
- ³⁹ *Физис ~ начинаниям.* – Эта фраза присутствует в изданиях Вробеля-Бараха и Верне, но без объяснений опущена в издании Дронке, возможно, просто по недосмотру.
- ⁴⁰ *Она увидела ~ стихий.* – Ср.: «Тимей». 49–51; *Calcidius*. In *Timaeum*. 308–309, 317.
- ⁴¹ ...*называется комплекцией.* – Понятие комплекции, соотношения стихий в теле, могло быть знакомо Бернаруду по «Пантехне» Константина Африканского (IV, 1).
- ⁴² *Бедный ~ чувствует ртом.* – Такой сарказм вполне типичен для литературного сознания эпохи трубадуров, миннезингеров и вагантов.

⁴³ *панхеей* – растением, в древности известным своей смолой. *Вергилий*. Георгики. 2, 139.

⁴⁴ ...*Гениям* ~ *спасенье и жизнь*. – Вряд ли имеются в виду некие брачные духи, как предлагал Сильверстайн [Silverstein 1948. 109]. Возможно, это «мужское и женское жизненные начала, скрывающиеся в материи» ([*Stock*. 218–219]), инстинкт к размножению, присущий обоим полам.

Бернард Сильвестр

Астролог

«Астролога» можно отнести к малым сочинениям Бернарда Сильвестра, наряду с «Близнецами» и «Неблагодарным бедняком». Эта поэма никогда не пользовалась известностью и авторитетом, сопоставимыми с его же «Космографией», но важна и для понимания *opus magnum* и для реконструкции мировоззрения современников автора, для которых тема свободы воли и рока была такой же животрепещущей, как во все времена.

Тема взята Бернардом из IV декламации Псевдо-Квинтилиана. Ситуация, изображаемая в ней, такова. Есть два закона: один – «храбрый муж может требовать награду, какую хочет»; другой – если человек, намеренный совершить самоубийство, не оправдает своего решения перед сенатом, его тело следует бросить непогребенным. «Некто спрашивал у астролога совета насчет ребенка, которого предстояло родить его жене. Тот отвечал, что рожденный ею станет храбрым мужем, но впоследствии – отцеубийцей. Ребенок родился, вырос и храбро сражался за отчизну на войне. Он сообщает сенату причины, по которым хочет умереть; отец выступает против» («*Declamationes*». 67). Речь главного героя перед сенатом, составляющая все содержание IV декламации, у Бернарда занимает одну пятую поэмы. У Псевдо-Квинтилиана отец относится к своему сыну и предполагаемому убийце доброжелательно и без боязни, а у Бернарда он безуспешно пытается убить сына в младенчестве; у Псевдо-Квинтилиана мальчик растет в родном доме, зная предсказанную ему судьбу, а у Бернарда – вдали от родителей, ничего не зная о пророчестве. У Бернарда юноша, которого мать нарекла Отцеубийцей, становится правителем родного города. Учитывая эти нововведения, П. Дронке заметил, что Бернард насыщает сюжет своей поэмы элементами Эдипова мифа, известного ему из «Фиваиды» Стация и других источников [Dronke 1974. 128–130].

Действие поэмы Бернард помещает в весьма условный древний Рим – царство, республика и империя одновременно; герою предлагают ложе Лукреции, он ведет войну с Ганнибалом; в его речах упоминаются Марий, Сулла, Цезарь и даже Юстиниан. Бернард намеренно подчеркивает, что место действия – мир, где моральные и метафизические проблемы равно сказочны и равно далеки от христианского общества XII в. [Dronke 1974. 129]. По замечанию У. Уэзерби, повествователь явно отстраняется от своей истории: он не выражает сочувствия герою и не высказывает ему порицания, он не занимает ясной позиции в отношении пророчества астролога, он может заявлять, что боги сговорились с судьбой обеспечить Отцеубийце победу над карфагенянами – и тут же приписывать его триумф слепому случаю и капризной Фортуне [Bernardus Silvestris 2015. XXXV]. Это породило среди медиевистов разноречивые мнения об ав-

торском отношении к астрологии и к проблеме рока вообще. См. напр.: [Thorndike. 108–109; Godman. 242–263].

«Астролог», известный сегодня по десяти полным и шести неполным рукописям, был издан впервые в 1704 г., затем 1854 г. в «Латинской патрологии» (Т. 172) среди сочинений Хильдеберта Лаварденского. Авторство Бернарда было установлено Б. Орео [Hauréau 1895]. Настоящий перевод выполнен по изданию У. Уэзерби [Bernardus Silvestris 2015]; для сверки привлекался также английский перевод Д. Стоун [Bernardus Silvestris 1996] и немецкий в издании Я. Прелога, М. Хайма и М. Кисслиха [Bernardus Silvestris 1993].

- ¹ ...*Чтоб и счастливым всегда повод для скорби иметь.* – Ср.: Гораций. Оды. II, 16, 27 сл.; Бозций. Утешение Философией. II, рг. 4.
- ² *В Риме был рыцарь...* – Бернард вводит в поэму элемент народной сказки: почтенная чета, благородная и добродетельная, но долго не имеющая детей. Астролог здесь играет роль злой феи: он предсказывает, что у них родится ребенок, который будет одарен всеми мыслимыми совершенствами, станет римским царем, но убьет отца [Dronke 1974. 129].
- ³ ...*у пригожих сия добродетель – Редкость...* – Образец для этой сентенции – Ювенал. Сатиры. X, 297: «Зная, как редко живут красота со стыдливостью вместе» (пер. Ф.А. Петровского).
- ⁴ ...*какое Судьбы уложенье...* – Ср.: Вергилий. Энеида. V, 707.
- ⁵ ...*Ведать Природы дела и глубоко скрытые тайны...* – Ср.: Вергилий. Энеида. III, 32; Лукан. Фарсалия. X, 189–190.
- ⁶ ...*звездами движет число...* – Ср.: Лукан. Фарсалия. I, 641.
- ⁷ *Ликом Парису дитя, душою Ахиллу подобно...* – Ср.: Hildebertus Lavardensis. Carmina minora. Supplementum 3, 13: «В лике Терсит у него, душою ж Оресту подобен».
- ⁸ ...*Граду Ромулову...* – Ср.: Овидий. Метаморфозы. XV, 625; Фасты. V, 260.
- ⁹ ...*но смолкну...* – Ср.: Овидий. Героиды. XX, 51; Стаций. Фиваида. IV, 517; Ахиллеида. I, 158.
- ¹⁰ ...*Радоваться иль скорбеть...* – Ср.: Гораций. Послания. I, 6, 12.
- ¹¹ ...*о единая мне отрада...* – Ср.: Овидий. Героиды. XIX, 17; Вергилий. Энеида. VIII, 581.
- ¹² ...*половина моей жизни!* – Формула, восходящая к Горацию (Оды. I, 3, 8: «души половина моей»). Ср: Овидий. Фасты. V, 459.
- ¹³ ...*дитя или супруга щадить.* – Один из главных классических образцов для Бернарда, Овидий, в этом случае предлагает ему не только стилистический прием, но и сюжетную ситуацию: ср. историю Алтеи, в которой «борются мать и сестра», пока она колеблется отомстить своему сыну Мелеагру за убийство ее братьев («Метаморфозы». VIII, 445 сл.) [Godman. 249–250].
- ¹⁴ ...*своей улыбавшийся матери...* – Мессиянские характеристики чудесного младенца не только прямо выражены в ст. 87–88, но и подчеркнуты в ст. 93 аллюзией на знаменитую IV эклогу Вергилия (ст. 62) [Godman. 249].
- ¹⁵ ...*готовилась быть своему исчадью Медеей...* – Ср.: Овидий. Героиды. VI, 151; Сенека. Медея. 171, 910.
- ¹⁶ *Счастливы в изгнании...* – Ср.: Овидий. Метаморфозы. III, 132.
- ¹⁷ ...*Столь он красив, что хвалу и от врага бы стяжал.* – Ср.: Вергилий. Энеида. I, 625.

- ¹⁸ *Внутренний человек* (interior homo) – новозаветный образ: Рим. 7, 22; Еф. 3, 16.
- ¹⁹ ...*Нес на себе небеса, чтоб Геркулеса сменить.* – Геркулес помог Атласу, несущему на себе небо, в его трудах. Согласно Сервию (Комментарии к «Энеиде». I, 741), Атлас наставлял Геркулеса в астрономии. Это истолкование стало расхожим. Ср.: *Isidorus Hispalensis*. Etymologiae. III, 25, 1; III Mythographus Vaticanus. 13, 4.
- ²⁰ ...*пространную он в восприимчивом сердце обитель...* подал искусствам семи. – То есть освоил дисциплины тривиума и квадравиума.
- ²¹ ...*Племени Ромулова славой...* – Ср.: *Вергилий*. Энеида. VI, 767; *Овидий*. Метаморфозы. XII, 530; Любовные элегии. III, 15, 8.
- ²² ...*знаменщиком стал Авзонийской страны.* – Неясно, что Бернард понимает под *знаменщиком* (signifer; ср. ниже, ст. 167), но во всяком случае это должность, много более почетная, чем обычный знаменосец, который был в каждой римской центурии.
- ²³ ...*Фортуна трудится...* – Ср.: *Лукан*. Фарсалия. I, 264.
- ²⁴ ...*чин роковой велит...* – Ср.: *Вергилий*. Энеида. V, 707.
- ²⁵ ...*град Карфаген, завидуя римской / Славее...* – Ср.: *Саллюстий*. Заговор Катилины. 10, 1; *Августин*. О граде Божием. I, 30.
- ²⁶ ...*орлов выдвигают злосчастные стяги...* – Ср.: *Лукан*. Фарсалия. III, 330.
- ²⁷ ...*царственный Рим...* – *Гораций*. Послания. I, 7, 44.
- ²⁸ ...*Наша жизнь – лишь предмет для посмеянья богов.* – Сентенция, высказанная в ст. 175–176, – расхожая в римской классике: ср. напр.: *Вергилий*. Буколики. IX, 5. *Слепой жребий* появляется у Горация («Сатиры». II, 3, 269), Лукана («Фарсалия». V, 66), Сенеки («Финикиянки». 631 сл.).
- ²⁹ ...*Дав после тяжких судеб благоприятный исход.* – Ср.: *Лукан*. Фарсалия. IV, 121 сл.
- ³⁰ ...*погрузили в стенания город...* – Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 594.
- ³¹ ...*тяжкому гневу владык...* – Ср.: *Сенека*. Медея. 494: «Царский гнев всегда тяжел».
- ³² ...*лавроносны кому колесницы...* – То есть триумфальные колесницы, украшенные лавром. Ср.: *Лукан*. Фарсалия. V, 332; *Стаций*. Фиваида. VIII, 174; XII, 520; *Клавдиан*. Консульство Стилихона. III, 20 сл.
- ³³ ...*«Юноша, ты ~ благосклонной звезды...* – Ср.: *Гораций*. Оды. IV, 3, 1 сл. Драматическая ирония: царь, ничего не знающий о пророчестве, считает, что Отцеубийца рожден под счастливой звездой [*Dronke* 1974. 131].
- ³⁴ ...*не слыть ей слепую, Фортуна...* – Появившееся еще в античности и распространенное в Средние века (Бозций, Боккаччо, Чосер) представление о Фортуне как слепой или имеющей повязку на глазах (см.: [*Patch*. 12, 44]).
- ³⁵ ...*мощной Природы...* – Ср.: *Гораций*. Сатиры. II. 1. 51; *Овидий*. Метаморфозы. X, 352 сл.; *Сенека*. Федра, 1114 сл.
- ³⁶ ...*Дабы доблесть твою должной наградой почтить.* – Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 537 сл.
- ³⁷ ...*На колесницу, что дал для торжества тебе Рим.* – Ср.: *Овидий*. Письма с Понта. III, 4. 95.
- ³⁸ ...*прозирающим будущность лавром...* – Поскольку лавр принадлежит Аполлону, предсказывающему будущее. У Бернарда – цитата из Клавдиана («Похищение Прозерпины». II, 109); ср.: *Овидий*. Фасты. III, 19.
- ³⁹ ...*онный пристал им венец...* – Ср.: *Овидий*. Письма с Понта. III, 4. 64.
- ⁴⁰ ...*ввысь твоё имя взнесет.* – Ср.: *Вергилий*. Энеида. VII, 98 сл.

- ⁴¹ ...И, на коней белоснежных взойдя... к Капитолийскому он держит Юпитеру путь. – Колесница, запряженная белыми конями, и торжественный путь на Капитолий – характерные черты римского триумфа.
- ⁴² ...супружеская любовь и брачные узы... – Ср.: Овидий. Письма с Понта. III, 1, 73.
- ⁴³ ...и мужа тогда одолевает в ней сын. – Ср.: Сенека. Троянки, 643 сл.
- ⁴⁴ ...ярую брань матерь с женою ведет. – Ср.: Овидий. Метаморфозы. VIII, 463 сл.
- ⁴⁵ ...сабинской полна нежностью... – Прославленную добродетельность сабинских женщин упоминает Овидий («Любовные элегии». I, 8, 39–40; II, 4, 15; III, 8, 61). Бернард, возможно, помнил о сабинянке Герсилии, жене Ромула, чья скорбь по умершему мужу понудила Юнону превратить ее в созвездие Гора (Овидий. Метаморфозы. XIV, 829–851).
- ⁴⁶ ...Долго таимы, теперь свободной стезею, как войска / Тесно сомкнутый строй, слезы текут у нее. – Ср.: Овидий. Любовные элегии. I, 7, 57; Вергилий. Энеида. I, 82 сл.
- ⁴⁷ Святоство брака и верностью он заклинает супружней... – Ср.: Вергилий. Энеида. IV. 316 сл.; Овидий. Метаморфозы. VI, 498 сл.
- ⁴⁸ ...«Пеняю не зря на тебя, о мать-Природа, / Свой к совершенству вовек не приводившая труд. – Ср.: Лукан. Фарсалия. IX, 855; Лукреций. О природе вещей. II, 1116 сл.
- ⁴⁹ Кротким порою и лев бывает, отбросив свирепость... – Ср.: Овидий. Скорбные элегии. IV, 6, 5–6.
- ⁵⁰ ...Вран белоснежный тогда б меньшей диковиной был. – Ср.: Ювенал. Сатиры. VII, 202.
- ⁵¹ Новую казнь, о супруг, отыщи... – Ср.: Сенека. Медея. 898 сл.
- ⁵² Суд Радаманта... – О критском царе Радаманте, ставшем после смерти судьей в подземном царстве, см.: Вергилий. Энеида. VI, 566–569. Бернард Сильвестр дает ему аллегорическую трактовку в Комментариях на «Энеиду», VI, 431.
- ⁵³ ...чтоб войну завязала / Мать с утробой своей... – Ср.: Овидий. Лекарство от любви. 59.
- ⁵⁴ Но природа, сильней всех угроз и всех увещаний... – Ср.: Ювенал. Сатиры. X, 303.
- ⁵⁵ ...виною назвать это можешь иль злодеяньем... – Ср.: Овидий. Письма с Понта. I, 6, 25.
- ⁵⁶ ...под поясами семью (sub septeno climate). – О «климатах» или «поясах» (zoniae) см.: Macrobius. In somnium Scipionis. II, 5, 7; Исидор Севильский. Этимологии. III, 42, 4. Небесные «климаты» соотносятся с земными, представленными Бернардом в «Мегакосме» (III, 61–62) как пояса, охватывающие землю.
- ⁵⁷ ...«Радость святая моя, подруга моя дорогая, / Пени оставь, удержи слезы, боязнь умири. – Ср.: Hildebertus Lavardensis. Prosimetrum de querimonia. Carm. I, 39: «Милая спутница, страх отложи, оставь свои пени».
- ⁵⁸ С деревом старым я схож: побег, от корней его взросший, / Будут беречь... – Ср.: Сенека. Троянки. 541.
- ⁵⁹ ...Радости полный дух щедрым любезен богам. – Ср.: 2 Кор. 9, 7: «Охотно (в Вульгате буквально: «радостно», hilarem) дающего любит Бог».
- ⁶⁰ Только великим трудом дается великое людям... – Ср: Гораций. Сатиры. I, 9, 59 сл.
- ⁶¹ ...Бранью флегрейскою встарь небо Юпитер стяжал. – Флегра была местом битвы олимпийских богов и Гигантов. См.: Вергилий. Георгики. I, 278–283; Овидий. Мета-

- морфозы. X, 150–151; *Стаций*. Фиваида. II, 595–601; *Клавдиан*. Похищение Прозерпины. III, 337–356.
- ⁶² ...из истока сюда рокового сходящих... – Ср.: *Лукан*. Фарсалия. VI, 611 сл.
- ⁶³ ...к племенам погребенным... бледный Юпитера край». – Ср.: *Клавдиан*. Похищение Прозерпины. II, 326 сл.; *Лукан*. Фарсалия. I, 455 сл.; *Вергилий*. Энеида. VIII, 244 сл. *Стигийским Юпитером* назван Плутон у *Вергилия* («Энеида». IV, 638).
- ⁶⁴ Вот к Палатинской они твердыне на высях тарпейских / Входят... – Ср.: *Овидий*. Письма с Понта. II, 1, 57.
- ⁶⁵ ...дерзнула она голову вздеть над землей. – Ср.: *Сенека*. Геркулес в безумье. 594.
- ⁶⁶ ...к злату / Древнему... – Выражение *древнее злато* (*aurum priscum*), то есть золотой век, – горациевское (Оды. IV, 2, 39 сл.); тему возвращения золотого века см. также: *Вергилий*. Энеида. VI, 792 сл.; *Овидий*. *Метаморфозы*. XV, 260 сл.
- ⁶⁷ ...занятым халдейским / И ассирийским трудам... – Ср.: *Лукан*. Фарсалия. VI, 428 сл.
- ⁶⁸ ...главу возвышенную в звездах скрываешь... – Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 177; X, 767.
- ⁶⁹ Неутолимо... глядит на любезный / Лик... – Ср.: *Стаций*. Фиваида. VIII, 650.
- ⁷⁰ ...умом властительно права, / По справедливости ты имя правителя взял. – В оригинале игра словами гегаге «править», гех «царь» и гесте «правильно». Ср.: *Гораций*. Послания. I, 1, 59 сл.; *Исидор Севильский*. *Этимологии*. IX, 3, 4.
- ⁷¹ Жизнь захотел совершать ты в твердых границах Природы... – Ср.: *Гораций*. Сатиры. I. 1. 49 сл.
- ⁷² Сам родитель богов... – Ср.: *Вергилий*. Энеида. VI, 780.
- ⁷³ ...Сестер непреложною пряжей... – Ср.: *Стаций*. Фиваида. VIII, 59.
- ⁷⁴ ...того не сочту я жестоким, / Кто жестокость явил, если не мог не явить. – Сходная сентенция: *Сенека*. Геркулес на Эте. 886.
- ⁷⁵ ...но с его языка звук ни один не слетел. – Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 911 сл.
- ⁷⁶ ...Отцеубийца стenet тяжело и чувствует: долу / Клонится счастье его, слава сникает его. – Ср.: *Лукан*. Фарсалия. VII, 85 сл.
- ⁷⁷ Долгий успех, своего долготу благосклонства Фортуна / Ныне карает... – Ср.: *Лукан*. Фарсалия. VIII, 21 сл.
- ⁷⁸ ...божественного ума... частицей... – Ср.: *Вергилий*. *Георгики*. IV, 220; *Гораций*. Сатиры. II, 2, 79.
- ⁷⁹ ...где льется / Альбула... – Это древнее название Тибра (см.: *Вергилий*. Энеида. VIII, 334; *Овидий*. *Метаморфозы*. IV, 68), хотя *Бернард*, возможно, считает ее отдельной рекой.
- ⁸⁰ ...Странный он требует дар, его скрывая названье... – Как ведет себя и *овидиевская Семела* («*Метаморфозы*». III, 288).
- ⁸¹ Ради почтенья к богам и ко мне – коли есть – уваженья... – Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 141 сл.; *Овидий*. *Метаморфозы*. IX, 428.
- ⁸² ...сердца низвергать (*corda... subvertere*)... – Библейское выражение: см.: Числ. 32, 9; Плач. 1, 20; Дан. 13, 56.
- ⁸³ ...Карфаген высокий... – *Вергилий*. Энеида. IV, 97.
- ⁸⁴ ...Ни огонь, с высоты падиший пред Нумой царем. – Речь идет о священном щите (*ancile*), который упал с небес пред царем Нумой, когда тот совершал жертвоприношение (*Лукан*. Фарсалия. IX, 477–479). Не очень понятно, почему *Бернард* называет щит *огнем* (собственно, «костром», руга); может быть, он следует за *Овидием*,

- согласно которому падение щита сопровождалось троекратной молнией («Фасты». III, 369).
- ⁸⁵ ...камни фригийских пределов... (Frigios lapides). – Выражение, заимствованное у Горация (Оды. III, 1, 41), у которого оно обозначает фригийский мрамор.
- ⁸⁶ ...Злато, которое ток Герма, Пактола кружит... – Эти лидийские реки славились как золотоносные. Ср.: Лукан. Фарсалия. III, 209 сл.; Клавдиан. Панегирик Пробину и Олибрию. 52 сл.; Против Руфина. I, 102 сл.; Против Евтропия. I, 214.
- ⁸⁷ ...Смуглый инд, твой эбен или слоновая кость... – Ср.: Вергилий. Георгики. II, 116 сл.; Гораций. Оды. I, 31, 6; II, 18, 1; Овидий. Скорбные элегии. V, 3, 24.
- ⁸⁸ ...Труд Мирона... – То есть работа знаменитого литейщика Мирона, ср.: Овидий. Письма с Понта. IV, 1, 34; мрамор живописца – ср.: Вергилий. Энеида. VI, 848.
- ⁸⁹ Дар твой, о Рим, – кончина моя... – Ср.: Овидий. Скорбные элегии. I, 2, 52.
- ⁹⁰ Скорпий ли бросил свой взор... – Ср.: Гораций. Оды. II, 17, 17 сл.: «Весов созвездье иль Скорпион лихой / Вершит мне участь, ставши владыкою / В мой час рождения, Козерог ли, / Волн Гесперийских владыка мощный...» (пер. М.Л. Гаспарова); Овидий. Ибис. 215 сл.
- ⁹¹ ...Чистому духу... в чистом / Теле... – Ср.: Ювенал. Сатиры. X, 356. Ср. ниже, ст. 793.
- ⁹² В тайный чертог души клинок проникнет вонзенный... – Ср.: Вергилий. Энеида. X, 601.
- ⁹³ ...из чертогов уйдет скудельных... – Ср.: Иов. 4, 19.
- ⁹⁴ Ум мой... из ненавистной / Плоти затворов слепых... – Ср.: Лукан. Фарсалия. VI, 720 сл.
- ⁹⁵ ...переселится к вышнему небу, / Дабы в сонме своих вновь водвориться светил. – Ср.: Вергилий. Георгики. IV, 226 сл.
- ⁹⁶ Речи / Сложносплетенные Вар водит окольным путем. – Имена Вара и Поллиона (ст. 819), возможно, восходят к П. Альфену Вару и Г. Азинию Поллиону, упоминаемым у Вергилия и Горация и соединенным у Сервия в комментарии к «Буколикам» (IX, 27). Изогранный диалектик Вар и оратор Поллион в устах Отцеубийцы противопоставляются Камиллу и Катону, хрестоматийным образцам суровой римской добродетели и безыскусной «сельскости», *rusticitas* [Godman. 263–264].
- ⁹⁷ Сельскому Лацию речь открыла Греция льстиву... – Ср.: Гораций. Послания. II, 1, 156 сл.
- ⁹⁸ ...Древнего вижу своим ходатаем Юстиниана... – Едва ли здесь следует искать отсылку к какому-то конкретному античному тексту; по замечанию П. Дронке ([Dronke 1974. 134]), в этом кульминационном моменте речи Юстиниан появляется как синоним римского закона и как самый древний и почтенный авторитет, к которому можно прибегнуть.
- ⁹⁹ ...помех нет для желаний моих». – На этом поэма заканчивается или обрывается. Среди аргументов в защиту ее законченности и полноты есть наблюдение У. Уэзерби: выражение «свободный и отпущенный» (*liber et explicitus*) в последнем стихе можно понять как игру словами, намекающую на устойчивую формулу *Explicit liber*, «Книга закончена» [Wetherbee. 157]. Следующие 26 строк, прибавленные к ее концу, опубликованы Уэзерби по рукописи, хранящейся в Кракове (Biblioteka Jagiellońska, MS theol. oct. 94). Дронке [Dronke 1974. 134] считает этот фрагмент не принадлежащим перу Бернарда.

Бернард Сильвестр

Комментарий на первые шесть книг «Энеиды» Вергилия

Комментарий на первые шесть книг «Энеиды», созданный в середине XII в., хронологически находится посередине между двумя другими сопоставимыми с ним по значению комментариями: «Вергилиевым содержанием» Фульгенция на заре Средневековья и «Камальдолийскими беседами» Кристофоро Ландино в период расцвета флорентийского Возрождения. Его атрибуция Бернарду Сильвестру не общепринята, но все же не лишена серьезных оснований [*Padoan; Smits; Jones*]. Параллели между Комментарием и «Космографией» найти несложно, но сами по себе они не могут считаться неоспоримым аргументом в пользу авторства Бернарда. В его пользу говорит общая направленность мысли – космологической, антропологической, морализаторской. За него же – гуманистический подход к древним текстам, не только к «Энеиде», но и к другим классикам. На их основе наш комментатор создает собственную картину мира и человека, точно так же, как это делается в «Космографии».

Современному читателю, в особенности русскому, которому не приходится рассчитывать даже на серьезное комментированное издание Вергилия, читать «Комментарий» трудно. Он должен будет держать под рукой «Энеиду», и только параллельное чтение позволит ему оценить интеллектуальное и литературное богатство нашего текста. Перед нами важнейшее свидетельство Ренессанса XII в., образец того, как читали и воспринимали античную поэму в просвещенных кругах и в школах Северной Франции. Скорее всего, Бернард, читая лекции, отзвук которых отчетливо слышится в «Комментарии», рассчитывал, что его слушатели помнят комментируемый пассаж наизусть, возможно, он выделял интонационно слова из поэмы, которые мы вынуждены выводить специальным шрифтом и выделяем двоеточием. За этими издательскими условностями скрывается особенность, важная для понимания всего литературного творчества гуманистов XII в., их стиля мышления: авторитетный текст, много раз прочитанный, обдуманый, заученный, расщепляется комментатором на фразы, словосочетания, слова, из которых он творчески создает новые смыслы, зачастую связанные с поэмой довольно отдаленно.

Нужно учитывать, что Вергилий – авторитет особого порядка, для образованного римлянина он значил то же, что Гомер для грека, едва ли не то же, что Библия для христианина. Он был не просто великим поэтом, но учителем жизни во всех вопросах, сопоставимым с Платоном и Цицероном. Хотя Вергилия учили наизусть и, естественно, комментировали в школах, Фульгенций, христианин начала VI в., первым решился создать своего рода энциклопедию из планомерного разбора всей «Энеиды», с акцентом на первых шести книгах, как вслед за ним сделал и Бернард (обещав полный комментарий, турский магистр на самом деле львиную долю внимания уделил шестой книге). В «Георгиках» и «Буколиках» Фульгенций нашел всю картину мироздания, а в «Энеиде» – школу человеческой жизни [*Fulgentius the Mythographer. 122*]. Такой настрой частично передался и Средневековью и нашел совершенное воплощение в «Божественной комедии». У Фульгенция Вергилий, словно вернувшись из царства теней, сам разъясняет, что он хотел сказать и как надо читать его сочинения. Для Данте, как известно, путешествие в загробный мир невозможно без помощи величайшего из языческих поэтов.

Много общего между Фульгенцием и Бернардом. Многому он научился и у Макробия, и у Пруденция («Психомахия»), заимствуя у них идеи, как заимствовали комментаторы во все времена. Но сказать, что и здесь, в самом пространным комментарии на «Энеиду» за все Средневековье, мы найдем лишь энциклопедию жизни, будет упрощением [O'Donnell]. Перед нами оригинальный, поучительный и сегодня опыт литературной критики, исполненный такта и проницательности, уважения к буквальному смыслу текста, логически выстроенный поиск смыслов, скрытых в конкретных словах. Как и Фульгенция, Бернарда волнует не фабула с ее причинно-следственными связями, а форма слов, то, что для обоих представляет их этимологию, кажущуюся сегодня абсолютной фантазмагорией и филологическим волонтаризмом, в лучшем случае – каламбуром. Вслед за Макробием и под влиянием неоплатонической традиции, он платонизирует и «Энеиду», например, видя в матери Энея, Венере, символ мировой гармонии, а в нем самом, в этом случае, – человеческий дух, ведь *enno demas*, говорят нам, значит «обитатель тела». Эней отправляется в путь, чтобы, познавая тварный мир, освободиться от него и приблизиться к Творцу, т.е. Анхизу. Такая аллегореза не приходит в комментируемый текст откуда-то извне. Напротив, она воплощает в риторике то, что в логике выражает аналогия. Если все части авторитетного текста взаимосвязаны, то нет ничего естественнее, чем с помощью философской аналогии и риторической (литературной) аллегории реконструировать эти связи. Такое круговое движение мысли, исходящей от Бога к людям и к Нему же возвращающейся, типично для средневековой картины мира, основанной на библейском «Всякая премудрость – от Господа и с Ним пребывает вовек» (Премудр. 1, 1). Отражается эта картина и во взгляде Бернарда на «Энеиду».

Перевод выполнен по изданию латинского текста, осуществленному Дж. и Э. Джонсами [*Bernardus Silvestris* 1977]; для сверки привлекался их же английский перевод. В круглых скобках приводятся латинские слова, оставленные переводчиком для большей ясности текста; в квадратных скобках – вставки, сделанные переводчиком для облегчения чтения; также в квадратных скобках указываются номера стихов «Энеиды», к которым относится толкование.

¹...имел попечение о двойной науке, по свидетельству Макробия... – *Macrobius*. In *somnium Scipionis*. I, 9, 8: Вергилий, «хотя сообразно своему сюжету отправил героев в преисподнюю, однако не отстраняет их от неба, но уделяет им обширнейший эфир и утверждает, что им ведомо свое солнце и свои звезды («Энеида». VI, 640 сл.), дабы оказать почтение двойной науке (*geminae doctrinae*) – и поэтическому вымыслу, и философской истине».

²...отраднo и в жизни пригоднo. – *Гораций*. Наука поэзии. 333 сл. Ср.: *Fulgentius*. *Super Thebaidem*. 180): «Не без великого восхищения вновь принимаюсь я за мудрость поэтов, заслуживающую исследования, и за неистощимую жилу остроумия их, которые под привлекательным покровом (*tegumento*) поэтического вымысла полезным образом насадили ряд моральных наставлений. Ведь хотя, как свидетельствует Гораций, «или пользу хотят приносить, или усладу поэты или же разом сказать, что отраднo и в жизни пригоднo», они оказываются не более отрадны и приятны по буквальному смыслу или повествовательному мастерству, нежели полезны и пригодны для образования людских нравов благодаря аллегорическому объяснению фигур (*mistica expositio figurarum*)».

- ³ ...чтобы заручиться благосклонностью, восприимчивостью, вниманием слушателя или читателя... – Ср.: Цицерон. О нахождении. I, 15, 20; *Victorinus*. Ad lib. I De inventione [Halm RLM. 155]; *Boethius*. In Topica Ciceronis Commentaria. Lib. I. Prooemium [PL. 64, 1042 D].
- ⁴ ...те семь вещей, которые у многих писателей рассматриваются в начале их книг... – Ср.: *Servius*. In Aeneidem. Praefatio: «При толковании авторов надлежит рассматривать следующее: жизнь поэта, название сочинения, характер стихотворения, намерение пишущего, число книг, порядок книг, объяснение».
- ⁵ ...как говорит Макробий... – *Macrobius*. In somnium Scipionis. I, 9, 2 (с той же ювеналовской цитатой, что у Бернарда).
- ⁶ ...С небес нисходит nothis elitos... – Ювенал. Сатиры. XI, 27; nothis elitos – вместо правильного gnothi seauton.

Истолкование

- ¹ ...всех прочих отец пожрал. – Ср.: *Fulgentius*. Mythologiae. I, 2; II Vaticanus Mythographus. 1; III Vaticanus Mythographus. 1, 5.
- ² ...приемлет от него тепло и находится ниже него. – *Macrobius*. In somnium Scipionis. I, 17, 15: «Юнона – это воздух; зовется сестрой, так как воздух сотворен из тех же семян, что и небо; женой, так как воздух стоит ниже неба». Ср.: *Servius*. In Aeneidem. I, 47; II Vaticanus Mythographus. 7; III Vaticanus Mythographus. 4, 1.
- ³ ...как бы «помогающей юным» (*novos iuvans*)... – Этимология Юноны «а *juvando*»: *Fulgentius*. Mythologiae. II, 1; II Vaticanus Mythographus. 4.
- ⁴ ...то есть «гибель мира» (*seculi interitus*)... – *Fulgentius*. Virgiliana continentia. 91, 11; III Vaticanus Mythographus. 4, 5.
- ⁵ ...в свои дома, называемые абсидами (*abisides*). – Ср.: *Плиний Старший*. Естественная история. II, 63 сл.; *Martianus Capella*. De nuptiis. VIII, 884.
- ⁶ ...дважды семь... – Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 71.
- ⁷ *Ирида* – т.е. радуга.
- ⁸ ...стала *Ирида* собирать. – *Овидий*. Метаморфозы. I, 270 сл. (пер. С.В. Шервинского).
- ⁹ Такие очертания называют фитонами... – *Phitones*, возможно, написано по ошибке вместо *tiphonas*, «смерчи» (ср.: *Arnulphus Orleanensis*. Glosule super Lucanum. VII, 156) или *pythones* (см. Du Cange, Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis, s. v. phitones).
- ¹⁰ ...«и волосы ужасной звезды»... – *Лукан*. Фарсалия. I, 528 сл.
- ¹¹ ...«грозящую армянскому царю комету». – Ювенал. Сатиры. VI, 407.
- ¹² ...поскольку благодаря блеску мы все вообще видим. – *Fulgentius*. Virgiliana continentia. 91, 15; III Vaticanus Mythographus. 4, 5. Предлагаемая этимология Деиопеи – от греч. δῆμος и ὄπῆ.
- ¹³ ...коим подходит срок жеребиться... – *Вергилий*. Георгики. III, 132. Но советы Вергилия касаются сроков для зачатия, а не родов.
- ¹⁴ ...отца всех, восседающего надо всеми. – *Fulgentius*. Virgiliana continentia. 102: «Анхиз по-гречески как бы апо ссепон, то есть «обитающий в отчизне»; ведь один Бог, отец, царь всех, один обитающий в вышних, Которого созерцают, когда укажет дар ведения».
- ¹⁵ ...одна законная, другая – богиня разнuzданности. – Ср.: *Remigius*. In Martianum Capellam. I, 1; I, 37, 1; II, 62, 11; III Vaticanus Mythographus. 11, 18.

- ¹⁶ ...равноименности и многоименности... (equivocationes et multivocationes). – То есть следует учитывать полисемию и синонимию символов.
- ¹⁷ ...в книге Марциана... – То есть в «Браке Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы.
- ¹⁸ ...Ювенал называет Нептуна Энносигеем... – Ювенал. Сатиры. X, 182.
- ¹⁹ ...поскольку оно темница души. – Ср.: Macrobius. In somnium Scipionis. I, 11, 3.
- ²⁰ ...которыми время творит вещи. – Fulgentius. Mythologiae. II, 1 (с той же цитатой из Теренция, что и у Бернарда); III Vaticanus Mythographus. 1, 7.
- ²¹ ... «Без Цереры и Вакха зябнет Венера». – Теренций. Евнух. 732.
- ²² ...из-за частых втеканий и истечений. – Ср.: Гильом Коншский. Философия. IV, 54.
- ²³ ...природные ячейки и артерии мозга... – той же терминологией пользуется Гильом Коншский: «Философия». IV, XXI, 37.
- ²⁴ ...как бы «сокрушение»... (contritio). – Fulgentius. Virgiliana continentia. 96: «Тритон, как бы tetrimmenon, что по-латински значит “сокрушение” (contritum)»; III Vaticanus Mythographus. 10, 1.
- ²⁵ ...сета значит «украшение», theos – «бог». – Греч. σῆμα и θεός.
- ²⁶ ...в Карфаген, то есть в новый город... – Отсылка к этимологии: Карфаген – «новый город» (Servius. In Aeneidem. I, 366; Isidorus Hispalensis. Etymologiae. XV, 1, 30).
- ²⁷ ...Дидона, то есть влечение. – Игра на созвучии Dido / libido.
- ²⁸ ...«видимости истинного блага». – Боэций. Утешение Философией. III, рг. 9, 30.
- ²⁹ ...Вавилона, то есть смещения. – Быт. 11, 9.
- ³⁰ ...«ребяческое безмолвие» (puerilis taciturnitas)... – Fulgentius. Virgiliana continentia. 93, 12.
- ³¹ ...чего желает и разумно ли это... – Fulgentius. Virgiliana continentia. 93, 16.
- ³² ...толкуется как aschalenos... – Толкование имени Аскания – от à privativum и σκαλίς «жердь с развилкой, вилка» (или лат. scala, «лестница»).

Книга вторая

- ¹ ...от риге... – Искаженное греч. φρουρή, «охрана».
- ² ...что Эней предал свой город. – Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. 39–41.

Книга третья

- ¹ ...юности. (adholescentie). – Adulescentia, возраст между pueritia и juvenus, по римским представлениям – от 15 до 30 лет. Более или менее условно передаем adulescentia как «юность», а juvenus, которой, по Бернард, посвящена следующая книга «Энеиды», – как «молодость».
- ² ...потому оно называется его городом. – Ср.: «Комментарий». VI, 585. Ср. также: Guillelmus de Conchis. Super Macrobius. I, 1, 1; Апулей. О Платоне и его учении. I, 13; Joannes Saresberiensis. Policraticus. V, 2.
- ³ ...что потрудится вскоре исправить. – Гораций. Наука поэзии. 159 сл., 165, 168.
- ⁴ ...свойство неделимости, то есть постоянство. – Ср.: Macrobius. In somnium Scipionis. I, 6, 1.
- ⁵ ...одно одобряет. – Гораций. Послания. I, 1, 82 (с изменениями).
- ⁶ ...заменяет квадратное круглым. – Там же, ст. 98, 100 (пер. Н.С. Гинцбурга).

- ⁷ ...Алкид – «крепкий и красивый»... – См.: «Комментарий». VI, 123.
- ⁸ ...Ганимед называется идейским... – Например, Овидий. Фасты. II, 145: puer Idaeus.
- ⁹ ...осудив непостоянство, переходит к алчности. – Гораций. Сатиры, I, 1, 1–40.
- ¹⁰ ...Убежденье с Венерой. – Гораций. Послания. I, 6, 37 сл.
- ¹¹ ... «умножай достойные проворно». – Гораций. Послания. I, 7, 71.
- ¹² ...до дальних индийцев... – Гораций. Послания. I, 1, 45.
- ¹³ ...Деньги цадить. – Гораций. Сатиры. I, 1, 70–72 (с изменениями).
- ¹⁴ ...своих струений Дорида. – Вергилий. Буколики. X, 5.
- ¹⁵ ...и потратить страшится... – Гораций. Наука поэзии. 170.
- ¹⁶ ...во всех он делах поступает... – Там же. 171.
- ¹⁷ ...насколько возрастает богатство... – Ювенал. Сатиры. XIV, 139.
- ¹⁸ ...«алчный всегда в нужде». – Гораций. Послания. I, 2, 56.
- ¹⁹ ...с разрезанным ухом. – Персий. Сатиры. VI, 68–70.
- ²⁰ ...Солнце называется Делием, то есть ясным. – Ср.: Макробий. Сатурналии. I, 17, 32, 56.
- ²¹ Антифрастическое – как бы *crisis theos*, то есть «божественный суд». – Антифрастическое, т.е. дано по противоположности. Греч. κρίσις и θεός.
- ²² ...есть ли у него что-то драгоценнее, чем он сам. – Бозций. Утешение Философией. II, рг. 4, 23.
- ²³ *Stropha* толкуется как «поворот»... – Ср.: Servius. In Aeneidem. III, 209; I Vaticanus Mythographus. I, 27; II Vaticanus Mythographus. 142.
- ²⁴ Они называются островами, то есть помещенными в пучине... – Игра на созвучии *insule* (острова) / *in salo*. Та же этимология: *Martianus Capella*. De nuptiis. VI, 643; *Isidorus Hispalensis*. Etymologiae. XIV, 6, 1.
- ²⁵ ...мы скажем в шестой книге. – См.: «Комментарий». VI, 289.
- ²⁶ ...*syccopolis*, то есть «множество кругов»... – См.: «Комментарий». VI, 630. *Fulgentius*. Virgiliana continentia. 93, 23.
- ²⁷ ...*olonsepos*, «знание всего»... (*omnium sensus*). – *Fulgentius*. Mythologiae. II, 8: «Улисс по-гречески зовется как бы *olonxenos*, то есть “всеми чужой” (*omnium peregrinus*); и поскольку мудрость чуждается всех мирских дел, то и говорится, что Улисс хитрее всех». Ср.: II Vaticanus Mythographus. 101; III Vaticanus Mythographus. 11, 9.
- ²⁸ ...*cirocrosis*, то есть «суд рук»... – От греч. χειρῶν и κρίσις. Ср.: *Fulgentius*. Mythologiae. II, 7; II, 9; III Vaticanus Mythographus. 11, 6, 8.
- ²⁹ ...следует нравам лисы». – Бозций. Утешение Философии. IV, рг. 3, 17–25. Ср.: «Комментарий». VI, 7.
- ³⁰ ...мы скажем в четвертой книге. – См.: «Комментарий». IV, 222.
- ³¹ ...*polimunta femit*, то есть «теряющим славу»... – *Fulgentius*. Virgiliana continentia. 94, 6: «Мудрейший Улисс выкалывает ему глаз, то есть огнем остроумия (*ingenii*) ослепляется пустая слава. Потому мы и назвали его Полифемом, как бы *apolunta femen*, а по-латински – “теряющий славу”».
- ³² ...*acheremenes*, то есть «без радости и веселья»... – Возможно, от греч. ἀ-χαίρω-μένος (или *μανία*).
- ³³ ... «он отвергает закон, на все посягает оружием». – Гораций. Наука поэзии. 122 (с изменениями).
- ³⁴ ...*drimus pes*, то есть «отроческая резкость»... – *Fulgentius*. Virgiliana continentia. 94, 14–16).

Книга четвертая

- ¹ ...находит отраду. – Гораций. Наука поэзии. 161 сл. Охота, важная составляющая жизни светской знати, часто становилась предметом насмешки со стороны клира.
- ² ...жидкость, пар, пена, осадок. – Ср.: «Комментарий». VI, 282 сл. См. также: Макробий. Сатурналии. VII, 5, 14; Гильом Кониский. Философия. IV, XVI–XVII.
- ³ ...именуется *afroden*. – *Fulgentius*. *Mythologiae*. II, 1: «Поскольку пена по-гречески называется *afros*». Ср. также: II *Vaticanus Mythographus*. 30; III *Vaticanus Mythographus*. 9, 2.
- ⁴ ...в чем есть и в чем нету нам пользы. – Гораций. Послания. I, 2, 3.
- ⁵ ...Венера прелюбодействует с Меркурием... – Ср.: Гильом Кониский. Философия. II, 32.
- ⁶ ...там, где Меркурий домогается брака с Филологией. – То есть в книге Марциана Капеллы.
- ⁷ ...если красноречие не сочетается с мудростью, то мало помогает, а скорее вредит. – Ср.: Цицерон. О нахождении I, 1.
- ⁸ ...*mercatorum kirios*, то есть «богом торговцев»... – Ср.: «Комментарий». VI, 393.
- ⁹ ...он называется Гермесом, то есть истолкователем. Ведь *hermenia* значит «истолкование». – О Меркурии см.: *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. VIII, 11, 45–49; II *Vaticanus Mythographus*. 42; III *Vaticanus Mythographus*. 9.
- ¹⁰ ...деньгам расточитель прилежный. – Гораций. Наука поэзии. 164.

Книга пятая

- ¹ Воздержанность ~ движений духа. – Ср.: Цицерон. О нахождении. II, 164.
- ² ...твердость есть обдуманное приятие опасностей и перенесение трудов. – Цицерон. О нахождении. II, 163.
- ³ ...благоразумие есть различение вещей благих и дурных. – Цицерон. О нахождении. II, 160.
- ⁴ ...справедливость есть добродетель, уделяющая каждому свою почесть при сохранении общей пользы. – Цицерон. О нахождении. II, 160.
- ⁵ ...рассудок схватывает всеобщее, чувство же – только отдельное. – Бозций. Утешение Философией. V, рг. 4, 28–29.
- ⁶ ...противится срастанию и соединению родов». – Платон. Тимей. 35 а.
- ⁷ Бероя переводится «порядок истины»... (*ordo veritatis*). – Ср.: *Fulgentius*. *Virgiliana continentia*. 95, 13–14).
- ⁸ ...то есть «блуждающий взор». – *Fulgentius*. *Virgiliana continentia*. 95, 18.

Книга шестая

- ¹ ...что преисподняя – нечто помимо человеческих тел. – Ср.: *Macrobius*. *In somnium Scipionis*. I, 10, 9.
- ² ...как говорит Бозций... – *Boethius*. *De arithmetica*. I, 1 (PL. 63, 1079–1080). Ср.: *Hugo de Sancto Victore*. *Didascalicon*. I, 2.
- ³ ...как говорит Бозций... – Бозций. Утешение Философией. III, рг. 8, 7.

- ⁴ ...ничего ниже человеческого тела, то и назвали его преисподней. – созвучие *inferius* / *infernus*.
- ⁵ *Четыре реки ~ печаль.* – О реках преисподней ср.: *Macrobius*. In *somnium Scipionis*. I, 10, 10–11.
- ⁶ ...*апланон*... – см. примеч. 122 к «Космографии».
- ⁷ ...*по-латински ortus*... – Бернард обыгрывает два значения этого слова («восток» и «происхождение»): с одной стороны, это восток, поскольку речь идет о рае (ср.: Быт. 2, 8: «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке», *Et plantavit Dominus Deus paradisum in Eden ad orientem*), с другой – то, откуда происходят (*oriuntur*) вещи.
- ⁸ ...*именно эту бrenную и нижнюю область, назвали преисподней.* (*inferos*). – *Bernardus Silvestris*. In *Martianum Capellam*. I, 4: «Другие же разделили мир на две области. Надлунную область назвали областью благочестивых, ибо считается, что там они живут, сложив с себя тела. Подлунную же, в которой все живое тленно, назвали преисподней (*inferos*)». Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. II, 3; *Macrobius*. In *somnium Scipionis*. I, 11, 6, 10.
- ⁹ ...*a chere ethis, то есть «печальное обыкновение».* – Ср.: *Fulgentius*. *Virgiliana continentia*. 92, 15; III *Vaticanus Mythographus*. 11, 4.
- ¹⁰ ...*scibule, то есть «божественный совет»*... – Ср.: *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. VIII, 8, 1.
- ¹¹ ПЛАЧА... – Ст. 1: «Так он молвит, плача, и отпускает флоту бразды». Здесь и далее даем прозаический перевод комментируемого фрагмента «Энеиды».
- ¹² ...*привычка – как бы вторая природа*... – Ср.: *Августин*. О музыке. VI, 7, 19 (PL. 32, 1173); Против Юлиана. I, 69 (PL. 45, 1092); *Цицерон*. О пределах блага и зла. V, 25, 74.
- ¹³ НАКОНЕЦ... – Ст. 2: «И наконец приближается к еврейским берегам Кум».
- ¹⁴ *Каковы мудрость и красноречие и какие у них части, мы скажем в другом месте.* – См.: «Комментарий». VI, 10, 42, 137. О частях красноречия см.: «Комментарий». VI, 431.
- ¹⁵ ...*греческое сите по-латински значит «честные жилища».* – Видимо, от греч. κῆμα в архитектурном смысле (*кима*, архитектурный облом с двойным S-образным изгибом).
- ¹⁶ ...*кои именуются механическими, то есть «прелюбодейскими».* (*adulterine*). – Обще-принятая в Средние века этимология от *toeschus*, «прелюбодей».
- ¹⁷ ОБРАЩАЮТ К МОРЮ НОСЫ... – Ст. 3–6: «Они обращают к морю носы, потом цепким зубом якорь укрепляет корабли, и изогнутые кормы окаймляют берега. Сонм юношей пылкий выпрыгивает на гесперийский берег».
- ¹⁸ ...*«еще держатся якоря».* – *Боэций*. Утешение Философией. II, рг. 4, 9.
- ¹⁹ ...*под якорем понимается надежда.* – Ср.: Евр. 6, 18–19.
- ²⁰ ...*«Добрая надежда дает силы».* – Провербиальное выражение.
- ²¹ ...*как говорит Марциан*... – *Martianus Capella*. *De nuptiis*. VIII, 883.
- ²² СЕМЕНА... – Ст. 6–8: «Часть ищет семена огня, сокровенные в жилах кремня, часть опустошает леса, густые жилища зверей, и указывает обнаруженные реки».
- ²³ ...*из воды – питье, из земли – пищу.* – Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. II, 13; *Макробий*. Сатурналии VII, 5. 16–21; *Honorius Augustodunensis*. *Elucidarium*. I, 11 (PL. 172. Col. 1116).
- ²⁴ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ... – Ст. 9–13: «А благочестивый Эней ищет твердыни, где предсидит высокий Аполлон, и вдали огромный грот, таилище ужасной Сивиллы, коей

- Делосец-пророк вдыхает великий разум и дух и открывает будущее. Уже вступают в рощу Тривии и под золотую кровлю».
- ²⁵ ...и песнями врачевавший недуги – Ср.: *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. IV, 4, 1.
- ²⁶ Потому оно и называется *cirurgia*, то есть «дело рук». – Иное толкование Цирцеи см.: «Комментарий». III.
- ²⁷ ...Урания, небесная, то есть разумение. – Ср. о Музах: I *Vaticanus Mythographus*. 114; II *Vaticanus Mythographus*. 24; III *Vaticanus Mythographus*. 8, 18; *Fulgentius*. *Mythologiae*. I, 15; *Remigius*. In *Martianum Capellam*. I, 27–28.
- ²⁸ ...Герофила, дочь Марменса... – Ср.: *Martianus Capella*. *De nuptiis*. II, 159: «тройнка Герофила, дочь Мермесса».
- ²⁹ ...как написал Дарет. – Видимо, ошибка комментатора: сивилла Деифоба (Деифеба) в «Истории» Дарета Фригийского не упоминается.
- ³⁰ ... «неуистоцимой силы». – *Бозций*. Утешение Философией. I, рг. 1, 1.
- ³¹ ...ДЕЛОСЕЦ, то есть ясный... – Ср.: «Комментарий». III, 79.
- ³² ДЕДАЛ... – Ст. 14–34: «Дедал, как говорит молва, убегая из Миносова царства, дерзнул на быстрых крыльях вверить себя небу, необычным путем поплыл к хладному Аркту и наконец легко опустился на халкидскую твердыню. Здесь впервые возвращенный земле, он посвятил тебе, Феб, весло крыльев и возвел огромный храм. На дверях – смерть Андрогеея; дальше Кекропиды, коим приказано, о несчастье! в наказание платить ежегодно семью сыновьями; стоит урна, из нее тянут жребии. Напротив стоит Кноская земля, возвышаясь над морем. Здесь жестокая страсть к быку, обманом подложенная Пасифая, и смешанная порода, и двоевидный плод, Минотавр, память о нечестивой Венере. Здесь оный труд чертога и безвыходное блуждание (...) Всё они просмотрели бы своими очами...»
- ³³ ...Макробий называет «колыбелями кормилиц». – *Macrobius*. In *somnium Scipionis*. I, 2, 8.
- ³⁴ ...где ее и обесчестил юноша по имени Тавр. – Ср.: III *Vaticanus Mythographus*. 11, 7; *Servius*. In *Aeneidem*. VI, 14.
- ³⁵ ...их не следует толковать аллегорически. – Ср.: *Macrobius*. In *somnium Scipionis*. I, 2, 7–12.
- ³⁶ АХАТ... – Ст. 34–37: «...если бы не появился посланный вперед Ахат и с ним жрица Феба и Тривии, Деифоба, дочь Главка, которая вещает царю так: “Не таких зрелищ требует себе этот час...”»
- ³⁷ СЕМЬ ТЕЛЬЦОВ... – Ст. 38–39: «Ныне следовало бы от нетронутого стада заклать семь тельцов и столько же овец, отобранных по обычаю».
- ³⁸ ...грудь и срамное место. – Ср.: *Macrobius*. In *somnium Scipionis*. I, 6, 80.
- ³⁹ ...души, созерцающие высокое и ясно его различающие. – Ср.: *Макробий*. Сатурналии. I, 21, 26; I, 22, 6; *Alanus de Insulis*. *Liber de distinctionibus dictionum theologialium* (PL. 210. Col. 731).
- ⁴⁰ ОБРАТИВШИЕСЬ... – Ст. 40–44: «Так обратившись к Энею (и мужи не медлят исполнить святые повеления), жрица зовет тевкров в высокие храмы. В огромном склоне еврейской скалы высечен грот, куда ведут сто входов, сто устьев, откуда несется столько же голосов, ответы Сивиллы».
- ⁴¹ ...созданные из расторгжимого материала». – *Бозций*. Утешение Философией. I, рг. 1, 3.
- ⁴² ...на Евбее, то есть в знании. – См.: «Комментарий». VI, 2.

- ⁴³ ...в сравнении с поэзией и прочими искусствами... – Ср.: «Комментарий». VI, 9.
- ⁴⁴ *Эпексегесис* – термин риторики, обозначающий дополнительное объяснение.
- ⁴⁵ ПОРОГУ... – Ст. 45–47: «Они пришли к порогу, когда дева говорит: “Время вопрошать судьбы; бог, се бог!”»
- ⁴⁶ ...Судьба – это временной исход предвиденных дел... – Ср.: *Бозций*. Утешение Философией. IV, рг. 6, 9, 13; *Guillelmus de Conchis*. *Glosae super Boetium*, ad loc.; *Arnulphus Orleanensis*. *Glosule super Lucanum*. I, 70.
- ⁴⁷ ...мы читаем, что Судеб три... – О трех Судьбах: *Willelmus Conchensis*. *Glosae super Boetium*, loc. cit.; *Arnulphus Orleanensis*. *Glosule super Lucanum*, loc. cit.; *Fulgentius*. *Mythologiae*. I, 8; I Vaticanus *Mythographus*. 110; II Vaticanus *Mythographus*. 14; III Vaticanus *Mythographus*. 6, 23; *Remigius*. In *Martianum Capellam*. I, 3.
- ⁴⁸ ...«плоть падет возникающая, не восстанет надшающая». – *Hildebertus Cennomanensis*. *Carmina*. 138, 12 (PL. 171, 1442).
- ⁴⁹ РЕКУЩЕЙ ПРЕД ДВЕРЬМИ... – Ст. 46–55: «У рекущей такое пред дверьми внезапно ни лицо, ни цвет не тот же, ни волосы уже не убранные, но грудь задыхается, сердце набухает диким неистовством, она зрится выше и не по-смертному звучит; она овеяна приближающимся божеством. “Медлишь с обетами и молитвами, троянец Эней, – говорит она, – медлишь? ведь раньше не разверзнутся великие входы потрясенного дома”. Молвив это, умолкла».
- ⁵⁰ ...побуждает вступающих войти. – Ср.: Лк. 14, 23.
- ⁵¹ ...«ведь она то охватывалась общей всем людям мерой, то касалась небес»... – *Бозций*. Утешение Философией. I, рг. 1, 1–2.
- ⁵² ...разумение, как говорит Бозций... – *Бозций*. Утешение Философией. V, рг. 4, 26–36. Ср.: «Комментарий». VI, 118.
- ⁵³ ...как мы объясним в подобающем месте. – Ср.: «Комментарий». VI, 86.
- ⁵⁴ Божество ~ «манием бога» – *numen / dei nutus*.
- ⁵⁵ Как говорит Платон в «Тимее»... – Платон. *Тимей*, 27 с. Ср.: *Бозций*. Утешение Философией. III, рг. 9, 32.
- ⁵⁶ ...не станут известны прежде обетов (*vota*); ведь если кто не желает учиться... – Толкование основано на том, что *votum* означает и «обет», и «желание».
- ⁵⁷ О ФЕБ... – Ст. 56–57: «О Феб, всегда сострадавший тяжким трудам Трои, ты, направивший дарданские стрелы и длани в тело Эакида».
- ⁵⁸ Дарет Фригийский пишет... – *Дарет Фригийский*. История о разрушении Трои. 27, 34.
- ⁵⁹ ...Парис собственно толкуется как «чувство». (*sensus*). – См.: «Комментарий». VI, 495.
- ⁶⁰ ВОДИТЕЛЬСТВОМ... – Ст. 58–62: «Под твоим водительством я проник в столько морей, омывающих великие земли, и к весьма удаленным племенам массивов, и на нивы, лежащие пред Сиртами; вот наконец мы настигли брега убегающей Италии; пусть бы лишь доселе следовала за нами троянская фортуна!»
- ⁶¹ *Тмесис* – разделение сложного слова вставкой другого слова; Бернард указывает на *тмесис*, которому здесь подвергается слово *hastenus*.
- ⁶² ПЛЕМЯ... – Ст. 63–64: «Вы также подобающим образом могли бы ныне пощадить пергамское племя, о боги и богини все, коим был ненавистен Илион и великая слава Дардании».

- ⁶³ *Дома духовных способностей мы обозначили выше.* – См.: «Комментарий». III, в начале; ср.: «Комментарий». VI, 68.
- ⁶⁴ *...дабы он рассудил, какой из них причитается золотое яблоко.* – О суде Париса ср.: *Fulgentius. Mythologiae. II, 1; II Vaticanus Mythographus. 206.*
- ⁶⁵ *ЦАРСТВА...* – Ст. 67–68: «Дай (прошу царства, назначенного мне судьбами) тевкрам осесть в Лации с блуждающими богами и гонимыми божествами Трои».
- ⁶⁶ *В мозгу ~ способность памяти.* – Ср.: *Гильом Кониский. Философия. IV, 37.*
- ⁶⁷ *...земля, сжимаемая всеми тремя, то есть водой, воздухом, огнем, гуще всего, то есть плотна.* – Ср.: *Теодорих Шартрский. Шестоднев. 18–21.*
- ⁶⁸ *...нет никакой плотности без земли.* – *Платон. Тимей. 31 b.*
- ⁶⁹ *...эта богиня [Кибела] носит венец с баиньями.* – Ср.: *Servius. In Aeneidem. III, 113; Isidorus Hispalensis. Etymologiae. VIII, 11, 64; II Vaticanus Mythographus. 46.*
- ⁷⁰ *...он обещает ФЕБУ...* – Ст. 69–70: «Тогда Фебу и Тривии я создам храмы из прочного мрамора».
- ⁷¹ *Остроумие огненной природы, а память происходит от холода.* – Ср.: *Гильом Кониский. Философия. IV, 37; Dragmaticon (ed. Gratorolo, p. 276–277).*
- ⁷² *...отмечает Марциан...* – *Martianus Capella. De nuptiis. I, 27–28.*
- ⁷³ *...Полигимния – в Сатурне, то есть великая память – в холоде.* – Этимология *Полигимнии* (в оригинале *Polimia*) от греч. *πολλή* и *μνήμη*, «многая память».
- ⁷⁴ *ТЕБЯ ТАКЖЕ...* – Ст. 71–74: «Тебя также ждут в нашем царстве великие чертоги. Ибо здесь я помещу твои жребии и тайные судьбы, изреченные моему народу, и посвящу, о благодетельная, избранных мужей».
- ⁷⁵ *ЛИСТАМ...* – Ст. 74–76: «“Не вверяй только песен листам, чтобы, взмятенные, не полетели они игрушкой бурным ветрам. Пой сама, я молю”. Его уста положили конец речи».
- ⁷⁶ *НО ФЕБА...* – Ст. 77–82: «Но, Феба еще не терпя, неистовая пророчица безумствует в гроте, будто может великого бога исторгнуть из груди: тем сильнее он изнуряет ее бурные уста, усмиряя дикое сердце, и образует ее, стесняя. Вот уж отворились сами собой сто огромных дверей дома и несут изречения пророчицы по ветрам».
- ⁷⁷ *НЕИСТОВАЯ (immanis): так как касается небесного.* – Бернад понимает *immanis* как «огромная» и сближает Сивиллу-разумение с боэциевской Философией, касающейся головою неба (Утешение Философией. I, рг. 1, 2).
- ⁷⁸ *...«Сын мой, пусть изливаются источники твои наружу».* – Премудр. 5, 16.
- ⁷⁹ *...«и кто напояет, сам напивается».* – Притч. 11, 25.
- ⁸⁰ *О НАКОНЕЦ...* – Ст. 83–86: «О избавившийся наконец от великих опасностей моря (но ждут тебя тяжчайшие на земле)! В царство Лавиния придут Дарданиды – сбрось с сердца эту заботу – но не возрадуются, что пришли. Войны, жестокие войны...»
- ⁸¹ *...Боэций называет их земными дуновеньями.* – *Боэций. Утешение Философией. I, metr. 2, 4.*
- ⁸² *...тюлени ~ началась буря.* – Ср.: *Гильом Кониский. Философия. III, IV, 19; Plinius. Historia naturalis. 9, VI, 19.*
- ⁸³ *«Меньше вреда от того, что мы угадали заранее».* – Дистихи Катона. II, 24.
- ⁸⁴ *В ТАКИХ...* – Ст. 98–100: «В таких речах из святилища Кумская Сивилла поет ужасные околничные и отзывается из грота, истину окутывая темнотою».
- ⁸⁵ *...божественное следует прикрывать тайными ходами (cuniculis) слов.* – *Macrobius. In somnium Scipionis. I, 2, 18.*

- ⁸⁶УЗДУ... – Ст. 100–105: «Так ей, ярящейся, сотрясает узду и вращает под сердцем стрелкало Аполлон. Когда отступила ярь и успокоились неистовые уста, начинает герой Эней: “Не встанет, о дева, никакой вид трудов, новый и неожиданный для меня; все я предвидел и свершил душою”».
- ⁸⁷«...он принимает истинное за ложное». – Саллюстий. Заговор Катилины. III, 2.
- ⁸⁸ОДНОГО... – Ст. 106–109: «Одного я прошу: так как здесь врата преисподнего царя и мглистое болото от разлившегося Ахерона, пусть мне будет позволено пойти пред очи и лик дорогого отца; наставь на путь и распахни священные двери».
- ⁸⁹...назывался он Дитом, так как на земле находятся все богатства... – Этимологическое производство Dis «Дит» от dives «богатый» – еще у Цицерона, «О природе богов». II, XXVI, 66. Ср.: *Macrobius*. In somnium Scipionis. I, 11. 2.
- ⁹⁰...пестует земля в глубине пещерной. – Бозций. Утешение Философией. III, metr. 10, 13 сл.
- ⁹¹...к видению лицом к лицу. – Ср.: 1 Кор. 13, 12.
- ⁹²...гистерон протерон... – *Hysteron proteron* (греч. «позднейшее сначала»), риторическая фигура, состоящая в том, что на первое место ставится то, что логически должно быть на втором.
- ⁹³ЕГО... – Ст. 110–117: «Его я сквозь пламя и тысячу преследующих дровов вызволил на своих плечах и вынес из среды врага; он, сопровождавший мой путь, все моря и все угрозы пучины и неба сносил со мною, немощный, сверх сил и жребия старости. И он молил и давал наказы, чтобы я смиренно искал тебя и пришел к твоему порогу. Благодетельная, молю, сжался над сыном и отцом; ведь ты можешь все».
- ⁹⁴...«и к мольбам прибавляет угрозы державно». – Овидий. Метаморфозы. II, 397.
- ⁹⁵ГЕКАТА... – Ст. 118: «И не зря Геката препоручила тебе рощи Аверна».
- ⁹⁶...богиня, имеющая сто сил... – Этимология Гекаты от hecaton, «сто»; ср.: *Fulgentius*. *Mythologiae*. I, 10; II *Vaticanus Mythographus*. 15; III *Vaticanus Mythographus*. 7.
- ⁹⁷...разумение схватывает все, что могут постичь низшие способности духа. – Бозций. Утешение Философией. V, рг. 4, 26–36. Ср.: «Комментарий». VI, 49.
- ⁹⁸Как рощи темны из-за отсутствия солнца... – Традиционная этимология по противоположности (per antiphrasin): *lucus a non lucendo*; ср.: *Quintilianus*. *De institutione oratoria*. I, 6, 34; *Servius*. In *Aeneidem*. I, 22; I, 441; *Августин*. *Христианская наука*. III, 29, 41; *Martianus Capella*. *De nuptiis*. IV, 360 и др.
- ⁹⁹ЕСЛИ СМОГ... – Ст. 119–120: «Если смог Орфей призвать маны супруги, полагаясь на фракийскую кифару и звучные струны...»
- ¹⁰⁰...он зовется Орфеем, как бы *orea rhone*, то есть «добрый голос». – *Fulgentius*. *Mythologiae*. III, 10.
- ¹⁰¹...то есть сопряжена с ним по природе. – Ср. истолкование Креусы в: «Комментарий». I.
- ¹⁰²...с каждым из нас. – Гораций. Послания. II, 2, 188–189.
- ¹⁰³...Эвридикой, то есть «желанием блага». (*boni appetitus*). – Этимология от греч. εὐδρεξίς.
- ¹⁰⁴...как цвет сельный, так слава мирская. – Ср.: Ис. 40, 6; 1 Петр. 1, 24; Иак. 1, 10.
- ¹⁰⁵ЕСЛИ БРАТА... – Ст. 121: «Если брата искупил поочередною смертью Поллукс...»
- ¹⁰⁶ТЕСЕЯ... – Ст. 122–123: «Что поминать Тесея, что великого Алкида?»
- ¹⁰⁷Под ним мы понимаем разумного и добродетельного. – Ср.: «Комментарий». VI, 393.

- ¹⁰⁸ ...человека деятельного (practicum), который прекрасен славою своих деяний. – Ср.: «Комментарий». VI, 392, а также II Vaticanus Mythographus. 149.
- ¹⁰⁹ ...her – «тяжба», cleos – «слава». – Ср.: «Комментарий». VI, 287, 392.
- ¹¹⁰ АЛТАРЬ... – Ст. 124–131: «Таковыми словами он молил и обхватывал алтарь, когда пророчица начала говорить так: “О происшедший от крови богов, троянец Анхизиад, легок спуск к Аверну: ночи и дни открыта дверь черного Дита; но обратить шаг вспять и выбраться к вышним ветрам – вот труд, вот дело. Немногие, кого возлюбил благосклонный Юпитер или пламенная доблесть вознесла в эфир, богами рожденные, смогли это свершить”».
- ¹¹¹ ...как бы «помогающий отец» (iuuans pater)... – Ср.: Servius. In Aeneidem. IV, 638; IX, 126; Isidorus Hispalensis. Etymologiae. VIII, 11, 34; III Vaticanus Mythographus. 3, 1.
- ¹¹² ...Юпитер (Iovis), как бы uavis... – Ср.: Remigius. In Martianum Capellam. VI, 567; III Vaticanus Mythographus. 3, 9.
- ¹¹³ ...нижний сносит. – Лукан. Фарсалия. IX, 7–9.
- ¹¹⁴ Это полубоги, то есть душою разумные и бессмертные, телом смертные. – Ср.: Martianus Capella. De nuptiis. II, 156.
- ¹¹⁵ ЛЕСА... – Ст. 131–135: «Все срединное пространство занимают леса и опоясывает Коцит, катясь черным изгибом. Но если столь великая любовь в твоей душе, если столь велико желание дважды переплыть стигийское озеро, дважды увидеть черный Тартар, и отрадно тебе предаться безумному делу, выслушай, что надо сделать сначала».
- ¹¹⁶ ...временные блага. – См.: «Комментарий». VI, 118.
- ¹¹⁷ ...он страдает, выйдя из теплого и влажного чрева на сухую и холодную землю. – Ср.: Гильом Коншский. Философия. IV, 22.
- ¹¹⁸ КРОЕТСЯ... – Ст. 136–137: «Кроется на древе тенистом ветвь, золотая и листвою и гибким стеблем».
- ¹¹⁹ ...под этим понимается, что усердие, дарования, рассудок, память приносят мудрость. – Fulgentius. Virgiliana continentia. 97, 13; III Vaticanus Mythographus. 13, 5.
- ¹²⁰ Древом Пифагор называл человеческую природу, которая расходитя на две ветви, то есть добродетель и порок. – Ср.: Servius. In Aeneidem. VI, 136; Isidorus Hispalensis. Etymologiae. I, 3, 7. Ср.: «Комментарий». VI, 203.
- ¹²¹ ЮНОНЕ... – Ст. 138: «Преисподней Юноне она посвящена».
- ¹²² Церерой, как бы «творящей вещи»... – Ceres / creans res.
- ¹²³ ...заведают памятью холод и медленность, происходящие от луны. – См.: «Комментарий». VI, 69. Ср.: Гильом Коншский. Философия. IV, XXI, 37.
- ¹²⁴ РОЩА... – Ст. 139–148: «Его кроет вся роща и закрывают тени в темных лощинах. Но не прежде будет дано проникнуть в тайники земли, чем сорвешь с дерева златолистый побег. Его прекрасная Прозерпина назначила приносить себе в дар; когда сорвут первую, возникает новая, тоже золотая, и ветка одевается листвою такого же металла. Итак, ищи очами в высоте и, отыскав, сорви, как должно, рукою; ветвь охотно и легко сломится, если Судьбы тебя зовут; иначе не сможешь одолеть никакими силами, ни отделить жестоким железом».
- ¹²⁵ ...«Я любящих меня люблю». – Притч. 8, 17.
- ¹²⁶ КРОМЕ ТОГО... – Ст. 149–153: «Кроме того, лежит бездыханное тело твоего друга (увы! не ведаешь этого) и оскверняет смертью весь флот, пока ты ищешь совета

- и медлишь на нашем пороге. Прежде отнеси его на подобающее ему место и сокрой в могиле. Веди черный скот; это будет первая умиловительная жертва).
- ¹²⁷ ...*miso* значит «погребаю», *epos* – «слава»... – *Fulgentius*. *Virgiliana continentia*. 96, 3–8.
- ¹²⁸ ...*надмева*ется с *ветренным гласом*. – *Fulgentius*. *Virgiliana continentia*. 96, 9.
- ¹²⁹ ...*Тритон*, морской бог, есть *плотское удручение*... – См.: «Комментарий». I, 144.
- ¹³⁰ ...*никогда не проникнет в тайны природы*. – *Fulgentius*. *Virgiliana continentia*. 96, 5–6.
- ¹³¹ **СКОРБНЫМ**... – Ст. 156–178: «Эней, со скорбным лицом, потупив очи, идет, покидая пещеру, и вращает в уме слепые исходы дела. Ему сопутствует верный Ахат и ставит стопы с равною тревогою. Много они судили меж собою в различной беседе, о каком бездыханном товарище, о погребении чьего тела говорила пророчица. И, придя, они видят на сухом бреге Мизена, унесенного недостойной смертью, – Мизена Эолида, превосходней которого никто не созывал медью мужей и не воспламенял Марса пением. Он был сотоварищем великого Гектора, подле Гектора он шел в битвы, славный и горном и копьем (...) Но тут, когда он оглашал зыби полой раковиной, безумный, и песнею звал богов на состязание, ревнивый Тритон – если подобает этому верить – схватил его и погрузил мужа меж скал в пенистой волне. Итак, все вокруг него испускали громкий вопль, а особенно благочестивый Эней. Тут они в слезах спешно исполняют повеления Сивиллы и радеют нагромоздить дерева для алтаря гробницы и возвести до небес».
- ¹³² *Этот порядок соблюдает Бозций*. – *Бозций*. Утешение Философией. III, рг. 1, 7.
- ¹³³ ...*как написано в Риторике*. – *Цицерон*. О нахождении. II, 53–54, 159–165.
- ¹³⁴ **ИДУТ В ДРЕВНИЙ ЛЕС**... – Ст. 179–189: «Идут в древний лес, глубокое логовище зверей; рушатся сосны, звенит падуб, пораженный топорами, ясеневые бревна и легко колющийся дуб раскалывают клиньями, с гор прикатывают огромные ясени. Эней, первый среди таковых трудов, ободряет товарищей и препоясывается теми же оружьями. А в печальном сердце он размышляет, озирая неизмеримый лес, и молит так: “Если бы ныне эта золотая ветвь явилась нам на дереве в этом огромном лесу! ибо все верно – увы, слишком верно! – сказала пророчица о тебе, Мизен”».
- ¹³⁵ ...*если нечист сосуд, что ни влей в него, тотчас прокиснет*. – *Горацій*. Послания. I, 2, 54.
- ¹³⁶ **ГЛУБОКОЕ** (*alta*): *впадающее в высокомерие*. – Толкование основано на том, что *altus* означает не только «глубокий», но и «высокий».
- ¹³⁷ ...*алчных волками, ленивых ослами*. – См.: «Комментарий». III (об острове Цирцеи). Ср.: *Бозций*. Утешение Философией. IV, рг. 3, 17–24.
- ¹³⁸ ...*«благих жительство на небесах»*... – Флп. 3, 20.
- ¹³⁹ ...*деревья означают все, что расчленено в философии*... – См.: «Комментарий». VI, 136–137.
- ¹⁴⁰ ...*убегая, сердце долгим уязвляет нас укусом*. – *Бозций*. Утешение Философией. III, metr. 7, 5–6.
- ¹⁴¹ *Эти пороки Бозций называет бесплодными шипами*. – *Бозций*. Утешение Философией. I, рг. 1, 9.
- ¹⁴² ...*«Горы, как воск, растаяли»*... – Пс. 96, 5.
- ¹⁴³ ...*«Горы окрест Иерусалима»*... – Пс. 124, 2.
- ¹⁴⁴ ...*«Гора возвысится превыше всех гор»*. – Ис. 2, 2.

- ¹⁴⁵ ...*три способности духа, а именно гневливость, возделение, мужество.* (animositas). – См.: «Комментарий». VI, 612; III Vaticanus Mythographus. 6, 9; *Guillelmus de Conchis*. In *Timaeum* 17 с.
- ¹⁴⁶ *МОЛВИЛ...* – Ст. 190–203: «Только он молвил, как вдруг две голубки прямо пред очами мужа, слетая с неба, спустились и сели на зеленой земле. Тут величайший герой узнал материнских птиц и, радостный, взмолился: “Будьте мне вожатаями, если есть какая-то дорога, и держите путь по ветрам в рощи, где тучную почву осеняет богатая ветвь. И ты, о божественная мать, не оставь меня в ненадежных делах”. Так молвив, он ставит стопы, наблюдая, какие знаки подают птицы, куда собираются устремиться. Кормясь, они настолько удаляются в полете, чтоб их могли удерживать своей зоркостью очи преследователей. Достигнув зева тяжело пахнущего Аверна, они быстро поднимаются и, скользя по ясному воздуху, садятся на желанное место на двойном дереве, откуда блистало сквозь ветви несоцветное им сияние золота».
- ¹⁴⁷ ...*голубки именуется ~ посему зовутся голубками (columbe), как бы «живущими в чреслах».* (colentes lumbos). – Ср.: *Fulgentius*. *Mythologiae*. II, 1; II Vaticanus *Mythographus*. 33.
- ¹⁴⁸ *Мать Энея, как выше сказано, есть согласие.* – См.: «Комментарий». I.
- ¹⁴⁹ *ПОЧВУ: человеческую природу.* – Обыгрывается созвучие humum / humanitatem.
- ¹⁵⁰ *ДВОЙНОМ...* – Бернард исходит из чтения gemina, при котором этот эпитет относится к дереву, а не geminae (к голубкам).
- ¹⁵¹ ...*у Пифагора она обозначается буквой Y.* – Ср.: «Комментарий». VI, 136.
- ¹⁵² *ОМЕЛА...* – Ст. 205–211: «Как в лесах, в зимнюю стужу, омела обычно зеленеет чуждой листвой, не своим деревом посеяна, и шафранным плодом обвивает круглый ствол, таков был вид листовенного золота на темном дубе, так шелестела фольга на нежном ветре. Эней тотчас хватает ее, жадный, отламывает ее, неподатливую, и несет под кров пророчицы Сивиллы».
- ¹⁵³ ...*то есть орудия дарования, рассудка и памяти.* – См.: «Комментарий». VI, 68; *Макробий*. *Сатурналии*. VII, 9, 17.
- ¹⁵⁴ *НА БЕРЕГУ...* – Ст. 212–224: «Между тем на берегу не меньше плакали о Мизене тевкры и воздавали бесчувственному праху последние почести. Вначале они возвели огромный костер, богатый сосною и рассеченным дубом, бока ему оплели темными листьями, перед ним помещают погребальные кипарисы, а сверху украшают его блистающими оружьями. Часть снимает с огня горячую влагу и бурлящую медь, омывает тело охладевшего и умаскает его. Поднимается стон. Затем оплаканные члены слагают на одр, а поверх бросают пурпурные ризы, знакомую одежду. Часть поднимает носилки – скорбное служение – и по обычаю предков, отвратив взор, держат факел опрокинутым».
- ¹⁵⁵ ...*грудь разорвав, наружу не выйдет?* – *Персий*. *Сатиры*. I, 24–25.
- ¹⁵⁶ ...*«водою мудрости питаешь их»...* – *Сир*. 15, 3.
- ¹⁵⁷ ...*«воды отвесил по мере»...* – *Иов*. 28, 25.
- ¹⁵⁸ ...*«полагает в сокровищах бездны»...* – *Пс*. 32, 7.
- ¹⁵⁹ ...*«воды, которые превыше небес»...* – *Пс*. 148, 4.
- ¹⁶⁰ ...*«воды краденые слаще»* – *Притч*. 9, 17.
- ¹⁶¹ *СЖИГАЮТ...* – Ст. 224–235: «Собранные дары сжигают – благовония, яства, кратеры разлитого еля. После того как рухнул прах и огонь угас, останки и жаждущий пепел омыли вином, и Кориней, собрав кости, прячет их в медной урне. Он трижды

- обнес товарищей чистой водой, кропя легкой росой с ветви плодоносной оливы, и очистил дома, и сказал последние слова. А благочестный Эней возводит непомерной громадой гробницу, с собственным оружием этого мужа, веслом и трубой, под высокой горой, что ныне зовется в его честь Мизеном и будет из века в век хранить незыблемое имя».
- ¹⁶² ...кратер Отца-Либера, расположенный в области между Раком и Львом. – *Macrobius*. In somnium Scipionis. I, 12, 8.
- ¹⁶³ ...называется Сириус, то есть «притягивающая». – III Vaticanus Mythographus. 9, 6; *Arnulphus Aurelianus*. Glosule super Lucanum. X, 211.
- ¹⁶⁴ ПЕЩЕРА... – Ст. 237: «Была глубокая пещера...»
- ¹⁶⁵ ШЛИ... – Ст. 268–272: «Шли впотьмах под тенью безлюдной ночи, по пустым чертогам Дита и бесплотным царствам: таков при неверной луне, под скудным светом, путь по лесам, когда Юпитер укрыл небо тенью и черная ночь отняла цвет у вещей».
- ¹⁶⁶ ДИТА, поскольку в них преобладает земная природа. – Ср.: «Комментарий». VI, 106.
- ¹⁶⁷ ПРЕДДВЕРЬЕ... – Ст. 273–281: «У самого преддверья, в первом зеве Орка, Скорбь и мстительные Заботы поставили свои ложа; здесь обитают бледные Болезни, и унылая Старость, и Страх, и злосоветный Голод, и позорная Нищета, ужасные взгляду обличья, и Смерть и Труд; дальше родной брат Смерти Сон, и дурные Радости ума, и на противоположном пороге – смертоносная Война, и железные чертоги Эвменид, и безумная Распря, змеиные власы обвившая кровавыми повязками».
- ¹⁶⁸ ...третья – Мегера, дурное деяние. – О трех Фуриях ср. *Arnulphus Orleanensis*. Glosule super Lucanum. VI, 695.
- ¹⁶⁹ В СРЕДИНЕ... – Ст. 282–284: «В середине простирает ветви и старые сучья вяз, темный, огромный, который, говорят в народе, пустые Сны сделали своей обителью, прилепившись под каждым листком».
- ¹⁷⁰ ...этот блеск, как говорит Платон, разливаясь в очах, производит зрение. – Платон. Тимей. 45 b–e.
- ¹⁷¹ ...те сновидения, что происходят из прочих видов помышлений, – пустые. – Ср.: Гильом Кониский. Философия. IV, 32.
- ¹⁷² ЗВЕРЕЙ... – Ст. 285–286: «И кроме этого – многие чудовищные виды различных зверей обитают в дверях, Кентавры и двувидные Сциллы...»
- ¹⁷³ ...именуется Иксионом, то есть «превыше всего», поскольку, поставленное надо всем, все освещает. – Ср.: «Комментарий». VI, 601.
- ¹⁷⁴ СТОЧЛЕННЫЙ... – Ст. 287–288: «И сточленный Бриарей, и зверь Лерны, ужасно шипящий, и вооруженная пламенем Химера».
- ¹⁷⁵ ...когда один запруживали, пробивалось несметное множество ручейков. – О Лернейской гидре ср.: *Servius*. In Aeneidem. VI, 287; *Isidorus Hispalensis*. Etymologiae. XII, 4, 23; I Vaticanus Mythographus. 62; II Vaticanus Mythographus. 163; III Vaticanus Mythographus. 13, 4.
- ¹⁷⁶ Под Геркулесом мы понимаем мудреца. – Ср.: «Комментарий». VI, 123.
- ¹⁷⁷ ...«живейшим огнем ума». – Бозций. Утешение Философией. IV, рг. 6, 3.
- ¹⁷⁸ ...стрекалами раскаяния и дурной совести. – О Химере ср.: *Fulgentius*. Mythologiae. III, 1; III Vaticanus Mythographus. 14, 5.
- ¹⁷⁹ ГОРГОНЫ... – Ст. 289: «Горгоны, и Гарпии, и образ трехтелой тени».
- ¹⁸⁰ ...«свирепым днем души». – Стаций. Фиваида. I, 52.

- ¹⁸¹ ...крепнет в движенье она... – Вергилий. Энеида. IV, 174 сл.
- ¹⁸² Он зовется Финеем, как бы *epineos*, то есть «выше новизны»; ведь *epi* – «выше», *neos* – «новизна». – Ср.: *Fulgentius. Mythologiae. III, 11; II Vaticanus Mythographus. 142; III Vaticanus Mythographus. 5, 6.*
- ¹⁸³ Эта же и на твою казнь обратится главу. – Овидий. Наука любви. I, 339 сл.
- ¹⁸⁴ *Arpia* по-гречески – «хищность» по-латински; ведь *arpo* значит «похищаю». – *Fulgentius. Mythologiae. I, 9; I Vaticanus Mythographus. 111; II Vaticanus Mythographus. 13; III Vaticanus Mythographus. 5, 5.*
- ¹⁸⁵ ...когда марают его образ жизни... – Бернард обыгрывает два значения слова *victus* – «пропитание, пища» и «образ жизни».
- ¹⁸⁶ ...скупец сберегает объедки. – Ювенал. Сатиры. XIV, 129 сл. (с изменениями).
- ¹⁸⁷ ...избегает его и потратит страшится». – Гораций. Наука поэзии. 170.
- ¹⁸⁸ ...Платон в «Тимее» говорит... – Платон. Тимей. 19 d.
- ¹⁸⁹ ...Тот, что на сцену взнесен колесницею ветреной Славы. – Гораций. Послания. II, 1, 177.
- ¹⁹⁰ ...«Слава – не что иное, как великий ветер в ушах». – Видимо, перевод двух строк Еврипида («Андромаха». 319–320), сделанный Хильдебертом Лаварденским (*Hildebertus Lavardensis. Moralis philosophia. PL. 171. Col. 1050*).
- ¹⁹¹ ...царя, владевшего тремя царствами. – I Vaticanus Mythographus. 68; II Vaticanus Mythographus. 152; III Vaticanus Mythographus. 13, 6.
- ¹⁹² ЖЕЛЕЗО... – Ст. 290–294: «Эней хватает железо, трепеща от внезапного страха, и обращает обнаженное острие против их приближения, и если бы мудрая спутница не напомнила, что это реют скудные жизни без тела, в полном обличии формы, он ринулся бы и впустую рассекал ветры железом».
- ¹⁹³ ...«По кругу ходят нечестивые». – Пс. 11, 9.
- ¹⁹⁴ ОТСЕЛЕ ДОРОГА... – Ст. 295–297: «Отселе дорога, что ведет к волнам Тартарова Ахерона. Здесь, мутный от грязи и неизмеримого омута, кипит водоворот и весь свой песок изрыгает в Коцит».
- ¹⁹⁵ ...Ахерон, как мы сказали выше, переводится «без радости». – Этимология от *á* и *χαῖρε*. Ср.: III Vaticanus Mythographus. 6, 2.
- ¹⁹⁶ ...осуждены на смерть и проскрипции». – Бозций. Утешение Философией. I, рг. 4, 36 (цитата неточная).
- ¹⁹⁷ В КОЦИТ: в плач. – Ср.: «Комментарий». VI, 132.
- ¹⁹⁸ ПЕРЕВОЗЧИК... – Ст. 298–301: «Блюдет эти воды и потоки ужасный перевозчик, с его жуткой грязью, – Харон, у которого с подбородка свисает неухоженная седина, очи стоят в пламени, грязный плащ спадает с плеч узлом».
- ¹⁹⁹ ...сын Полидемона, то есть возникает от вращения небосвода. – Ср.: *Fulgentius. Virgiliana continentia. 98, 18.*
- ²⁰⁰ ...как ум Бозция. – Ср.: Бозций. Утешение Философией. I, metr. 2, 1–5.
- ²⁰¹ ...день, воссиявший прежде всех, был летний. – Ср.: Гильом Кониский. Философия. I, 46.
- ²⁰² ЧЕЛН... – Ст. 302–304: «Он сам гонит челн шестом и правит парусами, и перевозит тела на темной ладье – уже старый, но крепка и зелена старость бога».
- ²⁰³ ...безрассудным и неупорядоченным броском». – Платон. Тимей, 43 a–b. У Платона, однако, речь не о глазах, а о круговращениях бессмертной души.

- ²⁰⁴ **КРЕПКА** (*cruda*): *разрушительна*. – Толкование основано на том, что *crudus* означает и «бодрый, свежий», и «суровый, беспощадный».
- ²⁰⁵ ...*Сатурн пожрал почти всех своих сыновей*. – См.: «Комментарий». I.
- ²⁰⁶ **К БЕРЕГУ**... – Ст. 305–308: «Сюда неслась вся толпа, текущая к берегу: матери и мужи, и тела великодушных героев, чья жизнь кончилась, отроки и безбрачные девы, и юноши, положенные на кострах пред родительскими глазами».
- ²⁰⁷ ...*умерщвление пороков, которого, как говорит Платон, следует желать философов*. – Ср.: *Macrobius*. In *sonnium Scipionis*. I, 13, 5; *Платон*. Федр. 64 а.
- ²⁰⁸ ...*говоривший: «Умертвите члены ваши»*. – То есть апостол Павел; см.: Кол. 3, 5.
- ²⁰⁹ **ЛИСТЬЯ**... – Ст. 309–312: «Сколь много в лесах при первой осенней стуже падает скользкими листьям, или сколь много птиц сбивается в стаю, летя от глубокой пучины к земле, когда ежегодный холод гонит их за море и посылает в солнечные края».
- ²¹⁰ **СТОЯЛИ**... – Ст. 313–320: «Они стояли, моля первыми проделать путь, и простирали руки, жаждая отдаленного берега. Но мрачный лодочник принимает то тех, то этих, а других удерживает, отогнав далеко от песка. Эней, удивленный и взволнованный этим смятением, говорит: “Скажи, дева, что значит это стечение к реке? Чего добиваются души? и из-за какого различия эти покидают берег, а те бороздят веслами свинцовые воды?”».
- ²¹¹ **ИСТИННЕЙШАЯ**... – Ст. 322–324: «Анхизов сын, истиннейшая отрасль богов, ты видишь глубокие топи Коцита и Стигийское болото, коим боги страшатся поклясться и нарушить клятву».
- ²¹² *Стикс, как мы сказали, переводится как «ненависть»*. – См.: «Комментарий». VI, 107.
- ²¹³ **ТОЛПА БЕСПОМОЩНАЯ**... – Ст. 325–330: «Все это, видимое тобою, беспомощная и непогребенная толпа; тот перевозчик – Харон; те, кого несет волна, погребены; не дано переправиться на ужасный берег по шумным потокам, прежде чем кости упокоятся на своих местах. Сто лет они блуждают и реют по этим берегам, и лишь потом, допущенные, вновь посещают желанные топи».
- ²¹⁴ **ОСТАНОВИЛСЯ**... – Ст. 331–332: «Остановился Анхизов сын и впечатал стопы, многое взвешивая и в душе сострадав их несправедливому жребию».
- ²¹⁵ **ЛЕВКАСПИД**... – Ст. 333–336: «Видит он там мрачных и лишенных смертной почести Левкаспида и Оронта, вождя ликийского флота, коих, вместе влекомых от Трои по ветреным зыбям, погружает Австр, скрывая в воде и корабль и мужей».
- ²¹⁶ ...*«наставницей добродетелей»*. – *Бозций*. Утешение Философией. I, рг. 3, 3.
- ²¹⁷ ...*тяжкая кара, назначенная преступлению»*. – *Бозций*. Утешение Философией. I, metr. 5, 29–30.
- ²¹⁸ ...*как мы показали выше*... – См.: «Комментарий». I.
- ²¹⁹ ...*и гонит их пред собой в арктический край*. – Ср.: *Гильом Кониский*. Философия. III, 29.
- ²²⁰ ...*«Из тучного брюха не родится тонкий смысл»*. – См.: *Scholiae ad Persium*. I, 57.
- ²²¹ ...*«пригнетает к земле частицу божественна духа»*. – *Гораций*. Сатиры. II, 2, 79.
- ²²² **ВОТ**... – Ст. 337–340: «Вот брел кормчий Палинур, который лишь недавно на ливийском пути, когда наблюдал светила, упал с кормы, низвергшись в середину волн. Когда он наконец узнал его, мрачного, в густой тени...»
- ²²³ **ПЕРВЫМ**... – Ст. 341–347: «Первым он так заговаривает: “Кто из богов тебя, Палинур, исторг у нас и погрузил в середину пучины? Молви же! Ибо, никогда прежде не

- оказывавшийся лживым, этим одним ответом обманул мою душу Аполлон, который предрекал, что ты будешь невредим на море и придешь в авзонийские пределы. Это ли обещанная верность?»».
- ²²⁴ *...лучше того избежать и другого искать». – Гораций. Сатиры. I, 4, 105–116.*
- ²²⁵ **ТРЕНОЖНИК...** – Ст. 347–354: «А тот: “Ни Фебов треножник тебя не обманул, вождь Анхизиад, ни бог меня не погрузил в пучине. Ибо кормило, внезапно оторванное с великою силой, при котором я пребывал стражем и направлял путь, я, падая стремглав, увлек с собою. Клянусь суровым морем, не столько за себя чувствовал я великий страх, сколько что твой корабль, лишенный снастей, оставшийся без кормчего, изнеможет при таких поднимающихся волнах”».
- ²²⁶ **НОТ...** – Ст. 355–357: «Три зимние ночи по безмерной пучине влек меня Нот, буйствуя на воде; едва на четвертой заре я завидел Италию, вознесенный на гребне волны».
- ²²⁷ *...как мы сказали.* – Объяснение этого слова в дошедшем до нас Комментарии не сохранилось.
- ²²⁸ **ПОСТЕПЕННО Я ПОДПЛЫВАЛ...** – Ст. 358–361: «Постепенно я подплывал к земле; уже достигал безопасности, если бы жестокое племя на меня, отягченного мокрой одеждой, хватающего цепкими руками шершавые выступы скалы, не напало с железом, почитая в неведеньи добычей».
- ²²⁹ **НЫНЕ...** – Ст. 362–372: «“Ныне владеет мной поток и вращают ветры у берега. Так что ради отрадного света небес и воздуха, ради родителя, ради растущей надежды Иула молю – вырви меня из сих бедствий, непобедимый: или брось земли на меня (ведь ты можешь) и отыщи Великую гавань; или, если есть такой способ, если тебе богиня-родительница его явила (ведь, полагаю, не без воли богов ты готовишься переплыть такие реки и Стигийское болото), дай десницу несчастному и с собой перенеси меня через волны, дабы хотя бы в смерти я упокоился в мирных обителях”. Так он молвил, и пророчица начала так...»
- ²³⁰ **НЕПОГРЕБЕННЫЙ...** – Ст. 374–383: «“Ты, непогребенный, увидишь стигийские воды и суровую реку Эвменид и приблизишься к берегу непрошеным? Не надейся изменить волю богов мольбою! Но удержи в памяти слова, утешительные в жестоком жребии: твои соседи, подвигнутые далеко и широко по градам небесными чудесами, кости твои умиротворят и возведут курган и кургану совершат тризны, и навек это место получит имя Палинура”. Этой речью прогнаны заботы, на время из грустного сердца изгнана скорбь; он радуется названию земли».
- ²³¹ **ПУТЬ...** – Ст. 384–391: «Они совершают начатый путь и приближаются к реке. Лодочник, уже от стигийской волны завидев, что они идут по безмолвному лесу и обращают стопы к берегу, первым вещает и кричит: “Кто бы ты ни был, что устремляешься вооруженным к нашей реке, говори, на что пришел, прямо оттуда, и сдержи шаг! Здесь место теням, Сну и Ночи снотворной; живые тела запретно возить в стигийской ладье».
- ²³² *...бледные губы еду из чужих перстов принимают». – Ювенал. Сатиры. X, 253, 218–219, 227–229.*
- ²³³ *...Много уносят с собой проходящие. – Гораций. Наука поэзии. 169, 175–176.*
- ²³⁴ **АЛКИДА...** – Ст. 392–402: «И, правду сказать, не был я рад, что принял Алкида, идущего через озеро, ни Тесея и Пирифоя, хотя были они богами рождены и недолимы в своей мощи. Этот стремился силою заключить в цепи тартарийского стража,

у престола самого царя, и уволок его, трепещущего, а те замышляли увести госпожу из чертога Дита. На это кратко отвечала ему амфрисийская пророчица: “Здесь нет таких козней (оставь волнения), и не несет насилия наше оружие; пусть огромный привратник, вечно лая из пещеры, устрашает бескровные тени; пусть Прозерпина непорочно блюдет дядин порог”».

- ²³⁵ ...«Тяжкий труд дает Геркулесу славу». – *Бозций*. Утешение Философией. IV. metr. 7, 13. Подвиги Геракла, известные христианским художникам со времен катакомб, трактовались как духовные упражнения, прототип аскезы [*Воскобойников* 2015. 74–75].
- ²³⁶ ...*caerberos, то есть «пожиратель плоти»*. – Этимология от греч. κρεοβόρος. Ср.: *Servius*. In Aeneidem. VI, 395; VIII, 297; *Isidorus Hispalensis*. Etymologiae. XI, 3, 33; *Fulgentius*. Mythologiae. I, 6; I Vaticanus Mythographus. 57; II Vaticanus Mythographus. 11; III Vaticanus Mythographus. 6, 22.
- ²³⁷ *Фульгенций же под Цербером понимает красноречие...* – *Fulgentius*. Virgiliana continentia. 99, 2.
- ²³⁸ ...*а красноречивый, если не мудрец, бесполезный и пагубный для отчизны гражданина*. – *Цицерон*. О нахождении. I, 1. Ср.: «Комментарий». IV.
- ²³⁹ ...*намекает Марциан, когда вводит Меркурия, добывающегося брака с Филологией*. – *Martianus Capella*. De nuptiis. I, 24 сл.
- ²⁴⁰ *НИКАКОЙ...* – Ст. 405–410: «“Если не волнует тебя никакой образ столь великого благочестья, узнай тогда эту ветвь”: и она являет ветвь, что скрывалась под платьем. И набухшее сердце успокаивается от гнева. Больше ни слова. Он, дивясь чтимому дару роковой ветви, долгое время не виданному, обращает темную корму и близится к берегу».
- ²⁴¹ ...*синева в этом случае – признак страсти*. – *Caeruleus*, означающее в этом вергилиевском пассаже «темный», значит также «лазурный, синий»; слово *livor*, примененное Бернардом, позволяет ему такое толкование, поскольку означает и «синеву» (свинцовый цвет), и «недоброжелательство, сильную зависть».
- ²⁴² *СКАМЬЯХ...* – Ст. 411–414: «Затем другие души, что сидели на длинных скамьях, он сбрасывает и освобождает проходы; тотчас же он принимает на корабль огромного Энея. Стонет под грузом сшитый челн и вбирает, щелистый, немало болота».
- ²⁴³ ...*НАКОНЕЦ...* – Ст. 415–416: «Наконец через поток он пророчицу и мужа высаживает невредимыми в безобразный ил и серую осоку».
- ²⁴⁴ *ЦАРСТВА...* – Ст. 417–423: «Цербер огромный оглашает эти царства тризвонным лаем, лежа, чудовищный, в пещере напротив. Пророчица ему, видя, что шеи уже ошестиниваются змеями, кинула снотворный кусок с медом и целебными зельями. Он, три бешеных пасти раскрывая от голода, подхватывает брошенное и расслабляет огромные хребты, простершись по земле, и протягивается, безмерный, по всей пещере».
- ²⁴⁵ ...«*паче меда и сот*». – Пс. 18, 11.
- ²⁴⁶ *ВХОД...* – Ст. 424–425: «Эней занимает вход, когда страж погребен, и быстро покидает берег невозвратимой волны».
- ²⁴⁷ *ТОТЧАС...* – Ст. 426–430: «Тотчас услышались голоса и великие вопли, души младенцев, плачущие на первом пороге, коих, сладостной жизни лишенных и оторванных от груди, унес черный день и погрузил в горькой кончине. Рядом с ними – осужденные на смерть по ложному обвинению».

- 248 ...*скорби не узришь*. – Боэций. Утешение Философией. I, metr. 7, 25–28.
- 249 ...*что тут за дело?* – Гораций. Послания. I, 6, 12.
- 250 ...*«возглашает бывшее и небывшее»*. – Вергилий. Энеида. IV, 190.
- 251 *НИ...* – Ст. 431: «Но ни без жребия, ни без судьбы эти места не даются».
- 252 ...*и тебе значит «ясная»*. – От греч. Μήνη, «месяц», из-за ясности луны. Ср.: I Vaticanus Mythographus. 172.
- 253 ...*Радамант по-латински значит «судящий слово»*. – Ср.: Fulgentius. Virgiliana continentia. 101: «Ведь Радамант по-гречески – как бы tagematadamonta, то есть “смиряющий слово”».
- 254 ...*Нероачаос, то есть «господин смешения»*... – Этимология от греч. ἦρος и χάος.
- 255 *УРНУ...* – Ст. 432–433: «Минос, ведущий следствие, зыблет урну; он созывает совет безмолвных, изучает жизни и преступления».
- 256 *ДАЛЬШЕ БЛИЖАЙШИЕ...* – Ст. 434–437: «Дальше ближайшие места занимают унылые, которые своей рукой причинили себе погибель без вины и, возненавидев свет, отбросили свои души. Как желали бы они на вышнем эфире ныне и бедность сносить и тяжелые труды!»
- 257 *БОЛОТО...* – Ст. 438–439: «Закон препятствует, и печальное болото с безотрадной волною связывает, и девятикратно протекая, Стикс их удерживает».
- 258 *НЕДАЛЕКО...* – Ст. 440–444: «Недалеко оттоле являются простертые во все стороны Скорбные поля: так зовут их по имени. Здесь тех, кого жестокая любовь пожрала беспощадным недугом, прячут тайные тропы и кроет миртовый лес кругом; заботы и в самой смерти их не покидают».
- 259 ...*уязвляет долгим сердце*. – Боэций. Утешение Философией. III, metr. 7, 3–6.
- 260 ...*Прежде всего, коли хочешь любить...* – Овидий. Наука любви. I, 35.
- 261 ...*ради их утонченности*. (pro curialitatibus). – Возможно, намек на куртуазную любовь.
- 262 *ФЕДРУ...* – Ст. 445–447: «В этих местах он видит Федру, и Прокриду, и печальную Эрифилу, показывающую раны, нанесенные жестоким сыном, Эвадну и Пасифаю; спутницей им идет Лаодамия...»
- 263 *ЮНОША КЕНЕЙ...* – Ст. 448–449: «...и некогда юноша, а теперь женщина, Кеней, в прежний образ снова обращенная судьбой».
- 264 ...*как у Теренция...* – Теренций. Еввух. 65–66, 91–94, 152–154, 225–227 и т.д.
- 265 ...*Кенеем или Кенидой, то есть сыном или дочерью новизны...* – Этимология от греч. καινός и υἱός (или от γένος и νεός).
- 266 *МЕЖ НИМИ...* – Ст. 450–476: «Меж ними финикийская Дидона с недавнею раной блуждала в огромном лесу. Троянский герой, едва только стал близ нее и узнал ее в тени, неясную, какой в начале месяца видишь или мнишь, что видел, луну сквозь тучи, не смог удержать слез и с нежной любовью молвил: “Несчастливая Дидона, значит, правдивая весть пришла ко мне, что ты умерла и железом сыскала кончину? Увы! я стал причиной твоей смерти? Клянусь светилами, и вышними, и всем, что есть священного в глубине земли: я не по воле своей, царица, твой берег покинул. Но веленья богов, что теперь нудят идти через эти тени, по местам, тернистым от заброшенности, и сквозь глубокую ночь, заставили меня своей властью; и я не мог поверить, что такую скорбь причину тебе своим уходом. Удержи шаг и себя не отнимай у моего взора. От кого ты бежишь? Последний раз судьба позволяет мне говорить с тобою”. Такими речами Эней у пылающей и сурово глядящей старался

смягчить дух и слезы исторгнуть. Она, отвернувшись, держала глаза вперенными в землю, и лицо не более трогалось начатой речью, как если бы твердый кремь стоял или камень марпесский. Наконец подхватила и, враждебная, бежала в тенистую рощу, где прежний супруг, Сихей, отвечает на ее печали и любовью равняется с ней. Тем не менее Эней, пораженный судьбой несправедливой, плача, следит за ней далеко и скорбит об ушедшей».

²⁶⁷ ...«Иди к огню, сильней нагреешься». – Теренций. Еввух. 85.

²⁶⁸ ...Образ с обеих сторон. – Ювенал. Сатиры. IX, 18–20.

²⁶⁹ ...«Без Цереры и Вакха холодеет Венера». – Теренций. Еввух. 732.

²⁷⁰ ПУТЬ... – Ст. 477–488: «Дальше свершает он данный путь. Уж достигали они последних нив, где обособленно обитали славные в войнах. Здесь ему встречается Тидей, здесь знаменитый оружием Партенопей и бледного образ Адраста. Здесь много оплаканные наверху, в сражении павшие Дарданиды, коих всех видя длинной чредою, он застонал: Главка, и Медонта, и Терсилоха, трех Антеноридов, и жреца Цереры Полибета, и Идея, все еще владеющего колесницей и оружием. Окружают его многочисленные души справа и слева. Им не довольно лишь раз взглянуть: от-раднo еще помедлить, и сравнить шаг, и узнать причины прихода».

²⁷¹ ...как написано в «Тимее»... – Платон. Тимей. 17 d.

²⁷² ...большее в небольшом царило мужество теле. – Стаций. Фиваида. I, 417 (пер. Ю.А. Шичалина).

²⁷³ ...те, кто не уважает достоинства своего святого сана. (prelacionis). – Возможно, этимология от греч. πολὺς и βοῆτης, т.е. «много кричащий».

²⁷⁴ ...то есть занятые благим делом. – Бернард толкует dextra, означающее здесь правую сторону, в смысле «десница».

²⁷⁵ НО ДАНАЕВ... – Ст. 489–493: «Но вожди данаев и Агамемноновы фаланги, как только увидели мужа и блистающее оружие сквозь тени, задрожали в безмерном страхе: часть обращает тыл и, как некогда, бежит к судам; часть подымлет слабый голос, и начатый клич обрывается на раскрытых устах».

²⁷⁶ Добродетель ясна, поскольку она практикуется... – Virtus vero, quia celebratur, ideo clara est. Толкование основано на том, что clara значит не только «ясная», но и «славная, знаменитая», а celebrare – и «практиковать, ревностно заниматься», и «восхвалять, возвеличивать».

²⁷⁷ ...каменна, поскольку крута. – Образ «крутой добродетели» (ardua virtus) ср. у Овидия («Наука любви». II, 537; Письма с Понта. II, 2, 111).

²⁷⁸ И ЗДЕСЬ... – Ст. 494–497: «И Приаида Деифоба он видит здесь, со всем телом истерзанным, с лицом, жестоко изодранным, – лицом и обеими руками, и ограбленными висками, так как отъяты его уши, и ноздрями, отсеченными позорной раной».

²⁷⁹ Hel – «богиня», еппе – «обитающая». – Этимология от евр. el и греч. ἐνναίων.

²⁸⁰ ...Парис по-гречески – «чувство» по-латински, как мы сказали. – См.: «Комментарий». VI, 57.

²⁸¹ ...Деифоб – как бы dimorphobus, то есть «страх народный». – Ср.: Fulgentius. Virgiliana continentia. 99, 10, и «Комментарий». VI, 10.

²⁸² ...ireratus, то есть «высшее давление». – Возможно, этимология от греч. ὑπέρ и лат. pretere.

²⁸³ ...как мы сказали, этому возрасту присуще много тягот. – См.: «Комментарий». VI, 385.

- ²⁸⁴ *ЕДВА УЗНАЛ...* – Ст. 498–514: «Едва он его узнал, дрожащего и прикрывающего жестокие увечья, и знакомым голосом обратился к нему по своей воле: “Деифоб оружемогущий, рожденный от высокой крови Тевкра, кто возжелал совершить столь жестокие кары? Кто имел над тобой столько власти? Молва донесла мне, что последней ночью ты, утомленный огромным истреблением пеласгов, упал на грудь смешанных трупов. Тогда я сам на ретейском берегу воздвиг пустую могилу и гласом великим трижды воззвал к манам. Имя и оружие хранят это место; тебя, друг, я не мог видеть и, уходя, погresti в отеческой земле”. Приамид на это: “Ничего, о друг, ты не оставил несделанным; все исполнил ты для Деифоба и теням умершего. Но меня мои судьбы и гибельное злодеяние лаконянки погрузили в сих бедствиях; она оставила эту память. Ибо как мы проводили последнюю ночь среди ложных радостей, ты ведаешь; и слишком надобно помнить!”».
- ²⁸⁵ *КОГДА РОКОВОЙ...* – Ст. 515–516: «Когда роковой конь скачком явился на крутой Пергам и, тяжкий, принес вооруженную пехоту в чреве...»
- ²⁸⁶ *...Вовремя, если умен, выпрягай коня, что стареет...* – Гораций. Послания. I, 1, 8.
- ²⁸⁷ *...поднимаются на горы и там зачинают от ветра.* – Плиний. Естественная история. VIII, 67, 166.
- ²⁸⁸ *...«Без Цереры и Вакха зябнет Венера».* – Теренций. Евнух. 732.
- ²⁸⁹ *ОНА...* – Ст. 517–527: «Она, изображая хоровод, водила вокруг фригиянок, восклицавших “эван” в своей оргии; сама посредине держала мощный факел и звала данаев с высоты твердыни. Тут меня, утомленного заботами и сном отягченного, приняла злосчастная спальня, и сковал лежащего сладкий и глубокий покой, безмятежной смерти подобный. Тем временем несравненная супруга удаляет все оружие из дому и похищает верный меч над головой; зовет в дом Менелая и отворяет двери, видно, надеясь, что великим даром это будет для любящего и так она сможет заглушить молву о былых преступлениях».
- ²⁹⁰ *Посему они иначе называются triatherica.* – Из греч. τριηθηρικᾶ.
- ²⁹¹ *ВТОРГАЮТСЯ...* – Ст. 528–547: «“Что я медлю? Вторгаются в чертог; спутником входит подстрекатель злодейств, Эолид. Боги, воздайте грекам тем же, если благочестивыми устами прошу я кары! Но какие приключения привели тебя вживе, расскажи в свой черед. Блужданиями моря принесенный, приходишь ты, или приказаньем богов? Иль что за фортуна тебя изнуряет, что ты входишь в печальные дома без солнца, смятенные места?” За этой чередой речей Аврора в розовой квадриге уже пересекла на своей эфирной стезе средину оси; и возможно, они провели бы так все данное ему время, но спутница напомнила и кратко рекла Сивилла: “Ночь спускается, Эней; мы в плаче проводим часы. Это – место, где дорога делится на две: правая, что устремляется под стены великого Дита: здесь наш путь к Элизию; а левая воздает кары злым и посылает в нечестивый Тартар”. Деифоб в ответ: “Не гневишь, великая жрица; я удалюсь, исполню число, вернусь во мрак. Иди, наша слава, иди; вкуси лучшей судьбы!” Молвив столько, с последним словом он обратил стопы».
- ²⁹² *...как мы выше сказали...* – См.: «Комментарий». VI, 289.
- ²⁹³ *ОГЛЯДЫВАЕТСЯ...* – Ст. 548–553: «Внезапно Эней оглядывается и под скалой слева видит обширные стены, обведенные тройной оградой, которые огибает бурным пламенем быстрый поток, Тартаров Флегетон, и вращает гремучие камни. Напротив огромные врата, столпы твердого адаманта, чтобы никакая сила мужей и сами небожители не могли разрушить их железом».

- ²⁹⁴ «*Великого Дита*» – поскольку они временные. – Ср.: «Комментарий». VI, 106.
- ²⁹⁵ *СТОИТ...* – Ст. 554–556: «Стоит железная башня к ветрам, и сидя Тисифона, кровавой ризой подпоясанная, бессонная, сторожит преддверье ночью и днем».
- ²⁹⁶ *ОТСЮДА...* – Ст. 557–577: «Отсюда слышен стон, и свирепые бичевания звенят, лязг железа и влекомые цепи. Остановился Эней и, уstraшенный, впивает этот шум. “Каков облик злодейств? о дева, скажи, какими карами здесь мучат? Что за вопль столь великий летит на ветры?” Тут пророчица так начала: “Вождь прославленный тевкров, чистому не позволено стать на преступном пороге; но когда Геката поставила меня над Авернскими рощами, сама показала мне кары богов и всюду провела. Кносский Радамант держит эти жестокие царства, он обличает, выслушивает рассказы о вине, вынуждая признаваться в том, что каждый наверху, радуясь тщетному обману, отложил искупление на позднюю смерть. Немедля мстящая Тисифона, снабженная бичом, виновных разит, прынув, и, простирая левой рукой грозных змей, зовет свирепые сонмы сестер. Тут наконец, скрипя на страшно шумящем крюке, отверзаются священные врата. Видишь, какая стража сидит в преддверье, какие обличья стерегут пороги? С пятьюдесятью черными зевами огромная Гидра, еще свирепей, сидит внутри”».
- ²⁹⁷ *КНОССКИЙ*, так как на Крите процветало красноречие. – О Радаманте см.: «Комментарий». VI, 431.
- ²⁹⁸ *ТАРТАР ДВАЖДЫ РАЗВЕРЗАЕТСЯ ВГЛУБЬ...* – Ст. 578–579: «Далее Тартар дважды разверзается вглубь и настолько стремится под ветры (Бернард исходит из чтения *sub auras*. – *Р.Ш.*), насколько достигает взор в небо, к эфирному Олимпу».
- ²⁹⁹ *...И пригнетает к земле частицу божественна духа.* – *Гораций*. Сатиры. II, 2, 77–79 (цитата неточная).
- ³⁰⁰ *ЗДЕСЬ...* – Ст. 580–584: «Здесь древнее порожденье Земли, племя Титанов, сверженное молнией, корчится в самой глубине. Здесь и двух Алоидов я видела безмерные тела, тех, что пытались руками растерзать великое небо и низвергнуть Юпитера из высшего царства».
- ³⁰¹ *...человеческие тела, составленные из солнца и земли.* – См.: «Комментарий». VI, 324.
- ³⁰² *...Чем они больше пьют, тем у них жажда сильнее...* – *Овидий*. Фасты. I, 216.
- ³⁰³ *...Страсть к монете растет, насколько возрастает богатство.* – *Ювенал*. Сатиры. XIV, 139.
- ³⁰⁴ *...«От Юпитера начало Музы».* – *Вергилий*. Буколики. III, 60. Ср.: *Macrobius*. In somnium Scipionis. I, 17, 14.
- ³⁰⁵ *...«Все полно Юпитером».* – *Вергилий*. Буколики. III, 60.
- ³⁰⁶ *Поэтому он называется Микрокосмом, малым миром.* – Ср.: *Isidorus Hispalensis*. Sententiae. I, 8, 1 [PL. 83, 549]; *Beda Venerabilis*. De temporum ratione. XXXV [PL. 90, 458]; *Honorius Augustodunensis*. De imagine mundi. I, 82; II, 59 [PL. 172. Col. 140, 154]; *Гильом Кониский*. Философия. IV, 45.
- ³⁰⁷ *САЛМОНЕЯ...* – Ст. 585–592: «Я видела и Салмонея, терпящего жестокие кары, – того, что подражал пламени Юпитера и громам Олимпа. Несомый четырьмя конями и сотрясая светоч, по греческому племени и по городу посреди Элиды он ехал торжественно и требовал себе божеской почести, безумный, тучи и неподражаемую молнию изображавший медью и стуком коней рогоногих. Но всемогущий отец меж густыми тучами ринул дрот...»

- ³⁰⁸ *Как мир имеет четыре области и каждая обладает своим убранством...* – Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. II, 7; иначе у *Гильома Конисского*, «Философия». IV, 4.
- ³⁰⁹ *ТАКЖЕ...* – Ст. 595–600: «Также и Тития, Земли всеродящей питомца, можно было видеть, чье тело простерлось на целых девять югеров, и коршун огромный, кривым клювом терзая бессмертную печень и плодородную для мук утробу, ищет яств и обитает под высокой грудью, и возрожденным волокнам не дается покой».
- ³¹⁰ *...tisis – «трапа», scea – «тень» или «душа».* – Греч. φθίσις и σκία.
- ³¹¹ *...«сытым гласит “эвоз” Гораций».* – *Ювенал*. Сатиры. VII, 62.
- ³¹² *ИКСИОНА...* – Ст. 601–603: «Что поминать мне лапифов, Иксиона, Пирифоя и того, над которым грозит черный утес, что вот-вот рухнет, схожий с падающим?»
- ³¹³ *...как мы сказали, это переводится «над всем»...* – См.: «Комментарий». VI, 286.
- ³¹⁴ *ПИРИФОЙ, как выше сказано...* – См.: «Комментарий». VI, 393.
- ³¹⁵ *ЛУЧАТСЯ...* – Ст. 603–607: «Лучатся у высоких праздничных лож золотые изголовья, и пред очами яства, приготовленные с царской роскошью; из Фурий величайшая возлежит рядом и запрещает касаться руками столов, и восстает, поднимая факел, и гремит устами».
- ³¹⁶ *...дурное деяние превосходит в развращенности дурной помысел и дурную речь.* – См.: «Комментарий». VI, 280.
- ³¹⁷ *ЗДЕСЬ...* – Ст. 608–614: «Здесь те, кому ненавистны были братья, пока жизнь длилась, кто ударил отца и запутал клиента в обмане, или те, кто лежал на богатствах, отысканных в земле, не уделяя доли своим (коих великая толпа), кто был убит из-за прелюбодеяния, кто последовал за нечестивым оружием и не побоялся обмануть десницы владык; запертые, ждут наказания».
- ³¹⁸ *...под этими стенами понимаются пять временных благ.* – См.: «Комментарий». VI, 549.
- ³¹⁹ *...чем бы мороз отразить и жестокий голод».* – *Гораций*. Сатиры. I, 2. 5–6 (с изменениями).
- ³²⁰ *Посему предписывается, что никто не должен быть без жены...* – Возможно, Быт. 38, 10 или Руф. 4, 10.
- ³²¹ *...оружие аллегорически означает силы духа.* – См.: «Комментарий». VI, 184.
- ³²² *ВИД...* – Ст. 615–621: «Не ищи узнать, какое наказание или какой вид и судьбина потопили мужей. Одни катят огромный камень, другие висят, растянутые на спицах колес; сидит и сидеть будет вечно злосчастный Тесеи; и Флегий злополучнейший увещевает всех и великим гласом свидетельствует меж теней: “Научитесь справедливости, предупрежденные, и не презирайте богов”. Этот продал за золото отчизну...»
- ³²³ *...Фортуна кружится наподобие колеса...* – Ср.: *Бозций*. Утешение Философией. II, пр. 9; III *Vaticanus Mythographus*. 4, 6.
- ³²⁴ *...снова я к звездам несусь.* – Ср.: *Hildebertus Cennomanensis*. Carmina. CX [PL. 171, 1429–1430].
- ³²⁵ *...как объясняет Макробий.* – *Macrobius*. In somnium Scipionis. I, 10, 4. Ср.: III *Vaticanus Mythographus*. 6, 6.
- ³²⁶ *ТЕСЕИ ЗЛОСЧАСТНЫЙ: бедственная мудрость.* – О Тесее см.: «Комментарий». VI, 393.

- ³²⁷ ...по свидетельству Бозция... – Бозций. Утешение Философией. I, рг. 3, 9.
- ³²⁸ ...в другом месте добродетель зовется огненной. – Напр., Лукан. Фарсалия. IX, 7; ср.: «Комментарий». VI, 130.
- ³²⁹ БУДЬ У МЕНЯ... – Ст. 625–626: «Будь у меня сто языков и сто уст, голос железный, мне не охватить все лики злодеяний...»
- ³³⁰ ПУТЕМ... – Ст. 629–636: «“Но уже отправляйся своим путем и исполни принятую задачу. Поспешим, – говорит она. – Возведенные в Циклоповых печах стены я вижу и ворота с поставленным напротив сводом, те, где нам велено положить эти предписанные дары”. Молвила, и они, рядом ступая по сумраку путей, достигают до середины стези и близятся к вратам. Эней занимает вход, и окропляет тело свежей водой, и ветвь прикрепляет на противном пороге.»
- ³³¹ ...policiculus, то есть «множество кругов». – См.: «Комментарий». III, 569.
- ³³² ...кои суть 12 частей неба. – Ср.: Бернард Сильвестр. Космография. II, 7.
- ³³³ ...Вот вопрос. – Гораций. Наука поэзии. 408–409.
- ³³⁴ ...в задней ячейке. – В одной из рукописей, краковской, Комментарий на этом не кончается, но его дальнейшая часть, доходящая до VI, 896, не принадлежит Бернарду, как показано в издании Джонсов [*Bernardus Silvestris* 1977, XVII–XVIII].

Алан Лилльский

Плач природы

Алан Лилльский сделал для распространения шартрских идей и шартрского стиля больше, чем даже Бернард Сильвестр. «Плач Природы», написанный в 1170-х годах. в форме философско-аллегорическо-дидактического прозиметра, наряду со следующей за ним поэмой «Антиклавдиан» (после 1180 г.), – важнейшее литературное произведение этого плодовитого поэта, богослова и проповедника. Насчитывается более 130 его рукописей, что говорит об огромном успехе и влиянии. Список сумм, проповедей, трактатов, посланий, стихов Алана обширен, но, как часто бывает с такими крупными мыслителями, атрибуция не всегда надежна ([*Renaud de Lage*. 19–34, *Sheridan*. Introduction // *Alan of Lille* 1980. 11–31; *Alain de Lille* 1965]). О нем известно мало, хотя прожил он долгую для своего времени жизнь (ок. 1120 – ок. 1202). В молодости, возможно, он учился у Жильбера Порретанского, преподавал в Париже, проповедовал против еретиков, а дни свои окончил в великом цистерцианском аббатстве Сито в Бургундии. Предполагают, что он входил в круг ученых клириков знаменитого архиепископа Фомы Бекета. Слава, однако, пришла к нему поздно, о его энциклопедических знаниях после смерти ходили легенды, стяжавшие ему почетное прозвище *Doctor universalis*, но все же, в отличие от Фомы Аквинского или Альберта Великого, не святость. Тем не менее, велико значение Алана для истории философии и богословия: его критический стиль мышления во многом предшествовал синтезу высокой схоластики. Не случайно потомки запомнили его походя брошенную фразу: «Нос у авторитета из воска, его можно повернуть в любую сторону» («*De fide catholica*»). I, 30; [PL. 210, 333; *Chenu* 1966. 361]). А в литературном плане его высоко чтит такие мастера, как Жан де Мен, Данте, Чосер и Спенсер.

Алана, как и Бернарда, трудно отнести к Шартру в строго институциональном смысле слова, даже если он действительно учился у Жильбера, не менее заметно в его

творчестве влияние Викторинской школы [*Lemoine, Poirel*]. Его интеллектуальные интересы не концентрировались на космологии, античную классику он знал очень хорошо, но вряд ли занимался ее комментированием и, видимо, не питал к ней собственного шартрскому кругу гуманистического почтения. Скорее, она была для него в более узком смысле школой стиля. Однако и «Плач Природы», и «Антиклавдиан» основаны на шартрской философии природы. Как и Теодориха, Алана привлекали арифметические истолкования троического догмата [*Trotman*]. Пусть космология не самоцель в его творчестве, главным действующим лицом, как и в «Космографии», остается Природа. Если рационализм Алана-ученого заставляет думать об Аквинате, то его мастерские описания «одеяния» Природы предвещают энциклопедизм следующего столетия, причем предвещают в прямом смысле: авторы многих сумм XIII в., как прозаических, так и поэтических, подражали и Бернарду, и Алану, вводя в их чеканные экфразисы новые детали, почерпнутые как из античных классиков, так и из новых источников, включая житейский опыт. Тринадцатое столетие многословнее двенадцатого, но специфический христианский энциклопедизм, иногда приписываемый первому как некая особая характеристика [*Le Goff*. 36], все же зародился веком раньше, в том числе, в творчестве Бернарда и Алана.

«Плач Природы» бичует нравственное вырождение непокорной твари, пороки человека, но именно за их *противоестественность* – такой взгляд на пороки как попрание законов природы известен уже Цицерону, Сенеке и Августину [*Pabst*. 478]. В «Антиклавдиане» же Природа со товарищи воссоздает идеального человека, вооруженного целой армией добродетелей. Трудно не увидеть в этом двойном литературном замысле диалог с шартрской философской традицией и прежде всего с «Космографией». Алан пользуется чуть большим количеством размеров, его проза ритмизована в каждой фразе, его фигуры виртуознее и, следовательно, сложнее для понимания. Никто до него не догадался разоблачить противоестественность порока на языке грамматики и риторики (подробный анализ см. [*Ziolkowski*]), даже если св. Бернард Клервосский славился не менее возвышенным стилем. Сам этот стиль филологу, воспитанному на золотой латыни времен Горация, покажется одинаково вычурным и в оригинале и в переводе Р.Л. Шмаракова, на самом деле точном и продуманном. Порождая совершенно неожиданные смыслы, стиль Алана, во многом родственной письму св. Бернарда, выполнял функцию аргумента в проповеди, в споре, в литературном соревновании. По дарованию, эрудиции и масштабности замыслов Алан равен Бернарду. Но если сравнивать конкретно наши прозиметры, Бернард все же был первопроходцем, живость и непредсказуемость его фабулы вряд ли поддается имитации, у Алана же аллегорическая изобретательность и не знающая никакой меры экстравагантность языка зачастую переходят грань прециозности и многословия (ср. [*Dronke* 2003. 258–259]). Мы постарались отразить эти различия в переводах.

Если «Космография» ориентирована на «Брак Филологии и Меркурия», т.е. прозиметр мифопоповествовательного типа, то «Плач» – на «Утешение философией» (параллели см. [*Ferrante*. 59; *Alan of Lille*. 1980. 62ff]), визионерский диалог: в конце автор пробуждается, четко указывая, что все выше описанное – *imaginaría visio*. Однако велика и зависимость «Плача» от «Космографии», не только в каталоге природных явлений, но и в инсценировке заключительной части. Аланова Природа в окружении аллегорических фигур Геня, Гименя и Добродетелей ведет себя и выражается примерно так же, как Бернард Разум во главе Урании, Природы и Физис (напомним, что *Noys* в оригинале женский персонаж).

Если в «Космографии» дело Разума по сотворению человека завершает ремесленница Физис, то в «Плаче» решение по коллективному суду над преступником тоже выносит не главная героиня, а ее священнослужитель Гений. Даже выстраивая – уже не как поэт, а как богослов – новые «правила богословия» (*Theologicae regulae*. PL. 210. Col. 621–684), т.е. по сути своей, если не побояться оксюморона, рациональную веру, Алан остается, как и Бернард, «Магистром природы». Во второй половине XII в. такое доверие к разуму, такая слишком «разумная» вера могли кому-то внушать такое же опасение, как и «физика» Гильома Коншского, но поколение Фомы, Бонавентуры и Альберта уже ее не боялись [*Chenu* 1966. 51]. Аланова Природа – не эмпирия Аристотеля и Альберта, она – главный герой драмы, даже «богиня» [*Economou*. 72–90; *Modersohn*. 29–35; *Newman*. 66–72]. Но она не творит, как у Бернарда, а хранит сотворенное Богом. И свято чтит величие теологии, возможно потому, что Алан в намного большей степени ощущает себя богословом, чем его предшественники, а возможно, если верить гипотезе Франсуаз Юдри, еще и потому, что пишет он «Плач» вскоре после вынужденного принятия пострига, т.е. став «богословом» волею судьбы. Тогда его «Плач» не только стенание самой Природы, но и жалоба Алана, образованного, талантливого мирянина, на свое новое состояние, которое ему вовсе не по душе [*Alain de Lille* 2013. 20]. Такой двойной смысл названия вполне возможен, поскольку в Средние века слово *planctus* (изначально стенание) получило и юридическое значение, сохранившееся сегодня во французском и английском.

Таким образом, «Плач Природы» представляет собой важнейшее звено в рецепции шартрских идей на Западе. Именно через Алана их восприняли крупнейшие писатели и поэты позднего Средневековья. Морализаторство «Плача» налицо, некоторые даже склонны видеть в нем «самую едкую мениппову сатиру Средневековья» [*Kirk*. 29]. Но морализаторство, как мы видели, не чуждо и Бернарду Сильвестру, и другим шартрским «физикам». Аналоги алановой сатире следует искать и в его собственном столетии, во всевозможных «жалобах на свой век», *Zeitklagen*, от «Прения тела и души» Хильдеберта Лаварденского [*Orth*] до «жалоб» и «прений» в поэзии вагантов [Поэзия вагантов]. Верен Шартру Алан и в своей вере в особую миссию поэзии: сам по себе мэтр не оправдывает сюжет (не случайно он высмеивает своих современников Вальтера Шатильонского и Иосифа Эксетерского за их эпопеи), он часть научного, философского пути постижения мироздания и диалога с божеством [*Bourgain*. 211; *Wetherbee*. 67–73]. Такой взгляд роднит Универсального доктора и с его знаменитым современником Иоанном Солсберийским, автором поэтического «Энтетика», и, через несколько поколений, с Данте.

«Плач Природы» частично известен нашему читателю в переводе М.Л. Гаспарова, опубликованного главы VI–IX [Памятники средневековой латинской литературы. 333–347]. В настоящем издании впервые публикуется полный русский перевод. Он выполнен по изданию Н.М. Херинга [*Alan of Lille* 1978]; для сверки привлекались английские переводы Дж. Шеридана [*Alan of Lille* 1980] и У. Уэзерби [*Alan of Lille* 2013] и французский – Ф. Юдри [*Alain de Lille* 2013]. Пролог переведен по изданию Ф. Юдри [*Hudry* 1988].

Пролог

¹ ...большого мира... – То есть макрокосмоса.

² ...«вид, являющийся в наибольшей мере видом»... – *Species specialissima*, т.е. человек, см. Порфирий. Введение в «Категории». II, 7.

³ ...сия царица... – Природа.

- ⁴ ...солецизмы... – Синтаксическая погрешность, неверное соединение слов (*Quintilianus*. *Institutiones*. I, 5, 5; I, 5, 34). «Солецизм – несообразное соединение нескольких слов, как варваризм – порча одного слова» (*Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. I, 33, 1).
- ⁵ *Но подобает сойтись каждому с парой своей.* – Ср.: *Овидий*. *Фасты*. IV, 98.
- ⁶ *Посмех* – важный персонаж в мифологии «Плача Природы». См. примеч. 3. к гл. X.
- ⁷ ...как вдовица, быв госпожою народов... – Ср.: *Плач*. 1, 1.
- ⁸ ...не обретается желающий соболезновать... – Ср.: *Плач*. 1, 2.
- ⁹ ...стрела Купидона поражает другую стрелу... – Стрела Купидона (как ниже «молот», см. примеч. 19 к гл. I, примеч. 9 к гл. IX) – метафора мужского начала.
- ¹⁰ ...уже ни Европу ~ Иксион... – Три мифа о любви и превращениях: Юпитер, в образе быка похищающий Европу (*Овидий*. *Метаморфозы*. II, 833–875; *Гигин*. *Мифы*. 178); Нептун, в образе коня овладевающий Церерой (*Павсаний*. *Описание Эллады*. VIII, 25, 5–7); Иксион, ласкающий облако вместо Юноны (*Гигин*. *Мифы*. 62).
- ¹¹ *Эрицина* – эпитет Венеры от горы Эрик (нынешний Эриче) на Сицилии, где стоял ее храм; см.: *Гораций*. *Оды*. I, 2, 33; *Овидий*. *Героиды*. XV, 57; *Метаморфозы*. V, 363.
- ¹² ...не оставляют они плачевных своих деяний. – Далее в рукописи следует фраза, несомненно, принадлежащая переписчику: «Поэтому сей автор Алан, охваченный внутренней скорбью и не способный более скрывать столь непомерные преступления, так сетует в плачевных стихах: “В горькие пени смех” и т.д.»

I

- ¹ *В горькие пени смех, веселье в стон обращаю...* – Ср.: *Иак*. 4, 9; *Alanus ab Insulis*. *Anticlaudianus*. IV, 450–451.
- ² ...*Нет, не коварство, но скорбь...* – В оригинале игра словами *dolus* и *dolor*. Алан настаивает, что его скорбь неподдельна, возможно, держа в уме Горация, «Наука поэзии», 102–103: «Сам ты должен страдать, чтобы люди тебе сострадали, / Только тогда твои злоключения вызовут слезы».
- ³ *Рода действительного ~ страдательный род.* – Алан начинает описывать гомосексуальность в терминах грамматики (*activum / passivum, genus* и т.д.). Хотя Алан косвенно, через замечание Природы, указывает на беспрецедентность своего языка (гл. VIII: «Не удивляйся, если я прибегаю к столь новым и кощунственным речам»), однако грамматическая метафорика широко употреблялась задолго до него, например, в арабской литературе (в частности, в «1001 ночи»), а в пределах латинского Средневековья – в «Руодлибе» и у вагантов [*Ziolkowski*. 51–76].
- ⁴ *Он предикат и субъект, с двумя значениями термин...* – В терминах сексуальной грамматики Алана мужчина относится к женщине как предикат к субъекту. [*Ziolkowski*. 15].
- ⁵ *Тропом ~ считать.* – Важное для Алана противопоставление «тропа» и «порока» (*vitium*). Определенная свобода в использовании литературных средств (*figurae*) оправдана стилистическими целями, но слишком вольное их применение превращается в *порок*, эквивалентный *варваризму* в грамматике [*Alan of Lille* 2013, 571]. Алан играет на буквальном значении слова *translatio* («перенос») и его употреблении как термина риторики.

- ⁶ *Конверсия* – логический термин, означающий перемену субъекта и предиката в суждении. Простая конверсия превращает суждение «Всякое А есть В» в «Некоторое В есть А». Алан мог знать о нем из Боэция: *Boetius. De syllogismo categorico* [PL. 64. Col. 804].
- ⁷ *По наковальне он бьет, что семян никаких не чеканит...* – Наковальня ассоциируется с женским началом, молот – с мужским; странный образ *семян*, производимых наковальней, видимо, означает искры (семена огня) в духе традиционной латинской поэтической метафоры, где образ «семян» может относиться к разным стихиям (ср.: *Лукреций*. О природе вещей. VI, 201, 444; *Вергилий*. Энеида. VI, 6). Образы молота, наковальни, кузнicy Природы, созданные Аланом, в 1270-х годах были подхвачены Жаном де Меном в «Романе о Розе». См. [*Newman*. 97–111].
- ⁸ *...Нет, на бесплодном берегу плуг его роет бразды.* – Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 212; *Овидий*. Героиды. V, 115. Выражение было пословичным применительно к бесплодному труду.
- ⁹ *Трудно ~ идти.* – Матвей Вандомский («Наука стихосложения». I, 53, 79–80) уподобляет мужские гениталии дактилической стопе. Гораций описывает ямбическую стопу как «долгий слог вслед за кратким» («Наука поэзии». 251). Алан смешивает эти образы, чтобы акцентировать невозможность нормальных отношений между гомосексуалистами. [*Ziolkowski*. 23–27].
- ¹⁰ *...Хоть Тиндариде ~ Ипполит.* – В ст. 35–42 упомянут ряд мифологических персонажей, славных своей красотой: *Тиндариде*, т.е. Елена Троянская, дочь спартанского царя Тиндарея, *Нарцисс* (*Овидий*. Метаморфозы. III, 407 сл.; «*Anticlaudianus*». II, 14), *Адонис*, возлюбленный Венеры, убитый на охоте кабаном (*Овидий*. Метаморфозы. X, 519–739; *Anticlaudianus*. VI, 226; VII, 42), *Ипполит*, сын Тесея и Ипполиты, предмет греховной страсти своей мачехи Федры (*Овидий*. Метаморфозы. XV, 497 сл.). Алан не раз упоминает последнего как пример непорочности (ср. «Ипполитова стыдливость»: «*Anticlaudianus*». I, 150).
- ¹¹ *...другое «Я»...* – *Alter ego*, привычное и в наши дни понятие, восходящее к Цицерону («О дружбе». 80; Письма к Аттику. III, 15, 4). По поводу этих строк У. Уэзерби замечает: «Человеческие действия... больше не выражают *homo interior* (внутреннего человека) в его первоначальном совершенстве, но вместо этого иллюстрируют потерю способности осуществить его истинную природу. Сексуальная перверсия – самая живая иллюстрация этой несостоятельности, и со смелостью и ясностью, выказывающими его выучку шартрского гуманиста, Алан принимает логические последствия и делает здоровую сексуальность центральной метафорой человеческого совершенства» [*Wetherbee* 1972. 189].
- ¹² *Уж Тиндариду ~ мужем явить.* – В ст. 51–56 упоминаются три любовные истории: похищение Елены Парисом (*любодеем фригийским*); Пирам и Фисба, тайком разговаривавшие сквозь щель в стене (*Овидий*. Метаморфозы. IV, 55–166); пребывание Ахилла (*Пелида*) в женских одеждах на Скиросе, среди дочерей царя Ликомеда, где его возлюбленной стала Деидамия (*Стаций*. Ахиллеида. I).

II

- ¹ *Когда на плачевный лад твердил я вновь и вновь эти элегические стихи...* – Ср.: *Боэций*. Утешение Философией. I, пр. 1.
- ² *...из внутренних палат бесстрастного мира...* – *Impassibilis mundus*, незримый и неизменяемый мир, отличный от зримого и изменчивого *mundus passibilis*. О *дворце небес* ср.: *Овидий*. Метаморфозы. I, 168–176.

- ³ ...*некая женщина*... – Начинается описание олицетворенной Природы, имеющее образцом описание Философии у Боэция, но далеко превосходящее его по объему. Восхваление прекрасной героини и отдельных частей ее тела, от головы до ног, с детальным описанием материала и стиля ее одежды, – техника риторического портрета, которой учили в школах и которая стала общим местом в рыцарских романах. Современник Алана, ученик Бернарда Сильвестра Матвей Вандомский, в своем «Искусстве стихосложения» (1170–1175) дает подобное же описание Елены Троянской и Афры в элегической комедии «Милон»; Кретьен де Труа в «Эреке и Эниде» (1170) сходным образом (но более сжато) описывает Эниду, и т.п. См.: [Balint. 68–72; Sivo. 36–41].
- ⁴ *Некая протяженность ~ спорящие волосы*... – Столь заботливо описывая волосы как в женских портретах, так и в мужских (ср. ниже, гл. 16, а также «Anticlaudianus». I, 273; III, 17), Алан, возможно, подражает Платону («Тимей». 76 с–d).
- ⁵ *Золотой гребень ~ обманывало взор*. – В оригинале – метафоры из области логики: два «консеквента», золото гребня и золото волос, так сливаются, что взор не может их различить, и результатом становится «паралогизм», т.е. силлогизм, в котором заключение не следует из посылок.
- ⁶ *О прочем же, что таилось во внутренних покаях, уверенность говорила, что оно еще лучше*. – Алан обращается к этому мотиву не один раз; Дж. Шеридан [Alan of Lille 1980. 75] отмечает, что он в этом случае вдохновляется овидиевским описанием погони Аполлона за Дафной («Метаморфозы». I, 502).
- ⁷ ...*Дионин*... – Дионой в средневековой поэзии нередко зовется не океанида, мать Венеры, но сама Венера.
- ⁸ ...*поиске одного начала*... – В оригинале игра слов: «поиск начала» – *petitio principii*, название известной логической ошибки (предвосхищение основания).
- ⁹ ...*чертогов диадемы*... – Речь о звездах, видимых только в определенное время года.
- ¹⁰ ...*другие, утвержденные ~ страже*. – Незаходящие звезды. Ср.: «Anticlaudianus». V, 1 ss.
- ¹¹ ...*блистающий круг ~ звезд лобзанья*. – Возможно, намек на созвездия, подобные Змееносцу, у которых часть звезд находится внутри зодиакального пояса.
- ¹² ...*антономастически отраженной*... – Антономасия – троп, замена нарицательного имени собственным («Автомедон» вместо «возница»), собственного имени – специфической характеристикой («разрушитель Карфагена» вместо «Сципион») или другим собственным («Гиндариды» вместо «Елена»). Ср.: Quintilianus 1922. VIII, 6, 29. Первые три камня – созвездия Льва (символ отваги), Рака (пришедшего на помощь Лернейской гидре в битве с Гераклом) и Близнецов (изображавшихся воителями; кроме того, Поллукса представляли кулачным бойцом: «Антиклавдиан». VI, 230; Бернард Сильвестр. Космография. I, 3, 45).
- ¹³ ...*не уступающий первому в сиянии*... – Созвездие Рака слабо различимо. Алан, возможно, имеет в виду не сами звезды, а жаркие дни июня-июля (ср.: Манилий. Астрономика. IV, 758 сл.; «Anticlaudianus». V, 32: «пылает Рак»).
- ¹⁴ ...*обезьяна истины, живопись*... – Платоническая тема соотношения искусства и истины (Платон. Государство. X, 597 с–e). Ср.: «Антиклавдиан». I, 123.
- ¹⁵ ...*отпрыски Леды*... – близнецы Диоскуры, сыновья Юпитера и Леды; ср.: «Антиклавдиан». V, 17; Бернард Сильвестр. Космография. I, 3, 123.
- ¹⁶ *Идейский юноша* – Ганимед (созвездие Водолея).

- ¹⁷ *Гемонийский старец* – кентавр Хирон (созвездие Стрельца). Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. I, 3, 110, 124.
- ¹⁸ *Третий ~ очей*. – Ср.: *Plinius*. *Historia naturalis*. XXXVII, 16, 63: «Когда при рассматривании предметов напрягается зрение, то, если смотреть на смарагд, острота зрения восстанавливается, и для резчиков гемм нет другой более приятной подмоги для глаз, – так он своим нежно-зеленым цветом смягчает утомление» (пер. Г.А. Тарошняна).
- ¹⁹ *Астрея* – Созвездие Девы. Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. I, 3, 131.
- ²⁰ ...*седмичное множество самоцветов...* – Семь планет – Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн. Набор и описание камней основаны на библейских текстах (Исх. 28, 14–19, Откр. 21, 19–21) и на описании венца Юноны у Марциана Капеллы («*De nuptiis*». I, 74–76). Марциан Капелла значил для Алана не меньше, чем «Утешение философией»: «Как прозиметр Марциана, аллегория Алана демонстрирует содержание искусств (*artes*) посредством мифа, включающего персонификации» [Ziolkowski. 9].
- ²¹ *Не отсутствовала в нем сладость гармонии...* – Согласно Макробию («*Commentaire*», II, 3, 1), «теологи утверждали, что девять Муз суть музыкальное пение восьми сфер и одна, высшая, – их гармония (*conscientiam*), которая образуется из всех»; Ср.: *Платон*. Государство. X, 617 b.
- ²² ...*прелюдию сна*. – Ср.: *Платон*. Тимей. 45 d.
- ²³ ...*тратил весьма много времени в широком прохождении своего окружья*. – Адамант символизирует Сатурн (Исх. 28, 19; *Plinius*. *Historia naturalis*. XXXVII, 15, 55–61; *Martianus Capella*. *De nuptiis*. I, 75; *Марбод Реннский*. Лапидарий. 1). *Цицерон*. О природе богов. II, 20, 52: «Та [планета], которую называют звездой Сатурна, а греки – Φαίῖον, самая далекая от Земли, совершает свой путь приблизительно за тридцать лет». Ср.: *Martianus Capella*. *De nuptiis*. VIII, 852.
- ²⁴ *Старился ~ Сатурновой звезды*. – Сатурн считался холодной и неблагоприятной планетой. Ср.: «*Anticlaudianus*». IV, 462–483; *Бернард Сильвестр*. Космография. II, 5.
- ²⁵ ...*агат...* – См.: Исх. 28, 19; *Plinius*. *Historia naturalis*. XXXVII, 54, 139–142; *Марбод Реннский*. Лапидарий. 2.
- ²⁶ *Астрит* – или астерит, см.: *Plinius*. *Historia naturalis*. XXXVII, 47, 131–50, 134; *Martianus Capella*. *De nuptiis*. I, 75; *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. XVI, 10, 3.
- ²⁷ ...*карбункул...* – См.: Исх. 28, 18; *Plinius*. *Historia naturalis*. XXXVII, 25, 92–118; *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. XVI, 10, 3; *Марбод Реннский*. Лапидарий. 25.
- ²⁸ ...*то предписывая им уклоняться с пути, то даруя их движению спокойную мощь*. – По замечанию Дж. Шеридана [*Alan of Lille* 1980. 84], речь идет о ретроградном движении планет. Все небесные тела (вместе с небесной сферой) движутся от востока к западу, кроме пяти планет, солнца и луны, которые в сравнении с неподвижными звездами идут с запада на восток. Ср.: *Платон*. Тимей. 36 с–38 d; *Овидий*. *Метаморфозы*. II, 72 сл.; *Клавдиан*. Панегирик Манлию Феодору. 103–105.
- ²⁹ ...*гиацинт...* – См.: Исх. 28, 18; 39, 11; *Plinius*. *Historia naturalis*. XXXVII, 38, 119–120; XXXVII, 40, 121.
- ³⁰ *Дионина светила* – Венера.
- ³¹ ...*перл...* – О жемчуге (символизирующем здесь Луну) см.: Откр. 21, 21; *Plinius*. *Historia naturalis*. IX, 54–59, 107–123; *Марбод Реннский*. Лапидарий. 51.

- ³² ...разнообразным цветом ~ зеленью смарагда. – Перечисляемые здесь цвета символизируют первоначальную чистоту творения (белый), раскаяние Природы после грехопадения (красный) и совершенство, возвращенное твари после искупления (зеленый).
- ³³ Там орел ~ возвращался к Адонису. – Ср.: Пс. 102, 5. *Нестор* и *Адонис* – соответственно символы глубокой старости и юной красоты.
- ³⁴ ...«коли ты бьешь, а я получаю побои». – *Ювенал.* Сатиры. III, 289.
- ³⁵ ...страус ~ в пустынном одиночестве. – Этот образ страуса в большой мере навеян Библией (Иов. 30, 29; Ис. 13, 21; Иер. 50, 39); см. также: *Plinius.* *Historia naturalis.* X, 1, 1; *Isidorus Hispalensis.* *Etymologiae.* XII, 7, 20; *Бернард Сильвестр.* *Космография.* I, 3, 470.
- ³⁶ ...лебедь ~ усечение жизни. – Ср.: *Plinius.* *Historia naturalis.* X, 32, 63; *Бернард Сильвестр.* *Космография.* I, 3, 447. Усечение жини (*vitae аросорам*): Алан не раз пользуется в метафорическом смысле этим грамматическим термином, означющим усечение одного или нескольких звуков. Ср.: «*Anticlaudianus.*» III, 20.
- ³⁷ ...феникс... – Ср.: *Plinius.* *Historia naturalis.* X, 2, 3–5; *Бернард Сильвестр.* *Космография.* I, 3, 449.
- ³⁸ ...птица согласия... – *Avis concordie.* В ряде рукописей вместо этого читается «аист» (*ciconia*). В XII в. Гуго из Фольето указывает на мирное сосуществование аистов с другими птицами, их «исключительную нежность к чадам» и пр. (*Hugo de Folieto.* *Aviarium* [PL. 177. Col. 43 B D]). Ср.: *Plinius.* *Historia naturalis.* X, 31, 61–62; *Isidorus Hispalensis.* *Etymologiae.* XII, 7, 16–17). Веком позже Винцент из Бове («*Speculum doctrinale.*» XV, 153) приводит поверье, что аист отдает одного из своих птенцов в качестве дани хозяину места, где он гнездится; это объясняет слова Алана о «десятине» [*Alan of Lille* 1980. 88].
- ³⁹ ...петух, как народный астролог, часами своего крика возвещал, который час. – Разумность петуха отмечена в Ветхом Завете (Иов. 38, 36: «Кто дал петуху разумение?»). Ср.: *Plinius.* *Historia naturalis.* X, 24, 46–49; *Hugo de Folieto.* *Aviarium* [PL. 177. Col. 33 B]; *Vincentius Bellocensis.* *Speculum doctrinale.* XV, 159.
- ⁴⁰ Там фазан ~ дикий петух, насмехаясь над праздностью домашнего, отправляясь на чужбину... – Ср.: Мф. 25, 14. Бернард Сильвестр отождествляет дикого петуха с фазаном. «*Космография.*» I, 3, 461–462.
- ⁴¹ ...ворона ~ время. – Вергилий («*Георгики.*» I, 388) и Гораций (Оды. III, 17, 12) говорят, что ворона своим карканьем предвещает дождь. Гуго из Фольето, цитируя при этом «*Георгики.*», говорит о ее долгой жизни и пророческих способностях (PL. 177. Col. 97 C).
- ⁴² ...сорока ~ спорами. – Дж. Шеридан замечает, что на греческом и латинском животные описываются по их преобладающему цвету, и места для наших понятий вроде «черно-белый» там нет; поэтому цвет сороки, равно черной и белой, оказывается «неопределенным», *dubius* [*Alan of Lille* 1980. 90]. У сорок сохраняется болтливость и тяга к спорам, присущая Пиеридам, которые были превращены в этих птиц (*Овидий.* *Метаморфозы.* V, 294–678).
- ⁴³ ...галка ~ алчности. – Арна, за золото предавшая родной Сифн, была превращена в галку, сохранив свою алчность (*Овидий.* *Метаморфозы.* VII, 465–468).
- ⁴⁴ ...голубки ~ на арене *Киприды.* – Птицы, посвященные Венере (*Овидий.* *Метаморфозы.* XIII, 673; XV, 386) и несущие ее колесницу (там же. XIV, 596).

- ⁴⁵ ...ворон ~ веда диспут. – Ср.: *Vincentius Bellocensis*. *Speculum naturale*. XVI, 61.
- ⁴⁶ ...куропатка ~ лая собак. – О невысоком полете куропатки: *Овидий*. *Метаморфозы*. VIII, 256–259.
- ⁴⁷ ...горлица ~ утеху второбрачия. – О целомудрии *горлицы*, которая, лишившись супруга, уже не заводит другого, см.: *Василий Великий*. *Беседы на Шестоднев*. VIII, 6; Гуго из Фольето [PL. 177. Col. 25 C]; *Бернард Сильвестр*. *Космография*. I, 3, 463; [*Воскобойников* 2015. 146].
- ⁴⁸ ...курака ~ не знала. – Неясно, какую птицу Алан имеет в виду. Некоторые рукописи Ювенала дают чтение *curica* там, где речь идет об обманутом муже (*Сатиры*. VI, 275). В общем, курака – некая «птица-рогоносец». Подробнее см.: [*Alan of Lille* 1980, 93].
- ⁴⁹ ...филомела... – Соловей. Миф о *Филомеле*: *Овидий*. *Метаморфозы*. VI, 438–670; ср.: *Бернард Сильвестр*. *Космография*. I, 3, 459.
- ⁵⁰ ...место нуля. – *Sifra*, от арабского *sifr*, означает «ноль». Встречается у Алана не один раз (ср.: «*Anticlaudianus*». II, 438).
- ⁵¹ ...морской пес ~ зайцев своего рода – О *морском Псе* см.: *Plinius*. *Historia naturalis*. IX, 55, 10; *Амвросий Медиоланский*. *Шестоднев*. V, 2, 5; *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. XII, 6, 5. Фраза неясная. Глагол «ляять» (*latrage*) в собственном смысле относится к собакам, но может описывать и шум волн (*Вергилий*. *Энеида*. VII, 588). Алан, возможно, хочет сказать, что морскому Псу, несмотря на его имя, нельзя приписать «лай» ни в прямом, ни в переносном смысле [*Alan of Lille* 1980. 95]. О морском зайце см.: *Plinius*. *Historia naturalis*. IX, 72, 155; XXXII, 1, 8; *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. XII, 6, 23.
- ⁵² *Осетр* – высоко ценился древними (*Цицерон*. *Тускуланские беседы*. III, 43; *Гораций*. *Сатиры*. II, 2, 47), но уже Плиний свидетельствует, что «он ныне не в почете». «*Historia naturalis*». IX, 27, 60.
- ⁵³ ...в чреслах *Сирен* ~ человек. – Гибридный образ, широко распространенный в культуре XII в., в том числе, в изобразительном искусстве.
- ⁵⁴ *Там Луна ~ за бедность Луны*. – О влиянии Луны на *моллюсков* (*conchilia*) писал Цицерон. О *дивинации*. II, 33. Ср.: *Гораций*. *Сатиры*. II, 4, 30; *Бернард Сильвестр*. *Космография*. I, 3, 423–424.
- ⁵⁵ *Риза пестротканая...* – Ср.: *Быт*. 37, 3; 37, 23.
- ⁵⁶ ...*риза, разодранная на части, являла ущерб своего бесчестья*. – Этот мотив восходит к описанию платья *Философии* у *Боэция* («*Утешение Философией*». I, рг. 1); у *Боэция* это означало насилие, причиняемое *Философии* различными философскими школами, у Алана – обиды, причиняемые *Природе* человеком. Подробнее об этом речь идет ниже, в гл. VIII. Ср.: «*Anticlaudianus*». I, 313–315.
- ⁵⁷ ...*музыкант по антифразису*... – *Антифразис* – употребление слова в противоположном смысле; «*музыкант по антифразису*» – тот, кто ложно называется музыкантом. «*Антимузыкальность*» осла традиционный фольклорный сюжет, хорошо известный в XII в.
- ⁵⁸ ...*единорог ~ сон смерти*. – О *единороге* см.: Пс. 21, 22; 28, 6; 77, 69; 91, 11; *Plinius*. *Historia naturalis*. VIII, 30, 72; XI, 106, 255; *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. XII, 2, 3. Об удивительной тяге *единорога* к *девственницам* и соответственном способе их ловли в XII в. хорошо знали по *бестиариям*. См. напр.: [*Юрченко*. 281–296].

- ⁵⁹ ...лев ~ огонек жизни. – Распространенное поверье, что новорожденные львята три дня пребывают как бы спящими, а потом лев пробуждает их своим рыком, стало христологическим символом. Ср.: *Isidorus Hispalensis. Etymologiae. XII, 2, 5.*
- ⁶⁰ Там медведица ~ наделяла их лучшим обличьем. – Поверье, известное еще в античности. Вергилий сравнивал свой способ писательства с медведицей, вылизывающей медвежат, пока они не приобретут должного вида: *Светоний. Вергилий. 22; Авл Геллий. Аттические ночи. XVII, 10, 3.* Ср.: *Isidorus Hispalensis. Etymologiae. XII, 2, 22.*
- ⁶¹ ...четверодневным запахом. – Ср.: *Ин. 11, 39.*
- ⁶² ...бобер ~ подвергал апокопе. – Известное поверье, которое Плиний излагает так: «Понтийские бобры в случае опасности сами себе откусывают половые органы, зная, что они служат причиной преследования». *Plinius. Historia naturalis. VIII, 47, 109.* Ср.: *Ювенал. Сатиры. XII, 34; Апулей. Метаморфозы. I, 9. Диэрэза* (греч. diairesis, «разрыв, разделение») – «рассечение слога на два» (*Isidorus Hispalensis. Etymologiae. I, 35, 4.*) Алан использует этот термин в метафорическом смысле («разрывание на части»).

III

- ¹ Образ розы там был, верно начертанный... – Стихотворный размер – малый асклепиадов стих.
- ² Адонисов цветок – вероятно, анемон. См.: *Овидий. Метаморфозы. X, 735–739.*
- ³ Светоносец – или Денница, Lucifer, бог утренней звезды и сама эта звезда, т.е. планета Венера.
- ⁴ ...Тот, что царскому стал имени хартией, / Хоть не знал на себе пишущей длани он. – Базилик, который по-латински называется regia [*Alan of Lille 1980. 107*].

IV

- ¹ Хотя дева ~ на замысленной ею картине. – Действия Природы, возможно, символизируют продолжение человеческого рода через цикл рождение – смерть.
- ² Юнонины птицы – павлины. Ср.: *Овидий. Любовные элегии. II, 6, 55; Ювенал. Сатиры. VII, 32; Клавдиан. Похищение Прозерпины. II, 97.*
- ³ ...человек, высившийся над девичьей головой ~ направлял движенье колесницы. – Колесницей Природы правит божественный разум (ratio) [*Wetherbee 1972. 191*].
- ⁴ ...зрительные лучи... – Ср.: *Гильом Кониский. Философия. IV, XXIII, 41–43.*
- ⁵ Сестре же... – То есть Луне (Диане, сестре Феба). В видении Алана Солнце, Луна и звезды сияют всей полнотой своего блеска одновременно.
- ⁶ Самый воздух ~ к Венериным утехам. – Все три мировые области приветствуют появление Природы: Юнона (воздух), Фетида (море), Прозерпина (земля). О мифологическом элементе в «Плаче Природы» см.: [*Balint. 116–122*].
- ⁷ ...брань, более чем гражданскую. – Ср.: *Лукан. Фарсалия. I, 1.* Алан явно держал в уме знаменитый вергилиевский пассаж, где буйство ветров, выпущенных Эолом, сравнивается с мятежом черни («Энеида». I, 148–156).
- ⁸ Весна же ~ на энклитический лад... – Очередное использование грамматического термина в переносном смысле: «энклитика» (от греч. enklitikós, «наклоняющийся на»

зад»; безударное слово, примыкающее в речи к предшествующему ударному) у Алана значит просто «наклон».

⁹ *Вышедшие из дерев девы...* – Гамадриады, древесные нимфы.

¹⁰ *Napei* – нимфы роц и долин; ср. напр.: *Вергилий*. Георгики. IV, 535; *Стаций*. Фиваида. IV, 255; *Martianus Capella*. De nuptiis. V, 425.

¹¹ *...чтобы заслужить его объятия...* – Муж *Флоры* – Зефир, бог западного ветра (*Овидий*. Фасты. V, 193–274).

V

¹ *Стылую зиму уже растопил Зефир цветonoсный...* – Ср.: *Стаций*. Фиваида. IV, 1.

² *...Стяги лета ~ отрадой цветя...* – В «Различениях богословских речений» Алан цитирует «Моральное толкование на Иова» Григория Великого: «Миндаль зацветает раньше всякого другого дерева» (PL. 210. Col. 699 B). Плиний («Естественная история». XVI, 42, 103) утверждает, что миндаль зацветает в январе. Его цветение, таким образом, едва ли может быть признаком близкого лета. Возможно, Алан имеет в виду время плодоношения миндаля (март).

³ *Фриксов Овен* – созвездие Овна, катастеризм того барана, что перенес *Фрикса* через Дарданеллы в Колхиду. См.: *Гигин*. Мифы. 1–4; *Бернард Сильвестр*. Космография. Мегакосмос. III, 105–106.

VI

¹ *Сжалившись над сим безобразным ликом ~ почтила лучшими одеждами формы.* – Отзвук первого стихотворения «Космографии» Бернарда Сильвестра, где Природа взывает к Разуму от лица «безобразного хаоса», материи, жаждущей обрести форму.

² *...чтобы муж не отверг сего супружества из отвращения к уродливости супруги.* – Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. Мегакосмос. II, 15.

³ *... супружеская связь.* – Ср.: *Платон*. Тимей. 41 a–b.

⁴ *...предшествующая победа не лишится последующей награды.* – В оригинале игра с терминами логики (антецедент и консеквент).

⁵ *Ум наш изнемогает, вздыхая по разумению этих вещей.* – Поскольку человеческий язык не способен адекватно выразить Бога и Его свойства. Ср.: «Anticlaudianus». V, 117–123.

⁶ *Образ сего совершенно устроенного государства отзывается в человеке.* – Ср.: *Платон*. Тимей. 44 d, 69 b–72 d; *Бернард Сильвестр*. Космография. II, 13–14; «Комментарий на первые шесть книг “Энеиды”». III, начало; VI, 585.

⁷ *Чресла же, словно предместье, предоставляют крайнюю часть тела сластолюбивым желаниям...* – Ср.: *Платон*. Тимей. 70 d – 71 e.

⁸ *Как в мироздании луна – мать многих соков...* – Ср.: «Anticlaudianus». IV, 362.

⁹ *...когда продлившаяся жизнь как бы свой девятый час завершит...* – То есть день его жизни перевалит в четвёртый час дня.

¹⁰ *... “огласка частных дел – мать презрения”* – То же присловье цитирует Гвиго Картузианец в «Лестнице затворников» (PL. 184. Col. 480 C).

- ¹¹ ...“разглашающий тайны недостойным умаляет величие тайн”». – Отсылка к Аристотелю (повторенная Аланом в прологе к «Сумме Quoniam homines») идентификации не поддается. В другом месте («Anticlaudianus». III, 115–128) Алан объясняет, что трудный язык логических сочинений Аристотеля призван скрыть его мудрость от толпы. Такое представление о «темноте», «сложности» Аристотеля оставалось распространенным до рецепции полного аристотелевского корпуса в середине XIII в.
- ¹² ...*хотя мое влияние ~ сопоставленное с человеческой*. – Дж. Шеридан отмечает склонность Алана восхвалять вещи, являющиеся не первыми и не последними по важности. Ср.: «Anticlaudianus». IV, 121, 141; V, 420; [*Alan of Lille* 1980. 126].
- ¹³ ...*что в Боге могущество превосходное, в Природе сравнительное, в человеке положительное*. – Терминология заимствована от степеней сравнения прилагательных (gradus positivus, comparativus et superlativus).

VII

- ¹ *Божие дитя, всей вселенной матерь...* – Размер – сапфическая строфа.
- ² ...*Ума...* – В оригинале Noys, божественный ум, в «Космографии» Бернарда Сильвестра отождествленный с Провидением.
- ³ ...*Пресекая путь...* – Буквально: «синкопируя путь» (sincopans cursum). Синкопа – грамматический термин, означающий сокращение слова пропуском звука или слога.

VIII

- ¹ ...*от сего всеобщего правила удаляется непостижным исключением только человек...* – В этой речи выражена главная тема «Плача Природы»: Природа правит всеми сотворенными вещами, только человек отказывается подчиняться ее власти.
- ² ...*солецистической Венеры...* – То есть неправильной, извращенной. Очередная грамматическая метафора.
- ³ ...*на веслах крыл...* – Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 301; VI, 19.
- ⁴ *Один человек, презревший стройность моей кифары, под лиру делирического Орфея делирит...* – Орфею приписывалось изобретение педерастии после смерти Эвридики (*Овидий*. Метаморфозы. X, 79–85). Здесь начинаются жалобы Природы на гомосексуализм.
- ⁵ ...*в конструкции рода варварствуя...* – Варваризм – ошибка в форме слова, в частности, в грамматическом роде (*Quintilianus*. Institutio oratoria. I, 5, 5–18).
- ⁶ ...*пользуется неправильным метаплазмом*. – Метаплазм – неправильное образование косвенной формы (*Донат*. Искусство грамматики. II, 17 сл.; *Martianus Capella*. De nuptiis. III. 326).
- ⁷ ...*Тиресию подобясь...* – В оригинале неологизм, пассивное причастие прошедшего времени *tiresiatus*. Фиванский прорицатель *Тиресий* здесь упомянут как человек, живший и в мужском, и в женском обличье (*Овидий*. Метаморфозы. III, 322–331; *Гигин*. Мифы. 75).
- ⁸ *Отступая в своих уклонениях от Венериной орфографии...* – У Марциана Капеллы («De nuptiis». I, 65) выражение «орфографическая истина» применяется к решениям

Юпитера, которые должны изучить и осуществлять Парки. «Орфография Венеры» означает выраженное желание Венеры [Alan of Lille 1980. 134].

- ⁹ ...*владеет он в порочную анастрофу*. – *Анастрофа* (греч. *anastrophe*, «перевертывание») – изменение обычного порядка слов (*Donatus. Ars grammaticae. III, 6; Quintilianus. Institutio oratoria. VIII, 6, 65*).
- ¹⁰ ...*в своем синерезисе он грозит мне тмезисом*. – *Синерезис* (греч. *synairesis*, «сжатие, уменьшение») – стяжение двух слогов в один (*Priscianus. Institutiones grammaticae. XVII, 21*); *тмезис* (греч. *tmesis*, «рассечение») – разделение сложного слова (напр.: *Вергилий. Энеида. I, 412: circum dea fudit amictu*, где тмезису подвергается глагол *circumfudit*).
- ¹¹ ...*гнуснейшим паралогизмом ~ заключила софизмом*. – О *паралогизме* см. примеч. 29 к гл. II. Здесь заключение вытекает из ложного допущения, что Пасифая – королева, паралогизм – в том, как это заключение представляет Пасифаю, софизм – в том, что оно обманывает быка [Alan of Lille 2013, 578].
- ¹² *И Пасифая ~ Венерино созданице*. – Перечень мифологических героинь, из-за любовной страсти осквернивших себя преступлениями: Елена Троянская; Пасифая, сошедшаяся с быком и родившая Минотавра (*Овидий. Героиды. IV, 57 сл.; Гигин. Мифы. 40*); Мирра, влюбившаяся в своего отца Кинира и обманом разделившая с ним ложе (*Овидий. Метаморфозы. X, 298–518*); Медея, убившая их с Ясоном детей, когда Ясон собрался оставить ее и жениться на другой (*Овидий. Метаморфозы. VII, 394–397; Гигин. Мифы. 25*).
- ¹³ ...*из гетероклитического разряда...* – Гетероклитические существительные – те, что имеют падежные формы более чем одного склонения (напр., *domus*). Здесь намек на бисексуалов.
- ¹⁴ *Есть те, кто, будучи лишь сказуемым, не думают о том, чтобы подлежащее подлежало им должным образом*. – Трудное место; простейшее объяснение – Алан утверждает, что некоторые благодаря извращенной логике приходят к заключению, что субъект и предикат в высказывании взаимозаменяемы [Alan of Lille 1980. 137].
- ¹⁵ *Другие же, гнушаясь вступить в чертог Дионы, затевают плачевную игру в его преддверье*. – Намек на автоэротизм.
- ¹⁶ ...*Юпитер, перенеся на небо фригийского юношу, относительную Венеру превратил в переносную*. – Перенеся Ганимеда на небо (*Овидий. Метаморфозы. X, 155–161; Гигин. Мифы. 271; Бернард Сильвестр. Космография. I, III, 451–452*), Юпитер сообразную любовь превратил в извращенную.
- ¹⁷ *Кого он днем за столом избрал при разлинии вина предстоящим, ночью на ложе сделал себе подлежащим*. – В оригинале игра логическими терминами *propositum* (буквально «помещенное перед») и *suppositum* («помещенное под»).
- ¹⁸ ...*Вакх и Аполлон, отцовского распутства сонаследники, извращенно превращали отроков в женщин...* – Любовники Аполлона – Гиацинт и Кипарис; Вакх заставлял своих поклонников носить женское платье (*Гигин. Мифы. 131*), против чего Алан резко протестует. «*Anticlaudianus*». IX, 265–269.
- ¹⁹ ...*сами боги отдергивают руки от Венериной розги...* – Словно они – школьники, а Венера – их учитель. Ср.: *Ювенал. Сатиры. I, 15*. Тема восходит к Платону («Государство». 390 b–c, о гомеровском изображении Зевса, охваченного любовным пылом).
- ²⁰ *Манихея* – т.е. Мани (216–274), проповедника, основателя манихейства.

- ²¹ ...*Ария*... – Арий (256–336), александрийский пресвитер, основатель ереси арианства, осужденный Никейским собором в 325 г.
- ²² *Парентезис* – греч. *parentesis*, вставка одной фразы внутрь другой без грамматической связи между ними. Здесь в смысле «разрыв».
- ²³ ...*величайшую пропасть разногласия*... – Ср.: Лк. 16, 26.
- ²⁴ ...*выступить блудницей в лунанаре*. – Макробий (Комментарий на «Сон Сципиона». I, 2, 17–19) замечает, что природа противится тому, чтобы ее выставляли в наготе, она скрывается под вещами и являет себя только мудрым. Далее он рассказывает о Нумении, который, опубликовав описание Элевсинских мистерий, увидел во сне элевсинских богинь одетыми как проститутки и стоящими у дверей борделя, попрекая его, Нумения, что он «силой выволок их из святилища целомудрия». Этот мотив был подхвачен в XII в. См.: [Воскобойников 2016. 178–181].
- ²⁵ ...*“речи должны быть сродны вещам, о которых мы говорим”*... – Ту же мысль Алан высказывает в «Теологических правилах» (PL. 210. Col. 637 D). Ср.: *Бозций*. Утешение Философией. III, pg. 12, 111, *Платон*. Тимей. 29 b.
- ²⁶ ...*«Когда Бог ~ слово материальное ...* – Ср.: *Платон*. Тимей. 27 с–29 d.
- ²⁷ ...*Он сменил распрю противоречий на мирное дружество*... – Речь идет о гармонии стихий (огонь по природе устремляется вверх, а если бы он распространялся вширь, то мог бы уничтожить землю, и т.д.). Ср.: «*Anticlaudianus*». I, 190–196, 203–206; V, 311–324; *Бернард Сильвестр*. Космография. Мегакосмос. II, 10.
- ²⁸ *Гименей* – бог брака (*Овидий*. Героиды. XIV, 27; *Метаморфозы*. IX, 762). См.: *Плач*. XVI.
- ²⁹ ...*поставила я Венеру ~ пагубного разъятия*». – Алан развивает идею Бернарда Сильвестра. Ср.: «*Космография*. Микрокосмос». XIV, 153–170.

IX

- ¹ *Харибда* – водоворот между Италией и Сицилией, напротив чудовища Сциллы. Оба образа были хорошо известны в XII в. по античной классике (см.: *Вергилий*. Энеида. III, 420–432; *Овидий*. *Метаморфозы*. VII, 63–65; XIII, 730; *Ювенал*. Сатиры. XV, 17; *Plinius*. *Historia naturalis*. III, 87).
- ² *Антифрастического ~ чуда*... – То есть называемого таковым по противоположности, а на деле являющегося знаменем зла и порочности.
- ³ ...*Сулла*... – Обычно принимается [Alan of Lille 1978. 843; Alan of Lille 1980. 150; Alan of Lille 2013. 117], что читающееся здесь Sylla означает Сциллу (Scylla), но это не кажется очевидным. Sylla – вариант имени Sulla; в обществе персонажей римской истории, Энея и Нерона, упоминание римского диктатора естественней, чем упоминание гомеровского чудовища; в перечне образцовых злодеев Сулла появляется в хорошо известной Алану клавдиановской инвективе «Против Руфина» (I, 253).
- ⁴ ...*благочестивый Эней*. – Вергилиевский эпитет («Энеида». I, 220, 305, 378; IV, 393; V, 26 и т.д.). Здесь у Алана намек на жестокость Энея в отношении оставленной им Дидоны.
- ⁵ *Блещет мечом Парис ~ Аякс мудр в безрассудстве своем*. – Любовное влечение ставит все в мире вверх дном: малодушный *Парис* делается воином, суровый *Тидей* (известный Алану в первую очередь по «Фиваиде» Стация) смягчается, старец *Нестор* молодеет, вечно юный *Меликерт* (сын Афаманта и Ино, ставший морским божеством)

делается старым, уродливый *Терсит* хочет владеть красотой Париса, *Дав* (распространенное имя раба в комедиях Плавта и Теренция) – красотой Венерина любимца *Адониса*; лидийский царь *Крез*, прославленный богач (*Овидий*. Трестии. III, 7, 42), беден, нищий *Кодр*, заимствованный у Ювенала (Сатиры. III, 203–209), – богат (ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. Мегакосмос. I, III, 41, где Кодр и Крез упомянуты вместе), *Бавий*, дурной поэт, упомянутый Вергилием («Буколики». III, 90; о средневековой славе Бавия как «худшего поэта своего времени» см. [*Herren*]), сочинительствует, а *Марон* (Вергилий) молчит; поэт *Энний* (впоследствии Алан иронически назвал этим именем своего современника, эпического поэта Иосифа Эксетерского: «*Anticlaudianus*». I, 166) красноречив, а *Марк* (Цицерон) молчит; мудрый *Улисс* (ср. «*Anticlaudianus*». I, 145) лишился мудрости, а пылкий и прямодушный *Аякс* Теламонид, споривший с Улиссом о доспехах Ахилла и впавший в безумие гнева, когда доспехи достались не ему (*Овидий*. Метаморфозы. XIII, 1–392; ср. «*Anticlaudianus*». I, 177–178), выказывает мудрость.

⁶ *Тот, кто Антея смирил, его разрешая софизмы... – Геркулес* (*Лука*. Фарсалия. IV, 598 сл.; *Стаций*. Фиваида. VI, 893 сл.; *Гигин*. Мифы. 31). «Софизмы», видимо, означают здесь просто «хитрость», «уловку».

⁷ *...аферезой...* – Греч. *aphaeresis*, «отнятие, лишение», утрата начального звука или звуков слова (например, просторечное *струмент* вместо *инструмент*).

⁸ *Библида* – дочь Милета, влюбилась в своего брата-близнеца *Кавна* (*Овидий*. Метаморфозы. IX, 454–665).

⁹ *Пройти под копьем Купидона...* – Претерпеть унижения сдачи и плена. Намек на «прохождение под игом» (*Цицерон*. Об обязанностях. III, 109 сл.): на два копья, воткнутых в землю, клали третье, и сдавшиеся воины без оружия, по одному, пригибаясь, проходили под этой переключиной.

¹⁰ *Разума здесь не иметь разумно...* – Ср. описание Фортуны в «Антиклавдиане», VIII, 17 сл.

¹¹ *Коль отойдешь – отойдет; коль убежишь – убежит*. – Ср.: «*Anticlaudianus*». VII, 114; IX, 248.

X

¹ *...два подобающих молота ~ козни Парок...* – Один для человеческой жизни, другой – для остальных творений. «Молот» у Алана устойчиво отсылает к мужскому полу и мужским гениталиям. Ср. амбивалентный образ сражающихся со смертью «близнецов-гениев» у Бернарда Сильвестра: «Мегакосмос». XIV, 157–162. Жан де Мен пользуется той же метафорикой молота и наковальни: капеллан Природы Гений осуждает тех, кто использует молоты не по назначению, не для продолжения рода [*Guillaume de Lorris, Jean de Meun*. 19547–19780]. Подробнее о влиянии Алана на «Роман о Розе» см. [*Попова*]. Парки ведут человека к смерти, а деятельность Природы (и Венеры) должна помешать Паркам истребить человеческий род.

² *Кроме того ~ свойства сууществительного.* – Весь этот пассаж, в котором обыгрывается логическая терминология, основан на том, что *surpone* буквально значит «класть под» (а потому суппозит ассоциируется с женским полом), а *arpone* – «приставлять, прикладывать» (потому аппозит – мужской пол).

- ³ ...*Дионино сопряжение ~ прямым направлением переходности...* – Переходный глагол в действительном залоге, управляющий прямым дополнением, символизирует правильные (природные) сексуальные отношения; медиальные и пассивные формы отмечаются как неестественные.
- ⁴ ...*под внешностью страдательного ~ свойства отложительного рода.* – Отложительные глаголы – пассивные (т.е. «женские») по форме, но активные («мужские») по значению.
- ⁵ ...*утеснений заключения...* – В логике заключение, *conclusio* – финальное суждение силлогизма, в риторике – финальная часть речи; возможно, Алан держал в уме еще и военное значение этого слова – «блокада, осада» [Alan of Lille 1980. 159].
- ⁶ ...*я прибавила ~ аристотелевских фигур...* – Природа наставила Венеру в аргументации, приличествующей и диалектике (силлогизм из трех элементов), и риторике (энтимема, «риторический силлогизм», из двух элементов).
- ⁷ ...*большая экстрема...* – *Экстремы* (*extremitates*) – подлежащее и сказуемое в заключении силлогизма [Alan of Lille 2013. 581].
- ⁸ ...*в заключении совершается плотское сопряжение подлежащего и сказуемого в истинной связи теснейшего присоединения.* – Как считает Дж. Шеридан, здесь Алан переходит к диалектике: «В силлогизме большая посылка = предикат = мужчина; малая посылка = субъект = женщина; заключение = плотские отношения» [Alan of Lille 1980. 161].
- ⁹ *конверсия* – см. примеч. 6 к гл. I.
- ¹⁰ ...*обман консеквента...* – Ошибка консеквента состоит в том, что истинность антецедента выводится из консеквента, хотя остается открытой возможность их некорректного соединения, *complexio terminorum inconsequens* [Alan of Lille 2013. 581].
- ¹¹ ...*превратила свободное искусство в механическое...* – Ср. восходящую к античности, общепринятую в Средние века этимологию механических искусств от *moechus* (прелюбодей), например, у Бернарда Сильвестра («Комментарий на первые шесть книг “Энеиды”». VI, 2), [Alessio. 71–161].
- ¹² ...*та, что обыкновенно ~ утвержденного согласия...* – Венера, призванная противостоять Паркам, теперь стала их союзницей, поскольку покровительствует таким половым связям, которые не ведут к продолжению человеческого рода.
- ¹³ ...*в риторических расцветках...* – *Расцветка* (*color*) – термин риторики. Ср.: Цицерон. Об ораторе. III, 52, 199; Гораций. Наука поэзии. 236; *Quintilianus*. Institutio oratoria. XII, 10, 71; *Martianus Capella*. De nuptiis. V, 471.
- ¹⁴ ...*называется Посмехом...* – Персонафицированный *Посмех* (*Iocus*) появляется в римской литературе еще у Плавта («Вакхиды». 116) и вместе с Купидоном упоминается как спутник Венеры у Горация (Оды. I, 2, 34). У Пруденция («Психомехия». 433) Посмех вместе с Бесстыдством упомянут в воинстве Сладострастия.
- ¹⁵ ...*эмфатическую Венеру...* – У Узэрби понимает эпитет «эмфатическая» как отсылку к риторической фигуре, намекающей или подразумевающей (путем сравнения и т.п.), но не доходящей до ясного утверждения; ср.: «*Rhetorica ad Herennium*». IV, 67 [Alan of Lille 2013. 581].
- ¹⁶ ...*слоновья проказа...* – Элефантиаз, болезнь, характеризующаяся стойким увеличением какой-либо части тела; здесь – намек на тучность.

XI

- ¹ *Сколь тяжелым, увы! рухнув паденьем...* – Размер стихотворения – малый асклепиадов стих (каталектический). Первую строку ср.: *Бозций*. Утешение Философией. I, т. 2, 1.
- ² *Меркнет ~ ночью исполнен*. – Речь идет об Астрее, богине справедливости, которая, последней из небесных богов оставаясь на земле, покинула ее из-за людской порочности (*Овидий*. *Метаморфозы*. I, 149–150). Ее отождествляли с созвездием Девы или Весов.
- ³ *...время золотое...* – Золотой век. Ср.: *Овидий*. *Метаморфозы*. I, 89; *Гораций*. Эподы. 16, 64.
- ⁴ *Ложь – сама для своей яри глашатай*. – То есть раньше люди пытались давать своим неприглядным делам пристойные названия, а теперь они не стесняются обнаруживать истинные мотивы своих действий.

XII

- ¹ *...обжорство есть некое вступление к делам Венериным и некий антецедент для Венерина консеквента*. – В «Искусстве проповеди» [PL. 210. Col. 119 A–121 B] Алан называет обжорство дочерью идолопоклонства, ссылаясь на апостола Павла: «Их бог чрево» (Флп. 3, 19).
- ² *...Сирены, лакомые до смерти...* – Цитата из *Бозция* («Утешение Философией». I, рг. 1, 11).
- ³ *...этот бог постыдно исчезает ~ западных ворот*. – То есть выходит у человека через верх (север ассоциируется с верхом, восток, *oriens*, – с подъемом) или через низ (юг – низ, запад, *occidens*, – спуск).
- ⁴ *...сынов пития...* – Ф. Юдри [*Alain de Lille* 2013. 221] считает выражение *сыны пития* (*rotationum filii*) пародией на устоявшиеся выражения вроде «сыны св. Бенедикта» применительно к бенедиктинцам; мы бы указали скорее на распространенную формулу *filii perditionis*, «сыны погибели» (ср.: Ин. 17, 12; 2 Фес. 2, 3).
- ⁵ *...чтобы Вакха, как таинство несказанного божества, почитали они с несказанною любовью*. – Ф. Юдри [*Alain de Lille* 2013, 221] указывает, что здесь может быть источник Божественной бутылки из Пятой книги «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле.
- ⁶ *...глотают Вакха ~ иных вещей...* – Об ароматизированных винах см.: *Plinius*. *Historia naturalis*. XIV, 107–109.
- ⁷ *...нежданым Бореем опьянения*. – То есть отрыжкой.
- ⁸ *...сборщик, чрезмерноотягощенный, вынужден вернуть излишек должнику*. – *Сборщик* – желудок, *должник* – человек.
- ⁹ *...их накопления ни ржа не язвит разведающим зубом, ни хитрость лисоподобного вора не похищает...* – Ср.: Мф. 6, 19.
- ¹⁰ *... Алчность...* – В «Искусстве проповеди» [PL. 210. Col. 123 B] Алан говорит об алчности как разновидности идолопоклонства, цитируя апостола Павла: «Алчность, которая есть служение идолам» (Кол. 3, 5).
- ¹¹ *...на мачехин манер*. – Поведение мачех уже в классической римской поэзии, а затем и в средневековой, делается синонимом коварства и злокозненности; «ответить на

- мачехин манер» (povercari) значит «выказать жестокость». Ср. «Anticlaudianus». VII, 369.
- ¹² *Уже не Цезарь, но грош есть все...* – Намек на фразу Лукана: «Цезарь был всё». «Фарсалия». III, 108.
- ¹³ *Грош побеждает, грош царствует, грош владычит вселенной.* – Травестия фразы «Христос побеждает, Христос царствует, Христос повелевает», формулы литургических laudes regiae, известной с VIII в.
- ¹⁴ *...с Птолемеем ~ с Донатом...* – Перечислены все дисциплины, составляющие «седмичную премудрость», от квадривиума к тривиуму: астрономия (*Птолемей*), геометрия (*Евклид*), музыка (*Тимофей Милетский*, дифирамбический поэт, о котором Алан знал из Боэция, «Музыкальные установления». I, 1), арифметика (*Пифагор*), риторика (*Цицерон*), логика / диалектика (*Аристотель* и *Зенон Элейский*), грамматика (*Донат*).
- ¹⁵ *...сочетать слова в согласии их акциденций...* – Акциденции слов – их вариации, обусловленные падежом, числом, лицом, временем.

XIII

- ¹ *«Злата заветный глад когда уязвляет людское / Сердце...* – Ср.: *Вергилий*. Энеида. III, 57.
- ² *Подъемлет / Сына против отца и мать против чада...* – Ср.: *Овидий*. Метаморфозы. I, 144–150.
- ³ *...он братьям ~ единая ярость.* – В схожих выражениях *Бернард Сильвестр* бичует сквернословие: «Космография. Микрокосмос». XIV, 79–86.
- ⁴ *...новый Тантал...* – О *Тантале*, сыне Юпитера, осужденном томиться в подземном царстве вечным голодом и вечной жаждой, см.: *Овидий*. Любовные элегии. II, 2, 43–44; Наука любви. II, 605–606; Метаморфозы. IV, 458–459; VI, 173–174; *Гигин*. Мифы. 82; *Клавдиан*. Похищение Прозерпины. II, 336; Против Руфина. II, 514.
- ⁵ *...владык...* – То есть богов.
- ⁶ *...и грош дарит его божьей приязню.* – В оригинале игра словами nummus «монета» и numina «божества, воля бога».

XIV

- ¹ *...рассыпает казну с Титом...* – Римский император *Тит* (79–81), славный своей щедростью. Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. Мегакосмос. I, III, 52; «Anticlaudianus». I, 147.
- ² *...Турном...* – *Турн* персонаж «Энеиды», вождь рутулов, жених Лавинии, противник Энея. Ср.: *Бернард Сильвестр*. Космография. I, 3, 43; «Anticlaudianus». I, 148.
- ³ *...с Гомером упивается Пегасовым нектаром...* – На Геликоне Пегас ударом копыта выбил источник Иппокрену, из которого поэты черпали вдохновение (*Овидий*. Метаморфозы. V, 256–264). Ср.: «Anticlaudianus». VII, 258.
- ⁴ *...с Платоном созерцает философию лицом к лицу...* – Очевидная аллюзия на часто цитировавшееся место из апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое

стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13, 12).

XV

- ¹ «Чтоб из-за Сциллы омота жадного... – Размер – алкеев стих.
- ² ...льются ливни Лизевы... – Лизей (Lucaeus, «разрешитель забот») – эпитет Вакха (*Вергилий*. Энеида. IV, 58; *Овидий*. Любовные элегии. III, 15, 17), в переносном смысле – «вино» (*Гораций*. Оды. I, 7, 22).
- ³ ...Пускай с Лизем вступит Фетида в брак... – Фетида, дочь Нереея, мать Ахилла, здесь является персонификацией воды. «Брак Лизей и Фетиды» означает, что вино надо разбавлять водой.
- ⁴ ...жало плоти... – Ср.: 2 Кор. 12, 7.

XVI

- ¹ И как лицо его ~ с высочайшими из исполинов. – Ср. меняющийся рост Философии у Бозэция («Утешение Философией». I, рг. 1, 2).
- ² ...какое обрезание должно быть в людских речах... – Ср.: Исх. 6, 12 (в Вульгате *incircumcisis sim labiis*, «я необрезан устами», в Синодальном переводе – «я не словесен»), однако там речь идет о недостатке красноречия, Алан же имеет в виду умеренность или чистоту в речах [*Alan of Lille* 2013. 583].
- ³ Ее руки ~ переходными. – Терминология, которую Алан использует для описания Щедрости, заимствована от типов глаголов (переходные, возвратные).
- ⁴ ...вас же понужая вернуться в дом ваш небесный. – В Золотом веке добродетели и многие боги жили на земле, но поведение людей заставило их уйти на небо (*Овидий*. Метаморфозы. I, 149–150). Их возвращение на землю Алан описывает в «Антиклавдиане», IX, 391–393.
- ⁵ Когда охватывает пожар соседскую стену... – Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 311; *Гораций*. Послания. I, 18, 84; «*Anticlaudianus*». VI, 314.

XVII

- ¹ Лира ~ в смятенной душе усыпляет. – Марциан Капелла («*De nuptiis*». IX, 926) утверждает, что во многих греческих городах было обыкновение оглашать законы под аккомпанемент лиры. О смягчающем действии невоенной музыки см. напр.: *Бозэций*. Музыкальные установления. I, 1; *Macrobe*. Commentaire. II, 3, 7. Целебные свойства музыки в целом в Средние века были известны, по крайней мере, на теоретическом уровне со времен Исидора Севильского. Возрождение медицины в XII в. потребовало от врача овладения семью свободными искусствами, в том числе, музыкой. Утверждению этой идеи способствовала и спекуляция на тему мировой гармонии, микро- и макрокосмоса. См.: [*Kümmel*. 222–226; *Agrimi, Crisciani*. 243–253; *Crisciani*. 185–194].

- ² *Чуткую стражу ~ обычную гоним.* – О силе воздействия свирели даже на животных см.: *Plinius*. *Historia naturalis*. VIII, 50, 114; *Martianus Capella*. *De nuptiis*. IX, 927.
- ³ *Орган*, сопровождающий пение, часто упоминается в Ветхом Завете: Быт. 4, 21; 1 Пар. 16, 42; 2 Пар. 7, 6; Иов. 30, 31.
- ⁴ *Кимвалы* часто упоминаются в Ветхом Завете: 2 Цар. 6, 5; 1 Пар. 13, 8; Пс. 150, 5.
- ⁵ О *пентафоне* (пентахорде) см.: *Martianus Capella*. *De nuptiis*. IX, 962–963.
- ⁶ ...*Псалтерион*... – Ср.: 1 Пар. 25, 1; 2 Пар. 9, 11; Пс. 48, 5; 56, 9.
- ⁷ *Систр* – трещотка, которую египтяне использовали в празднествах Изиды. См.: *Вергилий*. *Энеида*. VIII, 696; *Овидий*. *Метаморфозы*. IX, 693, 778; *Лукан*. *Фарсалия*. X, 63; *Martianus Capella*. *De nuptiis*. II, 170; 1 Цар. 18, 6; 2 Цар. 6, 5.

XVIII

- ¹ ...*поскольку все тесто страдает от остроты малой закваски*... – Ср.: Ос. 7, 4; Мф. 13, 33; Лк. 13, 21; 1 Кор. 5, 6; Гал. 5, 9.
- ² *Когда Щедрость увидела, что сии попреки касаются ее воспитанника*... – Расточительность – дурная отрасль Щедрости.
- ³ ...*золотая цепь любви*... – аллегорическое осмысление гомеровского образа золотой цепи, подвешенной между небом и землей («Илиада». VIII, 19 сл.; ср.: *Платон*. *Теэтет*. 153 с; *Макробий*. *Комментарий к «Сну Сципиона»*. I, 14, 15). О его бытовании в Средние века см.: [*Лавджой*. 71–102; *Lyons*].
- ⁴ ...*не жаловалась на аферезу укорочения и не печалилась о протезе чрезмерности*... – Об *аферезе* см., примеч. 7 к гл. IX; *протеза* (греч. prothesis, «выставление») – присоединение звука для удобства произношения в начале слова. Ср.: *Isidorus Hispalensis*. *Etymologiae*. I, 35, 2.
- ⁵ *Капаней* – участник похода Семерых против Фив, пораженный молнией Юпитера на фиванской стене (см.: *Стаций*. *Фиваида*. X, 827–939). Отличавшийся своим ростом и враждебностью к богам, он становится гигантом в «Романе о Фивах» (XII в.).
- ⁶ ...*Катон упивался золотым нектаром целомудренной трезвости*... – Катон Цензор (234–149 до н.э.), которому в Средние века приписывались дидактические «Дистихи Катона», исключительно популярные.
- ⁷ *Синон* – грек, обманом убедивший троянцев втащить в город деревянного коня, что привело к взятию Трои. *Вергилий*. *Энеида*. II, 57–194.
- ⁸ ...*Пакувий ~ в обратном порядке*. – Пакувий (220 – ок. 130 до н.э.), племянник Энния, трагический поэт; его восхваляет Цицерон («Брут». 64, 229; «О пределах блага и зла». I, 2, 4), Квинтилиан («*Institutio oratoria*». X, 1, 97) говорит о нем более сдержанно. По мнению Уэзерби [*Alan of Lille* 2013. 585], Алан здесь намекает на случай, упомянутый Горацием (Сатиры. II, 3, 60–62): в трагедии Пакувия «Илиона» Илиону пробуждает явившаяся ей тень ее убитого сына, Деифила, прося ее о погребении. Илиону играл подвыпивший актер, который действительно заснул и проспал свою роль, хотя зрители, соединившись с Деифилом, хором повторяли начальные слова его речи, призванной разбудить спящую.
- ⁹ *Сын Природы* – Гений.
- ¹⁰ *Иле* – то есть Материю, один из главных персонажей «Космографии».
- ¹¹ ...*диэреза*... – О диэрезе см. примеч. 69 к гл. II.

¹² ...кто не празднует с нами наши торжественные праздники, поражать мечом анафемы. – В оригинале игра словами *feria* (празднество), *feriantes* (празднующие) и *feriantur* (да будут поражены).

¹³ ...кратким словом... – Ф. Юдри считает, что под *verbo festino* Алан подразумевает «аминь» [*Alain de Lille* 2013. 228].

ДОПОЛНЕНИЯ

Гильом из Сен-Тьерри

Заблуждения Гильома Коншского

В начале 1140-х «Философия» попала в руки Гильома из Сен-Тьерри, оставившего бенедиктинский орден ради Сито, преданного соратника и будущего агиографа Бернарда Клервосского. В отличие от харизматического лидера цистерцианской аскезы, прекрасного психолога, поэта, писателя и проповедника, но не философа, Гильом обладал отличным образованием и стал своеобразным посредником между миром соборных школ и монастырской духовностью. Именно он мог спорить с магистрами вроде Абельяра на их языке, хотя бы потому, что придиричиво вчитывался в новинки, распространявшиеся во Франции. Известна его роль в деле Абельяра: сам Бернард около 1140 г. пытался усмирить его пыл, но суровая критика, которой подверг «неуемного носорога» лично Гильом из Сен-Тьерри, привела таки к осуждению и отлучению немолодого богослова, имевшего и общеевропейский авторитет, и высокое покровительство в церковных и светских кругах. За примирение попавшего в опалу магистра с Церковью и Бернардом пришлось взяться лично аббату Ключи Петру Достопочтенному [*Воскобойников* 2016 а. 53–65]. Еще в молодости Гильом резко ответил богослову Руперту из Дойца, возмущившись «новшествами» его литургики [*Guillelmus a Sancto Theodorico* 2003. 47–52]. Неудивительно, что и в «Философии», впрочем, достигшей его сравнительно поздно, более десяти лет спустя после выхода в свет, влиятельный критик увидел яблоко от абеляровской яблони. Его реакция выразилась в послании-трактате, адресованном к еще более влиятельному (хотя и не всесильному) главе цистерцианцев. Современные издатели условно назвали его «Заблуждениями Гильома Коншского». Полный перевод этого замечательного свидетельства интеллектуальных конфликтов середины XII в. мы и публикуем.

Автор послания выдвигает против Гильома Коншского очень серьезные обвинения в конкретных, названных по имени формах ереси, и предлагает Бернарду ратовать за отлучение магистра, что, несомненно, заставило бы его умолкнуть и прекратить преподавание. Вместе с тем, чтение письма и сопоставление приводимых в нем пассажей показывает, что наш богослов работал, как минимум, впопыхах. Собственно, занимают его лишь первые главы «Философии», где Гильом Коншский предпосылает своей космологии обязательное для Средневековья богословское введение. В случае с Абельяром он нашел время и силы, чтобы систематически разобраться в сочинениях оппонента, в сути его метода, а свое развернутое опровержение отправил Бернарду и шартрскому епископу Жофруа Левскому вместе с абеляровскими текстами, снабдив их своими примечаниями на полях. Опровержение Гильома Коншского – результат быстрого знакомства с некоей версией «Философии», которую сейчас трудно рекон-

струировать: сопоставление конкретных мест показывает, что либо сам критик, либо, что менее вероятно, переписчик попавшей к нему рукописи мог невинно заменить *divinitas* на *trinitas*. Поскольку наказание за «ошибки» ожидалось суровое, такие «неточности» в цитировании (или традиции текста?) не могут не обескураживать. Вполне вероятно, что Гильом из Сен-Тьерри просто спешил «пришить» дело своего тезки к готовившемуся им же разбирательству по Абельяру, которое и развернулось в Сансе в начале 1141 г. [Dutton 10–11].

Суд над Гильомом Коншским не состоялся, возможно, потому, что шартрский епископ отстоял своего «сотрудника», возможно, из-за отсутствия особого интереса со стороны Бернарда – его реакция на послание Гильома из Сен-Тьерри неизвестна. Правда, велик соблазн увидеть в уходе Коншского магистра из Шартра ответ всем церковникам, не только Сито. Но нельзя не учитывать и то, что симпатия к новой рефлексии над мирозданием находила сторонников и в высшем клире, в том числе в 1140-х годах. Тот факт, что именно тогда папа-цистерцианец Евгений III читал и одобрил удивительно смелую «Космографию» Бернарда Сильвестра и не менее смелые видения Хильдегарды Бингенской, свидетельствует о том, что гуманистические тенденции были достоянием не только отдельных интеллектуальных центров, не только отдельных смельчаков, но постепенно становились достоянием всей просвещенной Европы. Более того, сам Гильом из Сен-Тьерри – автор не только глубоко аскетических «Благочестивейших размышлений» («*Meditationes devotissimae*»). Полемизуя с «физиками», защищая собственную вселенную веры и разума, которая ошибочно представлялась магистрам ханжеским и озлобленным молчаливством, он написал специальное сочинение «О природе души и тела». Здесь наследие Отцов наравне с наследием Константина Африканского, т.е. с греко-арабской медициной, помогают ему обрисовать вполне актуальный для его времени образ человека как неразделимого единства совершенной, божественной души и такого же совершенно устроенного, функционирующего по природным законам тела ([*Guillelmus a Sancto Theodorico* 2003 а. 101–148]. Напомним, наконец, что переводы иногда абсолютно антихристианских текстов в Толедо шли под покровительством архиепископов. Вполне вероятно, что ригористское крыло цистерцианцев слабело: его попытка подвергнуть разбирательству и осуждению другого философа-новатора, Жильбера Портретанского, тогда епископа Пуатье, а незадолго перед тем канцлера Шартрского собора, провалилась, и это тоже симптоматично [Godman. 125–134]. Епископат, склонный к компромиссам и не чуждый научному любопытству, бичуемому Бернардом [Воскобойников 2012. 225–230], умел за себя постоять. В большой же исторической перспективе эта охватившая церковные круги чувствительность к интеллектуальным новинкам открыла путь для зарождения новой западноевропейской науки о природе, непосредственной предшественницы физики Нового времени.

Перевод выполнен по последнему критическому изданию: *Guillelmus a Sancto Theodorico. De erroribus Guillelmi de Conchis // Guillelmi a Sancto Theodorico opera omnia. Pars V. Opuscula adversus Petrum Abaelardum et de fide / Ed. P. Verdeyen, SJ. Turnhout, 2007. P. 61–70.*

¹ ...возвещая о разорении. – Ср.: Иер. 20, 8. Имеется в виду переписка Гильома из Сен-Тьерри с Бернардом Клервосским по делу Петра Абельяра.

- ² «Сумма философии» – Имеется в виду «Философия».
- ³ ...Троица... – у Гильома «божество», divinitas.
- ⁴ ...рожденным от Отца... – у Гильома далее: «но вместе с тем совечным ему».
- ⁵ ...«Философы говорили ~ а метафорически – святым». – Ср.: Гильом Коншский. Философия. I, 8–10.
- ⁶ ...«род Его кто изъяснит?» – Ис. 53, 8.
- ⁷ ...«Отец родил Сына ~ управления ими»... – Ср.: Гильом Коншский. Философия. I, 9–10.
- ⁸ ...о нелицемерной вере. – 1 Тим. 1, 5.
- ⁹ ...«Господи, я терплю насилие, ответь за меня!» – Ис. 38, 14. В оригинале «Domine, vim patior, responde pro me». Смысл Вульгаты немного отличается от синодального перевода: «Господи! Тесно мне; спаси меня».
- ¹⁰ ...как пленника... – ср.: 2 Кор. 10, 5.
- ¹¹ ...духу милости ~ мира сего. – ср.: 1 Кор. 2, 11–13.
- ¹² ...в уста свои... – ср.: Пс. 49, 16.
- ¹³ «Ведь не все ~ противно вере». – Гильом Коншский. Философия. I, 12.
- ¹⁴ ...«Но если бы даже мы ~ да будет анафема». – Гал. 1, 8.
- ¹⁵ ...«Как прежде мы сказали ~ да будет анафема». – Гал. 1, 9.
- ¹⁶ ...«Особенно нужно учитывать ~ каждому в отдельности». – Августин. О Троице. 5, 8, 9.
- ¹⁷ ...«Посрамляя Ария ~ субсистенции». – Иероним. Письма. 15, 3–4.
- ¹⁸ ...«Невозможно в Боге ~ в нечто единое». – Августин. О Троице. 7, 4, 9.
- ¹⁹ ...«нужно знать, что к чему»... – Видимо, отсылка к категориальному аппарату Гильома Коншского. Ср.: Гильом Коншский. Философия. I, 1, 4.
- ²⁰ ...«Три эти наименования ~ наделив его эпитетом святой». – Гильом Коншский. Философия. I, I, 8–10.
- ²¹ ...у Бога. – ср.: Ин. 1, 1.
- ²² ...«Невозможно нашими словами ~ исповедание устами во спасение». – Augustinus. In Iohannis Evangelium tractatus. CXXIV, 26, 9.
- ²³ ...«Что ты развлекаешь себя ~ поверь в природу». – Амвросий Медиоланский. О вере к Грациану. I, 10, 67.
- ²⁴ ...«Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение». – Мф. 17, 5. Ср.: Лк. 3, 22.
- ²⁵ ...«Сей есть Сын Мой Возлюбленный ~ свидетельствует о Сыне». – Амвросий Медиоланский. Комментарий на Евангелие от Луки. II, 95.
- ²⁶ ...«Смехотворна диалектика Евномия ~ Сыном любви Божией». – Августин. О Троице. 15, 20, 38.
- ²⁷ ...«Сила называется Отцом ~ от силы». – Гильом Коншский. Философия. I, I, 9.
- ²⁸ ...«Его отцовство относится к Сыну, а господство – к твари». – Августин. О Троице. 15, 20, 38.
- ²⁹ ...Живущий ~ поругается над ним. – Ср.: Пс. 2, 4.
- ³⁰ ...превратному уму... – Рим. 1, 28.
- ³¹ ...«Если Дух ~ быть дарованным». – Августин. О Троице. 5, 15, 16.
- ³² ...«Рождение Христа ~ вместе с Ним». – Augustinus. In Iohannis Evangelium tractatus. CXXIV, 20, 8; 21, 4.

- ³³ ...«Хочешь узнать о божественном рождении? В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога». – Ин. 1, 1–2. *И Слово было Бог.* В Вульгате «И Бог был Слово» (et Deus erat Verbum). *Амвросий Медиоланский.* О вере к Грациану. I, 8, 56.
- ³⁴ ...«Как Сын ~ дозволено». – Там же. I, 8, 64.
- ³⁵ *Философски ~ звездами.* – Гильом Коншский. *Философия.* I, XIII, 43–44.
- ³⁶ *С другой же ~ князем тьмы.* – Гильом из Сен-Тьерри написал специальное сочинение «О природе души и тела», призванное доказать, в том числе, с опорой на новую для того времени медицинскую литературу, что человек есть венец творения не только душой, но и строением тела. В этом он близок предшественникам Шартрской школы.
- ³⁷ ...*о сотворении женщины ~ сделать женщину.* – Гильом Коншский. *Философия.* I, XIII, 43.
- ³⁸ ...«Вот, это кость ~ ко Христу и к Церкви». – Быт. 2, 23; Еф. 5, 32.
- ³⁹ ...*из ребра ~ таинства ее.* – Ин. 19, 34.
- ⁴⁰ *Адам из плоти ~ стала нашей силой.* – *Augustinus.* In *Iohannis Evangelium tractatus* CXXIV, 15, 8.
- ⁴¹ ...*нападает на клириков, не называя имен.* – Гильом Коншский. *Философия.* I, XIII, 45. Обвинение Гильома не безосновательно: Гильом Коншский действительно не утруждает себя точными ссылками, хотя эта манера умалчивать как свои источники вдохновения, так и конкретных оппонентов свойственна была не только ему. О тоне подобных взаимных нападок в XII в. см.: [Воскобойников 2012. 224–225].
- ⁴² ...*ни приглашать к трапезе Агнца.* – То есть причастию. Гильом предлагает отлучить Гильома Коншского от церкви.

Эпитафия Теодориха Шартрского

Предлагаемая вниманию читателя эпитафия написана анонимным автором вскоре после смерти магистра. Она дошла в единственной рукописи 923 из библиотеки города Труа. На общем фоне истории этого жанра в XII в. она представляет собой счастливое исключение. Большинство стихотворных латинских эпитафий рассматриваемого времени не имело иного предназначения, кроме воспроизведения топики жанра, восходящей к античности. Включенные в хроники или написанные *ad hoc*, они объединялись в сборники, которые служили неисчерпаемым источником общих мест для последующих сочинений этого жанра. Бесплезно искать в подобных произведениях сведения о реальной жизни и настоящих заслугах их героев: создание подлинной, не сводимой к литературным шаблонам, биографии менее всего отвечало замыслу панегиристов. Известно несколько подобного рода эпитафий, посвященных Теодориху Шартрскому. В частности, около 1161 г. в бенедиктинском монастыре Омон (*Hautmont*, Северная Франция) анонимным автором была составлена «Эпитафия Теодориха»: в этом сочинении информация о научных заслугах шартрского магистра уместается в две строки из шестнадцати. Наша же эпитафия, найденная и изданная Андре Верне, примечательна тем, что в тексте ее реконструируется, хотя и в драпировке риторических условностей, подлинная научная биография Теодориха: говорится о его заслугах в деле популяризации недавно переведенных логических текстов Аристотеля, характеризуется его натур-философское учение и деяния на преподавательском поприще. Автору удалось то, что не удавалось многим современным ему панегиристам – в нескольких строках передать

научное значение трудов почившего магистра. Впервые напечатан в кн.: Космос и душа (Выпуск второй). Учения о природе и мышлении в Античности, Средние века и Новое время / Ред. А.В. Серёгин. М., 2010. С. 345–348. Здесь перевод воспроизводится с комментарием, отредактированным О.С. Воскобойниковым.

- ¹ ...*речью латинской почтен.* – Имеется в виду значение грамматики, основы тривиума.
- ² *В первопричины вещей он мыслью проникнуть стремился...* – С этой строки до 24-й следует изложение платонических представлений об устройстве мироздания, содержащихся в «Трактате о шести днях творения». Это редкий случай, когда в средневековую эпитафию автора включается настолько подробное изложение его сочинения, что указывает на значение «Трактата», в том числе, как ни удивительно, в среде цистерцианцев.
- ³ *Шар первозданный узрел, идеи с материей вкупе...* – Учение шартрцев об идеях и первоматерии (аристотелевское «иле»), как и другие элементы неоплатонизма в экзегезе первых стихов Бытия, встречало ожесточенную критику ригористов, в том числе у цистерцианцев. Так, бенедиктинец из шартрского диоцеза и друг Бернарда Клервосского Эрналд (или Арнольд) Бонвальский (ум. ок. 1157 г.), очевидно, указывая на шартрских магистров, писал: «Все, что философы измышляют, вводя множество начал, а именно: вечность мира, первоматорию (hyle), а также идеи и мировую душу, которую они называют умом (poum), опровергает и обращает в ничто первая глава книги Бытия» [Ernaldus. 1515 A].
- ⁴ ...*Меру привнесши и вес, властью числа сопрягла...* – Ср.: Премудр. 11, 21. Одно из ключевых мест для развития всей христианской космологии.
- ⁵ *Мог он проникнуть легко за покров многосмысленной речи...* – Метафора «покрова» или «завесы» (integumentum, involucrum) была одним из ключевых понятий в шартрской экзегезе [Jeanneau. 125–192].
- ⁶ *Троицу низших наук и сложнейших наук четверицу...* – Современники и ближайшие потомки Теодориха воспевали обновление семи свободных искусств. Иоанн Солсберийский, возможно, учившийся у Теодориха риторике в 1130-х годах, писал потом в «Металогиконе»: «Се, творю все новое (Откр. 21, 5): обновляется грамматика, преобразуется диалектика, а риторика оказывается в пренебрежении. Ученые, проникнув до самых глубин философии, прокладывают новые пути квадривиума, продолжая дело предшественников» [John of Salisbury. 17]. Восторженные отзывы о роли Теодориха в этом обновлении наук мы находим у ряда современных ему авторов (Германа Каринтийского, Кларембальда Аррасского), многие из которых были его учениками.
- ⁷ ...*И аналитики первым, и опровержения первым...* – Имеются в виду «Первая аналитика» и «О софистических опровержениях» Аристотеля. Изложением «Первой аналитики», которое содержится в «Семикнижии» Теодориха, пользовался Петр Абеляр, первый автор на латинском Западе, который сделал это сочинение Аристотеля основой своей логики. О комментарии Теодориха к «Софистическим опровержениям» сообщает Александр Неккам [Alexandre Neckam. 677].
- ⁸ *Граций толпой окруженный и хором дриад...* – Ср.: Вергилий. Георгики. III, 40; Ис. 21, 13.
- ⁹ *Братья его почитали, коих в единой общине...* – Теодорих Шартрский удалился в монастырь, скорее всего, Во-де-Серне, между 1150 и 1156 гг. В следующих строках типичное для цистерцианской аскетики описание строгого монастырского быта.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаженный Августин.* О Граде Божием: В 4 т. М., 1994.
- Ансельм Кентерберийский.* Сочинения / Пер. И.В. Купреевой. М., 1995.
- Бозций.* «Утешение философией» и другие трактаты / Сост. Г.Г. Майоров. М., 1990.
- Валафрид Страбон.* Садик. *Вандальберт Прюмский.* О названиях знаков зодиака, культурах и климатических свойствах двенадцати месяцев. *Марбод Реннский.* Лapidарий / Изд. подгот. Ю.Ф. Шульц. М., 2000.
- Воскобойников О.С.* О языке средневековой астрологии. (О применении риторических понятий в истории культуры) // *Одиссей.* 2007. С. 82–110.
- Воскобойников О.С.* Праздное и несправное любопытство в XII веке // *История. Электронный научно-образовательный журнал.* 2012. № 2 (10). С. 225–230.
- Воскобойников О.С.* Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М., 2015.
- Воскобойников О.С.* Молчание Абеяра. Письмо Петра Достопочтенного к Элоизе // *Средние века.* 2016 а. Вып. 77 (3–4). С. 53–66.
- Воскобойников О.С.* Право на миф: Введение в поэтику Шартрской школы // *Polystoria.* Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе / Отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2016. С. 139–182.
- Гаспаров М.Л.* Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // *Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье* / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 1986. С. 91–169.
- Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2012.
- Гигин.* Астрономия / Пер. А.И. Рубана. СПб., 1997.
- Григорий Нисский.* Об устройении человека / Пер. В.М. Лурье. СПб., 2000.
- Гораций.* Собрание сочинений. СПб., 1993.
- Йейтс Фр.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001.
- Лукреций.* О природе вещей / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1958.
- Льюис Кл. Ст.* Избранные работы по истории культуры. М., 2015.
- Марциал.* Эпиграммы / Пер. Ф.А. Петровского. СПб., 1994.
- Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998.
- Немезий Эмесский.* О природе человека / Пер. Ф.С. Владимирского. М., 1998.
- Овидий.* Элегии и малые поэмы / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 1973.
- Овидий.* Метаморфозы / Пер. С. Шервинского. М., 1977.
- Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972.

- Петр Абеляр*. История моих бедствий / Подгот. Д.А. Дрбоглав, Н.А. Сидорова, В.А. Соколов, В.С. Соколов. М., 1959.
- Петр Альфонси*. Письмо к перипатетикам Франции / Пер. О.С. Воскобойникова // Многоликая софистика: Нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015. С. 456–467.
- Петрова М.С.* Макробий Феодосий и представления о душе и мироздании в поздней античности. М., 2007.
- Платон*. Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Платон. Соч.: В 3 т. / Ред. А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус. Т. 3 (1). М., 1971. С. 455–542.
- Попова М.К.* Идея схоластической натурфилософии Шартрской школы и образ природы в «Романе о Розе» // Средние века. Вып. 51. 1988. С. 116–132.
- Поэзия вагантов / Подгот. М.Л. Гаспаров. М., 1975.
- Птолемей*. Альмагест / Пер. И.Н. Веселовского. М., 1998.
- Рамм Б.Я.* Гильом Коншский. (Из истории развития прогрессивных идей во Франции в начале XII в.) // Французский ежегодник. 1961. С. 37–75.
- Сидорова Н.А.* Очерки по истории ранней городской культуры во Франции (К вопросу о реакционной роли католической церкви в развитии средневековой культуры). М., 1953.
- Теренций*. Комедии / Пер. А.В. Артюшкова. М., 1988.
- Цицерон*. Философские трактаты / Сост. Г.Г. Майоров. М., 1985.
- Юрченко А.Г.* Александрийский «Физиолог». Зоологическая мистерия. СПб., 2001.
- Abū Ma'shar al-Balḥī [Albumasar]*. Liber introductorii maioris ad scientiam judiciorum astrorum. 9 vol. / Ed. R. Lemay. Napoli, 1995–1996.
- Adelard of Bath*. Conversations with his Nephew / Ed., transl. Ch. Burnett. Cambridge, 1998.
- Agrimi J., Crisciani Ch.* Edocere medicos. Medicina scolastica nei secoli XIII–XV. Milano, 1988.
- Alain de Lille*. Textes inédits / Ed. M.-Th. d'Alverny. P., 1965.
- Alan of Lille*. De planctu naturae / Ed. N.M. Häring // Studi medievali. Ser. 3. Vol. 19. 1978. P. 797–879.
- Alan of Lille*. The Complaint of Nature / Transl. by J. Sheridan. Toronto, 1980.
- Alan of Lille*. Literary Works / Ed., transl. W. Wetherbee. Cambridge (Mass.), 2013.
- Alain de Lille*. La Plainte de la Nature. (De Planctu naturae) / Trad. F. Hudry. P., 2013 a.
- Albertson D.* Mathematical Theologies. Nicolas of Cuse and the Legacy of Thierry of Chartres. Oxford, 2014.
- Alessio F.* La filosofia e le «artes mechanicae» nel secolo XII // Studi medievali. Ser. 3. Vol. 6. 1965. P. 71–161.
- Alexandre Neckam*. Corrogationes Promethei / Ed. P. Meyer // Notices et extraits des manuscrits. T. 35. P., 1897.
- Ambrosius Mediolanensis*. Hexameron, De paradiso, De Cain, De Noe, De Abraham, De Isaac, De bono mortis / Ed. C. Schenkl // Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Bd. 32/1. Wien, 1896.
- Arnulfi Aurelianensis Glosule super Lucanum / Ed. B.M. Marti. Roma, 1958.
- Augustinus*. De Genesi ad litteram libri XII // PL. Vol. 34. Col. 245–484.
- Augustinus*. In Iohannis Evangelium tractatus CXXIV / Ed. R. Willems. Turnhout, 1954.
- Auli Persii Flacci Satirarum liber cum scholiis antiquis / Ed. O. Jahn. Leipzig, 1843.

- Balint B.* Ordering Chaos: The Self and the Cosmos in Twelfth-Century Latin Prosimetrum. Leiden; Boston, 2009.
- Beaujouan G.* The Transformation of the Quadrivium // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. R.L. Benson, G. Constable. Cambridge (Mass.), 1982. P. 463–487.
- Bernardus Silvestris.* The Commentary on the First Six Books of the Aeneid of Vergil Commonly Attributed to Bernardus Silvestris / Ed. J.W. Jones, E.F. Jones. Lincoln; London, 1977.
- Bernardus Silvestris.* Mathematicus / Hg. J. Prelog, M. Heim, M. Kießlich. St. Ottilien, 1993.
- Bernardus Silvestris.* Mathematicus. Edition and Translation D. Stone // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. Année 63. 1996. P. 209–283.
- Bernardus Silvestris.* Poetic works / Ed. and transl. by W. Wetherbee. Cambridge (Mass.), 2015.
- Boethius.* De institutione arithmetica / Ed. H. Oosthoud, J. Schilling. Turnhout, 1999.
- Bourgain P.* Entre vers et prose. L'expressivité dans l'écriture latine médiévale. P., 2015.
- Brini Savorelli M.* Il 'Dictamen' di Bernardo Silvestre // Rivista critica di storia della filosofia. Vol. 20. 1965. P. 182–230.
- Brunner F.* Creatio numerorum rerum est creatio // Mélanges René Crozet. Vol. 2. Poitiers, 1966. P. 719–725.
- Burnett Ch.* The Introduction of Arabic Learning into England. L., 1997.
- Cadden J.* Science and Rhetoric in the Middle Ages: The Natural Philosophy of William of Conches // Journal of the History of Ideas. Vol. 56. 1995. P. 1–24.
- Caiazzo I.* The Four Elements in the Work of William of Conches // Guillaume de Conches: Philosophie et science au XIIe siècle / Dir. B. Obrist, I. Caiazzo. Firenze, 2011. P. 3–66.
- Calcidio.* Commentario al Timeo di Platone / A cura di Cl. Moreschini. Milano, 2003.
- Cappuyns M.* Le *De imagine* de Grégoire de Nysse traduit par Jean Scot Érigène // Recherches de théologie ancienne et médiévale. Vol. 32. 1965. P. 205–262.
- Chenu M.-D.* Une définition pythagoricienne de la vérité au Moyen Âge // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. Année 27. 1961. P. 7–13.
- Chenu M.-D.* La théologie au douzième siècle. P., 1966.
- Commentary on The First Six Book of Virgil's *Aeneid* by Bernardus Silvestris / Transl. E.G. Schreiber, Th.E. Maresca. Lincoln; London, 1979.
- Commentaries on Boethius by Thierry of Chartres and his School / Ed. N. Häring. Toronto, 1971.
- Congar Y.-M.J.* Le thème de Dieu-Créateur et les explications de l'hexaméron dans la tradition chrétienne // L'homme devant Dieu. Mélanges offerts au Père Henri de Lubac. Exégèse et patristique. P., 1964. P. 198–222.
- Crisциани Ch.* Note di musica medicinale. Appunti rapsodici // La musica nel pensiero medievale / A cura di L. Mauro. Ravenna, 2001. P. 185–194.
- Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948.
- D'Alverny M.-Th.* La transmission des textes philosophiques et scientifiques au Moyen Âge. Variorum Reprints. Aldershot, 1994.
- Daniel von Morley.* Philosophia / Ed. G. Maurach // Mittellateinisches Jahrbuch. Bd. 14. 1979. S. 204–255.
- De Bruyne E.* Études d'esthétique médiévale. T. 1–2. Brugge, 1946.
- De Lage R.* Alain de Lille, poète du XIIe siècle. P., Montréal, 1951.

- Dronke P. Fabula.* Explorations into the Uses of Myth in Medieval Platonism. Leiden; Köln, 1974.
- Dronke P.* The Medieval Poet and his World. Roma, 1984.
- Dronke P.* Thierry of Chartres // A History of Twelfth Century Western Philosophy / Ed. P. Dronke. Cambridge, 1988. P. 358–385.
- Dronke P.* Il secolo XII // Letteratura latina medievale. Un manuale / A cura di Cl. Leonardi. Firenze, 2003. P. 231–302.
- Dutton P.H.* The Mystery of the Missing Heresy Trial of William of Conches. Toronto, 2006.
- Economou G.D.* The Goddess Natura in Medieval Literature. Cambridge (Mass.), 1972.
- Ernaldus abbas Bonaevallis.* De operibus sex dierum // Patrologia Latina. Vol. 189. Col. 1507–1568.
- Fauth W.* Catena Aurea. Zu den Bedeutungsvarianten eines kosmischen Sinnbildes // Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 56. 1974. S. 270–295.
- Ferrante J.M.* Woman as Image in Medieval Literature, from the Twelfth Century to Dante. New York; London, 1975.
- Fidora A., Niederberger A.* Philosophie und Physik zwischen notwendigem und hypotetischem Wissen. Zur wissenstheoretischen Bestimmung der Physik in der Philosophie des Wilhelm von Conches // Early Science and Medicine. Vol. 6. 2001. P. 22–34.
- Firmicus Maternus.* Matheseos libri VIII / Ed. W. Kroll, F. Skutsch. Leipzig, 1897.
- Flatten H.* Die Philosophie des Wilhelm von Conches. Koblenz, 1929.
- Fulgentius.* Opera / Ed. R. Helm. Lipsiae, 1898.
- Fulgentius the Mythographer* / Transl. L.G. Whitbread. Columbus, 1971.
- Gautier Dalché P.* L'espace géographique au Moyen Âge. Firenze, 2013.
- Gilson É.* La cosmogonie de Bernardus Silvestris // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. Vol. 3. 1928. P. 5–24.
- Godman P.* The Silent Masters. Latin Literature and Its Censors in the High Middle Ages. Princeton, 2000.
- Gregory T.* Anima mundi. La filosofia di Guglielmo di Conches e la scuola di Chartres. Firenze, [1955].
- Gregory T.* Platonismo medievale. Studi e ricerche. Roma, 1958.
- Gregory T.* Mundana sapientia. Forme di conoscenza nella cultura mediavale. Roma, 1992.
- Gregory T.* Speculum naturale. Percorsi del pensiero medievale. Roma, 2007.
- Guillaume de Lorris, Jean de Meun.* Le Roman de la Rose / Ed. F. Lecoy. T. I–III. P., 1965–1970.
- Guillelmus a Sancto Theodorico.* Epistola ad Rupertum / Ed. P. Verdeyen SJ // Guillelmi a Sancto Theodorico opera omnia. Pars III: Opera didactica et spiritualia / Ed. St. Ceglár SDB, P. Verdeyen SJ. Turnhout, 2003. P. 47–52.
- Guillelmus a Sancto Theodorico.* De natura corporis et animae / Ed. P. Verdeyen SJ // Guillelmi a Sancto Theodorico opera omnia. Pars III: Opera didactica et spiritualia / Ed. St. Ceglár SDB, P. Verdeyen SJ. Turnhout, 2003 a. P. 101–148.
- Guillelmus de Conchis.* Dragmaticon philosophiae / Ed. I. Ronca. Turnhout, 1997.
- Guillelmus de Conchis.* Glosae super Boetium / Ed. L. Nauta. Turnhout, 1999.
- Guillelmus de Conchis.* Glosae super Platonem / Ed. E. Jeuneau. Turnhout, 2006.
- Häring N.* The Lectures of Thierry of Chartres on Boethius' De trinitate // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. Année 33. 1958. P. 113–226.
- Haskins Ch.H.* Studies in the History of Medieval Science. Cambridge (Mass.), 1927.

- Hassleiter J. Ei* // Reallexikon für Antike und Christentum. Bd. IV. 1959. S. 731–734.
- Helpericus*. Liber de computo // PL. Vol. 137. Col. 17–48.
- Hermann of Carinthia*. De essentiis / Ed. Ch. Burnett. Leiden; Köln, 1982.
- Herren M.W. Bavius and Maevius*: “Duo Pessimi Poetae Sui Temporis” // Anglo-Latin and Its Heritage / Ed. S. Echard, R. Gernot. Turnhout, 2001. P. 3–15.
- Hermes Trismegistus*. De sex rerum principiis / Ed. P. Lucentini, M. Delp. Turnhout, 2006.
- Hiatt A.* Terra incognita. Mapping the Antipodes before 1600. Chicago; London, 2008.
- Honorius Augustodunensis*. Imago mundi / Ed. V. Flint // Archives d’histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. Année 49. 1982. P. 7–153.
- Hudry F.* Prologus Alani De planctu Nature // Archives d’histoire doctrinale et littéraire du Moyen-âge. Année 55. 1988. P. 169–185.
- Hugo de Sancto Victore*. Didascalicon / Ed. Ch. Buttimer. Washington, 1939.
- Il divino e il megacosmo. Testi filosofici e scientifici della scuola di Chartres / A cura di E. Maccagnolo. Milano, 1980.
- Incerti auctoris De ratione dicendi ad C. Herennium libri IV (M. Tulli Ciceronis Ad Herennium libri VI) / Ed. Fr. Marx. Leipzig, 1894.
- Isidorus Hispalensis*. Etymologiarum sive originum libri XX / Ed. M.W. Lindsay. Oxford, 1911.
- Jeauneau E.* “Lectio philosophorum”. Etudes sur l’école de Chartres. Amsterdam, 1973.
- John of Salisbury*. Metalogicon / Ed. J.B. Hall. Turnhout, 1998.
- Jones J.W.* The So-Called Silvestris Commentary on the *Aeneid* and Two Other Interpretations // Speculum. Vol. 64. 1989. P. 835–848.
- Jolivet J.* Perspectives médiévales et arabes. P., 2006.
- Kauntze M.* Authority and Imitation: a Study of the Cosmographia of Bernard Silvestris. Leiden; Boston, 2014.
- Kirk E.P.* Menippean Satire. An Annotated Catalogue of Texts and Criticism. New York; London, 1980.
- Kümmel W.F.* Musik und Medizin. Ihre Wechselbeziehungen in Theorie und Praxis von 800 bis 1800. Freiburg; München, 1977.
- Lapidge M.* The Stoic Inheritance // A History of Twelfth-Century Western Philosophy / Ed. P. Dronke. Cambridge, 1988. P. 81–112.
- L’École de Chartres. Bernard de Chartres, Guillaume de Conches, Thierry de Chartres, Guillaume de Saint-Thierry. Théologie et cosmologie au XIIe siècle / Textes traduits et présentés par M. Lemoine et Cl. Picard-Parra. P., 2004.
- Leclercq J.* L’humanisme des moines au moyen âge // Studi medievali. Vol. X/1. 1969. P. 69–113.
- Lecomte F.* Un commentaire scripturaire du XIIe siècle. Le “Tractatus in Hexaemeron” de Hugues d’Amiens // Archives d’histoire doctrinale et littéraire du Moyen-âge. Année 55. 1958. P. 227–294.
- Le Goff J.* Pourquoi le XIIIe siècle, a-t-il été plus particulièrement un siècle d’encyclopédie? // L’enciclopedia medievale / Dir. M. Picone. Ravenna, 1994. P. 23–40.
- Lemay R.* Abu Ma’shar and Latin Aristotelianism in the Twelfth Century. The Recovery of Aristotle’s Natural Philosophy through Arabic Astrology. Beirut, 1962.

- Lemoine M.* Alain de Lille et l'école de Chartres // Alain de Lille, le docteur universel. Philosophie, théologie et littérature au XIIe siècle / Éd. J.-L. Solère et al. Turnhout, 2006. P. 47–58.
- Lyons F.* Some Notes on the Roman de la Rose – the Golden Chain and Other Topics in Jean de Meun // Studies in Medieval Literature and Languages in Memory of Frederick Whitehead. Manchester; N.Y., 1973. P. 201–208.
- Maccagnolo E.* Rerum universitas. Saggio sulla filosofia di Teodorico di Chartres. Firenze, 1976.
- Macrobe.* Commentaire au Songe de Scipion. 2 tomes / Ed. M. Armisen-Marchetti. P., 2003.
- Marenbon J.* Humanism, Scholasticism and the School of Chartres // International Journal of the Classical Tradition. Vol. 6. 2000. P. 569–577.
- Martianus Capella.* De nuptiis Philologiae et Mercurii / Ed. A. Dick, J. Préaux. Stuttgart, 1978.
- Modersohn M.* Natura als Göttin im Mittelalter. Ikonographische Studien zu Darstellungen der personifizierten Natur. Berlin, 1997.
- Newman B.* God and the Goddesses. Vision, Poetry, and Belief in the Middle Ages. Philadelphia, 2003.
- Obrist B.* Wind Diagrams and Medieval Cosmology // Speculum. Vol. 72. 1997. P. 33–84.
- Obrist B.* La cosmologie médiévale. Textes et images. I. Les fondements antiques. Firenze, 2004.
- Obrist B.* Guillaume de Conches: Cosmologie, physique du ciel et astronomie. Textes et images // Guillaume de Conches: Philosophie et science au XIIe siècle / Dir. B. Obrist, I. Caiazzo. Firenze, 2011. P. 123–196.
- O'Donnell J.R.* The Sources and Meaning of Bernard Silvester's Commentary on the *Aeneid* // Mediaeval Studies. Vol. 24. 1962. P. 233–249.
- One Hundred Latin Hymns. Ambrose to Aquinas / Ed., transl. P. Walsh, Chr. Husch. Cambridge (Mass.); London, 2012.
- Opelt I.* Das Bild des Sokrates in der christlichen lateinischen Literatur // Platonismus und Christentum. Supplementum X. 1983. S. 192–207.
- Orth P.* Hildeberts Prosimetrum De Quaerimonia und die Gedichte eines Anonyms. Untersuchungen und kritische Editionen. Wien, 2000.
- Otten W.* From Paradise to Paradigm: a Study of Twelfth-Century Humanism. Leiden, 2004.
- Pabst B.* Prosimetrum. Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter. Köln, 1994.
- Padoan G.* Tradizione e fortuna del commento all'Enéide di Bernardo Silvestre // Italia medioevale e umanistica. Vol. 3. 1960. P. 227–240.
- Patch H.* The Goddess Fortuna in Mediaeval Literature. Cambridge, 1927.
- Patrologiae latinae cursus completus / Ed. J.-P. Migne. Vol. 1–221. P., 1844–1864.
- Pérez-Higuera T.* Calendarios medievales: La representación del tiempo en otros tiempos. Madrid, 1997.
- Petrus Abaelardus.* Expositio in Hexameron / Ed. M. Romig, D. Luscombe, Ch. Burnett. Turnhout, 2004.
- Petrus Lombardus.* Sententiae in IV libris distinctae. Grottaferrata, 1971.
- Plinius Secundus.* Historia naturalis / Ed. J. Beaujeu. P., 1950.

- Poirel D.* Alain de Lille, héritier de l'école de Saint-Victor? // Alain de Lille, le docteur universel. Philosophie, théologie et littérature au XIIe siècle / Éd. J.-L. Solère et al. Turnhout, 2006. P. 59–82.
- Priscianus.* Institutionum grammaticalium librorum I–XVI / Ed. C.G. Roman, M.A. Gutierrez Galindo. Hildesheim; New York, 2001.
- Quintilianus.* Declamationes / Ed. G. Lehnert. Leipzig, 1905.
- Quintilianus.* Institutio oratoria / Ed., transl. H.E. Butler. 4 vol. London; N.Y., 1922.
- Ratkowisch Chr.* Die Cosmographia des Bernardus Silvestris. Eine Theodizee. Köln; Weimar; Wien, 1995.
- Renaud de Lage G.* Alain de Lille, poète du XIIe siècle. Montreal; P., 1951.
- Richard de Saint-Victor.* De Trinitate / Ed. J. Ribaillier. P., 1958.
- Rhetores Latini minores / Ed. K. Halm. Lipsiae, 1863.
- Scoto Eriugena, Remigio di Auxerre, Bernardo Silvestre e Anonimi.* Tutti i commenti a Marziano Capella / A cura di I. Ramelli. Milano, 2006.
- Silverstein Th.* The Fabulous Cosmogony of Bernardus Silvestris // Modern Philology. Vol. 46. 1948. P. 92–116.
- Silverstein Th.* Elementatum. Its Appearance among the XIIth century Cosmologists // Medieval Studies. Vol. 16. 1954. P. 156–162.
- Sivo F.* Il ritratto della bella donna. Parole e immagini di un canone // Le portrait. La représentation de l'individu / Textes réunis par A. Paravicini Bagliani et al. Firenze, 2007. P. 35–56.
- Smits E.R.* New Evidence for the Authorship of the Commentary on the Six Books of Virgil's Aeneid Commonly Attributed to Bernardus Silvestris // Non nova, sed nove: Mélanges de civilisation médiévale dédiés à Willem Noomen / Ed. M. Gosman, J. van Os. Groningen, 1984. P. 239–246.
- Smalley B.* The Study of the Bible in the Middle Ages. Oxford, 1940.
- Southern R.* Medieval Humanism and Other Studies. Oxford, 1970.
- Speer A.* Die entdeckte Natur. Untersuchungen zu Begründungsversuchen einer "scientia naturalis" im 12. Jahrhundert. Leiden; N.Y.; Köln, 1995.
- Stock Br.* Myth and Science in the Twelfth Century. A Study in Bernard Silvester. Princeton, 1972.
- The Virgilian tradition: The first fifteen hundred years / Ed. J. Ziolkowski, M. Putnam. New Haven; London, 2008.
- Thierry of Chartres.* The Commentary on the *De arithmetica* of Boethius / Ed. I. Caiazza. Toronto, 2015.
- Thorndike L.* A History of Magic and Experimental Science. Vol. II. N. Y., 1923.
- Trottmann Chr.* *Unitas, aequalitas, conexio.* Alain de Lille dans la tradition des analogies trinitaires arithmétiques // Alain de Lille, le docteur universel. Philosophie, théologie et littérature au XIIe siècle / Éd. J.-L. Solère et al. Turnhout, 2006. P. 401–429.
- Urso von Salerno.* De commixtionibus elementorum libellus / Hg. W. Stürner. Stuttgart, 1975.
- Vernet A.* Bernardus Silvestris et sa *Cosmographie.* École nationale des chartes. Position des thèses. P., 1937.
- Walther H.* Lateinische Sprichwörter und Sentenzen des Mittelalters in alphabetischer Anordnung. Bd. I–V. Göttingen, 1963–1967.

-
- Wetherbee W.* Platonism and Poetry in the Twelfth Century: The Literary Influence of the School of Chartres. Princeton, 1972.
- Wilhelm von Conches.* Philosophia / Ed. Gr. Maurach. Pretoria, 1980.
- Zahlen J.* Creatio mundi. Darstellungen der sechs Schöpfungstage und naturwissenschaftliches Weltbild im Mittelalter. Stuttgart, 1979.
- Zink M.* Nature et poésie au Moyen Âge. P., 2006.
- Ziolkowski J.* Alan of Lille's Grammar of Sex: The Meaning of Grammar to a Twelfth-Century Intellectual. Cambridge (Mass.), 1985.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

- Абеляр Петр (см. также Авторитет в предметном указателе) 293–294, 298, 306, 314, 320, 322, 328, 332, 335–336, 345–346, 417–418
- Август Октавиан 146, 155
- Августин Аврелий (см. также Авторитет в предметном указателе) 12, 67, 295–299, 316, 348, 398
- Аверинцев С.С. 318
- Аделард Батский 323
- Адельман 306
- Адо Пьер 309
- Алан Лилльский 308–309, 317–320, 325, 330, 352, 397–399
- Альберт Великий 310, 312, 397, 399
- Альбумазар (см. также Авторитет в предметном указателе) 308, 353
- Амвросий Медиоланский 297–298, 308
- Анаксагор 227
- Анри д'Андели 310
- Ансельм Кентерберийский 332, 346
- Арий 225, 296
- Аристотель Стагирит (см. также Авторитет в предметном указателе) 43, 65, 120, 131, 137, 248, 255, 263, 270, 274, 288, 300, 320, 324, 345, 399, 420
- Архипиита Кельнский 352
- Ауэрбах Эрих 310–311
- Бавий** 259
- Бальдрик Бургеильский 328, 331, 352
- Беатриче 317
- Беда Достопочтенный 323
- Бекет Фома 397
- Беренгарий Турский 306
- Бернард Клервоский 293, 306, 316, 322, 336, 398, 417–418
- Бернард Сильвестр (см. также Авторитет в предметном указателе) 85, 306, 308–309, 318–321, 323, 326, 332–333, 335–336, 345–346, 352, 367–368, 373–374, 397–399, 418
- Бернард Шартрский 306, 313, 345
- Болль Франц 324
- Бонавентура 312, 399
- Боэций (см. также Авторитет в предметном указателе) 13, 20, 162, 168–169, 172, 174, 177, 179, 181, 183, 187–189, 194–195, 201, 204, 207, 210, 213, 215, 227, 315, 322, 326–327, 334, 346, 353
- Бурген Паскаль 314
- Бэкон Роджер 310
- Вальтер Шатильонский** 399
- Вар Публий Альфен 153
- Вергилий Публий Марон (см. также Авторитет в предметном указателе) 21, 42, 57, 67, 78, 92–93, 155, 160, 167, 174, 177, 179, 181–182, 187, 189, 202, 259, 270, 316, 322, 373
- Верне Андре 420
- Ганнибал** 142, 367
- Гаспаров М.Л. 399
- Гвиберт Ножанский 312, 314
- Геррада Ландсбергская 328
- Генрих II Плантагенет 312, 334
- Генрих Гентский 312
- Герард Кремонский 335
- Гервазий из Мелки 352
- Герман Каринтийский (см. также Авторитет в предметном указателе) 345–346
- Гигин Гай Юлий 23
- Гильом де Лоррис 320
- Гильом из Сен-Тьерри (см. также Авторитет в предметном указателе) 293, 316, 336, 417–418
- Гильом Коншский (см. также Авторитет в предметном указателе) 293, 297–298, 308–309, 312–318, 320–321, 323, 328, 331, 334–336, 417–418
- Гиппарх Никейский 23
- Гомер 155, 275, 373
- Гонорий Августодунский 323
- Гораций Квинт Флакк 42, 155, 165–167, 170, 190, 202–203, 207–208, 210, 213, 220, 224–225, 228, 331, 398
- Готфрид Винсальвский 319, 352
- Грегори Туллио 334
- Григорий Великий (см. также Авторитет в предметном указателе) 12

- Гуго Амьенский 348
Гуго Сен-Викторский (см. также Авторитет в предметном указателе) 313, 328, 346–347
- Дамаз 296
Даниил из Морли 335
Данте 310–311, 314, 317, 320 325, 373, 397, 399
Даттон Пол 334
Декарт Рене 315
Джонс Джулиан 374
Джонс Элизабет 374
Диоген Синопский 197, 214
Дионисий Старший 225–226
Диоскорид Педаний 55
Донат Элий 270
Дронке Питер 367
- Евгений III 92, 319 322, 353, 418
Евклид 270
Евномий Кизикский 297
Еврипид 202
- Жан де Мен** 310, 320, 397
Жильбер Порретанский 309, 322, 345, 397, 418
Жоно Эдуард 334
Жоффруа Левский 306, 417
Жоффруа Плантагенет 334
- Зенон Элейский 270
- Иванова Ю.В.** 348
Иво 305
Иероним Стридонский 296, 331
Иоанн Овильский 318
Иоанн Солсберийский (см. также Авторитет в предметном указателе) 309, 312–313, 335, 345, 346, 399
Иоанниций (Хунайн ибн-Исхак) (см. также Авторитет в предметном указателе) 14, 62, 308
Иосиф Эксетерский 399
Исидор Севильский 323
- Камилл Марк Фурий** 153
- Кангранде I делла Скала 325
Каний 227
Карл Великий 97, 319, 352
Катон Марк Порций 42, 101, 146, 153, 288
Каяццо Ирене 347
Кисслих Михаэль 368
Кларембальд Аррасский 309, 345–347
Константин Африканский (см. также Авторитет в предметном указателе) 12–13, 15, 19, 63, 308, 315, 335, 418
Красс Марк Лициний 97
Крез 92, 135, 259, 275
- Ландино Кристофоро 373
Лемуан Мишель 336, 348
Лука, евангелист 297
Лукан Марк Анней 155, 160, 191
Лукреций Тит Кар 18, 321
- Макканьоло Энцо** 346–348
Макробий Амвросий Феодосий (см. также Авторитет в предметном указателе) 14, 19, 21, 25, 40, 58, 155–156, 179, 187, 197, 227, 322, 328–329, 334–335, 353, 374
Мани (Манихей) 255
Марбод Реннский 328
Марий Гай 150, 367
Мартин Турский 97, 352
Марциан Капелла (см. также Авторитет в предметном указателе) 23, 161, 177, 186, 211, 309, 320, 322, 346, 353
Матвей Вандомский 319, 352
Матфей, евангелист 70
Маурах Грегор 334, 336
Мацер Эмилий 55
Миرون из Елевфер 92, 151
Митридат VI 101
- Немезий Эмесский** (см. также Авторитет в предметном указателе) 335
Нерон 92, 259
Николай Кузанский 346
Нумений Апамейский 329
- Овидий Публий Назон** 52, 202, 215, 229
Орео Бартелеми 368

- Павел** 191, 205, 294, 332
Пакувий Марк 289
Паскаль Блез 315
Персий Авл Флакк 197
Петр Достопочтенный 417
Пифагор 193, 196, 270
Платон (см. также Авторитет в предметном указателе) 10–15, 17–18, 30, 67, 69, 77–78, 92, 99, 131, 172, 184–187, 199, 202, 204, 205, 217, 225, 275, 288, 300, 305, 315–316, 319, 321, 326, 334, 345, 353, 373
Плиний Старший 46, 220
Поллион Гай Азиний 153
Помпей Гней 97
Прелог Ян 368
Присциан Цезарейский (см. также Авторитет в предметном указателе) 69, 334, 346
Пруденций Аврелий Клемент 374
Псевдо-Апулей 322
Псевдо-Дарет Фригийский 155, 164, 178, 184
Псевдо-Квинтилиан 367
Птолемей Клавдий (см. также Авторитет в предметном указателе) 23, 115, 270

Руперт из Дойца 417

Савеллий Птолемиадский 296
Сазерн Ричард 307
Саллюстий Гай Крисп 188
Сенека Луций Анней 227, 323, 398
Серегин А.В. 420
Сократ 101, 225, 227, 300, 305–306, 346
Солин Гай Юлий (см. также Авторитет в предметном указателе) 63
Спенсер Эдмунд 397
Стаций Публий Папиний 201–202, 367
Сток Брайан 321
Стоун Дейдрэ 368
Сулла Луций Корнелий 150, 259, 367

Теодорих Амал 204, 327
Теодорих Шартрский (см. также Авторитет в предметном указателе) 85, 300–301, 308–311, 313, 315, 318–319, 323–324, 328, 331–335, 345–347, 353, 420

Теофил 61
Теренций Публий Афр 7, 155, 215–216
Тимофей Милетский 270
Тит Флавий Веспасиан 92, 275
Тынянов Ю.Н. 319

Умбриций 52
Урсон Салернский 336
Уэзерби Уинтроп 319, 367–368, 399

Фалес Милетский 92
Фирмик Юлий Матерн 23
Фичино Марсилио 317
Фома Аквинский 310, 312, 397–399
Фульберт 305
Фульгенций Фабий Планциад 194, 210, 373–374

Хайм Манфред 368
Халкидий 317, 353
Хельперик 25, 32
Херинг Николаус 347–348, 399
Хильдеберт Лаварденский 227, 328, 352, 368, 399
Хильдегарда Бингенская 322, 418

Цезарь Гай Юлий 137, 150, 270, 276, 367
Цицерон Марк Туллий (см. также Авторитет в предметном указателе) 7, 92, 211, 259, 270, 288, 311–312, 331, 346, 348, 373, 398

Чосер Джеффри 397

Шеридан Джеймс 399
Шмараков Р.Л. 319

Энний Квинт 259, 289
Эпикур 255
Эриугена Иоанн Скотт (см. также Авторитет в предметном указателе) 326, 348

Ювенал Децим Юний 14, 20, 160–161, 202, 209–210, 216, 334, 336
Юдри Франсуаз 399
Юстиниан (см. также Право в предметном указателе) 146, 153, 367

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

- Адам 20, 67, 98, 299, 317
Аврора 158, 222
Австр (см. также Ветер в предметном указателе) 207–208
Агамемнон 218
Адонис 231, 236, 240, 259
Адраст 217
Аквилон (см. также Ветер в предметном указателе) 207, 241
Актей 36
Аллекто 199
Алкид – см. Геркулес
Алкиной 98
Алоэй 224
Амфион 270
Амфитрита 107
Андрогей 179
Аний 167
Антей 259
Антенор 217
Антигений 264
Антилох 184, 209
Анхиз 156, 160–161, 188–189, 374
Аполлон 7, 35, 98, 113, 161, 167–168, 177–179, 184–186, 189, 192, 208, 225, 227, 232, 241, 243, 254, 280, 310
Арат 23
Аретуза 192
Аристей 189–190
Асканий 156–157, 163
Астрея 161, 235
Атропос (см. также Смерть в предметном указателе) 182, 263–264
Ахат 175–176, 179–180
Ахеменид 165, 168–169
Ахерон 199
Ахилл 92, 135, 184, 232, 241
Аэлло 202
Аякс Теламонид 259
- Бероя 172–173
Библида 260
Борей (см. также Ветер в предметном указателе) 202, 243, 269
- Вакх 102, 161, 185, 217, 220–221, 230, 254, 268–269, 278
Венера (Афродита, Диона, Киприда, Киферея, Эрицина) (см. также Любовь, Музыка в предметном указателе) 98, 137, 150, 157, 160–161, 163, 166, 170, 185, 217, 220, 230–231, 233, 237, 252–255, 257, 260–265, 268, 279–280, 283, 288–290, 324, 374
Вулкан 161
- Гамадриады 242
Ганимед 166, 234
Геката 115, 189
Гектор 184, 194, 270
Гекуба 184
Гений 232, 283, 288–290, 398–399
Геракл – см. Геркулес
Герион 203
Геркулес 92, 94–96, 101, 137, 166, 175, 191, 200, 202, 210–211, 259, 270, 275, 288
Гермес – см. Меркурий
Герофила 178
Гесперия 192
Гименей 257, 264, 279–280, 282–284, 287, 398
Главк 178, 217
Градив – см. Марс
- Дав 259
Давид 78
Дафна 280
Девкалион 92
Дедал 179
Деиопея 157–158, 160–161
Деифеба 178
Деифоб (см. также Страх в предметном указателе) 207, 218–223
Делосец – см. Аполлон
Диана (см. также Красноречие, Семь свободных искусств в предметном указателе) 115, 175, 179–180, 185

- Дидона (см. также Влечение в предметном указателе) 155–157, 162, 164, 170–172, 179, 207, 216–217
 Диомед 220
 Дит – см. Плутон
 Дорида 167
 Дриады 243
- Ева** 316
 Европа 230
 Евтерпа 178
 Елена 218–221, 231–232, 253, 288
- Зет** 202–203
 Зефир (см. также Ветер в предметном указателе) 243
- Иксион** 200, 225, 230
 Иопа 157, 163
 Ипполит 92, 232, 270, 275, 280
 Ирида (см. также Радуга, Чувство в предметном указателе) 158–159, 172
- Кавн** 260
 Калаид 202–203
 Каллиопа 178, 189, 192
 Канапей 215, 288
 Кассандра 178
 Кастор 191
 Кекроп 98
 Кеней 215–216
 Кенида – см. Кеней
 Келено 202
 Кибела 185
 Кимотея 162
 Клио 178
 Клото 112, 182
 Кодр 92, 259
 Кориней 198
 Креуса (см. также Вожделение в предметном указателе) 163
 Купидон 157, 161, 163, 230, 257–261, 278
- Ламп** 36
 Лаодамия 215
 Лаомедонт 184
- Латона 225
 Лахесис (см. также Судьба, судьбы в предметном указателе) 137, 141, 144, 149, 182
 Левкаспид 206–207
 Левконоя 207
 Леда 93, 234
 Лернейская гидра 200–201
 Либер 198
 Лизй – см. Вакх
 Лукреция 151, 270, 280, 367
 Луна (см. также Планета, планеты в предметном указателе) 189, 193, 236, 241, 247
 Луцина – см. Юнона
- Марменс** 178
 Маворс – см. Марс
 Марс (см. также Война, Планета, планеты в предметном указателе) 146, 149, 152, 206, 230, 286
 Мегера 199, 226
 Медея 102, 136, 143, 253, 260
 Медуза горгона 192, 201
 Меликерт 259
 Мельпомена 178
 Менелай 218–219, 222
 Меркурий (см. также Планета, планеты Красноречие в предметном указателе) 7, 93, 161, 168–171, 201, 211, 309–310, 324
 Меркурий (Гермес) Трисмегист 77
 Мизен 175, 193–194, 196, 198, 205
 Минерва (Паллада) 86–87, 98, 184–185, 201
 Минос 179, 214
 Мирра 253, 260
 Михаил, архангел 92
 Моисей 18, 20, 70–72, 75–78, 95, 315
- Напеи** 242
 Нарцисс 231, 253–254, 275
 Нептун 158, 161, 184, 230
 Нерей 241
 Нестор 184, 236, 259
 Нимрод 23
 Ной 51
 Нот (см. также Ветер в предметном указателе) 208

- Ночь 199, 250
Нума Помпилий 142, 151
- Окироя** 202
Опс 158
Оронт 207
Орфей 96, 189–190, 253, 270
- Палес** 185
Палинур 172–173, 175–176, 205, 207–209
Парис 92, 97, 135, 184–185, 217–219, 232, 253, 259, 289
Партенопей 217
Пасифая 179, 215, 253
Пегас 201, 222, 275
Пелид – см. Ахилл
Пенелопа 143, 270, 280
Персей 201
Пирам 232
Пирифой 211, 225
Плутон 109, 158, 188, 193, 211
Победа 206
Полибет 217
Полигимния 178, 186
Полидевк 92
Полидемон 204
Полидор 166–167
Поликсена 184
Полиместор 166–167
Полифем 165, 168–169
Поллукс 191
Посмех 161, 230, 264
Приам 92, 178, 218–219
Прозерпина 193, 211, 242
Прокрида 215
Прометей 96
Протей 101, 250, 259
- Радамант** 142, 214
Рахиль 319
Ромул 135, 137, 145–146, 150–151, 153
- Салмоней** 224–226
Сатурн (см. также Время, Планета, планеты в предметном указателе) 112, 152, 158, 161, 186, 205, 224
- Синон 289
Солнце (см. также Планета, планеты в предметном указателе) 168–169
Соломон 49, 78, 186
Соран – см. Аполлон
Стеннио горгона 201
Стикс 206
Сцилла 200, 265, 278
- Тавр** 179
Талия 178
Тантал 270, 272
Тарквиний Гордый 178
Тевкр 219
Терпсихора 178
Терсит 7, 259, 289
Тесей 191, 211, 227
Тидей 217, 259
Тиндарида – см. Елена
Тиресий 253
Тисифона 199, 223
Титан 206, 224
Титий 225–226
Тифий 92, 94
Тривия – см. Диана
Тритон 162, 193–194
Турн 92, 275, 288
- Улисс** 7, 92, 135, 155, 165, 168–169, 222, 259, 270, 288
Урания 84, 108, 109, 112–113, 116, 178, 186, 398
- Фавоний** 240–241
Фаида 215
Фаэтон 92, 97
Фэб – см. Аполлон
Федра 215
Федрия 215
Фетида 241, 278
Фиванские братья 92
Филлида 98
Филогей 36
Филология 7, 170, 211, 309, 310, 324
Финей 202
Фисба 232
Флегий 227

- Флора 242
Форк 201
Форон 92
Фортуна (см. также Фортуна в предметном указателе) 87, 137–139, 143–144, 146, 148, 206, 222, 225, 227, 275, 283, 287
Фрикс 243
- Харибда 230, 259, 265, 269
Харон 204–205, 209–212
Химера 201, 215
Хирон 234
Хронос 112
- Цербер 210, 212
Церера 161, 185, 193, 217, 220, 230
Цирцея 168–169, 178
Циклопы 165, 168, 227
- Эак 214
Эадна 215
- Эвриала горгона 201
Эвридика 175, 189–190, 319
Эгле 192
Эдип 367
Эней 155–157, 160–181, 183–186, 189, 192–193, 195–196, 199, 207–212, 216, 218–220, 222, 228, 259, 353
Эол (см. также Ветер в предметном указателе) 157–158, 160–161, 222, 241
Эрато 178
Эреб 158
Эритрей 35
Эрифила 215
Эскулапий 178
- Юл 149
Юнона 102, 115, 157–160, 184–185, 193, 200, 230, 241, 243
Юпитер 102, 112, 135, 137, 140, 144, 147, 158, 161, 191–193, 199, 211, 214, 224, 230–231, 241, 243–244, 254, 353

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Alter ego 232, 283

Абсиды («дома светил») (см. также Звезды, Планета, планеты) 158

Авторитет – см. Авторитетные тексты

Авторитетные тексты 12, 14–15, 17, 23, 248, 262, 294, 298, 307–308, 311, 313, 317, 321, 323, 325–326, 328, 331, 334–335, 346, 348, 352–353, 367, 373–374, 397, 417

«Арифметика» Боэция 20, 174, 346

«Асклепий», приписываемый Гермесу Трисмегисту 77, 315, 321, 354

«Благочестивейшие размышления» Гильома из Сен-Тьерри 418

«Большое введение в астрологию» Абу Ма'шара (лат. Альбумазара) 308, 353

«Бракосочетание Меркурия и Филологии» Марциана Капеллы 161, 309, 352–353

«Да и нет» Абеяра 336

«Драгматикон философии» Гильома Коншского 316–317, 334–336

«Дидаскаликон» Гуго Сен-Викторского 313, 347

«Исагог» Иоанниция 14, 62, 308, 315

«Комментарии на Сон Сципиона» Макробия 179, 334, 353

«Комментарии на Порфирия» Боэция 13

«Металогикон» Иоанна Солсберийского 335

«Моральное толкование на Иова» Григория Великого 12

«О Книге Бытия буквально» Августина 348

«О нахождении» Цицерона 311, 346

«О природе души и тела» Гильома из Сен-Тьерри 418

«О природе человека» Немезия Эмесского 335

«О разделении природы» Эриугены 348

«О сущностях» Германа Каринтийского 346

«О Троице» Августина 295, 297

«О Троице» Боэция 346

«Основы грамматики» Присциана 69, 346

«Пантехни» Константина Африканского 13, 64

«Планисфера» Птолемея 345

«Полистория» Солина 63

«Риторика для Геренния», приписываемая Цицерону 346

«Семикнижие» Теодориха Шартрского 310, 347

«Софистические опровержения» Аристотеля 324

«Теология» Абеяра 335

«Тимей» Платона 17, 78, 172, 184–185, 202, 204, 217, 315, 317–318, 320–323, 326, 328, 334–335, 353–354

«Утешение Философией» Боэция 309, 326–327, 334, 353, 398

«Цветы риторики» Бернарда Сильвестра 352

«Энеида» Вергилия 323, 352–353, 373–374

«Энхиридион» Августина 12

Акциденции (см. также Субстанция, Философия) 174, 270

Аллегорическое толкование – см. Аллегория

Аллегория (см. также Добродетель, добродетели, Порок, пороки и указатель литературных и мифологических персонажей) 23, 70, 161

Благоразумие 247, 271, 287

Великодушие 247, 287

- Гордыня 275
Душа – см. Энделихия
Зависть 275
Идея 289–290
Иле – см. Сильва
Имармена 105
Икония 289
Истина 289
Минерва 86–87
Мир 90–91
Нужда 87
Практика 84, 120
Природа 84, 86–88, 90–91, 98–99, 104–114, 116, 120–124, 127, 129, 131, 133, 134–136, 139, 141, 143, 145, 147, 229–232, 236–242, 246, 248–249, 252, 269, 275, 279–283, 287, 289–290, 333, 398–399
Разум (см. также Промысл) 84, 86–87, 89–91, 94–95, 104–106, 110, 118, 121, 176, 178, 180–184, 186–187, 192, 194, 199, 205, 227, 318, 320–321, 333, 398–399
Разумение – см. Разум
Сильва (см. также Хаос) 86–91, 104, 106–107, 117, 123, 125–126, 289
Смирение 282
Теория 84, 120–121
Ум – см. Разум
Умеренность 281–282
Урания 84, 108–109, 112–114, 116, 119, 121–124, 126, 178, 186, 398
Физис (см. также Физика) 84, 108, 120, 122–128, 133, 398–399
Фортуна 87, 134, 137–138, 143–144, 146, 148, 194, 197, 206, 223, 225, 227, 275, 283, 287
Хронос 112
Чистота 280
Щедрость 281–282, 287–288
Энделихия 90–91, 105, 107, 122–123, 318, 320, 333
Анафема (см. также Наказание) 283, 289–290, 294–295, 417
Ангел, ангелы (см. также Гений, гении, Душа) 7, 11–12, 17, 62, 67, 116–118, 181, 188, 204, 227, 246–247, 294, 298
 Девять ангельских чинов 12, 84, 91–92
Антиподы (см. также Антэки, Человек) 53–54, 93
Антэки (см. также Антиподы, Человек) 53–54
Апланон (см. также Эдем, Элизий) 174, 186
Арабы (см. также Греко-арабская медицина) 99
Аристотелизм (см. также Платонизм, Философия) 182, 353
 Перипатетики 182
Арифметика (см. также Семь свободных искусств) 69, 270, 346
Астрологи 23–24, 27, 29–30, 114, 118, 135, 140, 151, 324–325, 352–354, 367–368
Астрология – см. Астрологи
Астрономия (см. также Семь свободных искусств) 23, 69, 270
Аффект (см. также Чувство, чувства) 213, 223
Ахерон 174, 187, 203, 205–207, 209, 211–213

- Библия** (см. также Авторитет) 20, 22–23, 44, 65, 69, 71, 296, 299, 347, 373
 Евангелие от Матфея 70
 Книга Бытия 70–71, 74, 318–319, 331, 348
 Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова 71
- Бисексуальность** 254
- Благо** (см. также Платонизм) 11, 163, 178, 185, 190, 206–207, 209, 211, 214, 353
- Богатство** 218–222, 224, 270, 272–273, 276
- Богачи** – см. Богатство
- Богосозерцание** – см. Созерцание
- Болезни** (см. также Тело человека) 33, 34, 56, 57, 64, 101, 120, 137
- Брак** (см. также Гименей) 140–141, 246, 253, 264, 279
 Брак Меркурия и Филологии 7, 170, 211, 309, 315
- Буквализм** (см. также Экзегеза) 23, 70, 75, 347–348
- Буквальное толкование** – см. Буквализм
- Венеты** 97
- Вера** 20, 248, 294
- Ветер, ветры** (см. также указатель литературных и мифологических персонажей) 48–49, 55, 84, 95, 158–160, 186–187, 191, 197, 203, 207, 209, 241, 243
 Австр 49, 95, 207–208
 Аквилон 207, 241
 Борей 49, 93, 95–96, 202, 243, 269
 Евр 49, 95, 98
 Зефир 49
 Нот 95, 208
- Влечение** (см. также Вождление) 158, 161–163, 165, 170–172, 176–177, 180, 184, 208, 215–216, 219, 221, 278
- Вода** – см. Элементы
- Водные животные** – см. Рыбы
- Вождление** (см. также Влечение) 133, 147, 156, 161, 163, 168, 170, 190, 195, 201, 207, 221, 226–227, 247, 253, 283
- Воздух** – см. Элементы
- Война** 86, 137, 146, 206, 217, 285–286
- Времена года** (см. также Климат, Погода) 33–35, 53, 118, 204, 236, 247, 253
 Весна 21, 33–34, 53, 113, 118, 120, 204, 240, 242–243, 247, 253
 Зима 32–35, 45–46, 50, 53, 55, 118, 120, 204, 219, 242–243, 247, 253
 Лето 33–35, 44–46, 50, 53, 55, 118, 204, 243, 247, 253
 Осень 34, 46, 53, 98, 118, 120, 204, 247, 253
- Время** (см. также День, Ночь) 33–34, 53, 71, 74–75, 87, 103–105, 112, 123–125, 158, 205
- Временная жизнь** 162, 168–169, 176–178, 187–191, 200, 223–224, 226
- Временные блага** – см. Временная жизнь
- Временные вещи** – см. Временная жизнь
- Вселенная** – см. Космос
- Гадание** – см. Дивинация
- Галлы** 100, 300

- Гармонии – см. Музыка
Гарпии 168, 202–203
Гелиады 99, 120
Гений, гении (см. также Ангел, ангелы, Усиархи) 109, 113, 117, 133, 190
Геометрия (см. также Семь свободных искусств) 69, 92, 270
Гермафродит 114, 231
Гетеросексуальность 257–258, 261–262, 264
Гигантомахия 206
Гиганты 206, 224, 226
Гнев 132, 158, 169, 178, 195, 207, 226–227
Гневливость – см. Гнев
Гомосексуальность 231–232, 252–254, 262, 264, 290
Горгоны 201
Город 165, 225, 246
Горы 27, 55, 84, 96, 160, 195
Град – см. Дождь
Грамматика (см. также Семь свободных искусств) 69, 175–176, 180, 210, 212, 214, 231, 261–264, 270, 274, 311–312, 334–335, 352, 398
 Анастрофа 253
 Автономасия 234
 Аппозиция 262
 Залог 262
 Парентезис 255, 258
 Переходность 262
 Подлежащее 254, 263
 Предикат 231, 255, 263
 Синерезис 253
 Сказуемое 263
 Солецизм 229
 Субъект 231, 259, 263
 Тмезис 253
 Экстрема 263
 Энклитика 242
Грации 301
Греки 77, 92, 146, 164, 177, 184, 207, 222, 296, 300
Греко-арабская медицина (см. также Арабы) 315, 335, 418
 Медики в Салерно 336
Грех (см. также Порок, пороки) 67, 139, 142, 147–152, 154, 208, 214, 266, 282, 301
Грехопадение – см. Грех
Гром 33, 45–46, 108, 159–160, 224–225, 252

Движение, движения (см. также Тело человека) 180
Демоны – см. Ангел, ангелы
День 25, 35–36, 53, 71, 94, 115, 199, 219, 250
Дерево, деревья 32–33, 55–56, 73, 76, 78, 84, 97–98, 101, 107, 120, 173–174, 188–189, 193–197, 199, 215, 239, 242–243

- Деторождение – см. Размножение
- Диалектика (см. также Семь свободных искусств) 69, 175, 180, 210, 212, 214, 263–264, 270, 300, 324, 345
- Антецедент 268
 - Категории 137
 - Конверсия 231, 263
 - Консеквент 263, 268, 283
 - Максима 262
 - Паралогизм 253
 - Пропозиция 263
 - Суппозиция 262
- Дивинация 183, 186
- Дит (см. также Преисподняя, Тартар) 199, 223
- Добродетель, добродетели (см. также Аллегория, Порок) 134, 180–181, 184, 190–191, 193–198, 201, 206–209, 212, 214, 218–220, 222–223, 227–231, 246, 266–267, 280–283, 287–288, 290, 398
- Бережливость 180–181
 - Благоразумие 134, 172, 247, 271, 275, 287
 - Благочестие 143, 181
 - Великодушие 247, 287
 - Воздержность 172, 180
 - Дружелюбие 181
 - Мужественность, мужество 165, 195, 207, 226–227, 231
 - Набожность 181
 - Невинность 181
 - Непорочность 180, 254, 275
 - Скромность 180–181, 231–232, 261, 269
 - Смирение 282
 - Согласие 181
 - Трезвость 180, 288
 - Умеренность 180, 221, 261, 269, 281–282
 - Щедрость 281–282, 287–288
 - Человеколюбие 181
- Дождь 43–45, 48, 72, 93, 108
- Драгоценные камни 234–236
- Дриады 243, 301
- Дух – см. Душа
- Духи – см. Ангел, ангелы
- Душа (см. также Аллегория) 8, 10, 12, 20, 56, 59, 62–63, 65–69, 82, 91, 105, 108, 110, 114, 117, 119–121, 128–129, 152, 156, 158, 161, 163, 168, 174, 187, 190–191, 199, 205, 224, 229, 245, 273, 299, 315–316, 320, 333
- Взаимодействие души и тела 65–68, 91, 105, 119, 121, 128, 152, 161, 163, 167–169, 174–175, 180, 191, 198, 210–212, 226, 245–246, 278
 - Маны 190, 192, 219
 - Мировая душа 7, 10, 78, 104, 181, 294
- Дьявол 10, 299

- Евреи 21, 78, 204
Египтяне 21, 29–30, 92
Единорог 238
Ересь 10, 21, 294–296, 336, 417
 Савеллианство 295
 Арианство 255, 297
 Манихейство 255, 299
- Желания** 162, 166, 175–177, 220
Железный век (см. также Золотой век) 266
Женское начало – см. Пол
Животные – см. Звери
- Звезды** (см. также Планета, планеты, Созвездия) 18–19, 22–24, 26–27, 46–47, 67, 73–74, 76, 78, 84, 91–92, 96, 100, 103–105, 107, 109–111, 113, 115–116, 135–137, 149, 161, 179, 191, 230, 234–236, 250, 252, 270, 299
 Влияние звезд на человека (см. также Астрология) 67, 114, 139–140, 142–143, 146–147, 149, 151
- Звери** (см. также Птицы, Рыбы) 18–20, 35, 56–57, 62, 65, 74, 76, 78, 84, 95–97, 108, 169, 178, 195, 200, 238–239, 269
 Белка 239
 Бобр 97, 239
 Бык 20, 26, 96, 180–181, 238
 Вебрь 96, 195, 200, 239
 Верблюд 96, 238
 Вол 238
 Волк 96, 195, 239
 Газель 96
 Заяц 94, 96, 120, 239
 Змея 95–96, 100, 190, 201, 212, 223
 Кобыла 57, 220
 Коза 96, 180, 201
 Козел 96, 201, 239
 Конь 96, 220, 238
 Куница 97
 Лань 96, 239
 Лев 20, 96, 120, 124, 127, 142, 169, 178, 195, 200–201, 238
 Лиса 96, 120, 169, 200, 239
 Медведица 239
 Медведь 96, 142
 Обезьяна 97
 Овен 239
 Овца 95–96, 180–181, 239
 Олень 96, 239
 Онагр 96, 239
 Осел 20, 96, 195, 238, 239

- Пантера 96
Пард 239
Пес 127, 169, 178, 195, 200, 239
Рысь 96, 239
Свинья 20, 169, 178, 195, 200
Слон 96, 238
Собака – см. Пес
Соболь 97
Тигр 96–97, 142, 239
- Знаки Зодиака – см. Зодиак
- Знание, знания (см. также Познание) 42, 67, 84, 87, 104, 176, 181–182, 192, 198, 206–207, 208–209, 211, 214, 222–223, 225
- Зодиак (см. также Звезды, Созвездия) 23–26, 28–32, 34–37, 46–47, 53, 84, 93, 99, 104, 106, 109, 113, 115, 123, 228, 234
- Близнецы 25, 31, 33–34, 234
Весы 25, 34, 93, 235
Водолей 25, 31–32, 34, 234
Дева 25, 33–34, 235
Козерог 25, 31–32, 37, 234
Лев 21, 25, 33–34, 198, 234
Овен 25, 31–36, 115, 234, 243
Рак 21, 25, 27, 31, 33, 36–37, 93–94, 109, 158, 198, 234
Рыбы 25, 31–32, 34, 235
Скорпион 25, 34, 112, 151, 235
Стрелец 25, 34, 204, 234
Телец 24–25, 31, 33–34, 234
- Золотой век (см. также Железный век) 124, 145, 230, 266, 287
- Зрение (см. также Тело человека) 23, 45, 63–64, 73, 129–130, 199–200
- Интеллект** – см. Разум
- Искусство** – см. Науки
- Искусство речи** – см. Речь
- Итальянцы** – см. Римляне
- Кентавры** 96, 200
- Климат (см. также Времена года) 25, 96, 108, 112, 117, 119, 143
- Климатические пояса – см. Климат
- Клирики 57, 299, 335, 355, 397, 418
- Колюры (см. также Полюса) 25–26, 93, 106, 109, 115
- Комета (см. также Звезды, Космос, Планета, планеты) 46–47, 74, 159–160
- Конstellации (см. также Созвездия) 158
- Космос (см. также Аллегория, Космос, Макрокосмос, Микрокосмос) 14–15, 21, 44, 50–52, 70, 77, 84–85, 87–88, 90–93, 95, 103–106, 107, 109, 113–117, 121, 123–125, 127–128, 133, 136, 243, 250, 252, 256–257, 308, 311, 314–315, 318–319, 321–323, 325–327, 332–333, 336, 347, 354, 373–374, 399, 418
- Картина мира 308, 314, 319, 321, 323, 325, 332, 335, 347, 353–354, 373–374, 431

- Коцит 192, 204, 206–207, 209
Красноречие (см. также Речь, Риторика) 7, 69, 170–171, 175–178, 189, 210–214, 219
Красота 22, 42, 52, 70, 74, 84, 86–90, 99, 105–107, 113, 118, 128, 279–282, 288–289
Круг Зодиака – см. Зодиак
- Лапифы** 225–226
Латиняне – см. Римляне
Лета 174, 188, 290
Логика – см. Диалектика
Любовь 124, 133, 181, 215–216, 259–260, 264, 287–288, 290
 Венера (см. также указатель литературных и мифологических персонажей) 137, 150, 160–161, 196, 215, 217, 220, 230–233, 241, 252–255, 260–265, 268, 279–280, 283, 290
 Куртуазная любовь 215
 Купидон 230, 258–261, 264
 Плотская любовь (см. также Сластолюбие, Сладострастие) 160–161, 170, 195, 200, 214–216, 220–221, 230–232, 253, 265, 278
Любопытство 225
- Макрокосмос** (см. также Космос, Микрокосмос) 84, 86, 105, 128, 229, 246–247, 353
Математика (см. также Науки, Семь свободных искусств) 178, 181, 192, 346
Материя (см. также Субстанция, Форма) 13–14, 17, 43, 45, 71–74, 77–79, 86, 88–90, 103–108, 115–117, 124–127, 158, 185, 205, 229, 245, 257, 261, 353
 Первоматерия 71, 84, 86, 103–104
Мегакосмос – см. Макрокосмос
Меланхолики (см. также Тело человека) 20, 30, 33–34, 61, 127
Меланхолическое – см. Меланхолики
Механика (см. также Науки, Семь свободных искусств) 176–178
 Механические искусства 176, 221
Микрокосмос (см. также Космос, Макрокосмос) 84, 106, 224, 246–247
Мир – см. Космос
Мироздание – см. Космос
Млечный круг 24, 93, 106, 109, 115
Молнии – см. Гром
Море (см. также Вода) 47–50, 158, 161–162, 187, 201, 241, 253
Мудрость (см. также Разум, Рассудок) 7–9, 63, 68, 161, 165, 167–170, 176, 178–179, 185–189, 192–193, 196–197, 202, 207, 211–214, 247, 270–271, 309–310, 314, 323–324, 326
Мужское начало – см. Пол
Музы 178, 222, 231, 310
Музыка (см. также Семь свободных искусств) 69, 86, 137, 161, 178, 235, 237, 270, 285–286
 Музыкальные инструменты 285–286
- Надежда** 177, 213, 223
Наказание (см. также Анафема) 10, 192, 283, 289–290, 318, 418
Наслаждение 28, 99, 185, 203–205, 207–208
Наставничество – см. Учительство

- Натурфилософия (см. также Философия) 310, 316, 332, 334, 347, 420
- Науки (см. также Семь свободных искусств) 68–69, 74, 76, 124, 175–176, 178–182, 192, 197, 213, 221, 264, 309, 312–313, 315, 328, 345–347, 353, 418, 420–421
- Небо (см. также Воздух, Эфир) 11, 14, 23–26, 42, 46, 71–78, 91–93, 103–104, 106–109, 111–113, 116, 118, 123, 125, 128, 152, 204, 227–228, 236, 241, 243, 246, 250–252, 348
- Небеса – см. Небо
- Небосвод – см. Небо
- Небесная твердь – см. Небо
- Некромантия 175
- Ненависть (см. также Аффект, Чувство, чувства) 214
- Непостоянство 33, 34, 119, 134, 165–166, 221, 226
- Ночь 25, 28, 35–36, 53, 71, 94, 106, 115, 122, 191, 199, 208, 219, 222, 250
- Облака** (см. также Вода, Дождь) 23, 32, 34, 44–45, 55, 72–74, 77, 119
- Обожение 246, 270
- Океан (см. также Вода, Природа) 47–48, 53–54, 78, 107, 115, 119, 272
- Олимп 95–96, 230
- Орк (см. также Дит, Преисподняя, Тартар, Эреб) 210
- Остроумие 162, 165, 185–186, 227–228, 247
- Отцы Церкви (см. также Авторитет) 294–295, 317, 335–336, 348, 418
- Память** (см. также Разум, Рассудок) 63, 67–68, 123–124, 128–129, 162, 165, 185–186, 192–193, 197, 206–207, 227, 245, 247
- Парки (см. также Судьба, судьбы) 110, 133, 135, 141, 147–148, 258, 261–263
- Персы 92, 98
- Писание – см. Библия
- Пифагорейцы (см. также Философия) 131, 182
- Планета, планеты (см. также Звезды, Усиархи) 24–32, 34–35, 46–47, 51, 84, 94, 106–107, 109, 111–112, 115, 118, 123, 135, 137, 235, 246, 252, 270, 324
- Венера (Люцифер, Геспер) 28–30, 95, 106, 114–115, 118, 158, 177, 236
- Земля (см. также Элементы) 18, 35–41, 45, 55, 72, 193
- Луна 11, 18, 21–22, 27, 30, 32, 36–39, 41–43, 51, 72, 94, 104, 106, 112–118, 123, 125, 177, 204, 211, 236, 238, 247
- Марс 28, 35, 95, 106, 113–114, 118, 152, 158, 235
- Меркурий 29–30, 106, 114–115, 118, 170, 236
- Сатурн 26–28, 106, 112, 118, 152, 235
- Солнце 18, 21, 25–44, 47, 50, 53, 55, 73, 93–95, 99–100, 104, 106–107, 109, 113–115, 117–118, 120–123, 130, 159, 167, 177, 198, 200, 204, 211, 219, 230, 235, 243, 320–321
- Юпитер 28, 95, 102, 106, 112, 114–115, 118, 161, 224, 235
- Планетные сферы – см. Планета, планеты
- Платонизм (см. также Аристотелизм, Философия) 28–29, 182, 316, 353, 374
- Вечные идеи – см. Идея
- Идея 89, 245, 250
- Память об ином мире 152, 245
- Тело – темница души 119, 161–162
- Платоники – см. Платонизм

- Плотские желания – см. Плоть
Плотские немощи – см. Плоть
Плоть (см. также Порок, пороки) 57, 67, 110, 114, 121, 133, 136, 147, 152, 161–162, 168, 170, 172, 175–177, 189, 191, 199, 212, 215–216, 221, 226, 229–231, 252–254, 268–269, 273, 278, 283
Погода 29, 33–35, 37, 45, 62, 158–159
Подобие – см. Подражание
Подражание (см. также Аристотелизм) 89, 110, 122, 125, 156, 202, 234, 257, 271
Познание (см. также Знание, знания) 56, 67, 69–70, 90, 184, 188, 192, 201, 308, 310
 Анагогическое познание 308
 Богопознание 8, 69–70, 175, 188, 210, 314
 Метафорическое познание 314, 319–320
 Способы познания 314–315, 332
Пол 20, 57–58, 134, 215, 231–232, 261–262
 Порочная природа женщины 134, 141–142, 214–215
Полюса (см. также Колюры) 26, 47, 52, 92–94, 106, 108, 111, 115, 228, 268
Понимание – см. Разум
Порок, пороки (см. также Аллегория, Добродетель, добродетели) 66, 88, 126, 132, 134, 137, 152, 158, 162, 165, 168, 172, 175, 178, 184, 187, 189, 191, 193–195, 200, 203, 206–209, 214–215, 217–224, 226–227, 230–231, 246, 252–253, 256, 261, 265–278, 282–283, 290, 398
 Алчность 166–167, 202, 269–274, 278, 281, 290
 Блуд 220, 220, 252–253
 Высокомерие 11, 13, 169, 194–195, 223, 274–275, 278, 282–283, 290
 Гордыня – см. Высокомерие
 Зависть 11, 42, 139, 275–276, 283, 290
 Заносчивость – см. Высокомерие
 Лесть 52, 276–277, 283, 290
 Лживость 22, 82, 266–267, 277, 289
 Ложь – см. Лживость
 Льстецы – см. Лесть
 Обжорство 14, 199, 217, 220, 268–270, 278, 283, 290
 Опьянение – см. Пьянство
 Пьянство, 217, 220–221, 268–270, 278, 290
 Вакх 161, 217, 230, 268–269, 278
 Разнузданность 158, 160–161, 178, 221
 Расточительность 221, 287–288
 Скупость 220–221, 224, 226, 272–273, 276, 278
 Сладострастие – см. Сластолюбие
 Сластолюбие 168, 179–180, 185, 195, 208–209, 214–217, 220–221, 230–231, 264–265
 Чревоугодие – см. Обжорство
Постоянство 165, 280
Поэзия – см. Поэтическое мастерство
Поэтическое мастерство (см. также Подражание) 155–156, 176–177, 180, 202–203, 231, 255, 310, 314, 318–323, 325–326, 331, 336, 347, 352–355, 398–399, 417
 Ваганты 328, 346, 399
Право 143, 181, 266
 Законы 10, 89, 145, 150, 153, 191, 266
 Юстиниан (как синоним закона) 146, 153

- Предначертанье – см. Предопределение
- Предопределение (см. также Судьба, судьбы, Фортуна) 83, 126, 140, 143, 146–147, 354
- Преисподняя (см. также Дит, Орк, Тартар, Эреб) 172–175, 179, 188, 190–193, 207, 210–211, 214, 219, 222, 224–225
- Прелюбодеяние (см. также Сладострастие, Сластолюбие) 220, 226
- Привычка 163, 176
- Пример – см. Подражание
- Природа (см. также Аллегория) 8, 20, 35, 59, 64, 74, 96, 134–136, 139, 141, 143, 145, 147, 194, 215, 299, 322, 328–331, 353
- Бессмертная природа – см. Божественная природа
- Божественная природа (см. также Душа, Платонизм) 9, 168–169, 174, 181, 191, 193, 225, 229, 246
- Земная природа – см. Телесная природа
- Телесная природа (см. также Тело человека) 168–169, 174–175, 188, 190–191, 193, 195–196, 199, 201, 229, 246, 249
- Промысл (см. также Аллегория, Творец) 81, 83–84, 86–90, 92, 103, 106, 108, 117, 123
- Птицы (см. также Звери, Рыбы) 14, 19, 74, 76, 84, 95, 102–103, 106, 119, 124, 131, 202, 205, 225, 236–237, 241, 252, 269
- Ворон, ворона 102–103, 237
- Дикий петух – см. Петух
- Жаворонок 102, 237, 244
- Коршун 102, 225, 236
- Петух 102, 236–237
- Соловей – см. Филомела
- Филомела 102, 237, 243–244
- Радость (см. также Аффект, Чувство) 135, 141, 143–144, 203, 213, 223, 276, 290, 333
- Радуга (см. также Дождь) 44, 159
- Размножение (см. также Рождение человека, Соитие) 56–58, 107, 114, 257–258, 261, 263
- Разум (см. также Аллегория, Мудрость, Рассудок) 59, 63, 67–68, 135, 152, 167, 175–183, 186–189, 193, 199, 219–220, 222–223, 230, 245–246, 248, 260, 272–273, 294, 298, 309–311, 317, 326
- Разумение – см. Разум
- Разумный дух – см. Разум
- Рассудок (см. также Мудрость, Разум) 136, 146, 162, 172–173, 175–176, 179, 182–183, 184–185, 192–194, 196–198, 203, 207, 218, 226–228, 248, 255
- Реки (см. также Океан) 84, 107, 174, 188, 203–204, 206, 209
- Ренессанс, ренессансы 305, 309, 312, 314, 334, 373
- Речь (см. также Красноречие, Риторика) 137, 147, 153, 164, 171, 190, 197, 211–214, 216, 256, 270, 277
- Дурная речь 201, 223, 226
- Римляне 21, 137–138, 145, 150–151, 153, 178, 353
- Риторика (см. также Семь свободных искусств) 69, 92, 137, 143, 175, 180, 183, 210, 212, 214, 263–264, 270, 311–312, 319–320, 346, 352, 354, 374, 398
- Антифразис 238, 259
- Апокопа 278

- Афереза 260, 288
Гистерон протерон 188
Диарея 239, 289
Метаплазм 253
Протеза 288
Сентенция 197
Троп 231
Эмфаза 288
Эпексегесис 182
- Роды – см. Рождение человека
Рождение человека (см. также Размножение) 57, 80, 58, 158, 160–161, 175, 182, 257, 275, 288
Рыбы (см. также Звери, Птицы) 14, 19, 44, 74, 84, 95, 102, 107, 119, 124, 230, 237–238, 241, 253, 269
- Самоцветы – см. Драгоценные камни
Сангвиники (см. также Тело человека) 33–34, 58, 61, 69, 127
Сангвиническое – см. Сангвиники
Свобода воли (см. также Предопределение, Судьба, судьбы, Фортуна) 149, 232, 274, 367
Святые 8–9, 70–71, 293, 296–297, 305
Семенные причины 74–75, 78, 136, 169–170
Семь возрастов человека 157, 163–165, 169–170, 186, 212
Семь свободных искусств 137, 221, 264, 270, 300, 310, 347
 Квадривиум 69, 175–176, 180, 270, 300
 Тривиум 69, 175, 180, 210, 212, 214, 225, 264, 270, 300, 335
Семя – см. Семенные причины
Сивиллы 175–176, 178–184, 186, 189, 192–193, 199, 210–212, 222–223, 228
Сирены 101, 238, 268, 285
Скорбь 135, 192, 213, 223
Слава 137, 139–140, 143–146, 148, 150–151, 153, 190–191, 193–194, 202–203, 210, 222–223, 275–276
Смертность – см. Смерть
Смерть 56, 116, 119, 125–126, 133, 182, 191, 205, 248, 257, 275, 278
Снег – см. Дождь
Созвездия (см. также Зодиак) 23, 32, 35–36, 84, 92–94, 106, 108, 111, 115
 Галактика (см. также Млечный круг) 24, 93, 106, 109, 115
Созерцание 11, 108, 111, 114, 117, 179, 181–183, 185, 188, 217, 230, 246, 297
Соитие (см. также Размножение) 11, 56–57, 161
Сон 62, 199–200
Сотворение мира – см. Сотворение человека
Сотворение человека (см. также Творец) 8, 14, 18, 70–71, 111, 136, 149, 204, 229, 245–246, 256–257, 294, 298–299, 348, 354, 398–399, 418
Софизм – см. Софистика
Софистика 153, 253
Способность речи – см. Речь
Справедливость 119, 161, 172, 181, 278, 288

- Стигийский – см. Стикс
Стикс (см. также Ненависть) 144, 174, 188, 206, 214
Стихии – см. Элементы
Стоики – см. Стоицизм
Стоицизм (см. также Философия) 64, 182, 205, 348
Страсть – см. Влечение
Страх 213, 218–223, 226, 272
Стыдливость 92, 180–181, 230–231, 252, 254, 267, 270, 275, 280
Субстанция (см. также Материя, Форма) 9, 11, 14, 18, 27, 44, 56, 62–63, 66, 70–71, 79–82, 90, 92, 103, 105–108, 117, 123, 127–128, 132, 174, 186, 229
Судьба, судьбы (см. также Парки, Свобода воли, Фортуна) 135, 137–138, 140–141, 143–144, 147–149, 151, 178, 182, 184–186, 193, 216–217, 220, 222, 259, 264, 353, 367
 Лахесис (см. также указатель литературных и мифологических персонажей) 137, 141, 144, 149
- Тартар (см. также Дит, Орк, Преисподняя, Эреб) 115, 142, 222, 224, 227
Тварь (см. также Звери, Человек) 20, 66, 75, 101, 107, 116–118, 124, 173, 175, 188, 204, 208, 217, 224, 229, 248, 252, 257, 261, 288, 295, 297–290, 300
Твердость 172
Творения – см. Тварь
Творец (см. также Сотворение человека, Сотворение мира) 8, 10, 18–19, 27, 47, 66–67, 69–71, 75, 77–78, 83, 86, 91, 103–104, 116, 123, 127, 170, 172–173, 181, 191, 224, 229, 245, 247–248, 256–257, 293–295, 297–299, 301, 316, 332–333, 336, 354, 374
Тело человека 12–13, 20, 56, 58–59, 62, 65–68, 110, 160, 163, 165, 174, 177, 180, 184, 199–200, 204, 210, 218, 226, 229, 233, 245–247, 299, 321, 353
 Бесплодие 57
 Вены 60–61, 132
 Взаимодействие души и тела 65–68, 91, 105, 119, 121, 128, 152, 161, 163, 167–169, 174–175, 180, 191, 198, 210–212, 226, 245–246, 278
 Волосы 62–63, 183, 204, 279–282, 288–289
 Глаза 23, 63–64, 73, 160, 162, 169, 196, 200, 204, 219, 278
 Голова 62–63, 165, 180, 229, 247
 Желудок 59–60, 101, 268–269
 Желчь 13, 33–34, 60, 132, 177
 Жидкости 23, 60, 131–133, 170, 177, 200, 246
 Конечности 165, 180
 Кровь 33–34, 44, 57–58, 60–61, 63, 132–133, 152, 160, 177
 Матка 57–58, 61
 Месячные 57, 101
 Мозг 62–65, 67–68, 101, 128–133, 162, 170, 185, 228
 Моча – см. Мочевой пузырь
 Мочевой пузырь 60–61
 Нервы 58–59, 62–65, 126, 129, 132
 Очи – см. Глаза
 Печень 58–61, 128, 132–133, 247
 Пищеварение 59–60, 128

- Половые органы 180, 232, 247, 261
Почки 60–61, 101
Селезенка 60, 101, 132
Сердце 58, 60, 62–63, 128, 132, 165, 187, 211, 247, 273
Слизь 33, 49, 59–60, 68
Соки – см. Жидкости
Сперма мужская и женская 11, 56–58, 61
Утроба 57–58, 68, 269, 272–273, 278
Флегма 120, 177
Черная желчь – см. Желчь
Чресла 93, 133, 165, 247
- Теология (см. также Науки, Семь свободных искусств, Философия) 78, 181, 248, 346–347, 352
- Тиран 224–225
- Травы (см. также Болезни, Деревья, Природа) 32–33, 35, 55, 73, 76, 78, 84, 100–101, 107, 120–121, 124, 173–174, 188, 212, 239
- Троица (см. также Промысл, Творец) 9–10, 71, 255, 293, 295–296, 299, 315, 320, 346
- Удовольствие – см. Наслаждение
- Украшения – см. Красота
- Ум – см. Разум
- Усиархи (см. также Гений, гении, Планета, планеты) 109, 112–113
- Устройство города – см. Город
- Ученичество, ученики (см. также Школа, школы) 52, 66, 68, 131, 178, 184, 193, 197–198, 205, 213, 225, 248, 301, 305–306, 311–313, 319, 335–336, 345
- Учительство (см. также Школа, школы) 68, 70, 178, 180, 182, 186, 193, 197, 205, 208, 212–213, 228, 248, 261, 263, 294, 300–301, 305, 334, 345–346, 373
Ложные учителя 7, 20–21, 42, 52, 66
- Учителя – см. Учительство
- Фантасмы** 198, 215
- Феникс 102, 236
- Физика (см. также Науки, Семь свободных искусств) 12–14, 35, 44, 46–47, 57, 59, 63, 70–61, 74–75, 78, 178, 181–182, 192, 298–299, 315–316, 332, 335–336, 348, 418
- Физики – см. Физика
- Философия (см. также Аристотелизм, Пифагорейцы, Платонизм, Стоицизм, Эпикурейство) 7, 12, 23, 31, 50, 52–53, 69, 72, 77–79, 81, 90, 136, 156, 158, 174, 176–183, 185, 187, 192–193, 195, 199, 201, 204–205, 214, 218–219, 225, 227–228, 255, 275, 293–294, 298–300, 310, 314, 316, 320, 323, 325, 335, 347–348, 418
- Философы – см. Философия
- Флегетон 113, 174, 188, 223
- Флегматики (см. также Тело человека) 20, 32–34, 58, 61
- Флегматическое – см. Флегматики
- Форма (см. также Аристотелизм, Материя) 9, 14, 71, 76–82, 86–88, 104, 106–110, 116, 119, 121, 127, 245, 250, 257

Фортуна (см. также Судьба, судьбы и указатель литературных и мифологических персонажей) 87, 110, 134, 143–144, 146, 148, 194, 197, 206, 222–223, 225, 227, 275, 283, 287, 367

Колесо Фортуны 148, 227

Фригийцы 184, 221

Фригиянки – см. Фригийцы

Халдеи 29–30, 131, 146, 210

Хаос (см. также Космос) 17–18, 86, 88, 107, 122, 133, 115, 144, 354

Хирургия (см. также Греко-арабская медицина, Науки) 17

Хищность 202

Холерики (см. также Тело человека) 20, 32–33, 58, 61, 127

Холерическое – см. Холерики

Христиане 78, 308–310, 316, 329, 333, 354, 373

Цветы 239–240, 242–243, 253, 266, 269, 280

Цистерцианцы 319–320, 346, 353, 397, 417–418

Человек (см. также Тело человека) 7–13, 15, 17–20, 28, 31, 33, 56–61, 63–69, 74, 82, 84, 90, 97, 108, 110–111, 116–117, 121–125, 127–130, 133, 158, 160–161, 169, 173, 177, 188, 191, 193, 196, 199, 203, 211, 219, 221, 224, 229–230, 246–249, 252, 256–257, 267, 282–283, 335–336, 348, 354, 373, 398–399

Человеческая природа – см. Человек

Честность 167, 260, 278, 283

Число, числа (см. также Пифагорейство) 80–82, 86, 89–90, 107, 135, 137, 165, 300, 346

Чувство, чувства (см. также Аффект) 7–8, 12–13, 59, 62, 65, 73, 128–132, 136, 162, 165, 172, 180, 183, 190, 197, 199–200, 212, 218–219, 222, 245

Чувственность (см. также Сладострастие, Сластолюбие) 229–230, 238, 246, 268, 271

Школа, школы 306–307, 346, 352, 373, 417

Викторинская школа 347, 398

Магистры 296, 300, 306–307, 310, 312–313, 316, 322, 328, 332, 417–418, 421

Шартрская школа 305–309, 312, 318–319, 322, 327–328, 346, 355, 397, 399

Школяры 52, 305–306, 308, 313, 316, 320, 330, 334, 346

Школа переводчиков в Толедо 335, 418

Эвмениды 199

Эклиптика 36, 39

Эдем (см. также Апланон, Элизий) 174

Экзегеза (см. также Авторитет, Писание) 318, 326, 347

Элементы 8, 12–19, 22, 26, 43, 52, 55, 59, 70–78, 84, 86–90, 103–104, 106–107, 109, 116, 118–123, 125–127, 129, 132, 137, 149, 158, 161, 177, 185, 224, 241–242, 246, 348

Вода (см. также Океаны, Реки) 13–14, 16–23, 27, 32–33, 37, 42–45, 47, 49–50, 52, 55, 72–78, 87, 89, 91, 97, 102, 106, 127, 129, 131, 158, 168, 177, 185, 197–198, 230

Влага, влаги 13–14, 19, 21, 27–28, 32, 34, 43–51, 56, 58–59, 61, 68, 74, 76, 78, 87, 89, 91, 94, 107, 120, 125, 131–132, 158, 160–161, 170, 186, 197–198, 200, 204

- Воздух 11, 13–14, 16–19, 23–25, 27, 33, 42–53, 55, 62, 64–65, 71–77, 87, 89–91, 95, 103, 105–106, 114, 116–119, 127–128, 158–160, 177, 185, 197–199, 236, 241, 250, 348
- Земля (см. также Планета, планеты) 13–23, 27, 32–35, 43, 45–47, 52, 70–78, 84, 87, 89–91, 95, 102–103, 106–107, 110, 116, 119, 127–129, 152, 158, 177, 185, 206, 209–210, 224
- Землетрясение 159–160
- Огонь (см. также Эфир) 13–20, 22–23, 26–27, 33, 42–46, 47, 51–52, 66, 72–77, 87, 89–91, 103, 105, 109, 115–117, 119–120, 122, 125, 127, 129, 132, 152, 158, 160–161, 169, 177, 185–186, 191, 193, 198–200, 211, 348
- Свойства воздуха – см. Воздух
- Состояние воздуха – см. Воздух
- Элизий (см. также Апланон, Эдем) 114, 144, 152, 222, 228
- Элисийские поля – см. Элизий
- Эпикурейство (см. также Философия) 185, 203, 205, 207–208, 217, 255
- Эреб (см. также Дит, Орк, Преисподняя, Тартар) 193
- Эфир (см. также Элементы) 11, 22, 24–26, 32, 42–43, 46, 72, 91, 94–95, 103, 105, 107–112, 114–117, 120, 122, 128, 193, 222, 257
- Эфирная область – см. Эфир
- Яблоко раздора** 185, 192

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аверн 189, 196, 205
Авзония (совр. Италия) 137, 153, 208
Агавн (совр. Сен-Морис д'Огон) 97
Аганипп 96
Азия 54, 165, 210
Академова роща 99
Альба 149
Альбула (совр. Тибр) 149
Альпы 96
Альфей 97
Антандр 165–166
Аонийский лес 99
Апеннины 96
Аракинф 96
Арденны 100
Аретуза 97
Арицийская роща 99
Аркт, арктический край 96, 179, 207
Арморика 100–101
Атлантический океан 48
Атлас 46–48, 95
Афины 153, 179
Афон 95
Африка 47, 54, 138, 150, 210
- Бретань** 345
Британия, Англия 48, 334
Бургундия 397
- Вавилон** 97, 163
Васт (совр. Гатинэ) 100
Велия 209
- Гарган** (совр. Монте-Гаргано) 96
Герм (совр. Гедиз) 151
Греция 114, 153, 184
Гринийская роща 99
- Дамаск** 97
Дардания (Троя) 184, 217
Делос 165, 167
Дрепан 169
- Европа** 54, 210
Евфрат 97
Египет 93, 112
- Иберия** 151
Ида 99, 166, 217
Иерусалим 47
Индийское море 48
Индия 100, 151
Иордан 97
Италия 96, 100, 167–168, 172, 184–185, 208
- Кавказ** 96
Кальпа (совр. Гибралтар) 47
Капитолий 140, 149
Карфаген 137–138, 150, 157, 162
Каспийское море 207
Кифера 95
Клерво 293, 322
Клюни 346, 417
Конш 334
Крит 155, 165, 167–168, 179, 223
Кумы 176
- Лавиниум** 187
Лаций 138, 147, 150–151, 153, 185
Ливан 95
Ливия 54, 155
Лигурия 97, 100
Липари 96
Луара 97, 102
- Монтекассино** 335
- Нил** 54, 97
Нормандия 312, 316, 334
- Олимп** 95, 224
Омон 420
Оса 96
Офрис 96
- Пактол** 151
Палатин 144
Париж 328, 334, 345, 397
Парнас 95
Пелион 96
Пелор 96
Пергам 221

- Пиерийский лес 99
Пинд 96
По 97
Пуату 100
Пуатье 322, 418
- Реймс** 322
Ретейский берег 219
Рим 92, 97, 134–140, 144–146, 153–154, 353, 367
Рифейские горы 96
Родопы 96
Рона 97
- Салерно** 335
Санс 418
Северная Франция 307, 353, 420
Сена 97
Сигей 161
Сигейское поле (Троя) 97
Силоам 97
Симоент 97
Синай 95
Сирты (совр. Сидра и Габес) 184
Сито 397, 417–418
Сицилия (Тринакрия) 96–97, 155, 353
Средиземное море 47, 54, 106
Стримон (совр. Стурма) 102
Строфады 165, 168
- Танаис** 54
Теребинт 96
Тибр 97
Тигр 97
Тир 151
Толедо 335, 353, 418
Троя 155, 164, 166, 184–185, 187, 217–220
Труа 420
Тур 97, 321, 352–353
Турень 100
- Флегра** (совр. Кассандра) 144
Фолоя 96
Фракия 165–167, 190
Фригия 151
- Шартр** 301, 305, 307–308, 312–313, 316, 326–327, 331–332, 334, 345–347, 353, 418
- Эвбея** 176, 181
Элида 224–225
Эолида, Эолия 49, 193
Эридан 97
Эрикс (совр. Сан-Джулиано) 95
Этна 168–169
Эфиопия 54
- Южная Италия** 335

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Альбом

Вид на Шартр с северо-западной башни Шартрского собора*

Собор Нотр-Дам в Шартре

Христос во славе, символы Евангелистов, апостолы, Илия и Енох, ветхозаветные праотцы и двадцать четыре старца Апокалипсиса. Тимпан центрального портала западного фасада Шартрского собора. Около 1145 – около 1150 гг.

Ветхозаветные фигуры. Откос центрального портала западного фасада Шартрского собора. Около 1145 – около 1150 гг.

Моисей. Фигура откоса северного портала Шартрского собора. Около 1210 г.

Персонификации Музыки и Грамматики. Архивольт южного портала западного фасада Шартрского собора. Около 1145 – около 1150 гг.

Персонификации Свободных искусств. Архивольт тимпана южного портала западного фасада Шартрского собора. Около 1145 – около 1150 гг.

Христос в окружении двадцати четырех старцев Апокалипсиса (роза), Дева Мария в окружении пророков, несущих на плечах евангелистов. Витраж, подаренный графами Дрё. Южный трансепт Шартрского собора. 1217–1225 гг.

Отплытие св. Иоанна Евангелиста на Патмос. Фрагмент витража южной стены хора Шартрского собора. Около 1205 г.

Плакида Евстафий на охоте. Фрагмент витража «Святой Евстафий» северного нефа Шартрского собора. Начало XIII в.

Зодиак и годовые труды. Январь и Февраль. Фрагмент витража южной стены хора Шартрского собора. Начало XIII в.

Сотворение Евы. Левый пилястр фасада кафедрального собора в Орвьето, Умбрия. 1300–1320 гг.

Зодиакальный цикл. Солнце в созвездии Близнецов. Фрагмент напольной мозаики в обходной галерее хора церкви Сен-Филибер в Турню. Конец XII в. (открыты в 2000 г.)

Персонификации созвездий Льва и Овна. Барельеф из церкви Сен-Сернен в Тулузе. Первая четверть XII в. Музей Августинцев. Тулуза

«В начале сотворил Бог небо и землю». Первая сцена из цикла Сотворения мира. Мозаика южной стены кафедрального собора в Монреале, Сицилия. 1180-е годы

*Все фотографии сделаны О.С. Воскобойниковым.

Вергилий со свитком «Энеиды» в руке в окружении муз Клио и Мельпомены. Мозаика из Гадрумета. III в. н.э. Музей Бардо. Тунис

Вергилий. Около 1215 г. Розовый веронский мрамор. Городской музей. Мантуя

Фронтиспис Евангелия от Иоанна, дающий космологическое прочтение первых строк: «В начале было Слово». Бог в окружении двух серафимов и других ангельских чинов восседает на сфере, обрамленной четырьмя стихиями. Две сцены, изображающие язычников, поклоняющихся идолу, и христиан, принимающих крещение, символизируют историю Спасения человечества. Фрагмент миниатюры из Евангелиария. Вторая четверть XI в. Бамберг. Национальная библиотека. Рук. Bibl. 94. Л. 154 об.

Сотворение мира. Фронтиспис «Гомилий на Шестоднев» св. Амвросия Миланского. Миниатюра из рукописи, созданной для премонстрантского монастыря Вайсенуа в Германии. XII в. Амьен. Городская библиотека. Рук. L'Escalopier 30. Л. 10 об.

Геоцентрическая система мира. Земля, семь планетных сфер и персонификации планет. Фрагмент миниатюры из сборника астрономических текстов. Бургундская рукопись. Середина XI в. Дижон. Городская библиотека. Рук. 448. Л. 63 об.

«Душа мира». Фрагмент миниатюры к трактату «Ключ к физике» Гонория Августодунского. Вторая половина XII в. Париж. Национальная библиотека Франции. Рук. BnF lat. 6734. Л. 2 об.

Христианско-платоническая картина мира. Верхний, первый регистр, «изначальных причин»: Благо в окружении Правосудия, Добродетели, Разума, Истины, Сущности, Жизни и Мудрости. Второй регистр, «воздействий причин»: Время, Бесформенная материя, Место. Третий регистр, «природа тварная, не творящая»: четыре стихии. Четвертый регистр, «цель»: Бог. Фрагмент миниатюры к трактату «Ключ к физике» Гонория Августодунского. Вторая половина XII в. Париж. Национальная библиотека Франции. Рук. BnF lat. 6734. Л. 3 об.

Космологическая схема, объединяющая стихии, их качества, времена года и комплекции человеческого тела. В середине надпись «Мир, год, человек». Фрагмент миниатюры из рукописи сочинения Исихора Севильского «О природе вещей», созданной в цистерцианском монастыре Залем в Германии. Конец XII в. Гейдельберг. Университетская библиотека. Рук. Salem IX. 39. Л. 26 об.

Знаки Зодиака в соотношении с частями человеческого тела. Одно из ранних изображений так называемой мелотезии. Фрагмент миниатюры из сборника медицинских текстов из Центральной Италии. Вторая половина XII в. Париж. Национальная библиотека Франции. Рук. lat. 7028. Л. 154

Концентрическая схема четырех стихий и «квинтэссенции» – семи планетных сфер и звездной тверди. Фрагмент миниатюры из рукописи «Драгматикон» Гильома Коншского, созданной в цистерцианском монастыре Понтињи в Бургундии. 1170-е годы. Монпелье. Межуниверситетская библиотека. Рук. H 145. Л. 15

Схема наук. В нижнем регистре «поэты-чародеи». Геррада Ландсбергская. «Сад наслаждений». Реконструкция рукописи конца XII в. по калькам XIX в. *Herrad of Hohenbourg. Hortus deliciarum* / Ed. R. Green et alii. 2 vol. London; Leiden, 1979. Fol. 32 г. Ил. 18

Схема пяти климатических зон. Фрагмент миниатюры из французской рукописи «Драгматикон» Гильома Коншского. 1277 г. Париж. Библиотека св. Женевьевы. Рук. 2200. Л. 34 об.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гильом Кониский. Философия (Перевод О.С. Воскобойникова)</i>	7
<i>Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения (Перевод О.С. Воскобойникова, П.В. Соколова)</i>	70
<i>Бернард Сильвестр. Космография (Перевод О.С. Воскобойникова)</i>	84
<i>Бернард Сильвестр. Астролог (Перевод Р.Л. Шмаракова)</i>	134
<i>Бернард Сильвестр. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды» Вергилия (Перевод Р.Л. Шмаракова)</i>	155
<i>Алан Лилльский. Плач Природы (Перевод Р.Л. Шмаракова)</i>	229

ДОПОЛНЕНИЯ

<i>Гильом из Сен-Тьерри. Заблуждения Гильома Коншского (Перевод О.С. Воскобойникова)</i>	293
<i>Эпитафия Теодориха Шартрского (Перевод П.В. Соколова)</i>	300

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>О.С. Воскобойников. Шартрская школа: Авторы, тексты, проблемы</i>	305
<i>Примечания (Составили О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмараков, П.С. Соколов)</i>	334
<i>Литература</i>	422
<i>Указатель исторических персонажей (Составили А.М. Изосимов, Г.Г. Бароян)</i>	430
<i>Указатель литературных и мифологических персонажей (Составили А.М. Изосимов, Г.Г. Бароян)</i>	433
<i>Предметный указатель (Составили А.М. Изосимов, Г.Г. Бароян)</i>	437
<i>Указатель географических названий (Составили А.М. Изосимов, Г.Г. Бароян)</i>	453
<i>Список иллюстраций</i>	455

Шартрская школа: *Гильом Коншский*. Философия ; *Теодорих Шартрский*. Трактат о шести днях творения ; *Бернард Сильвестр*. Космография, Астролог, Комментарий на первые шесть книг «Энеиды» ; *Алан Лилльский*. Плач Природы / Подгот. О.С. Воскобойников ; пер. О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмараков, П.В. Соколов ; [отв. ред. М.Ю. Реутин]. – М. : Наука, 2018. – 457 с. – (Литературные памятники). – ISBN 978-5-02-040000-9 (в пер.)

«Шартрская школа» – словосочетание, хорошо известное в истории философии и литературы, фактически синоним «Ренессанса XII века». Это не институт, а скорее несколько поколений интеллектуалов, объединенных общими литературно-философскими интересами, литературное братство. Единство стиля мышления, основанное во многом на общих литературных интересах и общей поэтике, указывает на то, что важнейшие тексты Шартра следует представить вместе, под принятым в истории культуры наименованием «Шартрская школа», даже если формально каждый текст представляет собой отдельный памятник. Авторы, выбранные для настоящего издания, принадлежат к числу лучших латинистов, классиков литературы своего времени и одновременно новаторов в области философии. Тексты переведены с латыни по последним критическим изданиям. На русском языке некоторые из них выходили фрагментарно, за исключением «Трактата о шести днях творения», исправленного для данного издания. Комментарий учитывает современное состояние знаний о Шартрской школе, философии и литературе XII в. в целом. В подготовке издания принимали участие медиевисты Воскобойников Олег Сергеевич, кандидат исторических наук, доктор Высшей школы социальных наук (Париж), профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ, ординарный профессор Высшей школы экономики; Шмараков Роман Львович, доктор филологических наук, доцент кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики НИУ ВШЭ (петербургский кампус); Соколов Павел Валерьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, доцент Школы философии НИУ ВШЭ.

Для широкого круга читателей.

Научное издание

ШАРТРСКАЯ ШКОЛА

Гильом Коншский

Философия

•

Теодорих Шартрский

Трактат о шести днях творения

•

Бернард Сильвестр

Космография

•

Астролог

•

Комментарий

на первые шесть книг «Энеиды»

•

Алан Лилльский

План Природы

Редактор *Н.Д. Александрова*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Корректоры *Т.И. Шеповалова, А.Б. Васильев,*

Е.Л. Сысоева

Подписано к печати 05.12.2017
Формат 70 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 33,9 + 1,8 вкл. Уч.-изд.л. 27,0
Тип. зак.

ФГУП Издательство «Наука»
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099 Москва, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»
ВЫШЛИ В СВЕТ:

АХМАД ФАРИС АШ-ШИДЙАК

ШАГ ЗА ШАГОМ ВСЛЕД
ЗА АЛ-ФАРЙАКОМ

Изд. подгот. В.Н. Кирпиченко,
А.Б. Куделин; отв. ред. А.Б. Куделин.
408 с. — ISBN 978-5-02-039973-0 (в пер.)

Прозаик, поэт, лингвист, переводчик, журналист, издатель, один из зачинателей современного арабского романа Ахмад Фарис аш-Шидйак (ок. 1804–1887) принадлежит к поколению литераторов-просветителей, писавших на арабском языке в середине XIX в. Всюду, где он жил – Ливан, Египет, Мальта, Тунис, Англия, Франция, Турция, – аш-Шидйак проявлял не только выдающийся талант и энциклопедическую широту познаний, но и неумный темперамент и граничащую с дерзостью, а порой и с неприличием, смелость в высказываниях, что нашло отражение и в его книге «Шаг за шагом вслед за ал-Фарйаком» (1855 г.), в которой переплелись традиции восточной и европейской литератур. Во Вступлении автор провозглашает две главные цели, преследуемые им при написании книги: во-первых, познакомить читателя с диковинками (*gará'иб*) и редкостными оборотами (*навáдир*) арабского языка; во-вторых, воспеть женщин, показать все их достоинства и недостатки. Роман в переводе на русский язык публикуется впервые.

Для широкого круга читателей.

КЕЛЕМЕН МИКЕШ ТУРЕЦКИЕ ПИСЬМА

Отв. ред. Ю.П. Гусев.
611 с. — ISBN 978-5-02-039987-7

Эпистолярный роман венгерского писателя К. Микеша в форме писем фиктивному адресату («кузине») создавался в период с 1717 по 1758 г., когда автор находился в изгнании в Турции вместе с князем Ференцем II Ракоци после поражения Венгрии в национально-освободительной войне 1703–1711 гг. Роман несет отпечаток влияния французской эпистолярной литературы XVII–XVIII вв., что сказывается и в общей тональности писем, и в стремлении автора отражать исторические перипетии эпохи, включать в письма этнографические и культурологические сведения о стране проживания. Тем не менее это вполне самостоятельное, самобытное произведение, основанное на традициях венгерской духовности.

Для широкого круга читателей.

СТИВЕНС УОЛЛЕС

ФИСГАРМОНИЯ

Изд. подгот. Г.М. Кружков, Т.Д. Венедиктова,
А.В. Швец; пер. Г.М. Кружков, Л.В. Оборин;
отв. ред. Н.М. Венедиктова.
23 л. – ISBN 978-5-02-040001-6

Уоллес Стивенс (1879–1955) – один из крупнейших американских поэтов XX в. Дебютный сборник «Фисгармония» (*Harmonium*) поэт опубликовал лишь в 1923 г. в возрасте 43 лет. В этой книге соединились философичность и чувственность, романтический культ воображения и декадентский излом, импрессионизм и острое наслаждение звучанием слова. Мгновенной славы автор не удостоился: Стивенса оценили лишь немногие близкие по духу поэты (например, Марианна Мур, Уильям Карлос Уильямс), большинству критиков язык поэта показался слишком «темным», «нарочито эксцентрическим». Признание, престижные литературные премии, статус любимого поэта интеллектуальной элиты придут к Стивенсу спустя двадцать с лишним лет. В предлагаемом издании сборник «Фисгармония» (в расширенном варианте 1931 г.) впервые публикуется на русском языке полностью.

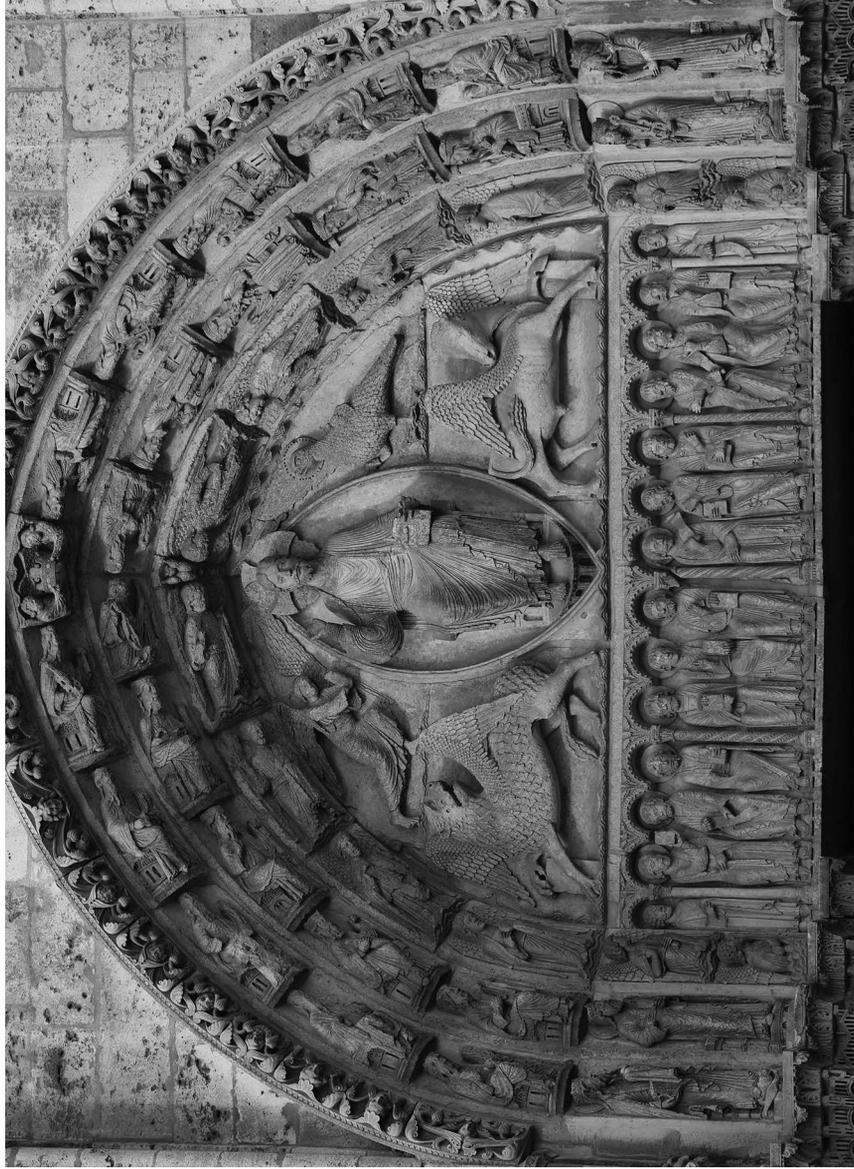
Для широкого круга читателей.

Вид на Шартр с северо-западной башни Шартрского собора

Собор Нотр-Дам в Шартре

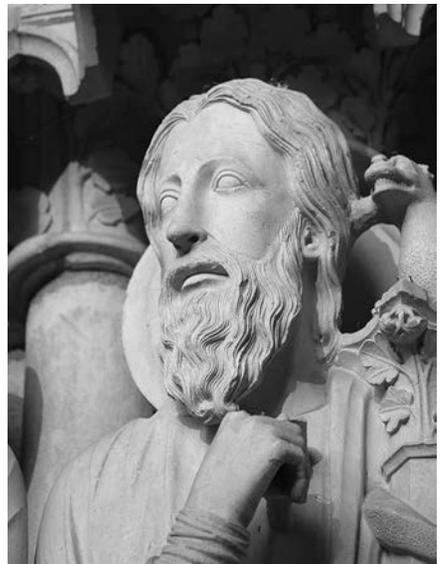

Христос во славе, символы евангелистов, апостолы, пророки Илия и Енох, ветхозаветные праотцы и двадцать четыре старца Апокалипсиса.

Тимпан центрального портала западного фасада Шартрского собора. Около 1145 – около 1150 г.

*Ветхозаветные фигуры.
Откос центрального портала
западного фасада Шартрского собора.
Около 1145 – около 1150 г.*

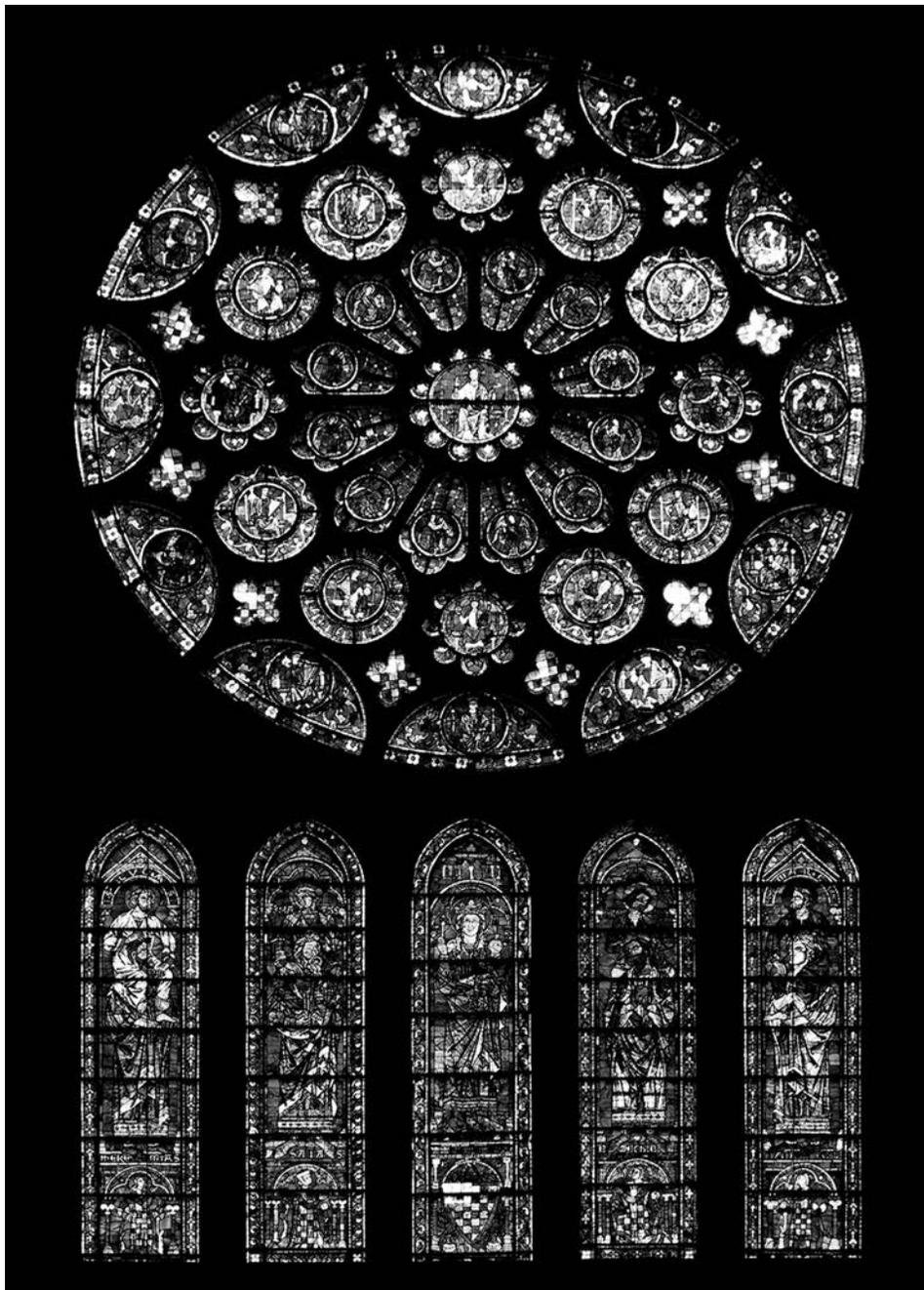
*Моисей. Фигура откоса северного портала
Шартрского собора. Около 1210 г.*

*Персонафикации Музыки и Грамматики.
Архивольт южного портала западного фасада Шартрского собора.
Около 1145 – около 1150 г.*

*Персонафикации Свободных искусств.
Архивольт тимпана южного портала западного фасада Шартрского собора.
Около 1145 – около 1150 г.*

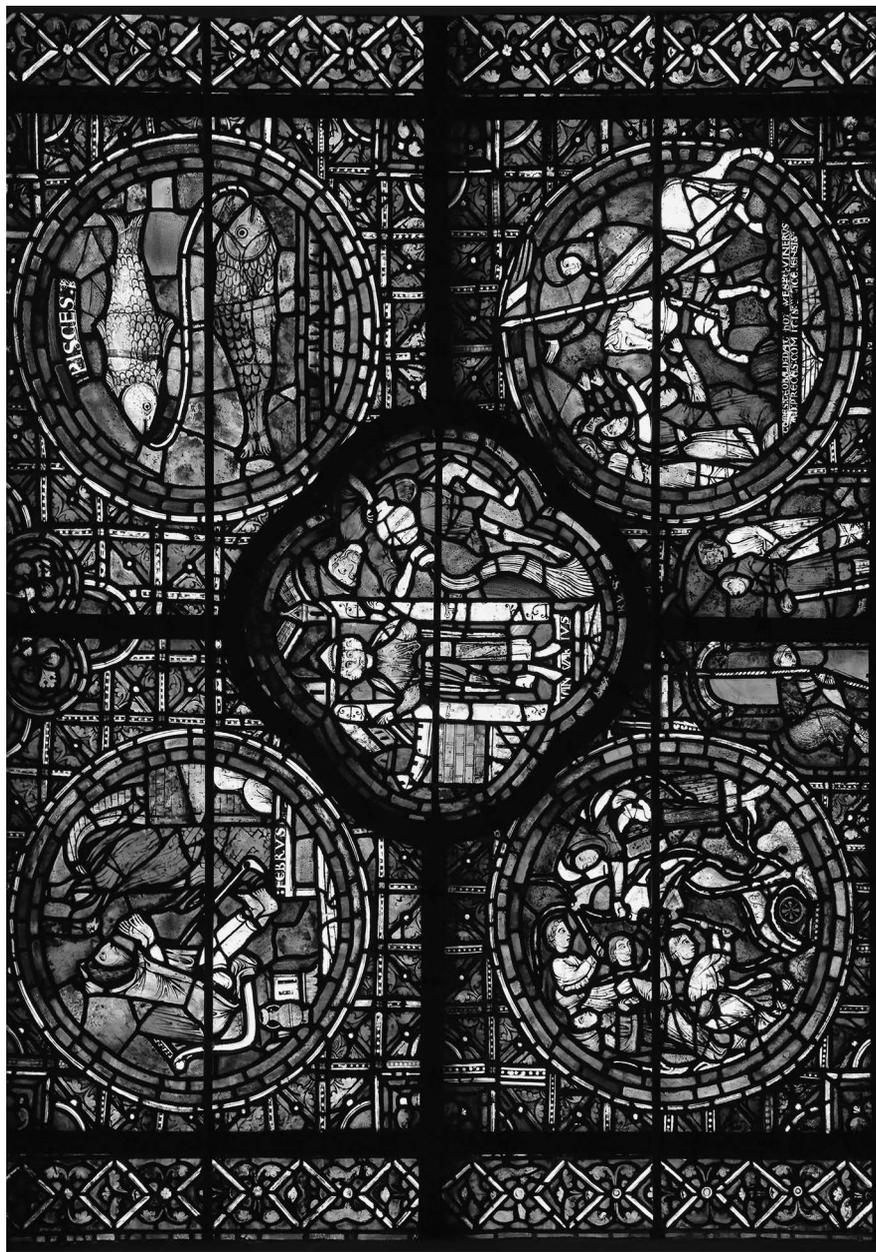
*Христос в окружении двадцати четырех старцев Апокалипсиса (роза),
Дева Мария в окружении пророков, несущих на плечах евангелистов.
Витраж южного трансепта Шартрского собора. 1217–1225 гг.*

*Отплытие св. Иоанна Евангелиста на Патмос.
Фрагмент витража южной стены хора Шартрского собора. Около 1205 г.*

*Плакида Евстафий на охоте.
Фрагмент витража
«Святой Евстафий» северного нефа
Шартрского собора. Начало XIII в.*

*Зодиак и годовые труды. Январь и Февраль.
Фрагмент витража южной стены хора Шартрского собора.
Начало XIII в.*

Сотворение Евы. Левый пилястр фасада кафедрального собора в Орвьето. Умбрия. 1300–1320 гг.

*Зодиакальный цикл. Солнце в созвездии Близнецов.
Фрагмент напольной мозаики в обходной галерее хора церкви Сен-Филибер в Турню.
Конец XII в.*

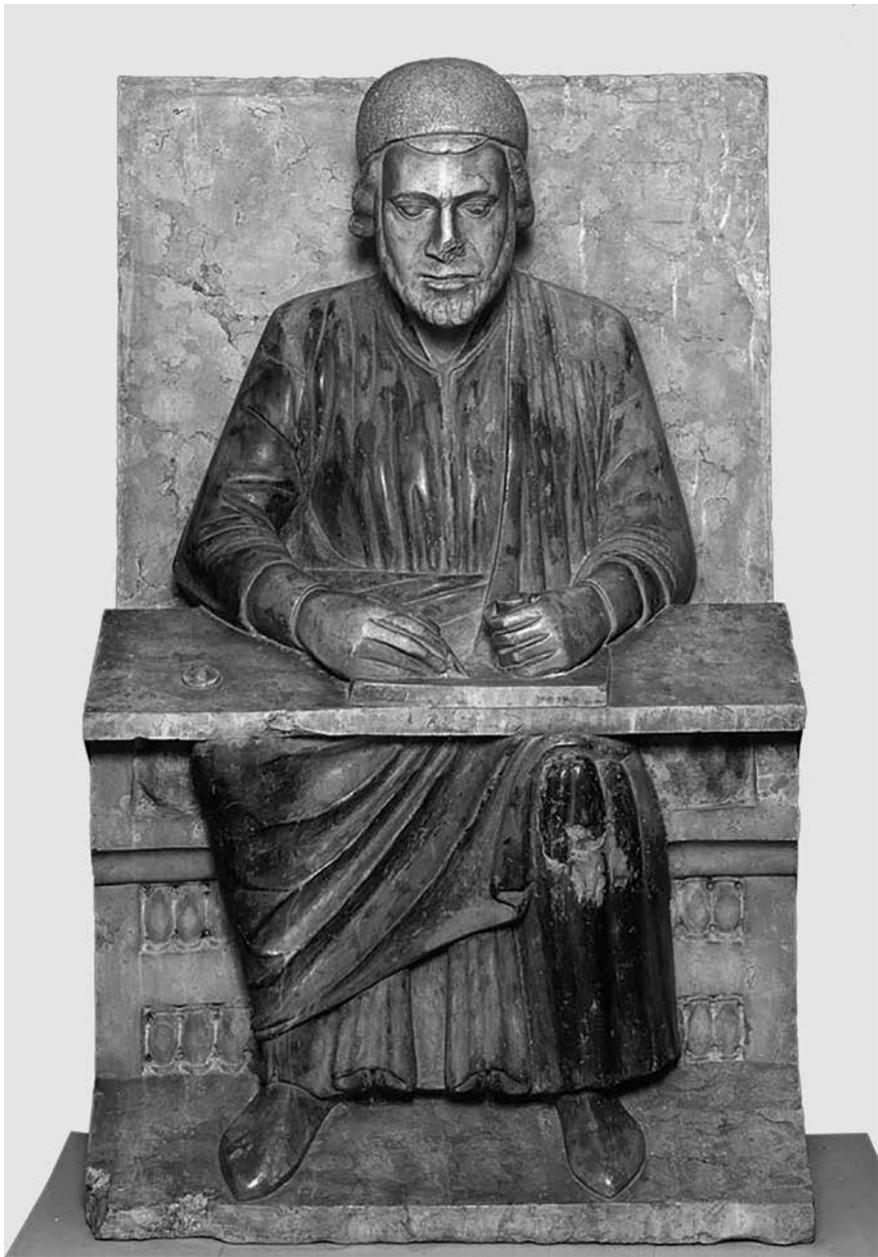
*Персонификации созвездий Льва и Овна. Барельеф из церкви Сен-Сернен в Тулузе.
Первая четверть XII в. Музей Августинов. Тулуза*

«В начале сотворил Бог небо и землю». Первая сцена из цикла Сотворения мира. Мозаика южной стены кафедрального собора в Монреале. Сицилия. 1180-е годы

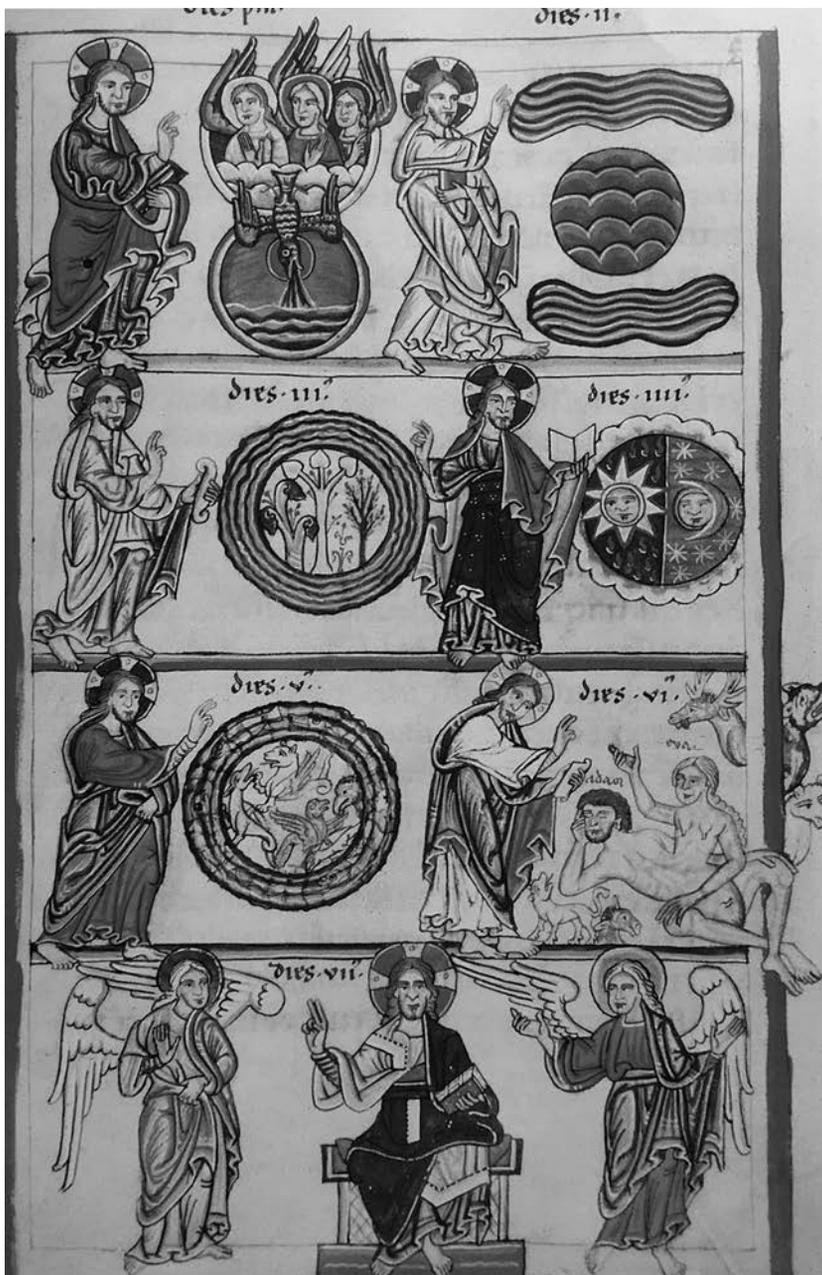
*Вергилий со свитком «Энеиды» в руке в окружении муз Клио и Мельпомены.
Мозаика из Гадрумета. III в. н.э. Музей Бардо. Тунис*

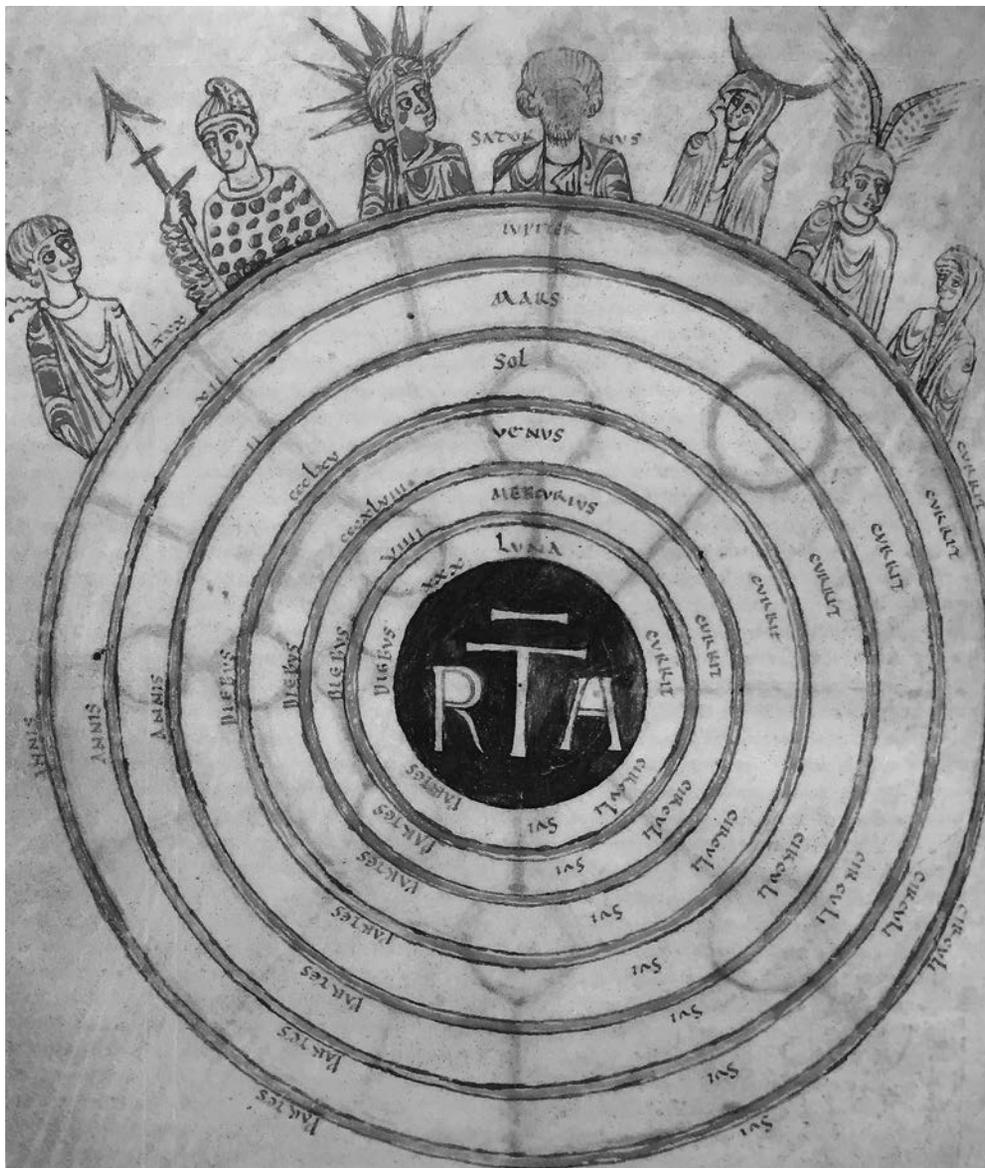
Вергилий. Около 1215 г. Розовый веронский мрамор. Городской музей. Мантуя

Фронтиспис Евангелия от Иоанна, дающий космологическое прочтение первых строк: «В начале было Слово». Фрагмент миниатюры из Евангелиария. Вторая четверть XI в. Бамберг. Национальная библиотека

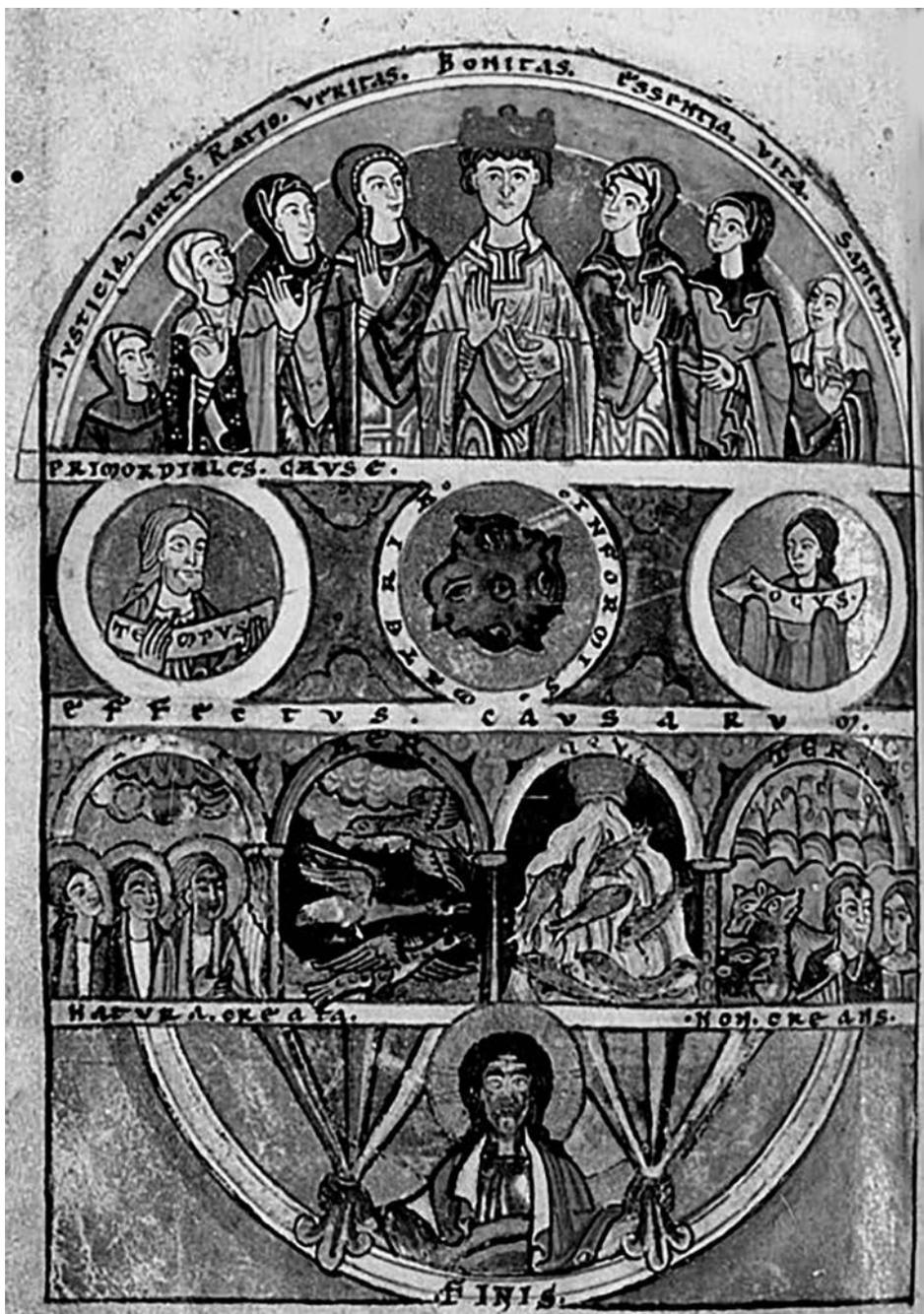
Сотворение мира. Фронтиспис «Гомилій на Шестоднев» св. Амвросія Миланскаго.
Миниатюра из рукописи. XII в. Амьен. Городская библиотека

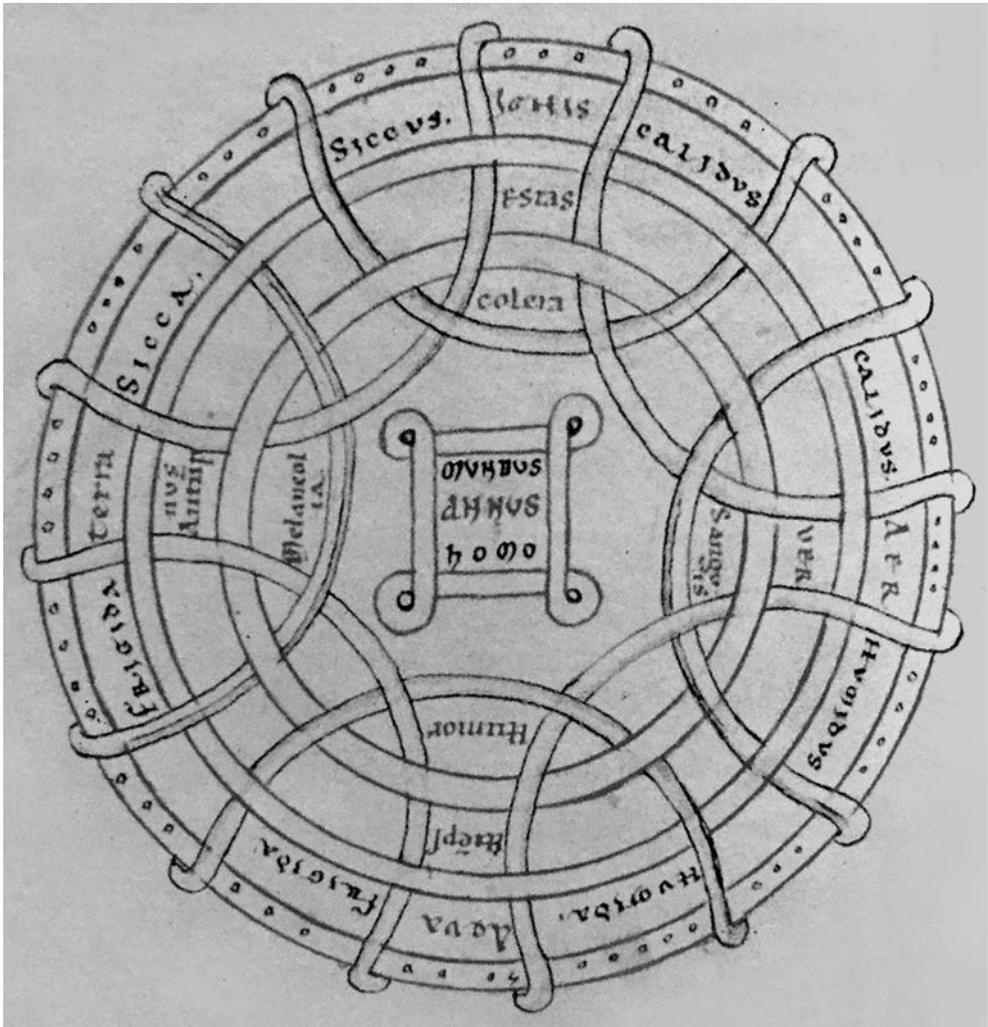
Геоцентрическая система мира. Фрагмент миниатюры из сборника астрономических текстов. Бургундская рукопись. Середина XI в. Дижон. Городская библиотека

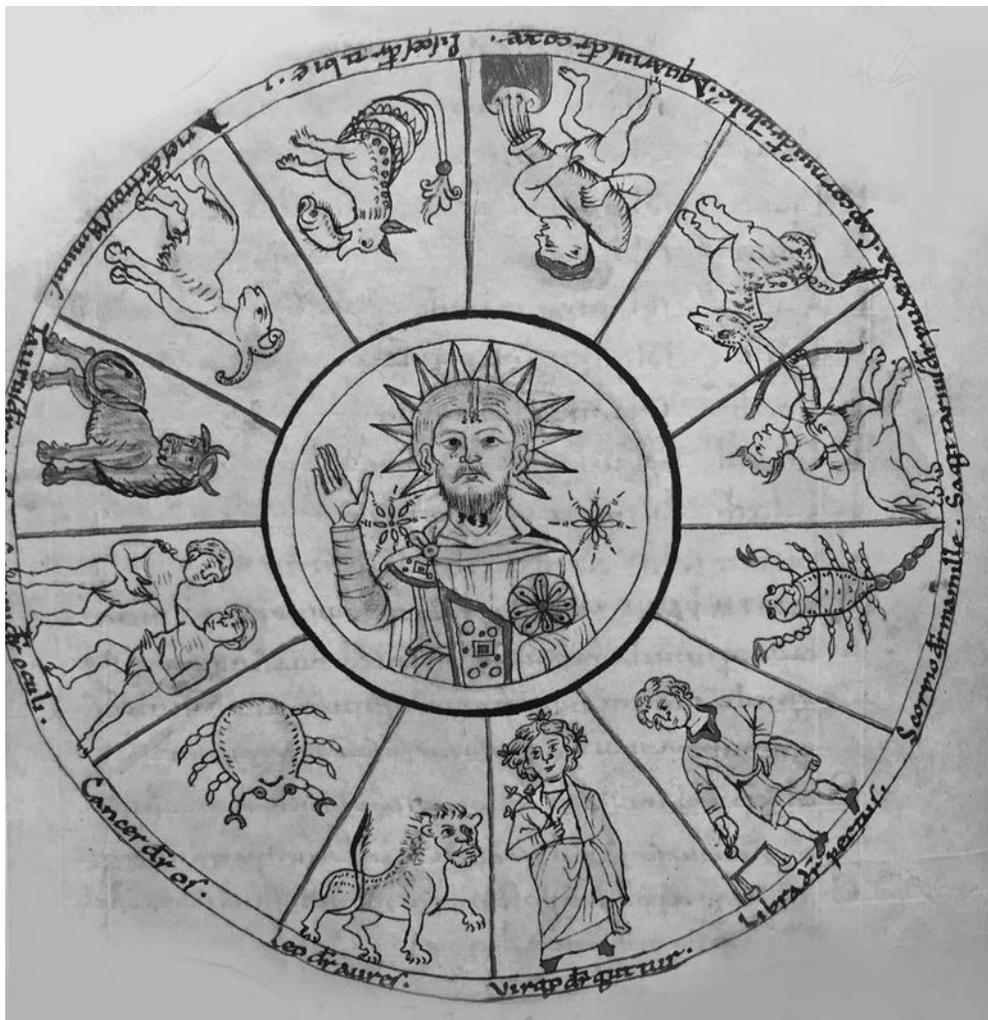
«Душа мира». Фрагмент миниатюры к трактату «Ключ к физике» Гонория Августодунского. Вторая половина XII в. Париж. Национальная библиотека Франции

Христианско-платоническая картина мира. Фрагмент миниатюры к трактату «Ключ к физике» Гонория Августодунского. Вторая половина XII в. Париж. Национальная библиотека Франции

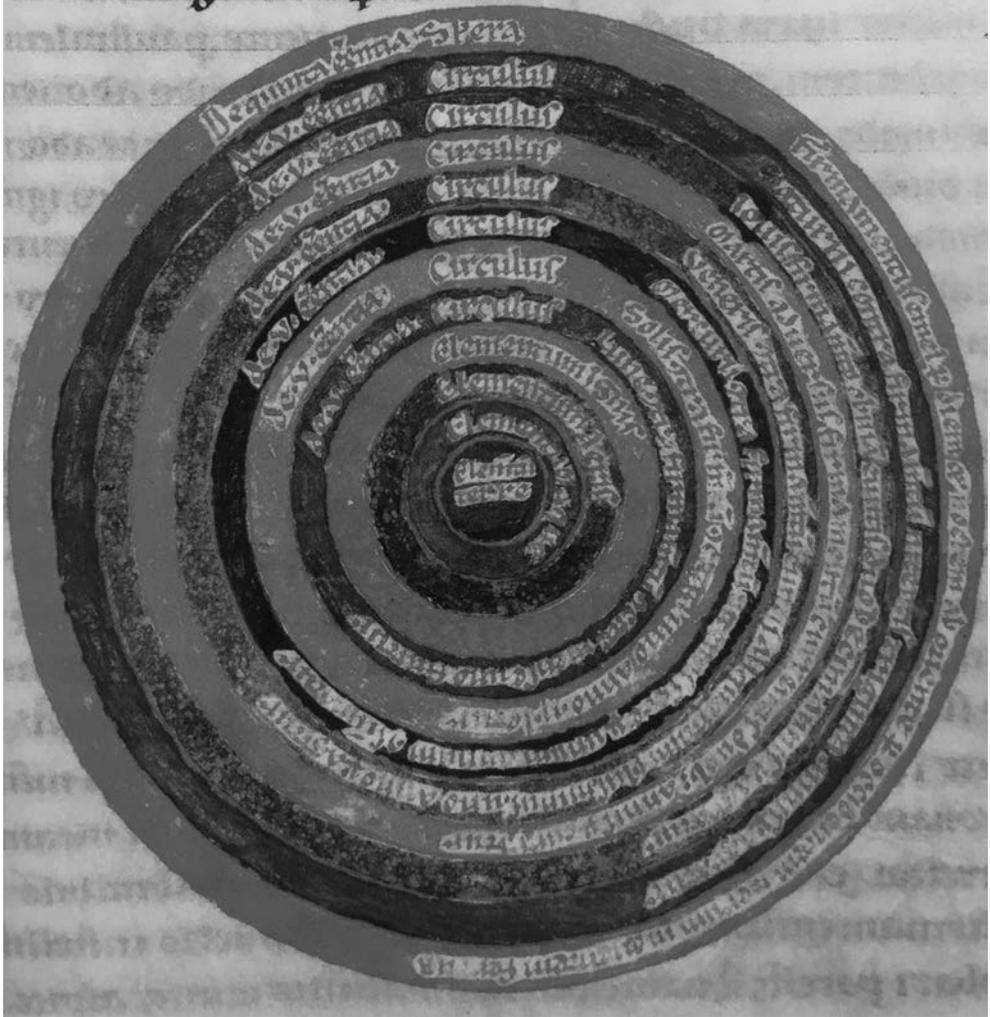

Космологическая схема, объединяющая стихии, их качества, времена года и комплекции человеческого тела. Фрагмент миниатюры из рукописи сочинения Исихора Севильского «О природе вещей». Конец XII в.
Гейдельберг. Университетская библиотека

Знаки Зодиака в соотношении с частями человеческого тела.
Фрагмент миниатюры из сборника медицинских текстов из
Центральной Италии. Вторая половина XII в.
Париж. Национальная библиотека Франции

humida. Qui hanc sententiam immo dementia tenere uol-
test fingat. Hoc igitur pretermittentes aliud dicamus. in-
uisibilem figuram sup hoc oculis subiciemus.

Концентрическая схема четырех стихий и «квинтэссенции» – семи планетных сфер и звездной тверди. Фрагмент миниатюры из рукописи «Драгматикон» Гильома Коншского. 1170-е годы. Монпелье. Межуниверситетская библиотека

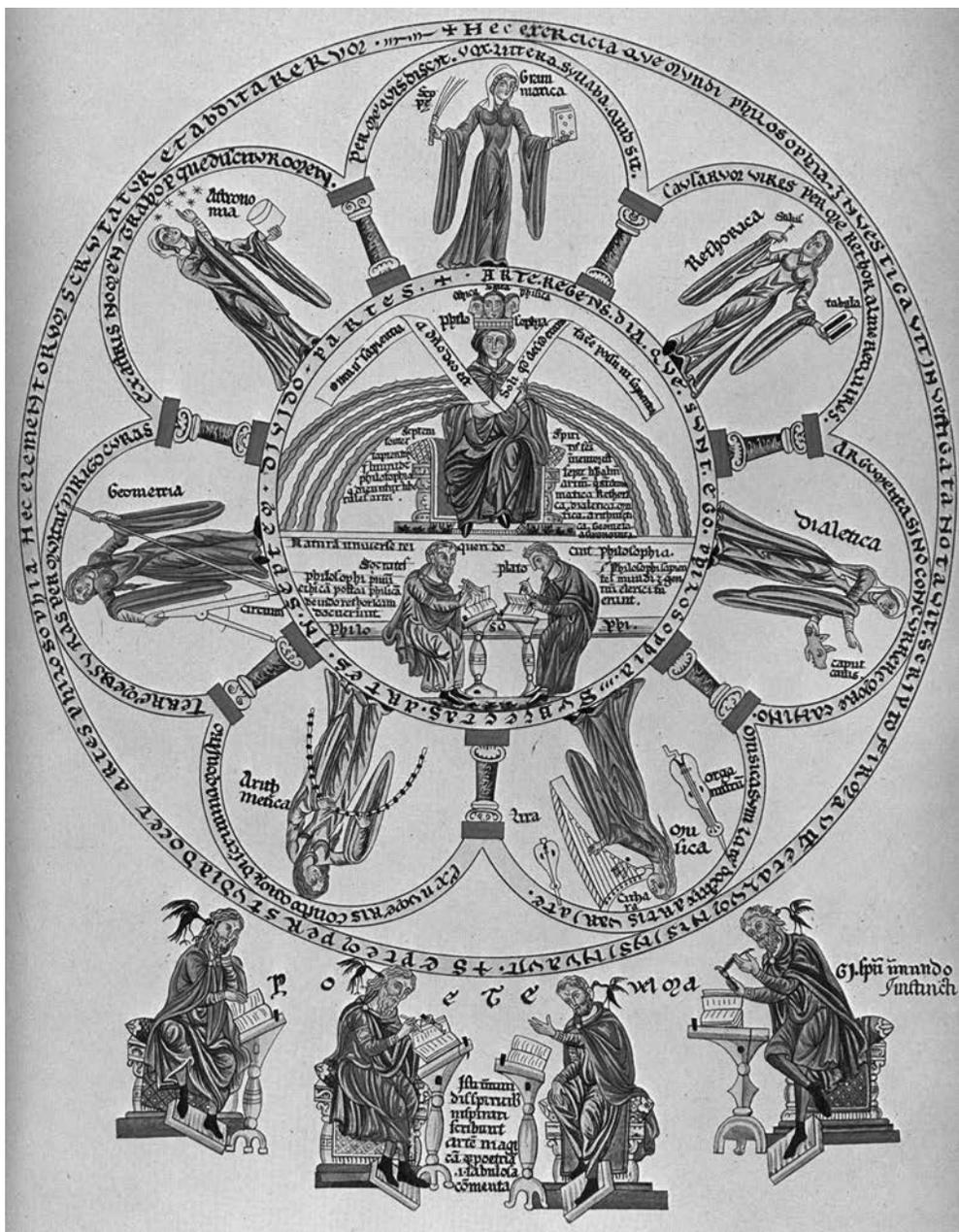

Схема наук. В нижнем регистре «поэты-чародеи». Геррада Ландсбергская. «Сад наслаждений». Реконструкция рукописи конца XII в. по калькам XIX в.

ISBN 978-5-02-040000-9

9 785020 400009